

АЛЕКСЕЕВ А.Н.

**ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АУТОРЕФЛЕКСИЯ**

Из неопубликованных глав

Том 2/2

СПб. 2013

Содержание томов 1 - 3 ¹

ТОМ 1

= Эскиз предисловия: Из истории написания книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия». Краткое пояснение к новому проекту.

Часть 1

1. ОПЫТ ИЗЫСКАНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ
2. ЧЕЛОВЕК, ЕГО РАБОТА И ЖИЗНЬ НА БАМЕ
3. ОБРАЗ ЖИЗНИ, ЖИЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС И СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
4. СОЦИОЛОГИЯ И ТЕАТР
5. ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ или НАСКОЛЬКО ПРАВОМЕРНО «ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ» ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ
6. ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУГОМ

Часть 2

7. УЧИТЕЛЯ ЖИЗНИ: А. ШВЕЙЦЕР, А.А. УХТОМСКИЙ, А.А. ЛЮБИЩЕВ (триптих)

Часть 3

= Вместо предисловия к части 3: СУДИ СЕБЯ САМ (ауторефлексия 1991 г.)

8. ДУРНОЙ ШЕСТИДЕСЯТНИК (Комсомольская журналистика. 1957–1963)
9. ЭКЗАМЕН НА ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ (Партийная журналистика. 1964-1965)
10. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Массовая коммуникация. 1966-1975)

¹ Настоящее оглавление является укрупненным и не отражает разделов и подразделов внутри глав. Детализированное содержание тома 2 см. ниже, а также – по главам - в начале всякой главы. - А. А. Июль 2013.

11. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Контент-анализ. 1970-1975)

12. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Участие в проекте «Человек и его работа – 1976»)

13. ПРОФЕССИЯ: СОЦИОЛОГ (Общественные движения и новая пресса России. 1989-1999)

14. РАЗНОЕ

Приложения к тому 1

= План-проспект рукописи «Драматическая социология и социологическая авторефлексия» (1999-2001)

= Послесловие: Из автопрезентации тома 1

ТОМ 2/1

Глава без №. АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ ТОМА 1

= От автора – сегодня. Предуведомление к главам 15-17

15. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (начало)

16. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (продолжение – 1)

17. ЗАСЛУЖЕННЫЕ СОБЕСЕДНИКИ (продолжение – 2)

18. СУБЪЕКТЫ САМОСТОЯНИЯ

Приложения к тому 2/1

= Седьмая глава: несколько вступительных слов ко 2-й части "Выхода из мертвой зоны"

= Театр и публика. Современный отклик на труды 30-летней давности

ТОМ 2/2

Часть 1

19. СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИ: РЕТРОСПЕКЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, РЕФЛЕКСИЯ

Часть 2

20. КОРНИ И ВЕТВИ (Аносовы-Пузановы. XIX-XXI век)

21. КОРНИ И ВЕТВИ (Семейная хроника Зинаиды Вахарловской)

22. ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС. ДНЕВНИК И ПИСЬМО КАК СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Часть 3

23. О НАБЛЮДАЮЩЕМ УЧАСТИИ И ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

24. ДИСКУССИЯ ЧЕРЕЗ ОКЕАН (О нарративной идентичности, о жизненном выборе, о натурном эксперименте)

Приложения к тому 2/2

= Генеалогические деревья: Сабакины, Аносовы, Пузановы

= «Все мы родственники...» (народная генеалогия)

= Эвристичный сон

ТОМ 3

Часть 1

25. А. АЛЕКСЕЕВ, Р. ЛЕНЧОВСКИЙ. «ПРОФЕССИЯ – СОЦИОЛОГ...»: АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ

26. «ЛИЧНОСТНОЕ НАУКОВЕДЕНИЕ» (История социологии «в лицах»)

27. ИЗ ЖИЗНИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА (2007-2012)

28. ДЕЛА МЕМОРИАЛЬСКИЕ

Часть 2

29. «ПУСТЬ ДОКАЖЕТ, ЗАЧЕМ ЕЙ ЭТО НАДО!..» (История одного судебного процесса)

30. НАШ ЗАУРЯДНЫЙ / НЕЗАУРЯДНЫЙ СЛУЧАЙ (Дело Егора Новиковского)

31. ДЕРЕВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ (Дело ветерана Великой отечественной войны Желябужского)

Часть 3

32. «ВАС СНИМАЕТ СКРЫТАЯ КАМЕРА ИСТОРИИ...» (2011-2012)

33. ИЗ КОЛОНКИ А. АЛЕКСЕЕВА НА КОГИТА.РУ (2012 - ...)

Приложения к тому 3

= «Сезам, отворись!»

= Вместо заключения: продолжение следует?!

(Том 3 пока в проекте; возможны изменения)

**

Принятые сокращения:

ДСиСА – 1 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003

ДСиСА – 2 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003

ДСиСА – 3 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2005

ДСиСА – 4 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2005

Из неопубликованных глав. Том 1 : Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1. Электронное издание. 2012

Все вышеуказанные тома см. в Сети: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

ПС-1 : [Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Том 1. СПб.: Норма, 2010.](#)

ПС-2 : [Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Том 2. СПб.: Норма, 2010.](#)

ПС-3 : [Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Том 1. СПб.: Норма, 2010.](#)

ПС-4 : [Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Том 4. СПб.: Норма, 2010.](#)

Все вышеуказанные тома в Сети см. : <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>

+++

Содержание тома 2/2

= Предуведомление к тому 2/2 (с. 9)

ЧАСТЬ 1

Глава 19. СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИ: РЕТРОСПЕКЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, РЕФЛЕКСИЯ (с. 14)

19.1. ОТ СИНКРЕТИЗМА – ЧЕРЕЗ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ – К СИНТЕЗУ (авт. – А. Алексеев)

19.2. ГУМАНИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ? (БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ) (авт. – А. Алексеев)

19.3. ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА МИНУВШИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ... (авт. – Б. Фирсов; С. Рапопорт; В. Ядов; В. Чеснокова)

19.4. «ПО МЕРЕ СОЗРЕВАНИЯ НРАВСТВЕННАЯ КОНФРОНТАЦИЯ СТАНОВИТСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ» (авт. – А. Алексеев, О. Божков, Г. Саганенко, Л. Кесельман, Д. Шалин)

19.5. ИСТОРИЯ В ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ В ИСТОРИИ (о Б.М. Фирсове)

19.6. НЕЗАВИСИМОСТЬ В МЫСЛЯХ, В ПОВЕДЕНИИ, В НАУКЕ (о Ю.А. Леваде)

19.7. СОЦИОЛОГИЯ ПУБЛИЧНАЯ – ЗНАЧИТ ОТКРЫТАЯ (авт. – А. Алексеев)

Ремарки

- «Брутальный пример» и «моделирующая ситуация» (раздел 19.3); Феномен «советской социологии» (19.3); Публичная социология как вектор развития? (19.7)

ЧАСТЬ 2

Предисловие к части 2 (с. 70)

Глава 20. КОРНИ И ВЕТВИ (Аносовы-Пузановы. XIX-XXI век) (с. 73)

20.1. КОРОТКА МОЯ ПАМЯТЬ... (О МОИХ РОДИТЕЛЯХ – ДЛЯ МОЕЙ ДОЧЕРИ) (авт. – А. Алексеев)

20.2. ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

20.2.1. Творец русского булата (авт. – Н. Косиков)

20.2.2. Краеведы Златоуста в поисках потомков П.П. Аносова (авт. – А. Козлов)

20.2.3. Изобретатель "огненных машин" Л.Ф. Сабакин
(авт. А. Козлов)

20.2.4. Праправнук П. П. Аносова – в поисках своей
прабабушки (авт. – А. Алексеев)

20.2.5. Историко-генеалогические раскопки продолжаются
(авт. – А. Козлов; А. Алексеев)

20.2.6. Две судьбы: Пушкин и Аносов (А. Козлов)

20.2.7. «Деятельная и полезная жизнь...». Из «Сына
Отечества», 1851 г.

20.2.8. Аносовы – Пузановы: соединение
генеалогических деревьев (авт. – И. Яковлева; Е. Заблоцкий)

20.2.9. Там, за Нарвской заставой... (Из истории
автомобилизма в России) (авт. – С. Кирилец и И. Яковлева)

20.2.10. В начале было слово... (Ольга Новиковская)
(авт. – О. Новиковская)

20.3. «Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ О СВОИХ СЕМЕЙНЫХ КОРНЯХ...» (авт. –
И. Новиковский)

Ремарки

- Родословная (поколенная роспись) Аносовых (раздел 20.2.8); От деда – к
внуку (20.3); Послесловие к семейной истории (20.3)

Глава 21. КОРНИ И ВЕТВИ (Семейная хроника Зинаиды Вахарловской) (с. 164)

21.1. О МОЕЙ МАТЕРИ, О МОИХ РОДСТВЕННИКАХ И О СЕБЕ САМОЙ
(Семейная хроника. Приложение к воспоминаниям моего отца
«Семейный альбом Вахарловских») (авт. – З. Вахарловская)

21.2. ТО, ЧЕГО НИКТО ЗА ТЕБЯ НЕ СДЕЛАЕТ...

Ремарки

- Те, кто уже ушел (раздел 21.1)

Глава 22. ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС. ДНЕВНИК И ПИСЬМО КАК СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ (с. 199)

22.1. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АКТ ОБЩЕНИЯ, ОТОБРАЖЕНИЕ
РЕАЛЬНОСТИ И ИЗЪЯВЛЕНИЕ СЕБЯ (ЗАМЕТКИ ОБ «ЭСТАФЕТЕ ПАМЯТИ»)
(авт. – А. Алексеев)

22.2. ДНЕВНИК И ПИСЬМО КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(авт. – А. Алексеев)

Ремарки

- «Площадки» и «поляны» А. Алексеева (раздел 22.1)

ЧАСТЬ 3

Вместо предисловия к части 3

Глава 23. О НАБЛЮДАЮЩЕМ УЧАСТИИ И ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (с. 246)

23.1. ТЕМАТИЗИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

23.2. «НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ» И ЕГО СИНОНИМЫ (авт. – А. Алексеев)

Ремарки

- Еще два тома «...из неопубликованных глав» (раздел 23.1)

Глава 24. ДИСКУССИЯ ЧЕРЕЗ ОКЕАН (О нарративной идентичности, о жизненном выборе, о натурном эксперименте) (с. 264)

Несколько вступительных слов

24.1. Д. ШАЛИН. В ПОИСКАХ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: К ДИАЛОГУ АНДРЕЯ АЛЕКСЕЕВА И ДМИТРИЯ ШАЛИНА

24.2. А. АЛЕКСЕЕВ. НА СТЫКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ (ЧИТАЯ ДМИТРИЯ ШАЛИНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА)

24.3. А. АЛЕКСЕЕВ. 30 ЛЕТ «В СТРОЮ» (МОЕ ЧЛЕНСТВО В КПСС)

24.4. Б. ДОКТОРОВ: ДИСКУССИЯ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

24.5. Д. ШАЛИН. ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ НАТУРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА: ОТВЕТ АНДРЕЮ АЛЕКСЕЕВУ

24.6. А. АЛЕКСЕЕВ. ЗАЩИТА НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТНИКА

Вместо эпилога

Приложения к тому 2/2 (с. 314)

Приложение 1. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ДЕРЕВА: САБАКИНЫ, АНОСОВЫ, ПУЗАНОВЫ

Приложение 2. «ВСЕ МЫ РОДСТВЕННИКИ...» (НАРОДНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ)

Приложение 3. ЭВРИСТИЧНЫЙ СОН

+++

**Предупреждение к тому 2/2 электронного издания:
Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия.
Из неопубликованных глав**

Сразу оговорим, что разделение тома 2 названной книги на два «полутома» - 2/1 и 2/2 - является чисто техническим: чтобы не «засовывать» слишком большой объем в один файл.

Основной замысел, жанр и формат этого электронного издания были объяснены в «эскизе предисловия», открывавшем том 1. Том 2/1 – не нуждался в подобном предупреждении, поскольку сама по себе открывавшая его «глава без №» (составленная из множества автоаннотаций к предшествующему тому) выполняла эту роль.

Сейчас же представляется уместным напомнить, откуда, как и для чего возникло настоящее произведение. Что проще всего осуществить, воспроизведя (в сокращении) упомянутый Эскиз предисловия (краткое пояснение к новому проекту).

Итак, читайте: «Из истории написания и издания книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».

А. Алексеев. Август 2013

Эскиз предисловия

**Из истории написания и издания книги
«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».
Краткое пояснение к новому проекту**

Самый первый опыт подготовки рукописи, посвященной «эксперименту социолога-рабочего» и смежным сюжетам, относится к 1989-1990 гг. Собственно, с этого начиналась работа автора этих строк в Ленинградском филиале Института социологии АН СССР, образовавшегося в августе 1989 г. Автор тогда вернулся к штатной работе в академическом научном учреждении после почти 9-летнего пребывания на заводе в качестве слесаря механосборочных работ и т. п.

Рукопись являла собой слабо упорядоченное собрание никак не откомментированных «полевых» документов case-study (дневников, писем, отчетов). Вошла в нее и статья «Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии)», являвшая собой сокращенный вариант работы еще 1983 г, опубликованной однако только в 1989-м (сборник «Новое политическое мышление в процессе демократизации». М.: Наука, 1989).

Та рукопись называлась «Познание через действие». Она не удовлетворяла автора настолько, что он не сумел написать предисловие и попросил об этом В.А. Ядова, что тот и выполнил, впоследствии использовав этот текст в качестве рецензии на появившуюся несколько лет спустя книгу.

Рукопись довольно долго лежала в редакционно-издательском отделе Института социологии РАН. Ее издание откладывалось по разным причинам. Чем автор воспользовался для ее существенной переработки, а по существу для подготовки новой рукописи, хоть и воспроизводящей общий замысел и композицию первой, однако содержащей уже отчасти отрефлексированный свод «человеческих документов» и рабочих материалов проведенного изыскания.

Это произведение в конце концов увидело свет, под названием «Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)» в 1997 г.²

² Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)» Кн. 1-2. М. СПбФ Института социологии РАН, 1997. - 658 с. Структура книги:

Одновременно (чуть раньше, чуть позже) отдельные фрагменты этой книги публиковались в виде брошюры «Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие)» (СПб: СПб филиал Института социологии РАН, 1997), а также в журналах «Мир России» (1998, № 1/2) и «Звезда» (1998, № 10).

Книга «Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего)» была посвящена в основном (хотя и не исключительно) производственной жизни изнутри, «глазами рабочего» и лишь вскользь затрагивала тему политического «дела» в отношении «социолога-испытателя», развернувшегося в середине 1980-х гг., а также общественно-политический, социальный, научно-профессиональный контексты всех этих событий. Практически сразу после выхода книги в свет автор приступил к подготовке второго, дополненного издания, что вскоре превратилось в совершенно новое произведение (впрочем, включавшее в себя первое).

Новая рукопись пополнилась широким кругом новых материалов и источников, а по размерам превысила «Драматическую социологию» 1997 г. в несколько раз.

В итоге возник объемный (примерно на 3,5 тыс. компьютерных страниц) труд под названием «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» с многосложной структурой: в 3-х томах, причем первый том – из 2-х частей, каждая из которых – из двух книжек, по объему равных любому из томов 2 и 3.

Приведу здесь эту структуру (версия 1999-2001 гг.):

А. Алексеев

Драматическая социология и социологическая ауторефлексия

Том 1. Выход из мертвой зоны (главы 1-7)

Часть 1. Приключения социолога-наладчика

Книжка 1. В поисках жанра

Книжка 2. Контрапункты

Часть 2. Седьмая глава

Книжка 3. Контекст

Книжка 4. Нерепрезентативная выборка

Том 2. Полигон (главы 8-16)

Том 3. Суди себя сам (главы 17-24) ³

Сейчас оставим в стороне и циклопичность этого «сооружения», и диспропорцию (несоразмерность) его частей, да и многие другие изъяны указанной рукописи, впрочем, относительно завершенной и являвшей собой развернутый черновик будущих изданий. ⁴

Далее, была предпринята попытка пилотного издания одной, а именно - 6-й главы, входившей в книжку 1 тома 1 («Контрапункты»). Эта глава называлась: «Год Оруэлла». Именно под таким названием она была издана в 2001 году (СПб.: Ступени, 2001.), в виде отдельной книги.

Предисловие. К вопросу о "нормальной" и "ненормальной" социологии. 1996; Часть 1-я. "Ожидаете ли Вы перемен?". 1978-1980; Часть 2-я. Театр жизни на заводских подмостках. 1980-1981; Часть 3-я. Социология, театр, политика. 1981-1983; Часть 4-я. Включенное наблюдение. Наблюдающее участие. 1982; Часть 5-я. Образ жизни и жизненный процесс. 1981-1983; Часть 6-я. Человек в системе реальных производственных отношений. 1983-1985. Часть 7-я. Хозяйственный механизм глазами рабочего. 1985-1986; Часть 8-я. Люди и социальные институты. 1983-1987; Часть 9-я. "Перемен не надо ждать. Их надо делать!". 1985-1988; Часть 10-я. Версии (Эксперимент социолога-рабочего с разных точек зрения). 1982-1996; Вместо эпилога: Гражданская защита..

³ Детализированное оглавление указанной рукописи см. в Приложении к тому 1 «...из неопубликованных глав».

⁴ Рукопись была набрана еще в формате старинного Лексикона. Впоследствии понадобилось конвертировать ее в Windows и Ворд.

(Следует оговорить, что тиражи всех этих изданий – и 1997 г., и 2001 г. – были мизерные: несколько сотен экз.).

Что касается всех частей и разделов книги, то было ясно, что издание рукописи такого объема немыслимо. Обратившись в Фонд фундаментальных исследований за финансовой поддержкой, автор эту поддержку получил, последовательно - в 2002 и в 2005 гг. Итогом двух издательских проектов РФФИ явился выход в свет 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (СПб.: Норма, 2003-2005). Однако все 4 тома вместили в себя едва ли половину материалов первоначальной рукописи 1999-2001 гг. (впрочем, вошло в них и многое, чего в этой ранней версии не было).⁵

Значительная часть материалов, поначалу предназначавшихся автором для включения в книгу, осталась «за бортом». В основном - по технологическим и финансовым соображениям. Да и о читателе стоило подумать: все это «многокнижие» было явно неподъемно для нормального читательского восприятия.

Разумеется, вынужденный отказ от некоторых сюжетов (или от поворотов единого сюжета) потребовал ряда структурных изменений (по сравнению с исходной рукописью), и это было тогда предпринято – ради обеспечения целостности опубликованного произведения.

Прошло еще 7 лет. Не вместившиеся в 4-томную «Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию» главы лежали втуне. Некоторые тексты удалось разместить в Интернете⁶, некоторые публиковались ранее, но в сборниках, ставших библиографической редкостью. А кое-что и вообще оставалось в «дальнем архиве». Пока автор не стал приводить в порядок этот свой, поначалу – только электронный, архив и не убедился, что многое из того, от чего тогда пришлось отказаться, и сегодня не устарело и, будучи поставлено в актуальный контекст, может представить интерес для современного профессионального или даже массового читателя.

Так возник новый проект. И название придумалось: **«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав».**

Лучшим способом упорядочения материала оказалось не механическое извлечение из первоначальной рукописи неопубликованных кусков, а их тематическая и хронологическая группировка и выстраивание в новой логике, результаты чего отражены в вышеприведенном укрупненном оглавлении.

Само по себе это оглавление достаточно компактно и прозрачно, так что воздержусь от комментирования порядка и содержания отдельных глав. Замечу лишь, что можно говорить о своего рода «продолжении» известного 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», наращивания его еще двумя томами (1 и 2), вобравшими в себя все не вошедшие туда главы и разделы рукописи 1999-2001 гг.

При этом сохраняются: подача, «дизайн», вся стилистика «Драматической социологии...». Это по-прежнему документы - личные, деловые, научные, иногда первопубликации, иногда публиковавшиеся ранее, но в других контекстах, более или менее скупо комментируемые («От автора - сегодня», «вкратце», «справка», «ремарка»...). По-прежнему композиция (что после чего и в каком сочетании) несет максимальную смысловую нагрузку, приглашая читателя к собственным интерпретациям.

Том 1 настоящего 3-томника состоит из трех частей. Первая включает главы, являющие собой относительно автономные социологические сюжеты, извлеченные из рукописи 1999-2001 гг. (Личность; БАМ; Театр; Письма; и др.). Вторая часть объемлет

⁵ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005. В дальнейшем будут использоваться сокращенные обозначения: ДСиСА – 1; ДСиСА – 2; ДСиСА – 3; ДСиСА – 4. Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>.

⁶ В частности, на сайте американо-российского проекта «Международная биографическая инициатива» (<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>)

одну главу – триптих, посвященный А. Швейцеру, А.А. Ухтомскому и А.А. Любичеву. Третья предъясняет ретроспективу профессиональной биографии автора за 50 с лишним лет – сначала журналиста, а потом социолога.

Том 2 включает тексты, так или иначе презентующие коллег и друзей автора - «заслуженных им» собеседников (если воспользоваться терминологией А. Ухтомского). В основном они извлечены из той части рукописи 1999-2001 гг., которая называлась «Седьмая глава» (мотивы и принципы формирования этой своеобразной антологии пояснены в специальном тексте, предваряющем эту главу). В этот же том вошли две семейных хроники – автора и его супруги – Зинаиды Вахарловской.

Сейчас в томах 1 и 2 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии. Из неопубликованных глав» представлены практически ВСЕ материалы первоначальной версии 1999-2001 гг., не вошедшие в издание 2003-2005 гг. Однако они по-новому скомпонованы и аранжированы. Кое-что добавлено, но не так уж много. И факт позднейшей «добавки» всюду оговорен.⁷

Как правило, новое издание не содержит текстов, фигурировавших ранее в томах 1-4 «Драматической социологии и социологической ауторефлексии». Однако иногда, в интересах целостности восприятия сюжета соответствующей главы, автор разрешал себе эпизодические повторы. (Во всех случаях это специально оговорено).

Особняком в этом ряду стоит том 3. В него включены материалы, попросту еще не существовавшие к началу 2000-х гг., т. е. тексты последнего десятилетия. Тем самым устанавливается своего рода «мост» - между вчера и сегодня. Между «драматической социологией» прошлого века и не менее драматичной современностью.

Все более подробные пояснения к структуре и содержанию «дополнительных» 3-х томов «Драматической социологии...» будут даны в своем месте, позже.

Теперь о перспективе издания настоящего 3-томника. В свое время автор не слишком задумывался, как он будет издавать свою гигантскую рукопись, но он ее готовил, «как Бог на душу положит», и вроде не ошибся. Пусть не полностью, и изрядно перекроенная, она увидела свет.

Тем более, автор, в 2003-2005 гг., не мог предполагать, что пять лет спустя окажется написан, на совершенно новом материале, и даже издан (я бы сказал: «методом народной стройки», при поддержке друзей и соавторов) наш с Романом Ленчовским 4-томник «Профессия – социолог...».⁸ Тоже, кстати сказать, своего рода продолжение «Драматической социологии...». Ну, если угодно, ствол «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» раздвоился: одна крупная ветвь – «Профессия – социолог...», другая – нынешнее «Из неопубликованных глав...».

И все-таки, каковы шансы на издание этих трех томов? В «бумажном» виде – эти шансы крайне малы, разве что когда-нибудь, далеко потом... Но сегодня, в век Интернета и электронных изданий, так ли уж нужно бумажное издание?

Автор в свое время позаботился о том, чтобы электронные версии pdf как «Драматической социологии...» 2003-2005 гг., так и «Профессии – социолог...» 2010 г. в удобном для обозрения и копирования виде были размещены на достаточно широко известных и посещаемых сайтах (порталах).⁹ Так же и «Драматическая социология и

⁷ Итак, то, что «не вмещалось» в издание «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» 2003-2005 гг. (будь то по соображениям места, будь то по соображениям «уместности» в тогдашнем издании), как бы «вылежавшись» или «отстоявшись», пошло в дело. Получилось своего рода «безотходное производство».

⁸ Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010. В дальнейшем будут использоваться сокращенные обозначения: П-С – 1; П-С – 2; П-С – 3; П-С – 4.

⁹ «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» - на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216> . См. также на сайте Киевского международного института социологии: <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>.

социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав» будет доступна заинтересованному читателю через интернет. Конечно, электронные версии тоже не вечны. «если рукописи «не горят», то и сетевые публикации сохраняются, хотя бы за счет скачивания и мультипликации.

Стало быть, надо лишь постараться, чтобы конечный продукт был качественным и хорошо упакован. Чем и занимался автор этих строк в последнее время, готовя к электронному изданию предлагаемые вниманию читателя тома. <...>

А. Алексеев. Июль-август 2012.

+++

«Профессия – социолог...» - на сайте «Международная биографическая инициатива»: Том 1 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_1.pdf ; Том 2 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_2.pdf; Том 3 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_3.pdf ; Том 4 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_4.pdf .

ЧАСТЬ 1

Глава 19

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИ: РЕТРОСПЕКЦИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, РЕФЛЕКСИЯ

Содержание главы 19

19.1. ОТ СИНКРЕТИЗМА – ЧЕРЕЗ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ – К СИНТЕЗУ (авт. – А. Алексеев)

19.2. ГУМАНИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ? (БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ) (авт. – А. Алексеев)

19.3. ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА МИНУВШИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ... (авт. – Б. Фирсов; С. Рапопорт; В. Ядов; В. Чеснокова)

19.4. «ПО МЕРЕ СОЗРЕВАНИЯ НРАВСТВЕННАЯ КОНФРОНТАЦИЯ СТАНОВИТСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ» (авт. – А. Алексеев, О. Божков, Г. Саганенко, Л. Кесельман, Д. Шалин)

19.5. ИСТОРИЯ В ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ В ИСТОРИИ (о Б.М. Фирсове)

19.6. НЕЗАВИСИМОСТЬ В МЫСЛЯХ, В ПОВЕДЕНИИ, В НАУКЕ (о Ю.А. Леваде)

19.7. СОЦИОЛОГИЯ ПУБЛИЧНАЯ – ЗНАЧИТ ОТКРЫТАЯ (авт. – А. Алексеев)

Ремарки

- «Брутальный пример» и «моделирующая ситуация» (раздел 19.3); Феномен «советской социологии» (19.3); Публичная социология как вектор развития? (19.7)

**

19.1. ОТ СИНКРЕТИЗМА — ЧЕРЕЗ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ — К СИНТЕЗУ

Об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания ¹⁰

¹⁰ Настоящий текст публиковался в: XVIII Люблинские чтения. Современные проблемы эволюции. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет. 2004.

Здесь воспроизводится обновленная версия этой работы: Алексеев А.Н. От синкретизма – через дифференциацию - к синтезу (об эпистемологической структуре и логике развития социологического знания // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004, № 6). (Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content12012582035821file.pdf)

Эта работа посвящается памяти моего покойного друга Сергея Михайловича Розета (1940-1994). А. А.

“...Для беглой оценки того, развивается ли наука или не развивается, как раз отсутствие кризисов является подозрительным, и если такое “благополучное” состояние длится слишком долго, можно почти без ошибки сказать, что наука пришла в состояние догматического застоя”.

Любищев А.А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб.: Алетейя, 2000, с. 96

1. Первоначальная версия этой работы была подготовлена несколько лет назад и уже публиковалась мною [1; 2]. Речь там шла о соотношении разных теоретико-познавательных подходов к изучению человека и общества. (Эти подходы иногда называют “парадигмами”, говорят также о “парадигмальном кризисе” в социологии).

Однако в предыдущих публикациях автору никак не удавалось найти точного терминологического определения для пары конкурирующих в современной социологической науке эпистемологических “парадигм”. Поэтому вернусь к этой теме, не просто развивая ее, но и отказавшись от прежних “рабочих” названий: “объективная” и “субъективная” социологии, — и заменив их на иные, вполне, как я считаю, адекватные предмету обсуждения, а именно: *субъект-объектный* и *субъект-субъектный* эпистемологические подходы (способы познания) в социологии.

Эта пара терминов, так сказать, витала в воздухе, но первым ее употребил (в связке) мой, ныне покойный, друг, петербургский социолог С.М. Розет (1940-1994). И для прояснения сути дела, и для подтверждения приоритета коллеги — приведу пространную цитату из его работы 1992 г.:

“Социальное познание в мире подавления и отчуждения субъектности было субъект-объектным. “Исследователь”, как потенциальный советник истеблишмента (на Западе) или номенклатуры (у нас), отчуждал субъектность от “Исследуемого” и от совокупности “Исследуемых”, превращая и его, и совокупность в социальный объект, объект исследования, управления, планирования и проектирования.

Опредмечивание “Исследуемого” связано с опредмечиванием “Исследователя”, с выведением его за счет присвоенной чужой субъектности из нормальной человеческой позиции в сверхчеловеческую (в сущности, объектную), как носителя и обладателя “Объективной истины” и “Научного метода”, с установлением вертикальных отношений между этими двумя людьми. Но если для “Исследуемого” подвергнуться исследованию — это неприятный эпизод, приносящий незначительный ущерб, то для “Исследователя”, профессионально вовлеченного в эту гносеологическую ситуацию и вынужденного идентифицировать себя с “Методом”, “Истиной”, сверхчеловеческой позицией, ущерб от объективации может быть значительным, вплоть до обеднения или атрофии личностного, ценностного, эмотивного начала.

В данной работе мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания. Субъект-субъектное познание может быть только равноправным диалогом

Как явствует из датировок, в рукопись книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) данная работа, как таковая, не входила. Однако, основные идеи ее были представлены еще раньше - в монографии: Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.

Соответствующий раздел - «К вопросу о «нормальной» и «ненормальной» социологии» - был также воспроизведен из монографии 1997 г. как в рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия (1999-2001), так и в ДСиСА – 4 (Глава 23). - А. А. Июль 2013].

“Исследуемого” и “Исследователя” по поводу темы исследования, без монополии на “объективную истину” у сторон.

...В рамках субъект-субъектной методологии опросный лист представляет собой аспект сюжета жизненного пути респондента. Сам сюжет представляет собой индивидуальные способы разрешения конфликтов, и построения отношений сотрудничества. Сюжет неразрывно связан с именем респондента, но в некоторых отношениях может быть типологизирован по сюжетному сходству или вовлеченности в межиндивидуальный или надиндивидуальный (групповой) сюжет. Респондент превращается в собеседника “Исследователя”, по возможности заинтересованного в теме исследования и становится автором версии конфликта и соавтором исследования...” [3, с. 553-555].

Интересно, как при этом формулирует мой коллега свое отношение к альтернативной социологической “парадигме”:

“...Несмотря на критический пафос приведенных обоснований, предполагаемый конфликтологический подход лишь очерчивает область субъект-субъектного познания, оставляя субъект-объектному познанию адекватную ему реальность” [3, с. 555].

Все это писано без особой теоретической амбиции, в применении к конкретному предмету исследования (социальные конфликты в новых российских условиях), но нетрудно заметить и фундаментальность выдвинутой гносеологической дилеммы.

Глубинные концептуальные корни заявленной тогда С.М. Розетом методологической позиции могут быть обнаружены не только в рамках социологической науки как таковой (о чем ниже), но и в мирожизненных, философских размышлениях А.А. Ухтомского о “доминанте на лицо другого” и о потенциальном (актуальном?) “тождестве субъект-объекта” [см. 4; 5], и в философии А. Швейцера, трактовавшего “знание как переживание мира” и постулировавшего “внутреннюю связь” познающего субъекта с миром [см. 6], и в теории познания М. Полани, где главный акцент делается на “личном участии” исследователя и его “самоотдаче” в ходе постижения реальности [см. 7], и в постановке П. Сорокиным, в конце жизни, вопроса о “действительной идентификации познающего и познаваемого” [см. 8].

А теперь — обратимся собственно к предмету нашего обсуждения, обозначенному в названии настоящей работы.

2. Общую логику развития научного знания можно усмотреть в движении *от синкретизма через дифференциацию к интеграции и синтезу*. Эта логика универсальна, однако она специфицируется в каждой из ветвей “древа познания”, будь то естественно-научное, формально-абстрактное или социально-гуманитарное знание (и отношения между ними), будь то отдельные научные отрасли и дисциплины.

В частности, история социологии, конституировавшейся в качестве научной дисциплины и социального института немногим более 100 лет назад, эту логику подтверждает. Хотя историческое время для реализации указанной закономерности тут было поменьше, чем для других не столь “молодых” наук.

Другим общим для науки в целом, равно как и для отдельных ее отраслей, законом развития полагается, согласно Т. Куну, движение *от допарадигмального* (эклетичного) состояния к *нормальной* науке, в которой устанавливается господство определенной парадигмы (или “дисциплинарной матрицы”), как системы теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решаемых научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества. Далее, в недрах такой науки, под воздействием как внутри-, так и вненаучных (социокультурных) факторов, вызревает новая парадигма, с существенно большими познавательными возможностями, которая в конце концов, в итоге *научной революции*, становится общепризнанной [См. 9; 10].

Эту логику развития, убедительно подтверждаемую историей естественных наук, иногда слишком поспешно экстраполируют на науки социально-гуманитарного профиля, динамика которых вовсе не обязательно укладывается в антикумулятивную историко-научную модель.

Так, в истории развития социологической науки мы сегодня как будто наблюдаем (переживаем) период смены дисциплинарной матрицы. Вроде бы, существенно обветшали

устой “классической” (структурно-функционалистской и позитивистской по преимуществу) социологии, при все большем выдвигании на передний план идеалов и норм социологии “неклассической” (“экстраординарная наука”, по Т. Куну). Эту последнюю иногда определяют как *качественную* (в отличие от количественной), как *индивидо-* или *антропоцентричную* (в отличие от социоцентричной), как *микросоциологию* (в отличие от макросоциологических подходов), как использующую “мягкие” или “гибкие” методы (в отличие от “жестких” и строгих), как *интерпретативную* (в отличие от аналитической или дискурсивной), как гуманитарную или *гуманистическую* (в отличие от сциентистской?) — некоторые из наименований уже приобрели терминологический статус [11; 12].

Решительное наступление этой новой парадигмы, началось в мировой социологии еще в 60-х гг. прошлого века, а в отечественной — с отставанием по фазе примерно на четверть века. Что сопровождалось поначалу (и на Западе, и у нас) крайне острой идейно-научной полемикой между поборниками “нормальной” и “не нормальной” социологии (например, в России: [13; 14; 15]).

Сейчас, научные страсти вроде поутихли. Пожалуй, можно сказать, что разные стратегии социологического исследования, сосредотачивающие свое внимание либо на структурных социальных единицах (общностях, институтах), либо на сознании и деятельности “человека живущего” (оппозиция, сформулированная Т. М. Дридзе [16, с. 22]), — относительно мирно сосуществуют. Но, они пока далеки от эффективного сотрудничества.

Автора этих строк, по всей совокупности его личных профессиональных усилий, вероятно, следует отнести к труженикам именно гуманистической, или “качественной” социологии [см., например: 2; 17; 18]. Однако, в качестве такового, я вовсе не считаю, что этой последней следует или суждено вытеснить или поглотить социоцентричную, аналитическую и т. п. социологию.

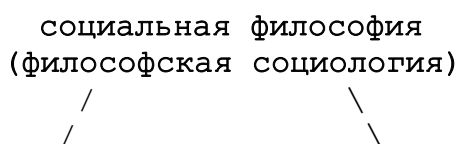
Здесь позволю себе усомниться в ставшей уже привычной трактовке “нестандартной” (включающей в себя феноменологические, акционистские, интуитивистские, конструктивистские и иные “субъектные” социологические подходы) и “стандартной” (“объектной”, по выражению В.В. Ильина [13, с. 16]) социологий как разных “парадигм”. Ибо само по себе понятие *парадигмы*, по крайней мере у Т. Куна, связано с “научными революциями”, предполагающими своего рода парадигмальную инверсию; при этом новая парадигма обычно вбирает в себя старую как “частный случай” (для граничных условий).

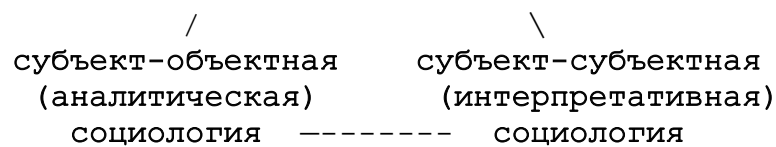
Почему неправомерно, в случае социологии, говорить о “научной революции”, или смене парадигм? Да хотя бы потому, что один способ познания включить в себя другой *не может!* Ибо каждый из них ответствен за свой аспект, срез, круг явлений и процессов социальной реальности.

3. Теперь мы подошли к ключевому пункту нашего рассуждения — вопросу об эпистемологической структуре (структуре — динамической, исторически развивающейся!) социологической науки.

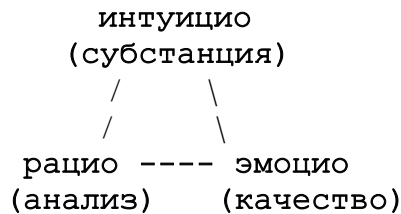
Недостаточность одномерного бинарного подхода, с его оппозициями (да — нет, или — или) для адекватного описания реальности ныне обнаруживается все явственнее. На смену бинарному мышлению приходит и все более утверждается имеющий не менее, к стати, глубокие историко-культурные корни *тернарный* подход.

Опираясь на идеи тринитарной методологии, разрабатываемой Р.Г. Баранцевым [см., например: 19; 20], здесь предложим следующее представление о троичной эпистемологической структуре научного знания о человеке и обществе (= социологии):

Такая структура соотносима с фундаментальным семантическим архетипом, иначе говоря — формулой системной триады [см. 19; 20]:

Предлагаемая эпистемологическая модель, как я считаю, удовлетворяет главному требованию к системной триаде, а именно: требованию **целостности**, при соблюдении принципа “неопределенности — дополнительности — совместности”. Ибо *системными* (целостными) триадами полагаются такие структуры, “единство которых создается тремя элементами одного уровня, каждый из которых может служить мерой совмещения двух других; все три потенциально равноправны” [20, с. 26].

В самом деле. Социология, как некая целостность, системное единство, не может быть сведена ни к рациональному (субъект-объектное познание), ни к эмотивному или чувственному (субъект-субъектное познание), ни к интуитивному (социальная философия) аспектам самим по себе. Уже в синкретизме “донаучных” начал (генезиса) знания о человеке и обществе можно различить все три “корня”, причем социальная философия получила, пожалуй, самое раннее развитие. Так или иначе, ни один из трех названных аспектов не может претендовать на “исключительное положение” или безусловный приоритет перед другими.

Историческое развитие знания об обществе, происходившее, начиная с середины XIX века, под мощным влиянием естественных наук (физика, биология), выдвинуло именно *субъект-объектную* компоненту на первый план. А поскольку это тогда совпало с известным процессом дифференциации наук и становлением социологии как особой научной дисциплины (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм; в том же эпистемологическом ряду — и марксистская социология), названная компонента стала отождествляться со всем социологическим знанием, как его атрибут, а не один из модусов.

Примечательно, однако, что уже в трудах основателей научной социологии XX века (в частности, М. Вебера, еще ярче — у Г. Зиммеля) обнаруживаются предпосылки для позднейшей гуманистической критики структурно-функционального и позитивистского подходов, занявших главенствующее положение в мировой социологии к середине минувшего века. Поначалу не столь интенсивно развивалась *альтернативная* этим подходам интерпретативная социология, истоки которой принято возводить к “символическому интеракционизму” Дж. Мида, а можно поискать их и пораньше (в частности, в “понимающей социологии” Вебера).

Тем не менее, идеи этого альтернативного субъект-объектному социологическому познанию научного движения, ярко воплотились в трудах “чикагской школы” (У. Томас и Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджес; 20 - 30-е гг.), а окончательно теоретически конституировалось это движение уже во второй половине прошлого века — в “феноменологической школе” (А. Шюц; П. Бергер и Т. Лукман).

Методология “case study” (истоки которой лежат еще в XIX веке), методология изучения “историй жизни” (от начала века до наших дней), “франкфуртская школа” (Т. Адорно, Г. Маркузе и др.), “диалектический гиперэмпиризм” Ж. Гурвича, “этнометодология”

Г. Гарфинкеля, “драматургическая социология И. Гофмана, “фигуративная социология” Н. Элиаса, “социология действия А. Турена, “социологическое воображение” Ч. Р. Миллса, “этика дискурса” Ю. Хабермаса, “археология знания” М. Фуко — все эти, *столь разные* социологические школы и направления социальной мысли так или иначе, прямо или косвенно, оказывались в оппозиции той самой “классической” субъект-объектной социологии XX века, к заглавным фигурам и мировым корифеям которой, после Э. Дюркгейма, относятся, например, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Лазарфельд, в известном смысле — Дж. Гэллап.

Как видно, доминировавшая на протяжении почти столетия стратегия социологического исследования, исходящая из эпистемологической предпосылки жесткого разделения (разграничения, оппозиции) познающего субъекта и познаваемой реальности, в интересах объективности (научной беспристрастности, неангажированности, ценностной нейтральности) познания (субъект-объектная социология), в известном смысле даже... “не старше” субъект-субъектной социологии (она же — “деятельностная”, “личностная”, а также интерпретативная или “понимающая”).

Но вот последние десятилетия, как известно, ознаменованы настоящим бумом качественных (“мягких”, “гибких”) методов, пожалуй, претендующих сегодня стать ведущими в практике полевых, эмпирических социологических исследований. Что это — смена парадигмы, в смысле Т. Куна? Думаю, вовсе нет. Скорее — установление (восстановление?) баланса, преодоление известной “однобокости” предыдущих, сциентистских этапов генезиса и развития данной области научного знания (в “классическом” духе).

Обратимся к третьему элементу нашей триады социологического познания. По мысли Ю.Н. Давыдова, *социальная философия* — в узком смысле — может рассматриваться как “раздел общей социологии”, посвященный “осмыслению таких результатов (проблем, антиномий) социологической теории, которые не могут быть “верифицированы” с помощью ее собственных познавательных инструментов” [21, с. 22-23].

Как тонко замечено В.В. Шамшуриным, “социология без социальной философии — безродна, а социальная философия без социологии — бесплодна” [22, с. 68-69]. Однако социальная философия (она же — по существу философская социология!), в отличие от двух заведомо социологических теоретико-познавательных “парадигм”, пока как бы не вмешивается в их спор и соперничество (занимаясь по преимуществу “сугубо своими” — мироотношенческими и смысложизненными вопросами).

Между тем, как мне представляется, именно социальной философии (до сих пор “не опознанной” в качестве элемента системной триады социологического знания, как такового) скорее всего и предстоит выступить в качестве “арбитра” и “гаранта” адекватного соотношения (разрешения конфликта, согласования усилий) субъект-субъектной и субъект-объектной “ветвей” социологии.

“В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру со-единения”, — отмечает Р.Г. Баранцев [23, с. 64]. Это важнейшее положение тринитарной методологии заслуживает применения и к эпистемологической структуре социологического познания.

Если попытаться взглянуть на современную ситуацию в социологии как бы со стороны (философически?), и с учетом известной историко-научной ретроспективы, можно, пожалуй, придти к следующему заключению:

— Неравномерная, поочередно интенсивная или опережающая (в пределах отдельно взятого исторического периода), своего рода — *пульсирующая* реализация (и распространение) исследовательских практик, опирающихся на тот либо иной эпистемологический подход (что эмпирически может быть воспринято как “смена парадигмы”, а на самом деле — всего лишь намерившегося “отставания” применений одной относительно другой), является и закономерным и, вместе с тем, “счастливым” обстоятельством развития мировой социологии.

Ибо тем самым обеспечивается нелинейность научного развития, происходит самоорганизация социального знания как динамической и открытой системы.

4. Вернемся к началу нашего рассуждения. Из сказанного можно сделать вывод, что мы являемся свидетелями (участниками?) очередного этапа глобального движения знания о человеке и обществе *от синкретизма через дифференциацию* (а теперь, добавим: и через *плюрализм*, и через *диалог!*) *к синтезу*. Это движение не бесконфликтно, порой — кризисно (что, само по себе, благотворно; вспомним пронизательное замечание А.А. Любищева, вынесенное в эпиграф!). В известном смысле, современное развитие социологии является “нормально-экстраординарным”. Это вовсе НЕ “просто поступательное” движение, с кумулятивным эффектом; но и не “научная революция” (смена парадигмы, когда новая отрицает старую, включая ее в себя как “частный случай” и т. п.).

Здесь уместно указать на уже предпринимаемые теоретические (кстати — социально-философский уровень!) усилия по разработке объединительных (интегральных) подходов к изучению человеческого и социального мира. В центр внимания таких социологических подходов выходит — *взаимодействие человека и общества*, динамическая взаимосвязь социальных структур и социальных акторов. В частности, С. В. Кравченко к разряду объединительных “парадигм” в современной социологии относит: теорию структуриации А. Гидденса, “структуралистский конструктивизм” П. Бурдьё, структурно-деятельностную социологию П. Штомпки [см. 24, с. 200].

А первые попытки такого рода находим еще в 50-х гг. минувшего столетия. Например, Ч. Р. Миллс, который в своей последней работе (1959) формулировал задачу социологии как обеспечение — посредством *социологического воображения*”! — понимания человеком того, “*что происходит в мире и что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории*” [25, с. 16]. И — еще раньше! — Питирим Сорокин выступил со своей интегралистской концепцией знания о социальной реальности.

По мысли П. Сорокина (середина 50-х), “коронная дорога” психосоциального знания состоит в *интеграции трех основных “каналов” или методов познания*: сенсорного восприятия-наблюдения, рассудочной логико-математической мысли и сверхчувственно-сверхрациональной интуиции.

Именно согласованное использование всех указанных каналов “...дает нам знание о всех трех аспектах нашей реальности, тогда как пользование только одним из них обеспечивает знание лишь об одном аспекте. При интегрированном использовании всех трех каналов знание, получаемое через один из них, дополняется и проверяется знанием из других двух каналов,” — писал П. Сорокин в своей (до сих пор не изданной в России книге “Причуды и слабости современной социологии и родственных наук” (1956) [8, с. 122].

В свете всего сказанного, любой из элементов тернарной эпистемологической структуры современной социологии (см. предложенную модель, выше) предстает недостаточным для постижения социальной реальности, как *целого*. Но и без любого из них такое постижение невозможно. Между разными теоретико-познавательными подходами в социологии может и должно быть установлено не только “разделение труда” (сфер интересов, предметных областей), но и отношение *взаимодополнительности*. Это было бы значимым шагом на пути к синтезу.

Подчеркну, что синтеза следует ожидать вовсе не в виде некой “всеобъемлющей” социальной теории, объясняющей “все и вся”; и уж тем более — не в виде нового, “научно-обоснованного” учения-проекта переустройства мира. Вообще, **интегральное** социологическое познание (постижение?), как и всякий синтез, предполагает “единство целого при свободе частей” [23, с. 65].

Если вспомнить одну из фундаментальных триад, сложившихся в истории человечества, то можно метафорически сказать: “тело”, “душа” и “дух” знания о социальном мире должны составить систему — *открытую*, как для взаимопроникновения

(взаимообогащения) своих составных частей, так и для всего универсума человеческого знания.

Литература

1. Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.
2. Алексеев А.Н. К вопросу о “парадигмах” в социологическом знании / Роль фундаментальных социологических исследований в преподавании гуманитарных дисциплин и становлении гражданского общества. Ч. 2. СПб, 1999.
3. Розет С.М. К теории конфликта в социологии / Алексеев А. Н.. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003, с. 553-556.
4. Ухтомский А.А. Письма к Е. И. Бронштейн-Шур / Писатели рассказывают о науке . Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973.
5. Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
6. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.
7. Полани М.. Личностное знание. На пути в посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
8. Сорокин П. Интегральная теория познания социальной реальности // Реальность и субъект, 1998, № 2/3.
9. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
10. Хомич Е. В. Парадигма / Новейший философский словарь. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998.
11. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999.
12. Семенова В.В. Качественные методы; введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
13. Ильин В.В. Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? // СОЦИС, 1996, № 10.
14. Батыгин Г.С., Девятко И. Ф. Миф о “качественной социологии” // Социологический журнал, 1994, № 2.
15. Дридзе Т.М. На пороге эокантропоцентрической социологии // Общественные науки и современность. 1994, № 4.
16. Дридзе Т.М. Эокантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии // СОЦИС, 2000, № 2.
17. Алексеев А.Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: СПбФ ИС РАН, 1997.
18. Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 1-2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997.
19. Баранцев Р.Г. Системная триада — структурная ячейка синтеза / Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989.
20. Баранцев Р.Г. Синергетика в современном естествознании. М. УРСС, 2003.
21. История теоретической социологии. Том 1. М., 1995. Введение.
22. Шамшуринов В.В. “Гуманитарная” социология: новые перспективы и старые проблемы // СОЦИС, 1994, № 2.
23. Баранцев Р.Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века: Человек, Общество, Космос. Владивосток, 1996.
24. Кравченко С.А. Парадигма / Учебный социологический словарь. М.: Экзамен, 1999.
25. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998.

19.2. ГУМАНИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ? (БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

...«Гуманистическая» социология, все более конституируется у нас теоретически и методологически. См. публикации в журналах «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Социология: методология, методы, математические модели» и др. (в особенности, вторая половина 90-х гг.).

Та же тенденция просматривается и в практике конкретных социологических и социально-исторических изысканий.

В качестве ярких примеров, здесь укажем лишь на некоторые исследования последнего десятилетия (из числа представленных в монографиях, диссертационных сочинениях, а также в кооллективных сборниках, опуская многочисленные журнальные публикации):

- Производственные интервью. Вып. 1-4. Отв. ред. - С.А. Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования АН СССР (РАН), 1991-1992.

- Дедовщина в армии. Сборник социологических документов. Отв. ред. - С.А.Белановский. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования АН СССР, Высшие социологические курсы, 1991

- Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. Под ред. В.Семенович и Е. Фотеевой. М.: ИС РАН, 1996.

- Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М.: Институт философии, 1996 (и другие работы этого автора);

- Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.. «Я так хочу назвать кино»: «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис, 1996;

- Голоса крестьян: сельская Россия конца XX века в крестьянских мемуарах. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 1996.

- Андрищенко М.Т. Владимирцы конца XX века: служебное поведение. Владимир, 1996; Его же. Владимирцы конца XX века: обыденное поведение. Владимир, 1996; Его же. Владимирцы конца XX века: гражданское поведение. Владимир, 1997.¹¹

- Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. Сост. - В. Воронков и И. Освальд. СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998;

- Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ). Под ред. В.Костюшева. СПб.: Норма, 1999.

- Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. Под ред. И.И. Травина и Ю. Симпура. СПб: Европейский дом, 1999.

- На корме времени. Интервью с ленинградцами 30-х годов. Ред. - М.Витухновская. СПб: журнал «Нева», 2000;

- Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920-30-е годы. Ред. - Т. Виховайнен. СПб: журнал «Нева», 2000.

- Чуйкина С.А. Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград 1920-1930-х годов. Канд. дисс. СПб: СПбФ ИС РАН, 2000.

- Кольцова Е.И. Институт СМК в современной России: производство новостей как система властных взаимоотношений. Канд. дисс. СПб: СПбГУ, 2001.

- Невидимые грани социальной реальности. К 60-летию Эдуарда Фомина. Сборник статей по материалам полевых исследований. Под ред. В. Воронкова, О. Паченкова, Е. Чикадзе. СПб: Центр независимых исследований, 2001.

(Как правило, используются метод фокусированного интервью и биографический метод, но и не только).

¹¹ Автор определяет свой жанр как «этнографический очерк».

И так далее... Еще раз подчеркнем, что здесь приведены именно ПРИМЕРЫ, а не полный библиографический обзор!

К сказанному уместно добавить серию публикаций Б. Илизарова и других авторов, по материалам Центра документации «Народный архив», в журнале «Знание-сила» (1998-1999).

Наконец, появились первые обобщающие работы этого направления и первые учебники, посвященные качественным методам в социологии.

Здесь укажем:

- Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993;
- Биографический метод: история, методология, практика. Под ред. Е.Мещеркиной и В.Семеновы. М.: ИСАН, 1994;
- Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996.
- Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998;
- Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
- Шанин Т. Методология двойной рефлексивности / Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Указ. соч.

Итак, «лед тронулся» и движение набирает силу, ныне - и в нашей, отечественной, современной социологии...

Обращает на себя внимание также распространение чисто фактографических (документальных) публикаций. Скажем, жизненные истории - без какого-либо анализа или хотя бы комментария.

В качестве примера укажем на изданное недавно собрание свыше 100 историй жизни бездомных, присланных на конкурс «Расскажи свою историю», проводившийся петербургским Фондом «Ночлежка» и газетой «На дне» в 1999 г.:

- Расскажи свою историю. Ред.-сост. - М. Дмитриева, В. Соколов. СПб: На дне, 1999.

Это - «сырой» материал для будущих исследователей - социологов, историков, культурологов.

Более ранний пример: конкурс автобиографий, проводившийся петербургской газетой «Час пик» в 1993 г.; руководитель проекта - Е.В. Лагунова (*ныне покойная*. - А. А. 2013)).

...Разумеется, различие исследовательских подходов, сосредотачивающихся на СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ (социальных общностях и институтах, и т. д.), с одной стороны, и подходов, ставящих «ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА» в центр исследовательского внимания, с другой, - не является абсолютным.

Представляется, что «рефлексивная» (в терминах Г. Саганенко и ряда др. авторов), «экоантропоцентрическая» (в терминах Т. Дридзе), да и наша собственная «драматическая социология» (равно как и «социологическая ауторефлексия») - все это разные «струи» одного научного потока. Этот поток имеет далекие начала (истоки) в истории социологической теории и практики.

И именно сегодня он, этот поток, как мы считаем, имеет шанс стать особенно «животворным» - на пути к тому, что П. Сорокин называл «коронной дорогой социологии» (1956).

То есть - на пути к интегральному подходу, предполагающему взаимооплодотворение и СИНТЕЗ знаний о природе, человеке и обществе.

Ср. также с постановкой вопроса у Ч. Р. Миллса в его книге «Социологическое воображение» (1959).

(Июнь 2000 – сентябрь 2001).

19.3. ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА МИНУВШИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ...

[Ниже - извлечения из современных работ моих коллег, посвященных истории советской социологии. - А. А. 2000]

(1)

Советская социология: суди себя сам!

= Из статьи Б.М. Фирсова «Как добивались послушания социологии» (1999)

<...> Социология 60-х годов по своему духу была демократической. Большинство социологических публикаций тех лет содержало серьезные социально-критические подходы. Парадоксально, но для этого не требовалось усиленно демонстрировать инакомыслие. Страна начала жить по новым правилам, все больше становилось людей, пытавшихся понять свое место в обществе, равно как и само общество. Социология предлагала новый язык в подходе к социальным явлениям, она обозначала проблемы вопреки официальной доктрине «беспроблемности» развития и уже этим обеспечивала себе широкую аудиторию, готовую к тому, чтобы ее просвещали.

Вместе с тем социология не была оппозиционной наукой и активно соучаствовала в строительстве зрелого социализма, попав в плен нормативного знания. Полученное, казалось бы, строгими научными методами (сразу отбросим имевшие место попытки прямых политических спекуляций) это рациональное в своей основе знание во многих случаях быстро утрачивало свою обоснованность. Оно разрушалось и превращалось в социальную иллюзию всякий раз, когда социологи пытались предлагать выводы, опираясь на императив должного. Не сразу и не тогда, 30 лет назад, а только недавно стал понятен вред этой благонамеренности, пронизанной мечтами о близком и счастливом будущем. С большей или меньшей старательностью мечтаниям предавались едва ли не все обществоведы. Пишу об этом не ради запоздалого покаяния. Не хочу оказаться в толпе, неистово топчущей ногами прошлое.

Соблазнение будущим - важнейшая черта советского периода нашего государства. И я не вижу принципиальной разницы между известным историческим посулом Н.С. Хрущева, согласно которому поколения людей, здравствовавших в 60-е годы, должны войти в ворота коммунистического парадиза, и послеоктябрьскими программами и декретами большевиков. Судьбе было угодно, чтобы я находился в зале в минуты произнесения Н.С. Хрущевым многообещающих слов. Не ошибусь, если скажу, что делегаты и гости съезда отнеслись к этим словам с энтузиазмом, который быстро стал доминантой умонастроений в стране, он был поддержан политической, культурной и научной элитой. Другое дело, когда и у кого начали исчезать оптимизм и вера, уступая место трезвому, реалистическому взгляду на судьбы страны и народа. Если ослепление будущим было в значительной мере массовым, коллективным, то прозрение - индивидуальным.

Беру с полки книгу, написанную мною в 1977 году. Читаю:

«Социализм приближает время, когда общество обретет способность реализовать потребности людей, по верному замечанию К.Маркса, «во всей полноте человеческих проявлений жизни».

И далее:

«Подтверждением сказанного являются социальные задачи современного советского обществ. Резко ускорить темпы *[роста? - А. А.]* производительности труда, увеличить масштабы и сократить время внедрения научных достижений во все сферы общественного производства; обеспечить расширенные и одинаковые возможности для

получения образования и доступа к достижениям культуры всем слоям населения; выравнивать стандарты городского и сельского быта; ускорить процесс преодоления различий между физическим и умственным трудом; устранить противоположность между рабочим и свободным временем, между трудом и потреблением, объединив их как различные сферы жизнедеятельности человека и развития его способностей - вот лишь некоторые из целей развития, - писал автор, - воплощение которых стало возможным лишь на определенной, достаточно высокой стадии прогресса» (Фирсов Б.М. Пути развития средств массовой коммуникации. Л.: Наука, 1977, с. 34).

Не стану повторять всуе имена моих учителей - ученых, возродивших социологию на пепелище сталинской эпохи. Скажу лишь, что их имена в те годы можно было найти среди убежденных толкователей Коммунистического манифеста и Программы КПСС.

Итак, при активном содействии общественных наук в массовое сознание вносилась искаженная и неполная картина мира и человека. Она обладала свойствами транквилизатора. Было бы неправдой говорить сейчас, что она была лишена привлекательности. Хотя надежды на лучшее будущее, ставшие лейтмотивом многих социологических исследований, как правило, не сбывались. Более того, по прошествии сравнительно короткого времени они начинали расходиться с реальностью. Общество как бы догадывалось, что к нему пытаются приложить искусственные модели, и потому, чувствуя коварство социального исследователя, начинало уходить в другую, часто непредсказуемую сторону, пыталось избежать навязываемых обстоятельств. В истории, отмечал петербургский писатель Я. Гордин, существует явление, которое можно назвать «инстинктом сохранения [самосохранения? А.А.] больших общностей». В его основе лежит врожденная способность сопротивляться любым попыткам заставить социум двигаться неестественным путем. Именно здесь следует искать причину того, что многие разделы социологического знания оказались несостоятельными. Это знание попало под влияние им же порожденных социальных иллюзий.

Не умаляя ни на йоту действительных заслуг и достижений социологии 60-х годов, я бы рискнул назвать два ее неотмоленных греха. Первый - ослепление образом государства. Гипноз и слабование обществоведческой мысли, включая социологическую, под влиянием государства, чьи иллюзорные добродетели и фальшивое человеколюбие служили щитом для маскировки абсолютной и жестокой власти, является фактом недавнего прошлого. Идеология подавила в значительной мере независимость научного мышления. Оно не избегло опасностей мифологизации, когда поддерживало веру в нерушимое единство партии и народа, в монолитность семьи народов, населявших страну. Грех второй - примирение с социальным порядком. Большинство профессиональных социологов не опускалось до уровня примитивной идеологической манипуляции массовым сознанием, но компромисс с властью не оставался без последствий. Социология оказалась втянутой в процесс утверждения униформизма общественной жизни и удержания людей в границах повиновения, в страхе перед капитализмом. В целом исследовательская парадигма была ориентирована скорее на стабильность, чем на изменения, отдавала предпочтение монизму в сравнении с плюрализмом, тогда как по смыслу требовалось изымать человека из полей коллективного опыта, помогать ему осознавать собственное своеобразие и неповторимость в толпах предшественников и современников. Попытки вырвать человека из плена социального времени и пространства, объяснить смысл индивидуального существования стали отличительной чертой социологии сегодня. Перечисленные выше дисфункции социологического знания имели место вопреки намерениям большинства социологов.

Это о грехах. Однако едва власть усвоила, что социологическая наука может заявить себя и серьезным оппонентом, как вступили в действие механизмы контроля и регулирования профессиональной деятельности. Поскольку стремление удерживать народ в повиновении было едва ли не безграничным, его следовало распространить на все слои и группы. Достаточно вспомнить исторические встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, чтобы понять определенный

универсализм контроля за любым видом творческой деятельности. Свобода творческого воображения первой вступила в конфликт с аппаратно-бюрократическим антиинтеллектуализмом, и ее ограничению всегда уделялось особое внимание. Превентивные меры, обеспечивающие послушание интеллектуалов, сейчас могут показаться реликтовыми, но их следует напомнить тем, кто начал свою жизнь в науке, не зная запретов на свободу выражения мысли.

Самым мощным был механизм искажения и разрушения позитивного знания. <...>

(Фирсов Б.. Как добивались послушания социологии / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб: Русский христианский гуманитарный институт, 1999, с. 347-350)

Вкратце

Далее автор рассматривает различные рычаги административного и - особенно - идеологического контроля за деятельностью социологов (вообще - обществоведов):

- государственная цензура; ограничения доступа к зарубежной научной литературе; научное доносительство (сочинители порочащих рецензий, «волонтеры идеологической инквизиции»); партия вкупе с партийным аппаратом; цензура научных администраторов (в лице директора института); «корпоративная цензура» (в лице ученых советов обществоведческих институтов); цензура издательства и научного журнала; наконец, самоцензура.

(См. также: Симонов А. Лики цензуры. Монолог председателя правления Фонда защиты гласности // Журналист, 1993, № 5. Б. Ф. ссылается на эту работу).

«Обобщая, можно сказать, что цензура и самоцензура были частью машины политического и идеологического контроля, которая неотступно следила за всем, что происходило внутри социологии» (Фирсов Б. Указ. соч., с. 354).

Среди прочего, Б. Ф. отмечает отрицательное влияние на развитие социологического мышления имевшего место выделение так называемой «партийной социологии» (например, система изучения общественного мнения по заказам партийных органов):

«Здесь социологию принудительно изолировали от служения интересам более широким, чем цели КПСС... Отчеты отправлялись только первым лицам. Обсуждения не практиковались... Данные секретились, публиковать их было нельзя...» (Там же, с. 355-356).

Наконец:

«Говоря об ограничениях, которые связывали социологию, нельзя забыть славные органы госбезопасности. Их участие в контроле за этой наукой внесло серьезный вклад в своеобразную систему наказаний и поощрений социологов, которая, конечно же, никогда не опиралась на законодательство...» (Там же, с. 356).

Закljučая свой очерк, Б. Фирсов подчеркивает необходимость рассказывать и помнить об «абсурдных сторонах существования социологии в условиях стагнации и несвободы» (Там же, с. 357).¹²

Б.М. Фирсову принадлежит также первый курс лекций по истории советской социологии 1950-х - 1980-х гг., прочитанный им в ЕУСПб (Европейский университет в Санкт-Петербурге) и ныне готовящийся к изданию. С любезного разрешения Б.Ф. приведу здесь структуру этого лекционного курса:

Лекция 1. Несколько точек зрения на прошлое советской социологии.

Лекция 2. Становление науки и преемственность социологической традиции.

¹² См. также: Интервью с доктором философских наук Б.М.Фирсовым // Журнал социологии и социальной антропологии, 1999, № 4.

Лекция 3. Отношение социологии с обществом властью.
Лекция 4. Субъективные факторы и мотивация социологической деятельности.
Лекция 5. Попытка оценки результатов социологических работ.
Лекция 6. Научные школы как опоры и кристаллизаторы социологической науки.
Лекция 7. Советская социология входит в период перестоечных перемен. (Октябрь 2001).¹³

Ремарка: «брутальный пример» и «моделирующая ситуация»

Практически все указанные здесь рычаги идеологического и политического контроля и давления, способы обеспечения «послушания» социологии были показаны нами «В ДЕЙСТВИИ» - на примере «дела» социолога-рабочего.¹⁴

Среди прочих, Б. Ф. упоминает «брутальный» случай «репрессий против ленинградского социолога Алексеева». Замечу, что данный пример можно рассматривать также и как «моделирующую ситуацию» (когда путем отчасти организуемого исследователем сгущения факторов обыденная ситуация приобретает достоинство социальной модели). (Декабрь 2000).

(2)

**«Было несколько социологий...».
Разнообразие «биографических ниш»**

= Из статьи С.С. Рапопорта «Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних» (1998)

<...> Теперь - постфактум - можно сформулировать основную характеристику социологии советских времен: ошибкой было бы представлять ее как нечто единое и цельное; было несколько социологий - от официальной до неофициальной, с промежуточными смешанными вариантами; они влияли друг на друга и в целом составляли немалую часть стиля жизни тогдашней интеллигенции. Это касается состояния всех социальных наук в СССР - от центров (Москвы, Ленинграда) до провинции. Прибалтийская ситуация имела свои особенности.

Итак, я бы выделил следующие социологии советского периода:

1) «Руководящая» социология (представленная М. Руткевичем, А. Харчевым и др. с соответствующими местными разновидностями), которая агрессивно диктовала науке нормы тоталитарной идеологии¹⁵;

2) К тому же официальному полюсу принадлежала и «рядовая» социология, послушно адаптировавшая вышеупомянутые нормы;

3) Публично, легально публиковались книги, статьи, лекции тогдашних либеральных лидеров «почти официальной социологии» (Б. Грушина, И. Кона, В. Ядова и др.); как бы в рамках официальной науки эти лидеры фактически конфронтировали с ней; критика, преследования и запреты со стороны властей только поднимали авторитет этих социологов в неофициальной среде;

¹³ В 2012 году вышло в свет уже 2-е, исправленной и дополненное издание книги: Фирсов Б.М. История советской социологии. 1950-1980-е годы». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. - 476 с.

¹⁴ См. ДСиСА -2.

¹⁵ В отношении Анатолия Георгиевича Харчева (ныне покойного), в 1960-70-х гг. руководившего Ленинградскими секторами Института философии АН, впоследствии - главного редактора журнала «Социологические исследования», С. Р., думаю, несправедлив.

4) Существовала в официально публикуемом поле «эзоповская социология»; ее неофициальное содержание выражалось намеками, инверсиями, тропами и т. п. приемами; это содержание открывалось узкому кругу читателей - посвященных, знавших «ключ»;

5) Ходила по рукам полулегальная или нелегальная тамиздатская и самиздатская социологическая литература;

6) Наконец, в профессиональных и близких к ним кругах существовала «устная социология» - часть тогдашней интеллигентской традиции общения.

И официальные, и неофициальные социологии различаются словарем, референтными авторами, правилами чтения, шкалами оценок - и престижем в широкой культурной среде. <...>

<...> Переходя от абстракций к исторической конкретности, я воспользуюсь понятием «биографической ниши» как общим знаменателем социальной и личностной ситуации. Итак, в советские годы судьбы социологов распределились в нескольких отличных друг от друга нишах, от которых и зависело соблюдение норм социологического качества.

1) Те, кто в советское время смотрел на социологическую работу как на поле для достижения хорошо оплачиваемой (в перспективе) непыльной и престижной карьеры, вынуждены были отодвинуть качественные требования на второй план, поскольку вышестоящие инстанции (академические, партийные и т. д.), от которых и зависел успех, не связывали перспективу ученого с подлинным социологическим качеством, разумеется, их публично провозглашаемая установка была недвусмысленна: «чем выше ученая степень, тем выше качество этого ученого». Однако латентная и достаточно непреклонная установка «верхов» была инверсионной («наоборотной»): открытие социальной правды средствами социологии конфронтировало с каноном тоталитарной идеологии. <...>

Во время позднего советизма ориентации карьерных социологов начали расходиться. Жесткий режим расшатывался; в социологической среде стали действовать более высокие качественные стандарты, которые привнесли новые адепты; появились первые признаки профессиональной (а не только карьерной) конкуренции. Окостеневшие старожилы постепенно заражались «комплексом профессиональной некомпетентности», что чаще всего проявлялось в агрессивном отношении к «новым». Однако вплоть до смены режима управления кадрами и реализация карьерных устремлений осуществлялись по старым правилам (нынешняя ситуация здесь не рассматривается).

2) В следующей биографической нише оказались те жители социологии, для которых место в научном учреждении было просто средством выживания. У них не было ни явных карьерных, ни престижных страстей. «Члены» этой ниши беспрекословно принимали и исполняли открытые и скрытые правила, спускаемые сверху, частично не понимая, что эти правила нередко отклоняются от аутентичных стандартов, а часто понимая, но считая, что «так надо». Они не собирались нести личную ответственность за качество работы, за него отвечали начальники и система.

3) Наконец, в третью нишу попадают те, кто в тогдашних условиях так или иначе пытались удовлетворить свою социологическую любознательность. Эти участники вполне могли пользоваться системными и локальными разрешениями на отклонения от качества, особенно в тех случаях, когда слишком высокая качественная принципиальность могла помешать поступлению небольшой, но устойчивой зарплаты. Во всем же остальном соблюдение норм социологического качества было их личным выбором (это касалось прежде всего той зоны реальности, где можно было почти свободно, безопасно или незаметно играть социологичностью). Мотивы такого выбора могли быть самые разные - от фрондерства и добропорядочности до пижонства.

Конечно, перечисленные типы биографических ниш представляют собой упрощенные идеализации, известны редкие случаи социологического диссидентства; в действительности чаще всего встречались смешанные варианты.

Таким образом, в контексте тогдашней социальности никакой самый высокий профессионализм - с базовой подготовкой - не мог бы спасти качество профессиональной социологии по двум причинам: а) при обслуживании канона тоталитарной идеологии качество профессиональной социологии вообще лишается смысла; б) находясь в конфронтации с этим канонам, текст в принципе не мог бы появиться публично, то есть легально существовать. <...>

Вкратце

Далее, а статье С. Рапопорта производится детальный анализ соотношения социологических текстов и реальности 1960 - 80-х гг, принципов организации официальной социологии и ее взаимоотношений с цензурой, проблем личностной деформации субъектов социологической деятельности, специфики «социологии для служебного пользования», положения и механизмов функционирования полуофициальной, «эзоповской» социологии и ее отношений с идеологическим контролем, наконец, сложившихся тогда «правил писания-чтения легальных социологических текстов» (система кодов и ключей дешифровки этих кодов).

<...> Итак, историческая судьба официальной советской социологии - ее неразрывная связь с тоталитарной идеологией - проявилась в содержании и в стиле ее произведений, в методах и методологии, в отношениях между людьми, структурах научных подразделений, наконец, в личностных чертах социологов. Некоторые априорные мифы, взращенные в социологической среде - о научности, нравственности, полезности социологии для общества - имели узкоклановое хождение и опровергались широкой общественностью.

Так, в контексте советскости нравственность отождествлялась с полезностью властям; социологи по мере сил старались помочь «директивным органам» осуществить их намерения, в числе которых, по-видимому, и было падение режима [! - А. А.]. Что до рядового читателя, то очень редкие публикации вызывали у него подлинный интерес

Большинство социологических текстов эпохи тоталитаризма оказались заключенными в историческом «застенке», который вмиг стал непрестижным, хотя их авторы не только целехоньки, но и располагаются почти в тех же нишах [! - А. А.]. Это касается не только теоретических трудов, но и добросовестно выполненных эмпирических исследований, материал которых вполне мог бы пригодиться для будущих социологических сравнений. **ОДНАКО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИМ БЕЗ ПОПРАВКИ НА ТОТАЛИТАРНУЮ ДЕФОРМАЦИЮ ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО, ПРОЦЕДУРЫ ЖЕ РЕКОНСТРУКЦИИ АУТЕНТИЧНОГО СМЫСЛА ДОСТАТОЧНО СЛОЖНЫ** [выделено мною. - А. А.]; да и вообще сомнительно, чтобы кому-либо из новых пришлось в голову заняться такой работой.

В текстах неофициальной и полуофициальной (в том числе - эзоповской) социологии содержалась не только фрондерская игра в покусывание пяток тоталитарной идеологии, но и небанальные методологические и теоретические идеи об условиях человеческого существования и методах познавательной деятельности <...>. Остальные же откровения социологов во многом растворились в тогдашней стратегии намеков и подцензурных хитростях, так что их (откровений) истинное содержание исчезает и исчезает вместе с современниками, которые еще помнят ключ дешифровки. Впрочем, немало таких, которые продолжают и в наши дни шуршать тогдашними социологическими заклинаниями - «как будто ничего и не произошло».

(Рапопорт С.С. Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних // Социологический журнал, 1998, № 1/ 2, с. 245-248, 265-266)

Ремарка: феномен «советской социологии»

Цитированная выше работа «Социология времен тоталитаризма...» является, на мой взгляд, лучшей из имеющихся на сегодня попыток социологического и культурологического осмысления феномена «советской социологии», кстати, выходящей за рамки этого феномена, как такового.

Приведу здесь еще один, принципиально важный в контексте нашей собственной работы, фрагмент этой статьи. См. ниже. (Январь 2001).

= Из статьи С. Рапопорта (1998)

<...> Тоталитарный утопический мир, его жители и соседи

Сравнивать тексты тоталитарной идеологии с реальностью бессмысленно, в них она не отражалась и не искажалась. Опираясь на известные идеи утопистики, можно сказать, что идеология тоталитаризма создала ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР [*здесь и далее выделено мною. - А. А.*] со своей антропологической презумпцией, которую можно назвать утопической моделью человека. Это был всеобъемлющий Канон, значения которого не имели денотатов (за исключением самих признаков тоталитаритета в реальности). Утопический человек - это соответствующий известному общественному идеалу образ социально активного труженика, отождествляющегося с ценностями прогрессивных коллективов (партии, трудового коллектива и т.п.). В этом утопическом мире канонизированы эталоны биографии, образа жизни, мыслей и поведения утопического человека. Не учитывая несоизмеримости тоталитарной утопии с реальностью, искренние критики отдельных пороков режима то и дело попадали в социологический капкан этой несоизмеримости.

«Правильный», организованный, согласно утопической модели мир располагался на территории мира «хаотического» - нормальной стихии человеческой повседневности, онтологический статус которой был в этой утопии явно не определен; между тем, признается существование «несовершенных» участков универсума, состоящих из: а) «врагов» внутренних и внешних, нынешних и бывших (последние представлены пережитками в сознании следующей подгруппы), б) «заблуждающихся», недостаточно закаленных идейно, для которых предусмотрена возможность исправиться, т. е. достичь Канона.

Упомянутая выше «стихия нормальности» представлена в сознании жителей «здоровым смыслом» - априорным, ненаучным наблюдением условий существования и социализации; это общий социальный опыт взрослых психически нормальных людей в данную эпоху; тоталитарные идеологемы воспринимались как нормальные, утопические именно с точки зрения здравого смысла.

Отношения на пересечении утопического и неутопического миров были сложными. Первый из них мог бы казаться легкой психической проекцией, воздушным замком, если бы не огромный механизм обработки несовершенных деталей стихии - и вполне реальный аппарат психического и физического принуждения. Неутопический мир людей, живущих в стихии нормальности, реагировал на тоталитарное присутствие, во-первых, многообразными проявлениями страха и адаптации, во-вторых, усвоением «официального кода» - способа как-то сговориться с «ними», представителями официоза, в-третьих, «фольклоризацией» идеологических шаблонов - включением их в народный обиход в очеловеченном деформированном виде. Наконец, отсюда же поступали кадры для тоталитарного механизма.

Затем, на пересечении миров во все советские времена существовала особая зона прагматики управления, куда официальная социология не имела права заглядывать; в ней и отношения, и язык неизбежно должны были быть реальными, регулируемые нормами здравого смысла и стихии нормальности, поскольку правилами идеологической утопии невозможно было хоть как-то налаживать материальные отношения (экономику, производство и т. п.). Будни этой зоны существовали как бы в тени утопического мира,

полулегально, а речь практиков, обсуживающих эти отношения, чаще всего была ненормативная, «не для печати».

Среди отрицателей тоталитарного утопизма прежде всего следует назвать людей, находившихся с ними в диссидентских отношениях; они не только знали негативное определение режима, но открыто или подпольно осуждали его и сопротивлялись его распоряжениям; к текстам же идеологии они применяли одно из правил «инверсионного чтения».

<...> К отрицателям утопической модели жизни нужно отнести еще две разновидности: одни, отрицая, цинично пользовались ее нормами в карьерных и иных своекорыстных целях; другие - своеобразные «кентавры» - раздваивались, тайно полностью отвергали тоталитарную идеологию, а публично выражали поддержку, нередко переживая психологический дискомфорт от такого раздвоения и попутно идя на все возможные хитрости, чтобы избежать доноса и разоблачения.

Стоит упомянуть еще одну подгруппу - «наивных», искренних последователей коммунистических идеалов, которые осуждали лишь отдельные черты тоталитарного искривления, пытались скрестить режим с «человеческим лицом» и т. п. Эти люди не считали тоталитарный режим утопическим, поддерживали его реальность своей жизненной подлинностью.

Так или иначе, почти все тогдашние СОЖИТЕЛИ ТОТАЛИТАРИЗМА, ЗА исключением его адептов, участвовали в СВОЕОБРАЗНОМ СГОВОРЕ НАСЧЕТ ТОГО, ЧТО ТЕКСТЫ ТОТАЛИТАРНОЙ ИДЕОЛОГИИ НИЧЕГО ОБЩЕГО НЕ ИМЕЮТ С РЕАЛЬНОСТЬЮ. Это отношение было само собой разумеющимся, вполне здравым отторжением, не нуждавшимся ни в каких теоретических доказательствах. Скорее «наоборот»: теоретики отрицания - из интеллигентских рядов - нередко попадали в ловушку косвенного признания абсурда. Таким образом, с точки зрения стихии нормальности идеологемы тоталитаризма или вовсе не имели реальных денотатов, или «под них» создавались искусственные; пожалуй, даже базовые понятия естественного языка и новоречи в реальном и утопическом контекстах различались по значению. Сочетания этой искусственности с вполне материальной агрессивностью режима создавали «гремучую семантическую смесь» как в адаптационном механизме рядового жителя, так и в мировосприятии многих теоретизирующих рефлексантов. <...>

(Рапопорт С.С. Социология времен тоталитаризма: компендиум для нынешних // Социологический журнал, 1998, № 1/ 2?, с. 245-248) *)

(3)

Как сегодня пишется история нашей социологии

= Из воспоминаний В.А. Ядова «Мы все - самоучки в социологии» (1999)

<...> - Вы считаете, можно написать правдивую историю социологии?

- Я попытался прикинуть, как пишется сегодня история. У меня такое впечатление (в чем я не уверен, это только предположение), что каждый пишущий имеет некую свою концепцию - более жесткую и менее жесткую. Я попытался эти концепции как-то обозначить. У В. Шляпентоха, например, концепция такая: история пишется с точки зрения противостояния политико-идеологически ориентированных представителей официального марксизма и «шестидесятников-прогрессистов», отстаивавших право на социологию как науку. Все пересматривается под этим углом зрения (и история с Левадой туда же подверстывается). А. Филиппов видит эту историю с позиций имперской социологии. Он показывает, что истмат имел имперскую функцию - захватывал все области социального знания, чуть ли не до интерпретации эмпирических знаний. В значительной мере здесь есть момент правды, но и в значительной степени - момент

неправды, потому что очень многие понятия, категории, проблемы вовсе не рождались в этой среде, в этом имперском пространстве, а были заимствованы из мировой культуры, мировой социологии и т.п. И не настолько все были глупы, чтобы буквально экстраполировать истмат на анализ эмпирических данных. У Г. Батыгина схема такая: посмотреть на развитие социологии с точки зрения того, как «приручал» ее истеблишмент. Наверное, потому, что он имеет дело с документами, которые нам не известны, которые «ходили» где-то в верхах, в цеховских кабинетах. Я не уверен, что это и есть история нашей социологии - скорее, история социологии в том пласте, который исследуется по документам. Это тоже правда - безусловная правда, но не вся. А.Здравомыслов утверждает, что есть некая преемственность традиций нашей советской и русской социологии. А была ли эта традиция? О Сорокине знали по «хихикам» Ленина. Был Гастев, конечно. Упоминается, скажем, Кистяковский. Да не знали мы о нем. Большинство не опиралось на русскую традицию, это реконструкция сегодняшнего дня. Р. Рывкина пытается посмотреть на состояние разных школ в нашей социологии - где идеологи, где социологи-сциентисты, где «сервисные» социологи. Тоже правда истории. Были школы, целые направления, прекрасные специалисты, которые действительно выполняли «сервисные» функции. Были идеологи, но они никакой социологией не занимались, а только объясняли, что хорошо и что плохо в социологии и как она относится к марксизму. И были сциентисты, которые на самом деле пытались - по крайней мере, насколько это возможно - понять реальность, проверить какую-то гипотезу. Вот схемы, рамки, в которых пишется история социологии. И история, и истина (если вообще есть эта объективная истина) возникают из анализа этих разных пластов, разных контекстов, «рамок соотношения».

<...> Самое опасное, что подстерегает нас сегодня при воссоздании истории, - это давление конъюнктуры. Если мы осознаем, что история пишется в разных социальных контекстах, то есть в разных концептуальных пространствах, то нам надо понять, что она многопланова. И это нормально. Если еще при том мы не почувствуем, что есть влияние сегодняшней конъюнктуры – будет плохо, это будет уже искажение, мешающее представить данные более или менее объективно. Одна из конъюнктурных вещей – попытка увидеть в истории советской социологии диссидентов, борцов, «сахаровых в социологии». Можно найти двух-трех таких человек (как «полудиссидент» Андрей Алексеев). В основном же те имена, которые упоминаются в истории, вряд ли можно подверстать «под диссидентов». Это ложная схема, это конъюнктура.

Второй момент давления конъюнктуры - некий налет «патриотизма». Понятно, что для движения вперед нужна объединяющая идея, и национал-патриотические идеи выдвигаются как конструктивное начало сегодняшней жизни. Но преподносить в этой связи историю советской социологии как продолжение русской традиции, я думаю, не совсем правомерно. Надо внимательнее посмотреть, какие на самом деле были традиции, где они работали и где нет, что просто приписывалось.

Нравственная конъюнктура - представление о том, что шла борьба за «чистую» науку против идеологизированной науки. Конечно, это имело место, но только так окрашивать историю - тоже неправда, потому что, думаю, в головах многих не существовало понятия «чистая наука». Для классической науки оно, может, и справедливо, а для постклассической - вообще не имеет смысла, поскольку метод исследования, используемая теория влияют на полученное знание. Где здесь чистота? Может, это не вопрос об идеологической «загрязненности», но это точно загрязненность твоим концептуальным, предэмпирическим знанием. Тут можно спорить. Но социальная наука в принципе «чистой» не бывает. Наконец, есть еще и методологическая конъюнктура, связанная с утверждением, что вообще никакой истины нет, мы никогда до нее не доберемся. По документам будет одно, по живым воспоминаниям - другое.

Наверное, прав В.Н. Шубкин, который сказал примерно так: Вот у меня мозаичная картина, и пусть каждый рассматривает эту мозаику как тест тематической апперцепции: один видит старушку на белом фоне, а другой - красавицу на черном». <...>

(Ядов В. Мы все - самоучки в социологии... / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб: ИС РАН, 1999, с. 61-63)

(4)

**«До чего-то мы все-таки докопались,
что-то нашли и построили...»**

[Недавно, под редакцией В.Ф. Чесноковой (ныне покойной. – А. А. 2013) и С.А. Белановского, вышел большой (около 900 стр.) том, в котором собраны основные труды крупнейшего американского социолога Талкотта Парсонса: Т. Парсонс. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.

Эти переводы из Т. Парсонса, выполненные, как правило, еще в 60-х гг. в Новосибирском академгородке, и ходившие в свое время в качестве профессионального социологического «самиздата», имели большое значение для приобщения советских социологов к мировой науке и для теоретического самоопределения отечественной социологии.

Том сопровождается материалами «круглого стола» на тему «Судьбы теории Талкотта Парсонса в России» (1995), в котором принимали участие люди, стоявшие у истоков новейшей российской социологии.

Ниже - заключительная реплика одного из организаторов этого «круглого стола» В.Ф. Чесноковой. - А. А. 2000]

= Из выступления В. Чесноковой (1995)

<...> Во всех случаях, когда возникает недоверие и непонимание, лекарство одно - терпение и время. И в отношениях между людьми, и в отношениях человека с обществом и другими социальными структурами. Но общество живет в другом времени, чем человек. И наука живет в другом времени. Человек - образование более быстротечное. Он быстро стареет и «выходит в тираж». Сейчас пришло время, когда можно более эффективно работать и более свободно предъявлять результат. Но для меня, например, это время пришло слишком поздно. И для многих других, в частности и из присутствующих здесь, - не для всех, конечно, и, может быть, не совсем, но в какой-то мере поздно.

Период нашей основной деятельности пришелся на трудные, отнюдь не идеальные времена. Понятно, что идеальных времен не бывает. Но бывают все же менее и более трудные. Наше было - более трудное. Это характерно для социологии, как, впрочем, и для некоторых других наук. Жаловаться тут бесполезно и оправдываться бессмысленно. А все-таки грустно думать, что не удалось полностью реализоваться. Но до чего-то мы все-таки докопались, что-то усвоили и осмыслили, что-то нашли и построили. Как теоретики, как эмпирики. Однако все это лежит пока неоформленной грудой, где важное и ценное перемешано с неважным, более того, часто важное даже специально заслонено, замаскировано неважным. Вот и хочется все, что наработано, собрать, систематизировать и предъявить, чтобы люди, которые придут после нас, - а отчасти они уже пришли и начинают работать, - не начинали бы на пустом месте, не начинали все сначала и не бились над теми проблемами, которые в какой-то мере уже разрешены и уж во всяком случае поставлены.

Парсонс - это часть вот такого мирового и нашего собственного опыта. Хоть, к сожалению, опыт невозможно передать другому на блюдечке с голубой каемочкой, просто

и непосредственно. Все-таки этот другой должен и сам поработать. Фигурально выражаясь, погрызть этот гранит собственными зубками. Без этого невозможно.

В этом и свобода каждого вновь приходящего в мир, и в частности в науку, человека, и необходимость. Ну, а Парсонс - это настоящий гранит. С ним трудно работать, но это окупается, особенно когда перед тобой кто-то уже прошел этим путем и что-то успел сделать. В этом и цель данного издания и «круглого стола»: обратить внимание, что-то предъявить и чем-то поделиться. Не допустить разрыва и поддержать преемственность в нашей науке. Хватит всему наработанному лежать в столах и пылиться на полках. Все должно поступить в оборот и начать приносить пользу. <...>

В. Чеснокова, апрель-май 1995 (цит. по: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000, с. 859-860)

Памяти Валентины Чесноковой (1934-2010) ¹⁶

В Москве 27 июня 2010 года накануне своего 76-летия скончалась социолог Валентина Федоровна Чеснокова. К сожалению, так произошло, что при жизни о ней мало говорили. А наследие ее – значимо. По ее переводам новосибирские ученые знакомились с работами американских и польских социологов, ею внесен серьезный вклад в изучение особенностей российского менталитета и религиозного сознания россиян. Много доброго ею было сделано по линии правозащитной движения.

Основные ее работы были опубликованы уже после перестройки. Это – три книги: Касьянова Ксения (В. Ф. Чеснокова). О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994; Чеснокова В. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект. 2005; Чеснокова В. Ф. Язык социологии. М.: Изд-во ОГИ. 2010.

Андрей Алексеев, Борис Докторов

...Валю Чеснокову я знал по Новосибирску, потом – в Москве; и очень ее чту. Суперпрофессионал, замечательный эрудит, таких знатоков классической западной социологии по пальцам перечесть, и очень глубокий ум. Кстати, не снизошедшая даже до кандидатской диссертации. Многое забудется через десяток-другой лет, а ее три книги будут изучать и через полстолетия.

А. Алексеев

19.4. «ПО МЕРЕ СОЗРЕВАНИЯ НРАВСТВЕННАЯ КОНФРОНТАЦИЯ СТАНОВИТСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ...»

[Ниже – расшифровка интервью, взятого «русским американцем» Д. Шалиным у сотрудников Ленинградского филиала Института социологии РАН А. Алексеева, О. Божкова, Л. Кесельмана и Г. Саганенко, в конце июля 1990 года. – А. А.] ¹⁷

Эта беседа была записана на магнитофон 29 июля 1990 года, во время моей поездки в Ленинград, первой после эмиграции в 1975 году. В центре внимания было партийно-комсомольское собрание в Ленинградском отделении Института конкретных

¹⁶ Цит. по: ПС-2 (Глава 6).

¹⁷ Опубликовано на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/alekseev.html>. См. также: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 4.

социальных исследований в 1975 г.¹⁸, посвященное подаче несколькими сотрудниками Ленинградского отделения Института конкретных социальных исследований заявления на выезд из СССР и последствиям этого для руководителей и сотрудников института.

Наша беседа началась с недавнего решения ряда сотрудников Института социологии РАН выйти из КПСС; затем мы перешли к упомянутому выше партийно-комсомольскому собранию, обсудили роль членства в партии, пределы разумного компромисса и цену независимого поведения в годы застоя. Встреча происходила в помещении Института социологии. Присутствовало несколько человек; кто-то постоянно приходил и уходил, звуки машин на улице временами заглушали слова. А. Алексеев задавал тон дискуссии, в которой также принимали участие О. Божков, Г. Саганенко и Л. Кесельман (с каждым из них удалось провести отдельное интервью). Г. Ионова согласилась зачитать официальные документы из архива А. Алексеева, любезно предоставленные последним.

Беседа проводилась в рамках исследования об интеллигенции и перестройке, проведенного Д. Шалиным в период 1989–1996 гг. Эта тема отчасти была навеяна статьей [Владимира Солоухина](#) «Пора объясниться», где он оправдывал свое выступление против Бориса Пастернака на съезде писателей тяжелыми временами и давлением властей. Проект включал ряд интервью с советскими учеными – теми, кто сложился в период хрущевской оттепели, пережил эпоху Брежнева и принимал участие в реформах перестройки. К настоящему времени на сайте «[Международная биографическая инициатива](#)» опубликованы записи бесед с [Г. Старовойтовой](#), [Ю. Левадой](#), [В. Голофастом](#) и [Г. Саганенко](#). (перечень имен дается в соответствии с порядком появления интервью на нашем сайте). Там же можно найти биографические материалы, собранные в рамках других проектов.

В тех случаях, когда это было возможно, расшифровка звукозаписи передавалась респонденту для последующей правки. Длительные паузы, смысловые разрывы и перебивы обозначены многоточием. Расчленение речевого потока на отдельные предложения делалось, прежде всего, с целью облегчить чтение текста. То же самое касается знаков препинания. В тех случаях, когда голоса участников разговора накладываются друг на друга, речевые ряды разведены. Некоторые междометия и повторяющиеся слова типа «вот», «там», «значит» опущены. В квадратных скобках содержатся пояснения редакторов. Вопросы ведущего в некоторых случаях слегка сокращены.

Хочу поблагодарить Наталию Мазлумянову за советы по редактированию текста интервью.

Дмитрий Шалин
Лас-Вегас, май 2007

Шалин: [Сегодня у нас 29 июля] 1990 года. Мы здесь собрались, чтобы вспомнить прошлое. Но, сначала – сколько из числа здесь присутствующих людей было на том партсобрании [где обсуждалось решение выйти из КПСС]?

Саганенко: ...Нет, ничего я не член, поэтому [мне не нужно было выходить из партии].

Шалин: Ах да, ты не была членом партии... Значит, если я правильно понимаю, там было 16 человек.

Алексеев: Нет, на собрании этом было, наверное, 14 человек... на учете партийной организации 27 человек. Итогом было рассмотрение [двенадцати] заявлений о выходе из партии, включая тех, кто не пришел на собрание. Подавляющее большинство присутствовавших... успели принять решение передать в течение недели все дела и деньги, около тысячи рублей взносов, которые не передавались в райком последние несколько месяцев.

Шалин: А, вы их как-то собирали все-таки.

Алексеев: Мы их собирали, но часть людей заявили, что они не хотят, чтобы партвзносы передавались на счет райкома. Порядок такой вообще, что передаются дела в райком, а потом из райкома все спускается...

Шалин: А что с деньгами?

¹⁸ Правильное название тогда: Ленинградские сектора Института социологии АН СССР. (А. А. Август 2013).

Алексеев: С деньгами не ясно пока. [Часть группы] осталась в этой партийной организации... Может быть, будет коллективное собрание...

Божков: Распорядительное собрание бывших членов.

Алексеев: ...бывших членов КПСС... Там может быть три варианта – либо деньги останутся [на балансе старой организации], либо пойдут на благотворительные цели, либо на [какую-то новую организацию]...

Шалин: Кто из тех, кто присутствовал, не вышел [из партии]?

Алексеев: Ну, из известных тебе – Борис Максимович Фирсов.

Шалин: А мотивировка?

Алексеев: ...Он не считает нужным делать это именно сию минуту.

Шалин: Хотя как вопрос принципиальный, он его рассматривает...

Алексеев: Я бы не стал так за него заявлять. *(Обращается к присутствующим.)*
Как вам кажется насчет Бориса Максимовича?

Божков: Он сказал, что он давно на пороге...

Алексеев: Да, он на пороге, но сейчас он считает это еще пока несвоевременным.
Леня Кесельман...

Шалин: Леня не вышел из партии?

Алексеев: Мое толкование следующее. В последнее время он [занят] своими опросами, которые стали важным фактором общественной жизни Ленинграда... Очень высока стала степень доверия к его результатам, к нему прислушиваются, надо развивать этот [сектор] общественного мнения...

Шалин: Значит, он считает, что быть в партии пока еще...

Алексеев: Нет, нет. И у него довольно много опросов, связанных с отношением к партии. Первый опрос проводился еще год назад, и у него, по существу, три точки по панели отношения к партии, причем как беспартийных, так и коммунистов... Опрошено на улице пять тысяч, это более чем достаточно для репрезентации ленинградского населения... Около тысячи получается коммунистов среди них. Поэтому данные репрезентируют и коммунистов, и беспартийных... Последнее исследование специально посвящено партийной теме – эти данные, кстати, опубликованы «Часом пик», «Сменой», «Вечеркой», они очень крутые. Они демонстрируют абсолютный кризис доверия у ленинградского населения [к КПСС]. И не только, то же и среди коммунистов. Скажем, там такой вопрос: «Имеете ли вы отношение к партии?» Ответ: «Имею, поскольку вышел». Кто-то отвечает, что намерен выходить, кто-то еще думает, кто-то хочет остаться и твердо стоит на позициях XXVIII съезда. Короче говоря, эти опросы, имея высокую достоверность и большой резонанс, являются одним из очень мощных факторов в процессах, происходящих в партии, включая массовый выход [из ее рядов]. И он [Кесельман] в каком-то смысле способствует этому выходу. И если в этой ситуации кто-то скажет: «А, это тот Кесельман, который вышел из партии», то [сейчас] этого сказать нельзя. Это как раз тот Кесельман, который из партии не вышел и который показывает, что происходит.

Шалин: Agent provocateur, как говорят. Понятно.

Алексеев: Игорь Травин еще не вышел. Тут вот такая ситуация. Он делегат по партийному округу Ленинградской областной партийной конференции. А там продлены действия [мандата] этих делегатов, он сказал, что его выход означал бы, что он не оправдал доверия избирателей. Поэтому, пока он имеет этот мандат, он не хотел бы... Вообще мотивация, по-моему, вполне [обоснованная?].

Шалин: А кто-то не вышел по принципиальным соображениям? Из присутствовавших, кто-то сказал, что считает неправильным...

Алексеев: Здесь присутствуют три человека – нет, четыре, да? – чьи заявления рассматривались на этом собрании 24-го июля [1990 года].

Божков: Меня там не было, вы сами приняли такое решение... [Божков в партии не состоял].

Алексеев: Тут такое дело. Я как формалист очень заботился о кворуме. Я уговаривал в частности Азу [Киссель] и [Елену Алексееву?], которые подали заявления еще до собрания... чтобы рассматривать их заявления в конце собрания, а не в начале. Но они не позволили и тем самым понизили кворум, но все-таки он еще сохранялся. Потом критическая ситуация возникла с Барановым, который сделал устное заявление, но не подал его, хотя оно у него уже было написано или он собирался его написать. И тогда получилось, что у нас вроде бы уже не было кворума.

Шалин: То есть сам процесс выхода создавал ситуацию, где решения [собрания теряли силу].

Алексеев: Дело выходило так, что за последнее заявление мы проголосовали как-то чохом, как-то так, я уж сейчас не помню. Ну тупиковая ситуация, бессмысленно было... Голосование состояло в том, что люди принимают к сведению. Я голосовал, чтобы принять сведению заявление [Карпова?], а он голосовал за то, чтоб принять к сведению [мое заявление]...

Шалин: Значит, надо было принять все решения, пока вы еще члены партии, а затем в финале самораспуститься. Хотя это и легализм...

Алексеев: Но так тоже не получалось, потому что принимать коллективное решение с участием тех, кто подал заявление раньше, имело бы смысл, если бы большинство списочного состава эти заявления подали. Поскольку заявления подали меньше половины...

Шалин: Ну, бог с ним.

Алексеев: Это такие юмористические моменты.

Шалин: Я так понимаю, что вы смогли найти для нас какие-то интересные документы. К какому сроку они относятся, к 76 году?

Алексеев: 75-му, 74-му.

Шалин: Когда-нибудь историк напишет диссертацию об этих событиях.

Саганенко: Уже пора начинать писать (*смеется*).

Божков: Кстати, Андрей, надо бы издать эти письма...

Алексеев: Я историкам помог, все это собрал... Вот тут историческое собрание. Профсоюзное собрание сектора социальных проблем личности и социалистического образа жизни 26 июня 1975 года... [Присутствовали ?] ...Водзинская, Кесельман, Киссель, Красноносенко, Магун, Пожарская, Семенов, Ядов... Это обсуждение связано с Антипиной, хотя ее имя формально не фигурирует. Ее имя фигурирует в других местах... Ага, вот справка в отдел науки Ленинградского областного комитета КПСС, подписанная в то время еще директором, а ныне покойным [Гелием] Черкасовым и секретарем партбюро ИСЭПа [Андреем] Алексеевым, 4 июля 1975 года, а ИСЭП учреждался в апреле 75-го. Вообще говоря, это стоит прочитать вслух, это интересно. Я не перечитывал документ. Может быть, мне что-то будет не очень приятно читать... «В отдел науки Ленинградского городского комитета»... А может быть, кто-то с более хорошей дикцией прочитает...

Галина Ионова: Ну, давайте я прочитаю. С начала до конца, да?

«В отдел науки Ленинградского городского комитета КПСС

Справка

По существу письма младшего научного сотрудника Института социально-экономических проблем Академии наук Г. С. Антипиной от 29 апреля 75 года имеем сообщить следующее. В письме указывается, что в течение последних лет трое бывших сотрудников сектора социологических проблем личности ИСИ АН СССР [Институт социологических исследований АН СССР; названный сектор возглавлялся В. Ядовым], который ныне вошел в состав ИСЭП АН СССР, заявили о своем желании выехать на постоянное место жительства за пределы СССР. Эти факты действительно имели место. Бывший старший научный сотрудник ИСИ [Эдуард] Беляев в мае 73 года заявил о своем желании вступить в брак с гражданкой Франции и выехать во Францию. В июле 74 года бывший младший научный сотрудник ИСИ [Павел] Буторин подал заявление о выезде в

государство Израиль. В феврале 75 года с аналогичным заявлением выступил бывший младший научный сотрудник ИСИ [Дмитрий] Шалин.

По нашим сведениям, в настоящее время покинул СССР только Буторин. Антипатриотический поступок всех названных лиц в свое время получил должную политическую оценку. К каждому из них были приняты соответствующие меры общественного и административного воздействия. Беляев и Шалин были немедленно отчислены из института. Буторин подал заявление о выезде уже после его увольнения по сокращению штатов, состоявшегося в апреле 74 года. Шалин был исключен из комсомола собранием комсомольской организации Ленинградских секторов ИСИ и ИФ АН СССР 27 февраля 75 года. Буторин выбыл из комсомола по возрасту незадолго до обсуждаемого события.

Гражданское и политическое отступничество всех троих в разное время обсуждалось и получило достойный отпор на расширенных заседаниях общественных органов и собраниях коллективов. Открытое собрание партийной группы ленинградских секторов ИСИ АН СССР, посвященное обсуждению поступка Беляева, происходило при участии секретаря партийного бюро Института социологических исследований Райковой. В письме сообщается далее о недостатках ведения воспитательной работы с научной молодежью в подразделении, где работали ранее Беляев, Буторин и Шалин, очевидным свидетельством чего является их поступок. В общей формулировке вопроса это справедливо. 17 марта 75 года сложившееся положение специально обсуждалось на собрании партийной группы Ленинградских секторов ИСИ АН СССР с привлечением всех сотрудников сектора социологических проблем личности, где были сделаны соответствующие выводы. С первого апреля 75 года указанное подразделение [сектор Ядова] решением Президиума Академии наук было включено в состав ИСЭП. Среди учреждений, реорганизованных и вошедших в новый институт, еще в одном – ЦЭМИ [Ленинградское отделение Центрального экономико-математического института] – имели место аналогичные факты.

В связи с этим, а так же с учетом поступившего сигнала Антипиной, партийное собрание ИСЭП совместно с дирекцией 2 июля 75 года рассмотрели вопрос о постановке идейно-политического воспитания и о работе с кадрами в подразделениях, вошедших в состав ИСЭП. Было отмечено, что коммунисты и сотрудники двух из этих подразделений ленсекторов ИСИ АН СССР и ЛОЦЭМИ АН СССР не сумели своевременно распознать действительное политическое лицо и моральный облик своих бывших товарищей, отрекшихся от социалистического Отечества. И. о. заведомо ИСЭП, коммунисту Ядову, равно как и другим ответственным лицам, указано на значительные упущения в работе по подбору и воспитанию кадров и постановке идейно-воспитательной работы в подразделениях, ныне вошедших в состав ИСЭП. На этом же заседании было принято развернутое решение с указанием конкретных мер по усилению идейно-политического воспитания и совершенствованию работы с кадрами в новом институте. Разработан ряд специальных средств партийного контроля за подбором и расстановкой научных кадров. Разработаны новые меры по развитию чувства политической ответственности в каждом сотруднике Института социально-экономических проблем. Что касается всех остальных утверждений, содержащихся в письме Антипиной, то они, как показало проведенное еще ранее изучение вопроса партийной организацией ленинградских секторов ИСИ и ИФАН [Институт философии АН СССР] и дополнительное рассмотрение его на заседании партийного бюро совместно с дирекцией ИСЭП АН СССР, не соответствуют действительности.

В частности, выдвигаемые Антипиной политические обвинения против завсектором, профессора Ядова, а также против других советских ученых, якобы намеренно попустительствовавших планам определенных лиц покинуть нашу страну и даже «организовавших» их отъезд (Ядов), являются полностью несостоятельными. В действительности руководитель и коммунист Ядов не только остро переживал отказ от Родины бывших сотрудников своего подразделения, но и предпринимал посильные меры к его предупреждению. О предшествовавших заявлению о выезде действиях Буторина, а затем Шалина, которые могли вызвать подозрения, Ядов немедленно информировал соответствующие государственные органы. Его реакция на антипатриотический поступок каждого из троих отщепенцев была оперативной и политически точной.

В равной мере не соответствуют действительности утверждения Антипиной о продолжающемся сотрудничестве работников института с Шалиным и другие заявления подобного рода, содержащиеся в письме. Таким образом, в письме Антипиной имеет место переплетение реальных фактов с субъективными измышлениями. Одним из мотивов этого письма, по-видимому, является затянувшийся конфликт между Антипиной и всем коллективом сектора, где она работает. Истоки этого конфликта лежат в личном поведении

самой Антипиной, неоднократно выступавшей с бездоказательными обвинениями в адрес своих товарищей по работе. Осуждение ее многочисленных личных выпадов и порочащих высказываний, относящихся не только к Ядову, но и к ряду других лиц, является единодушным в коллективе сектора. Недавно в связи с очередным подобным случаем профсоюзная группа сектора ходатайствовала перед администрацией и общественными органами института о выведении Антипиной из коллектива сектора. Указанное ходатайство имело место до того, как общественность института была информирована о письме Антипиной в «Правду», и поэтому не может рассматриваться как реакция на это письмо.

Партийное бюро и дирекция ИСЭП считает, что ответственность за затянувшийся конфликт между Антипиной и коллективом лежит также на руководителе подразделения коммунисте Ядове и общественности сектора, в частности Водзинской и Кесельмане, которые не приняли своевременных мер по оздоровлению обстановки»...

Кесельман: ...А, да, мы были втроем с Водзинской и Ядовым членами партии, просто других не было...

Ионова (*продолжает чтение документа*):

«[Позиция по отношению?] к завышенной самооценке Антипиной своих профессиональных и организационных способностей, к ее моральной безответственности и нарушению элементарных норм поведения в коллективе, которую долгое время занимал Ядов, не могла не способствовать сложившемуся на сегодня тяжелому для коллектива и для самой Антипиной положению. Ядову на это указано в прилагаемом решении совместного заседания партийного бюро и дирекции ИСЭП от 2 июля 75 года. Сам Ядов самокритично оценивает свою прежнюю терпимость к недостаткам и ослаблению повседневной требовательности к сотрудникам.

Наконец, необходимо отметить, что опасения физической расправы, которую якобы обещал учинить над Антипиной профессор Ядов, являются совершенно нелепыми. Подобное обвинение может рассматриваться лишь как дополнительная характеристика автора письма. То обстоятельство, что в обсуждаемом письме называется ряд действительных недостатков в работе подразделения, ныне вошедшего в состав ИСЭП, очевидно не снимает с Антипиной ответственности за такие обвинения в адрес своих товарищей и коллег, которые, по существу, являются клеветническими. Исключая возможность какой бы то ни было необъективности и “зажима критики”, дирекция и партийное бюро ИСЭП считает необходимым вернуться к вопросу о гражданской и моральной позиции автора письма после возвращения Антипиной из отпуска.

Директор института Черкасов

Секретарь партбюро института Алексеев».

Шалин: Замечательный документ. Он одновременно решал несколько важных задач, которые касались не столько тех, кто уезжал, сколько тех, кто оставался.

Алексеев: Главная задача этого документа была – защитить Ядова. В какой-то мере это удалось, в какой-то – нет. Что касается отъехавших, то они по тем понятиям для нас были уже покойники. Спасать надо живых. Все формулировки в адрес Шалина, Беляева, Буторина – это как бы корректно сформулированные или переформулированные обвинения Антипиной, с которыми нельзя не считаться, ибо они здесь просто усиление официальной партийной позиции, так же, как общество «Память» доводит до предела какие-то там партийные постановления. Смычка здесь Антипиной с партийным аппаратом совершенно очевидна. Так что это такая форма скрытой легальной оппозиции.

Шалин: Был какой-то ответ на ваше письмо?

Алексеев: Это целая история. Сейчас я вам еще что-то покажу. Их вообще нужно рассматривать вместе, но это, может быть, наиболее компактный [документ]. После всех этих собраний, обсуждений и исключения из комсомола в принципе ничего могло бы и не быть. Состоялся факт и все. Но поскольку Антипина это дело возбудила, генерировала, то приходилось отмазываться.

Шалин: И где это письмо было – в «Правде»?

Алексеев: В «Правде» письмо напечатано не было, оно было направлено туда и еще куда-то. А смысл его был такой, что Ядов политический двурушник, который способствует...

Божков: Утечке мозгов.

Алексеев: ...отъезду за рубеж своих сотрудников. Может быть, и сам туда собирается... Да, еще интересно, что Антипину все время очень защищал обком... разбирал ее письма, говорил, что она ставит принципиальные политические вопросы. И когда в итоге она не прошла [в ИСЭП] по конкурсу, то это было некоторой победой и даже, может быть, маленьким подвигом ученого совета. Я был причастен к этому подвигу постольку, поскольку выдвинул себя на конкурс на то же место, что и Антипина, (*смеется*) и ученому совету пришлось выбирать между Антипиной и секретарем партбюро. Я выиграл, Антипина проиграла.

Шалин: Можно сказать, что она border line case, на границе с нормой? В 30-е годы было достаточно таких типов, но тогда уже...

Алексеев: Да, она пограничный случай... Если хотите, я вот прочитаю фрагменты из ее выступлений. Они очень подробно запротоколированы на ученом совете во время выборов. Вообще, когда все эти вещи происходили, я понимал, что очень важно не только для текущего момента, но и для будущего точно зафиксировать ситуацию. Почти наверняка это писал я, Черкасов, по-моему, не написал ни одной строчки... И я тогда попытался все это сохранить, задокументировать. Поэтому протоколы у меня были очень нетривиальными в партбюро. Они точно соответствовали тому, что было, в отличие от обычных протоколов, которые из-за небрежности или с умыслом что-то теряют... Еще я был озабочен тем, чтобы протоколы были подписаны не только мною как секретарем партбюро и техническим секретарем, которая их, конечно, не вела – все делал я, – но и всеми членами партбюро. Причем очень важно было, в каком порядке подойти к тому или иному члену партбюро. Иногда нужно было подойти к одному за подписью, чтобы он видел, что и этот подписал и тот. Иногда надо было первой получить подпись Черкасова, директора института, тогда другим было легче. А иногда, наоборот, у кого-то, и тогда у Черкасова было легче получить подпись. Но первая подпись была, естественно, моя, потому что я был автором.

Шалин: Какова была цель Антипиной, была у нее какая-то сверхзадача – скажем, сместить Ядова?

Саганенко: Она сделала свое дело.

Алексеев: Там была любовь на грани ненависти. С одной стороны, там чуть ли не фрейдистские мотивы, она его вроде бы любит, с другой стороны, она его любя бережет, в том числе и от политической заразы. Это скорее психиатрический феномен... ну пограничная ситуация. Все мы немножко психи. Абсолютно нормальных людей вроде бы нет.

Шалин: Что с ней стало, где она сейчас?

Кесельман: Она, по-моему, в университете...

Алексеев: Она долгое время была в Финансово-экономическом институте. Там было то же самое, Кугель от нее страдал. Она за отсутствием Ядова кинулась на Кугеля, Кугель сбежал на другую кафедру, с научного коммунизма на философию или наоборот. Но получилось плохо, потому что с той кафедры, откуда она вытеснила Кугеля, ее выселили саму. Ей некуда было деваться, кроме как на ту же кафедру, куда перешел Кугель, и он опять оказался с Антипиной... Она какое-то время была ученым секретарем какого-то совета.

Шалин: И сейчас ее следы затерялись?

Ионова: Она вообще девушка одинокая или семейная?

Кесельман: Нет, она жена ректора Киноинститута. Он такая же сволочуга.

Алексеев: Ее муж номенклатурная фигура. Они что-то вроде Нины Андреевой и ее супруга, он вдохновитель. У него контакты с партийным аппаратом.

Шалин: И не только с партийным. У меня было такое ощущение, что каким-то образом Антипина знала, что я получил вызов из Израиля до того, как кто-либо об этом узнал. Где-то она там меня в библиотеке прижала в угол и на меня так пристально смотрела: «Если ты что-то хочешь сказать, то пожалуйста». Я отговаривался, а потом кто-

то мне сказал, что она может быть связана с ГБ, что, возможно, она выполняла какую-то задачу... Давайте еще послушаем какие-то кусочки, и потом я хотел бы вернуться к этому документу. Он замечательно интересен, потому что совмещает порядочность пишущих людей с необходимостью выражать эту порядочность в формах, адекватных времени.

Алексеев: Вот приложение. «Приложение к протоколу № 17 заседания партийного бюро Института социально-экономических проблем Академии наук АН СССР от 28 октября 75 года»... Значит, от июля до октября развивались события, связанные со смещением Ядова. Ядов был назначен исполняющим обязанности заведующего отделом и, видимо, остался бы заведующим отделом...

Шалин: ИСЭП был сформирован где-то в марте...

Саганенко: В апреле. А он [Ядов] разве не планировался на замдиректора?

Алексеев: Он планировался и на замдиректора, и на завотделом, но тут возникли письма Антипиной, и встал вопрос о существовании Ядова в качестве завсектором, не говоря уже о завотделом. Как всегда, в таких случаях бывает шум, деформации – то ли он украл, то ли у него украли, то ли у него уехали за рубеж [сотрудники], то ли он не справляется со своими производственными обязанностями, то ли у него какие-то теоретические ошибки в трудах. И вот в этой ситуации мне казалось важным отделить весь этот шум от того реального факта, который инкриминировался Ядову. Реальным фактом был отъезд троих его сотрудников за рубеж. Но это пытались смикшировать всячески, обком не хотел делать это главным. Но, как часто бывает, истинной причиной обыска является совсем не то, что... у тебя ищут валюту, а находят политический самиздат или тамиздат какой-нибудь... И тут тоже как бы неудобно смещать Ядова только за это, а лучше вообще сказать, что он не справился. Так вот, важно было показать, что он справился. Поэтому я рад, что мне удалось очистить это самое дело, одно от другого, и заставить Черкасова на партийном бюро рассказать о своих беседах в обкоме, обнаживших истинную пружину. Главное дело в этом, в политических делах, а не в каких-то там... И когда Черкасов это на партбюро произнес, я, естественно, все запротоколировал, а потом, когда все члены партбюро подписались, не видя в этом никакого особого подвоха, то Черкасову ничего не осталось, как тоже подписать и тем самым выдать свои секретные переговоры в обкоме. Так вот, что он говорил:

«Протокольная запись обсуждения пункта третьего повестки дня»,

ага, видимо, был более краткий протокол, а это я буквально как стенограмму сделал, «по заявлению члена КПСС заведующего отделом Ядова в дирекцию.

Присутствовали члены партбюро: Алексеев, Смирнова, Иванов, Черкасов, Толоконцев, Фирсов, Когут, и секретарь партбюро [Минченков?], других не было.

«Черкасов информирует о том, что сегодня в дирекцию поступила просьба Ядова освободить его от обязанностей завотделом социальных проблем труда и образа жизни. Зачитывает личное заявление Ядова. Мотивировка: Ядов считает целесообразным сосредоточиться на руководстве сектором, где ему предстоит большая работа на завершающем этапе многолетнего исследования. Однако вопрос сложнее, чем это может показаться из текста заявления», – это уже говорит Черкасов.

«...В известном членам партбюро письме сотрудника сектора нашего института Антипиной, направленном в “Правду” весной этого года, содержался ряд политических обвинений в адрес Ядова. Фактической базой для этих обвинений явились антипатриотические поступки двоих бывших сотрудников Ядова, работавших в его секторе».

Шалин: Двоих?

Алексеев: Дело в том, что кто-то уже уволился раньше...

Кесельман: ...Паша уволился до того, как он вызов получил.

Шалин: Кстати, как и я. В зачитанном ранее документе говорилось, что я был уволен. На самом деле, я уволился, и с большим трудом, потому что меня только что распределили [в институт].

Алексеев (продолжает зачитывать документ):

«От этих фактов никуда не уйдешь, хотя в письме Антипиной, как мы знаем, немало и субъективных измышлений. Сам Ядов хорошо понимает свою ответственность за допущенные им ранее недостатки в идейно-воспитательной работе с кадрами, и это обстоятельство, несомненно, обусловило его решение. Мы надеялись, что до ухода Ядова с заведования отделом дело не дойдет. Указанные факты имели место в другом учреждении еще до возникновения ИСЭПа. Но заявление Антипиной получали здесь, в новом институте. После состоявшегося в институте разборе ее письма Антипина не удовлетворилась результатом. Недавно она обратилась к секретарю городского комитета партии Ждановой». Вот пошли партийные секреты.

«Татьяна Ивановна беседовала с ней два с половиной часа, потом вызвала нас с Алексеевым. Нам был сделан серьезный упрек, что мы недостаточно внимательны к Антипиной, запустили ее конфликт с коллективом и не можем нормализовать положение. Заявление Ядова явилось результатом беседы, которую мы втроем: Черкасов, Дмитриев, Алексеев – провели с ним вчера по совету Ленинградского городского комитета партии».

По совету комитета партии – это значит с привлечением всех этих пружин, потому что в таких случаях важно, чтобы люди делали это сами, а тут мы как бы выполняли совет, совет директивного органа.

«Освобождение Ядова от руководства отделом – это то, к чему побуждает его самого и всех нас сложившаяся ситуация. Думаю, следует удовлетворить его просьбу».

...«Задача нашего обсуждения...» – это я комментирую Черкасова. Ну, что я тут наговорил?

Шалин: Давайте, давайте.

Алексеев: Я читаю.

«...Задача нашего обсуждения – определить свою позицию по заявлению Ядова и вынести конкретную рекомендацию дирекции. Вопрос о постановке идейно-политического воспитания кадров в подразделениях, вошедших в состав ИСЭП, специально обсуждался на совместном заседании партийного бюро и дирекции 2 июля. Наш анализ и выводы были поддержаны районным и городским комитетами партии. В частности, Ядову было указано на значительные упущения в работе с научными кадрами. Сам Ядов обнаружил глубокое осознание допущенных ошибок. Его личная позиция была по-настоящему самокритичной. 10 июля приказом» – то есть после всего этого – «приказом директора Ядов был назначен завотделом, и по сей день успешно справлялся с этими обязанностями. Вопрос об уходе Ядова с должности завотделом встал с такой остротой сравнительно недавно. Еще неделю назад, когда мы с Черкасовым были у Ждановой, на этот счет не было окончательно определившегося мнения в горкоме. Теперь оно, очевидно, сложилось. С этим мы не можем не считаться, раз не сумели отстоять иную точку зрения. Следует отдавать себе отчет в том, что никаких новых ошибок Ядов не совершал».

Получалось нелогично: были ошибки в воспитательной работе, идейно-политические и так далее. После этого как бы все забылось и его назначили завотделом. А после вдруг снимают с заведования отделом, или он сам просит его освободить... Дело как бы не в том, что Ядов совершил какие-то новые ошибки, а в том, что изменилась конъюнктура, включая письмо Антипиной, которая усилила эту конъюнктуру.

Шалин: И ваша цель теперь эту абсурдность всем показать.

Алексеев: И наша цель показать, что дело все в этой изменившейся конъюнктуре, а не в изменившемся Ядове, которого назначили завотделом уже после того, как он совершил эти ошибки. Возвращаюсь к тексту.

«...Следует отдавать себе отчет в том, что никаких новых ошибок Ядов не совершал. Все это последствия прошлого, а не оценка его нынешней деятельности. Правильно ли в свое время поступила дирекция, поручив Ядову отдел? Думаю, да, особенно если учесть сложность предконкурсного периода. Вчера Ядов единогласно избран ученым советом на должность завсектором. Так что в мотивировке его заявления – что ему надо сосредоточиться на руководстве сектором – есть своя логика. Но действительная причина, как правильно говорит Черкасов, все-таки другая, и в сложившейся обстановке не скрывать надо эту причину, а обнажить. Ибо ни к чему ни Ядову, ни институту, чтобы ходили в Ленинграде и за его пределами кривотолки, что Ядова-де заставили подать в отставку как несправившегося с отделом или еще почему-либо».

Какую позицию в этих условиях занять партийному бюро? Мы можем либо рекомендовать дирекции освободить Ядова по его личному заявлению, то есть принять мотивировку Ядова, либо сказать прямо, что партийное руководство считает необходимым освободить Ядова за допущенные им недостатки в идейно-воспитательной работе, выразившиеся в факте отказа от советского гражданства двоих его сотрудников».

– Вот чудовищная фраза, но она абсолютно на языке того времени – «...ошибки, недостатки в работе Ядова, выразившиеся в фактах отказа от советского гражданства его сотрудников». Весь этот гомо советикус здесь проявляется: Ядов виноват в том, что те отказались.

Шалин: Значит, намеренно вы сформулировали это таким образом, чтобы подчеркнуть *non sequitur*.

Алексеев: И намеренно доведено все это до абсурда. Когда не так абсурдно, то не так заметно... И не придерешься. Только вся эта дикость она здесь обнажена.

(Продолжает зачитывать.)

«В последнем случае никаких неясностей, никаких поводов для сплетен вокруг этого дела». И вот замечательна дальше фраза:

«Провинился раньше, а наказывают сейчас. А разрыв во времени между тем и другим обусловлен объективной необходимостью подготовки конкурса организации института, *(смеется)* но и субъективно тоже лихорадочной активностью Антипиной на конкурсе. Кстати об Антипиной, пользуюсь случаем информировать членов партийного бюро, что сразу же после беседы в горкоме мы с Черкасовым специально приглашали Антипину. Среди прочих вопросов ей была подробно обрисована предконкурсная ситуация, разъяснена реальность дальнейшей перспективы ее работы в ИСЭП в интересующем ее секторе развития трудовых коллективов и соцсоревнования на должности м.н.с., то есть в ее нынешнем статусе. К сожалению, Антипина не прислушалась к совету директора. На должность старшего научного сотрудника, где на два места было шесть заявлений, она, как известно, по конкурсу не прошла. С учетом всего сказанного я предлагаю рекомендовать дирекции освободить Ядова от заведования отделом без ссылки на его личное заявление, которое тут фактически ни при чем».

Кесельман: Она [Антипина], кстати, не была членом партии.

Саганенко: Потому не была членом партии, что очередь была слишком большая, а не потому, что она была идейная антикоммунистка.

Алексеев: Нет, не была [членом партии]. Ну, дальше какое-то обсуждение...
Результат:

«Рекомендовать дирекции удовлетворить просьбу Ядова об освобождении от обязанностей завотделом с целью его сосредоточения на делах сектора».

Шалин: Замечательный документ. Он сочетает желание сохраниться как личность и вместе с тем отражает свое время. Но вот все эти тонкости, на которые вы пускались, Андрей, они не были ли слишком тонки для этой системы...

Алексеев: Да конечно, были, конечно.

Шалин: Вы абсурд ее показали, но разве изменило это что-то?

Алексеев: Нет, ну, может быть, только в одном... Еще через год волна [репрессий] ослабла вокруг него, и Ядова благополучно сделали завотделом. Была порка, а потом... снята судимость. Хотя это неоднозначно. Были и другие точки зрения, что напрасно я это все затеял... А потом снова [мнение менялось].

Шалин: Галя, а ты не вступала в партию по принципиальным соображениям, заявление подавала?

Саганенко: ...Нет, заявления я не подавала... Там было все сложнее. Когда меня назначили замзавотделом... там же машинка крутится сама, так сказать: ну теперь Галину Иосифовну должны принять в партию. И где-то чего-то это обсуждалось, в какой-то резерв меня ставили.

Кесельман: Нет, ну это же было почетное дело.

Шалин: Как бы очередь подошла или по должности полагалось.

Саганенко: Я точно знаю, Протасенко у нас была такая, Татьяна...

Шалин: А она вступила в партию?

Саганенко: Да она в партии давно и по убеждению. Я ей говорю: «Татьяна, я допускаю, что мне по резерву [полагается], и я как бы я официально не отказываюсь, но что, если бы оно как-то где-то замоталось». И в принципе это дело замоталось. По-моему, как-то не поднимался этот вопрос.

Шалин: Андрей, к вам такой вопрос: к этому времени были у вас какие-то иллюзии насчет очищенного ленинизма, была еще вера, что порядочные люди должны быть в партии?

Алексеев: Да, да.

Шалин: В какой момент исчезли эти иллюзии?

Саганенко: Иллюзии у него не исчезали, по-моему, до самого последнего времени...

Алексеев: Если рассуждать не об ощущениях а, о поступках, то считайте, что позавчера [когда Алексеев вместе с группой сотрудников вышел из КПСС].

Шалин: Мне интересно, когда люди уже вышли из этой обоймы, субъективно они уже ни во что не верят, но продолжают ритуально жить [по старому]. Аргументы могут быть самые разные. Был такой момент до 85 года – ведь нас же выгоняли, ставили к позорному столбу [когда веры уже не было]?

(Конец первой стороны пленки.)

Алексеев: Меня никто не выгонял [А. Алексеев вступал в КПСС в 1961 г. Был исключен из партии, по политико-идеологическим обвинениям, в 1984 г. В 1988 на волне перестроечных процессов был восстановлен, даже с сохранением партстажа. А в 1990 из КПСС добровольно вышел].

Шалин: Значит, вы сами ушли из партии, разве вас в свое время не исключали?

Саганенко: С позиции секретаря [партбюро] его выгоняли.

Кесельман: Ну, тут много параллельных событий шло.

Алексеев: Тут много параллельных сюжетов было...

Шалин: В какой момент вы ушли из института и пошли на завод?

Алексеев: В 80 году.

Шалин: И непосредственной причиной тому было...

Алексеев: ...Версия была, версия, не лишённая смысла, был такой исследовательский мотив, исследование социальных процессов изнутри. Второй мотив нравственный, то, что было связано с работой. Где-то надоело... и приняло это дело какую-то авантюрно-игровую форму.

Шалин: То есть эта была акция сознательная...

Алексеев: Это было своего рода внутреннее диссидентство...

Шалин: И к этому моменту уже уходит [вера], или еще сохранялись какие-то [надежды].

Алексеев: Сказать, что их уже тогда не было, а ты, тем не менее, [продолжаешь ритуальные действия], трудно, потому что это значит признаться в двойном сознании. Каждый человек, который имеет двойное сознание, предпочитает считать, что он чего-то все-таки недопонимал. Ему хочется именно так думать. Четкой грани ведь здесь нет. С одной стороны, многое из того, что я знаю, я знал еще в 60-х годах. Тем не менее, я не был человеком того типа, который выходил на площадь, и так далее и так далее. С одной стороны, мои действия [отражали] мое непонимание, с другой стороны, они были в меру моей способности поступать [определенным образом]. Может быть, если бы я понимал больше, я бы и поступал иначе...

Божков: ...Где-то в 68-70-м году [у меня был руководитель диплома С. В. Смирнов], который присылал мне открытки «с коммунистическим приветом». Насколько я помню, Андрей относился к этому с иронией тогда, в 68-м. Смирнов был доброжелательный человек, но иначе разговаривать он не мог. И Андрей говорил мне: «Не обращайтесь на эти глупости, человек-то он хороший, Смирнов». Действительно, он очень добросовестный, очень такой доброжелательный, но у него есть

такой пунктик, иначе он разговаривать даже в миру не умеет. Для Андрея такая крайность была очевидна.

Шалин: А когда у вас лично не осталось сомнений, уже в перестроечную пору, насчет истинного Ленина и т. д.?

Божков: Что касается меня лично, то уже давно очень неуважительно отношусь к [таким вещам]... Это где-то в годы чехословацкого [кризиса].

Шалин: Можно сказать, что с этого времени начинается двойная жизнь?

Божков: Нет, я бы не сказал, что начинается двойная жизнь. Просто начинается осознание того, что какие-то вещи я могу думать, но не могу говорить, не везде могу говорить...

Шалин: А были какие-то маленькие акции, которые можно рассматривать как форму оппозиции?

Саганенко: Божков у нас совершил несколько важных поступков. Он борец, борец... Давай я скажу, поскольку все же неудобно говорить про самого себя. Я считаю важнейшей акцией, которую провел Божков, было то, что после назначения Сигова директором где-то очень скоро было общее профсоюзное собрание аж в конференц-зале Академии наук самом главном. Сигов нам тут же успел прочесть мораль о том, что мы плохо себя ведем, плохо ходим на работу и так далее. И Божков первый из всех сотрудников попытался директору объяснить, что так с сотрудниками разговаривать нельзя. Он [Сигов] имеет дело с сотрудниками, которых он абсолютно не знает, и чехом всех обвинять чуть ли не в... как каких-то школяров.

Шалин: Какой это год был?

Божков: 78-й.

Шалин: То есть в эпоху высокого застоя.

Алексеев: Я бы различил здесь нравственное противостояние и политическое. В плане нравственного противостояния системе, пожалуй, большинство здесь присутствующих, кто-то больше, кто-то меньше, допустим, Божков больше, я, может быть, раньше, и так далее...

Шалин: Не соучаствовали в этом.

Алексеев: Да, и это было, и это могло быть даже чуть ли не смыслом жизни. По крайней мере, я могу сказать, что задолго до всех этих событий у меня это было. Но при этом не хватало не просто способностей, а именно силы духа, мужества додумать до конца и перейти от нравственного противостояния к политическому. Поэтому то, что я сейчас рассказывал об этих событиях... Почему, например, меня досрочно освободили от партийного секретарства, – потому что, когда исключали Юло Вооглайда из партии, я как бы клал рядом свой партбилет и это [объективно] было политической акцией, в особенности потому, что я был секретарем партбюро.

Шалин: Клади в смысле фигуральном?

Алексеев: Я говорил, что ручаюсь своим партийным билетом...

Шалин: Понятно.

Алексеев: Но это все-таки [субъективно] была не политическая акция. И вот все эти события – обогащение нравственного и перехода его в нравственно-политическое противостояние – где они окончательно срослись? Про себя я могу смело сказать – [только] позавчера.

Шалин: Даже уход в народ, так сказать, это еще нравственная акция.

Алексеев: Да, ты еще нравственно противостоишь, а тебе уже шьют политику. Я всего-навсего тут ручаюсь своим партбилетом за Вооглайда или пишу письма любимым женщинам с завода, а меня уже выгоняют с партийных постов или устраивают обыски... Они тем самым способствуют моему политическому созреванию, из нравственного конфронтанта я все более превращаюсь в политического.

Шалин: Андрей, а были такие вещи в 60-е, 70-е, 80-е годы, за которые сейчас, если не стыдно, то все же есть такое чувство, что плохо, что я что-то сделал или не сделал, промолчал там...

Алексеев: Мне не стыдно за какой-то конкретный поступок, но стыдно за жизнь...

Шалин: Но почему? Ведь вы же родились в системе, которую вы не выбирали, как не выбирают мать или отца. Она вас ломала, она вас корежила, она вам мозги пачкала. Вот то, что Солоухин сказал, – он вообще меня на эту тему и вывел, – помните пастернаковское собрание, где его выгоняли [из Союза писателей] в 58 году, где были сотни писателей, представителей лучшей советской интеллигенции, и никто не сказал ни слова, все промолчали, все подняли руку и проголосовали «за». Солоухин и говорит: «Ну я выступил, мне предложили, другим не предложили, и они не выступили. Либо мы все подонки, все виноваты, либо никто не виноват. Система виновата, партия виновата». Вы согласны с ним...

Алексеев: Я повторяю, что каких-то вот таких поступков – не вообще за всю жизнь, а имеющих отношение к нравственно-политической сфере, – за собой я не помню, коих я бы стыдился. Вот документы, которые я [здесь] читал, – с одной стороны, за них стыдно, а с другой стороны, не стыдно.

Шалин: Это была исторически конкретная правда того времени.

Алексеев: Да, исторически конкретная правда того времени.

Саганенко: И все ж таки мы как бы бежали впереди прогресса.

Алексеев: Сейчас, одну секундочку... Первых учеников в этой компании, по моему, не было.

Саганенко: Не было по-крупному, но я все время замечала такие вещи. Вот у нас с Божковым был разговор тогда, наши начальники сварили какую-то кашу в институте, то ли вас по конкурсу не хотели провести, то ли еще что-то. И я говорила, что вижу всю эту ситуацию, но ничего не поделаешь, Божков, тут уже ничего не выйдет. А Божков говорил: «Почему не выйдет», и начинал войну, и многие вещи отыгрывал. Или такой момент. У нас была совершенно ритуальная форма ссылок [в публикациях], первый абзац любой книжки, о чем бы она ни была – по математике, или что еще, – обязательно последнее решение съезда. Про себя говорить неудобно, но два раза я публиковала книжку и ни одной ссылки ни на Ленина, ни на съезд у меня нет.

Шалин: Небольшая личная акция.

Саганенко: Да, дело в том, что очень часто мы считали, что дело обстоит так-то, а на самом деле можно поступать [как хочешь]. А то этот внутренний цензор бежал впереди нас. На всякий случай лучше сделать [как полагается].

Божков: Такие конфронтации появились у нас еще до так называемой перестройки. Я помню, что была еще одна такая [взбалмошная дама?], которая отыгрывалась на всех собраниях – профсоюзных, партийных, где она поднимала вопрос об идеологическом обеспечении научных исследований... И значит, тогда я сказал, что [?].

Шалин: Какой это год?

Божков: 83-й.

Алексеев: Есть еще одна закономерность. По мере созревания, нравственная конфронтация становится политической, но при этом последняя сплошь и рядом утрачивает нравственную мотивацию. И вот сейчас, например, у меня нет особого желания заниматься политической конфронтацией. Выйдя из КПСС, я не стремлюсь в какую-то партию, которая будет выигрывать. Мне не хочется повторять слова типа «КПСС – преступная организация» и так далее, не потому что я не хочу покаяния, а потому что этим я начну обвинять кого-то другого. А нравственная мотивация, она чуточку религиозный оттенок имеет, поэтому я и сейчас на новом витке спирали предпочитаю нравственную конфронтацию политической.

Шалин: Это очень важно. Есть у вас такой человек, Костюшев, и он мне сказал, что в начале перестройки организовал неформальную группу в защиту перестройки, и

как-то сразу выяснилось, что десятеро из них – бывшие освобожденные комсомольские работники. Они же и оказались провозвестниками... То есть люди социально активные, гиперактивные, они...

Алексеев: Не обязательно. Среди самых активных есть люди, не растерявшие потенциал очень раннего политического созревания. Люди типа Лена Карпинского или [Сергея Ковалева ?], который в Верховном совете сейчас возглавляет комиссию по правам человека. Бывшие правозащитники-диссиденты сплошь и рядом сейчас... вот у нас [Юлий] Рыбаков такой в комиссии по правам человека Ленсовета. Люди, которые сейчас в новых структурах становятся ведущими рычагами [перемен]. Яркий пример – Сахаров. Ведь его конфронтация после того, как он стал депутатом, была не столько политическая, сколько нравственная. Он был совестью всего этого съезда.

Шалин: Кто-то мне сказал, что по тем временам порядочным был человек, который делал гадости с отвращением...

Алексеев: Нет, порядочный человек – это все-таки тот, кто не делал гадости, сознавая, что это гадости. Были люди, которые голосовали за исключение Пастернака, и сколько бы они сейчас не говорили... никуда тут не денешься. А вот кого-то бог миловал. Я, помню, приехал в Новосибирск, встретился с Виктором Переведенцевым, познакомился, он прекрасный социолог, и он говорит: «Ну, меня бог миловал. Я как раз переезжал из Москвы в Новосибирск, когда была эта кампания собраний по поводу Чехословакии 68 года». Кстати, и меня как-то бог миловал – я не помню собрания, на котором обсуждалось бы это осуждение.

Шалин: А если бы пришлось...

Алексеев: Честно говоря, не знаю, как бы я поступил, но за такое решение мне голосовать не приходилось. Для меня факт голосования где-то важнее высказывания или чего-то такого.

Кесельман: А меня [во время событий в] Чехословакии спокойно [приняли?] в партию.

Шалин: Ты старался [вступить]?

Алексеев: Очередь подошла.

Шалин: А с какой мотивацией? Это интересно, ведь люди вступали в партию, зная, что все это лажа, с мотивировкой, что нужно защищаться, продвигаться по службе, я буду эту организацию изнутри менять, нужно же там быть порядочным людям...

Кесельман: Кстати, у меня такой пример был перед глазами. Дело в том, что жена моего друга вступила в партию в совершенно нелепой, безвыходной ситуации. У нее в школе вся партийная ячейка состояла из трех членов, один из них – редкая сволочь, которая третировала всю школу, и никак его было не [остановить]. Наконец, два других члена партии сообразили, что спасти их может только одно – увеличить свою численность. И тогда они уговорили ее и еще одну девушку, достойного человека [вступить в партию]. И, в общем, они победили этого склочного человека. И потом она была замом секретаря по идеологии... коллектив подобрался очень порядочный, и им удавалось от многих вещей как-то уходить.

Шалин: Прекрасный пример сочетания прагматики и этики... но если средства не этические, то не важно, насколько правильна конечная цель, – ты все равно запачкаешься...

Божков: Меня господь как-то спасал все время. В 68 году в заводууправлении, где мы были тогда приписаны, сотрудникам задавали дурацкие вопросы, в частности про Чехословакию. Не могу сказать, что я был полный идиот, я отдавал себе отчет в том, что я делал, но... во время партийного собрания [я сказал, что я думаю по этому поводу].

Саганенко: Поэтому с тех пор ты и остался младшим научным сотрудником.

Шалин: Значит, были конкретные последствия, за эту позицию надо было платить.

Алексеев: Если брать вот этот тест, то примерно до 80 года я лично придерживался точки зрения, что чем больше порядочных людей в партии, тем лучше. С

80 года по, я думаю, 86-й, я стал думать, что каждый должен отвечать сам за себя. И вот уже только теперь... Ну, вот так.

Шалин: А такой момент, возвращаясь к вопросу о стыде, мне кажется, что стыд помогает сохранять этическое ядро, что это единственное, что остается порядочному человеку. На площадь не выйдешь, во весь рост не выпрямишься, но... Когда я уезжал, я сочинил себе такую [байку], думаю, что она была рационализацией, но тогда я себя убеждал, что, если топчут не тебя, а кого-то рядом, то больно тебе, и чем порядочнее человек, тем тебе больнее. В какой-то момент отворачиваться – скажем, в 70-е, когда в психушку сажали, – уже было невозможно. Либо ты живешь не по лжи, а это на самом деле невозможно даже на ГУЛАГе – Солженицын выжил там, поскольку приспособливался, – либо надо уезжать. Я не думал, что я тот человек, который пойдет на площадь, по крайней мере, тогда я для этого не созрел, и поэтому я уехал. Себя я никогда до конца не убедил, что эта позиция этически правильная, поскольку ты выходишь из игры, оставляя других расхлебывать...

Божков: Отвлекаясь от нравственных моментов, я всегда думал, что члены партии – это наиболее активные люди.

Шалин: Энергетически?

Божков: Да, их энергетический уровень гораздо выше, чем... Я оставляю в стороне нравственные мотивы. Тут есть тупая корреляция.

Саганенко: Да, но это как раз аргумент, который партия сейчас использует. Для того чтобы эту энергию реализовать, надо было идти на [сомнительные действия]. Сначала им надо было вступить в партию, а потом уже... Почему они партийными оказались? Потому что, если ты туда не влезешь, то ты не имеешь шансов самореализоваться. Люди были вынуждены вступать, чтобы как-то проявиться...

Алексеев: Тезис жить не по лжи, строго говоря, не максималистский. Максималисткам был бы лозунг жить по правде. Есть некая промежуточная логика, когда человек уже не лжет, но еще и не живет по правде... Иногда человек субъективно уверен, что он живет не по лжи, но на самом деле он не живет по правде. Сахаров – человек, который жил по правде. Люди, которые клеймили, исключали Пастернака, они в ту пору определенно поступали по лжи. Были те, кто не пришел на собрание... Каверин, там. Они не поступили по правде. Писателей того уровня, что поступили бы по правде, тогда не оказалось. Но и не все поступали по лжи. Грань здесь очень зыбкая: ты думаешь, что ты еще живешь так, а на самом деле...

Шалин: Вот идет собрание. Дима Шалин, урожденный Гутман, заявляет, что он хочет уехать на свою историческую родину. Кому-то из присутствующих надо защищать диссертацию, кому-то скоро распределяться, у кого-то семья – что тут делать? Надо приходиться, больным так просто не скажешься...

Алексеев: Вот пример Твардовского. Он жил, в общем, не по лжи, но и не по правде... С другой стороны, житие по правде часто заставляет других либо двигаться к правде, либо переходить на полную ложь, и, живя по правде, [такие люди] в некотором смысле совершают отступления от нравственности, поскольку они провоцируют остальных.

Шалин: Я слышал такое суждение, что, если я выступлю [открыто], то меня потянут в КГБ, где я могу расколоться, всех заложить. Может быть, разумно было с моей стороны не выпрямляться тогда во весь рост и не говорить, что думаю. И еще я слышал, что Сахаров, может быть, и не прав. Разумнее, интеллигентнее было бы с его стороны в данных исторических условиях быть более осторожным, поскольку он смог бы сделать больше не в Горьком, а на свободе...

Алексеев: Между прочим, люди, которые уезжали [в те времена за границу], под эту модель тоже подходят. В каком смысле – для меня нравственное неприятие тех, кто уезжал в ту пору, связано с положением, в которое они ставили тех, кто остается. В некотором смысле поступок Буторина, который уволился раньше, был для меня

нравственно вполне оправдан, в отличие от твоего отъезда [без соответствующих предварительных шагов].

Шалин: Это неправда. Я сначала уволился, сказал Ядову за несколько месяцев, что происходит, что я увольняюсь именно для того, чтобы как-то смягчить последствия... Это было очень трудно сделать: «Вы же только что были распределены в институт – почему вы увольняетесь?» – мне говорили...

Алексеев: Я говорю, как я тогда воспринимал ситуацию.

Кесельман: Там еще был такой момент, который трудно было предвидеть, – из комсомола исключать должны по последнему месту работы, где он стоял на учете, и поэтому...

Шалин: Что-то именно такое там было...

Алексеев: При всей своей политической недоразвитости, но моральной чувствительности, мне казалось так, что, если бы я захотел уехать, я бы резко, круто разорвал все связи, [чтобы защитить] людей, которые от этого могут пострадать, и только после этого...

Шалин: Вы знаете, я точно так и сделал...

Алексеев: Ну, дай бог.

Шалин: До сих пор есть люди, которые не могут мне простить тот факт, что я не посоветовался, резко оборвал с ними связи, зная, как [мое решение эмигрировать] может сказаться на них.

Алексеев: Так же, как человек, решивший покончить жизнь самоубийством, если он нравственный человек, сначала должен развестись с женой, рассориться со своими детьми или родителями, я не знаю, иначе он ставит их в положение [?].

Шалин: А можно сказать, что люди, решившие уехать [из СССР], этически были не[состоятельны]... Я, помню, вел разговоры с Виктором Шейнисом, и он мне говорил, что дважды два – это двенадцать по официальным данным. «Я своим студентам говорю, что это восемь или даже шесть, а вот ты и еще один человек знают [от меня], что это четыре. Я вижу смысл своей жизни в том, чтобы этот свет передавался из поколения в поколение». «Ну, и в конце своей жизни, – я ему говорю, – вы сможете сказать, что свобода совести – это правильно, а диктатура – это нехорошо». Ведь есть же и другие истины... проблемы, которые будут стоять сколько-то времени после того, как этот режим падет... Не уверен, что я сам себя убедил тогда, да и сейчас я вижу, что этот аргумент [хромает].

Алексеев: Для меня самым главным в момент твоего отъезда были последствия, которые твое решение могло иметь – да и имело, как мы сейчас убедились, – для Ядова...

Шалин: Для общего дела, для социологии...

Алексеев: Нет, нет, нет. Для конкретных людей. Дело – нет. При чем тут дело. Дело не пропадет без Шалина, и Шалин не пропадет без того дела. В общем, мне, как ни забавно, тогда нравился Буторин и не нравился Шалин, хотя я и не знал всех этих деталей, о которых ты сейчас говорил. Про Буторина я с чистой совестью мог говорить: «А при чем тут Ядов, Буторин уволился, где-то он нахватался каких то [идей], захотел уехать». А сказать [в случае Шалина], сотрудника, ученика, что Ядов был ни при чем, уже было...

Шалин: Практика осуществления этого законного желания вызывала сомнение.

Алексеев: Не только это. Право жить, где хочешь, работать, где хочешь, для меня и тогда было совершенно очевидно – это его дело.

Божков: ...Что изменилось сейчас, это модальность. Я помню 75 год, исключение людей. «Ну и маразм, ну и маразм», я понимал. Сейчас это уже ничего не выражает. Вот я послушал эти документы – эмоции уже другие, модальности, оценки, конечно, уже совсем другие, хотя та же интенсивность.

Шалин: Возвращаясь к тому собранию, где меня исключали из комсомола, там многие выступали... но выступали по-разному. Ядов сказал что-то такое, что мы делаем общее дело, а он [Шалин] подрывает коллективные усилия, связанные с проектом. И это

все, что он сказал, что по стандартам времени было очень даже [мягко]. Потом Протасенко выступила, она сказала, что я идеологический враг, опустившийся до... Потом там был такой Валерий, какой-то аспирант.

Кесельман: Женя Кунин?

Шалин: Не знаю. Он был студентом философского факультета... Причем этот человек обязан мне своим существованием в комсомоле. В 68 году было [общеуниверситетское] комсомольское собрание, где он был делегатом философского факультета и выступил с защитой Чехословакии, или, во всяком случае, что-то сказал по этому поводу, что [шло вразрез] с мнением делегации. Затем было собрание на философском факультете, чтобы вывести его из комсомола как отколовшегося. Я тогда был секретарем по идеологии и сказал, что [как делегат] он представляет не только факультет, но и свой курс, и если на курсе есть такие мнения, то он обязан их представлять. Мне кажется, что это повлияло на решение не исключать его из комсомола и [не выгонять] с факультета. И вот на том собрании [где меня исключали из комсомола] он сказал, что я подонок, что если мы в будущем встретимся на поле боя, то он не промахнется. Я слушаю его и думаю про себя: «Что же ты такое говоришь, гаденыш, ведь ты бы не сидел здесь, если бы я тогда не сказал про тебя нечто совсем другое».

Алексеев: ...Я не уверен, что это был Кунин.

Шалин: Может быть, не он. Он был на курс старше меня на философском факультете. Может быть, это был кто-то другой.

Алексеев: Шкаратановский аспирант?

Шалин: Может быть, не уверен.

Кесельман: Не наш сотрудник?

Шалин: Нет, не наш. Он точно не был у нас [в секторе].

Алексеев: А как его звали хотя бы?

Шалин: Мне кажется, что Валерий, но не Козиев?.

Алексеев: Но тот был Евгений.

Шалин: Может быть, и Евгений. Я не уверен. Он такой невысокого роста, коренастый. Мне кажется, что он бороду носил тогда...

Алексеев: Так что давайте Кунина реабилитируем.

Шалин: Давайте. *[Поскольку Е. Кунин кончал Финэк, Шалин явно не мог с ним встретиться на философском факультете ЛГУ – А. А.]*

Кесельман: Был у нас еще такой Си[нов?], интервьюер, с бородкой, невысокого роста...

Шалин: Тот парень был на курс старше меня на философском факультете. Ну, не важно... Я знаю, что он человек порядочный, высказывал свое мнение когда-то... Люди проявлялись в такой ситуации, Протасенко, скажем. А Красноносенко сказала [перед собранием], что она выступать не будет и если Ядов ее заставит, то она скажет, что это дело людей, которые уезжают. И Ядов таки ее пропустил, [не стал требовать, чтобы она определилась на собрании]. Можно сказать, что те, кто говорил идеологически корректные вещи, но без придыхания, были порядочными людьми, действующими по конвенциям того времени? Кто-то приходил меня провожать потом, согласовывал со мной свои выступления [на комсомольском собрании]... Даже в те времена были неписанные каноны, по которым мы знали, кто есть кто – кто первый ученик, кто второй, кто человек порядочный, испытывающий отвращение ко всему этому делу, кто не будет принимать участие даже с риском для себя.

Алексеев: На секторе обсуждалось это дело?

Шалин: Было только общее собрание. Оно было совместное, комсомольско-партийное, мне кажется...

Алексеев: Почему я его не помню.

Кесельман: А почему Божкова не было?

Божков: Потому что я не был комсомольцем...

Кесельман: Нет, это было общее собрание ленинградских секторов.

Алексеев: До ИСЭПа ленинградских секторов не могло быть... Все, что было в ИСЭПе, все у меня [записано].

Кесельман: Это было буквально накануне создания ИСЭПа.

Шалин: Я уволился где-то в январе-феврале. Мне как-то удалось, наконец. Потом я подал в марте заявление на выезд, и характеристику мне выдали еще через месяца два. Собрание, по-моему, было где-то еще перед маем. *[Как явствует из приводившегося выше партийного документа, то было «собрание комсомольской организации Ленинградских секторов Института социологических исследований и Института философии АН СССР, происходившее 27 февраля 1975 г. – А. А.].*

Алексеев: Но ты не снялся с комсомольского учета.

Шалин: Я не выходил из комсомола. Это собрание [исключило] меня из него... В августе я уехал. Я жил в Рошине тогда, и где-то в конце июля я получил повестку явиться в ОВИР для разговора. Я уехал 5-го августа.

Алексеев: А Буторин?

Шалин: Я не вполне уверен, что он уволился. Мне кажется, там были более сложные обстоятельства, что-то связанное с распределением... Он был сотрудником [института] какое-то время, но он не был аспирантом...

Кесельман: Там была какая-то история. Он перестал ходить на работу. Меня посылали к нему выяснять, что-то такое... Потом там был прогул, и из-за этого прогула его увольняли... То ли письмо какое-то пришло из вытрезвителя. В общем, там был какой-то бытовой скандал... Потом стало известно, что Паша-то уехал... *(Шепотом.)* А вот еще! Ведь Паша был Эдикиным [Беяева] сотрудником, и когда Эдик уехал, то вот это и был основной мотив... Когда с Эдиком все это стряслось, то Паша стал каким-то прокаженным. Это ускорило его увольнение...

Алексеев: ...Ну ладно. Значит, нравственное противостояние там у всех какое-то было. Сам факт отъезда, в любом случае, это уже было политическое противостояние в ту пору или нет?

Шалин: Я думаю, что придется разбирать каждый конкретный случай. Были люди, для которых это была политическая акция. Кто-то был в безвыходном положении. Были люди, для кого это была экономическая акция. Большинство, наверное, сочетали разные вещи – от неясности с карьерой до желания вывезти отсюда детей как можно скорее, до ощущения, что они задыхаются. Для меня субъективно – и я понимаю, что интеллигенты, они горазды находить аргументацию или рационализацию, – но у меня было такое чувство, что я лучше буду мыть стекла в Колумбийском университете, чем работать профессором в Ленинградском, настолько стало тошнить в какой-то момент. Помню, я ехал в Казань, смотрел на людей, бившихся за место у кассы, и было такое чувство, что изменить это [невозможно], что партия и народ где-то более едины, чем мы себе даем в этом отчет. Маятник русской истории постоянно движется от, не знаю, Ивана Грозного к [?], от Николая Первого к Александру Второму, от Ленина к Сталину, от Сталина к [Хрущеву, и нет тому конца]. И думал: «Сейчас или никогда, надежды никакой нет, надо собираться, я не должен упустить этот момент».

Алексеев: Я к чему спрашиваю – какая-то неловкость нравственная была тогда и, значит, осталась сейчас, по поводу того, что... ответственность была коллективная, что она легла на Ядова... [что дело могло дойти] до исключения из партии... Было у тебя такое сознание?

Шалин: Было очень ясное осознание [ситуации]. С Ядовым у нас был разговор за месяцы до [подачи заявления]. У нас с ним был длинный разговор где-то в январе. Я сказал, что хочу уволиться, чтобы как-то [смягчить удар]. Сначала у нас был разговор по существу – надо уезжать, не надо уезжать, кто-то же должен оставаться и так далее; но когда ему стало ясно, что меня переубедить он не сможет, то мы разработали с ним [план].

Это был непростой вопрос, поскольку он был связан с моим распределением [после защиты диссертации], так просто меня никак не открепляли, надо было им намекать...
(*Запись заканчивается.*)

P. S. От А.Н. Алексеева

Совсем недавно, разбирая личный архив, я нашел несколько документов, относящихся к сюжету первой части этой беседы, а именно – инициативному выходу из партии группы сотрудников Ленинградского филиала Института социологии АН СССР летом 1990 г.

Начать с того, что выход этот начался еще в конце 1989 г., когда я сам и большинство моих коллег еще сохраняли некоторые иллюзии насчет демократического обновления КПСС и т. п. «Первой ласточкой» оказалась О.Д. Цепилова. Но лучше дам слово... себе самому тогдашнему, авторству которого принадлежит следующий отчет об этом событии.

ИНФОРМАЦИЯ

об открытом собрании партийной группы
сектора социологии общественных движений Ленинградского филиала
Института социологии АН СССР от 21.12.89

На собрании присутствовали члены КПСС А. Алексеев, В. Костюшев, Л. Кесельман, А. Темкина, Е. Алексеева, О. Цепилова (полный состав партгруппы). Присутствовали также: член ВЛКСМ Ю. Зеликова, беспартийный В. Воронков; нештатный сотрудник сектора, чл. КПСС О. Вите; секретарь партбюро ЛФ ИС АН СССР Е. Поволоцкий.

Собрание обсудило заявление члена КПСС с 1980 г. О. Д. Цепиловой в первичную партийную организацию ЛФ ИС АН СССР от 20.12.89 следующего содержания:

«Ставлю Вас в известность о своем выходе из рядов КПСС. Не хочу быть членом партии, назначившей себя руководить страной, в которой люди с чистой совестью обречены пожить неполную жизнь».

Одновременно с этим заявлением О. Цепилова передала в партбюро ЛФ ИС АН СССР свой Партбилет № 18282635.

На собрании партгруппы выступали все присутствующие.

Решение партгруппы:

Партийная группа сектора социологии общественных движений ЛФ ИС АН СССР отмечает, что:

1) Член КПСС О. Цепилова реализовала свое уставное право обращаться в любую партийную организацию с вопросами, заявлениями и предложениями;

2) За девять лет пребывания в партии О. Цепилова проявила себя как достойный ее член, соблюдающий все положения Устава КПСС;

3) Фактической утраты связи с партийной организацией (п. 3 Устава КПСС) у О. Цепиловой не произошло;

4) Инициативный выход из КПСС по принципиальным мотивам (что отражено в заявлении О. Цепиловой от 20.12.89) хоть и не предусмотрен процедурно, однако не противоречит общему смыслу Устава КПСС, утверждающего в своей преамбуле добровольность объединения коммунистов.

С учетом сказанного, партгруппа рассматривает инициативный выход О. Цепиловой из КПСС как еще один сигнал неблагополучия, утраты доверия ряда общественно активных и нравственно безупречных людей к КПСС, что нарастает по мере отставания перестроечных преобразований в обществе. Партгруппа считает необходимым активизировать свои усилия, как коллективные, так и каждого своего члена, направленные на преодоление указанного отставания.

В частности, партгруппа сектора социологии общественных движений ИС АН СССР безусловно поддерживает позицию, выраженную в резолюции митинга коммунистов и беспартийных Ленинграда от 6.12.89, настаивающих на созыве внеочередной Ленинградской партийной конференции с прямыми выборами делегатов от первичных партийных организаций, на альтернативной основе, при тайном голосовании. Артгруппа считает необходимым, чтобы такая конференция предшествовала внеочередному съезду КПСС, на немедленном созыве которого настаивают Ленинградские ОК и ГК КПСС в своих решениях последнего времени.

Партгруппа сектора А. Н. Алексеев

С тех пор много воды утекло. Ольга Цепилова ныне одна из ведущих сотрудников Социологического института РАН, кандидат социологических наук. А кроме того – активист движений «зеленых» и член руководства партии «Яблоко». Случилось так, что после митинга в Петербурге 15 апреля с. г., происходившего на Пионерской площади вместо запрещенного «Марша несогласных», О. Цепилова жестоко пострадала от омовской дубинки. Я переслал Ольге ксерокопию этого документа в больницу, с припиской: «Улыбнись!». Другие комментарии сегодня, пожалуй, избыточны.

А вот насчет коллективного выхода группы сотрудников Института социологии АН СССР из партии, происходившего буквально накануне этого интервью в июле 1990 г., достаточно выразительно свидетельствует нижеследующий документ, относящийся к тому времени.

К партийному собранию
ЛФ Института социологии АН СССР
24 июля 1990 г.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

1. Ряд заявлений о выходе из КПСС от членов нашей первичной партийной организации после Учредительного съезда КП СФСР, а затем после XXVIII съезда КПСС и результаты проведенного референдума первичной партийной организации показывают, что большинство наших товарищей не собираются ни оставаться членами КПСС, ни брать на себя обязательство о вступлении в какую-либо новую партию (сторонников «Демократической платформы [в КПСС. – А. А.]» или иную).

2. В этих условиях мы должны признать нашу первичную партийную организацию ликвидированной, а все, кто придерживается иной точки зрения, могут сформировать в нашем Институте ячейки любых партий, включая КПСС, либо встать на учет в территориальных партийных организациях, по их усмотрению.

3. Об этом решении – информировать вышестоящие партийные органы и широкую общественность, во избежание всякой неопределенности.

4. Значит ли это, что следует соблюдать не прописанные в Уставе КПСС, но как бы подразумеваемые формальности, вроде личных заявлений, сдачи партбилетов в райком и т. п.? Думаю, нет. Дело в том, тем самым человек, по существу заявляет о своем признании КПСС политической партией, каковой она, как теперь становится очевидным, вовсе не является, будучи лишь аппаратно-бюрократической структурой, призванной обеспечить сохранение господствующего положения в обществе слоя партийных функционеров, даже в условиях многопартийности, демократических преобразований в обществе, зарождающего/ся. – А. А.] народовластия и т. д.

5. Полагаю целесообразным провести на сегодняшнем собрании поименное голосование о коллективном выходе из КПСС и о ликвидации нашей первичной партийной организации. В случае, если это решение будет принято большинством голосов от списочного состава нынешней организации, оформить в качестве коллективного заявления, под которым подпишутся все принявшие его. Личное заявление о выходе из КПСС является, разумеется, правом каждого, но в этом случае не обязательно.

6. Партийные билеты с отметкой об уплате членских взносов по настоящий момент – сохранить на руках в качестве документа, подтверждающего факт личной биографии каждого, как бы каждый из нас сегодня ни относился к этому факту. Тогда мы сохраним за собой преимущественное право бывших членов КПСС требовать безоговорочной передачи Советам партийного имущества, которым аппаратная верхушка партии вовсе не собирается делиться с кем бы то ни было. Да и вообще сдача партийных билетов была бы актом своего рода ухода от ответственности за свою принадлежность к КПСС в течение более или менее длительного периода.

7. При том, что нынешняя первичная организация КПСС в ЛФ ИС АН СССР ликвидируется (согласно коллективному решению), было бы, мне кажется, неверным разваливать тот дееспособный коллектив, каковым успели проявить себя члены нашей партийной организации. Этот коллектив располагает высоким профессиональным, политическим и организационным потенциалом, который грешно не использовать.

8. Поэтому поддерживаю мысль о целесообразности преемственного перехода этого коллектива на положение добровольного ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫХ СОЦИОЛОГОВ (сотрудников ЛФ ИС АН СССР). В это объединение могли бы войти как бывшие члены первичной организации КПСС, так и все желающие сотрудники

Института. Возможно, стоит зарегистрировать его как общественную организацию (со своим Уставом, членскими взносами и т. п.).

[Интересная, однако, идея: этакий «блок бывших коммунистов и беспартийных» в локальном варианте. Идея эта, впрочем, поддержки не получила, хоть политическая активность социологов тогда и была весьма высока. – А. А.]

9. Что касается накопившегося за последние несколько месяцев фонда членских партийных взносов (которые согласно раннему решению первичной парторганизации мы не перечисляли на счет РК КПСС), то уместно было бы на сегодняшнем партийном собрании принять решение о передаче их в фонд вновь организуемого добровольного объединения политически активных социологов. Последнее может распорядиться ими в зависимости от обстоятельств как в благотворительных целях, целях политических, так и, наконец, для собственной самоорганизации.

10. Итак, сегодняшнее партийное собрание ЛФ ИС АН СССР, по-видимому, станет последним для нынешнего состава партийной организации, и вместе с тем – первым собранием инициативной группы людей, вовсе не собирающихся отказываться от активного участия в общественной жизни. Как и на всяком таком собрании здесь может быть избран оргкомитет по подготовке к созданию упомянутой выше общественной организации.

11. Когда такая организация в ЛФ ИС АН СССР будет учреждена, она сможет либо влиться в какую-либо из новых партий, либо остаться самостоятельным общественным образованием, члены которого служат общественному прогрессу прежде всего профессиональными средствами. За нами остается свобода выбора.

12. Изложенные предложения учитывают идеи, высказанные в личных беседах рядом моих товарищей, в процессе подготовки настоящего собрания.

Андр. Алексеев, член КПСС с 1961 г.

24.07.1990

Что ж, как видно, уже к моменту упомянутого собрания 24 июля 1990 г. если не самоликвидация, то существенная «убыль» из партийной организации ведущего социологического учреждения Ленинграда была предрешена. Проблемой оставалось «корректное оформление» этой акции, что, как видно, составляло определенную трудность.

Насколько помню, коллективного решения тогда не состоялось (то ли из-за «кворумных», то ли из-за иных обстоятельств...), а просто 12 чел. заявили о своем добровольном выходе из рядов КПСС, написав соответствующее заявление. То были именно ЗАЯВЛЕНИЯ, начинавшиеся не, по сохранившемуся до сих пор обычаю, словом «Прошу...», а адекватным ситуации словом «Заявляю...»

Стоит напомнить, что окончательная ликвидация (ропуск) КПСС произошла годом позже, уже после августовского путча 1991 г.

А. А., май 2007

[Продолжение и позднейшие отзвуки описанной коллизии см. ниже: Из неопубликованных глав. Том 2 (Глава 24). – А. А.]

19.5. ИСТОРИЯ В ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ В ИСТОРИИ (о Б.М. ФИРСОВЕ)

(1)

= Рецензия на книгу Б.М. Фирсова (2008)

**Вольнодумцы и инакодействующие
(о книге Б. Фирсова «Разномыслие в СССР...») ¹⁹**

¹⁹ Алексеев А. Н.. Вольнодумцы и инакодействующие. О книге Б. М. Фирсова «Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. История, теория и практики» (СПб: Изд-во Европ. Ун-та в Санкт-Петербурге,

Внимательно ознакомившись с рукописью названной книги, хочу сразу определить свое отношение к ней как замечательному труду одного из выдающихся деятелей и творцов нашей социологии. Будучи опубликована в том виде, как я ее читал, без каких-либо дополнительных редакторских или авторских усилий, она уже станет весьма заметным событием современной российской общественной мысли. Книга эта во многих отношениях уникальна.

Мне хотелось бы исчерпать этим заявлением свою функцию официального рецензента, а дальше — воспользоваться случаем поразмышлять над этим фундаментальным, 500-страничным трудом.

В чем я вижу принципиальное новаторство (теперь любят говорить — инновационность) этой работы?

Во-первых, в совершенно особом месте ее автора в истории новейшей российской социологии. Здесь идет в расчет и собственно научный, и организационный, и общекультурный личностный вклад. Интеграция этих разнообразных вкладов находит яркое выражение в настоящем *opus magnum* автора, и эта интеграция уникальна.

Во-вторых, не имеет, мне кажется, прецедентов «равноправное» соединение в одном труде теоретического и исторического (объективного) исследования структуры и динамики советского менталитета, с одной стороны, с персоналистской (субъективной) жизненной ретроспективой — с другой. Можно сказать и так: здесь представлены широкая историческая панорама и конкретный «случай Б.Ф.» в динамике — одно «на фоне» другого.

В-третьих, это отважная попытка обобщения отечественных и русскоязычных зарубежных исследований феномена «человека советского» от момента его (этого феномена) зарождения до его «зрелого» состояния. Притом, что это обобщение — именно социологическое (в принципе возможны и исторический, и культурологический, и психологический и иные ракурсы подобного обобщения). Эту книгу отличает своего рода энциклопедизм. Автор широко использует архивные, мемуарные, аналитические, литературные материалы. Так и хочется сказать: «И это все о нем (человеке советском)».

В-четвертых, — говоря уже собственно о содержании — книга предьявляет последовательное и убедительное опровержение вульгарных представлений о ментальной однородности советского общества, будь то в просоветских («морально-политическое единство»...) или постсоветских («все — совки!»...) версиях.

Выдвинутое автором понятие «разномыслие» позволяет хорошо понять все разнообразие факторов, проявлений и последствий этой ментальной неоднородности, в сущности, спасшей наше общество от полного окостенения и воплощения в жизнь антиутопий Замятина или Оруэлла.

В-пятых, очень существенно последовательное и во многом оригинальное проведение поколенческого (когортного) подхода. «Разномыслие» — это не только разнообразие ментальностей в рамках одного поколения, но и существенные различия между поколениями («отцов» и «детей», «дедов» и «внуков») в советском обществе. В известном смысле главным героем книги является поколение «шестидесятников», к которому автор сам принадлежит.

В-шестых — это просто увлекательная книга. Притом, что читать ее «в один присест» не хочется. Это — серьезное чтение и увлекательность здесь не сюжетная, а интеллектуальная.

Даже для ровесников здесь обнаруживаются открытия, как фактологические, так и концептуальные. Что уж говорить о молодежи, не успевшей «застать» не только 1940-1960-е, но и 1970-е, в сознательном возрасте.

Композиция книги и свободна, и строга. Последовательность глав подчиняется хронологической (исторической) логике (см. приложение). Внутренняя же структура глав

2008) // Социологический журнал, 2008, № 2. См. эту же работу на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/alekseev_volno.html. См. также: ПС-2 (Глава 6).

Настоящий текст возник как издательская рецензия на рукопись книги

изобилует иногда ассоциативными переходами от истории к теории и от теории к «практикам», со свободным парением между этими тремя полюсами.

Автобиографические мотивы то проникают в ткань объективного повествования, то сосредотачиваются в специальных разделах «Автор свидетельствует». И там и тут эти мотивы органичны. Надо сказать, что автор не щадит себя, мера его самокритичности весьма высока. Что заставляет простить и отдельные (редкие) пафосные высказывания. Говоря коротко: автор интеллектуально честен. И это обеспечивает и доверие к нему читателя.

Будучи сам горячим приверженцем документа в автобиографическом повествовании, я могу пожалеть, что автор скуп на автоцитирование и использование документальных свидетельств из собственной жизни. Но уж зато там, где он их приводит, это сильнейшие аргументы в пользу как точности его исторических оценок, так и справедливости теоретических утверждений. Одно только приложение — расшифровка знаменитой передачи «Литературный вторник» Ленинградского телевидения и стенограмма ее обсуждения в Комитете по радио и телевидению 1966 г., с последующими оргвыводами, чего стоит!

Позволю себе небольшое отступление от обсуждения книги как таковой в пользу интерпретации известных карьерных «взлетов» и «падений» автора. Уже не помню, кто первый (в 1970-х гг.) сказал: «Фирсов стал бы секретарем ЦК (КПСС), кабы не был так умен» (почти фольклор!).

Тут хорошая двусмысленность: «слишком умен, чтобы к этому стремиться» или «слишком умен, чтобы ему это предложили». Думаю, справедливы оба истолкования. При всей идеологической «зашоренности» первого послевоенного поколения (тех, кто вступил в сознательную жизнь во второй половине 1940-х), при всей социальной «послушности» того слоя, к которому он стал принадлежать, Б.Ф. был, конечно, на этих постах (секретарь обкома ВЛКСМ, секретарь райкома КПСС, директор ЛенТВ) белой вороной. И слава Богу, что, пройдя все номенклатурные искусства, он в конце 1960-х сумел уйти в науку (где, впрочем, своих искусств хватало).

Весь позитивный и негативный идейный, культурный и организационный опыт оказался при этом пущен в дело. Человек сумел прожить несколько «разных» жизней, оставаясь при этом самим собой и самореализуясь по максимуму как в каждой из них, так и в целом.

Сам автор своим тогдашним (1950-1960-е) «мирочувствием» (словечко Б. Ф.), сознанием и поведением являет собой яркий пример того, разумеется, урезанного (временем, обстоятельствами...), тут — какое слово употребить? ...не «инакомыслия» (это слово занято совсем другим социальным типом), но — ИНО-мыслия, РОЗНО-мыслия, ВОЛЬНО-думства, свободо-мыслия, нон-конформизма, анти-догматизма, внутренней не-зависимости, САМО-стояния (словечко А.С. Пушкина), инако-действия (на этом понятии остановлюсь потом подробнее).

В идеологическом плане это, пожалуй, объемлется (в ту пору чуть ли не бранным...) словом «либерализм» (поэтому даже внутренне люди этого типа себя так, как правило, не обозначали). Но нам здесь важно усмотреть нравственную и — шире — мироотношенческую позицию.

Все приведенные выше определения относятся уже не к обществу (как в случае «разномыслия»...), а к личности, ну, может быть, к группе, в которой распространен или преобладает этот личностный антипод едино-мыслия.

ВОЛЬНОДУМСТВО (остановимся пока на этом термине) может проявляться в любой сфере человеческой деятельности — в культурной, бытовой (в широком смысле), профессиональной... В известном смысле это синоним «творческой личности».

В особом отношении ко всем указанным стоит понятие «крамола», схватывающее явление, распространенное не в образованных слоях, а, так сказать, в «гуще народной жизни». Также и эти проявления общественного разномыслия входят в сферу авторского внимания.

Несколько странно выглядит употребление термина «разномыслие» применительно к личности, индивиду. Оно правомерно при рассмотрении динамики личностного сознания, различного в разные периоды жизни и разные исторические времена.

Что же касается «двоемыслия» (чему у автора посвящен специальный раздел), то это своего рода «социальная шизофрения» (раздвоение личности), поражающая индивидов и охватывающая тоталитарное общество в целом. Но и — своего рода «иммунная система», помогающая личности удержаться от саморазрушения.

Вообще — и не только в тоталитарных обществах! — наряду с «двоемыслием» (что предполагает все же некоторую долю лицемерия...) уместно говорить о «ситуационной морали», когда в разных ролевых ситуациях человек искренне ведет себя прямо противоположным образом.

(Например, дружинник, в советские времена, усердно ловивший выпивающих в сквере, сняв красную повязку, немедленно «законно» распивает бутылку в соседней подворотне; или вспомним знаменитый рассказ А. Яшина «Рычаги».)

Теперь — об ИНАКОДЕЙСТВИИ.

Термин этот вроде бы предложен мною (по крайней мере, нигде прежде его не встречал). Дело в том, что хоть и не монолитна система, равно как и оправдывающее ее сознание, однако влияния «господствующих мыслей эпохи» (выражение К. Маркса) не избежал, наверное, никто. Все люди — дети своего времени. Тем не менее, в сходных обстоятельствах все поступают по-разному. Есть, конечно, более или менее общепринятые и распространенные стандарты поведения, которым следуют. Но бывают и «мутации».

Эти социальные мутации сплошь и рядом скорее поведенческие, чем осознанные. Они могут быть вызваны глубоким общественным «подсознанием» или индивидуальными особенностями личности.

И вот, думая, в общем, «как все», некоторые поступают «не как все» (иногда), они что-то «себе позволяют» (как говорится). Из этих маленьких, иногда случайных, а у некоторых — и систематических отклонений и рождается «САМО-стоятельный» человек.

Таких было не так мало во все времена, и в советские годы тоже, даже в условиях тотального государственного террора, не говоря уж об «оттепельных» обстоятельствах.

Вот об этом социальном феномене книга Бориса Фирсова. И не случайно — она также о самом авторе. Ибо он сам из этих «мутантов».

(Рецензент, конечно, увлекся и отвлекся от своих обязанностей обсуждать рукопись как таковую. Однако книга Б. М. Фирсова к этому побуждает. Общее же резюме — дано уже в первых строках настоящего текста.)

Одно читательское замечание. При изобилии материалов, привлекаемых из разных русскоязычных источников, автор наряду с прямым цитированием часто использует прием переложения или пересказа. При этом все ссылки на месте, но имеем дело с текстом все-таки не первоисточника, а автора данной книги. И когда возникают некоторые содержательные или стилистические претензии к такому тексту, не знаешь, кому их предъявлять — автору или «переводчику». Поэтому здесь не буду их предъявлять никому.

Однако сожаление на этот счет и соответствующее пожелание — для будущих переизданий книги — остаются.

А. Н. Алексеев

Ноябрь 2007- март 2008²⁰

(2)

²⁰ Структура книги «Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы»:

Глава 1. Классическая советская эпоха. 1.1. Культура классической советской эпохи. 1.2 Человек советской эпохи. 1.3. Двоемыслие как часть классической советской культуры. 1.4. О времени и поколениях классической советской эпохи. 1.5. Подступы к разномыслию

Глава 2. Последние годы сталинской власти. 2.1. Снова сражение, на этот раз с собственным народом. 2.2. Практики и среды формирования разномыслия. 2.2.1. Отцы. 2.2.2. Дети. 2.3. Автор свидетельствует.

Глава 3. От коллективного ослепления к индивидуальному прозрению. 3.1. Управляемая десталинизация. 3.2. О власти социальных надежд и упований. 3.3. Пелена спадает с глаз. 3.4. Автор свидетельствует.

Разномыслие как социологическое понятие и характеристика социума (опыт теоретического рассмотрения)²¹

1. Понятие РАЗНОМЫСЛИЕ, введенное в наш социологический дискурс Б. М. Фирсовым, заслуживает специальной разработки и, если можно так выразиться, научной прописки, кодификации. Для этого, в частности, необходимо его соотнесение с устоявшимися, общепринятыми элементами категориального аппарата социологической науки (такими, как *социальная группа, социальная идентификация, солидарность, социальный контроль, социальная норма, ценность...*). Обыденному представлению о разномыслии, как «несогласии во мнениях, несходстве убеждений» (см. большинство толковых словарей), а также выражению, довольно распространенному в теологической и религиоведческой литературе, уместно не противопоставить, но поставить в соответствие определенное социологическое понятие.

2. Правомерно трактовать *разномыслие* как ментальный плюрализм, или разнообразие ментальностей в рамках социума или социальной группы. Это именно неоднородность общественного или группового сознания, в отличие от его однородности (чему в обиходном языке соответствует *единомыслие*).

Разномыслие – естественное состояние и стихийный процесс, результат органичной суверенности личностей, некая антитеза не только единомыслию, но и «безмыслию» (то и другое выступают в известном смысле синонимами). Разнообразие ментальностей – характерная черта гражданского, здорового, развивающегося, общества, в отличие от общества тоталитарного, больного и в конечном счете стагнирующего. Но даже и тоталитарный режим, при всех используемых им технологиях «промывки мозгов» и репрессивных механизмах, не способен искоренить разномыслие в обществе (пример – социологически исследовавшееся Б. Фирсовым, под этим углом зрения, советское общество 1940-1960-х гг.).

3. Следует подчеркнуть, что разномыслие есть черта, модус именно социума или группы, но не личности, не индивида. Личность интериоризует или продуцирует «разные» мысли, но отождествлять это с разномыслием социума никак нельзя. Разномыслие есть разнообразие именно ментальностей, но не «мыслей», в обиходном смысле слова. Здесь полисемия слов обиходного языка ставит ловушку научному сознанию.

4. Стоит, впрочем, иметь в виду, что и в сознании отдельно взятой личности могут сталкиваться и переплетаться разные ценностно-нормативные системы, ее сознание может быть конгломератным, калейдоскопичным, внутренне противоречивым (в том числе и под влиянием разномыслия общества). В определенных общественных условиях возникают феномены типа двоемыслия (вот это уже характеристика личности!), «ситуационной морали» и прочие ментальные аномалии, которые, в частности, в тоталитарном обществе становятся нормой.

«Разномыслящая» личность предстает в социальном смысле явлением крайне уродливым (некий аналог известных психически заболеваний). Такая личность заслуживает «лечения» в смысле развития в ней способности к самостоятельному мышлению (являющемуся естественной опорой социального разномыслия).

Сказанное, разумеется, не относится к духовному развитию, ментальной эволюции личности, при которой могут произойти и реально случаются также и разнообразно обусловленные и мотивированные «перевороты» в индивидуальном сознании.

5. До сих пор речь шла о разномыслии как некоем состоянии общественного или группового сознания, разномыслие - в статике, что можно определить также как

²¹ Тезисы для конференции «Разномыслие в СССР и России (1945-2008)» (ЕУСПб, май 2009).
Опубликованы в сб.:

синхронический подход, соответственно, аспект разномыслия. Между тем, разномыслие есть также процесс, изменяющаяся структура социального сознания, где на смену одной конфигурации ментальностей приходит другая, а маргинальная в одних общественных условиях может стать приоритетной в других, и наоборот. Здесь уместно говорить о *диахроническом* подходе к разномыслию.

6. Исследование разномыслия может быть качественным, интерпретативным, антропоцентричным. Но оно же может быть и количественным, аналитическим, социоцентричным. В сущности, столь широко распространенные опросы общественного мнения могут быть реинтерпретированы как исследования *плюрализма ментальностей*.

7. И последнее, ценностно отнюдь не нейтральное замечание. Мера неоднородности общественного сознания может трактоваться не только как информационная характеристика (негэнтропия), но и как показатель цивилизованности. Сосуществование и взаимодействие разных «образов мыслей», при их взаимной толерантности, является необходимым признаком духовно богатого, солидарного и свободного общества.

А. Алексеев
15.03.2009

19.6. НЕЗАВИСИМОСТЬ В МЫСЛЯХ, В ПОВЕДЕНИИ, В НАУКЕ (о Ю.А. ЛЕВАДЕ)

[Кончина Ю.А. Левады - 16 ноября 2006 г. - отозвалась горьким эхом во всем социологическом сообществе и в широких кругах российской общественности. – А. А.]

= Из «Социологического журнала» (2008)

Человек естественный (памяти Ю.А. Левады) ²²

Я перечитал, с глубоким чувством сопричастности, расшифровку интервью Юрия Александровича Левады, данного им Дмитрию Шалину в начале 1990-х гг. А затем воспользовался любезно предоставленной мне возможностью ознакомиться с современными комментариями к этому тексту своих старших коллег — И. С. Кона и В. Э. Шляпентоха. И понял, что особенно нового здесь не скажу.

В отличие от людей, близко его знавших, для меня Ю. А. был фигурой скорее легендарной, чем из плоти и крови... На двух встречах социологов в Кяярику, Эстония (1966 и 1967 гг.), он выступал с докладами о массовой коммуникации. Для начинающего социолога, недавнего журналиста, участие в этих встречах было, понятно, событием. Я даже что-то возражал Леваде, который, как мне показалось, недооценил роль массовой коммуникации в обществе...

Но в чем я был с ним уже тогда безусловно согласен, — это в том, что следует «попытаться из характера коммуникаций сделать определенные выводы о характере общественных отношений» [1, с. 140]. Впоследствии это стало одной из ключевых идей моих собственных «масс-коммуникативных» штудий. Об этом Ю. А. вряд ли знал. Сам же он — к какому бы частному предмету ни обращался, все время выходил на глубинные закономерности социума.

²² Авт. – А.Н. Алексеев. Опубликовано в: Социологический журнал, 2008, № 2. См. эту же работу на сайте «Международная биографическая инициатива»:
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/yla/bio/alekseev_08.pdf.

Этот текст является комментарием к интервью Ю.А. Левады 1990 г.: Шалин Д.Н.. Человек естественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал, 2008, № 1.(См. его также на вышеуказанном сайте: - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html).

А после — лишь пара мимолетных встреч уже в постперестроечные годы. Физически почти не пересекались наши жизненные пути, а только «виртуально». То есть не гожусь я в мемуаристы.

Но уж коли назвался груздем, полезу в кузов. Скажу, по крайней мере, о том, что для меня особенно дорого и значимо в Ю. А. Леваде-человеке (про науку сейчас не говорю). А это как раз то, что он и сам, как явствует из интервью 1990 г., вполне про себя знал, — его замечательная способность к естественному поведению в противоестественных условиях. *Естественное поведение* — не вообще, а для него таковое. Для Левады были естественны (органичны): и его некатегоричность в научных выводах, и искусство создавать вокруг себя творческую среду («семинарская жизнь»), и ненавязчивое научное лидерство, и вроде «попутные» теоретические прозрения, и роль неординарного партсекретаря (1960-х гг.), и отсутствие «идеологической выправки» (как сказал бы известный проф. Парыгин), и нравственное самостояние (именно самостояние, а не противоостояние...).

Как мне кажется, Ю.А. — не только в своих крамольных «Лекциях по социологии» 1969 г., но и во всех других своих жизненных проявлениях — не делал вызовов Системе. «Я не хотел и не хочу торчать...» — его слова. Система сама усмотрела в нем для себя угрозу, а также, как отмечает Ю.А., использовала это как подходящий повод для открытия «охоты на ведьм», в частности, в социологии. Он же «всего лишь» не уступил давлению: не начал «идеологически разоружаться», но не стал и диссидентом в общепринятом смысле (что было бы для него... просто неестественно).

«...Меня никто не заставлял делать то, что я не хочу, и я думаю, что я никогда не стал бы это делать, но и делать что-либо нарочитое я не стал бы...» [2, с. 158].

При этом он был настолько самокритичен в отношении своего труда (тех самых «Лекций», которые искренно считал «сырыми»), что сумел благополучно игнорировать идеологические обвинения, не ввязываться во вненаучные споры. Тем самым он, пожалуй, способствовал тому, чтобы не оказаться исключенным из партии (тогда его судьба на ближайшие 10–15 лет сложилась бы куда более драматично).

Ю. А. подчеркивает в беседе с Д. Шалиным различие общественных ситуаций конца 1930-х, конца 1950-х и, скажем, конца 1970-х гг. Страха лишиться жизни и погубить своих близких на рубеже 1960–1970-х гг. уже не было. Открывалась некоторая возможность морального, экзистенциального выбора. И Левада эту возможность использовал в полной мере. Он сохранял невозмутимое *достоинство*.

Это становится очевидным не только из известных фактов биографии и воспоминаний коллег, но и из документов тех лет, опубликованных, в частности, в книге «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» [3]. Обратившись сегодня к протоколам «проработки» Левады с записью и его собственных выступлений на заседаниях партийного бюро Института социологических исследований и на общественно-научных собраниях, придирчивый и пристрастный современный читатель не найдет в них ни одного высказывания Ю.А., которого тот мог бы потом не то что стыдиться — стесняться. Притом, что «всю принципиальную (и только такую! — А. А.) критику, которой подверглась работа, я признаю», — читаем в протоколе 1969 г.

Способность выдержать подобный «наезд» с таким самообладанием и (вроде неуместное слово!) изяществом свидетельствует еще и о высочайшей культуре мысли и речи; это интеллектуальное достижение, а не только нравственная позиция.

Стоит здесь сказать, что пять лет спустя мне довелось оказаться примерно в таком же положении «проштрафившегося» секретаря партбюро (в ленинградском институте), а еще десять лет спустя — и в положении исключенного из партии по идеологическим (политическим) обвинениям. Ох, как мне тогда пригодилась бы эта школа «необходимой и достаточной обороны» Ю.А. Левады, о которой в то время так мало знал! Думаю, что я тогда и «задирался», и «прогибался» больше, чем он. Правда, у меня, разумеется, не было такого запаса научной прочности.

(Вообще, поколение первых послевоенных выпусков гуманитарных факультетов МГУ мне представляется совершенно уникальным по насыщенности будущей научной элитой, не в расхожем смысле этого слова. Достаточно выстроить, навскидку, далеко не полный ряд знакомых имен выпускников МГУ начала 1950-х: Гачев, Грушин, Пятигорский, Щедровицкий; Гордон, Карпинский, Левада, Мамардашвили, Наумова, Юдин, Янов; Лапин... Философы, историки, филологи; здесь только 1929–1931 годы рождения; многих уж нет...)

Очень существенны — в рефлексии Левады 1990 г. — характеристики людей (он, в общем, избегает имен, но иногда Шалин прямо о конкретных людях спрашивает), как тех, кому его поведение казалось слишком «неосторожным», так и тех, кому оно могло показаться, наоборот, недостаточно решительным. Его суждения, как правило, сдержанны. Он толерантен: не судит, а старается понять. Ни эйфория, ни обличительный пафос перестроечных лет его не захватили. Он и тут проходит «по лезвию бритвы» — *естественно*, как жил и раньше, и впредь.

Наверно, Владимир Эммануилович прав, говоря об экзистенциальном выборе Левады в начале 1970-х гг.²³ Вот только вряд ли это был выбор между «быть с властью» и «быть в конфликте с ней», как он пишет. Я склонен трактовать это как выбор в пользу третьего варианта — человеческой и профессиональной независимости (кстати, это может быть труднее всего).

Вспоминается сказанное о другом нашем выдающемся современнике: у него были *стилистические* разногласия с советской властью.²⁴ Я бы сказал так и о Леваде. Только эти разногласия не помешали ему так или иначе не выживать, но «уживаться» с властью, чтобы, оставаясь в тени, транслировать и воспроизводить культуру, постигая советское общество и советского человека не «снаружи», а «изнутри».

Впоследствии Ю. А. замечал: «Мне кажется, что в последние годы (*речь о первой половине 1990-х. — А. А.*) мы с давними и недавними коллегами смогли описать и объяснить некоторые тенденции развития общества и человека, используя не только обильные эмпирические данные опросов, но и тот мыслительный, методологический материал, который был проработан «тогда»» [3, с. 94].

...Я обсуждаю здесь лишь те сюжеты, которые так или иначе были затронуты в интервью Ю. А. 1990 г. Что было потом, от ВЦИОМа до «Левада-Центра» и далее, слишком хорошо известно. При всей его неамбициозности (кстати, как раз амбициозность ныне возводится в ранг одной из первейших добродетелей!..) Юрий Александрович являет собой пример очень крупного *масштаба личности*.

Это уже не просто человеческие или профессиональные качества. Это мера влияния на окружающих, включая опосредованное, при отсутствии личных контактов. Это глубина следа в жизни, обществе, культуре. Это — память о человеке «на все времена».

* * *

P. S. В сборнике материалов первой из кярикуских встреч содержатся страницы из дневника проф. Полупортянцева (героя фольклора, зародившегося в стенах Института философии АН СССР, периода 1960-х гг.). Автор эпохального труда «Гегели мы» в своем отчете, в частности, о посещении финской бани, описывает «военный порядок следования в баню».

Перечисляются обязанности таких участников этого действия, как Фирсов (командир), сам Полупортянец (нач. отдела кадров), Столович (замкомандира по эстетической части и моральной чистоте), Ядов (замкомандира по процедуре, методологии и телесной чистоте), Блюм (замкомандира по общесоциологической части, организации и преодолению отчуждения), Ольшанский (замкомандира по семиотике и неформальным межличностным отношениям в бане смешанного типа), Вооглайд (помкомандира по методам исследования

²³ Имеется в виду мнение В. Э. Шляпентоха, выраженное им в статье «Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора» [4]. — *Примеч. ред. журнала.*

²⁴ Здесь небрежность автора этих строк: о своих «стилистических разногласиях с советской властью» говорил сам А. Д. Синявский, а не о нем сказано. (*Примечание А. Алексеева.*)

массовых коммуникаций и расквартированию), Немцова и Верховская (медсестры) [1, с. 210–211].

Упоминается и еще один персонаж: Левада — рядовой. Уж не сам ли Ю. А., работавший тогда в Институте философии, это сочинял?

Литература

1. Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кяряку–1966 / Гл. ред. Ю. Вооглайд. Тарту: Тартуский гос. университет, 1967.

2. Левада Ю. «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 155–174.

3. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолук. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.

4. Шляпентох В. Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // Специальный проект: «Журнальный зал» в «Русском Журнале» [online]. Дата обращения: 22.05.2008. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/sh13.html>.

19.7. СОЦИОЛОГИЯ ПУБЛИЧНАЯ – ЗНАЧИТ ОТКРЫТАЯ

...В умах большей части образованных людей, особенно тех, кто занимается общественными науками, присутствует дихотомия, которая мне представляется совершенно губительной: раскол между scholarship и commitment, между теми, кто посвящает себя научной работе, используя научные методы и адресуя свои труды другим ученым, и теми, кто вступает в бой, вынося свои знания за пределы научного сообщества. Это противопоставление – искусственное. На самом деле нужно быть независимым ученым, который работает по правилам scholarship, для того, чтобы производить ангажированное, легитимно ангажированное знание, и вводить это знание в бой. Такое знание рождается только в ходе работы, подчиненной правилам научного сообщества.

Пьер Бурдьё («За ангажированное знание»)²⁵

...Нужно обратиться к своей работе и соответствовать "требованию дня" – как человечески, так и профессионально. А данное требование будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни.

Макс Вебер («Наука как призвание и профессия»)²⁶

²⁵ Цит. по: Сайт про общественные движения. 13 ноября 2008 г. : <http://dvizh.org/2008/11/13/296/>.

²⁶ Перевод А. Ф. Филиппова и П. П. Гайденоко. Цит. по: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, с. 735. (Электронную версию см. на сайте «Библиотека Максима Мошкова», раздел «Политология»: <http://lib.ru/POLITOLOG/>. Точечный адрес - <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt>).

...Чтобы восстановить свой авторитет в обществе наша социология должна обратить свои взоры на общественные движения и гражданские инициативы, которые сегодня «не видны» только потому, что их нет на экране телевизора, но информацией о них и об их сетях буквально кипит Интернет. Именно эти инициативы являются непосредственными выразителями интересов различных групп общества. Вопросы изучения и понимания процессов «внизу», проблема целей и форм общественного участия – принципиальные для социологии, потому что именно там, в малых ячейках и группах, сосредоточен инновационный потенциал нашего общества. В нынешних условиях модернизация только «сверху», только технологическая без социальной, невозможна.

О. Яницкий (2010) ²⁷

...Что же касается тех ораторов, которые отстаивали тезисы «чистой науки», то от них у меня осталось самое тяжелое впечатление – интеллектуальной неряшливости, словоблудия и позерства, особенно трудно переносимых в сочетании с их низкой теоретической и в особенности – методологической культурой... Боюсь, что новое поколение в социологии принесет дух парикмахерской, будучи преданным лишь интеллектуальному «гламуру», но вместе с тем оставаясь в целом творчески и научно абсолютно стерильным.

Лев Гудков (2009) ²⁸

За открытую социологию ²⁹

1. Понятие *открытой* социологии не имеет терминологического статуса, и пока это выражение может рассматриваться скорее как метафора. Ближе всего оно к ныне утвердившемуся понятию *публичная социология*, введенному М. Буравым.

Согласно Буравому, могут быть выделены четыре типа (социологического) знания: *профессиональное* (professional), *прикладное* (policy), *публичное* (public) и *критическое* (critical). Эта классификация вытекает из предложенного М. Буравым модельного представления, в основе которого — различение социологического знания:

а) *по его характеру*, или *типу задач*: инструментальное знание versus рефлексивное знание, и

б) *по адресу*: академическая аудитория versus внеакадемическая аудитория. ³⁰

²⁷ Яницкий О. Российская социология должна быть граждански ориентированной / Сайт СИ РАН. Март 2010 (http://www.isras.ru/blog_prof_5.html).

²⁸ Цит. по: Демина Н. Новые дороги "Путей России". Столкновение мнений о симпозиуме в Шанинке (МВШСЭН) / Полит.ру, 3 февраля 2009 г. - http://www.polit.ru/science/2009/02/03/puti16_otkliki.html.

²⁹ Тезисы доклада, *под этим же названием*, произнесенного на Вторых чтениях памяти В. Б. Голофаства «Социология вчера, сегодня, завтра» (СПб., 3-5 апреля 2008 г.). Впервые опубликованы в: Социология вчера, сегодня, завтра, Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова. СПб.: Бильбо, 2008, с. 10-15. (Электронная версия: http://www.si.ras.ru/doc/GR_2008.pdf).

³⁰ Буравой М. За публичную социологию. См. в блоге «Журнала исследований социальной политики» - http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_8634.html). См. также перевод этой и еще двух статей М. Буравого в: Общественная роль социологии. М.: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2008.

Профессиональная социология, по М. Буравому, есть инструментальное знание для академической аудитории; прикладная социология есть инструментальное знание для внеакадемической аудитории; публичная социология есть рефлексивное знание для внеакадемической аудитории; критическая социология есть рефлексивное знание для академической аудитории.³¹

Разумеется, это типы идеальные, в “чистом виде”, пожалуй, невозможные; их границы не стабильны, понятия перетекают друг в друга и т. д.

2. Наша попытка дальнейшей концептуализации позволяет обозначить следующие аспекты *публичной социологии*:

а) ее *общественный* характер, в смысле направленности на служение обществу в целом, а не какой-либо его части (скажем, элите, будь то научная, политическая, деловая...);

б) *актуальность*, в смысле преимущественного сосредоточения на решении таких научных проблем, которые вырастают из... или стимулируются необходимостью разрешения актуальных общественных диспропорций, конфликтов, противоречий;

в) *демократичность*, в смысле непосредственной предназначенности результатов научного изыскания публике, в пределе — общедоступности;

г) *диалогичность*, в смысле интерактивности как между исследователем и социальной общностью, выступающей объектом изучения, так и между исследователем и обществом, как потребителем социологической информации;

д) *гражданственность*, в смысле активной жизненной и научной позиции исследователя, обращенности лицом к гражданскому обществу, защиты трудовых и социальных прав и т. д.

3. Обобщая, можно сказать, что публичная социология есть социология *открытая* par excellence. Открытая для людей, как информантов исследователя, как его партнеров в изыскании и как потребителей социологической информации.

Открытая социология - это социология для общества и в защиту человека и человеческих общностей от государственного или рыночного диктата (как формулирует М. Буравой). Это – в наибольшей степени независимая социология (хоть абсолютная независимость и невозможна...). Свободная (разумеется, относительно...), а точнее — преодолевающая давление со стороны как внешних для социального института науки сил (государство, рынок), так и “изнутри” профессионального сообщества (имея в виду всевозможные писанные регламенты и неписанные обыкновения).

С учетом всего сказанного, *открытая* социология, в сущности, может рассматриваться как интегральное определение социологии *публичной*, или общественной. Причем важно, что это не ценностная, а объективная характеристика, выводимая из самого предмета рассмотрения, а не приписывающая предмету некие позитивные (с точки зрения аналитика) качества.

Публичная, открытая социология, будучи идеальным типом, есть некоторая точка отсчета и некий аттрактор, своего рода потенция адекватных взаимоотношений социологии и общества.

4. Думается, что можно установить определенную преемственность, обнаружить предвосхищение идей публичной социологии (без этого термина, разумеется) и в

³¹ «Как я могу обосновать эти различия и разделения? Здесь я ссылаюсь на два фундаментальных вопроса, на которые должен отвечать любой дисциплинарный режим знания: «Для кого знание?» и «Для чего оно?»» (Буравой М. Приживется ли «публичная социология в России»? // Лабораториум, 2009, № 1; электронная версия - <http://soclabo.org/rus/journal/5/5/vers/46/>).

Разделение социологического труда, по М. Буравому:

	Академическая аудитория	Внеакадемическая аудитория
Инструментальное знание	ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ	ПРИКЛАДНАЯ
Рефлексивное знание	КРИТИЧЕСКАЯ	ПУБЛИЧНАЯ

См.: там же.

«социологическом воображении» Ч. Р. Миллса, и в «рефлексивной социологии» А. У. Гоулднера, и в «социологии действия» А. Турена. Здесь не будем углубляться дальше в генезис этих идей.

5. В какой мере «открытой» является современная российская социология? Не следует предъявлять это требование, как универсальное, ко всякому социологическому изысканию. Открытость прикладной или профессиональной социологии, не говоря уж о критической (в смысле Буравого), может быть весьма ограниченной. Однако важно, чтобы труд социологов не сводился к производству только инструментального знания и чтобы это знание адресовалось не только профессионалам (будь то коллегам, будь то заказчикам). Понятно, что и в публичности (открытости) возможно определенное разделение труда.

6. Полноценная открытость возникает либо в ситуации независимости социологической институции от государства или рынка (что редко вполне достижимо), либо при соответствующей ценностной и этической позиции исследователя или исследовательского коллектива. Вообще говоря, общественность всегда имеет право знать о результатах социологического исследования, в которое она была так или иначе вовлечена (например, в качестве опрашиваемых...), равно как и способы получения этих результатов (методики, процедуры) не должны быть предметом «профессиональной тайны».

Этот императив открытости действует далеко не всегда.

7. Так, например, можно ли говорить об открытости (прозрачности...) исследований электорального поведения, если способы построения электоральных прогнозов остаются скрытыми не только для публики, но и для коллег-профессионалов? Что важнее для науки и общества: «заранее» знать, какими будут результаты выборов, по данным избирательных комиссий, или реалистично оценить меру достоверности этих результатов, будь то в плане явки на выборы, будь то в плане распределения голосов?

Начнем с положительного примера.

«Директор... Независимого института социально-экономических и политических исследований (Беларуси. – Ред.) **Олег Манаев**, ссылаясь на соцопрос, проведенный в конце марта – начале апреля (2006 г. – Ред.), заявил, что президента в стране поддерживают 63,6% избирателей, а не 83%, как сообщил Центризбирком по итогам выборов... Лидера оппозиции на состоявшихся президентских выборах поддержали 20,6% избирателей (по данным Центризбиркома — 6,1%). В свою очередь председателя Белорусской социал-демократической партии (Грамада)... поддержали 4,8% (по данным ЦИКа - 2,2%), а руководителя Либерально-демократической партии... 2,1% (по данным Центризбиркома - 3,5%) избирателей

Можно говорить о том, что в пользу действующего президента «перераспределено» почти 20% голосов, что составляет около 1 млн. 200 тыс. человек. В то же время количество голосов, поданных за альтернативных кандидатов, наоборот, уменьшено в разы: за Козулина — более чем вдвое, за Милинкевича — более чем втрое...»³²

Вывод исследователя (О. Манаева. – Ред.):

«Социальная база для перемен, несомненно, есть, однако готовность белорусского общества к переменам не следует ни недооценивать (что делает власть), ни переоценивать (что делает оппозиция)».³³

На наш взгляд, это пример именно открытой социологии, в изложенном выше смысле.

8. С другой стороны, в состоявшемся у нас, в феврале 2008 г., под эгидой Фонда общественной экспертизы (ФОБЭЖ), интересном и содержательном обсуждении причин того обстоятельства, что прогнозы ряда крупнейших опросных фирм касательно итогов парламентских выборов 2007 г. так разительно совпали – и друг с другом, и с результатами ЦИК (то же повторилось и на президентских выборах 2008 г.!), практически остались в тени

³² См.: Манаев: за Александра Лукашенко проголосовали 63,6% избирателей. См. Пинский информационно-развлекательный сайт: <http://mypinsk.com/2006/04/21/fals.html>.

³³ Там же. См. также сайт НИСЭПИ - <http://www.iiseps.org/>.

используемые российскими фабриками общественного мнения «ноу-хау» построения своих прогнозов («Что происходит с российской социологией?»).³⁴

Здесь говорить об открытой социологии, как видно, пока не приходится.

9. Социология – это такая наука, которая, по крайней мере, в некоторых своих ипостасях может вмешиваться в само течение социальной жизни. Ныне получающие все большее распространение акционистские методы исследования (где действие служит познанию, и наоборот) релевантны идее *открытой социологии*. К числу примеров названной социологии могут быть отнесены такие вовсе не сугубо научные институции, формы аналитической и общественной деятельности, как Фонд «Индем», «Фонд защиты гласности», Институт «Коллективное действие», группа «Что делать» в СПб.³⁵ Здесь находим своего рода симбиоз структур науки и гражданского общества.

В принципе, иные журналистские расследования вполне могут трактоваться как «исследования случая», а иные отображаемые прессой эпизоды – как «тестовые» или моделирующие ситуации.

Социологические центры, являющиеся не коммерческими и не государственными организациями, выступают своего рода кристаллизаторами независимой, открытой социологии. Яркими примерами здесь являются Аналитический центр Юрия Левады, Московская высшая школа социальных и экономических наук, с «Интерцентром» в качестве научного подразделения, Европейский университет в СПб.³⁶

Можно указать также на Центр независимых социологических исследований в СПб, исследовательскую группу «Циркон» в Москве, Центр социальной политики и гендерных исследований в Саратове, Центр независимых социальных исследований и образования в Иркутске, Научно-исследовательский центр «Регион» в Ульяновске, и др.³⁷

10. Открытая социология – это, как правило, самоорганизующиеся институции, возникающие иногда в лоне университетских или академических структур, но потом отделяющиеся от них, а чаще – и сразу автономные. Они соединяют в своей деятельности заказные и инициативные исследования, завоевывают все больший научный авторитет (также и за рубежом), притягательны для отечественных и зарубежных «инвестиций» (в виде грантов). В естественной конкуренции с «традиционными» научными и образовательными учреждениями они все чаще выходят вперед, а в некоторых направлениях устойчиво лидируют.

Можно сказать, что такая социология преодолевает специфические формы ограниченности (а порой и ущербности...) как «профессиональной», так и «прикладной» социологической науки.

11. Открытая социология вовсе не обязательно реализуется в рамках организаций. Она может зарождаться и воспроизводиться также (и даже в первую очередь...) как пассионарные усилия отдельных людей, как незримые колледжи и, наконец, как своего рода общественные движения.

³⁴ См. на сайте ФОбЭКС: http://fobex.ru/ArticleItem.aspx?groupId_1=19&itemId_1=99. См. об этом также выше: раздел 8.5.2.

³⁵ Соответствующие сетевые адреса сайтов: <http://www.indem.ru/>, <http://www.gdf.ru/>, <http://ikd.ru/>, <http://www.chtodelat.org/>. Сюда же можно отнести и исследовательскую и просветительскую деятельность таких организаций «третьего сектора», как Научно-информационный центр «Мемориал» (СПб) (<http://www.memorial-nic.org/>; см. о нем выше: раздел 7.8) и Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» (<http://www.memo.ru/>), и множество других форм общественной инициативы, в частности, молодежной (студенческой), например: Уличный университет в СПб (<http://streetuniver.narod.ru/>).

³⁶ Соответствующие сетевые адреса: <http://www.levada.ru/>, <http://www.msses.ru/>, <http://www.eu.spb.ru/>.

³⁷ Соответствующие сетевые адреса: <http://www.cisr.ru/>, <http://www.zircon.ru/>, <http://www.socpolicy.ru/>, <http://www.cnsio.irkutsk.ru/>, <http://www.regioncentre.ru/>.

Всмотримся в такие общественные инициативы и формы самоорганизации, как: (а) необходимая оборона группы студентов соцфака МГУ от профанации социологического образования в ведущем вузе страны или (б) самооборона слушателей, выпускников и преподавателей ЕУСПб от прессинга не столько пожарных, сколько властей. Не являются ли то и другое не чем иным, как публично разворачивающимися case studies современных социокультурных, политических, экономических и т. д. процессов?

12. Как справедливо замечает М. Буравой, «успех публичной социологии будет зависеть от способности социологии создавать собственный объект - общество. А ее проектом могло бы стать ограничение государства и рынков общественной самоорганизацией и защитой прав человека или восстановление трудовых и социальных прав».³⁸

13. Не могу не солидаризоваться с В. Ядовым, который, отвечая недавно на вопросы журналиста, без колебаний отнес к событиям социологии минувшего года - события *общественные*, вроде публичного обсуждения состояния социологического образования, вызванного «бунтом» группы студентов МГУ, или судебного фиаско федеральных профсоюзных чиновников в их недавнем иске против социолога Карин Клеман».³⁹

Как известно, дело «ФНПР против социолога» было возбуждено в связи со статьей К. Клеман «Подъем рабочего и профсоюзного движения», опубликованной в августе 2007 г. на сайте возглавляемого ею Института «Коллективное действие».⁴⁰ В этой ситуации научно-исследовательский комитет «Социология труда» Российского общества социологов обратился в суд с энергичным заявлением в защиту коллеги, и это публичное действие оказалось эффективным.⁴¹

14. Другой случай. В ноябре 2007 г. социологи - специалисты в проблематике трудовых отношений выступили с Обращением к общественности и правительственным структурам с твердой, гражданственной постановкой вопроса: «Наемные работники фактически лишены права на защиту своих интересов». Это Открытое письмо (в защиту забастовщиков, чьи действия формально признаются незаконными), многократно воспроизводившееся в Интернете⁴², получило большой общественный резонанс и дало повод для рассмотрения вопроса о внесении поправок в Трудовой кодекс в высших эшелонах власти.⁴³

15. Здесь процитирую Карин Клеман, из ее ответов на вопросы к заседанию Круглого стола по публичной социологии, в рамках конференции «Социология в современном российском обществе: диагноз тенденций и перспектив» (Москва, декабрь 2007):

«Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

- Вправе или нет, это неправильная постановка вопроса, поскольку в любом случае, как любой вид деятельности, социология влияет на общество. Чаще всего утверждают, что не имеют право влиять, только те социологи, которые как раз больше всего влияют, правда, исключительно в сторону стабилизации и сохранения «статус-кво». Однако блокировать социальные изменения – не меньшее влияние, чем им способствовать.

Если вопрос о том, вправе ли социолог использовать свой статус и знание для сознательного воздействия на общество, ответу – да, вправе, как любой другой гражданин.

³⁸ Буравой М.. Публичная социология прав человека. См. в блоге «Журнала исследований социальной политики»: http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_3676.html.

³⁹ Владимир Ядов: 2008 год станет «годом социологии». См. на Полит.ру: http://www.polit.ru/news/2007/12/31/yadov_popup.html.

⁴⁰ См. на сайте «Института коллективного действия»: <http://www.ikd.ru/node/3510>.

⁴¹ См. на портале «Открытая электронная газета»: <http://forum.msk.ru/material/news/409990.html?pf=1&mid=410036>.

⁴² См., например, на Полит.ру: <http://www.polit.ru/dossie/2007/12/05/labour.html>.

⁴³ См. также заметку В. Ядова «Хозяева и работники» на сайте Фонда «Либеральная миссия»: <http://www.liberal.ru/libcom.asp?Num=433>.

Лучше, однако, если он этого не скрывает и делает это публично, указывая на то, что это его гражданская позиция, основанная на его знании». ⁴⁴

16. В заключение, еще одно общее соображение..

Зависимость социологии в советские времена - от государственных, в постсоветские - от рыночных, а ныне - все больше от тех и других влияний не фатальна, и она может частично преодолеваться гражданственно ориентированными и нравственно мотивированными социальными исследователями. Вольнодумный и поисковый настрой зачинателей новейшей российской социологии («шестидесятники»...) имеет шанс возродиться в поколении не столько их «сыновей» (в массе своей, как нам кажется, тяготеющих к полюсам «инструментальной» и «прикладной» науки), сколько «внуков» (каковыми являются, например, многие слушатели Европейского университета в СПб...).

17. Подчеркнем, что ни в содержательном, ни в институциональном плане открытая (публичная) социология не есть некая антитеза другим «жанрам» социального исследования. ⁴⁵ Это - своего рода *стилевая* характеристика, интенция, реализуемая в разнообразных социологических практиках.

18. Итак: понятия открытой (в нашем смысле) и публичной социологии (в смысле М. Буравого) во многом совпадают. Открытая социология есть общественная, актуальная, демократическая, диалогичная, гражданственная социология. Она открыта “миру” как предмету отображения, ансамблю акторов и адресу обращения. Она есть также *независимая социология*.

А. Алексеев
Март-апрель 2008

[Другие работы автора настоящей книги на эту тему:

- *Что такое публичная социология / сетевая публикация (2008)*. ⁴⁶

- *Социология труда и публичная социология / Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции Санкт-Петербург, 24-26 апреля 2008 года. СПб.: СПбГУ, Факультет социологии; СПб НЦ РАН, СИ РАН: 2008.*

- *Публичная социология как стиль. Публичная социология – открытая социология / Общественная роль социологии. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008.* ⁴⁷]

Ремарка: публичная социология как вектор развития?

Идеи о публичной социологии, выдвинутые Майклом Буравым, получили заинтересованный отклик и активное обсуждение в среде российских социологов.

См., в частности:

⁴⁴ Клеман К. Ответы на вопросы круглого стола. См. в блоге «Журнала исследований социальной политики»: http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_719.html.

⁴⁵ Ср. у М. Буравого:

«Мое основное утверждение заключается в том, что процветание социологии зависит от сосуществования в относительной автономии всех четырех типов социологии (*профессиональная, критическая, прикладная, публичная.* – Ред.), что они должны обеспечивать синергетическое взаимодействие, давать импульсы и стимулы друг другу. Часто бывает так, что один тип социологии теряет контакт с другими... Страдает от этого не только отдельный тип социологического знания, но поле социологии в целом. Это не означает, что все должны быть публичными социологами, но надо делать то, что мы умеем лучше всего, и уважать других за то, что делают они. На протяжении жизни мы перемещаемся внутри этой матрицы по траекториям, заданным как нашей карьерой, так и более широким контекстом политических и экономических преобразований» (Буравой М. Приживется ли «публичная социология в России? // *Laboratorium*, 2009, № 1. (Электронная версия - <http://www.soclabo.org/rus/journal/5/5/vers/46/>).

⁴⁶ См. на сайте «Международная биографическая инициатива»:

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_public.html.

⁴⁷ См. эту же работу в блоге «Журнала исследований социальной политики»: <http://jsps-journal.blogspot.com/>. Точечный адрес - http://jsps-journal.blogspot.com/2008/01/blog-post_7987.html.

- *Общественная роль социологии* / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008.

- *(Дискуссия о публичной социологии)* / *Лабораториум*, 2009, № 1. (Электронная версия - <http://www.soclabo.org/rus/journal/>).

В «Лабораториум» (2009, № 1) см. особенно: Буравой М. Приживется ли «публичная социология» в России?. (Электронная версия - <http://soclabo.org/rus/journal/5/5/vers/46/>).

См. также: Подвойский Д. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат / *Полит.ру*, 8 апреля 2010 г. (Электронная версия - http://www.polit.ru/science/2010/04/08/podvoysky_pub_soc.html).

+++

ЧАСТЬ 2

Предисловие к части 2 тома 2/2

Настоящая часть тома 2/2 посвящена тому, что можно назвать *генеалогическими и биографическими штудиями / изысканиями*. Эти сюжеты нашли отражение в 4-томнике «Драматическая социология...» (2003-2005), но многое и осталось «за кадром», хотя и присутствовало в рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001). Это прежде всего история рода и семейная хроника самого автора (1998) и связанные с нею материалы.

Здесь мы предполагаем не только вернуться к этим текстам, но и дополнить их релевантными материалами того и позднейшего времени.

Часть 2 тома 2/2 «...из неопубликованных глав» включает в себя три главы.

Глава 20 – «Корни и ветви (Аносовы-Пузановы. XIX-XXI век)» - под этим именно названием фигурировала в рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001), однако, как уже отмечалось, «не вместились» в изданный в 2003-2005 гг. 4-томник Потеря, которую автор пытался впоследствии возместить публикацией данной главы в интернете, на сайте [«Международная биографическая инициатива»](#).⁴⁸ Эта публикация была предпринята вскоре после издания бумажного 4-томника, а именно - в 2006-2007 гг.

Не далее как в 2013 году появилась возможность разместить текст семейной хроники, под названием «Коротка моя память...» (составлявший центральную и основную часть упомянутой главы), на интернет-портале [Когита.ру](#)⁴⁹, а также в интернет журнале «[Семь искусств](#)».⁵⁰ Именно эта версия (фрагмент неопубликованной в свое время главы рукописи 1999-2001 г.) будет представлена ниже.

Глава 21 – «Корни и ветви (Семейная хроника Зинаиды Вахарловской)» не фигурировала в рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001). Между тем, хронологически данная хроника, посвященная материнскому роду З.Г. Вахарловской, супруги автора этих строк, предшествовала собственно авторской семейной хронике.

Воспроизведу здесь позднейшую (2013) рефлексию о начале авторских занятий генеалогическими и семейно-хроникальными сюжетами⁵¹:

«Автор впервые обратился к теме семейной эстафеты памяти 15 лет назад, движимый как профессиональными (исследовательскими), так и личностными мотивами. При этом теоретико-методологические разыскания не предшествовали практическим опытам, а скорее следовали за ними или же те и другие осуществлялись параллельно.

В частности, теория и методология нашли определенное отражение в серии докладов, так или иначе представленных в нашей работе, републикованной ныне в сборнике: Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе:

⁴⁸ См. <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>.

⁴⁹ См.: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/v-pomosch-pishuschim-o-predkah...-opyt-semeinoi-hroniki-andreya-alekseeva/>; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/opyt-semeinoi-hroniki-andreya-alekseeva.-prodolzhenie/>; [http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/opyt-semeinoi-hroniki-andreya-alekseeva.-okonchanie ...](http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/opyt-semeinoi-hroniki-andreya-alekseeva.-okonchanie...)

⁵⁰ См.: <http://7iskusstv.com/2013/Nomer6/Alekseev1.php> ; <http://7iskusstv.com/2013/Nomer7/Alekseev1.php>

⁵¹ Здесь цитируется доклад автора на 11-х Международных биографических чтениях памяти В.В. Иофе (СПб, апрель 2013): ««Коротка моя память...» (Индивидуальный опыт составления семейной хроники)». См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/abkorotka-moya-pamyat...bb> .

Избранное. 2003–2012. СПб.: Норма, 2013.⁵² «Практикум» же, осуществленный автором в виде собственной семейной хроники в 1997 году, так и остался за кадром его печатных трудов (правда, доступен [в интернете](#)).

Настоящий доклад является попыткой постановки ключевых проблем межпоколенной трансляции родовой (семейной) памяти *на примере* конкретной семейной хроники, с особым акцентом на проблематике моральной ответственности «детей» перед «отцами» за сохранение за последними «права на имя» и «права на биографию» в памяти последующих поколений.

Фантастический проект «воскрешения предков», предложенный русским философом Н. Федоровым во второй половине XIX века, может трактоваться и метафорически – как некое «общее дело», осуществляемое каждым очередным поколением и человечеством в целом – в каждой из своих мельчайших ячеек, Успех этого «общего дела» зависит от активности – как ушедших, так и наследующих им: важно, чтобы было ЧТО помнить и КОМУ помнить. «Воскрешение предков» – непрерывный, универсальный процесс.

Автор доклада уже в первом своем опыте семейной хроники (15-летней давности), пытался осмыслить, что же он делает, реконструируя биографии своих родителей и более отдаленных предков. Теперь же оказывается уместной попытка рефлексии по поводу тогдашнего опыта. Что и составляет основное содержание доклада...».

Продолжу цитирование, относящееся теперь уже к некоторым общеметодологическим проблемам составления семейных хроник:

«...Итак, обратимся к тексту под названием [«Коротка моя память... \(о моих родителях — для моей дочери\)»](#). В нем порядка 40 страниц. Для описания истории рода (не литературного, а именно мемориального описания) более чем достаточно. Я потом скажу, что послужило непосредственным импульсом для написания этих 40 страничек. Было это 16 лет назад. И во всяком случае – раньше, чем автор занялся теоретико-методологическими изысканиями в области биографики и т. п. То есть он двигался не от теории к практике, а наоборот.

Менее всего я преследую этим докладом цель сообщить нечто существенное и / или интересное о своей родословной, тем более – факты собственной биографии. При желании, об этом можно почитать [в других моих сочинениях](#). Здесь же подлежат обсуждению: *адресация семейной хроники; мотивы ее составления; логика построения; принципы отбора фактов; круг источников; выполнение основных требований к автобиографическому повествованию / семейной хронике, сформулированных нами уже позднее, а именно: а) постулат фиксации семейных корней; б) постулат внятности биографического текста; в) постулат ценности «истории жизни».*

...Напомню обоснование этих требований, выполненное в нашей давней работе [«Эстафета памяти»](#) (2000):

«а) Постулат **фиксации семейных корней**. Всякая «история жизни», для какой бы цели она ни создавалась, должна включать генеалогическую информацию – столь подробную, насколько это под силу автору данной истории. При том, что о предках рассказать больше некому, субъект повествования должен сделать это – в силу культурно-нравственного императива, отмеченного выше (для семейных хроник указанный аспект выдвигается на передний план).

б) Постулат **внятности биографического текста**. «История жизни» может быть: краткой или развернутой; «объективной» или эмоционально окрашенной (насыщенной); выстроенной хронологически или тематически, или еще как-либо иначе. Но субъект должен позаботиться о тех, кто его услышит или прочтает. В АП должны быть по возможности четко обозначены узловые точки «жизненной траектории» (что, где, когда...), хотя бы приблизительно датированы жизненные события. Важно, чтобы у воспринимающего этот текст не возникло неясностей (разве что сам повествующий намеренно опускает нечто важное, чего-то не хочет сообщать). (Семейные хроники требуют внимания к четкому определению степеней родства; желательно построение генеалогического дерева, что требует минимального обучения.)

с) Постулат **ценности «истории жизни»**. Конечно, хорошо, если инициатором фиксации «воспоминаний о жизни» выступает близкий носителю биографической информации человек, младшие члены семьи или профессионал-исследователь. Однако пусть даже человека (обычно это человек пожилой) никто к этому особенно не побуждал – он должен «убедить себя» или принять а priori, что его жизненная история (семейная

⁵² См. этот текст ниже: глава 20.

хроника) нужна, что она может быть востребована не сегодня, так завтра, близкими или далекими, знакомыми или не знакомыми ему людьми...»

Заключительная (в данной части тома 2 «...из неопубликованных глав») **глава 22** включает в себя довольно объемную работу автора этих строк, воспроизведенную недавно (в одной из последних редакций) в сборнике: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012. СПб.: Норма, 2013. Работа эта называется: «Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъяснение себя (заметки об «эстафете памяти»)

Данный труд являет собой композицию из десятка теоретико-методологических сочинений автора периода 1998-2013 гг., относящихся (прямо или косвенно) к проблематике генеалогических и биографических исследований.

Следует сказать, что из этих сочинений большая часть была написана уже после 2001 года. Однако по крайней мере три из них входили в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001). Это:

- Семейная память и фамильная ценность;
- Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации;
- Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования.

Остальные тексты так или иначе развивают идеи, впервые выраженные в этих ранних работах рубежа 1990-2000-х гг.

+++

Глава 20

КОРНИ И ВЕТВИ (Аносовы-Пузановы. XIX-XXI век)

Содержание главы 20

20.1. КОРОТКА МОЯ ПАМЯТЬ... (О МОИХ РОДИТЕЛЯХ — ДЛЯ МОЕЙ ДОЧЕРИ) (авт. — А. Алексеев)

20.2. ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

20.2.1. Творец русского булата (авт. — Н. Косиков)

20.2.2. Краеведы Златоуста в поисках потомков П.П. Аносова (авт. — А. Козлов)

20.2.3. Изобретатель "огненных машин" Л.Ф. Сабакин (авт. А. Клзлов)

20.2.4. Праправнук П. П. Аносова — в поисках своей прабабушки (авт. — А. Алексеев)

20.2.5. Историко-генеалогические раскопки продолжаются (авт. — А. Козлов; А. Алексеев)

20.2.6. Две судьбы: Пушкин и Аносов (А. Козлов)

20.2.7. «Деятельная и полезная жизнь...». Из «Сына Отечества», 1851 г.

20.2.8. Аносовы — Пузановы: соединение генеалогических деревьев (авт. — И. Яковлева; Е. Заблоцкий)

20.2.9. Там, за Нарвской заставой... (Из истории автомобилизма в России) (авт. — С. Кирилец и И. Яковлева)

20.2.10. В начале было слово... (Ольга Новиковская) (авт. — О. Новиковская)

20.3. «Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ О СВОИХ СЕМЕЙНЫХ КОРНЯХ...» (авт. — И. Новиковский)

Ремарки

- Родословная (поколенная роспись) Аносовых (раздел 20.2.8); От деда — к внуку (20.3); Послесловие к семейной истории (20.3)

**

20.1. КОРОТКА МОЯ ПАМЯТЬ... (О МОИХ РОДИТЕЛЯХ — ДЛЯ МОЕЙ ДОЧЕРИ)

*[Ниже – опыт **семейной хроники** автора, написанный в 1997 году. Примечания – курсивом – относятся к 2001 году., что специально не оговаривается. Позднейшие примечания помечены: «Март 2007» или иначе. - А. А. Июль 2013]*

Моей дочери Ольге,
в день ее 37-летия, 21 сентября 1997 г .

Содержание

Введение

- 1) Эксперимент над собственной памятью
- 2) Родительская родословная. П. П. Аносов
- 3) Мой дед Петр Михайлович Пузанов
- 4) Когда меня еще не было... Девические годы матери
- 5) Материнское воспитание. Как я выучил французский
- 6) Инженер, кандидат наук В. П. Пузанова
- 7) Родительская семья. Круг родственного общения
- 8) Сын — студент. Автомобильные путешествия
- 9) Сын вырос. Кончина матери
- 10) Отношения с отцом. Смерть отца
- 11) Мои родственники: ровесники и младшие
- 12) Переплетение судеб. 22 июля 1984 г .
- 13) «Любовь к отеческим гробам»
- 14) Недавно в Сиверской (могила не моей бабушки)
- 15) «Круговращение добра»

Заключение

5.07.97. Введение

Родители (пока не впали в детство) обычно мудрее своих детей. Это заметно, поскольку сравнивают их в одной "хронологической точке" (в определенный, общий для тех и других момент исторического времени).

Родители, на данный момент, прожили дольше, пережили больше... Это — их естественное «преимущество» перед детьми. Но дети часто мудрее своих родителей, если сравнивать их с родителями, когда те были в их (детей) нынешнем возрасте. Ибо они (родители) тогда еще не прожили того отрезка исторического времени, который суждено было, к настоящему моменту, пережить и им, и детям (пусть одним — в зрелом возрасте, а другим — еще в детском).

Мне, может быть, и есть чему поучить мою дочь **сегодня**, в июле 1997 г . (мне — 63, а ей — 36). Но, полагаю, в мои 36 (в году 1970-м, как нетрудно подсчитать), мне можно было бы и «поучиться» у нее сегодняшней.

Детям порой бывает отмерен больший срок жизни, чем родителям. Срок жизни может зависеть от эпохи. Например, многие люди моего поколения (поколение предвоенных детей) помнят (если помнят!) только молодых родителей, рано ушедших из жизни. Но меня судьба раннего сиротства миновала. Я больше помню своих родителей уже немолодыми людьми. (Позднейшие впечатления, возможно, способствуют стиранию или искажению ранних). Я вообще более или менее отчетливо помню, в частности, свою мать не раньше ее 40-летнего возраста. Тут дело еще и в том, что я был относительно поздним, хоть и единственным ее ребенком.

Мать умерла в 1963 г ., в 63-летнем возрасте (когда мне было 29). Отец умер в 1974 г ., в 70-летнем возрасте (когда мне было 40). Ушли из жизни и все остальные родственники старшего поколения. Давно уж нет маминых сестер (моих теток). А родственников отца я практически никогда не знал.

И вот сегодня, в свои собственные 63 года, я оказываюсь едва ли не старшим из рода Пузановых (фамилия моей матери) [*на самом деле, старшим является И. Д. Пивен; см. ниже. — А. А.*], а из рода Алексеевых (фамилия моего отца) — так даже и не знаю...

Ныне дочь моя, в свои 36 (а вообще-то и раньше!) спрашивает меня, как старшего: **Откуда ты? Откуда я сама?** Бабушку (мою мать) Варвару Петровну Пузанову она помнить с 2-х летнего возраста не может. Не знаю, помнит ли деда (моего отца) Николая Николаевича Алексеева (после смерти матери у него была новая семья, и мы с ним последнее десятилетие его жизни общались мало).

В общем, спросить моей дочери больше некого! И спрашивает она **вовремя** (пока есть кого...). А вот я вовремя не спросил, ни в свои 26 лет, ни в свои 36. Ни пока мать была жива, ни пока отец. И это — предмет укоров моей совести. Что-то, может быть, и помню... Точнее помнил (то, что само в уши текло, да само и вытекало; ведь не запоминал!). Забыл больше, чем помню сейчас.

Так кто же мудрее из нас: я — в своем, тогда уже вполне зрелом, возрасте, или моя дочь Ольга Андреевна Новиковская (в девичестве — Алексеева), сама теперь уже мама двоих детей (моих внуков), Ивана и Егора? Могу, конечно, ее поучить теперь, но скорее собственным отрицательным опытом. **Покаянная — эта моя записка!**

Должен был бы знать, а не знаю... Должен был бы помнить, а не помню. Благодарю мою дочь за то, что не повторяет этой моей ошибки. (А какие-то другие ошибки, возможно, повторяет; а иные жизненные ошибки есть на ее счету и свои, «оригинальные»).

Итак, **короткая у меня память!** Своей короткой памятью буду сейчас с дочерью делиться.

Есть одно утешение, может быть, и не такое уж слабое. Кроме "короткой" памяти, есть еще какие-то мамины вещи, книги, документы и, как во всякой семье, фотографии. Когда мама умерла (а мне, напомним, было тогда "всего" 29 лет), я все это забрал из родительского дома, поскольку отцу они были не очень нужны. И, при всех своих сменах места жительства, сохранил. Что-то и разбазарилось за 30 истекших лет. Но — не фотографии, и не документы!

Кое-какие «семейные реликвии» — сейчас уже у дочери. Большая часть — пока у меня. Иногда я их беру в руки, с некоторых документов даже сделал ксерокопии. Увы, как и в почти любом семейном альбоме, есть фотографии, на обороте которых нет даты. Есть лица, забытые мною, сегодняшним, и даже такие, которых никогда не знал.

Если когда-нибудь соберусь (а надо!) как следует разобрать этот семейный архив, то я буду по отношению к нему скорее в роли "изыскателя", чем "воспоминателя". Но в таком случае, это не самое срочное дело... А вот **записать, что помню**, надо именно сейчас, не откладывая. Этим и займусь.

Прочитал написанное выше моей жене, Зинаиде Глебовне Вахарловской. Ей понравился этот зачин. Зина удачно резюмировала мое предыдущее рассуждение афористической репликой: **«Дети старше нас, потому что они младше нас...»** («Младше» или «моложе»? Грамматически правильнее последнее. Но «младше» тут звучит лучше, а главное — точнее).

Глава 1. Эксперимент над собственной памятью

Итак, «короткая память»... При моей привычке (и даже страсти) к построению «моделирующих ситуаций» и личностному экспериментированию (см. «Драматическую социологию»), придумал я — строго («экспериментально») разделить то, что пока сохраняет моя активная, «живая» память, и — то, что могу извлечь из документов (может быть, даже и вспомнить, извлечь из собственной «пассивной» памяти, заглянув в пожелтевшие листки).

Я предполагал сочинять эту записку на кордоне Кавказского заповедника (куда мы с Зиной каждый год ездим в отпуск). То есть — без всяких «подсобных материалов».

Но вот, случилось написать эту преамбулу за несколько дней до отъезда на Кавказ, еще в Петербурге, когда семейные альбомы и папки с документами — вот они рядом, на полке. Но раскрывать их сейчас некогда, да и сознательно не буду.

(Разве что, «для контроля» возьму с собой ксерокопию последней из маминих автобиографий; впрочем, там лишь сугубо деловая информация, своего рода послушной список).

Так что «эксперимент над собственной памятью» останется почти чистым, не замутненным документальными разысканиями и консультациями.

Вот вернусь с кордона, с исписанной ("из головы") тетрадкой, и наберу текст на компьютере. А уж в компьютере — что хочешь делай (не разрушая первого варианта): хоть "приложения" пиши, хоть вставки делай, хоть документальные ссылки. (Не спеша, по мере розысков).

Можно эту работу (дополнения, уточнения) продолжать сколь угодно долго. И **прервать когда угодно** (пускай потом младшие поколения довершают). Зато, хоть короткая, хоть бедная, но **живая** моя память, не исчезнет, уцелеет — уже как документ.

[10.07.97. Сейчас, когда текст вчерне написан уже на добрых $\frac{3}{4}$, окончательно прояснилась моя «технология».

Я вовремя догадался датировать свои записки — по мере написания кусков (см. ниже). А вставки — хоть компьютерные, хоть рукописные — тоже буду датировать. Так же и фактические (не стилистические!) исправления (ведь сейчас я слишком часто вынужден писать: «кажется», «примерно», «точно не знаю», а кое-где удастся потом внести определенность.

Итак, мое повествование будет разворачиваться как бы в двух временных пластах. Один — **хроникальный** (биографический, хронологический). Другой — **современный** (разворачивающийся в «удлиняющейся» памяти).

Первый пласт относится в основном к фактам, второй — к нарастающему воспоминанию и размышлению.

Следить полезно за обоими пластами. Так, эти строки — в квадратных скобках — я пишу четыре дня спустя после написания первоначального текста. А какие-то другие вставки (тоже в квадратных скобках), может быть, возникнут через несколько лет. И будут, соответственно, датированы].

[Продолжение текста, написанного 5.07.97. В дальнейшем таких оговорок после вставок в квадратных скобках делать не буду].

Еще одно (может, и не последнее!) предварительное замечание. Отчего же вдруг задумался я над этими вопросами? Что подтолкнуло? Или — что "подвигло"? Ну, одно из обстоятельств я уже назвал: моя дочь Ольга меня к этому стимулировала. Вообще-то, уже не впервые... Она еще лет пять-десять назад пыталась рисовать генеалогическое дерево (и отцовское, и материнское: ее мама — Елена Ивановна Алексеева, в девичестве — Ларионова). Да куда-то это «дерево» потом запропастилось.

А тут возникли новые поводы... Мой старший внук состоит в каком-то кружке, где предлагают подросткам [14-15 лет. — А. А.] о своих предках рассказывать (такой прогресс в современной внешкольной педагогике!). А внуку Ване есть чем «похвастать»: знаменитый русский металлург, изобретатель русского булата Павел Петрович Аносов (читай о нем во всех энциклопедиях) доводится ему, сейчас соображу — если мне прапрадедом, то Ване, стало быть — пра-пра-пра-прадедом.

Вот только неясно, которая из дочерей П.П. Аносова вышла замуж за Михаила Пузанова и родила моего деда (а Ваниного пра-пра-пра-прадеда) Петра Михайловича Пузанова.

Ну, на Ваню, как на исследователя своей родословной, рассчитывать пока не приходится. Отправилась моя дочь Ольга сама в музей П.П. Аносова, при Санкт-Петербургском горном институте. Звала и меня, да я уклонился...

С другой стороны, включилась в это дело Олина мама, Елена Ивановна (моя бывшая супруга — первый брак; с нею у нас еще 30 лет назад супружеские отношения сменились на «братски-сестринские»). Елена Ивановна, вообще, Бабушка с большой буквы (очень активная в решении всех внуковых проблем). В данном случае она произвела разыскания в Российской национальной библиотеке. И многое стало известно насчет потомков П.П. Аносова, кроме — пока что, увы! — особо интересующего нас факта о моей прабабушке.

В общем, вот так вот устыдили дочка и ее мама — меня, "не помнящего родства".

Другим стимулом была «семейная хроника Гудковых» (девичья фамилия матери моей жены Зины).

В отличие от меня, единственного сына своих родителей, у Зины две сестры (младших) и брат (старше ее). А родительские семьи как ее матери (ныне покойной Ольги Константиновны Вахарловской, в девичестве — Гудковой), так и отца (ныне здравствующего Глеба Анатольевича Вахарловского) [Г.А. Вахарловский скончался 9 октября 1998 г. — А. А.] были многодетными.

Зина не застала в живых ни деда, ни бабушку, по материнской линии, но всех их восьмерых детей (своих тетушек и дядей) она хорошо помнит, а две тетушки — еще и здравствуют.

Не беднее родственниками моя жена и по отцовской линии. И именно она (в свои 45-50 лет она оказалась уж всяко мудрее меня 30-35!) подвигла своего отца Глеба Анатольевича написать воспоминания. Тому, в его почти 90 лет, есть что вспомнить, и не только про себя самого (его имя можно найти в Большой советской энциклопедии, в статье под названием «Док»; Г.А. Вахарловский был проектировщиком крупнейших судостроительных заводов).

Тем более, что уже давно Глеб Анатольевич пишет исторические труды (по истории российского флота и судостроения). Сейчас сам писать уже не может (стало плохо со зрением), и потому — диктует своей дочери Светлане (Зининой сестре). Вот так и надиктовал он свои воспоминания на 200 рукописных (красивым Светланиным почерком) страниц, под названием «Семейный альбом Вахарловских».

Прочитала Зина, и стало ей обидно за свою маму и за ее род Гудковых, о котором там — почти ни слова. Да и в собственной семейной хронике Вахарловских есть у Глеба Анатольевича заведомые пробелы и неточности (иногда и нечаянные бестактности).

Написано пером – топором не вырубишь. Пришлось Зине писать приложение к воспоминаниям своего отца.

Тем более, что среди трех сестер (дочерей Г.А. Вахарловского) кому как не ей писать про мать Ольгу Константиновну... Ведь Зина — старшая.

Так возникла рукопись, которую здесь не буду ни пересказывать, ни рецензировать, а просто приложу копию, как некий образец: вот как можно (пока еще не поздно!) писать «семейную хронику». [Эта работа называется: «**О моей матери, о моих родственниках и о себе самой**» (1997). — А. А.].

Ну, жене-то я помог оставить для ее дочери Любви и ее детей (Зининых внуков) документированную память о матери и отце. А сам-то, что же?

Тут я понял, что писать эту хронику (о моих родителях — для моей дочери) надо поскорее. Ведь память с годами не удлиняется, а еще больше укорачивается...

6.07.97.

И все же — не только "внешние" стимулы, поводы, обстоятельства подтолкнули. Было и какое-то внутреннее созревание... (Хотя, поди разберись, где тут внутреннее, где внешнее!).

В позапрошлом (1995-м) году состоялся, наконец, мой формальный, а не только фактический развод, жилищный размен и разъезд с моей бывшей супругой (не Олиной мамой, а другой — второй брак) Нелли Алексеевной Крюковой.

Всякий жилищный переезд — веха в жизненном пути российского (в отличие, скажем, от западного) человека. У меня таких жизненных вех было — порядка пяти. При переездах обычно что-то ломается, что-то теряется, а что-то выбрасывается. В 1995 г., в возрасте 61 года, я **не выбросил ничего!**

По счастью, в нашей с Зиной нынешней петербургской «берлоге», хоть это и только комната в коммунальной квартире, удалось кое-как разместить все, что у меня накопилось за жизнь.

Упаковывая старые книги, бумаги, фотографии, я заново открыл для себя, в частности, гимназический альбом моей матери. В таких альбомах, в традиции еще прошлого века, было принято у барышень писать друг другу задушевные пожелания и любимые стихи.

Я потом, может, расскажу отдельно об этом альбоме с записями педагогов и выпускниц Екатерининской женской гимназии Петрограда. <...> Сейчас же в этой (затянувшейся уже, пожалуй) преамбуле ограничусь упоминанием о существовании альбома и о том импульсе, который он дал мне, в частности, для настоящего сочинения.

Разумеется, при переезде "всплыло" и кое-что другое — такое, о чем (как и об этом альбоме) помнил только, что "где-то должно быть". Теперь положил так, что сразу найду, при надобности...

Вот так "удлинялась" моя короткая память.

Пора заканчивать "экспозицию". Но — еще одно предупреждение.

В хронике семьи Гудковых — был избран прием рассказа о родственниках сквозь призму истории собственной жизни. И не ради авторского (З. Г. Вахарловской) самоутверждения. А потому, что жизни родителей и детей неизбежно переплетаются — и биографически, и, так сказать, концептуально.

Так писать семейную хронику — оправданно, и даже оптимально для случая, когда родители еще живы, или ушли недавно.

Что касается меня, то я собираюсь так или иначе рассказывать здесь о себе — не далее конца 60-х — начала 70-х гг. То есть до того (примерно) 35-летнего возраста, которого достигла сегодня моя дочь.

Было потом много всего... Но, во-первых, уже описано (хотя бы в упомянутой выше «Драматической социологии»), которая в этом году, похоже, выйдет в свет и я, разумеется, дочери подарю [*имеется в виду книга: Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)*]. Кн. 1- 2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997. – А. А.]. А во-вторых (и это главное!) — не имеет прямого отношения к заданной самому себе теме.

Ситуация для самого себя, пожалуй, не выгодная. Ибо сам себе в детстве я вовсе не нравлюсь («не уважаю» и «не люблю» себя тогдашнего). И вспоминать о себе вроде было бы незачем, если бы не долгосрочная родительская инвестиция в те годы.

Эффективность этого родительского вклада сегодня, разумеется, тоже не очевидна. Но вложено было немало...

Глава 2. Родительская родословная. П.П. Аносов

Итак, родился я, как мой дочери известно, 22 июля 1934 г., в Ленинграде.

Я был первым и единственным ребенком у моей матери. (У моего отца позже был еще внебрачный ребенок, моложе меня лет на 15-20, но я его никогда не видел, и даже не уверен в поле; кажется — мальчик).

Так или иначе, родных (в полном смысле слова) братьев и сестер у меня не было. Моя метрика (свидетельство о рождении) сохранилась в моем домашнем архиве.

Моя мать **Варвара Петровна Пузанова** родилась в 1899 г. (17 декабря).

Мой отец **Николай Николаевич Алексеев** родился в 1904 г. (17 мая).

Мать была родом «из дворян» (в анкетах, т. е. листках по учету кадров прежних времен, она писала о своих родителях: "сословие — дворянство"). Отец — «из крестьян» или «из мещан» (скорее последнее, т. к. его родители жили в г. Рыльске, Курской губернии).

Теперь обращаюсь к родословным моих родителей.

Из родословной отца мне известно настолько мало, что может уместиться в нескольких строчках. Моего деда (родителя моего отца), очевидно, звали **Николаем**. Род занятий и годы его жизни — мне неизвестны. Моя бабушка (мать отца) — **Наталья Николаевна**. Сохранилась довоенная фотография, где она со мной, ребенком. Я ее — не помню. Годы жизни бабушки мне также неизвестны.

У отца были брат **Иван Николаевич** и сестра **Анна Николаевна**. Я их не знал, и если и встречался, то в очень раннем детстве. (Кажется, ребенком родители возили меня в Рыльск).

Может показаться удивительным, но я сейчас не могу припомнить даже, **кто из детей моего деда по отцовской линии был старшим, кто младшим** (хоть раньше, кажется, я это знал). Вроде Анна Николаевна была старшей. А Иван Николаевич вроде моложе отца. Но это я сейчас почти наугад говорю.

Я не знаю, где жил дядя Иван Николаевич до войны. Возможно, в Рыльске. Не знаю, чем он занимался. Ничего не знаю о его семье. Кажется, он был репрессирован, сослан в Казахстан. Откуда-то всплывает в памяти название города — Чимкент. Может, туда был сослан Иван Николаевич? Когда — до войны, после войны?

Интересно, с каких пор мне это стало известно? Предполагаю, что уже после моего поступления в институт (в 50-х гг.). Кажется, отец переписывался с братом. Но я не уверен в этом.

А сестра отца (моя тетя) Анна Николаевна уже после войны жила где-то то ли в Рязанской, то ли в Московской области. Ничего не знаю о ее семье. Кажется, уже в 60-х гг., когда мы с отцом почти не общались, он ездил туда к сестре, в гости.

Что я могу утверждать с уверенностью, так это то, что ни Иван Николаевич, ни Анна Николаевна у нас дома в Ленинграде на моей памяти, т. е. после войны, не были ни разу.

[10.07.97. В 50-х гг. мы с отцом и с матерью объездили на собственном автомобиле всю европейскую часть страны. Город Курск лежит на трассе Москва-Симферополь, хорошо нам знакомой. Родина отца — г. Рыльск — чуть в стороне, но, по-моему, мы ни разу не заезжали туда. Не возникало даже разговора, чтобы навестить кого-либо из отцовых родственников, где бы они ни жили].

Вообще, тема родственников моего отца либо не обсуждалась родителями при мне, либо это начисто выветрилось из моей памяти. Родственные связи по отцовской линии не просто оборвались для меня. Этих связей для меня — **никогда не было!** (Может быть, какие-нибудь сведения еще всплывут при разборке маминого архива. Да вряд ли...).

Можно упрекнуть в этой противоестественной ситуации моих родителей. Отца, в частности. Но лучше упрекну самого себя. Уж достигнув 40-летнего возраста, можно было и поинтересоваться у 70-летнего отца... Чтобы хоть было что самому в 63 года сообщить своей 37-летней дочери.

Вот и вся моя память о родительской семье и родственниках моего отца Николая Николаевича Алексева. Не «память», а «чистый лист»... **Стыдно!**

Теперь — из родословной моей матери Варвары Петровны Пузановой. Здесь — уже не «чистый лист». Но память и тут с провалами.

Мой дед **Петр Михайлович Пузанов** (1862-1935) происходил от соединения двух дворянских родов: **Пузановых** (ударение на последнем слоге — ПузанОв) и **Аносовых**. Сохранилась стеклянная дворянская печать Пузановых (с чуточку оббитым краем), предназначавшаяся, вероятно, для оттиска на сургуче. Эту семейную реликвию я уже передал дочери.

Об отце деда (моем прадеде по материнской линии) я ничего не знаю, кроме имени (**Михаил Пузанов**). Мать же деда (моя прабабушка) была одной из дочерей **Павла Петровича Аносова** (известный русский металлург, которого я упоминал выше). Имени моей прабабушки (дочери П.П. Аносова) я не знаю, но, думаю, это можно установить, путем библиотечных и архивных разысканий, которые уже начала мама моей дочери (Елена Ивановна Алексеева).

Поскольку дело касается генеалогии и родственной связи с исторической личностью, требуется особая щепетильность и скрупулезность в установлении факта родства. Откуда я это знаю?

Во-первых, мне неоднократно говорила об этом моя мать. Но при отсутствии записи ее рассказа я предстаю скорее хранителем семейного предания. И хоть в одной из публикаций СМИ о моей персоне (в конце 80-х гг.) эта информация фигурировала (взятая из моего дневника), я лишь с осторожностью подтверждал это, допуская возможность аберрации памяти.

В семье хранилась серебряная ложечка, старинной выделки, с выгравированным на ней затейливым вензелем "А". Мать расшифровывала — "Аносов"...

В 1990 г. судьба занесла меня в г. Златоуст, Челябинской обл., где есть металлургический завод, основанный П. П. Аносовым, а при заводе — музей Аносова (или музей истории завода — не помню). Я встретился с музейными работниками, показал им фамильную реликвию, рассказал о "семейном предании" (мол, я, кажется, пра-правнук П. П. Аносова).

Оставил им эту ложечку — для идентификации: мол, если в самом деле она "аносовская", то дарю ее в музей, а если ошибка — то верните мне.

Мне выдали даже какую-то квитанцию о приеме на "временное хранение" (квитанцию я храню). Однако ни подтверждения, ни опровержения моей информации я так и не получил.

Будем, по умолчанию, считать, что вензель на ложечке в самом деле аносовский. Однако и это не доказательство.

[10.07.97. Сейчас, уже еду в поезде «СПб-Адлер», не могу проверить, но должна быть в моем доме еще одна такая же серебряная ложечка с вензелем «П» (Пузанов). Только сейчас соображаю, что фамильно, да и исторически ценна была именно **пара**, символизирующая соединение двух родов. Кстати, о музее Аносова в Санкт-Петербурге я тогда, в 1990 г., не знал. Уж если не хранить в семье, лучше было отдать обе ложечки — в Петербургский музей. А еще лучше было бы — отдать дочери. Но, как видно, и в 56 лет «мудрости» у меня не хватило].

Документальное свидетельство родства с П. П. Аносовым (для меня бесспорное!) обнаружено было мною совсем недавно. Просматривая (довольно бегло) бумаги Варвары Петровны Пузановой (моей матери), перед упоминавшимся выше походом Ольги в музей Аносова (при Горном институте), я наткнулся на рукописный текст маминой автобиографии, относящейся к середине 50-х гг.

Там, собственной рукой мат, написано: «Мой отец — служащий, инженер-технолог (внук известного русского металлурга П. П. Аносова)».

Тут уж сомнения отпадают. Я, со своей короткой памятью, мог ошибиться. Моя мать, правнучка П.П. Аносова, — не могла. О Павле Петровиче Аносове можно прочитать во всех Советских энциклопедиях.

Приведу, в качестве иллюстрации, статью из Советского энциклопедического словаря (1990 г.):

«**Аносов Павел Петрович** (1799-1851), рус. металлург. Известен работами по высококачеств. литой стали. Создал новый метод ее получения, объединив ее науглероживание и плавление металла. Раскрыл утерянный в средние века секрет изготовления булатной стали. Автор кн. «О булатах» (1841). Впервые применил микроскоп для исследования строения стали (1831)». (Сов. энциклопедич. словарь. М., 1990, с. 59).

О П. П. Аносове вышла книга в серии «Жизнь замечательных людей» (в 50-х гг.). [И. Пешкин. *Павел Петрович Аносов. М.: Молодая гвардия, 1954*]. Есть и другие книги. (Все эти книги я недавно передал дочери).

Подробнее рассказывать о моем знаменитом пращуре здесь нет нужды. Полагаю, моя дочь сейчас уже знает больше меня.

Интересно такое «историко-культурное» наблюдение. Недавно был у меня случай раскрыть соответствующий том «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона 1910-х гг. Там, в томе 2, я не нашел персональной статьи об Аносове, зато нашел:

«**Аносовская сталь**, готовится по способу Аносова, для булатов; см. Булат».

В статье же «**Булат**» (том ?) описывается этот способ и указывается, что он разработан П. П. Аносовым в 1828-1829 гг.

Похоже, что популярность моего прапрадеда в советское время возросла. (Не в борьбе ли с космополитизмом и за русский приоритет в науке и технике? Впрочем, тут русский приоритет бесспорен).

Но это так, попутное наблюдение. Рядом с "**Аносовской сталью**" — другая статья: «**Аносовы**», какую в советских энциклопедиях уже не встретишь:

«**Аносовы**, русский двор. род, восходящий к началу XVII в. и записанный в VI ч. род. кн. Костромской губернии».

Надо сказать, что в дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Эфрона, похоже, так представлены все российские дворянские фамилии. (Например, Зина нашла собственную фамилию — «**Вахарловские**»).

Конечно же, я захотел посмотреть том на букву «П» («Пузановы»). И оказалось, что это издание Брокгауза и Эфрона (насколько я знаю, не первое!) оборвалось на букве «О» в 1914 г. (с началом Первой мировой войны). (Заканчивалось это издание словаря уже в 20-х гг., но вряд ли с сохранением тех же принципов отбора и представления материала).

Надо бы посмотреть более раннее (законченное) издание словаря Брокгауза и Эфрона. Вполне вероятно, что там есть не только Аносовы, но и Пузановы.

Итак, будем считать два «дворянских корня», соединившихся в персоне моего деда Петра Михайловича Пузанова, установленными **документально**. (Если бы я стремился вступить в нынешнее Дворянское собрание, небось, понадобились бы и дополнительные доказательства. Но нам с дочерью, полагаю, этого достаточно).

У П.П. Аносова было несколько [*а точно – пятеро. – А. А.*] сыновей и четыре дочери. Некоторые из его потомков по мужской ветви тоже вошли в историю. Горные инженеры, геологи — сейчас нет под рукой соответствующей информации, но это нетрудно узнать.

Есть у меня большая фотография, а скорее — старинная гравюра (непонятна техника изготовления!), с изображением золотодобывающего прииска второй половины XIX века на р. Силиндже, с указанием на принадлежность ее П. П. Аносову (не Павлу Петровичу, а его сыну — Павлу Павловичу, геологу и основателю Верхнеамурской и

Среднеамурской золотопромышленных компаний для разработки золота). (На гравюре указан год — 1873).

Другая, похожая гравюра сохранилась в семье моего двоюродного брата Владимира Владимировича Абрашкевича.

[13.09.97. Подпись под той гравюрой, что у меня дома:

«Усть-Норский склад Средне-Амурской золотопромышленной компании на р. Силиндже. 1873 г.»].

Не требует пояснений тот факт, что мой дед Петр Михайлович Пузанов был внуком П. П. Аносова — **по материнской линии** (иначе бы он носил фамилию Аносов). Как все же звали его мать (мою прабабушку), иначе говоря — которая из дочерей П. П. Аносова была моей прабабушкой, надеюсь, удастся установить. [*Теперь и этот вопрос проясняется; см. раздел 24.6. — А. А.*].

Понятно, что при многодетности дворянских семей XIX века, у моего деда должно было быть много родственников — как Аносовых, так и Пузановых. Но, увы, ничего я о них не знаю. И даже те некоторые из старших родственников по материнской линии, которых я знал (потом назову их), сейчас не могут быть надежно идентифицированы мною по степени и характеру родства (то ли они были родственниками по линии деда, то ли по линии бабушки).

Моя бабушка по материнской линии — **Ольга Николаевна Пузанова** (1864-1930). Ее девичья фамилия мне неизвестна.

В семейном архиве есть старинные фотографии как деда, так и бабушки. Большая часть их у меня, кое-что я уже отдал дочери. Самая интересная из фотографий — 1901 года. (Ныне она под стеклом, украшает мое жилище). Там представлены: дед Петр Михайлович, бабушка Ольга Николаевна с младенцем на руках; это их первенец — моя мама) и пожилая женщина, очевидно, моя прабабушка. (Вот только которая из двух: мать деда или мать бабушки? Если первое, то это одна из дочерей П. П. Аносова).

Фотография — огромная (примерно соответствует современному формату А-3), на картоне. Все сидят в **трехколесном** автомобиле, очень старинной конструкции (на современный взгляд — скорее самодвижущаяся коляска: без крыши, пассажиры спереди, а водитель — мой дед — сзади, за рулем), на фоне Путиловского завода (как рассказывала мне мать).

Автомобиль этот собственноручно построил мой дед, это было его "хобби" (ниже еще пойдет об этом речь).

Моя мать Варвара Петровна Пузанова, родившаяся в 1899 г., как уже сказано, была первым ребенком в семье деда. Всего же у Петра Михайловича и Ольги Николаевны Пузановых было трое детей. Три сестры: **Варвара** (старшая), **Елизавета** (средняя) и **Мария** (младшая). Моих тетушек по материнской линии я хорошо знал, и еще расскажу о них. Сейчас же должен опять повиниться перед дочерью. Я забыл годы рождения Елизаветы Петровны (тети Лили) и Марии Петровны (тети Маруси) — а ведь знал! Надо будет спросить моего двоюродного брата Владимира Абрашкевича, сына Марии Петровны. С датой рождения тети Лили (Елизаветы Петровны Брусенцовой, в девичестве — Пузановой) — сложнее. Но думаю, что и это — задача, поддающаяся решению. [*Е. П. Пузанова родилась в 1903 г.; М. П. Пузанова родилась в 1905 г. — А. А.*].

Вообще, у моего деда с бабушкой были поздние дети (напомню, год рождения Петра Михайловича Пузанова — 1862, а Ольги Николаевны Пузановой — 1864; первая же из дочерей — моя мама — родилась в декабре 1899 г.).

Глава 3. Мой дед Петр Михайлович Пузанов

Кем был мой дед? Мама в своей автобиографии пишет: «Мой отец — служащий, инженер-технолог». В другом варианте автобиографии: «мой отец, железнодорожный служащий...».

Почему-то у меня осталось в памяти, что дед имел какое-то отношение также к Путиловскому заводу. Возможно, это абберация памяти, связанная с упомянутой выше фотографией, а также с тем, что проживала родительская семья моей мамы в Дачном. *[Вопрос этот также удалось позднее прояснить. См. раздел 24.6. – А. А.]*

Петр Михайлович Пузанов был кем-то вроде инспектора железных дорог и много ездил, с семьей. Кажется, потому и случилось, что моя мать родилась в г. Калуге, а не в Петербурге, где семья Пузановых жила постоянно.

Мой дед имел какое-то звание в «табели о рангах» (сейчас не помню — какое). Эта информация была обнаружена мамой моей дочери Еленой Ивановной в справочнике «Весь Петербург» предреволюционных лет.

Что касается бабушки Ольги Николаевны, то она была, согласно автобиографии Варвары Петровны Пузановой, «домохозяйкой». (Отец — железнодорожный служащий, мать — домохозяйка... Терминология — уже советского времени).

В Дачном у деда был собственный (или ведомственный?) двухэтажный деревянный дом, довольно оригинальной архитектуры. В войну дом не уцелел. Есть фотографии дома в Дачном, и сам я немного его помню.

Про бабушку Ольгу Николаевну я больше ничего не знаю. Умерла она еще до моего рождения, в 1930 г. А дед Петр Михайлович дождался меня — первого из своих внуков. Он умер в 1935 г. (Эти сведения — из табличек на крестах на Красненьком кладбище, где до сих пор сохранились могилы бабушки и деда, а рядом — похоронена моя мама Варвара Петровна Пузанова, скончавшаяся в 1963 г.).

О моем деде Петре Михайловиче Пузанове была семейная легенда, впрочем, имевшая вещественные подтверждения. Он был инженером милостью Божьей, с "золотыми руками".

Сохранились две фотографии автомобилей, сконструированных им и собранных собственноручно. Об одной фотографии я уже говорил. На другой — четырехколесный, уже более современного вида автомобиль. Эта вторая фотография хранится в семье моего двоюродного брата Владимира Абрашкевича, сына моей тети Марии Петровны Пузановой.

Кто-то из старших родственников рассказывал, что дед, уже в старости, говаривал: «Ну, пойду в свой сарайчик...». Это был гараж, где стояли два его «исторических» автомобиля, которые, чуть ли не до конца его жизни, поддерживались «на ходу». (Впрочем, это скорее умозаключение, а не факт. Если не для того, чтобы возиться с автомобилем, для чего проводить время в гараже?).

Автомобили деда разделили судьбу дома в Дачном, в котором до своей смерти продолжал жить дед, а до начала войны проживала его младшая дочь (моя тетя) Мария Петровна Пузанова, со своей семьей. Когда после войны мама, отец и я вернулись в Ленинград из эвакуации, мы с мамой побывали на месте, где стоял тот дом. Сам он сгорел, а от двух автомобилей остался один руль, торчащий из груды кирпичей, на месте гаража.

Примерно на этом месте в первые послевоенные годы у матери с отцом был огородный участок, где сажали картошку. Это где-то в районе нынешней ул. Хрустицкого, где прошли девические годы моей дочери и где и сейчас живет ее мама.

О последних 10-15 годах жизни моего деда мне, кроме упомянутого любительского увлечения, ничего не известно. После смерти бабушки Ольги Николаевны дед продолжал жить в Дачном, в семье младшей дочери Марии Петровны.

Было одно событие в жизни деда, о котором я узнал совершенно случайно, от мужа моей тети Марии Петровны Владимира Васильевича Абрашкевича, уже в конце 80-х — начале 90-х гг. Оказывается, незадолго до смерти, в 1933-1934 гг. дед был арестован.

Петр Михайлович тогда был уже тяжело болен (рак). Дети (тетя Маруся, возможно также — моя мама и тетя Лиля) как-то сумели выхлопотать, чтобы его отпустили "помирать" домой. Так что скончался он на руках у детей, а не в заключении.

Моя мать никогда не рассказывала мне об этих обстоятельствах. Не рассказывал и отец, который наверняка об этом знал. Владимир Васильевич (муж тети Маруси) упомянул это событие между прочим, «к слову», не предполагая, что для меня это будет новостью.

Интересно, как повторяются наши с моей женой Зиной семейные хроники!.. Зина ведь тоже узнала о трагической судьбе своего деда Константина Николаевича Гудкова, арестованного в 1938 г., от старших родственников, лишь полвека спустя).

До самого зрелого возраста я полагал, что репрессии миновали мою родительскую семью.

Не потому ли я так мало знаю о своих родственниках по отцовской (да, в общем-то, и по материнской) линии, что старшее поколение оберегало младших от "ненужной" информации? А потом молчали уже "по инерции", а младшие не спрашивали...

Вот так утрачиваются родственные связи, укорачивается память... (Кого винить? Себя? Родителей? Время? Предпочитаю — винить себя).

Глава 4. Когда меня еще не было... Девические годы матери

Что я знаю о детстве и девических годах моей матери Варвары Петровны Пузановой?

Она училась в Екатерининской женской гимназии (Ведомство учреждений императрицы Марии). Закончила ее одной из первых учениц.

Вместе с упоминавшимся выше гимназическим альбомом у меня хранятся ее гимназические ведомости об успехах и поведении. Вот ведомость II (второго) класса (учебный год 1915/1916): все оценки — высшие (12 баллов), кроме «рукоделия» (11 баллов); переведена в I (первый; выпускной?) класс. (Оценки в более ранних классах — скромнее).

Мама пишет в своей автобиографии 50-х гг., что окончила женскую гимназию в 1918 г. Судя по ведомостям — скорее в 1917 г. (Или первый класс гимназии, который она должна была бы закончить в 1917 г., не был выпускным, а был еще — «нулевой»?). Может, это ошибка ее памяти? Но может быть, это сделано и сознательно.

Из маминых детских и юношеских книг сохранилось несколько томиков Л. Чарской. Кажется, еще хрестоматия по русской литературе.

Гимназический альбом заполнялся надписями и пожеланиями соучениц и педагогов в последние годы учебы. Не удержусь, и приведу отрывок из Некрасова, вписанный туда на первой странице рукой кого-то из педагогов (как я понял). (При этом, я как бы нарушаю чистоту эксперимента с "короткой", живой памятью. Но на удивление, именно эти стихи Некрасова я помню наизусть и сам, с детства. Уж не от матери ли?).

Средь мира дольнего
для сердца вольного
есть два пути.
Взвесь силу гордую,
взвесь волю твердую —
каким идти.
Одна просторная,
дорога торная,
страстей раба.
По ней громадная,
к соблазнам жадная
идет толпа.
О жизни искренней,
о цели выспренной
там мысль смешна.
Кипит там вечная,
бесчеловечная
вражда — война.
За блага бранные

там души тленные,
в цепях умы.
Ключом кипящая,
там жизнь мертвящая
там царство тьмы.
Другая тесная,
дорога честная,
по ней идут
лишь души сильные
любвеобильные,
на бой, на труд.
За угнетенного...
За обойденного...
Умножь их круг.
Иди к униженным,
Иди к обиженным,
И будь им друг [*так подчеркнуто в альбоме. — А. А.*].
Н. А. Некрасов (Из поэмы "Пир на весь мир")

На добрую память и как пожелание от ... [*подпись неразборчива. — А. А.*]

Вообще, альбом этот — интереснейший историко-культурный документ. Но воздержусь от дальнейших цитирований и комментариев. Останусь в рамках семейной хроники.

[10.07.97. Вообще, хоть пишет эти строки и социолог, не надо рассматривать настоящие записки как историко-социологический опус. Я пишу — **семейную хронику**, я хочу рассказать дочери то, что знаю о своих предках и о своих родителях, а вовсе не об «эпохе».

Не потому, что не интересна эпоха, а потому, что мои родители мне, да и дочери — сейчас **интереснее**.

Конечно, в судьбах конкретных людей отражается эпоха. Но это для меня — уже побочный результат и не планируемая здесь возможность исторической интерпретации семейной хроники].

У моей мамы были, мне кажется, способности к рисованию. (Сохранились несколько альбомов с очень интересными рисунками). Вообще, у матери вполне определено были способности и склонности к гуманитарной сфере. Тем не менее, после окончания гимназии она поступила в Ленинградский (тогда — Петроградский) технологический институт (1918 г.). Возможно, сказалось влияние отца (моего деда).

Сейчас опускаю биографические детали из документа (автобиографии), копию которого я собираюсь приложить к этой хронике. Здесь ограничусь тем, что мне и без документов было известно.

Окончив Технологический институт в 1927 г. (были перерывы в учебе, когда работала на железной дороге) мама стала трудиться на заводе «Красный путиловец» (б. Путиловский завод), где до этого проходила дипломную практику. В качестве инженера-технолога она участвовала в освоении массового производства тракторов. <...>

Сохранились фотографии: моя мама на испытаниях первых советских тракторов в поле.

Все, кто видел портретные мамы фотографии 20-х гг. (а есть среди них и сделанные знаменитым Наппельбаумом), находят ее очень красивой. Я тоже так считаю. (Глядя на это лицо можно предположить, что это скорее человек искусства, чем инженер-тракторостроитель.

Накопленный опыт инженерной работы получил теоретическое осмысление. В 1933 г. в «Госмашметиздате» вышла первая книга инженера В. П. Пузановой «Допуски в тракторостроении» (5 печ. л.). Всего лишь шесть лет после окончания института! Бурный старт научно-технической карьеры. Работала мама все это время либо на «Красном путиловце», либо на других машиностроительных предприятиях, куда откомандировывалась как специалист по допускам (см. автобиографию). С середины 30-х

гг. она все больше стала заниматься преподаванием (Институт повышения квалификации ИТР и т. п.). В 1939 г. была издана вторая книга — конспект лекций В. П. Пузановой по курсу "Допуски и посадки".

Экземпляры этих, еще довоенных, трудов инженера В. П. Пузановой у меня есть.

Есть основания утверждать, что мама очень рано, в относительно молодом возрасте, выдвинулась в число ведущих отечественных специалистов в области теории допусков и посадок.

(Конечно, пользуясь маминой автобиографией, другими подсобными материалами, я мог бы рассказать об этом подробнее. Но пока — только "живая", активная память...).

7.07.97.

О детстве и юности моего отца Николая Николаевича Алексева мне известно куда меньше, чтобы не сказать — неизвестно ничего.

Его детство прошло, очевидно, в г. Рыльске, Курской губернии (где он родился). Вероятно, и юность тоже (по косвенным признакам). Какую школу он окончил — не знаю. Но судя по его, памятной мне шутке: «У меня высшее образование без среднего!», — самую демократическую.

Так же не знаю я, когда он приехал в Ленинград. По-видимому, где-то в первой половине 20-х гг. Отец закончил Ленинградский политехнический институт.

Отец, как и мать, был инженером-технологом. Не знаю, с какого времени он стал работать на Ленинградском заводе им. Ворошилова, ныне известном как завод «Звезда». Во всяком случае, к началу войны он был на этом заводе начальником бюро стандартизации.

(На заводе им. Ворошилова отец проработал всю жизнь. Последние 10-15 лет до выхода на пенсию в конце 60-х гг. он был главным технологом на этом заводе).

Отец не воевал (военный завод, броня).

Но вернемся в 1930-е гг.

Глава 5. Материнское воспитание. Как я выучил французский

Мои родители познакомились, по-видимому, на рубеже 20-30-х гг. Во всяком случае, моя родительская семья образовалась за несколько лет до моего рождения. К этому моменту (моменту моего появления на свет) мама и отец жили в большой комнате (порядка 40 кв. м) в многонаселенной (7-8 семей!) коммунальной квартире на ул. Некрасова, дом 40, кв. 8. 5-й (последний) этаж. Балкон над «фонарем».

Я родился 22 июля 1934 г. Как я уже говорил, других детей, кроме меня, у моих родителей не было.

Судя по автобиографии, мама не прекращала работу после моего рождения. Однако в ясли меня не носили и в детский сад не водили. Я был «домашним» ребенком.

Какое-то время была няня (кажется, ее звали Татьяна). Но в основном меня воспитывала сама мать. Видимо, режим преподавания в ИПК это позволял, а может — как раз ввиду моего рождения мама стала заниматься преподаванием по преимуществу.

(Вообще же, до знакомства с маминой автобиографией, у меня было впечатление, что мать на какое-то время прервала работу, с моим рождением).

Я был достаточно спокойным ребенком. В большой комнате, превращенной в своеобразную квартиру расстановкой мебели и ширм, у меня был свой уголок, в котором я был приучен находить себе занятие и в одиночестве.

Летом выезжали "на дачу", в Дачное, где, как уже говорилось, в то время жила младшая из трех сестер Пузановых, моя тетя Мария Петровна, вышедшая замуж за инженера-кораблестроителя (впоследствии — главного строителя объектов на судостроительном заводе им. Жданова) Владимира Васильевича Абрашкевича. У них в 1939 г. родился сын Владимир (мой единственный двоюродный брат).

Там же, в доме деда, жила (кажется, постоянно) "тетя Машура" (скорее бабушка), моя старшая родственница по материнской линии (точно определить родственное отношение затрудняюсь). Помню, у нее было очень слабое зрение (если не слепая совсем). Кажется, она была вдовой О'Рурка (известного составителя таблиц умножения многозначных чисел — таблиц, многократно переиздававшихся до 1950-х гг., пока не было компьютеров).

Не знаю, когда переехала из Ленинграда в Москву средняя из трех сестер Пузановых, моя тетя Елизавета Петровна (тоже жившая до этого в доме деда в Дачном), выйдя замуж за Георгия Николаевича Брусенцова, москвича, инженера по деревообработке.

Если тетю Марусю я помню с детства, то с тетей Лилей познакомился уже только в 1950-х гг.

В моем родительском доме на ул. Некрасова бывали тетя Маруся с Владимиром Васильевичем, приезжала (из Рыльска?) мать отца Наталия Николаевна, бывала Вера Павловна Пивен (предполагаю, что это двоюродная сестра моей мамы, дочь брата моего деда) со своим сыном Игорем, старше меня лет на 10. Из друзей семьи — бывал Борис Владимирович Рощановский, друг и сослуживец (не родственник ли?) отца, у которого были дочери Таня (примерно моя ровесница) и (младшая) Катя.

Всех названных я, конечно, помню скорее уже из послевоенных времен.

Мать любила самостоятельный туризм. Кажется, уже после моего рождения они вдвоем с отцом совершали пешеходный поход вокруг озера Селигер. Мать возила меня на пароходе — по Волге или Каме. Не уверен, но вроде тогда (в раннем детстве) я был в Кунгурской пещере. Если не ошибаюсь, ездили втроем в г. Рыльск (родина отца).

Читать и писать я научился рано, во всяком случае — до войны. Кажется, первой прочитанной мною книгой было «Путешествие по электрической лампе» (детская с картинками, название — приблизительно).

Еще, не помню, но знаю, что до войны, т. е. до семилетнего возраста, мать водила меня к учительнице немецкого языка.

Вот, пожалуй, все более или менее достоверные факты. Но достаточно, чтобы судить о месте, которое занял единственный ребенок в жизни родительской семьи.

[10.07.97. Довоенных воспоминаний так немного, что приведу «семейную легенду», характеризующую не столько меня ребенком, сколько семейную атмосферу. (Рассказывала, кажется, тетя Маруся). Будто я стою на довольно высоком крыльце в Дачном и отец говорит: «Прыгай, Андрюша!». А я (лет 5-6) отвечаю: «Колечка, но ведь ты знаешь, что Варечка не велела!». (Кстати сказать, авторитет матери на всю жизнь остался для меня выше авторитета отца).

Еще помню, что мама тогда была очень озабочена обнаруженным у меня астигматизмом в левом глазу. Был продолжительный курс домашних упражнений со стереоскопом, позволивший улучшить зрение в этом глазу до 20 процентов (с 2-х). В итоге мне потом удалось благополучно водить машину, т. е. была обеспечена бифокальность зрения].

Предупрежу самого себя против двух опасностей, подстерегающих меня в дальнейшем изложении.

Первая — «перетягивание одеяла на себя». То есть — постановка себя в центр семейной хроники (по крайней мере, начиная со своих школьных лет). Такой ход в принципе возможен. Например, моя жена Зина предъявила историю своей жизни как повод для рассказа о матери и родственниках (в своем приложении к воспоминаниям отца). Но здесь — другой случай и другая задача.

Вторая опасность — "увязание в подробностях". Понятно, что юношеские впечатления отчетливее детских. И можно вспомнить много эпизодов из жизни моей

матери и моего отца, описание которых перегрузит семейную хронику и превратит ее в какой-то другой жанр.

Я, конечно, расскажу кое-что о себе, но лишь имеющее прямое отношение к жизни моих родителей.

Мне, конечно, не избежать описания отдельных "эпизодов" из жизни родительской семьи, но постараюсь ограничиться значимыми, имеющими достоинство **биографического факта.**

Когда началась война, мать со мной и тетя Маруся с сыном Володей уже в августе 1941 г. эвакуировались из Ленинграда в г. Уфу. Там жила "тетя Леля" (я не знаю, в каком родственном отношении она находилась с Пузановыми).

В Уфе мы пробыли недолго. Завод им. Ворошилова (на котором работал отец) эвакуировался сначала в г. Чкалов (Оренбург). Мать со мной переехала туда к отцу. Потом все вместе, ввиду дальнейшей эвакуации завода, переехали в г. Омск, где мы с матерью пробыли до 1944 г.

Уфу и Чкалов я помню смутно, а Омск — более отчетливо.

Отец работал на заводе, а мать не работала (разве что подрабатывала) и целиком посвятила себя мне.

Может показаться удивительным, что я в войну не только не потерял годы для учебы (как это было со многими моими сверстниками), а наоборот!

Мама учила меня сама, причем так, что когда в 1943 г. (мне 9 лет) она впервые отвела меня в школу — сразу в 3-й класс, оказалось, что мне там «делать нечего», и меня посреди учебного года перевели в 4-й класс. Его я успел закончить в Омске (кажется, даже с похвальной грамотой).

Но занятия матери со мной не ограничивались школьной программой. Сохранились мои детские тетрадки, где прописи — не только на русском, но и на немецком (даже готическим шрифтом) и французском языках.

Немецкой мать знала средне, а французский — превосходно. И она избрала оригинальный метод, о котором я и позже не слыхал.

Мама брала старинную детскую или полудетскую книжку на французском языке (помню томики «Bibliothèque rose» с повестями графини де Сегюр) и читала мне вслух, тут же переводя с листа. Потом побуждала меня читать по-французски самого.

Когда дело дошло до Жюль Верна, я увлекся настолько, что стал читать только сам, со словарем (пользоваться которым был научен очень рано). Книги брали в городской библиотеке иностранной литературы.

В итоге, уже лет в 9-10 я стал даже «сочинять» по-французски (какой-то цикл рассказов из жизни зябликов — les pincons). А еще до этого «из-под моего пера» вышла «Повесть о Белочке-рыжехвостке», по-русски.

Произведения этого детского «литературного творчества» на русском и французском языках у меня сохранились. Мать буквально сделала из меня «вундеркинда» (по тем временам).

Мать придавала особое значение знанию иностранных языков. Если английский я потом изучал в школе, немецкий — в институте, то знание французского я получил с детства, от матери.

В Ленинград из Омска мы вернулись с матерью осенью 1944 г. Я пошел в 5-й класс 181-й средней школы (на Соляном переулке). Примерно через полгода-год к нам присоединился отец.

Родительская комната на ул. Некрасова сохранилась. В ней пережил блокаду муж моей тети Марии Петровны Владимир Васильевич Абрашкевич. Уцелели все довоенные вещи, книги.

Помню, мама тяжело заболела после возвращения в Ленинград. У нее обнаружилось острое малокровие. Спас ее добытый где-то печеночный экстракт.

Мама поступила преподавать в машиностроительный техникум при Кировском заводе (начертательная геометрия), потом преподавала в учебном комбинате ЛОНИТОМАШ (Ленинградское отделение НТО "Машпром"). Отец вернулся в Ленинград вместе с со своим заводом и продолжал на нем работать. Я учился в школе.

[10.07.97. Надо сказать, что в Ленинграде мама в значительной мере переложила на школу мое обучение. Я не помню, чтобы она когда-нибудь проверяла мои тетради или — выучен ли урок. Мамина «домашняя школа» в эвакуации была сверхмощным зарядом, избавившим ее от необходимости вникать в детали моего школьного обучения.

Интересно, что при этом она иногда избавляла меня от «позора» неудовлетворительной оценки тем, что писала записку классному руководителю: «мой сын не был в школе (или — не выполнил домашнее задание) по семейным обстоятельствам».

В пятом классе я нечаянно нарушил какое-то правило поведения (я был слишком послушен, чтобы сделать это нарочно). Маму вызвали в школу и пригрозили меня исключить. Она хладнокровно спросила: «Значит, завтра мой сын может в школу не приходиться?»].

До 7-го класса мои школьные успехи были скромными. Однако постепенно я выдвинулся в "первые ученики". Заканчивал школу (в 1950 г.) с золотой медалью.

(Вообще, мой школьный выпуск 10-а 181-й школы был сильным. Три золотых медали, несколько серебряных. Все те, кто дошел до десятого класса — а многие отсеялись после пятого-седьмого — получили высшее образование).

В конце моей школьной биографии есть эпизод, очень ярко характеризующий мою мать. Я был определен ею в школу, где преподавался английский, «нарочно» — поскольку этому языку она меня не учила. Параллельно я совершенствовался в немецком и французском, у частных преподавателей, которых находила для меня мама.

В итоге оказалось, что экзамены на аттестат зрелости я могу сдавать по трем иностранным языкам (что, понятно, в тогдашней обычной школе было не принято).

Мама добилась (сохранилась собственноручная копия ее письменного обращения в органы народного образования), чтобы у меня-таки приняли эти экзамены. Этот текст стоило бы приложить к этой хронике). В итоге, при поступлении в Университет, на филологический факультет, я сдавал в приемную комиссию уникальный аттестат зрелости, с отличными оценками по английскому, французскому и немецкому языкам.

(Сейчас сам этому удивляюсь, но во всех трех языковых экзаменах в школе я не произнес ни одного слова по-русски, даже излагая правила грамматики. Ныне от такого владения языками у меня осталось мало).

Мать готовила меня к высшему гуманитарному образованию. И эта подготовка оказалась чрезвычайно сильной. Позднее, в институте, я учился исключительно на пятерки, был сталинским стипендиатом (что, впрочем, по тем временам обеспечивалось не только успехами в учебе, но и общественной, комсомольской активностью).

Напомню, что в школу я пошел девяти лет, фактически сразу в 4-й класс. Когда после окончания школы я подавал документы в Университет, мне пришлось предъявлять метрику, а не паспорт (которого еще не было). Я был моложе своих одноклассников в школе и однокурсников в вузе на два года.

Стоит особо подчеркнуть, что всякие заботы о моем обучении примерно с шестого-седьмого класса мать прекратила полностью (если не считать иностранных языков). У меня же к 10-му классу сложилась личная установка «круглого отличника». Для этого имелись описанные выше общекультурные предпосылки, созданные матерью. Кое-что из этого раннего культурного багажа я в своей последующей жизни приумножил, многое подрастерял, но это — отдельная тема.

В детские и отроческие годы (совсем ребенком и позже, в 40-х гг.) я вел дневник. Эти тетради сохранились. Мне не хочется перечитывать их (там дикая смесь

подростковой «эрудиции» и инфантилизма). Но, наверное, перечитать стоит. Может, там удастся найти что-то относящееся к матери и отцу, такое, что важно, а потом забылось.

Глава 6. Инженер, кандидат технических наук В.П. Пузанова

После войны моя мать Варвара Петровна Пузанова вернулась к работе в области теории машиностроения. Уже в 1947 г. в «Машгизе» вышла коллективная монография «Технологические припуски и размеры», где большой раздел написан ею.

Вскоре затем (1948 г.) — в том же "Машгизе" — оригинальный плод "профессионально-семейного" сотрудничества моих родителей. Это их обоих (в соавторстве) книга "Размеры и допуски в машиностроении".

Надо сказать, что мама с отцом, оба инженеры-технологи, составляли своеобразный «научно-технически-литературный тандем». В. П. Пузанова, известный еще своими довоенными трудами теоретик в области допусков и посадок и смежной проблематики (размерных связей механизма, взаимозависимости деталей в машиностроении). Н.Н. Алексеев — технолог-практик, руководитель инженерно-технологических служб крупнейшего оборонного завода.

Писала эту книгу, конечно, мама. Отец шутил, уже когда книга вышла: «Надо мне собраться, хотя бы прочитать свою книгу...». Думаю, однако, что это было достаточно равноправное разделение труда, соединение инженерно-практического опыта и научно-литературного таланта.

Из автобиографии мамы и соответствующих характеристик, можно судить о ее активности в качестве лектора, преподавателя, редактора. В течение почти 10 лет (с 1946 по 1956 г.) она работала по договорам с «Машгизом» и в рамках НТО Машпром (т. е. формально "не служила").

Иногда она заключала договора на редакторскую работу (в том же «Машгизе»).

Научно-техническая работа (лекции, научно-технические семинары и конференции). Член всяких бюро и комитетов в Ле-нинградском отделении НТО «Машпром».

В декабре 1953 г. (в возрасте 54 года) инженер В.П. Пузанова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Анализ размерных связей механизма как основа для простановки размеров в рабочих чертежах». Защита происходила в Ленинградском политехническом институте. (Текст этой диссертации у меня сохранился).

Не помню, был ли уже к этому времени мой отец Николай Николаевич Алексеев главным технологом завода им. Ворошилова (пожалуй, еще только зам. гл. технолога).

Остановлюсь пока на этом рубеже.

[13.09.97. Сейчас, вводя этот текст в компьютер, уже дома, имея под руками издания книг инж. В.П. Пузановой, я мог бы дополнить эту главу цитатами из этих книг, вообще — осветить этот сюжет подробнее. Но мне хочется успеть закончить первую версию этого своего сочинения до 21 сентября, дня рождения моей дочери, к которому готовится этот отцовский подарок. Так что — отложу «до лучших времен», а если сам не соберусь, то дочь и сама может перелистать эти книги, выписать оттуда и вставить сюда, что сочтет нужным].

Глава 7. Родительская семья. Круг родственного общения

В начале 1950-х гг. (мы жили еще на ул. Некрасова) родительская семья приобрела автомобиль «Москвич», самая ранняя модель, стоившая тогда 900 руб. Это было событие, существенно определившее уклад жизни всей семьи. Инициатива этого приобретения принадлежала маме. Она же (уже в 50 лет) получила водительские права. Отец машину не водил. Я — получил водительские права по достижении 18-летия, в 1952 г.

И начались (сначала только мама за рулем, потом мы с ней — по очереди) поездки в Прибалтику, в Крым, на Кавказ, в Закарпатье, и еще более оригинальные маршруты, о которых скажу ниже.

Если мой дед Петр Михайлович Пузанов был одним из первых в Петербурге автомобилистов, то мама, наверное, одной из первых в послевоенном Ленинграде женщин-автолюбителей.

Удержусь от искушения рассказывать о наших путешествиях в ту пору, когда в России было всего две «европейских» (построенных, кажется, пленными немцами) автострады: Москва-Симферополь и Москва-Минск.

Между Ленинградом и Москвой современная автострада еще только строилась, и мы застали участки дороги, вымощенные деревянными шашечками.

В 1952 или 1953 г. продали «Москвича», купили «Победу» (стоившую тогда 1.600 руб.). Я с увлечением водил машину, каждый день отвозил отца на работу с ул. Некрасова к месту, где сейчас расположена станция метро «Обуховская».

Что касается дальних (летних) поездок, то собственный автомобиль выступал не "средством передвижения" (скажем, на дачу, которой не было, или на пляж, к морю), а «способом существования».

Матери нравился сам процесс автомобильного путешествия. За месяц летней поездки «накручивали» на спидометре по 10 тыс. км и больше. Отец называл маму и меня «пожирателями километров».

(Еще, он шутил: «Когда сидишь в машине, не видно дырок на штанах»).

Функции вождения и технического обслуживания, по мере роста моего автомобильного опыта, все больше переходили ко мне. Мать водила машину очень осторожно и аккуратно, я — в меру «лихачил», однако за десять лет не было ни одного дорожно-транспортного происшествия (мелкие поломки и аварии, разумеется, бывали).

Я еще вернусь к рассказу о «члене нашей семьи» автомобиле "Победа". Сейчас же — еще о родственниках.

Как я уже говорил, я практически не знал родственников отца.

Из родственников по маминой линии моя родительская семья, еще с довоенного времени, была дружна с маминой сестрой, моей тетей Марией Петровной Пузановой и ее мужем Владимиром Васильевичем Абрашкевичем.

После войны они жили в Автове, на ул. Строителей (теперь ул. Маринеско), в 2-х комнатной квартире дома «сталинской постройки». Еще младшим школьником (в середине 40-х гг.) я часто бывал в этом доме.

О моей тете Марусе (Марии Петровне Пузановой) много теплых слов сказано в семейной хронике моей жены Зинаиды Вахарловской. <...> Правда, в 40-х — начале 50-х гг. тетя Маруся еще не работала в школе, не заведовала своим знаменитым кинокабинетом, столь памятным Зине *[учившейся в этой самой школе, как и мой двоюродный брат Володя и его будущая супруга Ира Яковлева. – А. А.]*. А чем тогда занималась Мария Петровна — точно не скажу, надо спросить моего двоюродного брата Владимира Абрашкевича.

Так же часто бывали и тетя Маруся с Владимиром Васильевичем в моем родительском доме.

Интересно, что вслед за моей родительской семьей семья Абрашкевичей приобрела автомобиль «Победа». Опять же — инициатива принадлежала женской стороне (Мария Петровна). Владимир Васильевич машину не водил. Потом семейным шофером и автомехаником (несоизмеримо более высокого класса, чем я) стал их сын (мой двоюродный брат, моложе меня на пять лет) Володя.

Не помню, ездили ли куда-нибудь вместе (двумя семьями), на двух машинах. Но первое большое путешествие на Юг на нашей машине совершали аж вшестером (и как умещались!): мама, отец, я, тетя Маруся, Владимир Васильевич и Володя (мама была тогда еще единственным водителем).

Сохранилось много фотографий от этих путешествий.

Другая мамина сестра (средняя из трех сестер Пузановых), Елизавета Петровна — тетя Лиля — еще до войны переехавшая в Москву, вошла в круг нашего семейного общения где-то в начале 50-х гг.

Тетя Лиля с мужем (Георгием Николаевичем Брусенцовым) жили на тогдашней окраине Москвы, в Растокинском городке, в комнате (квартире?) в деревянном доме барачного типа (если правильно называть бараком двухэтажный дом). В отличие от мамы (инженера-технолога) и тети Маруси (педагога, организатора учебной кинематографии), тетя Лиля всю жизнь была «домохозяйкой».

Мне кажется, самореализация трех сестер Пузановых была различной по содержанию, но равно мощной. Елизавета Петровна была «высокопрофессиональной» домохозяйкой. (Высшего образования у нее, полагаю, не было).

У тети Лили был огород, какая-то скотина (куры, во всяком случае), и она всю жизнь посвятила заботам о муже и ведению домашнего хозяйства. Детей у Елизаветы Петровны и Георгия Николаевича Брусенцовых не было.

Отец ее мужа был кем-то вроде «садовода-мичуринца», и достаточно известен (я как-то раз был в его саду под Москвой). А сам Георгий Николаевич — инженер.

После первого визита в Москву к тете Лиле в начале 50-х гг. мы с мамой и отцом стали наезжать в Москву довольно час-то.

Кого еще я знал из маминых родственников? Я уже упоминал Веру Павловну Пивен. Пивен — это фамилия по мужу, девичью — не знаю. *[Как оказалось — Пузанова. См. раздел 24.6. — А. А.]*

Было две сестры — Вера Павловна и Нина Павловна. Я не уверен, но предполагаю, что они были дочерьми брата моего деда Петра Михайловича Пузанова (или, может, дочерьми его сестры? Но Павел — одно и родовых имен Пузановых). Не исключено, впрочем, что они происходили из рода моей бабушки Ольги Николаевны.

У Веры Павловны от брака с Даниилом Яковлевичем Пивеном был сын Игорь (я его упоминал выше). Игорь Данилович Пивен, примерно 1924 г. рожд., воевал. Потом стал военным инженером, заслуженным изобретателем РСФСР, крупным специалистом в области надежности и остойчивости кораблей.

Кажется, был период, когда Владимир Васильевич Абрашкевич (муж моей тети Марии Петровны) был главным строителем крупнейшего военного судна на заводе им. Жданова, а Игорь Пивен — военпредом на том же заводе, приемщиком этого корабля (где-то в 60-х гг.). <...>

А в 40-х — 50-х гг. мне довелось знать мать Игоря Веру Павловну. Она жила где-то на Кирочной ул. (тогда — ул. Салтыкова-Щедрина). Я брал у нее читать книги из домашней библиотеки. (Кажется, «Всадника без головы» Майн-Рида).

Нину Павловну тоже помню. Даниил Яковлевич Пивен потом разошелся с Верой Павловной и женился на младшей сестре Нине. Сейчас никого из них уже нет в живых.

С Игорем Пивеном в последующие годы мы встречались редко, больше на семейных юбилеях. Помню похороны его отца Даниила Яковлевича, но когда же это было? С Игорем больше общался мой двоюродный брат Володя.

Последний раз мы виделись лет 10 назад. Это было в его прекрасной квартире на Кировском (Каменноостровском) проспекте. Тогда я впервые познакомился с его женой (имени не помню). Во времена же моей молодости Игорь был женат на Наталье (с которой давно разошелся).

Игорь Данилович Пивен, мой старший (троюродный, как я понимаю) брат, мог бы, наверное, восполнить некоторые пробелы в этой семейной хронике, в частности, в родословной Пузановых. Надо бы разыскать его.

Но вернусь к началу 1950-х гг.

Глава 8. Сын — студент. Автомобильные путешествия

Мое поступление на филологический факультет Ленинградского университета в 1950 г. было predeterminedо мамиными культурными вложениями.

Возможно, мама прочила мне научно-филологическую карьеру, ожидала, что я стану «полиглотом». Во всяком случае, она согласилась с моим выбором славянского отделения филфака. (Я рассчитывал поступить в «чешскую» группу, но в том году — оказалась «болгарская»).

Я пытался также факультативно заниматься на отделении романских языков (французский язык), и даже, вольнослушателем, на историческом факультете. Но из этого ничего не вышло.

(Мои гуманитарные интересы со школьных времен были стимулированы, кроме мамы, также замечательным школьным педагогом Натальей Николаевной Житомирской, ведшей в нашем классе экс-периментальную учебную программу по истории, до 8-го класса. Н. Н. Житомирская, впоследствии — педагог-методист, кандидат наук, скончалась в конце 80-х гг.].

Ученого-филолога и полиглота из меня не получилось (хоть я поначалу пытался, «по инерции», заданной матерью, изучать еще «дополнительные» языки). Мое славянское отделение было «переводческим» (т. е. скорее с прикладным уклоном). Но дело даже не в этом. К тому времени у меня возникли новые склонности и интересы.

9.07.97.

Надо сказать, что уже в конце школьного периода у меня стал назревать какой-то протест против «мамино» воспитания. Под влиянием школы, пионерского лагеря, других внешних воздействий, оно стало казаться мне слишком «камерным». Положение «мальчика в коротких штанишках» среди порой велико-возрастных одноклассников (к старшим классам большинство их «отсеялось» из школы) тяготило.

[11.07.97. Мать дома звала меня «Мурлыша», почти как М. Цветаева своего «Мура». Меня дразнили этим прозвищем в школе. Впрочем, «официальной» школьной кличкой была «француз»: ведь я читал «Трех мушкетеров» в подлиннике].

Самоутверждения в школе через культурную эрудицию, «пятерки» — мне было недостаточно. Я занялся «самовоспитанием»: например, уроки танцев (чему мама не препятствовала). В то время ни к физическому, ни даже к домашнему труду я приучен не был.

[11.07.97. Похоже, что это, действительно, было недостатком воспитания. Сама мама занималась домашней работой без удовольствия, «через силу». Из хозяйственных нагрузок мне вменялось в обязанность только приносить дрова из подвала на пятый этаж (отопление в доме на ул. Некрасова тогда было печным). Помню, когда в первом послевоенном году мы ездили с матерью на картофельный участок, мама предоставляла мне читать Жюль Верна по-французски, пока сама полола].

Свою «слабосильность» я в инициативном порядке преодолевал занятиями в ДСШ (детской спортивной школе). И надо сказать, не без успехов: к последним школьным классам я научился делать сальто, стойку на кистях на брусьях, даже «большие обороты» («солнце») на турнике. Эти спортивные занятия я продолжал и в институте (заработал 2-й разряд по спортивной гимнастике).

Что касается «безрукости», то ее я преодолевал уже позднее — вождением и техническим обслуживанием автомобиля, а также на студенческих стройках. (С учетом этого и всей последующей биографии, руки у меня в конечном итоге оказались все же «не дырявые»).

Своего рода антитезой материнскому культурному воспитанию (иностранные языки, чтение — исключительно литературы прошлого века, так что первые книги советских авторов я читал уже только в 10-м классе) явилось начавшееся уже в Университете мое увлечение общественной, комсомольской работой (кстати, похоронившее надежды на овладение "множеством" иностранных языков).

Тут стоит заметить, что ни о какой моей «адаптации» к тогдашним общественным реалиям мама как будто не заботилась (разве что оберегала от «не нужной» информации). Мое «общественное возмужание» происходило если не вопреки, то независимо от родительского влияния.

Я не помню, чтобы у нас с матерью когда-либо возникали разговоры на общественно-политические темы. В комсомол (в школе) я вступал без родительского влияния. То же можно сказать о моей комсомольской карьере, начиная с первого курса Университета (на предпоследнем курсе я был даже «освобожденным» секретарем комсомольского бюро факультета). *[На филфаке тогда обучалось свыше 1000 студентов. — А. А.]*.

Мама вообще считала себя как бы человеком "из прошлого века". Читала она почти исключительно старых авторов (особенно — на французском). Из "советских" ценила немногих (например, Паустовского). Стандартные формы советского коллективизма были ей заведомо чужды.

[11.07.07. Вообще, воспитательная установка матери относительно меня была, я бы сказал, "культурно-нравственной". Все идеологические ценности черпались мною извне семьи, все общечеловеческие — из круга чтения и общения с мамой.

При этом мама, как мне кажется, вовсе не была принципиальным «дезадаптантом», игнорирующим господствующие идеологические нормы. Так, в 50-х гг. своеобразным предметом ее самоутверждения (отчасти, может быть, также способом сдать кандидатский экзамен по философии) было окончание Университета марксизма-ленинизма (что она отмечала как свое "второе" образование в анкетах)].

[12.07.97. Уже много позднее я сформулировал собственное жизненное кредо: «Уважай других не больше, чем себя, и себя не больше, чем других!». Я думаю, мама согласилась бы с этой заведомо не коллективистской, но и не индивидуалистической формулой чувства собственного достоинства].

Если мою мать в партию наверняка не приглашали (хотя бы в виду дворянского происхождения), то иначе было с отцом. Он оказался «белой вороной» в кругу людей своего должностного положения. В чем тоже, думаю, не было особой идейно-политической позиции. (В семейной библиотеке, например, было и 3-е издание сочинений Ленина, и комплект журнала «Большевик» за 30-е гг.).

Общественная активность отца в молодости была такова, что (если верить его шутливому рассказу) он в 20-х гг. был избран секретарем райкома (или даже горкома!) комсомола (или партии, не помню!), вероятно, в Рыльске. Пока не спохватились, что он... не комсомолец (или не член партии).

Уже позднее (на моей памяти) отец, опять же шутливо, объяснял, как он оказался «беспартийным большевиком»: «Меня все спрашивают, почему Вы, Н. Н., в партию не вступаете? А я им отвечаю: "Я еще не созрел, не все понимаю". "Чего же Вы не понимаете, Н. Н.?" — «А вот не понимаю, как это получается: один член партии — дерьмо, другой — дерьмо, а в целом партия — ум, честь и совесть...».

(Вообще, отец «за словом в карман не лез». Похоже, его считали в этом плане «несерьезным» человеком).

С общественной активностью у отца сочеталась конфликтность на работе. Мама часто помогала ему в разрешении этих конфликтов тем, что сочиняла за него безупречно корректные служебные записки. Выручал его также безусловный авторитет профессионала.

[11.07.97. Заодно скажу о других родственниках. Тетя Лиля — «вечная домохозяйка» — была, разумеется, беспартийной. А вот тетя Маруся и Владимир Васильевич — оба были членами партии. В родственном общении это различие семей, впрочем, никак не сказывалось).

В период моей учебы в Университете (1950-1956 гг.) студенческие каникулы для меня делились на две части. Месяц — на студенческой стройке (все стройки — в Ленинградской области). Другой месяц — автомобильное путешествие с матерью и отцом.

Маршруты были не тривиальными для автолюбителей. Например, такой: Ленинград — Киев — Кишинев — Одесса — Херсон — Симферополь — Ялта — Керчь — Сочи — Батуми — Тбилиси — Пятигорск — Ростов — Москва — Ленинград. Это все — за одну месячную поездку!

Останавливались на ночь, как правило, не в гостиницах, а где-нибудь в укромных уголках за лесополосой, у дороги. Костра не разжигали, опасаясь привлечь к себе внимание. Мама спала в машине (где сиденья не раздвигались). Мы с отцом устраивались под открытым небом, без палатки.

Больше двух дней нигде не задерживались, даже на Черноморском берегу.

Обычно посещали «памятные места». Заезжали и в Ясную поляну, и в Спасское-Лутовиново, и в Михайловское. Мать во время путешествий очень любила посещать храмы, монастыри (хотя религиозной не была). Как-то соединялись в наших поездках любование природой, интерес к культуре и "охота к перемене мест".

Мне особенно нравились горные дороги с серпантинами. Справлялась с ними в качестве водителя и мама, уже в преклонном возрасте).

Часто брали с собой кота. Мама очень любила кошек, но не вообще, а именно данного, конкретного, своего кота. Первого, кого я помню (дымчатый «Пушок»), она везла с собой в теплушке, возвращаясь из эвакуации в Ленинград. Он, кажется, разбился, упав с балкона, с высоты 5-го этажа, в доме на ул. Некрасова.

Последнего из котов (черного) задавила машина на шоссе, где-то около Тосно, когда мы, вопреки обыкновению, оставили его у знакомых, по дороге на юг. Для матери это было большим душевным потрясением («Он, наверное, выбежал на дорогу, нас ждал...»).

Когда кот путешествовал с нами, мама, боясь, что он убежит и потеряется, выводила «зверя» из машины гулять на веревочке, с ленточкой. (Вообще, мама часто вела себя «нонконформно», не только в таких пустяках).

Кстати, как к «живому существу», со своими «нервами» и «душой», мама относилась и к автомобилю («машина устала, отдохнет и заведется», и т. п.).

Удивительно, что отец не пытался овладеть искусством вождения. Вообще, о нем ходили легенды, как об инженере, "шестым чувством" находящим ошибку в техпроцессе. Но сомневаюсь, чтобы он мог сам обработать какую-нибудь деталь на станке.

Мать же, в случае какой-нибудь неисправности в машине, рассуждала «с точки зрения теории». И часто ее предположения оказывались верными.

Мама отваживалась на путешествия и в одиночку. Помню, за год-полтора до своей кончины она одна приехала из Ленинграда во Львов (где я тогда был на военных сборах). А еще раньше — из Ленинграда в Куйбышев (где я тогда работал в газете после окончания Университета).

Глава 9. Сын вырос. Кончина матери

Примерно в 1955 г. наша семья рассталась с коммуналкой на ул. Некрасова, где прожили больше 20 лет. Отец получил квартиру в доме на углу пр. Обуховской обороны и ул. Чернова, в 200 м. от проходной своего завода.

Это была 2-х комнатная квартира. Рядом с домом был индивидуальный гараж. (Кстати, на ул. Некрасова гараж был тоже рядом, в бывшей подворотне, во дворе нашего дома; тогда такое было возможно).

По времени этот переезд совпал с моей женитьбой. Моя первая супруга Елена Ивановна Алексеева (в девичестве — Ларионова) была студенткой того же филологического факультета ЛГУ.

Мама настояла, чтобы молодожены какое-то время пожили в квартире на пр. Обуховской обороны. Но вскоре мы с женой переехали к ее родителям (Ивану Ивановичу и Ольге Тимофеевне Ларионовым) на Поварской пер., рядом с Владимирской площадью. Там были две большие комнаты в коммунальной квартире.

Наши автомобильные путешествия продолжались, теперь уже вчетвером. Помню, гостила мама и в дер. Стрелке, Новгородской обл., где летом (а потом и постоянно) жили мои тесть и теща. Не сразу, но прочно мама приняла невестку к себе «в сердце». И моя нынешняя «сестра» Елена Ивановна бережно хранит память о моей матери.

Мама еще застала рождение моей дочери Оли (21 сентября 1960 г.). Но моя дочь может помнить ее не больше, чем я «помню» своего деда.

Минимум биографических сведений о себе (1957-1963 гг.), необходимых для дальнейшего рассказа о родителях.

Окончив с отличием университет по двум отделениям (славянское и журналистика), я стал работать журналистом. Как молодой специалист, я был распределен в газету «Волжский комсомолец» в г. Куйбышеве (ныне — Самара). Потом вернулся в Ленинград. Работал в молодежной газете «Смена». В 1961 г. вступил в партию. Потом «ушел в рабочие» — вальцовщик на Ленинградском заводе цветных металлов.

[12.07.97. Этот жизненный шаг имел множественную мотивировку. Но среди прочих мотивов был, похоже, и тот, о котором напомнил мне один партийно-журналистский чиновник в 1984 г. (при исключении «социолога-рабочего» из Союза журналистов). Тот был свидетелем моего первого «хождения в рабочие» в 1961 г. По его свидетельству, я тогда говорил при увольнении по собственному желанию из редакции газеты: мол, «хочу преодолеть недостатки семейного воспитания». Может быть, и говорил...

Стоит заметить, что ранее, еще в студенческие годы, переориентация с филологии на журналистику (обращенную во «внешний мир» специальность) также была неявной формой выхода из-под материнского влияния: «Ближе к жизни!». Прочие детали и обстоятельства этого жизненного поворота выходят за рамки темы настоящих записок].

Все эти годы я жил уже отдельно от родителей. Это было благом и для отца с матерью, поскольку в те годы они фактически разошлись и расселились в разные комнаты своей 2-х комнатной квартиры на пр. Обуховской обороны.

Отец был моложе матери на 4 года с лишним. К тому же, как уже можно было понять из всего сказанного выше, они были очень разными, не похожими друг на друга людьми. Отец был типичным экстравертом, мама — интравертом. Различны не только темпераменты, но и условия воспитания, культурный багаж, склонности и интересы. Принято было считать, что у мамы — «тяжелый» характер, а у отца — «легкий». Но неизвестно, что лучше, во взаимных отношениях.

[11.07.97. Мама была «чувствительной натурой», отец — как бы «толстокож». Какая-то повышенная «нервность» была в маме всегда — «капризы», в интерпретации отца. Между прочим, она всю жизнь курила].

Так или иначе, но на исходе третьего десятка лет совместной жизни срок семейного союза истек. (Хотя формально — развода не было). С какого точно времени начался разрыв матери и отца — я не знаю. Да разрыв и не был резким. Во всяком случае я «заметил» его уже только в квартире на пр. Обуховской обороны. Примерно к рубежу 50-60-х гг. моих отца и мать связывали только общая квартира, автомобиль (формально владельцем «Победы» была мама, а гаража, кажется, отец), да еще, конечно, общие профессиональные интересы.

У отца, как уже говорилось, появился внебрачный ребенок (отец помогал его воспитанию материально, но устойчивой связи там не было). А потом у него возникла действительно прочная связь с сослуживицей Лидией Михайловной (о чем маме было известно).

[11.07.97. Мама различала супружескую измену и «предательство». Тут, по ее мнению, было второе].

В 1958 г. вышла в свет еще одна книга инженера В. П. Пузановой — «Размерный анализ и простановка размеров на рабочих чертежах». А за год до этого, с организацией совнархозов, мама, уже в пенсионном возрасте, поступила на работу в Ленинградский совнархоз (технический, потом — отраслевой отдел), где проработала пять лет. Возможно, она искала материальной независимости от отца.

В 1963 г. мама, если и работала, то, видимо, уже не постоянно. При этом продолжались ее лекции, научно-технические доклады и т.п., в рамках Ленинградского отделения НТО «Машпром», где она была заметной фигурой.

В маминой автобиографии, датированной мартом 1963 г. записано: «В настоящее время я являюсь членом оргкомитета конференции по взаимозаменяемости, которая состоится в мае 1963 г.». Принять участие в этой конференции ей было не суждено. Моя мама скончалась скоропостижно 16 мая 1963 г., в возрасте 63 лет.

Смерть настигла ее в больнице, куда она была помещена по поводу инфаркта. Кажется, это случилось на 9-й день после первого инфаркта.

Это было накануне дня рождения отца. Рассказывали, что маму взволновал неожиданный для нее визит отца в больницу.

Я узнал о ее кончине от своей супруги Елены Ивановны, встретившей меня 17 мая у проходной завода после ночной смены. Смерть матери была неожиданностью для всех, т. к. казалось, что состояние ее здоровья, после инфаркта, уже пошло на поправку.

Мама ушла из жизни, когда мне было 29 лет.

Моя мать Варвара Петровна Пузанова похоронена на Красненьком кладбище, рядом со своей матерью и отцом (моими бабушкой и дедом) Ольгой Николаевной и Петром Михайловичем Пузановыми. На этой семейной могиле регулярно бывают моя дочь Ольга и ее мама Елена Ивановна Алексеева. К моему стыду, редко бываю я. Я еще вернусь к теме родительских могил.

Надо сказать, что в возникших в последние годы жизни мамы родительских размолвках (а затем — разрыве) я всегда держал сторону матери.

Вообще, с мамой я был ближе, чем с отцом. Можно сказать, что «недостатки» матери казались мне продолжением ее достоинств, а достоинства отца — «продолжением» его недостатков. Сейчас удержусь от развития этой темы, выходящей за рамки семейной хроники.

Глава 10. Отношения с отцом. Смерть отца

После смерти мамы возникла «имущественная» проблема. Она трактовалась — как мною, так и отцом — исключительно в моральном (а не в юридическом!) плане. Но остроты проблемы это не снижало.

Образовав свою семью, я давно уже жил на Поварском пер., однако оставался прописанным на пр. Обуховской обороны. Это устраивало как меня, так и отца, и тут проблем не было.

Когда мама умерла, я забрал из квартиры на пр. Обуховской обороны все ее личные вещи, немногие Пузановские реликвии, разумеется, все бумаги и практически все книги, которыми отец мало интересовался. По желанию отца, у него осталась («пока») только Большая советская энциклопедия.

Мне казалось, что отец не имеет морального права оставлять у себя что-либо, что было дорого маме. Ведь у него еще при ее жизни была другая женщина, фактически — другая семья.

Я был настолько «последователен» в стремлении разделить «его» и «ее», что, обнаружив среди маминых бумаг перевязанную пачку отцовых писем к ней еще 30-х гг., специально привез и отдал ему. (Сейчас очень жалею об этом; да и не прав я был по существу: отправленные письма принадлежат уже адресату, а не пишущему их).

А вот как быть с автомобилем? Отвлекаясь от материальной ценности, это была «мамина вещь» и — как бы «часть ее души».

Отец повел себя жестко: ты, что ли на нее заработал? Вот есть у тебя доверенность от матери до конца года, хочешь — поезжай на юг, и попрощайся с машиной.

Родственники (особенно тетя Маруся) считали, что «Победа» должна остаться мне. (В юридические тонкости тогда никто не вникал, но сейчас я понимаю, что в таких случаях тот, кто забирает неделимую вещь себе, должен выплатить другому наследнику денежную компенсацию его доли).

Кончилось дело тем, что мы с моей женой Еленой Ивановной, оставив маленькую Олю у бабушки в дер. Стрелка, совершили «памятное» автомобильное путешествие на Кавказ. А вернувшись, я поставил машину в гараж, «в сердцах» включив сигнализацию (как отключать которую отец, кажется, не знал).

После этого мы с отцом не встречались лет пять.

Общей оставалась только «прописка» в 2-х комнатной квартире на пр. Обуховской обороны (что, до поры до времени, ни для него, ни для меня не имело значения).

Не знаю, когда именно, но думаю, что достаточно скоро, к отцу переехала жить Лидия Михайловна (я знал фамилию, но забыл). [*Кажется, Даревская. – А. А. Март 2007*]. Однако формально брак между отцом и ею не регистрировался.

Позднее я узнал, что старенькая, но надежная, и послушная маме и мне «Победа» как бы не пожелала подчиняться отцу. Отец (после смерти матери) все же научился водить машину, получил права. Но однажды не справился с управлением (ему было уже за 60) и машина перевернулась.

Его фактическая жена Лидия Михайловна, бывшая пассажиром, получила перелом позвоночника. Но, по счастью, поправилась после этой тяжелой травмы, без всяких последствий.

Мы вновь встретились с отцом несколько лет спустя, когда к этому вынудили обстоятельства. Во второй половине 1960-х гг. распался мой брак с Еленой Ивановной Алексеевой (моей дочери было тогда лет 7-8).

Опуская здесь перипетии своей собственной семейной жизни, скажу, что по тогдашним правилам я не мог прописаться к своей новой супруге (Нелли Алексеевне Крюковой), не «ухудшая» при этом свое жилищное положение: ведь я как бы «имел» целую комнату в 2-х комнатной квартире, где мы были прописаны только вдвоем с отцом (а фактически там жили отец с моей «мачехой»).

Отца очень встревожила моя вынужденная «угроза» его семейному благополучию. Кажется даже, он почувствовал себя плохо после этой встречи.

Впрочем, я вовсе не собирался ухудшать его жилищные условия, вынуждать к размену и т. п. Мне важно было лишь иметь право на законную «перепрописку» к супруге (Нелли Алексеевне Крюковой).

А для этого достаточно было отцу зарегистрировать свой брак с Лидией Михайловной и прописать ее к себе (чего до тех пор почему-то не произошло).

Я к тому времени уже успел закончить аспирантуру на факультете журналистики ЛГУ, работал младшим научным сотрудником в Ленинградских секторах Института философии Академии наук.

[Детали собственной биографии после смерти матери в 1963 г. здесь не излагаются, как не имеющие прямого отношения к жизни родителей. – А. А.]

Мой отъезд на работу в Новосибирск в 1969 г. (фактически — двухлетняя командировка в новосибирский академгородок, с бронированием жилплощади), причем

отъезд в одиночку (жена Нелли Алексеевна оставалась в Ленинграде) был отчасти — хотя, разумеется, не исключительно! — стимулирован тем, что жить негде.

По возвращении из Новосибирска (в 1970 г.) вопрос с моей «перепропиской» встал с новой остротой. Мы с супругой (Нелли Алексеевной) снимали комнату на ул. Седова, неподалеку от дома отца. Постепенно у нас с отцом возобновились и наладились родственные отношения.

Я побывал у отца, познакомился с Лидией Михайловной. Отношения были «светские», но вполне дружелюбные (с обеих сторон).

Главное же, отец с Лидией Михайловной (уже будучи пенсионерами) зарегистрировали брак (мое «давление» объективно этому способствовало). Тогда я смог, наконец, выписаться из родительской квартиры, прописаться к жене (Нелли Алексеевне) в комнату в коммунальной квартире на ул. Кирилловской (в районе Смольного), где была прописана также ее мать Лукерья Матвеевна Мовчан. Потом туда удалось еще прописать сына Нелли Алексеевны (от первого брака) Алексея Борисовича Крюкова.

В итоге, моя новая семья встала на городскую жилищную очередь и уже в 1973 г. сумела решить свой жилищный вопрос. Мы вчетвером получили 3-х комнатную квартиру в доме новой постройки на ул. Наличной (д. 40, корп. 1) на острове Декабристов.

Что было в моей жизни дальше, моя научная карьера, в качестве социолога и т. д. — уже выходит за рамки этой хроники.

[11.07.97. Как мне уже приходилось заявлять, этот рассказ — не о себе, а о моих родителях; семейная хроника, но не история моей жизни. Во-первых, все последующее разворачивалось уже на памяти моей дочери. Ну, а во-вторых, развитие наметившихся здесь «сюжетных линий» можно найти в других источниках, хотя бы в прилагаемых записках моей жены Зинаиды Глебовны Вахарловской или в моей «Драматической социологии»].

Как уже сообщалось, с 1960-х гг. и до выхода на пенсию (примерно в 1970 г.) отец работал главным технологом завода им. Ворошилова (ныне — завод «Звезда»). Выйдя на пенсию, он стал председателем (или чем-то вроде) кооператива индивидуальных гаражевладельцев (форма его общественной активности в то время).

Отец был крепок физически и уже в преклонном возрасте пристрастился кататься на коньках (на стадионе, возле дома). Научился водить машину. Однако его подстерегал рак.

Была операция, с благополучным, как казалось, исходом. Отец, похоже, не знал, что ему вырезали злокачественную опухоль. Знала — его жена Лидия Михайловна, а также ее родственники. Однако мне об этом почему-то не говорили.

Болезнь прогрессировала. Отец очень исхудал. Лидия Михайловна и ее сын с невесткой ухаживали за ним. Я навещал отца, но, признаться, не часто (не предполагая, что ему отмерены месяцы, если не дни).

Известие о смерти отца последовавшей 17 декабря 1974 г., в возрасте 70 лет, застало меня в командировке, в Москве.

Я успел на похороны. Отца хоронил завод. Гроб привезли к проходной завода. Там с ним прощалось очень много народу. (Говорят, некоторые его сослуживцы вздрогнули, впервые увидев меня. Мне тогда было 40 лет, и я в ту пору очень, как будто, походил на отца внешне).

Отец похоронен на кладбище, названия которого я сейчас забыл (о чем еще пойдет речь ниже).

[Мать умерла в день рождения отца, 17 мая, а отец – в день рождения матери, 17 декабря. Менее всего я склонен к мистицизму, но совпадение как будто провиденциальное. – А. А.]

Глава 11. Мои родственники. Ровесники и младшие

Ко времени, которое я сейчас описываю, уже ушли из жизни все три сестры из рода Пузановых.

Мама умерла в 1963 г.

Кажется, в 1970 г. скончалась в Москве тетя Лиля (Елизавета Петровна Брусенцова). На ее похоронах я не был. Уж не знаю почему, меня не известили о ее кончине (может, не знали новосибирского адреса?).

Тетя Лиля с Георгием Николаевичем Брусенцовым к тому времени уже переехали из Растокинского городка в Медведково (однокомнатная квартира). Я бывал у Георгия Николаевича в Медведково, когда он уже остался один, но редко. Георгий Николаевич Брусенцов скончался в конце 1980-х гг. (точно знает мама моей дочери Елена Ивановна, которая ездила на похороны).

Как я уже говорил, детей у тети Лили не было. У Георгия Николаевича Брусенцова есть младшие родственники (одну из них я даже немного помню — Галина, наверное, племянница Георгия Николаевича).

Тетя Маруся (Мария Петровна Пузанова) в середине 50-х гг. раскрыла свой дремавший талант педагога и организатора учебной кинематографии, сначала — в школе рядом со своим домом в Автово. Потом Мария Петровна работала на кафедре научной и учебной кинематографии в Ленинградском университете. Она была очень деятельным, общественно активным человеком.

Моя тетя Мария Петровна Пузанова скончалась в 1973 г. Ее муж Владимир Васильевич Абрашкевич (я всегда звал его "дядя Володя") пережил тетю Марусю более чем на 20 лет. Он скончался в 1995 г.

В детстве я встречал его брата Михаила Васильевича Абрашкевича (не знаю, как сложилась его судьба). А уже в последнее десятилетие я встречал его сестру — Екатерину Васильевну, проживавшую в Москве (она умерла в 1995 г.).

Сын Марии Петровны Пузановой и Владимира Васильевича Абрашкевича (мой двоюродный брат) **Владимир Владимирович Абрашкевич** — закончил Ленинградский университет, инженер; его жена **Ирина Михайловна Яковлева** закончила Ленинградский институт культуры, культпросветработник. Их сын (мой племянник) **Андрей Владимирович Абрашкевич** — специалист по ЭВМ. Его жену зовут **Екатерина Евгеньевна** (девичья фамилия — **Мазепова**). У них двое детей — **Евгения** и **Ирина**.

Основное место жительства младших Абрашкевичей — в той самой квартире в Автово, где жила тетя Маруся и где так часто бывал я в детстве.

А старшие Абрашкевичи (Владимир Владимирович и Ирина Михайловна) живут сейчас на юге (Сочи, Краснодар), иногда — в Москве, иногда приезжают в СПб.

(Младшие Абрашкевичи сейчас тоже ведут в основном «кочевой» образ жизни. Скоро год, как они всей семьей живут в Сочи, вместе с родителями. У них там общее «семейное» предприятие, под названием «Экокордон»).

В сущности, мой младший двоюродный брат Владимир Абрашкевич (ему уже 58 лет) — единственный из родственников «моего» поколения, с которым мы близки, хоть и видимся не часто (когда он ненадолго приезжает в Санкт-Петербург).

Старших родственников — либо уж нет, либо я их не знаю, либо потерял из виду.

Я здесь не рассказываю подробно о продолжателях рода Аносовых-Пузановых (даже о тех, кого хорошо знаю). Только вновь перечислю их:

Старшее (ныне — старшее) поколение: я и мой двоюродный брат **Владимир Владимирович Абрашкевич** и, вероятно, **Игорь Данилович Пивен**.

Среднее поколение: моя дочь **Ольга Андреевна Новиковская** (в девичестве — Алексеева) и сын **Владимира Владимировича Абрашкевича** — **Андрей Владимирович Абрашкевич**. Младшее поколение: дети моей дочери — **Иван** и **Егор Новиковские**, и дети Андрея и Екатерины Абрашкевич — **Евгения** и **Ирина**.

[В конце 1990-х гг. В.В. Абрашкевич с женой И.М. Яковлевой, а также их сын Андрей с семьей переселились в г. Сухум (Абхазия), где А. В. Абрашкевич стал работать в миротворческой миссии ООН, дислоцирующейся там. 8 октября 2001 г. Андрей Абрашкевич трагически погиб: он находился в том самом вертолете миссии ООН, который был сбит над Кодорским ущельем боевиками Гелаева, совершавшими рейд в Абхазию. После смерти А.В. Абрашкевича его вдова Екатерина Абрашкевич вместе с детьми вернулась обратно в Санкт-Петербург, где они сейчас и проживают. – А. А. Март 2007].

Мне хотелось бы, чтобы родственные связи между названными прямыми продолжателями рода Пузановых стали теснее. Я адресую эти записки моей дочери Ольге, но я буду рад, если с ними ознакомятся и все остальные родственники, и их близкие.

Следует еще сказать, что мама моей дочери Ольги Елена Ивановна Алексеева (мой первый брак) ныне работает в том же институте (СПбФ Института социологии РАН), что и я. Я уже говорил, как сложились дальше наши отношения («брат» и «сестра»).

Елена Ивановна Алексеева живет сейчас в Дачном, на ул. Хрустицкого, в отдельной квартире дома «хрущевской конструкции», расположенном примерно в том месте, где был дом моего деда. В этой квартире жила и моя дочь Ольга, пока не вышла замуж. (Сейчас она живет с детьми в 2-х комнатной квартире на пр. Ветеранов).

[Е.И. Алексеева скончалась 17 марта 2002 г. Она похоронена на Красненьком кладбище, рядом с моей матерью, дедом и бабушкой Пузановыми. – А. А. Март 2007].

С Нелли Алексеевной Крюковой (мой второй брак) мы разошлись еще на рубеже 80-90-х гг., а сейчас, после формального расторжения брака, разъехались (разменяв квартиру на Наличной ул.). Она живет сейчас вместе с матерью Лукерьей Матвеевной Мовчан в 2-х комнатной квартире в районе оз. Долгого.

В отличие от Елены Ивановны Алексеевой, которая знала и мою маму, и моего отца, Нелли Алексеевна знала (хоть и немного) моего отца. Помню, лет 15 назад она предложила мне навестить Лидию Михайловну, мою «мачеху», с которой мы со времен смерти отца не виделись.

Лидия Михайловна тогда еще жила в отцовской квартире на пр. Обуховской обороны, но собиралась переезжать к детям, то ли в Сестрорецк, то ли в Колпино. (Наверняка этот переезд давно состоялся).

Мне кажется, была какая-то напряженность в этой моей встрече с «мачехой» (может быть, это связано с тем, что, что я не заявлял никаких прав наследования, после смерти отца, а Лидия Михайловна, в свое время, не предложила мне сделать это).

С тех пор мы с нею не виделись.

В моей хронике много пробелов, относящихся к отцу Николаю Николаевичу Алексееву, но при желании и некоторых усилиях можно найти людей, знавших его, кроме меня.

О себе — вне прямой связи с моими родителями — здесь рассказывать не собираюсь. Строго говоря, моя хроника заканчивается 1974 годом, когда скончался отец. Все остальное — уже только для завершения «сюжетных линий».

Сейчас я живу вместе с моей женой Зинаидой Глебовной Вахарловской (мой третий брак) в комнате в коммунальной квартире на 8-й линии, дом 27, кв. 17. На днях мне исполнится 63. Работаю ведущим научным сотрудником в СПб филиале Института социологии Российской академии наук.

[За истекшие со времени написания этой семейной хроники 10 лет ушли из жизни некоторые из упоминавшихся здесь моих родственников: Елена Ивановна Алексеева, Андрей Владимирович Абрашкевич, Глеб Анатольевич Вахарловский (отец моей жены З. Г. Вахарловской), Анна Михайловна Пивен (жена И. Д. Пивена). – А. А. Март 2007].

Сам я по-прежнему работаю в Социологическом институте РАН (в который преобразовался прежний Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН).

А проживаем мы с женой — Зинаидой Глебовной Вахарловской — теперь фактически не в комнате на Васильевском острове (где прописаны), а в квартире ныне покойного отца З. Г. Вахарловской, вместе с младшей сестрой моей жены — Светланой Глебовной Вахарловской, на Малой Охте. — А. А. Март 2007].

[14.09.97. Предыдущие части семейной хроники писались мною в период с 5 по 10 июля 1997 г., перед самым нашей с Зиной отъездом в Гузерипль (с учетом некоторых последующих включений, датированных в квадратных скобках). Мы выехали поездом «СПб-Адлер» 10 июля. Я продолжал свои записи в поезде и заканчивал уже на кордоне Гузерипль Кавказского заповедника].

Глава 12. Переплетение судеб. 22 июля 1984 г.

10-11.07.97 (писано в поезде «СПб-Адлер»)

Уже давно понятно, что главными героями этой хроники являются: моя мама **Варвара Петровна Пузанова** и мой отец **Николай Николаевич Алексеев**.

О предках я знаю слишком мало; о старших родственниках, ушедших из жизни, — больше, чем о предках, но меньше, чем об отце и матери. Постарался рассказать здесь все, что знаю.

Что касается моих родственников-«сверстников», то это — еще не такая давняя история, чтобы некому, кроме меня, было ее рассказать. (А делать, по моему убеждению, надо прежде всего то, чего никто, кроме тебя, или лучше тебя, или, скажем, **за тебя** — не сделает).

По той же причине не рассказываю здесь подробно о младших родственниках. У них большая часть жизни — впереди, а у самых младших — **все впереди**.

Еще раз подчеркну: эти записи — не автобиография. Это — **семейная** хроника.

[15.09.97. Здесь стоит заметить, что в роли «воспоминателя» (человека, вспоминающего о своих родителях) я, конечно, уникален. Продолжать же «изыскания» в области истории моей семьи — может любой заинтересованный человек].

Должен сказать, что, отчасти в силу своей основной профессии — социолог, отчасти в силу особенностей своего характера и привычки к документированию жизненных событий, моя дочь не испытает недостатка в информации о жизни своего отца.

Мой личный архив куда богаче архива моей матери, которым я располагаю. Один из наиболее насыщенных и интересных периодов моей жизни — 80-е гг. — отражен в книге «Драматическая социология», которая в этом году, похоже, все же выйдет в свет. [Имеется в виду книга: Алексеев А. Н. *Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)*. Кн. 1- 2. М.: СПбФ ИС РАН, 1997. — А. А.]. Ну, а более ранние и более поздние жизненные периоды тоже документированы; не буду сейчас перечислять — где и как.

Так что не надо искать в этой хронике того, чего в ней не только нет, но и не планировалось.

Мне уже приходилось говорить, что одним из стимулов написания этих записок, фиксации моей «короткой памяти», была наша совместная с моей женой Зинаидой Вахарловской работа над хроникой семьи Гудковых. Там представлена и ее собственная автобиография.

Интересно, как переплетаются судьбы, биографии, родственные связи...

В хронике Зины в качестве «героев», с ее детских лет, фигурируют моя тетька Мария Петровна Пузанова, мой двоюродный брат Владимир Владимирович Абрашкевич, его жена Ирина Михайловна Яковлева. Упоминает она и некоторых других моих родственников.

Прочитав все написанное выше, моя жена Зина посоветовала мне включить сюда рассказ об одном дне своей жизни — 22 июля 1984 г., когда мне исполнилось 50 лет. Последую ее совету. (Сейчас будет ясно, почему именно этот день).

Это было 20 лет спустя после смерти моей матери и 10 лет спустя после смерти моего отца.

Я тогда работал слесарем на Ленинградском заводе полиграфических машин («эксперимент социолога-рабочего»). Мой двоюродный брат Владимир Абрашкевич в ту пору работал лесником на кордоне Пслух Кавказского биосферного заповедника. Там же была его жена Ирина Яковлева. А Зина была замужем за другим лесником Анатолием Кузьмичом Базникиным.

Я приехал на кордон Пслух в гости к брату и его коллегам (третьим лесником был Виктор Салтыков, его жена — Наталья). Об этом действительно антибраконьерском кордоне, где собрались для защиты природы лесники-интеллигенты (все были с высшим образованием!) ходили легенды.

(Подробнее см. в семейной хронике Зинаиды Вахарловской).

Мы отправились туда из Ленинграда втроем, вместе с подругой жены моего двоюродного брата Лидией Сошлюковой (у которой мы с Нелли Алексеевной Крюковой снимали комнату на ул. Седова) и ее сыном Сергеем.

До Пслуха надо было добираться из Красной Поляны, 20 км в гору. Вышли утром, пришли затемно. Еле нашли этот кордон...

Тогда я впервые познакомился с Анатолием Кузьмичом Базникиным, с которым подружился. (Анатолий Кузьмич скончался в 1990 г.).

[Последние годы А.К. Базникин работал помощником лесничего на другом кордоне Кавказского заповедника — Гузерипль, том самом, куда мы с Зиной в момент написания этой хроники ехали. Его могила — на кладбище пос. Гузерипль, на берегу реки Белой. — А. А.]

В то время на кордоне, кроме названных, были: мой племянник Андрей Абрашкевич и его университетский товарищ Александр Мартыненко, а также дочь Зины — Любовь Вахарловская (впоследствии — жена Александра Мартыненко). Были и еще гости.

22 июля (свой день рождения) мне захотелось ознаменовать «горовосхождением». Горным туристом я никогда не был. Но любительские походы в горах совершал.

Зина согласилась сопровождать меня, Лидию и Сергея в восхождении к "Когтю" (скальный ансамбль в альпике).

Подъем был довольно трудным, вокруг — неопишуемая красота. Забравшись на «Коготь», мы смогли разглядеть домики кордона через сильный бинокль.

Возвращались уже после захода солнца. На подъеме я умудрился стереть ногу, что сильно замедлило общий спуск.

Зина, привычная к горам, находила дорогу в кромешной тьме. (Не предполагая возвращаться так поздно, не взяли с собой фонарика).

Между тем, на кордоне забеспокоились, тем более, что был уже накрыт стол под громадным ореховым деревом, для празднования моего юбилея и дня рождения еще кого-то из гостей кордона. В темноте нас вышли искать, с фонарями и лошадью, мой двоюродный брат и племянник. Команда спасателей встретила «потерявшуюся» группу горовосходителей (благополучно выведенную Зиной) на последних метрах спуска.

Надо было еще преодолеть горную реку, чтобы достичь кордона. На всякий случай я был водружен на лошадь, которая переправила меня через реку и доставила к столу под ореховым деревом.

Первый тост был провозглашен еще до полуночи. А потом были танцы...

Когда мы уезжали, Зина, занимавшаяся фотографией, подарила мне фотоальбом «Кордон Пслух и его обитатели». Этот альбом стал потом нашей с ней семейной реликвией.

[14.09.97. Вот так, в этот день, 22 июля 1984 г., на кордоне Пслух Кавказского заповедника произошла встреча моих (и моей дочери) родственников, тогдашних и **будущих**. Большинство их ранее уже упоминалось на страницах этой хроники. Понятно и то, почему так названа эта глава: "Переплетение судеб"].

Глава 13. «Любовь к отеческим гробам»

Может быть, впервые, при написании этих заметок, я осмыслил чувство **родственной связи**, как не менее ценное и значимое, чем **дружеские связи** (которым всегда придавал большее значение).

Родственник может быть и другом, друг — иногда родственником. Но общение с родственниками как таковыми (только потому, что они родственники) для меня как-то не было особой ценностью.

Вообще, недостаток моего внимания и интереса к родственникам может показаться чуть ли не патологическим. Например, я не держу в памяти дней рождения родственников (например, собственных внуков).

Все же, некоторые дни рождения я помню, и сейчас назову их.

Моя мать Варвара Петровна Пузанова родилась 17 декабря 1899 г.

Мой отец Николай Николаевич Алексеев — 17 мая 1904 г.

Елена Ивановна Алексеева, мама моей дочери, — 31 августа 1933 г.

Моя дочь Ольга Андреевна Новиковская — 21 сентября 1960 г.

Нелли Алексеевна Крюкова (мой второй брак) — 13 февраля 1932 г.

Моя жена Зинаида Глебовна Вахарловская — 5 сентября 1944 г.

Но дни рождения — ладно. А вот могилы родственников, ушедших из жизни... Тут уж не оправдаешься обстоятельствами или складом характера. Начну с примера, поданного мне моими родителями.

Где похоронены родители отца — я не знаю. При мне отец на их могилах никогда не был, и мне не говорил о них.

Мать — иначе. При ее жизни я много раз бывал с нею на Красненьком кладбище, где тогда были только могилы Петра Михайловича и бабушки Ольги Николаевны (от главного входа направо — Невская дорожка, а потом налево — Волжская дорожка, на левой стороне).

Два каменных (бетонированных) креста рядом. Таблички: **Ольга Николаевна Пузанова (1864-1930)** и **Петр Михайлович Пузанов (1862-1935)**. В 1963 г., как я уже говорил, там, рядом с родителями, была похоронена моя мама. (Мамина могила — не крест, а металлическая колонка). А потом мой отец обнес все три могилы общей металлической оградой.

Наверняка на этих могилах бывала моя теть Мария Петровна. К тому же, их дом в Автово стоял в двух шагах от кладбища. Кажется, "для надежности" теть Маруся взяла у меня свидетельство о смерти и свидетельство о захоронении мамы. Сейчас ее самой нет в живых. Похоже, что не сохранились эти документы и в семье моего двоюродного брата Владимира Абрашкевича.

Бывал ли на этой могиле отец (после установки ограды) — не знаю. Вместе с ним мы туда не ездили.

Сам я бывал на Красненьком кладбище редко, в отличие от моей дочери Ольги и ее мамы Елены Ивановны, живших более или менее неподалеку. Да не в расстоянии тут дело...

Лет 10-15 тому назад (т. е. в 1980-х гг.), в одно из своих редких посещений, я обнаружил (или Елена Ивановна с Олей обнаружили и сказали мне), что каменный

(бетонированный) крест с могилы Петра Михайловича исчез. Оторванная металлическая табличка, по счастью, валялась рядом.

Что делать? Обращаться в кладбищенские службы — бессмысленно. Во-первых, документов нет, кроме собственного свидетельства о рождении, удостоверяющего, что я сын Варвары Петровны Пузановой, похороненной в той же ограде. (это свидетельство должно быть у меня среди собственных документов и сегодня). Можно ли без документов заказывать другой крест, я был не уверен. К тому же беспокоило, что ограда была в свое время поставлена так, что выступает из общего ряда. А ну, как возникнут к этому претензии?

В общем, я стал искать «неофициального» выхода. И посчастливилось найти неподалеку выброшенный могильный крест, своего рода самоделку из трех сваренных труб — такие кресты, возможно, ставились в первые послевоенные годы.

(Может быть, это тот самый крест, для замены которого кто-то разрушил могилу моего деда? Ладно, спасибо, хоть табличку не выкинули).

Я взял и вкопал (даже можно сказать — воткнул) этот брошенный крест — на месте могилы деда. Приспособил к нему табличку. В очередной раз покрасили ограду. Как будто так и всегда было...

Мой "нелегальный" крест на могиле деда стоит до сих пор. Оля с Еленой Ивановной подкрасили его серебряной краской, так что он выглядит даже "респектабельнее", чем каменно-бетонный крест на могиле бабушки. Последний очень покосился, от времени. Но чтобы его "выпрямить", надо слишком глубоко копать.

Пару недель назад (ввиду обстоятельств, о которых скажу ниже) я был на семейной могиле. Вокруг — куда более заброшенные захоронения. Вроде уже и ограда не так вылезает на дорожку...

Пара кленов, уже послевоенных, навалились на ограду, так что дверца не запирается. С помощью дополнительных самодельных "петель" и принесенного с собой замочка я ограду все же запечатал.

Замочек заржавеет со временем. Но пока заметно, что повешен недавно.

Зина выполола на могилках сорную траву.

Надо бы раковины поставить, но тут уж без кладбищенских служб не обойтись. Может, лучше этого не делать, при отсутствии документов.

[Заменен был крест на могиле деда уже в 2002 г., когда захоранивали в эту же ограду прах Елены Ивановны Алексеевой. – А. А. Март 2007].

На могиле моей тети Марии Петровны Пузановой, скончавшейся в 1973 г., я никогда не был. (Знает, конечно, местоположение этой могилы мой двоюродный брат Владимир Абрашкевич). Где похоронена моя тетя Елизавета Петровна Пузанова (в Москве) — не знаю. И вроде — спросить не у кого.

На могиле отца (после похорон в 1974 г.) я был лишь однажды. Это было лет 10 назад, если не больше. Тогда я еще помнил местоположение кладбища, но забыл точное местоположение могилы.

Моей тогдашней супруге Нелли Алексеевне Крюковой принадлежала инициатива этой поездки. Каким-то чудом (не там, где я искал) мы нашли могилу отца. Рядом с ней был похоронен кто-то из родственников Лидии Михайловны (его жены, во втором браке). Две каменные плиты, или даже две надписи на одной плите (не помню).

Поклонившись этой могиле, я записал и название кладбища, и как туда ехать, и где могила. Но прошло 10 лет, и где эта «бумажка»?

Нелли Алексеевна должна помнить, какое это кладбище. Оно за городом, на юг от СПб, около часа езды на рейсовом автобусе. Могила же — от входа, который кажется главным (угловой вход), налево, и потом — в глубину. Не сразу, поискав заново, я, наверное, смог бы эту могилу найти.

[14.09.97. Как я сообразил теперь, это, вероятно, Павловское кладбище].

Вот такова моя «исповедь» на тему родительских могил. Не буду ее комментировать. И так ясно. Для моих потомков — дурной пример.

Глава 14. Недавно в Сиверской (могила не моей бабушки)

Люди часто возвращают Добро не тем, от кого они его получили. Это своеобразный закон «круговращения Добра».

Никогда не надо ждать благодарности за сотворенное Добро. Тем более «требовать» такой благодарности (чем само принесенное ранее Добро обесценивается).

Не надо любить «по обязанности» или из чувства «долга». А только — по внутреннему, «безотчетному», естественному побуждению. В лучшем случае, можно осмыслить свое побуждение (или чувство) — когда оно уже есть.

Вот так и с Памятью.

Бывает, что внуки берегут память о предках больше, чем дети — память о своих родителях. А уж как «воспринимают» усопшие эту заботу — мы при жизни никогда не узнаем.

Но мне сейчас хочется пояснить свою мысль о «круговращении» Памяти (являющейся несомненной формой Добра).

История, которую я хочу рассказать — тоже семейная. Хоть в ней будут фигурировать люди, не упоминавшиеся до сих пор. Люди, ставшие моими (а стало быть — и моей дочери) родственниками — недавно.

В своей «хронике семьи Гудковых» моя жена Зина рассказывает о родительской семье своей матери Ольги Константиновны Вахарловской (в девичестве — Гудковой). Дед Зины Константин Николаевич Гудков был учителем, потом дьяконом, а в 30-х гг. был репрессирован и погиб. Неизвестно, где его могила, и даже дата смерти неизвестна.

Бабушка Зины Екатерина Кузьминична Гудкова погибла в войну, в 1942 г., от тифа, и похоронена на кладбище в Сиверской.

У Константина Николаевича и Екатерины Кузьминичны Гудковых было восемь детей. Мать Зины Ольга Константиновна была седьмым ребенком в семье.

Дети Екатерины Кузьминичны ухаживали за ее могилой, особенно те, которые жили в Ленинграде и его окрестностях. Сама Зина, не зная бабушки Екатерины Кузьминичны (Зина родилась через два года после ее смерти) бывала на ее могиле в детстве, вместе с мамой Ольгой Константиновной.

Нередко поводом для посещения этой могилы был приезд в Ленинград тех детей Екатерины Кузьминичны, которые жили в других городах.

По мере того, как уходили из жизни старшие родственники Зины, могила посещалась реже.

Последней из детей Екатерины Кузьминичны, проживавших в Ленинграде, скончалась мама Зины — Ольга Константиновна (в 1991 г.). Ее дочь Светлана не могла оставить престарелого отца Глеба Анатольевича Вахарловского, и посещать могилу бабушки стало как бы некому.

Из детей Екатерины Кузьминичны ныне здравствуют лишь две тетушки Зины (сестры ее покойной мамы) — Нонна Константиновна Бранкина (она живет в Новгороде) и Татьяна Константиновна Козьярская (живет в Вышгороде, под Киевом). Обе — уже в очень преклонном возрасте.

Тетя Нонна раньше почти каждый год приезжала в Ленинград. Сейчас — здоровье не позволяет. Последний раз она приезжала в 1992 г. Ездил в Сиверскую, на могилу Екатерины Кузьминичны, вместе с детьми своей племянницы Ольги Глебовны Вахарловской и ее детьми Сережей и Дашей (первому тогда было 13, а второй — 8; правнуки Екатерины Кузьминичны).

Недавно тетя Нонна заволновалась, специально написала племяннице Ольге (сестре Зины), прислала деньги (100 тыс. руб.) [*напомню, что описываются события 1997 г. – А. А. Март 2007*], чтобы обновили табличку, ведь старая заржавела.

Супруг Ольги Владимир Константинович Буторлин заказал новую блестящую табличку у себя на заводе, и поехали Ольга, Владимир и их племянница, Зинина дочь Люба (правнучка Екатерины Кузьминичны) в Сиверскую, устанавливая эту табличку на бабушкином кресте. Это было в конце мая нынешнего года.

И вдруг... не смогли найти могилы! И не то, чтобы Ольга не помнила места. Место вроде то, а там — другое, свежее захоронение...

Неподалеку нашли остатки старой раковины. Выяснили, что на этом месте в старой металлической ограде 5 дней назад (!) захоронили покойника, местного жителя Сиверской, предварительно выкинув крест с могилы, которую «никто не навещал».

Благо еще недели не прошло с тех пор, как это случилось, удалось найти людей (кладбищенские рабочие), которые делали новое захоронение на месте старого.

Те даже вспомнили, что на выброшенной табличке была указана дата смерти — «1942». «А дата рождения — 1880?» — «Кажется, да» — «А фамилия?» Они не запомнили, да и табличка стерлась от времени.

Крест с табличкой выкинули, уже не найти.

«Так как же, вы, порушили могилу?» — «А нам сказали: это место пустое... Хороните здесь».

Тут все не так очевидно, чтобы с ходу возмущаться и вставать в позу оскорбленных родственников. Уверены ли мы, что это была наша могила? **А вдруг не наша?** Полной уверенности нет, поскольку правнучка Люба и муж внучки Владимир здесь раньше никогда не бывали, а внучка Ольга была давно и даже не уверена, какая была ограда — металлическая или деревянная.

(Потом Зина нашла фотографию: старшая из дочерей Екатерины Кузьминичны ныне покойная зинина тетя Маруся — на могиле матери. Так там ограда деревянная. Но это уже очень старая фотография).

Последней на могиле бабушки Екатерины Кузьминичны побывала внучка Светлана (сестра Зины и Ольги). Света говорит, что красила ограду — деревянную. Когда? Вроде в 1982 году. Но ты же была тут с тетей Нонной в 1992-м? Тут Светлана проявляет неуверенность...

Через несколько дней Зина подменила Светлану «на дежурстве» у отца. Две сестры (внучки Екатерины Кузьминичны) — Светлана и Ольга — поехали в Сиверскую. Ольга нарочно предоставила Светлане возможность самой найти место захоронения бабушки.

Та указала: вот тут, где теперь свежее захоронение!

Кто же ставил металлическую ограду, которую не помнит Светлана? А дело в том, что на этом же кладбище (в Сиверской) неподалеку захоронены другие родственники сестер Вахарловских, уже по отцовской линии, причем более дальние. Так вот, их дети, когда ставили новые ограды, поставили такую и на могиле Екатерины Кузьминичны.

Правда тот, кто заказывал эти ограды, сам сейчас не очень хорошо это помнит... Но все же очевидно — могила бабушки Екатерины Кузьминичны была именно здесь.

А сейчас (всего неделю назад!) эта могила порушена. И можно тут упрекать кого угодно, но первый упрек — себе: где же мы пять лет были?

А что же теперь тете Нонне, которая из Новгорода о могиле матери беспокоится, ответить? Ведь самой тете Нонне уже скоро будет 85...

12.07.97 (все еще в поезде «СПб-Адлер»).

Такие вот драматические события развернулись вокруг бабушкиной могилы, и понятны переживания родственников.

Тут обсуждались разные варианты. Даже такой: бабушке уж «все равно», может — забрать оставшуюся металлическую ограду и перенести ее на могилу других

родственников, рядом. Ну, пожалуй, там и табличку повесить, новую... Так сказать, символическое перезахоронение.

Была и противоположная точка зрения: нам могила дорога, а не ограда! Те порушили могилу, а мы будем ограду «спасать»?!

(Ограда, кстати, здоровенная. Там место еще не для одной могилы найдется).

А те, другие, которые своего покойника захоронили на чужом месте? Конечно, бессовестно поступили, но ведь у них сейчас свежее горе... Как с ними быть?

А кладбищенская администрация, небось, спросит: где документы? (Какие там документы от 1942 года!). Или: «Где вы раньше были?». У них вроде есть какой-то срок сноса старых, заброшенных могил.

Несколько дней шли семейные дебаты, совещания по телефону, уточнения, согласования точек зрения.

Но ясно было — что-то надо делать. А что?!

Мне показалось, что я смогу быть полезен в этой «нештатной» ситуации. На этот раз поехали втроем: Зина, Ольга и я (в роли «консультанта»).

Глава 15. «Круговращение Добра»

13-14.07.97 (уже на кордоне Гузерипль).

До Сиверской — час на электричке. Поехали во вторник. (В этот день — прием в поселковом совете, куда предлагала обратиться Ольга; я же сказал, что должен сначала увидеть место, где стоял бабушкин крест).

Я попросил Ольгу взять с собой лопату. Сам взял пару фанерок, рейку, гвозди и молоток.

От станции до кладбища — не близко. «Спорная» могила — если идти от главного входа вдоль кладбища по шоссе, то на уровне между пятым и шестым телеграфными столбами свернуть налево и чуть углубиться в кладбище.

Вот эта металлическая ограда. Внутри — свежий холмик, с крестом и лентами, еще и таблички нет.

За оградой, метрах в 10, остатки раковины, фундамент креста от порушенной могилы. Крест выкинули, а эту бетонную глыбу было, видимо, тяжело тащить. Такая вот диспозиция...

Ольга еще раз поясняет, что Светлана сама нашла это место, она не сомневалась. Свидетельства рабочих, делавших новое захоронение, тоже вроде не оставляют сомнений: **наша** тут была могила!

Пытаюсь вкатить бетонную глыбу (фундамент бывшего креста) в ограду. Удастся! Чуть вкапываем ее на свободном месте в ограде, рядом с новым захоронением. Говорю: надо обозначить место. У меня есть фанерка, давайте напишем: «Здесь покоится прах Екатерины Кузьминичны Гудковой (1880-1942)», пока нет креста.

А у Ольги, оказывается, тоже такая дощечка с собой, только на ней — просто фамилия с инициалами, и даты жизни. Зато — с просверленными дырочками, для крепления проволокой.

Не один я такой предусмотрительный!

Укрепляем дощечку на бетонной глыбе. Это значит, что именно здесь должен быть восстановлен крест, вместо утраченного. Все с этим согласны (хоть были и сомнения).

Что же делать дальше?

Идти в поселковый совет? Я настаиваю на том, что первым делом надо встретиться с родственниками покойного, недавно здесь захороненного. Нельзя априорно и заглазно обвинять их. Нужен прямой контакт.

Адрес этих людей был уже известен, из прежних поездок Ольги. Их дом — неподалеку от кладбища.

Нас встречает молодой человек, оказывается, внук покойного. С нашей стороны — нет агрессии. Такое вот вышло «недоразумение»... Выражаем соболезнование семье покойного.

Сообщаем, что втащили глыбу (остаток раковины) в ограду, оставили дощечку. Мол, уж не взыщите...

Молодой человек тоже проявляет дружелюбие. Несколько смущен. Выражает готовность вместе с нами съездить в местное похоронное бюро «Факел». (Он — на своей машине). Вообще-то, он здесь постоянно не живет, приехал только на похороны.

Появляется «бабуля» (жена покойного). Та очень раздражена, проявляет недоверие даже к тому, что разрушена могила именно Е. К. Гудковой, о которой мы «печемся». «Запрещает» внуку сопровождать нас в похоронное бюро, пусть сами разбираются...

Относим ее поведение за счет недавней смерти близкого человека. Всячески подчеркиваем, что «мы к вам не в претензии», тут надо все «полюбовно решить».

В общем, едем со внуком усопшего в похоронное бюро.

Там тоже смущены. Никто, видимо, не ждал, что объявятся родственники — через 50 лет после первых похорон и через 5 дней после вторых. Вам кто-то сообщил? Нет, говорим, случайно совпало. Приехали табличку обновить, а могилы и нет...

Вырисовывается следующая расстановка действующих лиц в картине недавних событий:

Умер местный житель Сиверской. Кладбищенский смотритель — соседка этой семьи. Та им пообещала «подыскать подходящее место на кладбище». Может, ей и заплатили, но скорее — «по дружбе». Место — в металлической ограде (своей ставить не надо!), а могила там старая (1942 года). И никто вроде туда не приходит.

Похоронное бюро — место не выбирает, а хоронит — где кладбищенский смотритель укажет. Указала... Те аннулировали прежнюю могилу, сделали новое захоронение.

Кого винить?

Понятно, никто на себя одного вину не возьмет (да и не берет, как выясняется из разговора в похоронном бюро). И разделять ответственность с другими не хочет.

Впрочем, все смущены (начальник похоронного бюро в том числе): «Первый раз у нас такой случай!..».

Начальник похоронного бюро пытается перевести «конфликт» в плоскость наших с родственниками недавно усопшего отношений: «Наверно, вы (обращаясь к молодому человеку) должны поставить им (т. е. нам) новый крест».

Тот: «Но ведь не мы это место выбрали!».

Тогда (по мнению зав. похоронным бюро) они (т.е. родственники недавно усопшего) должны предъявить претензии кладбищенскому смотрителю.

Вот тут и выясняется, что кладбищенский смотритель — знакомая этой семьи (их соседка). Не будут они с ней «ссориться».

Еще хорошо, что сама она в этом разговоре не участвует. Она бы «покатила бочку» уже на нас: существует «срок давности» для сохранения старых могил. А где ваши документы? А где вы раньше были?

Если записей о старых захоронениях нет в кладбищенской конторе, то тем более нет таких сведений и в поселковом совете, куда хотела было Ольга обращаться...

Тут, скорее всего, суд понадобится. Это же на год тяжба затянется, а сколько нервов, поездок в Сиверскую... «Гражданская война» на могиле бабушки!

Хватило тут мне мудрости — «разрубить гордиев узел».

«Сколько стоит поставить новый крест?»- спрашиваю у зав. похоронным бюро. Оказывается, 670 тыс. руб.

«Я плачу вам эти деньги, сейчас. Можете вы за три дня восстановить старую могилу, в той же ограде, рядом с новым захоронением?»

Зав. похоронным бюро, разумеется, согласен. Но и растерян немного. Высказывает предположение, что две семьи (наша и недавно усопшего) поделят расходы... Хоть ему-то, конечно, все равно.

Понимая, что надо как-то мотивировать свое поведение, объясняю весьма «простодушно» и, вместе с тем, убедительно:

«Деньги эти, как вы понимаете, для нас не лишние. Но **дешевле** их заплатить, чем выяснять все эти отношения, кто больше виноват, еще, того гляди, судиться, адвоката нанимать, да еще над свежей могилой. Тут и сам «в ящик сыграешь»... Мне **так** спокойнее!»

Не стану здесь реконструировать невысказанные реакции всех свидетелей этого заявления (Зина, Ольга, внук недавно усопшего, зав. похоронным бюро, его помощница).

Деньги (моя двухмесячная пенсия, полученная в сберкассе накануне и предусмотрительно не выложенная из кармана перед поездкой; как чувствовал!) пересчитываются. Выписывается квитанция. Прощаемся.

Может, кто-то и считает меня «дураком». Но я поступил **мудро**.

Молодой человек отвозит нас на своей машине к нашей дальней родственнице, которая здесь же, в Сиверской, сейчас живет на даче. Расстаемся с внуком усопшего — тепло.

Некоторое время спустя (видимо, посоветовавшись с «бабулей») тот вновь появляется (мы еще не ушли), чтобы сообщить об их намерении обнести оградой свою могилу и соседний (свободный) участок.

Мы говорим — пожалуйста! Можете лишний кусок нашей ограды отрезать. Там — «на всех места хватит».

Великодушие может и подавить, если его слишком подчеркивать. Но мы — **не подчеркивали**.

Через несколько дней, от родственницы, которая на даче в Сиверской, узнали, что новый крест на могиле бабушки Екатерины Кузьминичны — стоит. И даже с новой блестящей табличкой, которую Ольга тогда оставила в похоронном бюро.

И даже нашу деревянную дощечку, как я попросил, не выбросили, а прислонили к кресту, как память об этих драматических событиях.

(Бабушкин крест поставили не в углу ограды, на то место, куда я «скромно» вкатил бывший фундамент, а — посередине ограды, так что и «для нас» место осталось. Это уже была инициатива Феликса, зав. похоронным бюро, тоже видать растроганного нашей «уступчивостью».

Лихой получился социально-психологический эксперимент!

Ну, решив главную проблему (восстановление могилы) оказался я уже сам перед проблемой нравственного свойства.

Ведь «мудрость» моя включала также и самоуправство в качестве необходимого компонента. Если бы я стал «наше» решение откладывать (хоть на минуту, скажем, для советов с Зиной и Ольгой, не говоря уж — на несколько дней, для советов с другими родственниками, ушел бы единственный тот момент, когда это решение надо было принимать.

Но, с другой стороны, это я про себя знаю, что был в ту минуту мудр (даже без кавычек!). А почему в этом так должны быть уверены Зинины (и теперь — мои) родственники?

И как же теперь быть, чтобы не поставить их в морально затруднительное положение?

Объяснить им, что ли, что я крест на могиле «чужой» бабушки ставлю — чтобы искупить грех своей собственной «короткой» родственной памяти?

Слишком все это как-то сложно... Тем не менее, объяснил я всем, кому сам, кому через Зину, что **никто никому ничего** не должен. **Я так решил** (даже без Зины), «на себя взял». И никого этим не хотел «укорить».

Несколько дней спустя начался трогательный нравственный внутрисемейный «аукцион» или «благотворительная лотерея» (как хочешь называй). В состоявшемся деле восстановления могилы бабушки захотели участвовать материально: зинин отец Глеб Анатольевич и зинина сестра Светлана; зинина сестра Ольга с мужем; зинина дочь Люба (правнучка Екатерины Кузьми-ничны) с мужем.

Причем каждый норовил «всучить» мне побольше, так что если бы я все деньги принял, то на нашу с Зиной долю ничего бы не осталось, а я бы еще и «проценты» получил, за идею.

Пришлось еще раз каждому объяснять, что я на это «возмещение своих затрат» не рассчитывал, поскольку поступал, ни с кем не советуясь, даже с Зиной (чье согласие я мог уверенно прогнозировать). Так что, могу и отказаться от денег.

Но отказаться было бы «гордыней». А я их всех люблю и понимаю, так что деньги от них принимаю, с благодарностью. Только давайте уж — «по справедливости»! Чтобы было от нас с Зиной, от Ольги с мужем, и от Любы с мужем — поровну, а от Глеба Анатольевича со Светланой (оба — пенсионеры, он по старости, она по инвалидности) — поменьше.

Тогда — никому «обидно» не будет.

Так и поделили расходы. А тете Нонне сообщили, что ее «поручение» выполнено. Новая табличка на могиле ее матушки Екатерины Кузьминичны Гудковой установлена, и даже крест обновили («так нужно было!»).

Всю эту историю, почти притчу, рассказал я в качестве иллюстрации к тезису к о «круговращении Добра».

А какое отношение эта вставная новелла имеет к моей собственной семейной хронике, ясно, я думаю, и без слов.

Заключение

Я рассказал то, что мог и хотел, о своих родителях — для моей дочери.

Я выполнил ее просьбу и свою обязанность, и далеко не выплатил все сыновьи долги родителям.

Как я уже говорил, этот текст по возвращении из Гузерипля будет набран на компьютере, с позднейшими вставками, которые будут обозначены и датированы. Потом — распечатан на принтере, «оттиражирован» на ксероксе в нескольких экземплярах. А листы этой импровизированной «брошюры» будут склеены и «переплетены» Зиной (как она уже набралась опыта это делать с моей «Драматической социологией» и со своей «Хроникой семьи Гудковых»).

Возможно, я со временем изготовлю также комплект приложений (перепечатки или ксерокопии некоторых маминых документов, ксерокопии некоторых семейных фотографий).

Все это будет вручено моей дочери Ольге.

Так что ей останется лишь дописывать эту хронику. Или писать свою, используя эту.

Пробелов в моей семейной хронике, как видно, немало. Но что поделаешь: **коротка моя память...**

Мне остается лишь пожалеть о своей «запоздалой мудрости». И надеяться на то, что дети окажутся мудрее своих родителей раньше (по возрасту), чем самим родителям это удалось.

Как выразилась моя жена Зина, «дети старше нас, потому что они младше нас...».

Июль — сентябрь 1997 г.

СПб — кордон Гузерипль — СПб
("Гузерипль" в переводе с адыгейского означает — "конец пути").

[Этот текст – «Коротка моя память...» — был в свое время распечатан и подарен всем родственникам и нескольким друзьям. Некоторые из них откликнулись собственными фамильными сочинениями (например, **Анри Абрамович Кетегат**: «В полях предков»). Что касается близких родственников (**Зинаида Глебовна Вахарловская**, **Ольга Андреевна Новиковская**), то они провели **аналогичную** работу в отношении собственных семейных корней. Наши «корни и ветви», понятно, существенно переплетаются, семейные хроники полны заимствованиями друг у друга, что, разумеется, хорошо.

А в прошлом году **Ирина Михайловна Яковлева** прислала мне из Сухума [собственную семейную хронику](#). Что касается «аносовско-пузановской» линии ее супруга – моего двоюродного брата Владимира Владимировича Абрашкевича, она воспользовалась информацией из моей. Собственная – яковлевская – генеалогическая линия также восходит к рубежу XIX-XX веков. В ней немало славных имен. Главное же – сбережена семейная память для подрастающих внуков... и далее.

Так, семейная память, распространяясь «по горизонтали» (среди современников) и «по вертикали» (о предках – для потомков), становится **коллективным достоянием**. – А. А. 2007?]

Справка

См. также: [А. Алексеев. Корни и ветви \(XVIII – XXI век\)](#)

[Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог \(Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только\). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. СПб.: Норма, 2010. Глава 7.](#)

Поколенную роспись рода Пузановых см. на сайте И.М. Яковлевой:
<http://sundry.wmsite.ru/predki-muzha/rod-puzanovyh/>

О «клане Аносовых» и другие релевантные материалы см.: [И. Яковлева. О предках моего мужа и его родственниках](#).

О П.М. Пузанове см.: [С. Кирилец. Там, за Нарвской заставой...](#); см. также: <http://sundry.wmsite.ru/avtomobilnye-istorii/za-narvskoj>

О родственных связях П.П. Аносова см.: Козлов А.В. Эпоха Аносова. Материалы к Аносовской энциклопедии. Златоуст: ФотоМир, 2008.

20.2. ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

20.2.1. Творец русского булата

[Ниже — статья о русском металлурге **Павле Петровиче Аносове**, опубликованная в местной печати г. Златоуста (Большевикское слово, 11.12.1946; ныне эта газета называется "Златоустовский рабочий"). Автор — старейший краевед Златоуста **Николай Александрович Косиков**. Статья перепечатана в сборнике: Н.А. Косиков. Золотые россыпи былого. Записки краеведа. Златоуст, 1997. Здесь публикуется с небольшими сокращениями. – А. А.]

= **Статья Н. Косикова (1946)**

Осенью 1817 года на Златоустовский казенный завод прибыл новый чиновник — выпускник горного кадетского корпуса Павел Аносов. Восемнадцатилетний юноша имел

чин шихтмейстера 13 класса и золотую и серебряную медали, полученные за отличные успехи в науках.

Талантливый юноша сразу же получил назначение на должность чиновника разных поручений. Немало дней ушло на знакомство с городом, заводом, его производством. Часто можно было видеть, как молодой человек был в литейной, молотовом цехе, у стола мастера-оружейника, и всюду внимательно слушал, что рассказывали ему рабочие. Загнанные и забитые начальством, «рабочие люди» сперва удивлялись простоте Аносова в обращении с ними, потом полюбили его. <...>

Видя усердие юноши к работе, горное начальство в 1818 году, 11 декабря назначает его смотрителем только что созданного отделения украшенного оружия Оружейной фабрики. В то время Оружейная фабрика начинала приобретать известность в России и за границей. Заказов приходило все больше и больше. Велик был спрос на граверные изделия, на украшенное оружие.

Секрет булата в России еще не был известен, но в погоне за красотой на фабрике пытались подделать клинки под дамасскую сталь. Эта сталь кроме особой стойкости и крепости, отличалась характерным внешним качеством — узорчатым рисунком. Создать видимость булата и пробовали на фабрике. Надо сказать, что такая «подделка» не являлась секретом. Ею занимались и в других странах. Клинки, узор на которых получался с помощью травления различными кислотами, так и назывались «фальшивыми дамасскими клинками». <...>

Горный начальник сначала повышает Аносова в должности до помощника начальника Оружейной фабрики, а затем в 1826 г. и до управителя. Начальник Златоустовских заводов С. П. Татаринов благодарит Аносова за «доведение оружия до желаемого совершенства». Но молодого инженера влечет другое, все более и более его занимает вопрос о приготовлении булатной стали. В свободное время он уходит в горы, обследует их, проводит изыскания новых месторождений, разрабатывает способы для усовершенствования добычи золота. Но о чем бы ни думал Аносов, мысль о создании отечественной булатной стали не выходила у него из головы.

Термин «булат» заимствован из персидского языка и в переводе на русский означает просто «сталь». Получив рождение в России, это слово приобрело тот смысл, который мы ему сейчас придаем, то есть называем булатом сталь с узорчатой поверхностью и обладающую большой крепостью.

Открыть секрет такой стали — этой целью и задался Аносов. В 1828 г. у него созрел план поисков секрета восточных сталей. Павел Петрович писал позднее в своем капитальном труде «О булатах»: «Не имея до того времени случая видеть производство литой стали, ни переплавлять ее, легко представить, сколько предстояло мне затруднений, чтобы хотя в некоторой мере исполнить лестное поручение... Все руководства об этих предметах, бывшие известными мне в то время, оказывались недостаточными по краткости... Оставалось прокладывать новый путь" ("Горный журнал", 1841 г.).

Трудности не остановили пытливого исследователя. Первые опыты, начатые Аносовым в 1828 г., проводились с целью изучения влияния примесей на свойства стали. Решая основные вопросы о химическом составе и технологическом процессе приготовления булатной стали, Аносов попутно конструирует новые печи, устраивает огнеупорные тигли, в которых приготавливалась сталь.

По-прежнему оставался Аносов доступным для рабочих. В своих поисках он постоянно опирался на знания рабочих-стариков. И они платили ему искренней привязанностью, дружбой и всеобщим уважением, поддерживали его в исканиях, помогали проводить опыты. Первыми и главными помощниками его были простые мастеровые, а среди них особенно выделялся Николай Иванович Швецов.

В рабочих Аносов находил опору в своем трудном деле. С воодушевлением он говорил: «Россия, богатая железными рудами различного свойства, не бедна и искусными руками».

Наступил 1831 год, а с ним и первые удачи в опытах. Стальные слитки с характерными узорами булата были получены, но опыты все еще продолжаются. Аносов исследует влияние на сталь различных металлов, флюсов, способа и времени закалки и даже веществ животного и растительного происхождения. Число опытов перевалило за сотню, но неутомимый инженер добивается все нового лучшего состава. Подвергая исследованию различные сорта железа, в том числе шведское, английское и златоустовское, Аносов признал наиболее пригодным железо златоустовское. Оно было близко и нисколько не уступало заграничному.

В 1833 году из булата были выкованы первые клинки. Тайны булата более не существовало! Последние опыты Аносов заносит в журнал в 1837 году. Девять лет упорного труда увенчались успехом. Русский булат был изготовлен в златоустовских плавильных печах, из златоустовских материалов, руками златоустовских мастеров.

Горный инженер И. Илимов, обследовавший производство Оружейной фабрики, писал об одном испытании булатной пластинки, что "отполированный и закаленный кусок ее крошил лучшие английские зубила". А знаток булатного дела металлург Д.К. Чернов говорил в 1868 г., что лучшая сталь, которая когда-либо изготовлялась в любой стране, несомненно был аносовский булат.

Уже будучи горным начальником Златоустовских заводов, Аносов умело сочетает большую научную работу с многогранной административной деятельностью, преуспевая в той и другой области. <...>

Занимая должность горного начальника, Аносов продолжает входить во все детали заводского дела. По-прежнему целыми сутками проводит он вместе с рабочими у заводского горна, наблюдая плавку, рассматривая получившиеся слитки стали, исследуя ее свойства.

Опыты с булатами потребовали точных анализов количественного и качественного состава сталей, изучения их структуры и свойств. Для решения этих задач в 1836 г. на заводе была открыта химическая лаборатория. <...> Аносов первым применил микроскоп для изучения строения металла.

Тридцать лет отдал Аносов Златоусту. В 1847 г. его переводят в Томск, где он через четыре года скончался.

Долго на заводе все жило традициями Аносова. Булат варил его лучший помощник мастер Н. И. Швецов, и часто рабочие, глядя на затейливые узоры аносовской стали, добрым словом вспоминали редкого человека.

Н.А. Косиков
1946

20.2.2. Краеведы Златоуста в поисках потомков П.П. Аносова

[Ниже — письмо из Златоуста, от местного краеведа Александра Вениаминовича Козлова (апрель 1999). — А. А.]

= А. Козлов – А. Алексеєву

Уважаемый Андрей Николаевич!

По всей вероятности, мое письмо будет для Вас несколько неожиданным. <...> Дело в том, что в этом году исполняется 200 лет со дня рождения Павла Петровича Аносова, великого русского металлурга, крупного организатора горнозаводского дела в первой половине прошлого века. Практически большая часть жизни Павла Петровича связана с нашим городом, и поэтому естественно, что интерес к его деятельности и жизненным обстоятельствам в городе весьма большой. Хотя, начиная с 1947-1954 гг., вышло несколько книг о П.П. Аносове, некоторые вопросы остаются открытыми и по сей

день. Недавно я, к примеру, попытался на основе имеющихся данных уточнить дату рождения (см. мою статью "Когда родился Аносов?"). [*Златоустовский рабочий*, 20.03.1999. — А. А.]. Сейчас я занимаюсь составлением родословной П.П. Аносова и краткой биографической хроники. В ходе работы над родословной зав. отделом истории нашего краеведческого музея Юрий Петрович Окунцов сообщил мне о публикации в журнале "Огонек" (№ 19, 1988 г.) об одном из потомков П.П. Аносова. К счастью, у меня сохранилась подшивка журналов за этот год, и я без труда нашел статью о Вас. А потом у нас с редактором городской газеты "Златоустовский рабочий" Михаилом Алексеевичем Тарыниным возникла мысль попробовать отыскать Вас. Мы созвонились с заводом "Ленполиграфмаш" и его работники любезно согласились нам помочь. Так у нас появились Ваши координаты. Михаил Алексеевич позвонил Вам домой, но, как нам сказала Ваша супруга Зинаида Глебовна, Вас не оказалось на месте до 15 апреля. Вот почему я и пишу это письмо. <...>

Уважаемый А.Н.! Не сможете ли Вы оказать нам помощь в работе над сбором более подробных материалов о П.П. Аносове, нет ли у Вас каких-либо сведений о других потомках Аносова, поддерживаете ли Вы с ними какие-либо связи? Я в этом письме посылаю Вам черновой вариант генеалогической схемы П.П. Аносова с приложением тех биографических материалов, которые по различным источникам удалось найти. Возможно, что это Вас заинтересует. <...> У меня есть данные, что, по крайней мере в начале 1960-х гг., потомки П.П. Аносова по линии внука Алексея Алексеевича (см. Д-13 на схеме) жили в Новокузнецке и один из праправнуков (Б.П. Аносов, Ж-7) работал преподавателем в Сибирском металлургическом институте. Попытаюсь разыскать его через институт (сегодня это Сибирская горно-металлургическая академия).

Посылаю Вам также в качестве памятного подарка нашу двухтомную "Златоустовскую энциклопедию", возможно, она представит для Вас определенный интерес. Посылаю также сборник нашего старейшего краеведа Н.А. Косикова (он практически первым начал писать об Аносове в нашей городской газете — еще в 1947 г., до книг Пешкина и Прокошкина).

На этом пока заканчиваю. Буду весьма признателен, если Вы сочтете нужным ответить на мое обращение к Вам.

С уважением
А. Козлов, 16.04.1999

[К письму прилагались книги: *Златоустовская энциклопедия*, тт. 1-2. Ред.-сост. — А.В. Козлов, Н.А. Косиков, В.В. Чабаненко. *Златоуст: Златоустовский рабочий*, 1994; Н.А. Косиков. *Золотые россыпи былого. Записки краеведа. Златоуст, Библиотека «Златоустовской энциклопедии»*, 1997; а также — рабочий вариант брошюры А. В. Козлова «Павел Петрович Аносов. Родственные связи и родословная». — А. А.].

20.2.3. Изобретатель "огненных машин" Л.Ф. Сабакин

[Ниже — извлечение из брошюры А.В. Козлова «Павел Петрович Аносов. Родственные связи и родословная» (*Златоуст*, апрель-август 1999 г., дополнено в июне 2000 г. Впервые опубликовано в газете «Златоустовский рабочий», 8.09. 1999). — А. А.).

= Из брошюры А. Козлова (1999)

<...> Более подробные сведения удалось разыскать о деде П.П. Аносова по матери Л.Ф. Сабакине. **Лев Федорович Сабакин** родился в городе Старице Тверской губернии в 1743 году (по другим источникам — в 1746 г.) в г. Старице Тверской губернии. После окончания сельской школы поступил на службу в тверскую уголовную палату копиистом, но вскоре занял должность канцеляриста. В свободное время увлекался механикой. В

течение нескольких лет работал над созданием астрономических часов, Каким-то образом это стало известно в Петербурге, и изобретатель-самоучка был вызван ко двору Екатерины II. Изобретенные им часы были приняты лично императрицей, а Лев Федорович получил немалую по тем временам награду в 1000 рублей. Вскоре после этого талантливый механик был по распоряжению Екатерины послан для учебы в Англию. Благодаря покровительству графа С.Р. Воронцова, русского посланника в Лондоне, Л.Ф. Сабакин смог ознакомиться с работой самых известных английских промышленных предприятий, встретился с видными английскими механиками того времени – Дж. Уаттом, Балатоном и другими. В Англии Сабакин сконструировал оригинальную паровую машину и разработал ее чертежи, о чем граф Воронцов сообщил в одном из писем, адресованных лично секретарю императрицы Безбородько. Вернувшись в Россию, Л.Ф. Сабакин в 1776 году перевел и издал на русском языке избранные лекции английского механика Дж. Фергюсона о машинах, дополнив их своим оригинальным трудом — «Лекцией об огненных машинах», где впервые на русском языке дал описание паровой машины Дж. Уатта. Несколько позднее, в 1789 году в Москве вышло его сочинение «Малое здание, или Разговоры, касающиеся до астрономии, физики и механики».

С 1776 года Л.Ф. Сабакина по его просьбе назначают губернским механиком в Тверь. Вернувшись в Тверь, он изобретает «машину для измерения корабельного хода» и «инструмент для снимания разных местоположений, расстояний и высот». За заслуги Л.Ф. Сабакин награждается орденом Св. Владимира IV степени и производится в чин коллежского асессора. Можно предположить, что именно в начале 1770-х годов Лев Федорович обзаводится и семьей у него рождаются двое детей – дочь (А.Л. Сабакина – в будущем мать П.П. Аносова) и сын Александр (род. 1774). Пока, к сожалению, полное имя дочери установить не удалось, как, впрочем, и год ее рождения. Но вернемся к самому Л.Ф. Сабакину. В начале царствования Павла I он вновь едет в командировку в Англию, в 1799 году по именному указу императора С. вновь посылается в Англию, а в 1799 г. по именному указу назначается в Екатеринбург механиком «при канцелярии главного заводууправления» Здесь Л. Ф. Сабакин конструирует 11 различных машин, среди которых цилиндрические мехи для кричных горнов, пожарную машину, устройство для расточки цилиндров большого диаметра, стан для тиснения монет.. В 1805 году Лев Федорович переезжает на Воткинский завод и вскоре в чине надворного советника уходит в отставку., продолжая заниматься изобретательством. Он совершенствует листопркатный стан, устанавливает станки для вырезки картечных поддонов из листового железа. «машины для подъема воды на крыши фабрик к предотвращению пожара», копер высокой производительности, улучшает воздуходушную машину. При Л.Ф. Сабакине Воткинский завод впервые изготавливает сконструированные им станки для нарезки винтов и распространяет их на Гороблагодатские заводы. Во время Отечественной войны 1812 года, уже будучи больным и в преклонных годах, Лев Федорович по настоятельной просьбе управляющего Ижевским заводом вновь возвращается на службу. Умер Л. Ф. Сабакин в августе 1813 года.

Отец П.П. Аносова – Петр Васильевич Аносов – в 1776 году поступил копиистом в Тверскую казенную палату, затем служил в городе Осташкове Тверской Губернии и вновь в Твери. Видимо именно в Твери он и познакомился со своей будущей женой – А.Л. Сабакиной, поскольку Лев Федорович Сабакин в эти годы работал в Твери губернским механиком. В 1798 году П.В. Аносова переводят в Петербург на должность секретаря вновь восстановленной Берг-коллегии. Можно предположить, что именно в Петербурге у четы Аносовых родились старшие дети – сыновья Василий (род 1798) и Павел (род. 1799) и дочь Мария (род. 1803).

<...> Спустя восемь лет, 13.06.1806 Берг-коллегия окончательно упраздняется, и вместо нее создается Горный департамент в составе Министерства финансов. В связи с этой реорганизацией бывший секретарь Берг-коллегии П.В. Аносов назначается советником Пермского горного правления. Семья Аносовых переезжает в Пермь (по всей

вероятности, во второй половине года). Об этом периоде жизни Аносовых на Среднем Урале известно очень мало. Биографы П.П. Аносова сообщают, что вскоре после переезда на Урал (конец 1806(?)) друг за другом скончались родители Павла Петровича, однако из обнаруженных недавно документов следует, что, что Петр Васильевич Аносов умер 1 мая 1809 года.

<...> С достаточной достоверностью сегодня можно только утверждать, что в мае 1809 года Василий, Павел, Мария и Александра Аносовы остались круглыми сиротами. О судьбе своих внуков позаботился их дед – Лев Федорович Сабакин. Именно он определил Василия и Павла в Горный кадетский корпус. На втором году учебы Василий внезапно заболел и 6 сентября 1811 года умер, а Павел окончил Горный кадетский корпус и в 1817 году приехал в Златоуст. <...>

Справка

О Л.Ф. Сабакине см. также: Загорский Ф.Н. Л.Ф. Сабакин – механик XVIII века: очерк жизни и деятельности. - М.-Л., 1963.

20.2.4. Праправнук П.П. Аносова — в поисках своей прабабушки

[Ниже – письмо автора А.В. Козлову и М.А. Тарынину (май 1999). – А. А.]

= А. Алексеев – А. Козлову и М. Тарынину

Глубокоуважаемые Александр Вениаминович и Михаил Алексеевич!

Пользуюсь Вами же любезно организованной оказией для ответа на апрельские телефонные звонки М.А. и письмо А.В. от 16.04.99.

Ваше письмо и все содержимое бандероли произвели на меня и моих родственников глубокое впечатление. Кроме человеческих (личных) чувств благодарности, примите еще мою высочайшую профессиональную оценку Вашего труда — 2-х томной «Златоустовской энциклопедии», аналогов которой я не знаю (хотя, может быть, и есть). Это сделано не только с любовью к своему городу, с уважительной памятью о земляках и т. д., но это также и высококультурная, оригинальная, в определенном смысле исчерпывающая свой предмет (в рамках поставленной задачи) работа, которой могут позавидовать краеведы России. Ограничусь здесь этим замечанием, поскольку тема письма — другая.

Также и записки краеведа «Золотые россыпи былого» Николая Александровича Косикова — подвижнический труд, внушающий высочайшее уважение. Передайте, пожалуйста, Н.А. мой поклон и пожелания доброго здоровья и благополучия.

Моя претензия на профессиональную оценку вызвана тем, что мы отчасти — коллеги. Я, как Вы знаете, социолог и в некотором смысле — тоже историк, а в прошлом — журналист. Вы поймете это по некоторым посылаемым мною Вам материалам.

Теперь — по сути Вашего запроса. Я внимательно ознакомился с брошюрой-каталогом — «Павел Петрович Аносов. Родственные связи и родословная», составленной Александром Вениаминовичем (тоже замечательный труд). Понятно, что вариант — «рабочий», но и «сырой» продукт должен делаться качественно, и это как раз тот случай. Удивительно, сколько же Вы уже успели разыскать!

Я рад, что могу внести в Ваше дело свою и, отчасти, моих родственников лепту. Тем более, что интерес к нашим семейным «корням» не так давно побудил и нас самих к некоторым разысканиям, независимо от Ваших. И как раз эта независимость позволяет реконструировать родственные связи П.П. Аносова в большей полноте и достоверности.

Короче: Вы не знали того, что знаем мы, и наоборот. Вот теперь давайте совмещать и исправлять, как наши, так и Ваши наброски.

Теперь можно уже считать надежно установленным, что я сам, а также мой двоюродный брат **Владимир Владимирович Абрашкевич** (петербуржец, проживающий в настоящее время преимущественно в Сочи) и мой троюродный брат **Игорь Данилович Пивен** (проживающий в Санкт-Петербурге) являются праправнуками Павла Петровича Аносова (соответственно — прапрапраправнуками Льва Федоровича Сабакина). Однако нашим прадедом является не Алексей Павлович Аносов (младший сын П.П. Аносова), как Вы предположили (возможно, потому, что он учился в Санкт-Петербурге), а, в частности, моей и В.В. Абрашкевича бабушкой является вовсе не Ада Алексеевна Аносова (одна из дочерей Алексея Павловича).

Мы все приходим **от одной из дочерей** Павла Петровича Аносова. От которой из четырех? Тут надо действовать методом исключения. Не вторая дочь — Лариса Павловна, поскольку она, как Вы установили, в замужестве — Аболтина. Не третья дочь — Анна Павловна, поскольку она в замужестве — Эксеблад. Стало быть, либо старшая — Мария Павловна, либо младшая — Наталья Павловна, по поводу которых и у Вас сомнения — которая из них в замужестве Яновская? (См. Вашу генеалогическую схему).

Так вот, если одна из них двоих **Яновская**, то другая стала в замужестве **Пузановой** (это фамилия нашего с В.В. Абрашкевичем деда — **Петра Михайловича** и деда И. Д. Пивена **Павла Михайловича**). Но кто же все-таки наша прабабушка (мать Петра и Павла Пузановых) — Мария Павловна или Наталья Павловна Аносова?

Тут я предоставляю слово моей дочери **Ольге Андреевне Новиковской** (Алексеевой), которая обратила внимание на даты рождения дочерей П.П. Аносова, из Вашей брошюры-каталога, и сопоставила их с известной нам датой рождения моего деда (а ее прадеда) Петра Михайловича Пузанова:

«Скорее всего, нашим предком была старшая из дочерей Павла Петровича Аносова — **Мария Павловна (Аносова) Пузанова**, родившаяся 1.09.1832. Тогда, своего сына Петра Михайловича Пузанова (1862 г. рожд., июнь) она родила в 29 лет. У М.П. Пузановой был еще один сын — возможно, старше Петра Михайловича (в действительности, как выяснилось буквально вчера — уже после того, как моя дочь писала эту заметку — не один, а **два** сына, о чем скажу ниже. — А.А.). В противном случае матерью Петра Михайловича должна быть младшая дочь П.П. Аносова — Наталья Павловна, родившаяся 14.03.1845; но тогда получается, что она родила Петра Михайловича в 17 лет, что мало вероятно [*тем более, что Петр Михайлович, как будет показано ниже, вовсе не старший из сыновей дочери П.П. Аносова. – А. А.*]. Средние сестры известны. Это: Аболтина (Аносова) Лариса Павловна (1840-1917) и Эксеблад (Аносова) Анна Павловна (1843-?). Если Наталья не мать Петра Михайловича, что всего вероятнее, то именно она стала женой Яновского А., матерью Яновского Н.А.»

(Ксерокопию этой записки моей дочери, равно как и составленную ею, с учетом новой информации из Вашего письма, генеалогическую схему прилагаю. Мне показалось интересным приложить также схему, составлявшуюся моей дочерью несколько лет назад, когда информации от Вас еще не было. Эта более ранняя схема теперь представляет лишь "исторический" интерес: вот так движутся к истине разные искатели, с разных концов).

Итак: генеалогическая схема, составленная прапраправнучкой П. П. Аносова (моей дочерью), исправляет Вашу — в той части, которая имеет к нам отношение. <...> Отсюда, возникает новое направление для разысканий и уточнений. С чем я поздравляю и Вас, и мою дочь, обратившую внимание именно на даты рождения своих предков. Возможно, что и ветвь Аносовых-Яновских Вы теперь сумеете проследить лучше, если примете гипотезу о том, что именно Наталья Павловна Аносова (а не Мария Павловна) стала в замужестве Яновской.

Ну и, разумеется, всякие дополнительные (независимые) подтверждения того, что именно Мария Павловна Аносова является нашей прабабушкой, будут для меня и моих

родственников чрезвычайно ценны. (Должен сказать, что с детства у меня «Мария Павловна» ассоциируется с какими-то родственными связями. Может, ее упоминала моя покойная мать **Варвара Петровна Пузанова**? Но это, разумеется, не доказательство).

Итак, в той ветви генеалогического дерева, которая касается младшего сына Павла Петровича Аносова — Алексея Павловича — и его дочери Ады Алексеевны, Ваша схема неверна (хоть и логически непротиворечива). И мой отец **Николай Николаевич Алексеев**, фигурирующий в Вашей генеалогической схеме <...>, на самом деле вовсе не правнук П. П. Аносова, а женился на его правнучке — **Варваре Петровне Пузановой**, моей матери. А вот Пузановых-то в Вашей схеме родственных связей П.П. Аносова и вообще нет. Но теперь, полагаю, появятся.

Интересно, что все это я пишу сегодня утром, 12.05.1999, когда вечером этого же дня предстоит встреча троих потомков П.П. Аносова, "моего" поколения. Кроме меня, это — упоминавшиеся выше мой младший двоюродный брат **Владимир Абрашкевич** (приехавший в СПб из Сочи на несколько дней) и мой старший троюродный брат — **Игорь Пивен** (живущий в СПб, но мы с ним давно не встречались; и раньше как-то не обсуждали генеалогические вопросы). Эта встреча — результат счастливого стечения обстоятельств, среди которых не сбросим со счетов и Ваше письмо-запрос. Во всяком случае, «тему» нашей родственной встречи Вы своей краеведческой и генеалогической активностью нам задали. <...>

Дописывать это письмо я буду уже после этой встречи, т. к. Игорь Данилович Пивен (старше меня на 10 лет), наверняка сможет дополнить сказанное — новой информацией). Не удивлюсь, если он и нашу прабабушку (Марию Павловну Аносову?) идентифицирует с большей надежностью, чем это смогли сделать моя дочь и я.

Сейчас же ограничусь «описью» того, что я подготовил к отправке Вам (как обещал телеграммой), и теперь передам Никите Тарынину, столь кстати объявившемуся в СПб. <...> [*Здесь опущен список отправляемых документов. — А. А.*]. Всего, таким образом, 15 нумерованных и 3 не нумерованных приложения.

Как Вы можете заключить, с этим праправнуком П.П. Аносова Вам, пожалуй, «повезло», ибо круг моих профессиональных (научных) интересов достаточно близок к Вашим интересам, а тут еще — и «фамильный» интерес...

Я сознательно ограничиваю себя в круге документов, посылаемых Вам сейчас. Так, здесь нет ксерокопий фотографических материалов, упоминаемых, в частности, в моей семейной хронике. Изготовление этих ксерокопий потребует некоторого времени. Если Вы в этом заинтересованы, дайте знать. В той мере, в какой у Вас возникнет такая потребность, я мог бы также расширить документальную информацию о жизни и деятельности моей матери, правнучки П.П. Аносова — инженере-технологе **Варваре Петровне Пузановой** (1899-1963). Это — интереснейший историко-культурный и фамильный пласт.

Не рассказываю сейчас более подробно о потомках П.П. Аносова "моего" поколения (их место на Вашей схеме — на уровне "Ж"), с которыми встречу сегодня, и, после встречи, допишу это письмо. Пока только сообщаю их почтовые адреса и телефоны. <...>

Коротко о них рассказывается в моей семейной хронике (которой Вы теперь располагаете). Что знала — указала моя дочь в своей генеалогической схеме. А если захотите узнать подробнее, то можете запросить их самих, по этим адресам.

Заодно уж и адрес моей дочери. <...> (Кстати, она — не преподаватель вуза, как Вы указываете в своей брошюре-каталоге, а педагог-логопед, работает в детском саду). Вообще, со всеми вопросами, что и ко мне, Вы можете обращаться к моей дочери, поскольку она «в курсе дела» сейчас уже не меньше, а, пожалуй, даже побольше меня.

Как видите, круг возможных контактов с потомками П.П. Аносова у Вас теперь существенно расширяется.

После встречи с Владимиром Абрашкевичем и Игорем Пивеном сегодня вечером я добавлю в это письмо некоторый минимум генеалогической информации (которую рассчитываю получить главным образом от своего старшего троюродного брата) и, может быть, укажу фактические ошибки в своей семейной хронике (если обнаружатся). Вы же сможете сами дорисовать генеалогическое дерево, составленное моей дочерью, которая только обозначила, что у Петра Михайловича Пузанова был старший брат, не зная тогда наверняка, что Вера Павловна Пивен — его дочь, а Игорь Данилович Пивен — его внук.

Еще одно частное примечание к схеме, составленной моей дочерью. Там на "поколенческом" уровне, соответствующем Вашему "З", указана не представленная в моей семейной хронике **Анна Владимировна Крупко** (род. 30.08.1981) — внебрачная дочь Владимира Владимировича Абрашкевича (ее мать — **Нина Александровна Крупко**), ныне — студентка экономического факультета Санкт-Петербургского университета. Будете составлять именную указатель потомков П.П. Аносова — не упустите ее из виду. Она — наша родственница и, понятно, прапраправнучка Павла Петровича Аносова.

Вообще, буду признателен, если Вы пришлете мне или моей дочери новый, «исправленный и дополненный», но, разумеется, тоже пока "рабочий", вариант Вашей брошюры о родственных связях и родословной Аносова. <...> Ведь мы для Вас — информанты только по Аносовско-Пузановской (петербургской) ветви. Вам как будто удалось проследить до наших дней ветвь, идущую от сына П.П. Аносова — Алексея Павловича, вплоть до моего «много-много-юрродного» брата, тоже праправнука П.П. Аносова — Бориса Павловича Аносова (проживающего в Новокузнецке, как Вы пишете). Как я уже говорил, это — **не наша** ветвь. Но было бы интересно узнать побольше и о ней, и об остальных ветвях «аносовского древа». Увы, тут я и мои близкие родственники помочь Вам не сможем.

И вообще, здесь надо скорее рассчитывать на случайность, вроде случайного упоминания моего родства с П.П. Аносовым в журнале «Огонек» 10-летней давности, случайно запомнившегося сотруднику Златоустовского краеведческого музея. Не говоря уж о том, что на заводе «Полиграфмаш», где я работал в 80-х гг., хоть меня, похоже, и помнят, чисто случайно сумели разыскать мои новые координаты (исключительно по неформальным каналам).

И последнее, совсем мелкое замечание. Как отмечается в моей семейной хронике, в 1990 г. мне довелось, будучи в Златоусте, общаться с сотрудниками музея, по-видимому, Златоустовского металлургического завода (вряд ли — вашего краеведческого). Я им сообщил о своем родстве с П.П. Аносовым, как о некоем «семейном предании» (тогда я не был в этом вполне уверен). Вот им-то я и передал, «на временное хранение» старинную серебряную ложечку с вензелем «А» (понятно — не «Алексеев», а «Аносов», предположительно). Условия нашей договоренности на этот счет описаны в семейной хронике. Где-то у меня даже хранится квитанция из того музея. Можно бы и найти, да лень искать.

Информации из музея, действительно ли вензель — Аносовский, я за эти 10 лет так и не получил. Бог с ними! Но теперь, когда я уже не сомневаюсь, что та ложечка — «аносовская», я хотел бы заменить «временное хранение» на «вечное» (каковым де-факто оно уже стало, если, конечно, ложечка цела). Так вот, рассматривайте это мое письмо, как неформальный акт дарения этой фамильной (аносовской) реликвии **Златоустовскому краеведческому музею**. (Если я отдавал ее в краеведческий музей, то — без проблем; а если в заводской — то, думаю, Вы найдете правильное решение вопроса). <...>

На этом основной текст настоящего письма завершен. Будет еще P.S. — после вечерней встречи с В.В. Абрашкевичем и И.Д. Пивеном.

С уважением и благодарностью

Ваш Андрей Алексеев

СПб. 12.05.1999

Р. S. Как я и предполагал, после вчерашней встречи дома у Игоря Пивена, мне есть что добавить к сообщенному в этом письме и прилагаемых к нему документах. Вырисовывается следующая уточненная генеалогическая картина.

В середине 50-х гг. прошлого (*XIX*. – *A. A.*) века в Санкт-Петербурге **Михаил Пузанов** женился на дочери П.П. Аносова, имени которой И.Д. Пивен (которому она приходится, как и мне, прабабушкой) тоже не знает.

Но, с высокой вероятностью (как установила моя дочь) это была **Мария Павловна**, старшая дочь П. П. Аносова. Кстати, как сообщается в Вашей брошюре-каталоге, она училась «в одном из женских институтов ведомства императрицы Марии в Петербурге». Это еще один аргумент в пользу предлагаемой здесь генеалогической гипотезы.

У Михаила Пузанова и дочери П.П. Аносова (Марии Павловны?) было четверо детей (в последовательности рождения): **Павел Михайлович, Петр Михайлович, Сергей Михайлович и Мария Михайловна.**

О моем деде Петре Михайловиче Пузанове (1862-1935) есть целая глава в моей семейной хронике. Добавить к сказанному там можно то, что он окончил Институт путей сообщения и был не только «железнодорожным служащим», но и машиностроителем, инженером-проектировщиком паровозов, которые тогда производились на Путиловском заводе. Долгое время, как сообщил И.Д. Пивен, Петр Михайлович Пузанов возглавлял КБ паровозостроения Путиловского завода. Дом Петра Михайловича в Дачном, о котором я писал в семейной хронике, был его собственный, построенный по его проекту. Этот дом, с большим «приусадебным участком» (на котором «можно было собирать грибы»), стоял на углу ул. 3-го Интернационала и Тихой ул. в прежнем Дачном, которое тогда находилось за городской чертой. В 20-е гг., в этом доме жили также все три сестры, дочери Петра Михайловича Пузанова: **Варвара Петровна** — моя мать (1899-1963), **Елизавета Петровна** (1903-1970) и **Мария Петровна** (1905-1973).

Старший сын Михаила Пузанова и дочери П.П. Аносова — Павел Михайлович — тоже окончил Институт путей сообщения. Как будто, в романе Гарина-Михайловского «Студенты» он фигурирует, под вымышленным именем, как «любивший готовить еду и покушать» и будто бы даже как-то обыгрывается фамилия «Пузанов» (сейчас нет времени сверяться с этим литературным источником). Павел Михайлович был, как и Гарин-Михайловский, инженером-путейщиком, проектировщиком и строителем железных дорог. Судя по сохранившемуся в семейном архиве И.Д. Пивена документу, в 1900 г. он имел чин надворного советника. Павел Михайлович умер в 1920 г.

Младший сын Михаила Пузанова и дочери П. П. Аносова — Сергей Михайлович — окончил горный институт. Кажется, в период революции (или до?) он эмигрировал за границу; о нем не принято было вспоминать в семьях Пузановых, и так опасавшихся за свою судьбу из-за дворянского происхождения.

Младшая из детей и единственная дочь Михаила Пузанова и дочери П.П. Аносова Мария Михайловна — та самая, упоминаемая в моей семейной хронике "бабушка Машура", которая была замужем за представителем древнего ирландского рода, составителем таблиц умножения многозначных чисел О'Рурком, а после его смерти жила в Дачном в семье брата Петра Михайловича Пузанова. Детей у Марии Михайловны, кажется, не было. Она умерла в 1941 г.

Спускаемся на поколение ниже.

О потомках **Петра Михайловича Пузанова** достаточно подробно — см. мою семейную хронику.

У **Павла Михайловича Пузанова** от брака с **Марией Эрастовной Мельгуновой** было четверо детей (в последовательности рождения): **Ксения Павловна** (умерла в 19 лет от чахотки), **Вера Павловна** (1895-1957), **Нина Павловна** (1897-1981) и **Николай Павлович** (1900-1967). Мария Эрастовна умерла рано (1904 или 1906 г.). Из детей Павла

Петровича все кроме Веры Павловны были бездетными. О них может больше рассказать сын Веры Павловны И.Д. Пивен.

Правнучка П.П. Аносова **Вера Павловна Пузанова** вышла замуж за матроса (старшину) Балтийского флота **Даниила Яковлевича Пивена**. Он потом стал крупным хозяйственным руководителем, а после войны, кажется, начальником Ленинградского контрольно-ревизионного управления. Даниил Яковлевич скончался в 1956 г. Опускаю подробности, поскольку это лучше может рассказать их сын И.Д. Пивен

Следующее поколение — уже "мое".

Сын Веры Павловны Пивен (Пузановой) и Даниила Яковлевича Пивена — **Игорь Данилович Пивен** родился 14.08.1924 г. Он — известный корабел, доктор технических наук, профессор, заслуженный изобретатель РСФСР, недавно стал лауреатом Государственной премии. Капитан первого ранга в отставке. В свои 75 лет продолжает работать в 1-м Центральном НИИ Министерства обороны РФ (кораблестроение, вооружение и эксплуатация).

Первый брак Игоря Даниловича с **Натальей Раль** давно распался. От этого брака Игорь Данилович Пивен имеет сына — **Сергея Игоревича Пивена** (прапраправнук П. П. Аносова). Я не уточнил год рождения (середина 50-х гг.). Ныне женой И.Д. Пивена является **Анна Михайловна Пивен**, которая имеет сына от первого брака — **Михаила**, работающего там же, где его отчим. Недавно защитил кандидатскую диссертацию, капитан 1-го ранга. (Но эта информация, кажется, уже выходит за рамки генеалогического древа Аносовых)

И.Д. Пивен вспоминает, что его мать Вера Павловна Пивен (Пузанова) рассказывала ему, что в начале века «мы, дети, собирались у бабушки Аносовой» (т. е. у дочери П.П. Аносова). Похоже, что та жила отдельно от своих детей (Павла Михайловича и других). А на той фотографии 1901 г. с трехколесным автомобилем, о которой я писал в семейной хронике, вероятно, все-таки не она, а мать моей бабушки **Ольги Николаевны Пузановой**. (Между нею и Ольгой Николаевной как будто есть черты фамильного сходства).

О сыне **Марии Петровны Пузановой** — **Владимире Владимировиче Абрашкевиче**, экологисте и инженере высочайшего класса, а также о его потомках — я рассказывал в своей семейной хронике. У В. В. Абрашкевича есть квартира в Санкт-Петербурге, но живет и работает он сейчас, вместе с женой **Ириной Михайловной Яковлевой** и сыном **Андреем Владимировичем Абрашкевичем**, в основном на юге (Сочи, Краснодар, Сухум).

Собственно, это все, что я имею добавить к сказанному ранее.

Итак, старшими среди потомков П.П. Аносова (праправнуки) в **Пузановской ветви** (Санкт-Петербург) ныне являются: Игорь Данилович Пивен, (которому 14.08.1999 исполнится 75); я (которому скоро 65); Владимир Владимирович Абрашкевич (которому 18.08.1999 исполнится 60).

В следующем поколении потомками П.П. Аносова (прапраправнуки) являются: Сергей Игоревич Пивен (род. в 1959 г.), Ольга Андреевна (Алексеева) Новиковская (род. 21.09.1961), Андрей Владимирович Абрашкевич (род. 1.02.1963) и Анна Владимировна Крупко (род. 30.08.1981).

Самое младшее поколение (прапрапраправнуки П.П. Аносова): Иван Александрович Новиковский (род. 30.05.1983), Егор Александрович Новиковский (род. 11.08.1986) — это мои внуки; Евгения Андреевна Абрашкевич (род. 25.08.1989) и Ирина Андреевна Абрашкевич (род. 12.07.1991) — это внуки В.В. Абрашкевича.

Ваш Андрей Алексеев
13.05.1999

20.2.5. Историко-генеалогические раскопки продолжаются

[Ниже – извлечения из переписки автора с А.В. Козловым (май-июль 1999). – А. А.]

= А. Козлов – А. Алексееву

Уважаемый Андрей Николаевич!

<...> Первое. Ольга Андреевна совершенно права, высказывая предположение, что Ваша линия идет от Марии Павловны Аносовой. Это можно взять за рабочую гипотезу. Тогда Яновские идут от Наталии Павловны. Таким образом, несколько уменьшается неопределенность по дочерям Павла Петровича. Надеюсь, что в будущем удастся здесь прояснить картину больше. Но вот по сыновьям Аносова у меня (за исключением Алексея) полный мрак. А это целых четыре линии. Но, вероятно, если хорошо покопаться, то и здесь что-то да разыщется.

Вчера был в краеведческом музее вместе с Ник. Ал-дровичем Косиковым. Он, по просьбе Тарынина, ищет следы Вашей ложечки. В 1990 г. Вы были в музее завода «Булат» (информацию о нем см. в т. 2 «Златоустовской энциклопедии»). Сейчас его фонды переданы краеведческому музею, но детально пока еще не разобраны. Но вот что попутно выяснилось. В музейном архиве мы вчера нашли акт передачи в фонды музея чернильницы, принадлежавшей Павлу Петровичу (сейчас она находится в экспозиции). К акту приложена справка, подписанная Павлом Алексеевичем Аносовым. Вот текст этой справки:

«...В 1916 г. наша семья Аносовых (*имеется в виду семья внука Павла Петровича — Алексея Алексеевича Аносова. — А. К.*) проживала в Петербурге, Литейный пр., 31. По этому же адресу была прописана проживавшая у нас дочь Павла Петровича Аносова Лариса Павловна Аболтина (по мужу). Она была моей бабушкой (*двоюродной. — А. К.*) и ей было тогда 76 лет. (*Согласуется с имеющейся у нас датой рождения Л. П. — 1840 г. — А. К.*) У нее было ряд семейных вещей Павла Петровича. В 1916 г., после смерти отца, мы вынуждены были уехать в г. Енисейск. Перед отъездом Лариса Павловна оставила нам прибор латунный письменный Павла Петровича, который хранился в нашей семье и передан Златоустовскому музею.

Аносов Павел Алексеевич 10 апреля 1959 г. г. Сталино (*ныне Новокузнецк. — А. К.*), ул. Суворова, 4, кв. 15».

Такой вот любопытный документ. Появляется еще один петербургский аносовский адрес — Литейный, 31. Я вчера посмотрел по плану СПб, который есть у меня в новой энциклопедии "Города России" (1994). Литейный пр. идет перпендикулярно Невскому. То есть, как я понимаю, это центральная часть города. Видимо, и дом мог сохранить старую нумерацию.

Николай Александрович Косиков просил передать Вам привет, что я и делаю, и сказал, что по преданию в семье П.П. Аносова хранилась икона Петра и Павла. Слышали ли Вы об этом? Кстати, эти имена по аносовским линиям, как Вы, возможно, обратили внимание, очень часто повторяются.

Удалось чуточку прояснить еще линию младшей дочери Петра Васильевича Аносова, сестры Павла Петровича — Марии Петровны. Меня занимало, каким образом она вышла замуж за Фердинанда Грасгофа. Оказывается, тот учился с Аносовым в Горном кадетском корпусе, но окончил его годом позже, в 1818 г. и получил назначение тоже на Златоустовский завод. Теперь надо в нашем городском архиве поискать его формулярный список. <...>

Я вообще хочу предложить нашему гор. архиву выделить специальный аносовский фонд, где сосредоточить все новые и имеющиеся у них материалы. Вообще-то, откровенно говоря, все биографы П.П. Аносова очень скупо рассказывают о нем, делая в

основном упор на открытии тайны булата. Почти нет никакой информации о семейных и дружеских связях и т. п. А это в жизни человека играет очень большую роль. К примеру, Аносов учился и дружил во время учебы с Ильей Петровичем Чайковским (отцом Петра Ильича). Причем эта дружба продолжалась и в последующие годы. Наверняка они и переписывались. Известно, что архив, в частности, письма И.П. Чайковского хранятся в доме-музее П. И. Чайковского в Клину (возможно, там есть и письма Аносова, адресованные своему другу).

В связи с этим возникает и такой вопрос — где искать следы личного архива Аносова? Вероятнее всего он в значительной мере рассеялся по родным. Разумеется, что-то могло затеряться, но что-то сохранилось ведь?! <...>

Да, чуть не забыл. В одном из недавно вышедших словарей (Всемирный биографический энциклопедический словарь, 1998) я нашел справку об Аносове Дмитрие Викторовиче (род. 1936, математик, академик РАН с 1992 г., Лауреат Гос. премии — 1976 г., труды по дифференциальным уравнениям, геометрии и топологии). Возможно, что это потомок кого-то из сыновей П. П. Аносова. Дело в том, что фамилия Аносовых достаточно редкая, не то, что, скажем, моя, у меня даже в Златоусте добрая сотня однофамильцев, нередко и к тому же тезок (хорошо, что отчество не очень распространенное). <...>

С искренним уважением
Ал. Козлов, 1.05.1999

= А. Козлов – А. Алексеєву

Уважаемый Андрей Николаевич!

Посылаю Вам ксерокопию статьи Л. Сониной о Николае Павловиче Аносове, а также копию моей статьи "Аносов и Пушкин". <...>

Недавно удалось все-таки связаться с новокузнецким потомком П.П. Аносова. Это Вячеслав Павлович Аносов, Ваш четвероюродный брат (так получается, по моим расчетам). Единственное, что удалось узнать в кратком телефонном разговоре (разговаривал М.А. Тарынин), что брат Вячеслава Павловича — Борис Павлович Аносов умер совсем молодым в 1964 г. Сын же Бориса Павловича живет на Украине, но В.П. Аносов с ним связи не поддерживает. Придется все равно писать подробное письмо Вячеславу Павловичу, может быть что-то удастся разузнать.

Совсем недавно наметился еще один след для поисков. 2 июня в передаче Челябинского телевидения "8-й канал" прошло короткое интервью с преподавателем истории одного из челябинских вузов — Анной Петровной Аносовой, которая утверждает, что ее предок по семейному преданию был металлург П.П. Аносов. Она сейчас живет в Челябинске, но родом из Курской области. Сам я, к сожалению, передачу не видел, поэтому всех подробностей не знаю. Правда, здесь уточнить особого труда не составит: в Челябинске у нас много знакомых, через которых можно будет связаться с Анной Петровной. Если окажется, что она права, появится ниточка от еще одного из сыновей П. П. Аносова.

А 25 мая по Челябинскому же телевидению прошел фильм о П.П. Аносове, снятый в 1962 г. режиссером Л. Оболенским. Я его записал на видеопленку. Если Вас заинтересует, то могу выслать видеозапись для Вашего архива, дополнив ее кое-какими своими видеосъемками. Правда, на это потребуется некоторое время.

Еще одна небольшая новость — в Екатеринбурге готовится книга о П.П. Аносове («Генерал от металлургии — Павел Аносов»). Один из ее составителей — профессор М.Е. Гловацкий был недавно в Златоусте. <...>. [Об этой книге см. подробнее ниже. – А. А.]

В ближайшее время собираюсь поработать в нашем архиве. Тут кое-что наметилось. Предположительно, в Златоусте в 1960-х гг. работал племянник П.П. Аносова (сын его сестры Марии) Н.Ф. Грасгоф, но это надо проверить поточнее. Постараюсь в июле сделать второй вариант по генеалогии, тогда и Вам его вышлю. <...>

С уважением
Ал. Козлов, 10.06.1999

[Три месяца спустя в газете «Златоустовский рабочий» (8.09.1999) был опубликован очерк А.В. Козлова «Девять поколений Аносовых. Родственные связи и родословная великого русского металлурга». Среди прочего в нем нашла свое место и информация о пузановской ветви потомков П. П. Аносова, предоставленная автором этих строк. Как писал А.В. Козлов уже в 2000 г., к тому времени удалось установить имена 46 прямых потомков П. П. Аносова: 9 детей, 8 внуков, 10 праправнуков, 8 праправнуков, 7 прапраправнуков и 4 прапрапраправнуков.

*Примечательно, что четверо из пяти сыновей П.П. Аносова – Александр Павлович, Николай Павлович, Павел Павлович и Алексей Павлович — были **горными инженерами**. В частности, Н.П. Аносов (которого упоминает А.В. Козлов в своем письме) вместе с младшим братом П.П. Аносовым, занимался поисками золота в Восточной Сибири и Амурском крае. Ими были открыты богатые месторождения, на базе которых в 1860-70-х гг. были основаны (Н.П. Аносов) Верхнеамурская, Среднеамурская и Ниманская компании по разработке золота. – А. А.]*

= А. Алексеев – А. Козлову

Дорогой Александр Вениаминович!

Я получил Ваше письмо от 21.05.1999, на которое не успел ответить, как пришло второе — от 10.06.1999. Оба — очень содержательны, информативны, и я благодарен Вам. Во-первых — за обязательность, не столь частую в наше время. Во-вторых — за Вашу «золотоискательскую» деятельность (чем не промывка ста пудов песка для извлечения двух золотников?). В-третьих — от души поздравляю Вас с Вашим эссе о Пушкине и Аносове (ровесниках). Оно, я думаю, могло бы украсить страницы любого издания — не только местной газеты.

Я воспринимал эту Вашу работу уже не как «потомок Аносова», а просто как читатель отличной историко-культурной публицистики, где дотошность разысканий сочетается с полетом «исторического воображения».

Знаете что: а не послать ли Вам такую же ксерокопию в любой из двух "толстых" петербургских журналов: «Звезда» или «Нева»? <...> *[Здесь опущены конкретные рекомендации. – А. А.]*

С интересом прочитал в Вашем письме еще об одной "петербургской" ветви Аносовых, переместившейся потом в Сибирь. Вообще, Аносовых (хоть фамилия, как Вы замечаете, и редкая), как явствует из электронной базы данных, в нашем городе около 200.

Кто уж из них потомки П.П. Аносова — Бог весть. Пришлось мне тут недавно принимать зачеты в Университете — оказалась студентка с этой фамилией... Но при весьма скудных познаниях в предмете зачета, о своем именитом однофамильце (надеюсь, что так!) она просто никогда не слыхала (я не удержался — задал такой вопрос "вне программы"). Однако сообщила, что дед ее вроде был... тоже горным инженером.

Возможно, моя дочь когда-нибудь продолжит свои разыскания, опираясь на Ваше сообщение о «Литейном проспекте, 31» и т.д.. Пока же она нарисовала очередную версию «генеалогического древа» (с учетом специально собранной ею информации, а также сведений из Вашей брошюры). Я посылаю эту уточненную родословную Вам.

А тут еще — моему внуку Ивану (1983 г. р.) случилось сочинить свою семейную историю (конкурс в колледже, где он учится, и т. п.). Ну, мама ему, понятно, изрядно помогла... Прослежен там, разумеется, и аносовский корень. Такая вот «генеалогическая лихорадка» охватила петербургскую аносовскую ветвь, отчасти — с Вашей «легкой руки». К сочинению моего внука прилагались ксерокопии фотографий. Сейчас уже не успею до отпуска подготовить соответствующую «брошюру», с изобразительным материалом. Отложим до осени.

А вот — информация, которая заслуживает немедленного учета в Вашей собственной брошюре и схеме родственных связей П.П. Аносова и его потомков. Эта информация происходит от Игоря Даниловича Пивена, с которым мы успели встретиться еще раз.

Во-первых, выяснилось, что Михаил Пузанов, женившийся на старшей дочери П.П. Аносова Марии Павловне (в чем теперь уже, пожалуй, нет сомнений) "был утвержден в потомственном дворянстве указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 28 ноября 1852 года за № 10619" (из свидетельства выданного его внучке Нине Павловне Пузановой 16.01.1911, подлинник которого имеется у И.Д. Пивена, ее племянника; у него вообще много документов сохранилось). Т. е. дворянский род Пузановых «помоложе» Аносовского.⁵³ (Кстати, и известная ложечка с аносовским вензелем, однотипная с той, где вензель пузановский, — скорее из второй половины XIX века, чем из первой; ну, да это нетрудно установить специалистам).

Во-вторых, уточнились годы жизни Павла Михайловича Пузанова (деда И.Д. Пивена) — старшего сына Михаила Пузанова и Марии Пузановой (Аносовой): 1858-1920. Отсюда следует, что Мария Павловна, дочь П. П. Аносова, родила первенца в 26 лет. Уточнились также годы жизни супруги Павла Михайловича Пузанова — Марии Эрастовны (Мельгуновой) Пузановой: 1868-14.10.1905. (Здесь и далее — информация, пока не отраженная в генеалогической схеме, выполненной моей дочерью, или уточняющая ее). Кстати, братом Марии Эрастовны Мельгуновой был генерал Мельгунов (кажется, Сергей), участвовавший в Брусиловском прорыве (но это уже — за пределами собственной родословной Аносовых-Пузановых).

А вот дальше — генеалогическая "сенсация"!.. Рано овдовевший (в 1905 г .) Павел Михайлович Пузанов незадолго до революции женится вторично, на 18-летней Марии Александровне Карамзиной (как говорит И.Д. Пивен — ее предком был великий русский историк). Вскоре после этого Павел Михайлович умирает (1920 г .), а Мария Михайловна Пузанова (Карамзина) повторно выходит замуж — за кого бы Вы думали? За внучатого племянника П.П. Аносова [внука его сестры Марии Петровны (Аносовой) Грасгоф. – А. А.], а именно — Михаила Петровича Карпинского, родного брата Александра Петровича Карпинского (геолога, первого советского президента Академии наук)! (Оба фигурируют в Вашей генеалогической схеме; о М. П. Карпинском Вы сообщаете только, что он тоже был "горным инженером").

Итак, две ветви аносовского генеалогического древа, сто лет произраставшие "отдельно" друг от друга, вдруг "срослись", благодаря повторному замужеству Марии Михайловны Карамзиной (Пузановой, Карпинской) на троюродном брате своего первого мужа.

Правда, детей у нее с Михаилом Петровичем, как и с Павлом Михайловичем, не было.

После смерти М.П. Карпинского (по-видимому, в 30-х гг.) Мария Михайловна жила в Москве. У нее была открытая форма туберкулеза, как рассказывает И.Д. Пивен, за ней нужен был уход, и родственники (Пузановы-Пивены) помогли ей перебраться в Ленинград, где как-то опекали ее. А когда во время блокады был разбомблен их дом, какое-то время жили с нею вместе, в одной квартире (в районе ул. Некрасова). М.М. Карпинская (Пузанова, Карамзина) умерла 13.02.1942, в возрасте 47 лет, как указано в свидетельстве о смерти, сохранившемся у И.Д. Пивена. (Подробнее все это лучше узнать у него самого, если Вы захотите; его адрес я сообщал).

⁵³ Ставшие нам известными уже позднее документы, в частности поколенная роспись рода Пузановых, составленная геологом и историком, исследователем «горных династий» России Е.М. Заблоцким (см. ниже: раздел 18.2.8) свидетельствует о значительно более раннем дворянском статусе этого рода. Строго говоря, и здесь речь идет об установлении Михаила Пузанова в ПОТОМСТВЕННОМ дворянстве, стало быть – мой прадед по этой фамильной линии ббыл не первым дворянином в роду. (А. А. Июль 2013)

Во всяком случае, Вам «придется» проводить горизонтальную двойную черту [принятое обозначение отношений брака в генеалогических схемах. — А. А.] между ветвями Аносовых-Пузановых и Грасгоф-Карпинских на Вашей схеме.

Здесь замечу, что мой троюродный брат Игорь Данилович Пивен — старший из известных мне потомков П.П. Аносова — владеет бОльшим объемом фамильной информации, чем я и, тем более, мой младший двоюродный брат Владимир Владимирович Абрашкевич (чей адрес я также сообщил).

Впрочем, мы от Вас узнаем не меньше, чем Вы от нас... В частности, очерк Л. Сониной «Аносов — сын Аносова», оказывается, десять лет назад печатавшийся в журнале "Вокруг света" [1989, № 10. — А. А.], а ныне, в связи с аносовским юбилеем, перепечатанный «Златоустовским рабочим» [10.03.1999. — А. А.], оживил для меня «лица» младших братьев Марии Павловны (Аносовой) Пузановой, моей прабабушки, — Николая и Павла, выдающихся геологоразведчиков и организаторов промышленности, достойных сыновей своего знаменитого отца. Хранящаяся в нашем доме гравюра, с надписью «П.П. Аносова. Усть-Норский склад Среднеамурской золотопромышленной кампании на р. Силиндже. 1873 г.» обрела для меня теперь историко-биографический контекст и новый смысл.

Вообще, Аносовский (Сабакинский) «генофонд» дал, по крайней мере в первых поколениях, «элитные» всходы; дай Бог таковым проклюнуться и в будущем (хоть сейчас вроде и не видно — в ком, где и когда).

Александр Вениаминович! Мне очень приятно, что именно Вам случилось раскапывать эти генеалогические пласты. То, с чем мне довелось познакомиться из Ваших трудов (будь то «Златоустовская энциклопедия», будь то Ваши очерки, будь то «просто» письма), позволяет утверждать, что аносовским «корням и ветвям» в Вашем лице очень повезло.

Чем могу, готов и впредь всячески содействовать Вам в Вашем благородном и благодарном деле.

Высылаю Вам, пока: 1) последнюю версию (уже требует дополнений и поправок, с учетом сообщенного в этом письме!) Аносовско-Пузановской родословной, составленной моей дочерью Ольгой Новиковской; 2) ксерокопию гравюры с Усть-Норским складом Среднеамурской золотопромышленной кампании, 1873 г.; 3) самодельную брошюру "Павел Петрович Аносов и его потомки. Пузановская (петербургская) ветвь" (май 1999 г.), куда вошли, среди прочего, посланные ранее мною Вам (равно как и адаптированные мною, посланные Вами мне) материалы.

("Тираж" последней — 5 экз. Есть — у меня, у моей дочери, у В. В. Абрашкевича, у И. Д. Пивена; и вот теперь — у Вас); Я вернусь из отпуска в середине августа. Всего Вам доброго!

Ваш Андрей Алексеев
СПб. 9.07.1999.

P. S. Об аносовской иконе Петра и Павла — не слыхал. А имена — действительно фамильные. Сожалею, что моих внуков назвали Иваном и Егором, а не Петром и Павлом. Не досмотрел...

И еще одна характерная «фамильная черта»: мужчины в нашем роду — кто горный инженер, кто геолог, кто металлург. (В Вашем письме — еще и новые примеры...). По мере «удаления» от Аносовского «корня», появляются инженеры-механики, создатели всяких машин (хоть паровозов, хоть кораблей) — это, пожалуй, уже изобретателя «огненных машин» Л. Ф. Сабакина (деда П. П. Аносова) «гены». Мой двоюродный брат — инженер-экологист (своего рода «гибрид»). Я сам — «мутант», с моим филологическим образованием и т. д. (Но даже мне случилось, в молодости, иметь отношение к металлургии — электролизник на Волховском алюминиевом заводе).

Впрочем, профессиональная «целеустремленность» не сужает круга «посторонних» интересов и склонностей в аносовском роду. Моя мать Варвара Петровна

Пузанова, например, соединяла инженерную профессию с отчетливыми гуманитарными задатками и направленностью личности. Вот, Вы усматриваете у Аносова общность с Пушкиным... Не только гений, но и талант обычно универсален. Но, похоже, есть и какая-то "родовая" предрасположенность к определенному способу, "каналу" жизнепроявления, самоосуществления творческой личности... (Предрасположенность — «генетическая» или «культурная»? Это уж другой вопрос. Но эмпирические свидетельства родового «профессионального вектора» налицо).

...Однако, как же подтверждается мое предположение о роли случайности в историко-биографических изысканиях! Ваш пример с А.П. Аносовой на Челябинском ТВ почти повторяет мой. Правда, «случайные» удачи сопутствуют обычно тому, кто настойчиво ищет (хоть в геологии, хоть в генеалогии).

Мои приветы Н.А. Косикову и М.А. Тарынину! А. А. 12.07.1999.

[Год спустя А.В. Козлов прислал моему внуку Ивану Новиковскому (тогда – уже 17-летнему), в Санкт-Петербург книгу: Генерал от металлургии Павел Аносов. К 200-летию со дня рождения / Под ред. М.Е. Главацко. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. , — с развернутым посвящением:

«Благодаря любезности Вашего дедушки Андрея Николаевича Алексева, я с интересом прочел Ваш реферат «Мои семейные корни», написанный, как мне кажется, с большой любовью к своим родным. Было очень приятно... что и, теперь уже далекие, потомки Павла Петровича Аносова вполне достойны имени и дел своего великого предка. Посылаю Вам в подарок, Ваня, ... эту книгу, в создании которой я принимал кое-какое участие. Надеюсь, что она будет для Вас интересной, поскольку основана на достаточно редких и интересных документах...

Желаю Вам всяческих успехов во всех Ваших делах! Передавайте мой привет и самые добрые пожелания Вашей маме Ольге Андреевне и брату Егору...

С уважением, Ал. Козлов. Златоуст, 11 июня 2000 г .»

Книга эта очень интересна, среди прочего, своим жанром. Том, объемом 300 стр., включает около 100 документов (архивных и перепечаток из газет, журналов, книжных публикаций за два века), выстроенных логически и хронологически так, что больше не понадобилось никаких комментариев, кроме послесловия редактора-составителя – проф. М.Е. Главацко. В известном смысле, это образец «биографии в документах» — жанр, весьма близкий одному из аносовских потомков, автору «Драматической социологии...».

Приведу здесь только оглавление этой книги: 1. Воспитанник Горного кадетского корпуса; 2. О службе и достоинстве; 3. Геология в жизни Аносова; 4. Загадка булата; 5. Золотая Одиссея; 6. Косы Аносова; 7. Памяти Аносова. Ниже будет приведен один из документов из этой книги. – А. А. 2000]

20.2.6. Две судьбы: Пушкин и Аносов

[Ниже — одноименный очерк А.В. Козлова, опубликованный, с подзаголовком "Заметки на полях биографий", в газете "Златоустовский рабочий", 1-5.06.1999. – А. А.]

= Очерк А. Козлова (1999)

Статья эта не готовилась специально. случилось так, что в начале этого года я заинтересовался установлением точной даты рождения П.П. Аносова. Внимательно посмотрев все доступные мне материалы о Павле Петровиче, я с удивлением обнаружил, что об Аносове как человеке мы знаем до обидного мало, хотя роль его в истории Златоуста трудно переоценить. Говорить об их итоге пока еще рано, хотя уже сейчас прояснились некоторые малоизвестные страницы биографии Аносова, удалось разыскать

и связаться с ныне здравствующими потомками великого металлурга, живущими в Петербурге и Новокузнецке..

Обосновав предположение о том, что П.П. Аносов родился во второй половине мая — июне 1799-го, я удивился — ведь и А.С. Пушкин в этот промежуток времени родился (26 мая 1799 г.). С этого момента два имени — Пушкин и Аносов невольно связались в моем сознании. Мысль об этой связи все не давала мне покоя, заставляя время от времени заглядывать то в одну, то в другую книгу. Кончилось это тем, что я не выдержал и написал нечто вроде небольших заметок на полях биографий А.С. Пушкина и П.П. Аносова.

Двести лет назад, 26 мая 1799 года (здесь и далее все даты даются по юлианскому календарю, так назыв. старому стилю. — А. К.), в Москве в семье отставного майора лейб-гвардии Егерского полка Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. В том же году в начале лета (конец мая — июнь) в Петербурге у секретаря Бергколлегии коллежского асессора Петра Васильевича Аносова появился на свет сын Павел. Судьбы новорожденных сложились так, что первый мальчик стал великим русским поэтом, а второй — прославленным русским металлургом, разгадавшим тайну булата.

Казалось бы, что между ними можно найти общего. Между тем, в жизни этих славных сынов русского народа при детальном рассмотрении встречаются такие любопытные параллели, что поневоле в удивлении разводишь руками.

Немного о Львах

Начнем с любопытного совпадения имен предков. Дед Пушкина по отцу — Лев Александрович Пушкин, артиллерийский подполковник. Дед Аносова по матери — Лев Федорович Сабакин, надворный советник (чин по тогдашней Табели о рангах соответствовавший подполковнику). Правда, судьбы двух Львов сложились чуть ли не диаметрально противоположно. Л.А. Пушкин во время дворцового переворота 1762 года остался верен низложенному императору Петру III, посему и попал в опалу во время царствования Екатерины II.

Напротив, талантливый механик-самоучка из Твери Л.Ф. Сабакин вызван был в Петербург и представлен императрице, от которой получил за сконструированные им астрономические часы немалую по тем временам награду в 1000 рублей. Позднее Л.Ф. Сабакина послали на учебу в Англию, где познакомился он с видными английскими механиками того времени, в числе которых был и знаменитый изобретатель паровой машины Джеймс Уатт. В Англии Лев Федорович сконструировал и весьма оригинальную свою паровую машину, а по возвращении в Россию перевел и издал на русском языке избранные лекции английского механика Дж. Фергюсона о машинах, дополнив их собственноручно написанной «Лекцией об огненных машинах», где впервые на русском языке было дано описание паровой машины Уатта.

Блистательный Петербург

Вернемся, однако, к нашим героям — Александру и Павлу. Наверное, можно с полным основанием утверждать, что оба мальчика в детстве в значительной степени обделены были родительской лаской. Родители Пушкина, по свидетельству современников, воспитанием сына практически не занимались. А Павел Аносов уже в раннем возрасте, семи лет от роду, остался круглым сиротой — вскоре после переезда на Урал его родители умерли.

Почти в одном возрасте оба мальчика были определены на учебу в престижные по тем временам учебные заведения. В 1810 году Лев Федорович Сабакин отвез своего внука Павла в Горный кадетский корпус в Петербурге, а год спустя и Василий Львович Пушкин доставил своего племянника Александра во вновь открывшийся Царскосельский лицей. Во время учебы наши герои быстро обратили на себя внимание своими успехами, хотя и

учились весьма неровно, что характерно для натур увлеченных. Начиная с 1814 года, в российских литературных журналах появляются первые стихи Александра Пушкина, а в год окончания лицея он уже начинает свою первую поэму «Руслан и Людмила». Павел Аносов «за успехи в науках, оказанные им при испытаниях, награжден был книгами, эстампами, большою золотою и серебряною медалями».

Не будет преувеличением сказать, что петербургская духовная атмосфера начала XIX века, события Отечественной войны 1812 года несомненно заложили и сформировали какие-то сходные черты в наших героях. <...>

К тому же и образование в те годы давалось весьма широкое. К примеру, в Царскосельском лицее изучались математика, успехи Пушкина в которой блистательными не назовешь, статистика, география. А в Горном кадетском корпусе наряду с естественными и техническими науками преподавались древние языки, поэзия и мифология. Не думаю, что Александр Пушкин и Павел Аносов могли в годы юности встречаться в Петербурге, но вот, что один человек точно встречался в это время с нашими героями, это факт. Человек этот — Василий Андреевич Жуковский. То, что он был старшим другом Пушкина и, по сути дела, ввел его в литературу, общеизвестно. Но и юного Павла Аносова Василий Андреевич в те годы видел.

Случилось это так. Как-то приятель Жуковского Дмитрий Иванович Соколов, бывший профессор и университета, и Горного кадетского корпуса, пригласил Василия Андреевича на публичные испытания в корпус. Поэт согласился, и, что любопытно, именно в этот день среди других воспитанников читал свое сочинение и Павел Аносов.

Замечу, что это была первая, но не последняя встреча Жуковского и Аносова.

Но годы учебы пролетели, и летом 1817-го Александр Пушкин «был определен в Государственную Коллегию Иностранных дел с чином коллежского секретаря», а Павел Аносов направлен практикантом на Златоустовские заводы. Любопытно, как описывает отъезд молодого горного инженера Аносова к месту будущей службы один из позднейших биографов (И. Пешкин): «В почтовую карету погружен сундук с вещами, ящик с драгоценным микроскопом, книги по горному делу и металлургии, дневники и списки ранних стихов Пушкина». За абсолютную достоверность этого описания, конечно, ручаться трудно, но о молодом и талантливом поэте Пушкине в Петербурге в эти времена известно было уже достаточно широко, так что вполне вероятно, что его стихи читал и переписывал для себя Аносов.

Кстати, к дню окончания лицея у Пушкина было в различных изданиях опубликовано 28 стихов, а многие, видимо, гуляли в рукописных списках.

Царские гнев и милость

Прослеживая судьбы наших героев, с удивлением наблюдаешь, как они то расходятся в пространстве, то вновь сближаются, как жизненные обстоятельства то повторяются с удивительной точностью, то не имеют ничего общего.

Коснемся еще одной детали — отношения императора Александра I к нашим героям. 1824-й — Пушкин в Одессе. Его, мягко говоря, натянутые отношения с генерал-губернатором Новороссии графом М.С. Воронцовым в июле этого года выливаются в отставку и ссылку поэта в село Михайловское. Восьмого июля 1824-го министр иностранных дел граф К. Нессельроде уведомляет Воронцова: «Высочайше повелено находящегося в Ведомстве Государственной Коллегии Иностранных дел Колл. Секр. Пушкина уволить вовсе от службы». Спустя три недели одесский градоначальник доносит графу Воронцову: "Пушкин завтрашний день (30 июля. — А. К.) отправляется отсюда в город Псков по данному от меня маршруту через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск". Добавлю, что вернулся из ссылки в Михайловское Пушкин лишь два года спустя уже в царствование Николая I.

Осенью того же 1824 года император Александр I во время путешествия по России посетил и Златоустовский завод. Случилось это 21-22 сентября. Во время пребывания

императора в Златоусте с помощником управителя Оружейной фабрики Павлом Аносовым случился неприятный инцидент. Кто-то из немецких мастеров подал на Аносова жалобу, что, мол, тот не озаботился дать распоряжение вставить на квартире мастера зимние рамы. Выслушав это, император заметил Аносову, что «нехорошо притеснять иностранцев». Правда, вскоре августейшему гостю было доложено о том, что устройство бытовых нужд иностранных мастеров не входит в круг обязанностей Аносова. Разобравшись в сути конфликта, Александр I, оставшись довольным осмотром Оружейной фабрики, наградил молодого горного инженера Аносова «за отличный порядок и устройство» орденом Св. Анны III степени. Поневоле на ум русская пословица придет: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Удивительные совпадения

Последующие семь лет в жизни Пушкина и Аносова были заполнены неустанной работой. Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы штрих-пуктиром очертить все сделанное ими за это время. Пушкин: трагедия «Борис Годунов», роман в стихах «Евгений Онегин», «Повести Белкина», поэма «Полтава», множество стихов. Аносов: геологические исследования гор Южного Урала, успешные опыты по выплавке литой стали, применение впервые в мире микроскопа для исследования структуры металла, наконец, успешная служебная карьера — от помощника управителя Оружейной фабрики до начальника Златоустовского горного округа, одного из крупнейших горнозаводских казенных округов Урала.

А начиная с 1931 года в судьбах наших героев следуют друг за другом совпадения, которые впору назвать чуть ли не мистическими. 18 февраля 1831-го Пушкин женится на Наталье Николаевне Гончаровой. И в этом же году (судя по косвенным данным — во второй половине года Аносов ведет к алтарю Анну Кононовну Нестеровскую. При этом невесты наших героев практически тоже ровесницы Наталья Гончарова родилась в 1812 году, Анна Нестеровская — в 1811-м. В четверг, 19 мая 1832 года, у Пушкиных появляется на свет первая дочь Мария, а спустя три с половиной месяца — в четверг, 1 сентября 1832 года у Аносовых тоже рождается первая дочь... Мария! В следующем году счастливые отцы уже держат на руках первых сыновей... Александров. Да-да, именно так и случилось, что Александр Александрович Пушкин родился 6 июля, а Александр Павлович Аносов — 23 октября одного и того же 1833 года. И еще два любопытных совпадения. Самыми младшими детьми и у Пушкиных, и у Аносовых были дочери. А звали их Натальями, с тою лишь разницей, что Наташа Пушкина родилась в 1836-м, а Наташа Аносова — в 1845-м. К тому же в обеих семьях были сыновья, названные именами отцов. Это уже упоминавшийся Александр Александрович Пушкин и Павел Павлович Аносов (родился в 1838-м).

Не знаю, заметил ли уже внимательный читатель, что очень часто похожие события в жизни Пушкина и Аносова немного сдвинуты во времени — так и ловишь себя на мысли, что Пушкин торопится жить.

Пушкин на Южном Урале

Не лишним будет заметить, что во временном интервале между рождением первых сыновей судьбы наших героев вновь сближаются в пространстве. В сентябре 1833-го Пушкин, работавший с начала года над «Историей Пугачева», совершает поездку в Оренбуржье, маршрут его путешествия пролегает через Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск. Во время этой поездки поэт записывает в свою дорожную книжку рассказы и предания о Пугачеве, роется в провинциальных архивах. Можно с полным основанием сказать, что, занимаясь изучением событий 1773-1775 годов на Южном Урале, Пушкин знакомился с какими-то сведениями, касающимися и Златоустовского завода. Во всяком случае, в его «Истории Пугачева» есть и такие строки: «Таким образом, преследование Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Он

пошел к Златоустовскому заводу, услышав, что там находились несколько яицких бунтовщиков: но они бежали, узнав о его приближении. След их, чем далее шел, тем более рассыпался, и наконец совсем пропал".

Надо сказать о том, что в 1833 году оренбургским военным генерал-губернатором стал Василий Алексеевич Перовский, старый петербургский приятель Василия Андреевича Жуковского. Хорошо знал этого человека и Пушкин. Судя по всему, когда Пушкин был в Оренбурге, он был приветливо встречен Перовским. Об этом свидетельствует и письмо Александра Сергеевича, посланное Перовскому чуть позже — весной 1835 года. Пушкин писал: «Посылаю тебе Историю Пугачева в память прогулки нашей в Берды; и еще 3 экземпляра Далу, Покатилову и тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валлештейном или с Кесарем. Жалею, что в Петербурге удалось нам встретиться только на бале. До свидания, в степях или над Уралом. А. П.". Весьма дружеское послание, не находите?

Кстати, о поездке в деревню Берды Пушкин упоминает в письме жене, датированном 03.10.1833 г. и посланном из Болдина после возвращения с Оренбуржья. Даль, о котором упоминается в письме к Перовскому, — это известный Владимир Иванович Даль (Словарь великорусского языка), служивший тогда чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе.

Но самое интересное, что с Перовским встречался и хорошо его знал и Павел Петрович Аносов. В своей книге «О булатах» Аносов в примечании к главе второй пишет: «Образцами древних булатов я имел случаи пользоваться от Оренбургского военного г.-губернатора, генерал-адъютанта Василия Алексеевича Перовского, обладающего богатым собранием азиатского оружия, который по любви к наукам и искусствам принимал особое участие в моих изысканиях и способствовал к приобретению сведений о булатах».

Получается, что, с одной стороны, Перовский помог Пушкину в поисках материалов для «Истории Пугачева», а с другой — Аносову — в его исследованиях по булатам. Вот вам и еще одна связующая нить в судьбах Аносова и Пушкина.

Жуковский и Аносов

Не берусь утверждать с абсолютной уверенностью, но почему-то мне кажется, что Павел Петрович Аносов был хорошо знаком с творчеством своего великого современника Александра Сергеевича Пушкина, а в его личной библиотеке наряду с сочинениями по горному делу и металлургии стояли и книги Пушкина.

И здесь уместно будет рассказать еще об одном событии, еще об одной связующей ниточке в судьбах наших героев.

Печальный январь 1837-го. Василий Андреевич Жуковский, так и не сумевший предостеречь своего младшего друга от трагической дуэли, находится у постели смертельно раненного Пушкина, а после его кончины деятельно занимается улаживанием пушкинских дел. А спустя четыре месяца, Жуковский сопровождает наследника престола великого князя Александра Николаевича в путешествии по России.

География этой поездки была весьма обширной. В числе прочих мест путешественники посетили и Златоуст. Прибыли они сюда вечером 7 июня, а отправились дальше ранним утром 9 июня. Во время путешествия Василий Андреевич делал краткие записи в своем дневнике и зарисовки в альбоме. Вот, что он писал в эти дни:

"7 июня, понедельник. (...) Проезд через Миасский завод. Прибытие на Златоустовский. Меншенин. Аносов. Ахматов.

8 июня. Осмотр при восходе на гору. Осмотр производств. После обеда у пастора и одного из колонистов. Чай у Ахматова. Стрельба в карты. Письмо к государю.

9 июня, среда. Переезд из Златоуста в Верхнеуральск. (...) С Аносовым и Меншениным в тарантасе по россыпям..."

Если внимательно вчитаться в эти краткие записи, то можно с достаточно большим основанием предположить, что обстоятельный разговор П.П. Аносова с В.А. Жуковским

мог состояться именно 9 июня. Вполне естественно, что в первые два дня визита все внимание горного начальника полковника Аносова было приковано к великому князю Александру Николаевичу. А вот в день отъезда высоких гостей Аносов, как мне кажется, совсем не случайно садится в тарантас вместе с Жуковским. Да и Василий Андреевич почему-то в записи этого дня ставит Аносова на первое место. А ведь в день приезда Жуковский выстраивает фамилии как бы по служебному положению — "Меншенин. Аносов. Ахматов" (Дм. Степ. Меншенин — горный инспектор Уральского горного правления, Пав. Петр. Аносов — горный начальник Златоустовских заводов, Пав. Ефим. Ахматов — помощник горного начальника).

Путь от златоустовского завода до Миасских приисков (россыпей по Жуковскому) по тем временам не такой уж и близкий — 37 верст. Поездка в тарантасе должна была занять не меньше 2-2,5 часа, то есть времени для обстоятельной беседы вполне достаточно, ну, не ехали же они всю дорогу в полном молчании, в самом деле! И думается мне, что пушкинская тема в этом разговоре обязательно затрагивалась. Ведь события на Черной речке к этому времени не успели подернуться пеплом забвения и продолжали волновать умы, а трагическая гибель поэта стала в полном смысле общенациональным событием. <...>

Два слова о булате

Чуть выше я высказывал предположение, что, вероятно, Аносов хорошо знал творчество Пушкина. И представьте себе, что подтверждение этому нашлось! Натолкнул меня на это зав. отделом истории нашего краеведческого музея Юрий Петрович Окунцов. Прочитав первый вариант этой статьи, он заметил, что, как ему помнится, Аносов упоминает Пушкина в одной из своих работ. И действительно, во втором абзаце книги Аносова «О булатах» (1841 г.) есть такие строки:

«Наши поэты, и древние и новейшие, нередко вооружают своих героев мечами булатными: в песне о полку Игореве, сочиненной еще в XII веке, видим, что воины Всеволода с булатными мечами поражают половцев; **кому неизвестно также поэтическое сравнение золота с булатом Пушкина**» (Выделено мной — А. К.).

А теперь заглянем в томик стихов Пушкина. Есть у него четверостишие "Золото и булат":

"Все мое", — сказала злато;
"Все мое", — сказал булат.
"Все куплю", — сказала злато;
"Все возьму", — сказал булат.

Оно было впервые опубликовано в "Московском вестнике" (1827, № 2). По всей видимости, именно там и прочел его Аносов.

И еще. Есть и у Аносова, и у Пушкина, на мой взгляд, несколько схожих черт, главная из которых — своеобразная широта, если хотите — полифоничность, в восприятии мира. Поэт Пушкин иной раз предстает перед нами скрупулезным ученым-историком, старающимся прояснить все детали минувших событий. В эти моменты даже пушкинский язык становится по-научному суховатым и лаконичным — перелистайте-ка его "Историю Пугачева".

А у геолога и металлурга Аносова вдруг в сугубо научных трудах появляются поэтически образные описания:

«Увидев в первый раз всю картину Таганая, я долго оставался неподвижным или, лучше сказать, не чувствовал моего движения; я смотрел и удивлялся образованию Таганая и разрушительной силе Природы, давшей ему настоящий вид». А вот аносовское описание восхода на Юрме: «Восток начинал заниматься. Легкие облака, приятно оттененные яркими цветами, тянулись над ним в виде длинных полос. Формы их были легки и приятны; они уподоблялись тонкой дымке, искусно раскинутой и еще искуснее

освещенной. Свет умножался постепенно, предметы начинали обозначаться явственными чертами, и пурпуровые тени, обхватывая их, казалось, вызывали из сладостного забвения. Бледные звезды исчезали на тверди небесной, и только одна из них горела еще на Западе, подобно рубину в венце убегающей ночи».

К этому можно добавить и широту чисто профессиональных интересов. У Пушкина ведь не только стихи, но и проза, исторические записки, драматургия, наконец, он был издателем и редактором журнала «Современник». Аносов — не только металлург, но и геолог, изобретатель-механик, организатор производства, талантливый и крупный администратор — к концу его работы на Южном Урале Златоуст вошел в пятерку крупнейших центров Урала (после Нижнего Тагила, Екатеринбурга, Тюмени и Перми).

И Аносов, и Пушкин еще в юности проявили способности и в изобразительном искусстве, хотя и не стали профессиональными художниками. Пушкинские рукописи пестрят многочисленными рисунками, аносовские труды проиллюстрированы рисунками и чертежами, сделанными с таким изяществом и тонкостью, что можно только позавидовать.

Да и во внешнем облике было у них несомненное сходство — оба были невысокого роста, сухощавы, порывисты в движениях. А если внимательно взглядеться в портреты, кажется, что и черты лица Пушкина и Аносова в чем-то неуловимо схожи.

А. Козлов
Златоуст, май 1999.

Источники

1. Аносов П. П. Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
2. Златоустовская энциклопедия. Том 2. Златоуст: Изд-во "Газета", 1997.
3. Курочкин Ю. М. Уральский вояж поэта. Челябинск: Юж.-Ур. книжн. изд-во, 1987.
4. Пешкин И. Аносов. Челябинск: Юж.-Ур. книжн. изд-во, 1987.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949-1951.
6. Пушкин и его время: М.: "Терра", 1997.

20.2.7. «Деятельная и полезная жизнь...».

Из «Сына Отечества», 1851 г .

[Ниже – некролог П.П. Аносова, опубликованный в журнале «Сын Отечества» (1851). Здесь цитируется по: Генерал от металлургии Павел Аносов. К 200-летию со дня рождения. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – А. А.]

= Некролог Павла Петровича Аносова (1851)

Известный наш горный инженер Павел Петрович Аносов, скончавшийся недавно, на 52 году своей деятельной и полезной жизни, родился в С.-Петербурге, где отец его сперва был секретарем берг-коллегии, а по упразднении ее в 1806 году, он определен советником пермского горного управления (что ныне уральское), и переехал туда с семейством. Вскоре почтенный отец и добрая мать Павла Петровича скончались, оставя четырех малолетних детей: двух старших братьев, Петра *[так в тексте. Брата Аносова звали **Василий**. Примечание редактора-составителя книги «Генерал от металлургии Павел Аносов».* – А. А.] и Павла, и двух младших сестер; этих сестер призрел дед их (по матери), горный чиновник Сабакин, служивший механиком на Камских заводах (Ижевском и Воткинском), где он и взял их себе на воспитание. В 1810 году он определил двух внуков своих, Петра и Павла в горный кадетский корпус: старший Петр вскоре умер.

В корпусе сказались необыкновенные способности младшего брата Павла, и особая его склонность к математике, в которой он сделал отличные успехи, равно как и в прочих высших науках. В 1817 году он выпущен из горного корпуса практикантом на Златоустовские казенные заводы (в Оренбургской губернии), и взял на свое попечение меньших сестер, двух девиц, из которых одну, младшую, вскоре отдал замуж, а другая остается еще и доныне девицею, в болезненном состоянии у своих родных, на уральских заводах.

В Златоустовских заводах Аносов прослужил более 25 лет, проходя там все практические должности – от смотрителя до управителя заводом и, наконец, был горным начальником тех же заводов более 15 лет, заслужив там особенное внимание, не только высшего начальства, но и высочайших особ императорского дома. Заслуги его по Златоустовским заводам состоят, кроме разных других улучшений по технической части, в усовершенствовании выделки рафинированной и в особенности литой стали, но важнее всего открытие удобнейшего способа приготовления булата. Столь деятельная и полезная служба Аносова была достойно вознаграждаема в Златоусте, с небольшим чрез 20 лет, дослужился он из практиканта (подпоручика) до генеральского чина, получив между тем разные другие награды: ордена, сперва св. Анны 3-й степени, лично от покойного императора (1824 года), а потом Станислава 2-й, св. Анны 2-й и Владимира 3-й степени, кроме денежных наград. Златоустовские заводы, или собственно Златоустье (главный завод) составляли как бы родину Аносова: он был весьма к нему привязан, равно как и все тамошние коренные жители, особливо немцы-колонисты, привыкли к своему Павлу Петровичу чрезвычайно также, и весь Урал очень любил его за примерную доброту души и отличное служение.

В 1847 году Аносов назначен главным начальником Алтайских заводов и Томским гражданским губернатором, и в короткое время всевозможно улучшил состояние Алтайского края, особенно по части железного производства, и благоразумно распорядился по гражданским делам, причем неоднократно исправлял должность генерал-губернатора Западной Сибири; заслуженные им награды были: орден Станислава 1-й степени и монаршие благословения. Алтай, подобно Уралу, искренне привязался к нему; но внезапная смерть разрушила все надежды.

Аносов оставил по себе девять человек детей, большею частью малолетних. Только одна старшая дочь *Мария Павловна Аносова, род. 1832., моя прабабушка.* – А. А.] успела закончить воспитание в Смольном монастыре, но большая часть прочих детей еще при жизни отца были уже пристроены или отданы для образования в разные столичные заведения, а мальчики преимущественно в горный институт, которому и сам Павел Петрович обязан своим образованием. Впрочем, при занятиях служебных, он мало имел времени особенно заниматься своими детьми, предоставляя ближайшее о них попечение нежной супруге Анны Коновновны <...>, можно сказать, примерной, единственной матери семейства. Зимой прошлого 1850 г., она со всеми оставшимися дома детьми ездила в С.-Петербург, чтобы увидеться с прочими, находящимися на воспитании в столице. Павел Петрович, занятый в то время исправлением должности генерал-губернатора в областном городе Омске, предполагал, по освобождении от этого временного занятия, сам отправиться в отпуск, с тем, чтобы посетить Лондонскую всемирную выставку. Но в Омске у него открылась внезапная грудная болезнь, вскоре обратившаяся в чахотку, которая и свела его в гроб. Кончина постигла незабвенного Аносова 13 мая 1851 года, в совершенном одиночестве – в удалении от семейства и родных, хотя в кругу добрых и почтенных его сослуживцев (по главному управлению Западной Сибири), которые распорядились похоронами его с подобающею честью; но при этом не было ни одного родственника покойного – никого из его товарищей по воспитанию. Мир праху твоему, достойнейший товарищ.

Покойный Аносов отличался живым и веселым характером, проницательным умом, острую памятью, редкою сметливостью, кротостью, большою сострадательностью

и склонностью к благотворению, дружелюбием и любезностью в обращении, примерным бескорытием и щедростью, точностью в служебных занятиях и изобретательностью, которая по врожденной его пылкости, завлекала его иногда в некоторые ошибки, свойственные каждому смертному. Одним словом Аносов был редкий по душе человек: попечительный брат, верный супруг, чадолюбивый отец, добрый товарищ, единственный начальник, истинный друг человечества.

Неутешная супруга генерала Аносова, оставшись с 9-ю сиротами почти без всякого состояния, желает сохранить достойную память своего примерного мужа, поставив на могиле его (в Омске) приличный надгробный памятник, для чего назначила от себя посильную сумму, чтобы изготовить этот памятник на Екатеринбургской гранильной фабрике, управляемой одним из ближайших товарищей Аносова И. И. В. Но все прочие товарищи и знакомцы согласились немедленно сделать пожертвование на сооружение покойнику наилучшего памятника, исполнение чего приняли на себя некоторые из его близких товарищей.

Между тем высшее начальство, всегда признательное к заслугам, уже исходатайствовало пособие осиротевшему семейству Аносова, умершего на службе почти в канцелярии генерал-губернатора, куда и за несколько минут до кончины своей он еще кое-как приходил, чтобы отдать нужные приказания, составлявшие последние слова его.

(Сын Отечества. 1851. Т. XII . Декабрь. С. 38-42)

20.2.8. Аносовы – Пузановы: соединение генеалогических деревьев ⁵⁴

(1)

«Горные династии» и «горные кланы»

= Из генеалогического очерка И. Яковлевой «О моих родных - потомках знаменитого русского металлурга Павла Петровича Аносова» ⁵⁵

...Бабушка Марии Петровны Пузановоц, моей свекрови, - **Мария Павловна Пузанова**, в девичестве - Аносова - старшая дочь, первый ребенок в семье знаменитого русского металлурга **Павла Петровича Аносова**... В брошюре А.В. Козлова "Павел Петрович Аносов. Родственные связи и родословная" (Златоуст, 1999) отмечено, что она родилась в Златоусте 1 сентября 1832 г. Училась в одном из женских институтов ведомства императрицы Марии в Петербурге. Далее автор отмечает, что "о дальнейшей судьбе Марии Павловны ничего неизвестно".

Моя свекровь - Мария Петровна считала, что её бабушка Мария Павловна Пузанова (Аносова) была замужем за Михаилом Ивановичем Пузановым. Показывая мне оставшиеся ей по наследству от предков стеклянные бокалы екатерининских времен (они целы и, надеюсь, наследники будут их беречь. Ведь для моих внучек, как выяснилось совсем недавно, это наследство от предков V или VI поколения известных Пузановых (тогда как сами они - XIII поколение) - две пары разных по форме, но с одинаковыми вензелями), она говорила, что этот вензель расшифровывается - Жан (Иван) Пузанов (с французским прононсом). А бокалы оказались на целое столетие старше, чем думала Мария Петровна.

И вышло, что (*ее. – А. А.*) деда звали НЕ Михаилом Ивановичем, а **Михаилом Михайловичем**. Узнала я это совсем недавно. Нашла в интернете очень интересный сайт [«Горное профессиональное сообщество дореволюционной России»](#) - . Удалось связаться с

⁵⁴ Материалы этого и последующего (18.2.9) разделов в рукопись книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входили.

его создателем - геологом и историком **Евгением Михайловичем Заблоцким**. Он написал, что клан Аносовых - предмет его занятий на протяжении многих лет.

На сайте Е.М. Заблоцкого приведён [перечень «горных династий»](#), составленный по материалам архива центральных учреждений горного ведомства, хранящегося в РГИА (Российский государственный исторический архив). Используются ежегодные издания, – «Список Генералам, штаб- и обер-офицерам Корпуса горных инженеров» (с 1835 по 1865 гг.), «Список горным инженерам» (с 1868 по 1915 гг.) и Адрес-календарь, а также «Список лиц, окончивших курс в Горном институте с 1773 по 1923 год», опубликованный в Горном журнале, № 11, 1923, и различные публикации биографического содержания.

Там же приведён и [перечень «горных кланов»](#). В частности, клан Аносовых - сложный клан (суперклан). В него входит много династий – династии Аболтиных, Аносовых, Лисенко, Нестеровских, Пузановых, Сабакиных; породнённые кланы: Грасгофов, Качек, Кулибиных.⁵⁶

Там же у Е.М. Заблоцкого на сайте помещена его статья: [«Горная династия Аносовых: генеалогический контекст»](#). В ней представлена поколенная роспись Аносовых...

Ремарка: родосоловная (поколенная роспись) Аносовых⁵⁷

I (известное) поколение

1. Василий (ок.1740?–?).

II поколение

2/1. Петр (1766–1809).

Жена; А Львовна, ур. Сабакина.

3/1. Афанасий (1771–?).

4/1. Василий (1773–?).

III поколение

5/2. Василий (1795–1811).

6/2. Павел (1796–1851).

Жена: Анна Кононовна, ур. Нестеровская.

7/2. Лев (ок.1800?–1802(1803).

8/2. Мария (1803–?).

Муж: Фердинанд Богданович Грасгоф.

9/2. Александра (1806–?).

IV поколение

10/6. Мария (1832–?).

Муж: Михаил Михайлович Пузанов.

11/6. Александр (1833–не ранее 1880).

Жена: Капитолина Михайловна, ур. Крюкова.

12/6. Николай (1834–1890).

Жена: Софья Александровна, ур. Панфилова.

⁵⁵ См. <http://sundry.wmsite.ru/predki-muzha/rod-puzanovyh/>

⁵⁶ См.: <http://russsmin.narod.ru/Clan01.html>.

См. также у Е. Заблоцкого:

«...В числе этих документов находятся архивные дела, касающиеся родни и потомков Аносовых по женской линии, принадлежащих к другим горным династиям – Сабакиных, Нестеровских, Аболтиных, Грасгофов, Пузановых, Таскиных. Есть материалы и по другим горным фамилиям, состоявшим с Аносовыми в более отдаленном родстве (через Грасгофов и Нестеровских), – Воронцовым, Грамматчиковым, Карпинским, Москвиным, Мостовенко, Планерам и Цитовичам, Давидовичам-Нащинским и Лисенко». (<http://russsmin.narod.ru/anosov03.html>)

⁵⁷ См. <http://russsmin.narod.ru/anosov01.html>

13/6. *Петр (1836–?)*.
14/6. *Павел (1838–1888)*.
15/6. *Лариса (1840–1917)*.
Муж: Михаил Ипполитович Аболтин.
16/6. *Алексей (1841–1897)*.
Жена: Софья Александровна (Алексеевна?).
17/6. *Анна (1843–?)*.
Мужья: 1. Степан Александрович Иванов; 2. Экеблад.
18/6. *Наталья (1845–?)*.
Муж: Яновский.

V поколение

19/11. *Елизавета (1865?–?)*.
Муж: Трутть.
20/12. *Елизавета (1870?–не ранее 1917)*.
Муж: барон Николай Аркадьевич Штемпель.
21/12. *Зинаида (1873?–?)*.
Муж: маркиз Спинола.
22/12. *Людмила (1874?–?)*.
23/12. *Николай (1880?–не ранее 1908)*.
24/12. *Александра (1883?–?)*.
25/12. *Ольга (1885?–?)*.
26/16. *Алексей (1871–1916)*.
Жена: Галина Константиновна, ур. Пестякова.
27/16. *Елена (ок.1874?–?)*.
Муж: Николай Владимирович Таскин.
28/16. *Ада (ок.1880?–?)*.
Муж: Борис Митрофанович Алексеев.

<...>

...Евгений Михайлович прислал мне бесценные документы. В частности, составленную им по материалам Российского государственного исторического архива (РГИА) поколенную роспись Пузановых.⁵⁸

«Родословная (поколенная роспись) Пузановых

I (известное – А. А.) поколение:

1. Никита Пузанов

II поколение:

2/1. Мирон Никитич; (РГИА: 229-19-2213 – из определения Правительствующего Сената, 1760 г.: “Мирон Никитин сын Пузанов состоял по спискам 195 года в числе городских дворян и детей боярских, верстанных поместными и денежными окладами в 129 году ...”; 129, или 7129 год от сотворения мира соответствует 1621 году).

"В 1686 году, по случаю заключения вечного мира с Польшею, значительное число дворян Курского края получило такие грамоты на вотчины. В грамотах, жалованных по этому поводу, писалось так: "для того вечного мира и святого покоя пожаловали его... за службы предков и отца его, которые службы ратоборство и храбрость и мужественное ополчение и крови и смерти предки и отец его и сродники и он показали в прешедшую войну в Коруне Польской и в Княжестве Литовском, похваляя милостиво тое их службу и промыслы и храбрость в роды и роды с поместного его оклада... из его поместья... в вотчину". В числе названных нами дворян Белгородско-Курского края был **Мирон Никитич Пузанов**. Он состоял в числе городских дворян и

⁵⁸ См. <http://sundry.wmsite.ru/predki-muzha/rod-puzanovyh/>

детей боярских, верстанных поместьями и денежными окладами, был подьячим Курской приказной избы. В 1689 году за свои службы М.Н. Пузанов был написан в дворовые дворяне служить с Курчаны в завоеводчиках, а для вечного миру с Польским королем в 1686 году велено "учинить ему придачи 85 четвертей и денег с городом 20 рублёв".

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ КУРСКОГО ДВОРЯНСТВА. Составил член ИМПЕРАТОРСКОГО С.-Петербургского Археологического Института Анатолий Алексеевич Танков. ИЗДАНИЕ КУРСКОГО ДВОРЯНСТВА Том первый. Москва 1913.

Глава двадцать вторая ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ АЛЕКСЕЕВНЫ

III поколение:

3/2. Родион Миронович

IV поколение:

4/3. Мирон Родионович

V поколение:

5/4. Иван Миронович; поручик (1763).

6/4. Василий Миронович.

VI поколение:

7/5. Анна Ивановна.

8/5. Александр Иванович; ка, курский помещик.

Жена – Надежда Семеновна.

9/5. Алексей Иванович; в сл. с 1769, сс (1802), председатель Курской палаты Гражданского суда (Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1806 год), курский помещик.

Жена – Федосья Стефановна.

10/5. Иван Иванович.

11/5. Василий Иванович.

12/5. Николай Иванович.

VII поколение:

13/8. Петр Александрович; плк.

14/8. Михаил Александрович (1794–не ранее 1857); сс, камергер, помещик Щигровского у. Курской губ.

15/9. Николай Алексеевич; нс, помещик Курского у., село Александровское.

16/12. Константин Николаевич; помещик Щигровского у. Курской губ.

17/12. Владимир Николаевич; ка (1843), уполномоченный от казны по любовному специальному размежеванию земель Фатежского уезда Курской губ. (Список гражданским чинам 8 класса на 20.08.1854.-СПб.,1854), курский помещик, комиссар Выставки с.-х. произведений и автор ее описания (Курск,1852).

VIII поколение:

18/14. Ульяна Михайловна (23 февр. 1823 - ?)

19/14*. Александр Михайлович (3 авг. 1825–1885); (МН). (Адрес-календарь. Общая роспись..... на 1865-1866 год. (Ч. 2) Курская губерния, ттс., депутат Дворянского собрания (стр. 136)

Жена - Брусенцова Анна Егоровна

20/14. Платон Михайлович (3 авг. 1825 - ?)

21/14. Пётр Михайлович (11 сент 1826 - ?)

22/14. Михаил Михайлович (12 март. 1828–ок.1886); из дв. Курской губ., г.и. (ИКГИ, 1847).

Жена – Мария Павловна (ур. Аносова) 1832–?.

23/14*. Николай Михайлович; сс (АК-1867) в сл. по МФ, МЮ (АК-1872 и позднее, предс. Курского окружного суда), стат. Сов., председатель Курского окружного суда АК 1874-1881, дсс (АК-1887,1892), член СПб-судебной палаты.

24/15*. Михаил Николаевич; ка, тов. председателя Курской уголовной палаты (АК-1862).

IX поколение:

25/21*. Ольга Александровна (1873–1891); (МН).

26/22. Софья Михайловна (1855–?).

27/22. Михаил Михайлович (1857-1915); г.и. (ГИ, 1882).

Жены: I брак – Вера Карловна, дочь дсс Жолнеркевича; II брак – Инна Яковлевна, дочь плк Пакидова.

28/22. Павел Михайлович (1858–?); кандидат (физико-математический факультет СПб-университета, 1880), и.п.с. (ИИПС, 1886).

Жены: I брак – Мария Эрастовна Мельгунова (?–ок.1905), дв.; II брак – Мария Александровна Карамзина (? , дочь г.и.).

29/22. Владимир Михайлович (1860–?).

30/22. Петр Михайлович (1862 Барнаул –1935 СПб); технолог (СПб-практический технологический институт, 1889), инженер-технолог (1904).

Жена: Ольга Николаевна (1864–1930); вдова дв. Еропкина.

31/22. Мария Михайловна 1864–?; в замужестве – графиня О'Рурк.

32/22. Сергей Михайлович (1869 Оренбург–?); и.п.с. (ИИПС, 1892).

Жена: Антонина Александровна Ставровская.

33/23*. Андрей Николаевич (1869–не ранее 1924); кс (ВП-1910, доктор медицины, мл. врач, сс (ВП-1915,1917), врач 1-го участка Октябрьской ж.д., Ленинград (Список медицинских врачей СССР на 1.01.1924. – М., 1925).

Жена: Мария Михайловна.

34/23*. Александр Николаевич (1869 Курск – не ранее 1923); дворянин (ВП-1913,1915), в 1923 (НПП) – преподаватель, ассистент клиники Института усоверш. врачей (внутренние болезни), в 1923 проживал по тому же адресу, что и А.Н. (33/23) в 1917.

X поколение:

35/27. Владимир Михайлович (1893–?) (от I брака).

36/27. Михаил Михайлович (1894–?) (от I брака).

37/27. Ольга Михайловна (1896–?) (от I брака).

38/27. Ия Михайловна (1899–?) (от II брака).

39/27. Сергей Михайлович (1902–?); (от II брака).

40/27. Наталья Михайловна (1903–?); (от II брака).

41/28. Ксения Павловна.

42/28. Вера Павловна (1895–1957); в замужестве Пивен (муж – Пивен Даниил Яковлевич).

43/28. Нина Павловна 1897–1981.

44/28. Николай Павлович 1900–1967.

45/30. Варвара Петровна 1899–1963; (муж – Алексеев Николай Николаевич).

46/30. Елизавета Петровна (1901(по ф.с.)–ок. 1970); в замужестве Брусенцова (муж – Брусенцов Георгий Николаевич).

47/30. Мария Петровна (1905–1973); (муж – Абрашкевич Владимир Васильевич).

48/32. Ольга Сергеевна 1893–?; (есть в ВП-1917).

49/32. Георгий Сергеевич 1895–?.

50/32. Мария Сергеевна 1897–?; (есть в ВП-1914).

51/32. Николай Сергеевич 1899–?.

Примечания: * – предположительно.

Источники: МН – Московский некрополь; ВП – *Весь Петербург*; НПП – *Научные работники Петрограда. – М.-Пг.; 1923*, ИКГИ – *Институт Корпуса горных инженеров*;

ГИ – Горный институт; ИИПС – Институт инженеров путей сообщения.

*Другие Пузановы*⁵⁹

Варвара Михайловна – вдова ка (ВП-1914–1917);
Евдокия Ивановна (ВП-1917);
Елена Львовна – вдова ген-л (ВП-1914-1917);
Люция Васильевна (ВП-1917);
Олимпиада Андреевна – вдова кс;
Наталья Ильнична;
Мария Николаевна – жена пплк (ВП-1910–1915);
Мария Иосифовна – жена плк (ВП-1911–1914);
Григорий Николаевич (ВП-1910–1915);
Евгений Дмитриевич (ВП-1913);
Иван Васильевич (ВП-1913);
Николай Николаевич (ВП-1910,1913);
Петр Павлович, священник (ВП-1910)».

А дальше - о Пузановых из вышеупомянутой статьи Е.М.Заблоцкого об Аносовых на сайте и некоторых других источников...

(Яковлева И. О моих родных - потомках знаменитого русского металлурга Павла Петровича Аносова / Сайт «ИМЯ. Капризы памяти»).

(2)

Мария Павловна Аносова и Михаил Михайлович Пузанов. И их потомки

*[Каковы были основания у Е.М. Заблоцкого говорить о «горной династии» Пузановых? Прежде всего - профессиональная преемственность между **Михаилом Михайловичем Пузановым**, который из того же поколения, что и дети П.П. Аносова, и его (М.М. Пузановым) старшим сыном – тоже **Михаилом Михайловичем Пузановым** (из поколения моего деда).*

Обратимся к биографическим справкам из сайта «Горное профессиональное сообщество дореволюционной России». В отношении старшего Пузанова этих справок даже две – в разных местах сайта Е.М. Заблоцкого. – А. А. Июль 2913]

= Из «Биографического словаря деятелей горной службы дореволюционной России» Е. Заблоцкого⁶⁰

ПУЗАНОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ст. (1828–1884), из дв. Курской губ., сын камергера, по окончании ИКГИ (1847) назначен в службу в Алтайские заводы, командирован на поиски зол. россыпей по системе р. Усы (1848,1849), пристав зол. промыслов (1850), Николаевского и Таловского рудников (1853), порводил разведку месторождений серебряных руд в окрестностях Локтевского завода (1852), в 1862 – механик Алтайских заводов, управл. казенными зол. промыслами, состоял по Гл. управлению Алтайских заводов (1864,1865), по Гл. управлению КГИ с назначением в распоряжение Оренбургского генерал-губернатора (1868), сс (1870); был женат на дочери П.П. Аносова (см.) Марии Павловне.

⁵⁹ См. также: материалы И.Г. Лильп. (Примечание И.М. Яковлевой):

⁶⁰ См. <http://russmin.narod.ru/D17.html>

= Из работы Е. Заблоцкого «Личный состав Уральских горных заводов. Классные чины»⁶¹

ПУЗАНОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ * 1828–1884 * ГИ-1847 * из дв. Курской губ., сын камергера; в сл. назначен в Алтайские з-ды, командирован на поиски зол. россыпей по системе р. Усы (1848,1849), пристав зол. промыслов (С-50), Николаевского и Таловского рудников (1853), проводил разведку месторождений серебряных руд в окрестностях Локтевского з-да (1852), в 1862 механик Алтайских з-дов, управл. казенными зол. промыслами, состоял по Гл. управлению Алтайских з-дов (1864,С-65), по Гл. управлению КГИ с назначением в распоряжение Оренбургского генерал-губернатора (1868), сс (1870) * Мария Павловна (Аносов Павел Петрович, г.и. - см.) * Софья 1855, Михаил 1857, Павел 1858 (инженер путей сообщения), Владимир 1860, Петр 1862 (инженер-технолог) (*мой дед. – А. А.*), Мария 1864, Сергей 1869 (инженер путей сообщения)

= Из «Биографического словаря деятелей горной службы дореволюционной России» Е. Заблоцкого⁶²

ПУЗАНОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ. 1857–1915. По окончании ГИ (1882) состоял по ГГУ с откомандированием на золотые прииски Н.П.Аносова, первооткрыватель зол. россыпей по р. Верхний Мын (Верхняя Стойба, Приамурье), определен в службу в Алтайский г.о. (1886), чин. разных поручений, составил обзор золотоносности Салаирского края, проводил разведки на золото по р. Катуни и в др. местностях, и.д. управл. казенными зол. промыслами в Алтайском округе, переведен в Нерчинский г.о. (1889), в золотоискательской партии (1889), мл. управл. Ононским зол. промыслом (1890), зачислен по ГГУ (1890) с откомандированием на зол. прииски В.И. Базилевского в Амурской и Приморской областях (1892), откомандирован к графу О'Рурк на месторождения железных руд в Курской губ. (1894), в распоряжение Верхне-Амурской компании (1894), в золотопромышленное товарищество "М.М.Пузанов и Ко" в Приморской обл. (1896), техник по горной части при Гл. нач. Квантунской обл. (1899-1904), сс (1900), в отст. (1905).

= Из работы Е. Заблоцкого «Горная династия Аносовых: генеалогический контекст»⁶³

...Известны также потомки Павла Петровича Аносова от брака его дочери Марии Павловны с горным инженером Михаилом Михайловичем Пузановым (1828–1886?). У Пузановых было 7 детей, – Софья (1855), Михаил (1857–1915), Павел (1858–1920), Владимир (1860), Петр (1862), Мария (1864, в замужестве – графиня О'Рурк), Сергей (1869–1916?). Михаил Михайлович Пузанов младший, как и отец, был горным инженером (окончил Горный институт в 1882). От первого брака с Верой Карловной, дочерью действительного статского советника Жолнеркевича, у него были дети – Владимир (1893), Михаил (1894) и Ольга (1896); от второго брака, с Инной Яковлевной, дочерью полковника Пакидова, – Ия (1899), Сергей (1902) и Наталья (1903). Павел Михайлович Пузанов, инженер путей сообщения (окончил Петербургский университет в 1880, а затем – Институт путей сообщения в 1886) был женат дважды (Мария Эрастовна Мельгунова, Мария Александровна Карамзина ?). Его дети – Ксения, Вера (муж - Пивен Даниил Яковлевич, сын -Игорь 1924), Нина и Николай. Петр Михайлович Пузанов окончил

⁶¹ См. <http://russsmin.narod.ru/bioUral26.html>

⁶² См. <http://russsmin.narod.ru/D17.html>

⁶³ См. <http://russsmin.narod.ru/anosov02.html>

Технологический институт (1889), до 1910 года работал на Путиловском заводе, затем – на Санкт-Петербургско-Варшавской ж.д., в 1901 построил автомобиль собственной модели, – «Трикар Пузанов-Bolle». В браке с Ольгой Николаевной, вдовой дворянина Еропкина, имел детей – Варвару (1899), Елизавету (1901) и Марию. Варвара Петровна, в замужестве Алексеева⁶⁴, – кандидат технических наук, ее сын Андрей Николаевич – журналист и социолог [22]. Сергей Михайлович Пузанов окончил Институт путей сообщения (1892), был женат на Антонине Александровне (ур. Ставропольской); их дети – Ольга (1893), Георгий (1895), Мария (1897) и Николай (1899) [23]».⁶⁵

20.2.9. Там, за Нарвской заставой...

(Из истории автомобилизма в России)

[Ниже – одноименный очерк С.В. Кирильца и И.М. Яковлевой, посвященный Петру Михайловичу Пузанову (1862-1935), внуку П.П. Аносова и деду автора настоящей книги. Опубликовано в 2008 году на сайте Царскосельского автомобильно-спортивного клуба. – А. А. Июль 2013]

= Очерк С. Кирильца и И. Яковлевой (2008)

Автомобильная история России существует немногим более 100 лет. Это по историческим меркам совсем мало. Сколько в ней белых пятен и загадок! Сколько интересных подробностей стёрты временем! Данные из автомобильной прессы Российской Империи и работ советских публицистов, на которые опираются историки отечественного автомобилизма, очень скупы и часто просто не точны. Всего одно столетие, но уже многое забыто... Так хочется сохранить для потомков всё, что возможно, всё, что достойно памяти.

Восстанавливая российскую автоисторию, исследователи вынуждены по крупицам собирать материал, используя иногда самые разные источники, зачастую далекие на первый взгляд от автомобилизма. Иногда такие неожиданные свидетельства дают интересные результаты. Не редко помощь в изучении автоистории нашей Родины оказывают исследователи российской генеалогии, среди которых встречаются и прямые потомки пионеров российского автомобилизма.

Этот краткий очерк о Петре Михайловиче Пузанове является также совместной работой любителя автомобильной истории и генеалога-любителя.

Волею судьбы авторы этих строк С.В. Кирилец и И.М. Яковлева оказались земляками. Когда-то тот и другая жили за Нарвской заставой города Ленинграда, а сейчас их разделяют тысячи километров от Германии до Абхазии.

Там, за Нарвской заставой... Там был построен знаменитый Путиловский завод, там были пригородные поселки, давно уже ставшие городскими районами Санкт-Петербурга - Автово, Дачное, Лигово... Оттуда рукой подать до Стрельни и Красного Села, рядом находится знаменитое Волхонское шоссе, где проходили самые первые в России автомобильные гонки, там жили многие пионеры русского автомобилизма... Там, за Нарвской заставой зарождалась автомобильная слава Российской Империи!

До сих пор автомобильная история нашей страны имела очень мало фактов об одном из пионеров российского автомобилизма - Петре Михайловиче Пузанове. "Капризы памяти" - так Ирина Михайловна Яковлева, соавтор этих строк и супруга Владимира

⁶⁴ Здесь неточность: моя мать – Варвара Петровна Пузанова – не меняла фамилию при замужестве.

⁶⁵ *Примечание 23 Е. Заблоцкого:* Пузановы по РГИА: .37, оп.40, д.833 (1888 г.); оп.46, д.1171(1868 г.); Ф.37, оп.48, д.2268(1896-1915 гг.); ф.44, оп.1, дд.526 (1847 г.), 569 (1848 г.), 817 (1853 г.); ф. 229, оп.19, дд.2212 (1886–1892 гг.), 2213 (1896–1910 гг.), 2214(1892–1916 г.); ф. 468, оп. 21, д. 1668(1865 г.); оп. 22, дд. 392 (1886 г.), 907 (1889 г.); оп.23, д. 172 (1864 г.). См. <http://russmin.narod.ru/anosov03.html>

Владимировича Абрашкевича, внука П.М. Пузанова, назвала серию своих очерков о предках своего мужа. Ее "капризы" открыли нам еще одну страницу автомобильной истории Отечества.

Имя знаменитого русского металлурга - "отца русского булата" Павла Петровича Аносова (1797-1851) золотыми буквами вписано в историю России. Мы хотим туда же вписать и имя одного из его внуков!

У Павла Петровича Аносова от брака его дочери Марии Павловны с горным инженером Михаилом Михайловичем Пузановым (1828–1886?) было 7 внуков – Софья (1855), Михаил (1857–1915), Павел (1858–1920), Владимир (1860), Пётр (1862–1935), Мария (1864, в замужестве – графиня О'Рурк), Сергей (1869–1916?).

Один из них - Пётр Михайлович Пузанов, потомственный дворянин, в самом начале своей карьеры - титулярный советник, окончил Санкт-Петербургский практический технологический институт в 1889 году. С 1894 года служил инженером-технологом на Санкт-Петербургско-Варшавской ж.д., был помощником начальника, а вскоре и начальником 1-го участка службы подвижного состава и тяги Варшавской ж.д. Затем Пётр Михайлович поступил на должность инженера-проектировщика паровозов на Путиловский завод и долгое время возглавлял там КБ паровозостроения. В браке с Ольгой Николаевной, вдовой дворянина Еропкина, имел дочерей – Варвару (1899), Елизавету (1901) и Марию (1905).

По словам младшей дочери Петра Михайловича - Марии Петровны Пузановой (01.08.1905 - 18.08.1973), ее отец был "инженером милостью Божьей". Он был одним из первых автомобилистов Российской Империи.

При своем доме в Дачном Пётр Михайлович Пузанов имел небольшую мастерскую. В конце 90-х годов XIX века Пузанов приобрел у известного петербургского "моториста" А.А. Абрикосова французский трикар (трехколесный автомобиль) марки "Леон Боллее" (Leon Bollee) с 1-цилиндровым мотором мощностью 3 л.с., вероятно выпуска 1895 года. Эту машину Пётр Михайлович подверг кардинальной модернизации. Собственными руками им были сделаны следующие изменения: увеличение диаметра и ширины заднего колеса, установка эластичных рессор на всех колёсах, переделка сиденья, увеличение передачи и диаметра цилиндра двигателя. Это повысило мощность с 3 до 4 л.с. Было внесено и много мелких усовершенствований. Это по существу был первый в России засвидетельствованный факт специальной подготовки (переделки) автомобиля для участия в спортивных соревнованиях. П.М. Пузанов участвовал на своей машине в июле 1901 года в гонках по маршруту Луга - Петербург, а 25 августа 1902 года, выступая на состязаниях, организованных петербургским журналом "Самокат" по маршруту Стрельна - Красное Село – Стрельна на дистанции 28 вёрст, он стал призером этой гонки, заняв второе место. Его трикар был записан в стартовом протоколе под маркой "Болле-Пузанов".

Постоянно принимая активное участие в автомобильной жизни столицы, Пётр Михайлович Пузанов в 1902 году стал одним из членов-учредителей Санкт-Петербургского Автомобиль-Клуба (СПАК).

Свою вторую машину - 4-х колесный автомобиль с открытым кузовом дубль-фаэтон, 2-цилиндровым двигателем мощностью 5 л.с. Пузанов собрал в своей мастерской из импортных частей французской фирмы "Гоброн-Брийе" (Gobron-Brillie) уже в 1903 году. На этой машине так же нашли место многочисленные усовершенствования конструкции. Тогда же Пузанов пытался продать свой трикар, о чем свидетельствует объявление в петербургском журнале "Самокат", но автомобиль не был продан. К тому времени он устарел и, очевидно, не нашёл своего покупателя... А может быть Пётр Михайлович раздумал продавать своё первое детище...

Второй автомобиль Пётр Михайлович использовал очень долго. В "Автомобильном справочнике Санкт-Петербурга 1913/14 гг." инженера Пашкевича этот "Гоброн" был зарегистрирован на имя П.М. Пузанова под номером 1029. По

свидетельствам потомков Петра Михайловича, эта машина эксплуатировалась вплоть до конца его жизни, середины 30-х годов XX века. Видимо, золотые руки мастера позволяли держать автомобиль так долго на ходу.

После октябрьской революции Петр Михайлович Пузанов продолжал работать на Путиловском (позже Кировском) заводе. В 1933 (возможно 1934) году он был арестован органами НКВД. Разумеется, кроме дворянского происхождения, никакой вины за ним не было. В 1935 году, после многочисленных ходатайств родственников тяжело больной Петр Михайлович был отпущен на свободу и вскоре скончался. Он похоронен на Красненьком кладбище в Автово.

А семья Петра Михайловича после его смерти продолжала жить в Дачном на улице III-го Интернационала. 10 июля 1941 года дом Пузановых был разрушен прямым попаданием немецкого снаряда. Уезжавшая в эвакуацию последней, младшая дочь Петра Михайловича, Мария Петровна Пузанова с двухлетним сыном Владимиром на руках, после очередного взрыва, обернувшись, увидела на месте их дома взметнувшуюся тучу пыли и огня...⁶⁶

К началу Великой Отечественной войны в гараже Пузановых еще стояли оба автомобиля. После войны рама одного из них (вероятно, трикара) валялась в развалинах гаража, а руль второго торчал в пруду перед Меншиковским дворцом (на развилке Петергофского и Таллинского шоссе. Место это называлось Привал).

Станислав Васильевич Кирилец, один из авторов этой статьи, поселился с родителями на той же улице III-го Интернационала в Дачном в 1965 году в возрасте шести лет. Но только сейчас, спустя более чем 40 лет, волею случая, он узнал, в каком примечательном с точки зрения изучения истории автомобилизма России месте жил с детства.

После войны семья Абрашкевича-Пузановой (младшей дочери Петра Михайловича - Марии Петровны и ее супруга) опять жила за Нарвской заставой, но уже в Автово. Любовь к автомобилям в семье Пузановых перешла по наследству. Две его дочери Мария и Варвара были тоже автомобилистками.

(Иллюстрации из архивов В.В. Абрашкевича, А.Н. Алексеева и С.В. Кирильца).

Авторы этой статьи благодарят за предоставленную информацию А.Н. Алексеева, А.В. Козлова и Е.М. Заблоцкого!

(С. Кирилец, И. Яковлева. Там, за Нарвской заставой... (Петр Михайлович Пузанов. 1862-1935) // Сайт Царскосельского автомобильно-мпорттивного клуба. 2008)⁶⁷.

20.2.10. В начале было слово... (Ольга Новиковская)

[Ниже — методическое пособие, задание по развитию звуковой культуры речи дошкольников, и стихотворение под шутливым названием «Ода "логонароду"» (февраль-март 1999 г.). Автор — учитель-логопед Ольга Андреевна Новиковская, дочь автора настоящей книги, прапраправнучка П.П. Аносова и прапрапраправнучка Л.Ф. Сабакина. – А. А. 1999]

(1)

«Разучите стихотворение и скороговорку...»

⁶⁶ Автор настоящей книги склонен думать, что это не историческое свидетельство, а семейная легенда. (А.А. Июль 2013).

⁶⁷ См. <http://www.tsar-auto-club.spb.ru/publishing/kiriletz/pusanoff.html>. См. также на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/avtomobilnye-istorii/za-narvskoj> ; на сайте «Проблемы местного самоуправления»: <http://www.samoupravlenie.ru/31-15.php>

Задание по развитию звуковой культуры речи — 1

(М)

1) Длительно тянуть звук «М» — губы сомкнуты, воздушная струя выходит через нос. Сидеть спокойно, голову держать прямо.

2) Разучить звукоподражания: Му — Корова; Ме — Коза; Мяу — Кошка.

3) Поиграть в заводную куклу. Ребенок — кукла. Взрослый заводит куклу ключиком. Кукла говорит: «мама». Голосом выделить звук «М».

4) Выполнить упражнение «Пальчики здороваются», произнося слоги: «ма, мо, му, мы». Выполнять сначала правой рукой, потом левой рукой.

5) Разучить стихотворение:

Мычит корова на лугу : «Му-му»

Молока кому?

6) Разучить скороговорку: Мыла Мила руки мылом. (Н)

1) Длительно тянуть звук «Н», губы чуть разомкнуты, воздушная струя выходит через нос.

2) Поиграйте в игру «Лошадки». Скачем на лошадке: «Но! Но!». Кормим лошадку (протянуть вперед руки ладонями вверх): «На! На!».

3) Выполнить упражнение: «Пальчики здороваются», произнося одновременно слоги «на, но, ну, ны». Выполнять сначала правой рукой, потом левой рукой.

4) Выучить стихотворение:

Носорог бодает рогом,

Не шутите с носорогом.

5) Разучить скороговорку: У сороконожки много ног.

(Б)

1) Кратко, звонко и четко несколько раз подряд произносить звук «б» (б-б-б). Воздух резко вырывается наружу через плотно сомкнутые губы, артикуляция такая же, как при произнесении звука «п», но подключается голос.

2) Разучить артикуляционное упражнение «Поиграем на губах». Перебирая пальцами по губам, длительно произносить звук «б».

3) Разучить звукоподражания: би-би — машина; бом-бом — барабан.

4) Выучить упражнение «Пальчики здороваются», проговаривая слоги «ба, бо, бу, бы», выполнять сначала правой рукой, потом левой рукой.

5) Разучите стихотворения:

а) Баю-бай, баю-бай

Ты, собачка, не лай.

Белолопа, не скули

Мою Таню не буди.

б) Отлежал бычок бочок

Не лежи, вставай бычок.

6) Научите ребенка различать на слух звукоподражания: би-би — машина; пи-пи — мышонок.

(Т)

1) Четко и громко несколько раз подряд произносить звук «т» (т-т-т). При произнесении звука кончик языка прижимается к верхним зубам, зубы разомкнуты.

2) Разучить звукоподражания: тук-тук — молоток; Отик-так — часы.

03) Игра «Угадай что это?». Взрослый произносит одно из звукоподражаний, ребенок отгадывает, что это: молоток или часы.

04) Выполнить упражнение «Пальчики здороваются» произнося слоги «та, то, ту, ты». Сначала правой рукой, потом левой рукой, а затем одновременно двумя руками.

5) Поиграйте в игру: Большие ноги шли по дороге: ТОП-ТОП-ТОП (низким голосом). Маленькие ножки бежали по дорожке: топ-топ-топ, топ-топ-топ (высоким голосом).

6) Проговаривать чистоговорки: ТА-ТА-ТА, ТА-ТА-ТА, хвост пушистый у кота.
ТУ-ТУ-ТУ, ТУ-ТУ-ТУ, молочка налью коту.

7) Разучить стихотворение В.Жуковского:

Там котик усатый
По садику бродит.
А козлик рогатый
За котиком ходит.

8) Разучить скороговорку: От топота копыт пыль по полю летит.

Разработала О.А.Новиковская

Февраль 1999 г .

(2)

«Вам родной язык вручаем...»

Ода «логонароду»

Чтобы сильным стать и смелым,
Надо с детства закаляться,
Чтоб речистым и умелым,
Надо много заниматься.
Говорить слова и фразы,
Звуки гласные тянуть,
Не отлынивать ни разу,
К "связной печи" долог путь.
Наши дети, наши дети,
Мы за вас за всех в ответе —
Мы следим за темпом речи,
Дышим все расправив плечи,
Учим квакать и мычать,
Кукарекать и рычать —
Только чтобы не молчать!
Язычками дружно машем,
Тянем прямо, вверх и вниз,
И по счет за зубы прячем,
И при этом — улыбнись.
Чтоб помочь слова во фразы
Словно бусы нанизать,
Мы вопросы не по разу
Долго будем повторять.
Образец даем рассказа:
Ярок образ, красен слог,
Что ж, получится не сразу,
Потрудись и ты, дружок.
Чтоб синоним и антоним
Засияли как рубин,
В море слов ребенок тонет,
Но он в море не один.
Вот работа логопеда,
Тяжек труд, да сладок плод.
Над ошибками победа,
Нестандартной мысли код.
Наши дети, наши дети,

Мы за всех за вас в ответе,
Говорить вас обучаем,
Вам родной язык вручаем,
Говорите, сочиняйте,
И пишите, и читайте.
Наши дети, наши дети,
Посвящаем строки эти
Маше, Паше, Поле, Пете,
Нет вас лучше в целом свете.

О. Новиковская
1999

Приложение (Март 2007)

Список публикаций учителя-логопеда Новиковской О.А. (по состоянию на конец 2006 г.)

Книги

- 1) Новиковская О. А. Сложи букву. Программа развития и обучения дошкольника. М.-СПб.: Олма-пресс, 2001.
- 2) Новиковская О. А. Найди букву. Программа развития и обучения дошкольника. М.-СПб.: Олма-пресс, 2002.
- 3) Ершова О. А., Жукова О. С., Новиковская О. А. Я читаю и пишу. Программа развития и обучения дошкольника. М.-СПб.: Олма-пресс, 2002.
- 4) Ершова О. А., Жукова О. С., Новиковская О. А. Игры круглый год. Программа развития и обучения дошкольника. М.-СПб.: Олма-пресс, 2003.
- 5) Новиковская О. А. Развитие звуковой культуры речи у дошкольников. Логопедические игры и упражнения. СПб.: Детство-пресс, 2002.
- 6) Ершова О. А., Жукова О. С., Новиковская О. А. Игры со сказками. Программа развития и обучения дошкольника. М.-СПб.: Олма-пресс, 2003.
- 7) Ершова О. А., Жукова О. С., Новиковская О. А. Школа чистописания. Программа развития и обучения дошкольника. М.-СПб.: Олма-пресс, 2003.
- 8) Ершова О. А., Жукова О. С., Новиковская О. А. Готовим руку к письму. Школа раннего развития. М.-СПб.: Олма-пресс, 2004.
- 9) Ершова О. А., Жукова О. С., Новиковская О. А. Первые уроки математики. Школа раннего развития. М.-СПб.: Олма-пресс, 2004.
- 10) Новиковская О. А. Логопедическая грамматика для малышей, Пособие для занятий с детьми 2-х — 4-х лет. СПб.: Корона принт, 2004.
- 11) Новиковская О. А. Логопедическая грамматика для малышей, Пособие для занятий с детьми 4-х — 6-ти лет. СПб.: Корона принт, 2004.
- 12) Новиковская О. А. Логопедическая грамматика для малышей, Пособие для занятий с детьми 6-ти — 8-ми лет. СПб.: Корона принт, 2004.
- 13) Новиковская О. А. Логоритмика для дошкольников в играх и упражнениях. Практическое пособие для педагогов и родителей. СПб.: Корона принт, 2005.
- 14) Новиковская О. А. Сборник развивающих игр с водой и песком для дошкольников. Практическое пособие для педагогов и родителей. СПб.: Корона принт, 2005.
- 15) Новиковская О. А. Ум на кончиках пальцев. М.-СПб.: Сова, 2005.
- 16) Новиковская О. А. Комплексные занятия для детей среднего дошкольного возраста. Практическое пособие для педагогов и родителей. СПб.: Паритет, 2006.
- 17) Новиковская О. А. Вершки и корешки. Серия «Игровые модели обучения и воспитания. СПб.: Паритет, 2006.
- 18) Новиковская О. А. Веселый счет. Серия «Игровые модели обучения и воспитания. СПб.: Паритет, 2006.

- 19) Новиковская О. А. Сложи словечко. Серия «Игровые модели обучения и воспитания. СПб.: Паритет, 2006.
- 20) Новиковская О. А. Вылечи словечко. Серия «Игровые модели обучения и воспитания. СПб.: Паритет, 2006.
- 21) Новиковская О. А. Найди и покажи. Серия «Игровые модели обучения и воспитания. СПб.: Паритет, 2006.
- 22) Новиковская О. А. Математика в играх и картинках. От 1 до 3 лет. СПб.: Паритет, 2006.⁶⁸

20.3. «Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ О СВОИХ СЕМЕЙНЫХ КОРНЯХ...»

Ремарка: от деда – к внуку

А вот - еще один пример семейной хроники. В отличие от приведенной выше, она не предусматривалась в составе рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001). Однако ее создание относится как раз к этому периоду.

Ее составитель – Иван Александрович Новиковский (1983 г. рожд.), внук автора этих строк. Текст датирован маем 1999 года.⁶⁹

*Здесь она воспроизводится из книги: Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия социолог...» Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010. (Том 2, глава 7)⁷⁰
(Июль 2013)*

Моя семейная история

Я хочу рассказать о своих семейных корнях. Один из них известен мне далеко вглубь, со второй половины 18-го века. Другие известны не так глубоко. Об этих корнях мне рассказывали моя бабушка Елена Ивановна Алексеева и моя мама Ольга Андреевна Новиковская. Мама составила генеалогическое дерево. А мой дедушка Андрей Николаевич Алексеев недавно написал свою семейную хронику, из которой я почерпнул много информации. Кроме того, в нашей семье сохранились всякие документы, фотографии, некоторые фамильные реликвии. Иногда я буду на них ссылаться. Все то, что я уже знаю, в этой семейной истории не уместится. Я расскажу только о том, что мне кажется самым важным и интересным. В генеалогической схеме, составленной моей мамой, картина гораздо полнее. Эту схему, а также ксерокопии некоторых материалов я приложу к своему сочинению.

Во второй половине 18-го века жил мой предок по материнской линии Лев Федорович Сабакин (1743-1813), родом из г. Старица, Тверской области. Он приходится мне пра-пра-пра-пра-пра-прадедом. После окончания сельской школы, Л. Ф. Сабакин поступил на службу в Тверскую уголовную палату, работал копиистом, потом канцеляристом, а в свободное время увлекался созданием астрономических часов. Был вызван ко двору Екатерины II. Изобретенные им часы были приняты лично императрицей, а изобретатель награжден 1000 рублями. Первые упоминания о нем в литературе встречаются

⁶⁸ По состоянию на 2013 год библиография трудов учителя-логопеда О.А. Новиковской **превысила 70 названий** (книг для педагогов, родителей и детей)

⁶⁹ Строго говоря, автором этого текста является мать Вани - Ольга Андреевна Новиковская. Авторство же было приписано и «лавро» достались... 16-летнему Ивану Новиковскому, получившему за это сочинение приз на конкурсе семейных хроник в колледже, в котором тогда учился.

⁷⁰ Электронная версия – http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_2.pdf. Настоящий текст представлен также в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/semajnaja-istorija-ivana/>.

с 1776 года, когда он служил механиком в Тверской губернии. Л. Ф. Сабакин дважды побывал в Англии. Сконструированная им паровая машина имела ряд преимуществ перед машиной Дж. Уатта. В 1787 году Л. Ф. Сабакин перевел на русский язык книгу английского механика Дж. Фергюсона «Лекции о разных предметах, касающихся до механики, гидравлики и гидростатики». Этот перевод с английского он дополнил своим оригинальным трудом - «Лекцией об огненных машинах», где впервые на русском языке было дано описание паровой машины. Им было сделано еще свыше десяти изобретений в области механики (сверлильные, гуртильные, печатающие по металлу машины, весы оригинальной конструкции). Л. Ф. Сабакин уходил в отставку в чине надворного советника. Дочь Л. Ф. Сабакина - А. Львовна Сабакина - вышла замуж за Петра Васильевича Аносова (1764-1809). Тот был родом из Тверской губернии. В конце века он служил секретарем Берг-коллегии в Петербурге, имел чин коллежского асессора. В 1806 г. П. В. Аносов с семьей переехал в Пермь, где был назначен советником Пермского горного управления.

У Петра Васильевича и А. Львовны Аносовых родилось четверо детей: Василий, Павел, Мария и Александра. Вскоре после переезда в город Пермь отец, а затем мать умирают, и дедушка Л. Ф. Сабакин берет на воспитание 4-х малолетних детей. Мальчики Василий и Павел Аносовы были определены им в только что созданный в Санкт-Петербурге Горный кадетский корпус. Василий умер в отроческом возрасте, а Павел Аносов окончил Корпус в 1817 году, с золотой медалью. Ему было суждено прославить Россию открытием секрета булата.

О Павле Петровиче Аносове написано несколько книг, например:

Богачев И. Н. П. П. Аносов и секрет булата. М.: Машгиз, 1952.

Пешкин И. Павел Петрович Аносов. М.: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей), 1954.

Федоров А. С. Творцы науки о металле. М.: Наука, 1980.

Во всех современных энциклопедиях есть статьи о великом русском металлурге. А в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона 1910-х годов во втором томе напечатана статья «Аносовская сталь», и рядом другая статья - «Аносовы», которую в советских энциклопедиях уже не встретишь: «Аносовы - русский дворянский род, восходящий к началу 17-го века и записанный в 6 ч. род. кн. Костромской губернии».

Расскажу немного о своем прапрапрадеде. Павел Петрович Аносов родился в 1799 году. После окончания Горного корпуса, с 1817 года служил на Златоустовских заводах. Главным его достижением стала разработка процесса получения высококачественной стали. Он открыл способ ее получения непосредственной цементацией железа в плавильных тиглях, а также способ передела чугуна в сталь путем плавки. Это был человек прогрессивных взглядов, с пытливым умом и желанием познать неизвестное. В 1831 году он впервые применил микроскоп для исследования строения стали. П. П. Аносов раскрыл древний секрет булатной стали, утерянный в средневековье. Первым отлил высококачественную булатную сталь для клинков, не имевшую равных в мире по своим качествам. П. П. Аносов написал научные труды, статьи и книгу «О булатах», опубликованную в 1841 году. Прожил Павел Петрович 54 года. Скончался он 13 мая 1851 года в чине генерал-майора, в должности главного начальника Алтайских заводов и Томского губернатора. Похоронили его в городе Омске.

Из вещей, о которых было бы достоверно известно, что они принадлежали П. П. Аносову, у нас в семье нет, пожалуй, ничего. Есть гравюра, изображающая золотодобывающий прииск второй половины XIX века на реке Силиндже, с указанием на ее принадлежность П. П. Аносову, но не Павлу Петровичу, а его сыну Павлу Павловичу, тоже горному инженеру. Была серебряная чайная ложечка с затейливым вензелем «А» (Аносов). В 1990 г. мой дедушка А. Н. Алексеев, будучи в г. Златоусте, передал ее в музей. На 21-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге находится Горный институт (бывший Горный корпус), а в нем музей имени П. П. Аносова. Года два назад моя мама посетила этот музей, откуда принесла информационную справку, включающую краткие биографические

сведения о Павле Петровиче Аносове и об одном из его сыновей, видном деятеле золотопромышленности 19-го века Николае Павловиче Аносове. В 1999 году исполняется 200 лет со дня рождения П. П. Аносова. Это событие особенно отмечают в городе Златоусте, где 30 лет жил и работал знаменитый русский металлург. Недавно мой дедушка (праправнук П. П. Аносова) Андрей Николаевич Алексеев получил оттуда в подарок «Златоустовскую энциклопедию», от ее редактора-составителя и краеведа А. В. Козлова. В этой книге, изданной в 1994 году, есть много интересной информации, связанной с именем Аносова.

Из Златоуста дедушке прислали также рукопись брошюры «Родственные связи и родословная П. П. Аносова». Там указаны даты рождения всех детей П. П. Аносова. Моя мама сопоставила их с известной нам датой рождения внука П. П. Аносова, моего прапрадеда Петра Михайловича Пузанова (на Красненьком кладбище, в Санкт-Петербурге, в одной ограде - три могилы: Петра Михайловича, моей прапрабабушки Ольги Николаевны Пузановой и моей прабабушки Варвары Петровны Пузановой; эти могилы мы каждый год посещаем, с мамой и бабушкой). Сопоставление дат позволило моей маме установить, от какой из дочерей П. П. Аносова мы приходим (раньше мы не знали).

Интересно, что златоустовские краеведы полагали, что мой дедушка Андрей Николаевич Алексеев является праправнуком П. П. Аносова по отцовской линии. На самом деле правнучкой П. П. Аносова была его мать (моя прабабушка) Варвара Петровна Пузанова. Дедушка написал в Златоуст письмо, чтобы они исправили эту ошибку.

Известно, что у Павла Петровича Аносова было девять детей: пятеро сыновей - Александр, Николай, Петр, Павел, Алексей, и четыре дочери: Мария, Лариса, Анна и Наталья. Трое сыновей Аносовых - Александр, Николай и Павел - продолжили дело отца, став горными инженерами. Старшая дочь Павла Петровича Аносова - Мария Павловна (1832-190?) училась в одном из женских институтов ведомства императрицы Марии в Петербурге. Там она вышла замуж за Михаила Пузанова. В нашей семье хранится старинная стеклянная дворянская печать Пузановых, с чуточку **отбитым** краешком. Эту реликвию несколько лет назад передал моей маме мой дедушка А. Н. Алексеев.

У Михаила и Марии Пузановых было четверо детей: Павел, Петр, Сергей и Мария. Их сын Петр Михайлович Пузанов (1862-1935) является моим прапрадедом. Это тоже был незаурядный человек - талантливый инженер. Он работал на железной дороге, а потом долгое время возглавлял КБ паровозостроения на Путиловском заводе. Есть в семейном архиве фотография 1901 года. Там представлена группа людей: Петр Михайлович, его жена Ольга Николаевна с младенцем на руках (это моя прабабушка Варвара Петровна) и пожилая женщина. Это либо мать Петра Михайловича (дочь П. П. Аносова), либо мать его жены <...>. Все сидят в трехколесном автомобиле, очень старинной конструкции, на фоне Путиловского завода. Автомобиль построил сам Петр Михайлович - это был один из первых автомобилей в Санкт-Петербурге. После него Петр Михайлович собственноручно собрал еще четырехколесный автомобиль, это было его хобби. Последний просуществовал до Великой Отечественной войны. Мой дедушка пишет в своей семейной хронике, что П. М. Пузанов был инженером милостью Божьей, с золотыми руками.

Женой Петра Михайловича стала Ольга Николаевна (1864-1930). Сохранились в семейном архиве ее гимназические фотографии. Моя мама, кстати, тоже Ольга, внешне очень похожа на свою прабабушку. У семьи Пузановых был двухэтажный деревянный дом оригинальной архитектуры в Дачном. В войну дом сгорел, а вместе с ним и автомобили. У Петра Михайловича и Ольги Николаевны родилось трое дочерей: Варвара (1899-1963), Елизавета (1903-1970) и Мария (1905-1973). Старшая из них Варвара Петровна - моя прабабушка. В семейном альбоме есть фотография Варвары и Елизаветы, с няней. Есть фотография и совсем маленькой Вари, в возрасте около года. На этой фотографии девочка одета в кружевную сорочку. Эта сорочка сохранилась. Когда я был маленький, моя мама хотела сфотографировать меня в ней, но даже в два месяца эта миниатюрная рубашечка

была мне мала. Когда родился мой брат Егор, то и он оказался слишком крупным ребенком. Так маме и не удалось иметь две похожие фотографии с разницей в 80 лет.

Хранится в семейном архиве проездной билет по железной дороге от Петрограда до станции Дачное за ноябрь-месяц 1916 года, выданный моей прабабушке Варваре Петровне Пузановой. Тогда она училась в Екатерининской женской гимназии.

Недавно я перелистывал учебники русской литературы, по которым училась моя прабабушка. На форзаце одного из них старательным детским почерком выписаны предметы, которые изучали тогда гимназистки. А у дедушки хранятся ведомости об успеваемости и поведении его матери Варвары Петровны. Вот одна из них - за второй класс (учебный год 1915-1916): все оценки высшие - 12 баллов, только по рукоделию 11 баллов.

Закончила гимназию Варвара Петровна в 1918 году. Мы бережем еще один интереснейший фамильный и историко-культурный документ той поры - гимназический альбом Варвары Пузановой, заполненный надписями и пожеланиями одноклассниц и педагогов. Есть и другие альбомы, с рисунками самой Вари - у нее были способности к рисованию.

После окончания гимназии Варвара Петровна поступила в Петроградский технологический институт. Она продолжила дело своего отца, став инженером-технологом. В. П. Пузанова работала на заводе «Красный путиловец» (бывший Путиловский завод), участвовала в освоении массового производства тракторов и специализировалась по допускам. Как пишет мой дедушка А. Н. Алексеев, накопленный ею практический опыт получил теоретическое осмысление, и в 1933, потом в 1939 г. выходят книги инженера Пузановой «Допуски в тракторостроении», «Допуски и посадки». Уже в 50-х гг. Варвара Петровна защитила кандидатскую диссертацию. Она много преподавала, писала книги по теории машиностроения. После войны одну из книг написала в соавторстве с мужем, тоже инженером. Она - как теоретик, он - как практик, удачно дополняли друг друга. Мужем Варвары Петровны стал Николай Николаевич Алексеев (1904-1974). Его корни крестьянские. Сам он родом из города Рыльска Курской губернии. Его мать звали Наталья Николаевна. У него был брат Иван и сестра Анна. Мой прадедушка Николай Николаевич Алексеев учился в Ленинграде, в Политехническом институте, где приобрел специальность инженера-технолога. Всю жизнь он проработал на заводе имени Ворошилова (ныне - завод «Звезда»), а с середины 50-х годов стал главным технологом этого предприятия.

В 1934 году в семье Алексеевых-Пузановых родился единственный сын Андрей. Его детство пришлось на военные годы. Как печальная память этого времени, хранятся у нас рисунки маленького Андрюши - это дымящиеся самолеты, падающие бомбы, взрывы...

Оборонный завод имени Ворошилова, на котором работал мой прадедушка Николай Николаевич, в начале войны был эвакуирован в Челябинск, потом - в Омск. Следом переезжала и семья Алексеевых-Пузановых. Варвара Петровна в ту пору всецело посвятила себя воспитанию сына. Она учила его иностранным языкам. Уже в 9-10 лет Андрей стал даже «сочинять» по-французски. А позже, в зрелые годы, мой дедушка Андрей Николаевич всех французских авторов 19-го века читал только в подлиннике, и даже без словаря.

В 1943 году Варвара Петровна отвела 9-летнего сына в школу, и сразу в 3-й класс, но оказалось, что там ему делать нечего, и в середине учебного года его перевели в 4-й класс, который он закончил с похвальной грамотой, в городе Омске. Осенью 1944 года семья вернулась из эвакуации в родной Ленинград, и Андрей пошел в 5-й класс 181-й средней школы. Закончил школу дедушка А. Н. Алексеев с золотой медалью. И в его аттестате была уникальная по тем временам запись о том, что он отлично сдал экзамены по трем иностранным языкам: английскому, немецкому и французскому. Когда после школы молодой человек подал документы в Университет, на филологический факультет, то пришлось предъявлять свидетельство о рождении, а не паспорт; ведь он был моложе своих одноклассников на 2 года. Учился в ЛГУ Андрей Николаевич исключительно на отлично, был сталинским стипендиатом.

В начале 50-х годов семья приобрела автомобиль «Москвич» - самая ранняя модель. Это было событие, существенно определившее уклад жизни семьи. Инициатором приобретения была Варвара Петровна. Она же в 50-летнем возрасте получила водительские права. И если Петр Михайлович Пузанов был одним из первых в Петербурге автомобилистов, то его дочь Варвара Петровна, наверное, одной из первых в послевоенном Ленинграде женщин-автомобилисток. В 18 лет права получил и сын Андрей. Каждое лето семья совершала дальние автопутешествия, сначала на «Москвиче», потом - на автомобиле «Победа». За месяц отпуска «накручивали» на спидометре по 10 тысяч километров и больше. Николай Николаевич, который не водил машину, называл жену и сына «пожирателями километров». (Это все сведения из семейной хроники моего дедушки Андрея Николаевича). Второй же летний месяц студент Андрей Алексеев проводил на студенческих стройках, где и познакомился со своей будущей женой, тоже студенткой филологического факультета Еленой Ивановной Ларионовой, моей бабушкой.

После окончания ЛГУ Андрей Николаевич получил распределение в город Куйбышев, где работал журналистом в газете. Продолжил он свою журналистскую работу в Ленинграде, став сотрудником газеты «Смена». И вдруг мой дедушка резко изменил свою жизнь - он поступил рабочим на завод по обработке цветных металлов. Как написано о нем в книге А. Ежелева «Лучший из грехов», он хотел лучше познать ту самую жизнь, о которой журналисту надлежит рассказывать. Несколько лет мой дедушка Андрей Николаевич работал вальцовщиком, потом электролизником (на Волховском алюминиевом заводе). А когда вернулся в газету, редактор «Ленинградской Правды» предложил ему заведовать промышленным отделом. Но уже через год Андрей Николаевич принимает решение заняться социологией и поступает в аспирантуру ЛГУ. После ее окончания он уезжает работать в Новосибирский академгородок.

Вернулся в Ленинград Андрей Николаевич кандидатом философских наук и стал работать в Ленинградских секторах сначала Института философии, потом - Института социологии Академии наук, старшим научным сотрудником. В 1975 году на базе ряда академических учреждений в Ленинграде создается Институт социально-экономических проблем, где А. Н. Алексеев продолжает свою работу социологом. В 1979 году Андрей Николаевич обращается к руководству института с предложением провести экспериментальное социологическое исследование по разработанной им оригинальной методике «наблюдающего участия». И в январе 1980 года он приходит на свое новое рабочее место слесаря-наладчика в цех Ленинградского завода «Полиграфмаш». Вот как Андрей Николаевич отвечает на вопрос, зачем он это сделал, в уже упоминавшейся книге А. Ежелева «Лучший из грехов»:

«Основной моей целью было познать изнутри, «глазами рабочего», ту производственную жизнь, которая для меня и моих коллег была предметом, как я полагал, недостаточно реалистических и эффективных исследований. Мне этот шаг казался делом моей научной ответственности в разрешении наболевших проблем производства».

Будучи рабочим, а по совместительству научным сотрудником, Андрей Николаевич регулярно представлял отчеты в институт, писал статьи, объективно отражая явления и тенденции застойного периода. Так, например, он вывел «формулу разгильдяйства», элементами которой являются: незаинтересованность, некомпетентность, безответственность. Одновременно на заводе рабочий Алексеев реально боролся с этими самыми явлениями. Еще до поступления на завод Андрей Николаевич предпринял другое не совсем обычное научное исследование. В 1978 году в порядке личной инициативы он разработал социологическое интервью под названием «Ожидаете ли Вы перемен?» и провел небольшой «не санкционированный» опрос. Это и другие исследования явились поводом для обвинения А. Н. Алексеева в политической неблагонадежности, в «написании и распространении клеветнических материалов на советскую действительность». В 1983 году дома у Андрея Николаевича был произведен обыск. Были изъяты статьи, дневники и письма. Началось преследование. Последовало исключение из партии, из Союза

журналистов, из Советской социологической ассоциации. Но Андрей Николаевич продолжал работать на заводе и вести свои исследования.

Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, но пришли те самые перемены, которые предвосхищал ученый-социолог Алексеев. Началась перестройка. Андрея Николаевича восстановили в партии (из которой он вскоре сам вышел), о социологе-рабочем начали писать в газетах и журналах, приглашать на радио и телевидение. Московские документалисты сняли о нем фильм «Не могу иначе».

Кстати, в этом фильме принимала участие и моя мама Ольга Андреевна, и даже мы с братом. Мама рассказывала о моем дедушке, а годовалый Егорка сидел у нее на коленях, я же тем временем проявлял живой интерес к киноаппаратуре. Было это в 1987 году.

Сейчас дедушка Андрей Николаевич Алексеев работает в Институте социологии Академии наук. На его счету более 150 научных публикаций, он организовал общественный архив, название которого «Россия на изломе». Недавно (в 1997 году) вышла его большая книга «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)». Колледж, в котором я учусь, находится рядом с институтом, где работает мой дедушка, а до недавнего времени работала и моя бабушка Елена Ивановна Алексеева, и я часто захожу туда.

Род Аносовых-Пузановых получил продолжение не только в лице моего дедушки Андрея Николаевича Алексеева и его потомков. Его двоюродный брат, сын Марии Петровны Пузановой (сестры его матери) Владимир Владимирович Абрашкевич (1939 г. рожд.) имеет сына Андрея Владимировича, а у того двое дочерей Евгения и Ирина. Все они сейчас живут в Сочи. А у Павла Петровича Пузанова (брата моего прапрадеда) была дочь Вера Павловна (двоюродная сестра моей прабабушки Варвары Петровны Пузановой), сын которой Игорь Данилович Пивен (1924 г. рожд.) живет в Петербурге.

Как отмечает мой дедушка А. Н. Алексеев, все известные ему потомки-мужчины в роду Пузановых, кроме него самого, - инженеры, люди высоко технически одаренные. Например, И.Д. Пивен - известный кораблестроитель, доктор технических наук, заслуженный изобретатель РСФСР.

Теперь я расскажу о своих предках по линии бабушки Елены Ивановны Алексеевой (в детстве Румянцевой, а затем Ларионовой). Моя бабушка родилась в 1933 году в Ленинграде. В годы блокады она жила вместе с родителями в осажденном городе. Маленькая Елена осталась единственным членом семьи Румянцевых, пережившим блокаду. Все ее близкие умерли от голода. Десятилетнюю девочку удочерили соседи по квартире. А это значит, что у нашей бабушки Елены Ивановны было две семьи, две мамы. Сначала обращусь к семейной истории родных матери и отца моей бабушки. Моя прабабушка Людмила Николаевна Румянцева (в девичестве Дорошевская) (1894-1943) была дочерью генерального военного прокурора города Санкт-Петербурга, генерала от инфантерии Николая Федотовича Дорошевского. Кроме нее в семье было еще трое детей: Георгий, Мария и Ксения. Все девочки учились в Смольном институте благородных девиц (в Николаевской половине), о чем свидетельствуют сохранившиеся в нашем семейном архиве поздравительные открытки, полученные ими от родных и подруг в 1910-1912 гг. Брат Георгий учился в Варшаве в Кадетском училище. Больше о нем нам ничего не известно.

Младшая сестра Ксения погибла во время революции. Ее застрелили на улице красные, когда она распространяла листовки. Ксении Николаевне в то время было 19 лет. Другая сестра Мария пережила две войны - гражданскую и Великую Отечественную. В дальнейшем отношения с ней были прерваны. Но вернемся в дореволюционные годы. В это время семья генерала Н. Ф. Дорошевского снимала квартиру на третьем этаже четырехэтажного дома по Поварскому переулку, дом 13, квартира 4. В квартире было 5 больших комнат: гостиная, столовая, детская, спальня и кабинет, который украшал двухметровый портрет хозяина, облаченного в военный мундир, при всех наградах. (В 30-е годы портрет был сожжен - опасно было не только хранить такие вещи, но и говорить вслух о своем дворянском происхождении).

Хочется рассказать об этом старом петербургском доме. Здесь, по данным петербургского музея-квартиры Ф. М. Достоевского, в разные годы 19-го века жили Тургенев и Чернышевский. Сюда в гости к Тургеневу в 1845 году приходил читать главы своей первой повести «Бедные люди» молодой Достоевский. Дом этот имеет богатую литературную историю и помнит многих великих русских людей.

Обратимся вновь к семье Дорошевых. С какого года они поселились в этой квартире, неизвестно, но в справочнике «Весь Петербург» за 1910 год они указаны по этому адресу. То же свидетельствуют почтовые карточки на имя «Ея Превосходительства Людмила Николаевна Дорошевич, город Петроград, Поварской, дом 13».

После революции 1917 года квартира стала коммунальной, а наши предки Дорошевы занимали в ней лишь две комнаты - бывшую спальню и кабинет. (Моя бабушка Елена Ивановна с моей мамой жили в этих комнатах до 1975 года.)

Людмила Николаевна Дорошевич, моя прабабушка, вышла замуж за Константина Васильевича Румянцева, экономиста по специальности. Константин Васильевич и его брат Николай Васильевич учились в Санкт-Петербурге в Лесном политехническом институте. Родом Румянцевы из города Курска, из учительской семьи. Сохранились дореволюционные фотографии обоих братьев-студентов, их мамы Раисы Николаевны и их бабушки. Есть старинный альбом, в котором молодой Константин каллиграфическим почерком записывал «выдержки наиболее важных мест» из произведений передовых писателей начала 20-го века. Вот одна из страничек этого альбома: М. Горький, «Дети солнца», и первая фраза: «Там, где пролита кровь, никогда не вырастут цветы». А на другой странице строки ныне неизвестных поэтов: Мельшина, Барыкова, Василия Чужого - о бедных и угнетенных, и дата - 24 мая 1906 года. Здесь же изящные рисунки самого Константина. Тройка коней и ящик по колено в снегу, выполненные простым карандашом; цветы и голуби, а рядом, в окружении фиалок, буква «Л» - нам остается догадываться, возможно, это первая буква имени Людмила.

У супругов Константина Васильевича и Людмилы Николаевны Румянцевых родилось трое детей: Георгий (1925-1942) (дома его звали Юра), Дмитрий (умерший в 3-летнем возрасте) и младшая Елена (род. в 1933 г.) - моя бабушка.

В 20-30-е годы семья бедствовала. Как рассказывает моя бабушка, Константин Васильевич был очень принципиальным и прямолинейным человеком и из-за этого часто лишался работы, а поступить на новое место удавалось не сразу. К тому же Людмила Николаевна, закончившая Смольный институт и знавшая несколько иностранных языков, не была приспособлена к «новой жизни» - не умела рационально вести хозяйство, поэтому нуждалась в помощи прислуги.

Чтобы свести концы с концами, Людмила Николаевна начала работать. В период НЭПа она ходила в зажиточные семьи обучать детей французскому языку. Позднее ей удалось найти работу счетного работника. Годы шли, дети росли. Старшему, Юре перед войной исполнилось 15 лет. Из-за болезни позвоночника мальчик не мог много двигаться. Юра очень любил читать, коллекционировал марки.

Началась Великая отечественная война. В начале войны вместе с детским садом Елену пытались на поезде вывезти из Ленинграда. Но город уже был окружен, и детей вернули назад. Пришла первая блокадная зима. У моей бабушки Елены Ивановны остались о том времени горькие воспоминания. В 1941 г. ей исполнилось 8 лет. Она рано научилась читать и много времени проводила за этим занятием. Но скоро детских книг в доме не осталось, потому что они были тоньше и лучше горели в печке. Людмила Николаевна показала дочери немецкие буквы и Елена стала пробовать читать по-немецки. Сейчас бабушка вспоминает что в 42-ом году читала единственную оставшуюся детскую книгу с картинками - учебник немецкого языка для 5-го класса школы.

Зима была суровая. Все страдали от голода и холода. Съели все, что можно было съесть. У Юры в аквариуме жил аксолотль - личинка амбистомы (североамериканского земноводного). Пришлось сварить и его. Дров для большой изразцовой печи не хватало.

Топили, книгами и мебелью, буржуйку, стоявшую посреди 30-метровой комнаты. Но все равно было холодно. На стене, отмеряя время, били старинные часы с орлом, огромное зеркало в позолоченной раме отражало страшный быт блокадной квартиры. Когда у ослабшей Людмилы Николаевны в очереди за хлебом выхватили из рук сумочку с продовольственными карточками, стало ясно, что это конец.

Сначала умер отец бабушки Константин Васильевич, потом бабушкин брат Юра. Мама - Людмила Николаевна - умерла в 1943 году. Перед смертью она сказала своей подруге (и соседке по квартире) Ольге Тимофеевне Ларионовой про дочку Лену: «Возьмите ее себе, не отдавайте в детский дом».

Умерли все близкие Елены. Умерли от голода, променяв на продукты все, что можно было обменять. А ведь в доме хранился чемоданчик с драгоценностями институтской подруги Людмилы Николаевны, успевшей эвакуироваться. Этот чемоданчик так никто и не открыл. (После войны хозяйка пришла за ним - все сохранилось в целости).

Тогда, в 1944 году, моей бабушке было 10 лет. Ее удочерили супруги Ларионовы, Ольга Тимофеевна и Иван Иванович (своих детей у них не было). Так из Румянцевой Елены Константиновны она стала Ларионовой Еленой Ивановной.

Новый отец Иван Иванович страдал язвой желудка, поэтому не был призван в армию. Он работал столяром на военном заводе. Жили трудно. Бабушка вспоминает, что ели все, что только можно: варили сыромятные ремни, столярный клей. Кроме школы Елена ходила в хор Дворца пионеров. Там голодным детям давали дуранду - это такие маленькие шарики, приготовленные из жмыха, похожие скорее на опилки, чем на хлеб. Однажды, когда Елена шла по улице, ее подкараулили какие-то люди и обманом повели в чужую квартиру. Спасла случайность, увидел дворник, а ведь девочку хотели убить и съесть...

Теперь, когда мы приходим на Пискаревское мемориальное кладбище к братским могилам ленинградцев, погибших в блокаду, мы думаем о том, что здесь лежат и наши родные.

Кончилась война. Бабушка Елена Ивановна закончила школу с серебряной медалью и поступила в Университет, на филологический факультет. Там она познакомилась с моим дедушкой - Андреем Николаевичем Алексеевым, вышла за него замуж.

Елена Ивановна, так же как и Андрей Николаевич, после окончания ЛГУ, работала в журналистике. Еще будучи студенткой отделения русского языка и литературы, она заинтересовалась журналистикой и в студенческие каникулы пошла работать в редакцию газеты «Сталинское слово», которая находилась в поселке Сосново, Ленинградской области. Жить ей там было негде, поэтому ночевать приходилось в редакции и спать на подшивках старых газет.

Мне хочется привести один эпизод, который мне рассказала бабушка. Получив задание от редактора, Елена Ивановна, тогда студентка 4-го курса, поехала на место, чтобы написать о ходе сельскохозяйственных работ в одном из совхозов района. Руководитель хозяйства оказался опытным специалистом, болеющим за производство. Он откровенно рассказывал о проблемах и, в частности, резко негативно отзывался об обязательном, повсеместном внедрении кукурузы. Партийные органы жестко следили за выполнением этих требований. Доводы директора были так убедительны, что бабушка написала большую статью, содержащую критику хрущевской «кукурузной кампании». Редактор газеты пришел в ужас. Статью, конечно, не опубликовали, а в характеристике, которую бабушка получила при увольнении, было написано: «...студентка Ларионова, при условии повышения политической грамотности, может быть ценным работником нашей советской печати».

После окончания ЛГУ бабушка уехала в Куйбышев (ныне Самара) по месту распределения своего мужа - моего дедушки Андрея Николаевича. Найти работу в Куйбышеве не удалось, и через год она вернулась в Ленинград, устроилась корреспондентом в тосненскую районную газету «Ленинское знамя». Но через полтора года оттуда пришлось уйти, потому что ее, активную журналистку, внештатного секретаря

Тосненского райкома комсомола, вызвали в обком комсомола и предложили стать штатным комсомольским работником - первым секретарем райкома. Бабушка отказалась от этого предложения, она не хотела уходить из журналистики. Кроме того, она понимала, что тогда у нее было бы еще меньше возможностей оставаться самой собой и говорить то, что на самом деле думаешь.

Потом была работа в местном радиовещании на Металлическом заводе и Государственном оптико-механическом заводе. Оттуда, по инициативе Ленинградского радиокомитета, она была отправлена на учебу в Ленинградскую Высшую партийную школу, на отделение журналистики, и после ее окончания некоторое время работала на Ленинградском телевидении. 1968 год стал поворотным в жизни моей бабушки. Елена Ивановна оставила журналистику и перешла на научную работу. В течение более чем тридцати лет она проработала в учреждениях Академии наук: на Ленинградской кафедре философии, в Ленинградских секторах Института философии, в Институте социально-экономических проблем и в Институте социологии. 21 сентября 1960 года в семье Алексеевых Андрея Николаевича и Елены Ивановны родилась дочь Ольга - моя мама. Елена Ивановна год не работала, занималась ребенком. В то время, как уже говорилось, Андрей Николаевич оставил работу в газете «Смена» и поступил на завод рабочим. В период ученичества его зарплата уменьшилась чуть ли не вдвое. Как рассказывает бабушка, он поставил этим в довольно трудное положение свою семью. Чем могли, помогали приемные родители Елены Ивановны, а также родители Андрея Николаевича.

Жили вначале впятером, в том самом доме на Поварском переулке: приемные родители моей бабушки, бабушка Елена Ивановна и дедушка Андрей Николаевич и моя мама (ребенок). Но вскоре Иван Иванович и Ольга Тимофеевна Ларионовы переехали на постоянное жительство на свою родину, в деревню Стрелка, в Новгородскую область.

Не просто складывалась семейная жизнь родителей моей мамы. По словам моей бабушки, дедушка Андрей Николаевич, весь погруженный в свою работу, был плохим помощником в быту. И как шутила бабушка, «в домашних делах он был даже не ноль, а скорее отрицательная величина». (Как пошутил дедушка, прочитав эти строки, «если считать бабушку положительной величиной, то в итоге в домашних делах получался ноль»). Но, по мнению их обоих, не это было основной причиной их разрыва, в середине 60-х гг.

Когда семья родителей моей мамы распалась, Андрей Николаевич уехал на несколько лет работать в Новосибирский академгородок. Их дочери Ольге (моей маме) было тогда семь лет. Между родителями моей мамы, несмотря на развод, на всю жизнь сохранились самые теплые и добрые отношения. Андрей Николаевич называет их в своей семейной хронике «братско-сестринскими».

Когда Андрей Николаевич Алексеев вернулся из Сибири в родной город, он стал работать в том же научном институте, где работала Елена Ивановна. Более двадцати лет бабушка и дедушка работали в одном учреждении. Последние десять - в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН.

Когда в начале 80-х годов Андрея Николаевича Алексеева (социолога - рабочего) начали преследовать, то в опалу попала и Елена Ивановна. Несмотря ни на что, она продолжала свою научную деятельность. За годы работы в академических учреждениях ею написано несколько десятков статей, а в 1997 году вышел подготовленный ею 1-том научной библиографии по общественным движениям. Запросы на эту книгу приходят даже из других стран.

В 1998 г. Елена Ивановна вышла на пенсию. Когда коллеги провожали ее на заслуженный отдых, я был у бабушки в институте и слышал много добрых и уважительных слов, сказанных в ее адрес.

Теперь я расскажу о своей маме Ольге Андреевне Новиковской, единственной дочери Елены Ивановны и Андрея Николаевича Алексеевых. Как уже говорилось, бабушка Елена Ивановна растила мою маму одна, вкладывая много сил и времени в ее воспитание. Жили они все в той же квартире на Поварском переулке. Рассказы бабушки о предках и, может

быть, сами стены этого старого петербургского дома оказали на мою маму большое влияние, запали в душу. С тех пор она стала интересоваться историей своей семьи, ее корнями.

Начинала учиться моя мама в той же 216-й школе г. Ленинграда, в которой училась бабушка Елена Ивановна. Ходила во Дворец пионеров в кружки (мягкой игрушки, кинологов). По словам бабушки, мама была очень ответственной и дисциплинированной девочкой. С 12-ти лет мама стала серьезно интересоваться зоологией, участвовала в городских олимпиадах по биологии. Пошла в кружок юных зоологов при Ленинградском зоопарке. Каждое лето она ездила в деревню Стрелку, к своим дедушке и бабушке, и вела там наблюдения за живой природы, много ходила по лесу. В девятом классе написала реферат «Лесохозяйственное значение лося в Боровичском районе, Новгородской области», который получил диплом первой степени на конкурсе научных работ старшеклассников во Дворце пионеров.

После школы мама поступила в Ленинградский государственный университет, на вечернее отделение биолого-почвенного факультета, и одновременно работала лаборантом в Зоологическом институте АН СССР. Выезжая на полевые практики, она продолжала собирать материал по питанию и распространению лосей. Эти многолетние наблюдения потом легли в основу ее дипломной работы, получившей высокую оценку. Мама окончила университет в 1985 г.

В свободное время мама с удовольствием читала стихи поэтов серебряного века и говорит, что выросла на стихах Ахматовой, Цветаевой, Пастернака... В юности мама и сама писала стихи. Я попросил у нее разрешения поместить здесь те из них, которые мне больше всего нравятся.

Кони

Кони скачут по булыжной мостовой.
Город встал над величавою Невой.
Кони скачут по проспектам, вдоль Невы,
Не мигая смотрят каменные львы.

Кони скачут. Пролетают купола...
Но Фонтанка им преградою легла.
Кони скачут, кони рвут свою узду.
Кони встали на Аничковом мосту.

Путь

Неведомо откуда,
Неведомо куда,
Шел странник одинокий,
Куда тропа вела.
Шел он через пустыни,
Шел он через года,
К земле его клонили
Жестокие ветра.
Он попадал в обвалы,
Моря переплывал,
А на пути вставали
Граниты мрачных скал.
Так путь наш в этом мире
Петляет чрез года -
Неведомо откуда,
Неведомо куда.

Начиная с 16 лет, мама ведет записи о каждом прожитом дне, это что-то вроде делового ежедневника с элементами дневниковых записей. Мама говорит, что потом очень интересно будет знать, как мы жили, о чем думали 20 лет назад. И если бы у нас были дневники наших прапрабабушек, как много нового можно было бы узнать о них и о той эпохе. Еще у мамы всегда под рукой стоит гитара и большая стопка тетрадей и книг с

песнями бардов, потому что в трудные минуты жизни, как она говорит, музыка и поэзия способны спасти, залечить душевные раны. Мама рано, в 19 лет, вышла замуж за моего отца Александра Юрьевича Новиковского (род. 28.11.1956). Его родители - Юрий Петрович Новиковский (1930-1959) и Зинаида Дмитриевна Бегеба (Лысова, Новиковская) (род. в 1935 г.). Александр Юрьевич воспитывался в семье отчима - Владимира Максимовича Бегебы. У моего отца есть сводная сестра Тамара Максимовна, моложе его на 12 лет. Про них я знаю очень мало. В 80-х гг. мой отец Александр Юрьевич работал в Институте северной морской геологии и большую часть времени проводил в командировках на Севере (острова Диксон, Косистый). В его работу входила геологоразведка, сбор метеорологических данных. Александр Юрьевич каждый день писал домой письма, но так как почта там работала лишь один раз в неделю, то в Ленинграде мама иногда вынимала из почтового ящика сразу по 7 писем. Все эти письма моя мама хранит как добрую память о тех годах. С 1980 года отец стал постоянным участником Советской антарктической экспедиции. Он и его товарищи работали в Антарктиде на береговой полярной базе Дружная, проводя в экспедициях по 6-8 месяцев в году. У нас дома сохранилась большая карта мира с нарисованными от руки маршрутами, по которым через весь земной шар плавал и летал мой отец. Александр Юрьевич побывал на всех континентах, плавал на знаменитом дизельэлектроходе «Михаил Сомов», был на нескольких советских и зарубежных антарктических станциях.

Основным местом работы моего отца Александра Юрьевича стала сезонная база «Дружная». Теперь она не существует. В 1985 году огромный кусок льда, на котором она располагалась, откололся от берегов Антарктиды и затерялся в бескрайних просторах океана. Полярникам удалось ее найти, снять ценное оборудование. Дома у нас хранится флаг, который был снят в день ее закрытия. На флаге, выцветшем от солнца, изорванном антарктическими ветрами, написано: «Флаг спущен 25.02.1986», и стоят подписи полярников 32-й Советской антарктической экспедиции. 30 мая 1983 года родился я - Новиковский Иван, а три года спустя - мой брат Егор (11 августа 1986 года). Маме было нелегко растить одной двоих маленьких детей, ведь отец большую часть времени проводил в экспедициях. Ей пришлось оставить работу в Зоологическом институте и на 10 лет стать домохозяйкой. Моя мама, привыкла ко всему подходить добросовестно, поэтому как домохозяйка она взяла себе в обязанность шить и вязать на семью, ну а самым главным для себя считала - хорошо воспитывать детей. Мама стала выписывать журнал «Дошкольное воспитание», читать книги по педагогике, медицине, логопедии.

Мы с братом не ходили в детский сад, зато ходили в музыкальную школу, на спортивные занятия, в кружки. А каждое лето на 4-5 месяцев уезжали с мамой в деревню Стрелку, где стоит дом, построенный еще в 1917 г. прадедушкой Иваном Ивановичем Ларионовым. Мы и сейчас туда ездим летом, но на более короткий срок.

Когда мне было 9 лет, а Егору - 6, наш отец, Александр Юрьевич, ушел из семьи. В это время он уже оставил работу в геологии и стал заниматься предпринимательской деятельностью (но, как говорит мама, она ему, похоже, не очень удалась). Теперь я и мой брат Егор видимся с отцом редко. Знаем, что в его новой семье у нас с братом есть трехлетняя сестра, но как ее зовут - отец почему-то не говорит.

Теперь, когда мы с братом Егором стали старше, мама пошла на работу. Она получила вторую специальность, окончив ТОО «Союз педагогов». Сейчас моя мама Ольга Андреевна уже третий год работает логопедом-дефектологом в психоневрологическом детском саду. Вначале ей было очень трудно, но сейчас она приобрела умение и опыт в своей новой специальности. Как и ко всякому делу, она подходит к своей работе творчески. Так, она сама придумывает оригинальные методики для обучения детей, страдающих дефектами речи. Недавно ей была объявлена благодарность с занесением в личное дело. Ее уважают на работе. Сейчас мы живем вдвоем в двухкомнатной квартире в доме на пр. Ветеранов: мама Ольга Андреевна Новиковская, я и мой брат Егор. Бабушка Елена Ивановна живет в доме на ул. Хрустицкого и часто у нас бывает, всячески помогает маме.

Теперь напишу немного о себе и о своем младшем брате Егоре. Я закончил в 1998 году девятый класс школы № 395 Красносельского района города Санкт-Петербурга. Кроме школы занимался в разных кружках: авиамодельном, резьбы по дереву, флористики, плетения из лозы, хожу до сих пор в кружок информатики. Несколько лет учился играть на флейте, пел в хоре. Но больше всего мне понравился кружок радиоэлектроники, в котором я занимался, начиная с 5-го класса, в Доме детского и юношеского творчества у преподавателя Валентина Васильевича Мануйлова. В результате, в 1996 году я получил специальность монтажника радиоэлектронных устройств. Принимал участие в ежегодных выставках работ школьников в ДДЮТ Красносельского района, имею 4 диплома за представленные экспонаты («Светомузыка» в 1996 г., «Компьютерный телефон» в 1997 г., «Говорящая машина» в 1998 г. и «Микропроцессорное устройство» в 1999 г.) Два года назад Валентин Васильевич посоветовал мне пойти в технический отдел Дворца творчества юных, где я занимаюсь и по сей день, в кружке программируемой логики. Недавно получил там сертификат о дополнительном образовании в области радиоэлектроники и микропроцессорной техники.

Сейчас я учусь на первом курсе в Колледже медицинской электроники и оптики, на отделении электроники.

Моя мама, бабушка и дедушка недовольны мною, считают, что я ленюсь учиться. Однако они одобряют мое увлечение электронной техникой. Благодаря материальной помощи бабушки мне удалось приобрести необходимые блоки и собрать компьютер. Правда, пока никак не удается наладить принтер. Так что распечатывать этот текст придется у дедушки на работе.

Моему брату Егору скоро исполнится 13 лет. Он продолжает учиться в той же 395-й школе, где раньше учились мы оба, заканчивает 7-й класс. Еще мой брат занимается в 6-м классе музыкальной школы № 44 Красносельского района, по классу домры. В составе школьного оркестра русских народных инструментов он несколько раз в году выступает на концертах.

А еще Егор - юный железнодорожник. Уже два года он обучается железнодорожному делу, а летом проходит практику на Малой октябрьской железной дороге, освоил специальности: дежурный стрелочного поста, контролер, экскурсовод, осмотрщик путей и подвижного состава, дежурный по станции. В прошлом году Детская железная дорога отмечала свое 50-летие. В газете «Смена» была статья, посвященная этому событию. Среди ребят, хорошо зарекомендовавших себя на практике, был отмечен и мой брат Егор.

Хочу сказать про своего брата, что он добрый и отзывчивый человек. Егор очень любит животных. У нас дома есть кошка, собака, черепаха, и еще он очень просит купить ему белую крысу, но мама на крысу пока не соглашается.

Я рассказал историю нашей семьи. Но есть еще один ее корень. Это не родные нам по крови, но очень близкие и дорогие всей нашей семье люди. Это Ларионовы Ольга Тимофеевна (1899-1983) и Иван Иванович (1898-1979), которые в страшные годы Ленинградской блокады удочерили осиротевшую девочку Елену - мою бабушку. О них много рассказывали мне моя бабушка и моя мама.

Приемная мама моей бабушки Ольга Тимофеевна в девичестве была Смирнова. Родилась она в деревне Стрелка, Боровичского уезда, Новгородской губернии. Ее отец - Тимофей Смирнов - был одним из немногих грамотных крестьян в деревне. Играл на гусях. Будучи вдовцом с тремя детьми (дочь Ирина и двое сыновей), он женился на прапрабабушке Ефросинии Яковлевне. (Внуком одного из сыновей Тимофея Смирнова, насколько нам известно, является артист Кирилл Лавров.)

От новой жены у Тимофея Смирнова родилось 15 детей, но многие умерли в детском возрасте. Был среди них очень способный мальчик Оська. Он сам собрал на ручейке игрушечную мельницу, которая могла молоть зернышки. Умер Оська в 8 лет от скарлатины.

Начиная с семи лет отец давал детям маленькие грабли и они вместе со взрослыми начинали работать на сенокосе. Маленькая Оля тоже помогала. Ольга Тимофеевна

рассказывала моей маме, а мама рассказала мне, как один раз, с сенокоса, десятилетнюю девочку послали домой за чаем. Деревня была в двух километрах от покоса. Оля быстро добежала до дома, собрала в большую корзину посуду и провизию, взяла самовар. Но как его нести? И тогда девочка придумала - она связала полотенцем ручки самовара и повесила его на коромысло, а на другую сторону прицепила корзину. Но тут Оле пришла в голову еще одна мысль: а что если разжечь самовар, ведь пока идешь самовар и закипит. Так и вышло. Отец похвалил девочку за догадливость и сноровку.

Теперь на месте того сенокоса стоит лес, выросли ели в обхват толщиной, и мы каждое лето ходим туда за грибами и вспоминаем о большой семье Смирновых. Нет теперь этих людей, но память о них жива. Есть около деревни Стрелка Фросина гора, названная именем моей прапрабабушки Ефросинии Яковлевны.

Другой рассказ. Старший брат Ольги Тимофеевны - Иван - служил у барина, он был лакеем, носил красивую ливрею. Маленькая Оля часто приходила к брату в барский дом. Там она познакомилась с единственной дочерью барина Танечкой Герасимовой, девочкой такого же возраста. Когда барин узнал об этой дружбе, то пригласил Олю почаще бывать у них. Эта дружба продолжалась несколько лет. И даже в старости прабабушка Ольга Тимофеевна помнила те детские песенки на французском языке, которые они пели вместе с Таней.

Кстати, сам барин был прогрессивных взглядов: хороший хозяин и добрый человек. Зимой вместе с семьей он жил в Петербурге, а на лето приезжал в свое имение в Новгородской губернии. Герасимов заботился о своих крестьянах, помогал вдовам, солдаткам, в праздники угощал всю деревню, выставлял на улице корзину с игрушками для ребятшек. Народ любил своего барина, а тот старался облегчить тяжелую жизнь простых мужиков. Для крестьянских детей он выстроил двухэтажную школу, возле святого ключа поставил часовню, построил церковь. В деревне Стрелка Ольга Тимофеевна закончила 3 класса церковно-приходской школы. Из всех пятнадцати детей Ефросинии и Тимофея Смирновых выжили и выросли лишь четыре сестры: Васса, Антонина, Ольга, Евдокия, и брат Иван.

Молодежь, лет в шестнадцать, ездила тогда в Петербург на заработки. Девушки работали там горничными, а парни устраивались на заводы. Бывали до революции в городе и наша прабабушка Ольга Тимофеевна, и прадедушка Иван Иванович. У его отца не было денег на железнодорожный билет для сына, он отвез его на лошади до дальней деревни, а дальше велел идти пешком 250 километров. Шел Иван Ларионов месяц, зарабатывая по дороге себе на хлеб. И дошел до Петербурга.

Мой прадедушка Иван Иванович Ларионов родом из деревни Новинка (это в 5 км от деревни Стрелка (откуда родом моя прабабушка Ольга Тимофеевна). Его отца звали Иваном Васильевичем, а мать - Василисой. У Ивана Ивановича Ларионова было два брата: старший - Василий Иванович, и младший - Андрей Иванович.

Мой прадедушка Иван Иванович и прабабушка Ольга Тимофеевна поженились незадолго до революции. Молодые только успели построить свой дом, как Ивана Ивановича призвали на солдатскую службу - шла Первая мировая война. И. И. Ларионов служил солдатом в царской армии, когда началась революция. Не сразу понял, что происходит, а когда разобрался - перешел на сторону красных. Позже прадедушка рассказывал моей бабушке о митингах, на которых он слушал речи Ленина и Троцкого. Он мало что понял в них, но Троцкий ему понравился больше, потому что «говорил лучше».

Когда служил в Красной армии, Иван Иванович попал в плен к махновцам. Он бежал из плена, а поскольку у него отобрали верхнюю одежду и обувь, ему пришлось одеть на ноги рукавицы, которые ему дала сердобольная казачка. За службу в Красной армии мой прадедушка Иван Иванович был награжден именованным оружием.

Иван Иванович всю жизнь работал столяром. Сохранился его фотопортрет, который висел когда-то на «Доске почета». Ольга Тимофеевна сменила несколько видов работы: была архивариусом, вахтером. Своих детей у Ивана Ивановича и Ольги Тимофеевны не было. В

1944 году семья Ларионовых удочерила Елену Румянцеву - мою бабушку. В Ленинграде жили и две сестры моей прабабушки - Антонина Тимофеевна Антоновская и Евдокия Тимофеевна Соколова. С потомками Смирновых Татьяной Антоновной Терентьевой (Соколовой) (дочерью Евдокии Тимофеевны), Валентиной Ивановной Пацевич (Фроловой) (внучка сводной сестры Ольги Тимофеевны - Иринии) и Зинаидой Андреевной Тишиной (Васильевой) (дочь младшего брата Ивана Ивановича) моя бабушка Елена Ивановна поддерживает связь.

Недавно (в 1997 году) умер сын Антонины Тимофеевны Сергей Анатольевич Антоновский. Моя бабушка Елена Ивановна ездила в г. Осташков на похороны. С. А. Антоновский был человек интересной и горькой судьбы. Бабушка рассказывала, что он, только что закончив Танко-техническое училище, сразу же попал в военное пекло под Киевом. Был взят в плен. Потом Сергей Анатольевич провел свыше 10 лет в сталинских лагерях. Когда же ему предложили хлопотать насчет реабилитации, он отказался, сказав что не может об этом даже вспоминать.

Каждый раз, когда мы с братом Егором, мамой и бабушкой приезжаем в деревню Стрелку, мы посещаем могилы прабабушки Ольги Тимофеевны и прадедушки Ивана Ивановича Ларионовых. Там же похоронены моя прапрабабушка Ефросинья Яковлевна Смирнова и сестра Ольги Тимофеевны Антонина Тимофеевна Антоновская.

На этом заканчиваю свою семейную историю. Хочу поблагодарить всех моих близких, которые оказали мне помощь в этой работе: бабушку Елену Ивановну, дедушку Андрея Николаевича, и особенно мою маму. А также сотрудников Краеведческого музея города Златоуста и музея Горного института города Санкт-Петербурга за предоставленные материалы о Павле Петровиче Аносове.

Иван Новиковский
Май 1999

Ремарка: послесловие к семейной истории

В этом тексте семейной хроники, писаной от имени 16-летнего молодого человека, есть мелкие фактические неточности и пробелы, многое из генеалогической информации стало достоверно известно позже, а биографическое повествование, как таковое, обрывается 1999 годом, т. е. 10 лет назад. Рассказывать о последующих событиях жизни героев этой хроники – не станем: настоящий текст приведен здесь лишь как некий пример, иллюстрация опыта передачи «эстафеты памяти».

*Нельзя не сказать лишь о том, что из упомянутых здесь, в ту пору здравствовавших, не стало **Елены Ивановны Алексеевой (1933-2002)**, бабушки **Ивана Новиковского**, его отца **Александра Юрьевича Новиковского (1956-2009)** и его троюродного брата – **Андрея Владимировича Абрашкевича (1963-2001)**. Светлая им память!
(Июнь-декабрь 2009).*

Вместо заключения (к главе 20)

*История разных поколений двух родов – Аносовых и Пузановых, породнившихся во второй половине XIX века, впоследствии получила освещение (с привлечением большого массива новой информации) в очерке **Ирины Михайловны Яковлевой «О моих родных - потомках знаменитого русского металлурга Павла Петровича Аносова»**⁷¹*

⁷¹ См. названный очерк И.М. Яковлевой на ее персональном сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/> (точные адреса: <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija/puzanovi>; <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija/Anosovi/>). Его же см. на сайте «Всероссийское генеалогическое древо» (ВГД) - <http://baza.vgd.ru/> (точный адрес: <http://baza.vgd.ru/18/71320/>; <http://baza.vgd.ru/18/71177/>).

Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность, свою и моих близких, историку и краеведу из Златоуста **Александр Вениаминовичу Козлову**, чьи исследования родственных связей нашего с И. Новиковским предка П.П. Аносова являются классикой генеалого-биографических штудий.⁷²

Другим замечательным примером этого жанра исследований может служить очерк историка **Евгения Михайловича Заблоцкого** «Горная династия Аносовых: генеалогический контекст».⁷³ Ему же автор этих строк и его родственники весьма признательны за архивные изыскания относительно родословной Пузановых.⁷⁴

(Январь-июнь 2009).

+++

На обоих названных сайтах можно найти и другие очерки и заметки И.М. Яковлевой из цикла «Моя генеалогия», посвященные ее собственным и ее близких родственников предкам. (См.: <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija>; <http://baza.vgd.ru/18/>).

См. также: Кирилец С. и Яковлева И. Там, за Нарвской заставой... Петр Михайлович Пузанов. (1862 – 1935), на сайте Царскосельского автомобильно-спортивного клуба: <http://www.tsar-auto-club.spb.ru/> (точный адрес: <http://www.tsar-auto-club.spb.ru/publishing/kiriletz/pusanoff.html>). Этот же очерк см.: на сайте ВГД: <http://baza.vgd.ru/18/74597/>; на сайте Союза возрождения родословных традиций (СВРТ): <http://www.svrt.ru/> (точный адрес: <http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=1533>); на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/avtomobilnye-istorii/za-narvskoj/>; в интернет-журнале «Проблемы местного самоуправления»: <http://www.samoupravlenie.ru/> (точный адрес - <http://www.samoupravlenie.ru/31-15.php>).

Все названные генеалого-биографические тексты богато оснащены фамильными фотографиями и документами.

На этом же сайте («ИМЯ. Капризы памяти») можно найти некоторые работы историков Е.М. Заблоцкого и А.В. Козлова, посвященные П.П. Аносову, его родословной и потомкам.

⁷² См.: Эпоха Аносова: Материалы к Аносовской энциклопедии / Автор-составитель А. В. Козлов — Златоуст: ООО «ФотоМир», 2008, 250 с.; Козлов А.В. Девять поколений Аносовых. - В кн.: От Урала до Невы. Челябинск, 2001; Козлов А. В. Два века Аносова / А. В. Козлов, Н. А. Косиков // Златоустовский рабочий. 1999. - 13, 15, 17, 21, 22, 24, 27 - 29 июля; Козлов А. Девять поколений Аносовых: родственные связи и родословная великого русского металлурга // Златоустовский рабочий. 1999. - 8 сент. (электронная версия – на сайте «Челябинская пресса»: <http://www.chelpress.ru/>. Точечный адрес - <http://www.chelpress.ru/newspapers/ZR/archive/08-09-1999/2/ZR03.DOC.shtml>); А. В. Козлов. Аносов Павел Петрович. Из энциклопедического досье (на сайте Художественной мастерской «Клиновое Холодное Оружие»: <http://www.kxo.ru/content/articles/index.php?article=2450>; этот же очерк см. на сайте «ИМЯ. Капризы памяти» - <http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija/Anosovi/pavel-petrovich-anosov/>).

См. также: Козлов А. В.. Две судьбы: Пушкин и Аносов. Заметки на полях биографий // Златоустовский рабочий. 1999. – 1, 2, 3 июня (электронная версия - <http://www.chelpress.ru/newspapers/ZR/archive/01-06-1999/3/ZR09.DOC.shtml>; <http://www.chelpress.ru/newspapers/ZR/archive/02-06-1999/3/ZR12.DOC.shtml>; <http://www.chelpress.ru/newspapers/ZR/archive/03-06-1999/3/ZR10.DOC.shtml>).

См. также: Генерал от металлургии Павел Аносов / Под ред. проф. М. Е. Главацкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. (А. В. Козлов – среди авторов-составителей этого сборника); А. В. Козлов. Аносов Павел Петрович. Металлург. 210 лет со дня рождения 1796-1851 (на сайте Челябинской областной научной библиотеки: <http://unilib.chel.su/>; точечный адрес - http://unilib.chel.su:81/el_izdan/kalend2006/anosov.htm).

Нашу переписку с А. В. Козловым рубежа 1990-2000-х гг. см. в настоящей книге, выше.

⁷³ Опубликовано в: Генеалогический вестник. Вып. 22, СПб., 2005. См. названную и ряд других работ Е. М. Заблоцкого на авторском сайте «Горное профессиональное сообщество дореволюционной России»: <http://russmin.narod.ru/>. (Точечный адрес очерка «Горная династия Аносовых...» - <http://russmin.narod.ru/anosov01.html>). Этот же очерк см. на сайте «ИМЯ. Капризы памяти» - <http://sundry.wmsite.ru/moja-genealogija/Anosovi/gornaja-dinastija/>).

⁷⁴ Эти генеалогические изыскания нашли отражение в уже упоминавшейся работе И. М. Яковлевой: «О моих родных – потомках знаменитого русского металлурга Павла Петровича Аносова».

Глава 21

КОРНИ И ВЕТВИ

(Семейная хроника Зинаиды Вахарловской)

Содержание главы 21

21.1. О МОЕЙ МАТЕРИ, О МОИХ РОДСТВЕННИКАХ И О СЕБЕ САМОЙ
(Семейная хроника. Приложение к воспоминаниям моего отца
«Семейный альбом Вахарловских») (авт. – З. Вахарловская)

21.2. ТО, ЧЕГО НИКТО ЗА ТЕБЯ НЕ СДЕЛАЕТ...

Ремарки

- Те, кто уже ушел (раздел 21.0)

**

[Ниже – опыт семейной хроники Зинаиды Глебовны Вахарловской, моей супруги. Ее первоначальный вариант (июнь 1997) написан раньше приведенной выше семейной хроники автора этих строк (сентябрь 1997). В отличие от этой последней, данный текст являет собой относительно «чистый» тип семейной хроники, сугубо фактографичной, с минимумом ауторефлексивных и эмоциональных моментов. – А. А. 2013]

19.0. О МОЕЙ МАТЕРИ, О МОИХ РОДСТВЕННИКАХ И О СЕБЕ САМОЙ

**(Семейная хроника. Приложение к воспоминаниям моего отца
«Семейный альбом Вахарловских»)**

Вариант текста, отредактированный и исправленный с учетом замечаний и дополнений, сделанных моими родственниками после ознакомления с первоначальным вариантом настоящих записок.

ВНИМАНИЕ! Первый вариант текста под тем же названием (датированный июнем 1997 г.), если он попадет кому-либо в руки, прошу считать **НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ**. Он не только неполон, но и содержит фактические ошибки. - З. В. Январь 1998 г. ⁷⁵

⁷⁵ Первоначальный вариант семейной хроники З.Г. Вахарловской не публиковался. Настоящий – исправленный и дополненный - вариант (январь 1998), впервые опубликован в 2013 году на портале «Когита.ру» (<http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/v-pomosch-pishuschim-o-predkah...-opyt-semeinoi-hroniki-zinaidy-vaharlovskoj/>; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/opyt-semeinoi-hroniki-zinaidy-vaharlovskoj.-prodolzhenie/>; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/opyt-semeinoi-hroniki-zinaidy-vaharlovskoj.-okonchanie>) и в интернет-журнале «Семь искусств» (<http://7iskusstv.com/2013/Nomer7/Alekseev1.php>).

Я - Вахарловская Зинаида Глебовна (род. 5.09.1944), дочь Ольги Константиновны Вахарловской (род. 15.06.1915, ум. 23.06.1991) и Глеба Анатольевича Вахарловского (род. 30.12. 1908).

Ознакомившись с воспоминаниями моего отца Глеба Анатольевича Вахарловского, продиктованными им моей сестре Светлане Глебовне Вахарловской, я решила написать это **приложение** к ним. Хочу восполнить некоторые, как я считаю, пробелы в воспоминаниях отца, а также рассказать о некоторых из упомянутых им событий жизни нашей семьи, которые происходили уже на моей памяти. Свою задачу я вижу еще и в том, чтобы рассказать все, что сегодня знаю о роде моей матери - семьях ГУДКОВЫХ и ЛЕМЕШЕВЫХ, подобно тому, как мой отец рассказал о своем роде - семьях ВАХАРЛОВСКИХ и ВЕДРОВЫХ.

Проще всего для меня построить эти записки как **семейную хронику** и как **историю своей собственной жизни**.

Это позволит рассказать также и о моей покойной матери ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ ВАХАРЛОВСКОЙ, о ее родителях, о моих старших родственниках по маминой линии, о моих сестрах и их семьях, о моем брате и его семье, о моей дочери и ее семье, а также о других моих родственниках. Что представляется мне важным.

Постараюсь при этом не повторять того, что достаточно подробно отражено в воспоминаниях моего отца ГЛЕБА АНАТОЛЬЕВИЧА ВАХАРЛОВСКОГО (в частности, его родовая история, его собственный жизненный и трудовой путь). Но иногда повторов будет не избежать.

Будут и некоторые расхождения с рассказом моего отца.

Начну с попытки восстановить **историю родов Гудковых и Лемешевых**, из которых происходила моя мама - Ольга Константиновна Вахарловская (в девичестве - ГУДКОВА).

Кое-что из изложенного здесь мне рассказывала моя покойная мама. Рассказывали и другие мои старшие родственники (мамины сестры и братья, т.е. мои тетушки и дядья).

Ряд фактических сведений почерпнут мной из письма моей родственницы Марии Степановой (проживающей в г. Чехове, Московской обл.). Та, по просьбе моей сестры Светланы Вахарловской, записала рассказ своей свекрови и нашей тети Александры Константиновны Гудковой в 1994 г. Ныне тети Шуры уже нет в живых.

Уже после начала работы над этой семейной хроникой, я получила дополнительную информацию от своих сестер Светланы Глебовны Вахарловской и Ольги Глебовны Вахарловской (прожи-вающих с Санкт-Петербурге), а также от своей двоюродной сестры Риммы Николаевны Соколовской (проживающей в г. Ломоносове).

Закончив в июне 1997 г. первый вариант этих записок, я показала его своим родственникам, проживающим в Санкт-Петербурге, а также отправила по экземпляру ныне здравствующим старшим родственникам - моей тете Нонне Константиновне Бранкиной (проживающей в Новгороде) и моей тете Татьяне Константиновне Козярской (проживающей в г. Вышгороде, Киевской области).

В октябре 1997 г. я получила от тети Тани из Вышгорода письмо, в котором содержалось много неизвестной мне ранее информации, а также сделаны исправления первоначально допущенных мною неточностей. В частности, от моей тети Татьяны Константиновны я многое узнала о своем деде КОНСТАНТИНЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ГУДКОВЕ, погибшем в конце 30-х гг.

Перед самым Новым (1998) годом пришло письмо и от тети Нонны из Новгорода, где также много важных исправлений и ценных дополнений. В частности, благодаря моей тете Нонне Константиновне я смогу рассказать о роде моей бабушкм ЕКАТЕРИНЫ КУЗЬМИНИЧНЫ ЛЕМЕШЕВОЙ.

Все замечания моих родственников, их исправления и дополнения, я постаралась учесть в настоящем (возможно, еще не окончательном!) варианте своей хроники.

(Прошу тетю Нонну и тетю Таню, у которых остался первый вариант настоящего текста - с ошибками! - если не уничтожить его, то во всяком случае сделать на нем пометку: «Есть ошибки. См. второй вариант, от января 1998 г.).

Вот что мне на сегодняшний день известно из **истории рода Гудковых**.

Мой прадед по материнской линии Николай Гудков и моя прабабушка Параскева или Прасковья Гудкова (ее девичья фамилия мне неизвестна) были жителями дер. Верещино, Старорусского уезда, Новгородской губернии. Род занятий моего прадеда - торговля.

У Николая и Параскевы Гудковых было пятеро детей: АННА, АЛЕКСЕЙ, КОНСТАНТИН (мой дед, 1870 г. рожд.), ВАЛЕНТИНА и ОЛЬГА.

Из письма моей тети Н.К. Бранкиной я узнала кое-что о детях Николая и Параскевы Гудковых, т.е. о **братьях и сестрах моего деда Константина Николаевича Гудкова**, а также об их потомках. Вот эта информация.

Старшая дочь моих прадеда и прабабушки Николая и Параскевы Гудковых (сестра моего деда Константина Николаевича) АННА НИКОЛАЕВНА ГУДКОВА вышла замуж за АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА СЕМКИНА, который был железнодорожным служащим.

У Александра и Анны Семкиных было пятеро детей: ЕВГЕНИЯ, ВИКТОР, СЕРГЕЙ, ВАЛЕНТИНА, СЕРАФИМА. (Это были двоюродные сестры и братья моей мамы).

У дочери Анны и Александра Семкиных (двоюродной сестры моей мамы Ольги Константиновны) ЕВГЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ СЕМКИНОЙ (фамилия ее мужа мне неизвестна) было три дочери: ГАЛИНА, ИРИНА и МАРИНА. (Мне они приходятся троюродными сестрами, но я о них ничего не знаю).

О сыне Анны и Александра Семкиных (двоюродном брате моей мамы Ольги Константиновны) ВИКТОРЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СЕМКИНЕ известно, что он, как и его отец, служил на железной дороге.

О другом сыне Анны и Александра Семкиных (двоюродном брате моей мамы Ольги Константиновны) СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ СЕМКИНЕ известно, что он был инженером.

О дочери Анны и Александра Семкиных (двоюродной сестре моей мамы Ольги Константиновны) ВАЛЕНТИНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ СЕМКИНОЙ известно, что она была замужем за СЕРГЕЕМ ПАВЛОВИЧЕМ РАХИНСКИМ.

О дочери Анны и Александра Семкиных (двоюродной сестре моей мамы Ольги Константиновны) СЕРАФИМЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ СЕМКИНОЙ известно еще меньше. (Моя тетя Н.К.Бранкина пишет: «Сима работала, но где - не помню»).

Старший сын моих прадеда и прабабушки Николая и Параскевы Гудковых (брат моего деда Константина Николаевича) АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУДКОВ жил в дер. Верещино. Как сообщает моя тетя Т.К.Козьярская, он, как и мой прадед, занимался торговлей, унаследовав дело отца.

У Алексея Николаевича Гудкова была дочь ОЛЬГА (Леля, как называет ее моя тетя Н.К.Бранкина).

Дочь Алексея Николаевича (двоюродная сестра моей мамы Ольги Константиновны) ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА ГУДКОВА была замужем за АЛЕКСАНДРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ГОЛОВКИНЫМ. У них было трое детей (мои троюродные братья или сестры, имен которых я не знаю).

Из дер. Верещино семья Головкиных переехала в Ленинград.

Но больше о них моя тетя Н.К.Бранкина ничего не сообщает.

Младшим сыном моих прадеда и прабабушки Николая и Параскевы Гудковых был мой дед **КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ГУДКОВ**. О нем речь - впереди.

О младших дочерях моих прадеда и прабабушки Николая и Параскевы Гудковых (сестрах моего деда Константина Николаевича) **ВАЛЕНТИНЕ НИКОЛАЕВНЕ** и **ОЛЬГЕ НИКОЛАЕВНЕ ГУДКОВЫХ** моя тетя Н.К.Бранкина знает мало. Известно, что обе были замужем (одна из них в замужестве носила фамилию - **РОМАНОВА**). Имели детей (двоюродные братья или сестры моей мамы Ольги Константиновны). Моя тетя Н.К.Бранкина пишет, что обе семьи жили в Ленинграде.

Теперь о **моем деде**, отце моей мамы Ольги Константиновны.

Мой дед Константин Николаевич Гудков родился в 1870 г. (как сообщает моя тетя Н.К. Бранкина; моя тетя Т.К. Козьярская указывает год его рождения - 1871; Мария Степанова, со слов моей тети А.К. Гудковой, пишет: «родился около 1870 г.»). Точная дата смерти моего деда неизвестна (1938 г. или позже).

Мой дед Константин Николаевич окончил учительскую семинарию в Гатчине. Он начал работать учителем в Спасской Полисти, Новгородской губернии. Потом он переехал в село Любыни, Старорусского уезда, Подгощинской (или Любынской, смотря какое село в то время считалось центром волости - Подгощи или Любыни) волости, Новгородской области. (Село Любыни существует и сегодня; оно расположено на юг от Новгорода, в 9 км южнее с. Подгощи, которое легче найти на современной карте).

У меня сохранилась «Метрическая выписка о родившихся в 1905 году», выданная причтом Любынской-Знаменской церкви, Старорусского уезда в 1918 г. («на случай представления в учебное заведение»), относительно моей тети Зинаиды Константиновны, где указано звание моего деда Константина Николаевича Гудкова: «учитель Любынского одноклассного Министерства Народного Просвещения училища».

В селе Любыни в 90-х гг. прошлого века мой дед Константин Николаевич Гудков познакомился со своей будущей женой, моей бабушкой Екатериной Кузьминичной Лемешевой.

Теперь - о другом родительском корне. **история рода Лемешевых**.

Другие мои **прадед и прабабушка по материнской линии** - **КУЗЬМА МАКСИМОВИЧ ЛЕМЕШЕВ** и **ДАРЬЯ ИВАНОВНА ЛЕМЕШЕВА** (в девичестве - **МАЛЫШЕВА**). Семья Лемешевых была крестьянской.

У моего прадеда Кузьмы Максимовича Лемешева был брат - **НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ ЛЕМЕШЕВ**. У того был сын (двоюродный брат моей бабушки Екатерины Кузьминичны) **АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЛЕМЕШЕВ**.

У моей прабабушки Дарьи Ивановны Лемешевой был брат - **ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ МАЛЫШЕВ**. Его дети - **АННА**, **АНАСТАСИЯ**, **ПАВЕЛ**, **ЛЕОНИД**, **АНТОНИНА** и **ЕВДОКИЯ** (двоюродные сестры и братья моей бабушки Екатерины Кузьминичны). (Моя тетя Н.К. Бранкина пишет, что больше, чем с остальными, она общалась с «тетей То-ней» - Антониной Васильевной, и «тетей Дусей» - Евдокией Васильевной. С последней моя тетя Нонна Константиновна общалась до ее смерти в 1970-х гг. Об их детях - двоюродных сестрах или братьях моей мамы - тетя Нонна ничего не сообщает).

Мой прадед Кузьма Максимович Лемешев умер рано, оставив троих дочерей: **ЕКАТЕРИНУ** (моя бабушка: род. в 1880 г.), **ТАТЬЯНУ** и **АЛЕКСАНДРУ**. Старшей (моей бабушке Екатерине) было тогда около четырех лет. Младшая (Александра) вскоре умерла от скарлатины.

Как пишет моя тетя Н.К. Бранкина, моя прабабушка Дарья Ивановна Лемешева, «была очень трудолюбивая, деятельная крестьянка. Одна вырастила и воспитала дочерей, трудилась до самой смерти. Умерла она в июне 1923 г., в возрасте 72 лет. (Стало быть, родилась моя прабабушка Дарья Ивановна Лемешева около 1850 г. - З.В.).

За несколько дней до смерти просила: «Кать, дай прятку, у меня пальцы еще шевелятся...».

Еще моя тетя Н.К. Бранкина сообщила мне, что моя прабабушка Дарья Ивановна Лемешева была у помещика управительницей. Незадолго до революции она купила большую часть дома помещика, другие части дома купили брат ее покойного мужа Николай Максимович Лемешев и еще одна семья (КАЛИНИЧЕВЫ). (В этом доме потом жили мой дед Константин Николаевич и моя бабушка Екатерина Кузьминична Гудковы, со своими детьми).

Сестра моей бабушки Татьяна Кузьминична Лемешева вышла замуж за ПЕТРА ИВАНОВИЧА РЯБОВА (из купцов). Они жили в с. Михайлов Погост, Псковской губернии.

У Петра и Татьяны Рябовых было семеро детей: ЛИДИЯ, ЛЕОНИД, АЛЕКСАНДРА, КЛАВДИЯ, АНАТОЛИЙ, ВАЛЕНТИНА, ПЕТР. (Это - двоюродные братья и сестры моей бабушки Екатерины Кузьминичны). Моя тетя Н.К. Бранкина пишет, что связи с ними со времен войны у нее не было.

Моя бабушка Екатерина Кузьминична Гудкова (в девичестве - Лемешева) была старшей дочерью Кузьмы и Дарьи Лемешевых. Она родилась в 1880 г. (Так говорила моя тетя А.К. Гудкова; моя тетя Т.К. Козьярская пишет, что бабушка родилась в 1881 г.; моя тетя Н.К. Бранкина указывает - 1979 г; у меня же сохранилась старая фотографии могилы бабушки Екатерины Кузьминичны, где четко видна табличка с годами жизни: 1980-1942).

Моя бабушка Екатерина Кузьминична была моложе моего деда - Константина Николаевича - на десять лет. Судя по дате рождения их первого ребенка (моей тети Марии Константиновны), замуж моя бабушка вышла лет восемнадцати.

Теперь расскажу о **родительской семье моей мамы Ольги Константиновны Вахарловской (в девичестве - Гудковой).**

У моей бабушки Екатерины Кузьминичны и моего деда Константина Николаевича Гудковых было ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ:

МАРИЯ (род. 15.02.1899, ум. 14.02.1980);

СЕРГЕЙ (1901-1967);

АЛЕКСАНДРА (род. 5.5.1903, ум. в 1996 г.);

ЗИНАИДА (род. 16.02.1905, ум. 28.03.1972);

НИКОЛАЙ (род. 3.04.1907, ум. 1.04.1972);

НОННА (род. 18.08.1912 г.);

ОЛЬГА, МОЯ МАМА (род. 15.06.1915, ум. 23.06.1991);

ТАТЬЯНА (род. 18.01.1923).

(По другим имеющимся у меня сведениям, мой дядя С.Н.Гудкова скончался в 1969 г. Я здесь отдаю приоритет информации от тети Нонны - 1967 г.).

Мой дед Константин Николаевич и моя бабушка Екатерина Кузьминична жили при Любынской школе, где дед учительствовал. В 1910-х гг. (уже когда Николай Константинович оставил учительство, о чем - ниже) они переехали в дом матери моей бабушки Екатерины Кузьминичны - Дарьи Ивановны Лемешевой. (В этом доме они жили вплоть до 1930 г.).

По воспоминаниям моей тети Н.К. Бранкиной, мой дед Николай Константинович был очень творческим педагогом. Кроме грамоты дети в Любынской школе приобретали ремесленные навыки (столярное дело, сапожное дело), а также навыки грамотного ведения сельского хозяйства. Около школы был плодовый сад, расположенный на низком месте, так что каждое дерево росло на приносной земле. По краям сада росли березы и были разве-дены... подберезовики.

Еще тетя Нонна рассказывает, что около бывшего помещичьего дома, в котором жила семья Гудковых, были запущенный сад и пруд с ледяной водой, выложенной булыжником. Дед восстановил сад и выкопал еще один (маленький) пруд, для полива сада и купанья. (Теперь сады вырублены, а пруды высохли).

В 1910-х гг. мой дед Константин Николаевич Гудков оставил учительство и стал работать дьяконом - в той самой Любынской-Знаменской церкви, где крестили всех его детей (к тому времени их было уже шестеро). Как сообщает моя тетя Н.К. Бранкина, к тому времени у деда был уже **27-летний учительский стаж**.

Как пишет моя родственница Мария Степанова (со слов моей покойной тети А.К. Гудковой), «у него (*моего деда Константина Николаевича. - З. В.*) заболела печень, и учительствовать стало трудно». По свидетельству моей тети Т.К. Козьярской, этот жизненный шаг деда имел и другие причины (см. ниже).

Прочитую упомянутое выше письмо ко мне моей тети Т.К. Козьярской:

«Мне было 14 лет (напомню: тетя Таня родилась в 1923 г. - З.В.), когда я видела его (*моего деда Константина Николаевича. - З. В.*) в последний раз. Я далеко не все тогда понимала, и оценить его положительное влияние на всех нас, детей, смогла, пожалуй, лишь гораздо позже. По отдельным высказываниям старших, отложившимся где-то да-леко в памяти, у меня сложилось впечатление, что отец оставил учительство не потому, что хотел «полегче» (или не только). Были и другие причины, хотя бы начиная с влияния мамы (*моей бабушки Екатерины Кузьминичны. - З. В.*). Мама была глубоко верующим человеком. В связи с болезнью папы даже дала обет - никогда не есть мяса, и этот обет всю жизнь свято соблюдала...

Отец был довольно деятельным человеком до старости, - продолжает моя тетя Т.К. Козьярская. - Еще будучи учителем, он организовал в селе самодеятельные спектакли, хор. У него самого был хороший голос... В меру своих способностей отец старался развить интерес к музыке и в детях. У нас был даже рояль дома. Своих детей он хотел видеть образованными людьми. Это сказалось его влияние, что почти все дети, в трудное для нас время, получили высшее образование.

Свое с/хозяйство отец старался вести «по науке». Еще будучи ребенком, помню слова: «севооборот», «семиполье», и пр. Насчет земли. У бабушки, маминой мамы, наверное, была земля, но дети в то время еще были малы и не могли участвовать в обработке. А после революции папа получил надел, как выразилась, наверное, т. Зина (моя тетя Зинаида Константиновна. - З.В.), - «мокрые кусты». Старшим детям пришлось очень много и трудно работать, чтобы при-вести эту землю в должное состояние, они даже обижались на папу за это...».

В 1930 г. семья Гудковых был раскулачена и выселена за пределы Новгородской области.

В ту пору шестеро старших детей уже жили отдельно. Дед и бабушка отправили мою маму (ей было 15 лет) к старшему брату, моему дяде Николаю Константиновичу (он жил в с. Черном, Новгородской обл.), а сами с младшей дочерью Таней (моей тетей Татьяной Константиновной) переехали в Псковскую область. Там они поселились в с. Высокое, Дедовичского района, а позднее - переехали в с. Сигорицы. Пока жили в с. Высокое, мой дед Константин Николаевич служил в церкви дьяконом, а в с. Сигорицы стал служить священником.

В 1937 г. моя тетя Татьяна Константиновна окончила семилетку и переехала в Новгород, где стала учиться в средней школе, а дед с бабушкой остались вдвоем.

В 1938 г. мой дед Константин Николаевич Гудков был арестован, и больше никому из родственников ничего узнать о нем не удалось. Обстоятельства смерти деда неизвестны. Могилы - нет.

Более подробно об обстоятельствах жизни семьи Гудковых в 1930-х гг. рассказывает моя тетя Т.К. Козьярская в своем письме:

«Нас раскулачили в 1930 г. и выселили. Так мы оказались в Псковской области... Вначале жили в Дедовичах (с. Высокое), а когда там закрыли церковь, папа получил назначение уже священником в захудалое село Сигорицы... Папу арестовали в марте 1938 г. Я была тогда в Новгороде. Больше о папе никаких известий уже не было. Мама ездила в Псков, чтобы что-то узнать - но безрезультатно. Тогда мама собрала вещи, часть их

оставила у какой-то женщины, оставив себе лишь самое необходимое, поехала к детям и стала жить у т. Шуры (*моей тети Александры Константиновны. - З. В.*) на Сиверской в Белогорке...».

Моя тетя Н.К. Бранкина пишет:

«В 1938 г. папа был арестован. После его ареста мама (моя бабушка Екатерина Кузьминична. - З. В.) некоторое время жила у меня, а в конце лета переехала к Шуре в Белогорку...».

О трагической судьбе моего деда Константина Николаевича Гудкова я лично впервые узнала только в 1991 г., в день похорон моей мамы Ольги Константиновны, от моего отца Глеба Анатольевича Вахарловского и от моей тети Нонны Константиновны Бранкиной.

Старшие поколения Гудковых и Вахарловских - в течение полувека! - оберегали младших от этой информации.

Моя бабушка Екатерина Кузьминишна Гудкова ненадолго пере-жила моего деда. Она погибла от тифа, в войну, в марте 1942 г. (Об обстоятельствах ее смерти более подробно - ниже).

На кладбище в Сиверской сохранилась могила моей бабушки Екатерины Кузьминичны. (Недавно эту могилу обновили).

Обращусь к рассказу о моих старших родственниках - **маминых сестрах и братьях** (то есть о моих тетушках и дядях по материнской линии) и об **их потомках**.

Старшая из детей моих деда и бабушки, по маминой линии, моя тетя МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА ГУДКОВА родилась 15 февраля 1899 г. Она окончила Новгородскую гимназию, еще до револю-ции. Одно время тетя Маруся преподавала в школе - той самой Любынской школе, где прежде учительствовал ее отец (мой дед) Константин Николаевич. Потом тетя Маруся уехала в Ленинград, где закончила Ленинградский сельскохозяйственный институт (специальность - агроном). Она работала научным сотрудником на Ленинградской опытной станции Белогорка. Тетя Маруся очень любила и хорошо знала природу.

В 1927 г. моя тетя Мария Константиновна вышла замуж за НИКОЛАЯ МИРОНОВА, агронома. Они стали жить в Ленинграде. Муж тети Маруси преподавал в Институте механизации сельского хозяйства. Детей у них не было. В начале войны тетя Маруся эвакуировалась в Оренбургскую область. Ее муж Николай Миронов эвакуировался туда же, но позднее. Его здоровье было подорвано блокадой, и он умер там от сердечного приступа.

После войны тетя Маруся работала научным сотрудником в ВИРе (Всесоюзный институт растениеводства). В Ленинграде она всю жизнь прожила в комнате в коммунальной квартире, на Петроградской стороне (ул. Ижорская). В этой комнате мне нравилось бывать.

Обычно у моей тети Марии Константиновны подолгу жили младшие родственники, сначала сестры, а потом - племянники, приезжавшие в Ленинград учиться или работать. Она их всех опекала. Вообще, тетя Маруся - старшая сестра - была для младших как бы второй матерью.

Младшие родственники ответили тете Марусе любовью и заботой, когда она заболела (у Марии Константиновны был инфаркт).

Умерла моя тетя Мария Константиновна Гудкова 14 февраля 1980 г., в возрасте 82 лет. Она похоронена на Северном (Парголовском) кладбище.

Второй из детей моих деда и бабушки, мой дядя СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУДКОВ родился в 1901 г. Он окончил духовное училище в Старой Руссе. Отслужив в армии, он поступил в Ветеринарный институт, по окончании которого уехал в Сибирь.

(Моя тетя Т.К. Козьярская в своем письме уточняет: в Омск). Через несколько лет дядя Сережа вернулся. Был женат, имел четверых детей: НАДЕЖДА, НИКОЛАЙ, ИРИНА, ОЛЬГА. (Это - мои двоюродные брат и сестры; о них - ниже).

Мой дядя Сергей Константинович был разведен, потом женился вторично. Проживал в Выборгском районе, Ленинградской области.

Дядя Сережа был старшим из сыновей моего деда Константина Николаевича и пользовался особенным авторитетом в семье. Кажется (по воспоминанию моей сестры Ольги Вахарловской), он был членом партии, потом - то ли был исключен, то ли сам из партии вышел. Из-за чего вроде и вынужден был уехать за «100-й км», в Выборгский район.

(Моя тетя Т.К. Козьярская пишет в своем письме, что «в партии дядя Сережа, пожалуй, не был... У него были какие-то неприятности, связанные с работой, но скорее всего с происхождением»).

Умер мой дядя Сергей Константинович Гудков в возрасте 68 лет, от рака желудка, в 1969 г.

(Рассказывают, что дядя Сережа правильно предсказал последовательность ухода из жизни своих сестер и брата. Сам он скончался первым).

О потомках дяди Сережи (Сергея Николаевича Гудкова)

Сына моего дяди Сергея Николаевича (моего двоюродного брата) НИКОЛАЯ СЕРГЕЕВИЧА ГУДКОВА уже нет в живых.

Старшая дочь моего дяди Сергея Николаевича (моя двоюродная сестра) НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА ГУДКОВА закончила Ленинградский педагогический институт, работала же в основном инженером (в частности, на Кронштадтском судоремонтном заводе). жила сначала в Ленинграде (в Купчино), потом в Кронштадте.

Мне раньше почти ничего не было известно о младших детях дяди Сережи (моих двоюродных сестрах) - ИРИНЕ СЕРГЕЕВНЕ и ОЛЬГЕ СЕРГЕЕВНЕ ГУДКОВЫХ. Моя тетя Т.К. Козьярская сообщает в своем письме: «Ирина, дочь д. Сережи, как я слышала в свое время от сестер, - медицинский работник, работала в Липецке, в психиатрической больнице. Связь с ней потеряна. У Ольги, дочери д. Сережи, трагическая судьба. Ее нет в живых...».

Как рассказывала мне (давно) моя двоюродная сестра Надежда Гудкова, у Ирины Сергеевны Гудковой есть дочь.

Третья из детей моих деда и бабушки, моя тетя АЛЕКСАНДРА КОНСТАНТИНОВНА ГУДКОВА родилась 5 мая 1903 г. До революции она училась в приходской школе при монастыре в Новгородской губернии (первые три класса). Заканчивала школьное обучение уже после революции.

В 20-х гг. тетя Шура приехала к старшей сестре, моей тете Марии Константиновне в Ленинград, где поступила учиться в Ленинградский сельскохозяйственный институт. На 3-м курсе была отчислена из института («после партийной чистки, по социальному происхождению», как записала Мария Степанова со слов моей тети Александры Константиновны). Закончив курсы контрольных лаборантов, тетя Шура стала работать в Волосовском районе, Ленинградской обл. Сельскохозяйственный институт она окончила уже позднее («экстерном», как пишет Мария Степанова).

До войны тетя Шура работала техником, потом научным сот-рудником на опытной станции Белогорка (там же, где и моя тетя Мария Константиновна). Как тетя Шура вспоминала (письмо Марии Степановой), ее два раза сокращали оттуда «по социальному происхождению».

Моя тетя Александра Константиновна была замужем за МИХАИЛОМ СТЕПАНОВЫМ (свою фамилию тетя Шура не меняла). У них были дети: ВИКТОР (1935 г. рожд.) и АЛЕКСАНДР (1937 г. рожд.).

Как я уже говорила, к тете Шуре, в Белогорку, после ареста моего деда Константина Николаевича Гудкова в 1938 г. переехала жить моя бабушка Екатерина Кузьминична.

В 1941 г. вся семья Степановых-Гудковых оказалась в г.

Пушкине, под немцами. Потом перебрались на ст. Сиверская. Там в 1942 г. тиф скопил половину семьи (умерли моя бабушка Екатерина Кузьминична, муж тети Шуры Михаил Степанов и 6-месячный сын тети Шуры КОЛЯ). Тете Шуре с двумя малолетними детьми (Виктором и Александром) чудом удалось избежать угона в Германию.

Моя тетя Т.К. Козьярская пишет об этих печальных событиях в своем письме:

«В начале войны т. Шура (*моя тетя Александра Константиновна. - З.В.*) с семьей жили в г. Пушкине, где муж т. Шуры - Степанов М. работал в Институте механизации сельского хозяйства. Из-за неразберихи они не смогли эвакуироваться. К тому же у т. Шуры должен был родиться ребенок. С трудом им удалось перебраться на ст. Сиверскую, в Белогорку. Там было тоже голодно. Наша мама (*моя бабушка Екатерина Кузьминична. - З.В.*) весной с опухшими ногами в каких-то обмотках собирала в поле колоски и, видимо, очень простудилась. Да и тиф свирепствовал. Болела мама тихо, ни на что не жалуясь, стараясь не причинять лишнего беспокойства дочери. Т. Шура даже не сразу заметила, что мама больна. Вскоре переболела почти вся семья, кажется, кроме Саши. Умер муж т. Шуры, когда т. Шура была без памяти. Она даже не знала, где он похоронен».

С 1944 г. моя тетя Александра Константиновна стала вновь работать на опытной станции Белогорка, а потом - до самой пенсии - зоотехником в колхозе «Ленинское знамя». Жила она в дер. Рутелицы, Волосовского района. Сначала тетя Шура жила в доме, выделенном от колхоза. (Я помню этот дом - с соломенной крышей, а на крыше росла береза). Потом тетя Шура, при участии своих сестер (моих тетушек) Марии Константиновны, Зинаиды Константиновны и Ольги Константиновны (моей мамы), купила там себе дом.

Моя тетя Александра Константиновна за успехи в животноводстве была послана на ВДНХ (где была награждена медалью и ценным подарком). В последующие годы ее колхоз занимал первые места в районе по надоям молока.

Тетю Шуру очень уважали односельчане, часто обращались к ней за житейскими советами. Она вела здоровый образ жизни: ежедневно проходила много километров пешком, занималась физзарядкой (хоть в ту пору на селе это и не было принято).

Тетя Шура в старости страдала глаукомой (по-видимому, это наследственная болезнь Гудковых, т.к. ею страдали также моя тетя Зинаида Константиновна и моя мама Ольга Константиновна).

Уже в преклонном возрасте, после тяжелого перелома шейки бедра, тетя Шура переехала к сыну, Александру Михайловичу Степанову в г. Чехов, Московской области. Там в 1996 г. моя тетя Александра Константиновна Гудкова скончалась, в возрасте 93 лет.

Дом тети Шуры в дер. Рутелицы цел и по сей день. В одной его половине летом живет ее сын (мой двоюродный брат) Виктор Михайлович Степанов, а во второй его половине - тоже летом - моя сестра Ольга Глебовна Вахарловская, со своей семьей.

О потомках тети Шуры (Александры Николаевны Гудковой)

Старший сын моей тети Александры Константиновны (мой двоюродный брат) **ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ СТЕПАНОВ** был военным, потом, после окончания Ленинградского электротехнического института, работал инженером. Сейчас Виктор Михайлович живет в Санкт-Петербурге, в Купчино.

Младший сын моей тети Александры Константиновны (мой двоюродный брат) **АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СТЕПАНОВ** окончил военное училище, был военным. Его жена - **МАРИЯ СТЕПАНОВА**.

У Александра и Марии Степановых - две дочери: **АННА** и **ТАТЬЯНА**.

Александр Михайлович Степанов вышел в отставку в чине майора, не дослужив года до военной пенсии. Сейчас он живет в г. Чехове, Московской обл. Работает на железной дороге.

Старшая дочь Александра и Марии Степановых АННА АЛЕКСАНДРОВНА СТЕПАНОВА (внучка моей тети Александры Константиновны) закончила металлургический институт, вышла замуж за югослава (фамилии не знаю) и уехала с ним в Словению. Сейчас она работает там начальником цеха фармацевтического предприятия.

Младшая дочь Александра и Марии Степановых ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СТЕПАНОВА (внучка моей тети Александры Константиновны) сейчас заканчивает пищевой техникум, живет с мужем (фамилии не знаю), как и ее родители, в г. Чехове, Московской обл.

Четвертая из детей моих деда и бабушки, моя теть ЗИНАИДА КОНСТАНТИНОВНА ГУДКОВА родилась 16 февраля 1905 г. Она окончила педагогический техникум, в Новгороде. Учительствовала (все в той же Любынской школе, где прежде - мой дед Константин Николаевич Гудков). Потом теть Зина переехала в Ленинград, где закончила чертежные курсы. Работая чертежницей в Ленинградском кораблестроительном институте, училась в нем на вечернем отделении. Ее чуть не исключили оттуда («по доносу», по воспоминанию моей тети Александры Константиновны Гудковой).

По окончании института теть Зина стала работать в институте «Союзпроектверфь» (том самом, где работал мой будущий отец Глеб Анатольевич Вахарловский).

Моя теть Зинаида Константиновна получила в Ленинграде комнату (очень темную) в коммунальной квартире на Петроградской стороне (ул. Малая Посадская). К ней потом приехала из Новгородской области ее младшая сестра, моя мама Ольга Константиновна, и они стали жить вместе.

В войну моя теть Зинаида Константиновна и мама, также вместе, эвакуировались в Омск, по месту эвакуации института «Союзпроектверфь», где работала теть Зина.

После войны теть Зина вернулась в Ленинград. Продолжала работать в том же институте «Союзпроектверфь» инженером, до пенсии.

У тети Зины, как и у тети Маруси, часто подолгу жили младшие родственники, приехавшие в Ленинград учиться или работать. Я очень любила бывать у тети Зины в комнате на Малой Посадской.

Моя теть Зинаида Константиновна Гудкова умерла 28 марта 1972 г., в возрасте 67 лет, от тилонефрита. Она похоронена на Северном кладбище (как и моя теть Мария Константиновна).

Детей у тети Зины не было.

Пятый среди детей моих деда и бабушки, мой дядя НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ГУДКОВ родился 3 апреля 1907 г. Он окончил сельскохозяйственный техникум, после чего стал работать агрономом в с. Черном, Батецкого района, Новгородской обл.

(Как рассказывает дочь дяди Коли, моя двоюродная сестра Римма Николаевна Соколовская, там, в с. Черном, был сортоучасток по выведению новых сортов пшеницы по методу Н.И. Вавилова. С приходом к власти Т.Д. Лысенко, сортоучасток был преобразован в МТС).

Дядя Коля работал сначала на сортоучастке, потом в МТС. Трудовые заслуги Николая Константиновича неоднократно отмечались в газетах, он награждался ценными подарками.

В с. Черном дядя Коля познакомился с двумя сестрами-учительницами - ЛИДИЕЙ ФЕДОРОВНОЙ и РАЙСОЙ ФЕДОРОВНОЙ ЕКИМОВЫМИ. Мой дядя Николай

Константинович женился на Раисе Федоровне Екимовой. 4 сентября 1930 г. у них родилась дочь РИММА.

Моя двоюродная сестра Римма Николаевна Соколовская рассказывает:

«Когда началась война, МТС не успели эвакуировать. Чтобы техника не досталась врагу, работники МТС загнали ее в болото, а сами прибыли на пункт эвакуации (ст. Хвойная, тогда - Ленинградской, теперь - Новгородской обл.). За то, что «погубили» технику, папа (Николай Константинович Гудков. - З. В.) и его товарищи были исключены из партии.

Папа еще до войны имел офицерское звание (мл. лейтенант). Его лишили звания и отправили на фронт рядовым. Он воевал на Северо-Западном фронте. Воевал хорошо, был награжден орденом «Красной звезды». (Этот орден с оббитой эмалью хранится в семье Соколовских; в один из лучей звездочки попала пуля, так что орден «спас» дяде Коле жизнь. - З. В.). За год войны папа «дослужился» до капитана артиллерии.

В 1942 г. его часть попала в окружение. Некоторым, в том числе и папе, удалось из него выйти. После этого папе уже «не доверили» вернуться на фронт и отправили работать на оружейный завод в Ижевске, где он и закончил войну.

После войны папа работал агрономом на ст. Хвойная, Новгородской обл., потом - в Выборгском районе (г. Приморск), потом - в Ломоносовской МТС. То, что в 1941 г. сельскохозяйственную технику они не оставили врагу, стало рассматриваться как патриотический поступок. Папины сослуживцы были восстановлены в партии. Сам же он восстанавливаться в партии не захотел. Не захотел и работать председателем колхоза, как ему усиленно предлагали...».

Дядя Коля жил с женой Раисой Федоровной в г. Ломоносове.

С 1941 г. с ними вместе жила сестра Раисы Федоровны Лидия Федоровна Екимова, потерявшая в первый год войны мужа ИВАНА ИВАНОВИЧА ПЕТРОВА. Моя двоюродная сестра Римма Николаевна Соколовская говорит, что Лидия Федоровна была ей (Римме) «второй матерью».

Жили втроем (Римма к тому времени уже вышла замуж) в ведомственном доме, в «полутораконмнатной» квартире. Уже выйдя на пенсию, дядя Коля занимался лесоохраной. Был председателем охотничьего коллектива.

Мой дядя Николай Константинович Гудков умер 1 апреля 1977 г., в возрасте 70 лет, от рака легких. Он похоронен на кладбище в Ломоносове, под Ленинградом.

Жена Николая Константиновича Раиса Федоровна Екимова и ее сестра Лидия Федоровна Екимова пережили его на три года (Раиса Федоровна умерла 6.05.1980, в возрасте 76 лет; Лидия Федоровна умерла 20.12.1980, в возрасте 80 лет).

О потомках дяди Коли (Николая Константиновича Гудкова).

Дочь моего дяди Николая Константиновича (моя двоюродная сестра) РИММА НИКОЛАЕВНА СОКОЛОВСКАЯ (в девичестве - Гудкова) закончила Ленинградский библиотечный институт. Она вышла замуж за МИХАИЛА ВЛАДИМИРОВИЧА СОКОЛОВСКОГО (родом из г. Котовска, Одесской обл.). Он был военным, прошел путь от рядового до подполковника. Служил по всей стране от Балтийска до Советской Гавани. Римма Николаевна, как офицерская жена, переезжала вместе с ним, работала библиотекарем. Сейчас оба - на пенсии.

У Риммы и Михаила Соколовских есть сын СЕРГЕЙ (1952 г. рожд.). Это - внук моего дяди Николая Константиновича. По специальности СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОКОЛОВСКИЙ - радиоэлектронщик. Работал в институте метрологии им. Менделеева. Сейчас работает на фирме «Петмол», инженером-электриком.

Сергей Михайлович Соколовский от первого брака (с ОЛЬГОЙ СЕРАФИМОВНОЙ ПОЛОСУХИНОЙ) имеет дочь ИРИНУ (1983 г. рожд.). Это - правнучка моего дяди Николая Константиновича.

Сейчас Сергей Михайлович женат вторично. Его жена - ИРИНА ИВАНОВНА СОКОЛОВСКАЯ (в девичестве - Фомичева; родом из г. Костромы). Она работает врачом (пульманолог).

У Сергея и Ирины Соколовских - двое детей: ЕЛЕНА (род. 3.02.1986) и МИХАИЛ (род. 20.07.1988). Это - правнуки моего дяди Николая Константиновича.

Сейчас все три поколения Соколовских живут вместе, в г. Ломоносове. У них там 3-х комнатная квартира. А по дороге к Сосновому бору - свой садово-огородный участок, где моя двоюродная сестра Римма Николаевна проводит лето с внуками.

Шестая среди детей моих деда и бабушки, моя тетья **НОННА КОНСТАНТИНОВНА БРАНКИНА** (в девичестве - **ГУДКОВА**) родилась 18 августа 1912 г.. Она окончила Новгородское педагогическое училище, после чего работала воспитательницей в детском саду. Потом тетья Нонна учительствовала в с. Раменское, под Новгородом.

Двадцати лет моя тетья Нонна Константиновна вышла замуж за **ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА БРАНКИНА**, председателя колхоза. (В сво-ем недавнем письме она пишет: «Бранкин Иван Александрович, родом из крестьян. Трудлюбивый и честный. Большого образо-вания не имел. Но где ни работал - дело шло хорошо».)

У Нонны Константиновны и Ивана Александровича Бранкиных было четверо детей: **ВЛАДИМИР**, **ГАЛИНА**, **МАРИЯ**, **НОННА** (о них см. ниже).

Во время войны тетья Нонна была угнана со всеми детьми (старшему - Владимиру - было тогда восемь лет, а младшей - Нонне - два года) в Прибалтику. Там один прибалтийский крестьянин их пожалел и взял тетю Нонну, с детьми, к себе - батрачить.

Муж моей тети Нонны Константиновны Иван Александрович Бранкин в это время воевал на Ленинградском фронте. (Тетья Нонна пишет: «23 июня 1941 г. был призван в Армию и направлен на Ленинградский фронт, 41-й понтонно-мостовой батальон. Оборонял подступы к Ленинграду на Невской Дубровке - «Невский батальон». Был ранен дважды: осколочное ранение в висок; и под Старой Руссой - пулевое ранение в бедро. За боевые и трудовые заслуги был награжден тремя орденами и медалями, в числе которых и медаль «За оборону Ленинграда».)

По окончании войны все вернулись домой (в с. Раменское).

Потом семья Бранкиных переехала в Новгород, где Иван Александрович работал строителем, а тетья Нонна - учительст-вовала. Иван Александрович Бранкин умер в 1987 г.

Сейчас моей тете Нонне Константиновне Бранкиной - 85 лет. К старости у нее развилась катаракта. Тетья Нонна живет в Новгороде, в 2-х комнатной квартире, одна. Но дети и внуки ее не забывают.

О потомках тети Нонны (Нонны Константиновны Бранкиной).

Сын моей тети Нонны Константиновны (мой двоюродный брат) **ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ БРАНКИН** (род. 10.08.1933, ум. 17.03.1997). Жил в Твери. Владимир Иванович был женат на **ЗОЕ ГРИГОРЬЕВНЕ КАПУСТИНОЙ**. В 1960 г. у них родилась дочь **ЕЛЕНА**.

Дочь Владимира и Зои Бранкиных (внучка моей тети Нонны Константиновны) **ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА БРАНКИНА** вышла замуж за **ЮРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА ГОЛУБЕВА**.

У Юрия и Елены Голубевых есть дети: **ЮЛИЯ** (1980 г. рожд.) и **ТАТЬЯНА** (1983 г. рожд.). Это - правнучки моей тети Нонны.

Старшая дочь моей тети Нонны Константиновны (моя двоюрод-ная сестра) **ГАЛИНА ИВАНОВНА БРАНКИНА** (род. 18.09.1935). Живет в г. Сарапуле. Была замужем за **ПАВЛОМ АНДРЕЕВИЧЕМ ЧАТКИНЫМ**. Разведена. Сейчас на пенсии.

У Галины и Павла Чаткиных - трое детей: **ЮРИЙ** (1959 г. рожд.), **ЕЛЕНА** (1961 г. рожд.) и **ВЕРА** (1972 г. рожд.).

Сын Галины и Павла Чаткиных (внук мой тети Нонны Константиновны) **ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ ЧАТКИН** был женат. (Сейчас его супруги нет в живых).

В 1977 г. у Юрия Чаткина и его супруги родился сын **ВЯЧЕСЛАВ**. Это - правнук моей тети Нонны.

Сейчас Галина Ивановна Бранкина, ее сын Юрий Павлович и внук Вячеслав Юрьевич живут вместе, в г. Сарапуле.

Старшая дочь Галины и Павла Чаткиных (внучка моей тети Нонны Константиновны) ЕЛЕНА ПАВЛОВНА ЧАТКИНА вышла замуж за АЛЕКСАНДРА БАЙЦЕРОВА. Они живут в г. Белово, Кемеровской обл.

У Елены и Александра Байцеровых - двое детей: МАКСИМ (сейчас он учится в 5-м классе) и АННА (сейчас ей 10 лет). Это - правнуки моей тети Нонны.

Младшая дочь Галины и Павла Чаткиных (внучка моей тети Нонны Константиновны) ВЕРА ПАВЛОВНА ЧАТКИНА, как и ее мать Галина Ивановна, живет в г. Сарапуле. Вера Павловна замужем. Ее мужа зовут АЛЕКСАНДР.

У Веры Чаткиной и ее супруга - две дочери: КСЕНИЯ и АНАСТАСИЯ. Это - правнуки моей тети Нонны.

Дочь моей тети Нонны Константиновны (моя двоюродная сестра) МАРИЯ ИВАНОВНА БРАНКИНА (род. 10.11.1937, ум. 13.11.1990). Она была замужем за АНАТОЛИЕМ ВИКТОРОВИЧЕМ САНЕВЫМ.

Мария Ивановна жила с семьей в г. Заполярном. Умерла от рака.

У Марии и Анатолия Саневых - двое детей (внуки моей тети Нонны Константиновны): АЛЕКСАНДР (род. 18.11.1960) и СВЕТЛАНА (род. в 1963 г.).

Сын Марии и Анатолия Саневых (внук тети Нонны) АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ САНЕВ, отслужив в Армии, жил в Новгороде. Был женат на НАТАЛЬЕ КОНСТАНТИНОВНЕ ЗУЕВОЙ.

23 декабря 1980 г. у них родился сын ВИКТОР. Это - правнук моей тети Нонны.

Александр и Наталья Саневы разошлись. После развода Александр Анатольевич стал жить вместе с бабушкой (моей тетей Нонной Константиновной). Он работал в милиции, электриком. Александр Анатольевич Санев трагически погиб 17 февраля 1988 г. Потом умерла и его бывшая жена Наталья Константиновна.

Сын покойных Александра и Натальи Саневых Виктор Санев ныне живет в Новгороде, вместе с бабушкой по материнской линии - ТАМАРОЙ АНДРЕЕВНОЙ ЗУЕВОЙ. Она - его попечитель. Виктор Санев учится в училище механизации.

Дочь Марии и Анатолия Саневых (внучка моей тети Нонны Константиновны) СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА САНЕВА живет в г. Заполярном. Работает геодезистом. Была замужем за ЮРИЕМ ИЛЬИЧЕ-ВЫМ (сейчас они разведены).

У Светланы и Юрия Ильичевых есть сын АЛЕКСАНДР (1992 г. рожд.). Это - правнук моей тети Нонны.

Младшая дочь моей тети Нонны Константиновны (моя двоюродная сестра) НОННА ИВАНОВНА БРАНКИНА (род. 3.04.1939). Живет в Новгороде. Нонна Ивановна была замужем за БОЛЕСЛАВОМ СТА-НИСЛАВОВИЧЕМ СОЛДЕНЕМ (род. 8.07.1939, ум. 20.04.1994).

У Нонны и Болеслава Солденей - двое детей (внуки моей тети Нонны Константиновны): МАРИНА (род. 19.05.1963) и СЕРГЕЙ (род. 11.05.1966).

Нонна Ивановна Солдень работала бухгалтером, сейчас на пенсии. Недавно она вторично вышла замуж.

Дочь Нонны и Болеслава Солденей (внучка моей тети Нонны Константиновны) МАРИНА БОЛЕСЛАВОВНА СОЛДЕНЬ вышла замуж за АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ЕРМАКОВА. Оба закончили Новгородский политехнический институт в 1988 г. Живут в пос. Поддорье, Новгородской обл., в своем доме. Марина Болеславовна работает бухгалтером.

У Марины и Александра Ермаковых - двое сыновей: ИВАН (род. 25.10.1989) и СТЕПАН (род. 5.02.1994). Это - правнуки моей тети Нонны.

Сын Нонны и Болеслава Солденей СЕРГЕЙ БОЛЕСЛАВОВИЧ СОЛДЕНЬ сейчас учится в Юридической академии. Он женат на ЕЛЕНЕ АНАТОЛЬЕВНЕ ПЕТРОВОЙ. Она по образованию педагог, сейчас работает в собесе, в Новгороде.

У Елены и Сергея Солденей есть сын Александр (1989 г. рожд.). Это - правнук моей тети Нонны.

Всего у моей тети Нонны Константиновны Бранкиной – уже ДЕСЯТЬ ПРАВНУКОВ.

Моя мама Ольга Константиновна Гудкова была седьмым, предпоследним ребенком в дедовой семье. О ней - рассказ впереди.

Последним ребенком в дедовой семье была моя тетья ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА КОЗЯРСКАЯ (в девичестве - ГУДКОВА). Она родилась 18 января 1923 г. Окончив в 1940 г. десятилетку в Новгороде (где ей дала приют семья ФРОЛОВЫХ, с которой до сих пор дружна моя тетья Нонна Константиновна), тетья Таня приехала в Ленинград и поступила в Ленинградскую лесотехническую академию. Параллельно с учебой работала деревообработчиком в производственном цехе при Лесотехнической академии. Жила в общежитии.

Перед самым началом войны тетья Таня успела сдать экзамены за первый курс. В блокаду оставалась в Ленинграде. Как она сейчас пишет, «особых героических поступков не совершала: недолго была в противопожарной роте и два раза была на рытье окопов». В марте 1942 г. тетья Таня эвакуировалась из Ленинграда по ледовой дороге.

Тетья Таня приехала в г. Омск, где тогда жили в эвакуации ее сестры Зинаида Константиновна и Ольга Константиновна (моя мама). Там моя тетья Татьяна Константиновна около года работала счетоводом-бухгалтером, потом была призвана в Армию. Воевала на Карельском и на Ленинградском фронтах.

После войны, вернувшись в Ленинград, тетья Таня окончила Ленинградский строительный институт и получила распределение в Иркутск, на строительство ГЭС. Там она работала инженером. Там же познакомилась с ЮРИЕМ КОНСТАНТИНОВИЧЕМ КОЗЯРСКИМ, будущим главным инженером «Братскгэстроя».

Потом тетья Таня хотела вернуться в Ленинград. Но это ока-залось невозможным (без прописки не принимают на работу, а без работы не прописывают). Тогда она переехала в Новгород, где нашла работу по специальности и получила комнату.

Тем временем у Юрия Константиновича Козярского умерла жена. Он приехал в Новгород и предложил тете Тане выйти за него замуж. Тетья Таня согласилась и вместе с ним снова уехала в Сибирь, в Братск.

Моя тетья Татьяна Константиновна участвовала в строи-тельстве многих сибирских гидроэлектростанций.

15 апреля 1959 г. в семье Козярских родилась дочь ТАТЬЯНА (моя двоюродная сестра).

Ныне моя тетья Татьяна Константиновна и ее муж Юрий Константинович Козярский - оба на пенсии, живут в Вышгороде, под Киевом. У них есть там и небольшой садово-огородный участок.

Дочь моей тети Татьяны Константиновны и Юрия Константиновича Козярских (моя двоюродная сестра) ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА КОЗЯРСКАЯ закончила Киевский архитектурно-строительный институт. По специальности она - архитектор. Сейчас живет вместе с родителями.

О моей двоюродной сестре Татьяне Козярской я расскажу от-дельно, чуть ниже.

У Юрия Константиновича Козярского есть также сын от пер-вого брака - ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ КОЗЯРСКИЙ. Он с семьей живет в Москве. Дмитрий Юрьевич - специалист по компьютерной рекламе. Его жена ЕКАТЕРИНА ОРЛОВСКАЯ - музыкальный педагог. У них трое детей: ИВАН, НИКИТА и МАРИЯ.

Екатерина Орловская с дочерью Марией гостили у меня на Кавказе. Недавно я с ними виделась в Москве.

Я рассказала все, что на сегодня знаю, о своих старших родственниках по маминой линии и об их потомках. Мне особенно помогли в этом письма моей тети Н.К. Бранкиной и моей тети Т.К. Козярской. Спасибо Вам, тетя Нонна и тетя Таня!

Обо всех моих покойных родственниках, которых я знала, я храню самые добрые воспоминания.

Больше, чем с остальными, я общалась с моими тетушками Марией Константиновной и Зинаидой Константиновной (которые жили в Ленинграде), а также с моей тетей Александрой Константиновной (к которой мы с мамой и моими младшими сестрами Светланой и Ольгой каждое лето ездили в дер. Рутелицы).

Помню, тетя Шура была ко мне строга, а тетя Зина баловала. (Например, мой первый фотоаппарат был подарком от тети Зины).

Мне всегда казалось в детстве (и, наверное, это было действительно так), что я - любимица у тети Зины... По отношению к ней (да и другим своим старшим родственникам) у меня до сих пор сохранилось **чувство непоплаченного долга.**

К сожалению, мы давно не виделись с тетей Нонной и тетей Таней, которых я люблю.

У моей тети Татьяны Константиновны Козярской мне не раз приходилось гостить, одной и (позднее) с дочерью Любой, - в Братске и в Киеве (последний раз я была в Киеве в 1992 г.).

Во времена моей молодости к нам в Ленинград часто приезжала моя тетя Нонна Константиновна Бранкина. В последний раз я видела ее в 1991 г. (на похоронах мамы). Хотелось бы навестить тетю Нонну в Новгороде и тетю Таню в Киеве.

Мои старшие родственники, по маминой линии, всегда были очень дружны между собой, заботились друг о друге.

Как я уже говорила, первой приехала в Ленинград тетя Маруся, а вслед за ней - тетя Шура, тетя Зина, моя мама и тетя Таня. Причем младшие родственники (сначала братья, сестры, а потом их дети) всегда поначалу жили у старших (например, моя мама - у тети Зины).

От моей сестры Ольги Вахарловской я знаю, что у тети Шуры в дер. Рутелицы на приусадебном участке и по сей день растут кусты крыжовника, привезенные ей из Ломоносова дядей Колей; был там и мед из ульев, которые привез тете Шуре из Выборгского района дядя Сережа.

Уже на моей памяти, тетя Маруся и тетя Зина (проживавшие в Ленинграде) и другие родственники помогали моей маме, а она, чем могла, - им.

(Помню, уже в преклонном возрасте тетя Зина и тетя Маруся надумали съехаться вместе, обменяв свои две комнаты в разных местах на две комнаты вместе. Нашли вариант обмена, который казался им подходящим. Но я их от этого варианта отговорила, т.к. был высокий этаж без лифта. А больше они съезжаться не пытались).

Вообще, среди моих старших родственников (сестер и братьев Гудковых) постоянно поддерживалась атмосфера взаимной расположенности, отзывчивости, родственного тепла. В значительной мере это передалось и младшим поколениям.

Из моих **двоюродных братьев и сестер**, по маминой линии, я прежде довольно часто общалась с Виктором Михайловичем и Александром Михайловичем Степановыми (сыновьями моей тети Александры Константиновны), а также с Надеждой Сергеевной Гудковой (дочерью моего дяди Сергея Константиновича).

С Надеждой Гудковой мы в последний раз виделись на похоронах нашего дяди Николая Константиновича в 1977 г., и с тех пор следы ее потерялись (не только для меня, но и для других моих родственников, которых я знаю).

С моей двоюродной сестрой **ТАТЬЯНОЙ ЮРЬЕВНОЙ КОЗЯРСКОЙ** (дочерью моей тети Татьяны Константиновны) мы дружим и по сей день. Она несколько раз приезжала ко мне на Кавказ.

Татьяна - богато одаренная натура, в частности, у нее - талант живописца. Я берегу подаренные мне ею замечательные акварели, которые она писала в горах, в Кавказском заповеднике.

В последний раз Татьяна была у меня в гостях (на кордоне Гузерипль) в 1991 г., вместе со своим мужем АЛЕКСАНДРОМ ЛЕОНИДОВИЧЕМ РОГОВЦЕВЫМ. А в 1996 г. мою двоюродную сестру Таню постигло горе: Александр Роговцев, ее супруг, трагически по-гиб.

Как пишет моя тетя Т.К. Козьярская, Таня-младшая (моя двоюродная сестра) - «сейчас много работает, задерживается допоздна, осваивает новые программы на компьютере».

Я очень хотела бы вновь увидеться с Таней!

Теперь расскажу подробнее о моей маме **Ольге Константиновне Вахарловской (в девичестве - Гудковой)**.

Пятнадцати лет (в 1930 г.) мама уехала из родительского гнезда (с. Любыни, Новгородской обл.), сначала к старшему брату (моему дяде) Николаю Константиновичу - в с. Черное, Новгородской обл., а потом перебралась в Ленинград, к старшей сестре (моей тете) Зинаиде Константиновне.

В Ленинграде мама окончила вечернюю школу. Работала сначала на «Гознаке», а потом на табачной фабрике (на Васильевском острове). В ту пору она была заядлой физкультурницей, занималась легкой атлетикой. У нее был значок «Ворошиловского стрелка». Перед войной мама поступила в Ленинградский холодильный институт. (Кажется, ей не сразу это удалось, мешало «социальное происхождение»).

Окончить институт (не холодильный, а другой - автодорожный) маме довелось уже в эвакуации, в Омске.

Мама и тетя Зина успели выехать из Ленинграда до начала блокады. Институт «Союзпроектверфь», где тогда работала моя тетя Зинаида Константиновна, эвакуировался в Омск, и мама поехала вместе со старшей сестрой.

В Омске мама познакомилась со своим будущим мужем и моим отцом ГЛЕБОМ АНАТОЛЬЕВИЧЕМ ВАХАРЛОВСКИМ, тоже ленинградцем, сотрудником моей тети Зинаиды Константиновны по работе.

Глеб Анатольевич был тогда вдовцом (о своей первой жене ЗИНАИДЕ ПАВЛОВНЕ МАЙЛОВОЙ, безвременно скончавшейся в 1940 г., в возрасте 31 года, отец рассказывает в своих воспоминаниях).

Мои родители Глеб Анатольевич Вахарловский и Ольга Константиновна Гудкова вступили в брак в 1944 г. Моей маме тогда было 29, а моему отцу - 35 лет.

В Омске жили, кажется, вместе: отец, мама и моя тетя Зинаида Константиновна. Уже в 1944 г. к ним присоединилась моя бабушка (мать моего отца Глеба Анатольевича) АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА ВАХАРЛОВСКАЯ (в девичестве - ВЕДРОВА), приехавшая из Ленинграда, где она пережила блокаду.

5 сентября 1944 г. родилась я, Зинаида Вахарловская.

Как рассказывала моя мама, в момент моего рождения отец был в командировке (кажется, на Севере). В конце 1944 г. он прислал нам вызов, и мы все вчетвером (мама со мной на руках, моя тетя Зинаида Константиновна и бабушка Антонина Владимировна) выехали в Ленинград.

Тетя Зина стала жить в комнате в коммунальной квартире на Петроградской стороне (где жила до войны вместе с моей мамой).

В Ленинграде отец с матерью, бабушка Антонина Владимировна и я первое время жили в бараке на Наличной ул. (поскольку довоенное жилье бабушки и отца было занято). В 1947 г. мой отец Глеб Анатольевич получил 2-х комнатную квартиру на ул. Строителей (в Автово). В этой квартире прошло мое детство.

Моя родительская семья росла.

12 февраля 1948 г. родилась моя сестра СВЕТЛАНА ВАХАРЛОВСКАЯ.

11 октября 1950 г. родилась моя сестра ОЛЬГА ВАХАРЛОВСКАЯ.

Нас три сестры: я - старшая, Светлана - средняя, Ольга - младшая.

Отец работал в своем институте («Союзпроектверфь»). Он проектировал судостроительные заводы по всей стране, часто ездил в командировки. В детский сад детей было не устроить. На руках у мамы были мы трое (я, Светлана и Ольга) и все домашнее хозяйство.

Работать по своей инженерной специальности в этой ситуации мама не могла. Тогда она стала зарабатывать шитьем и вязанием (для чего окончила соответствующие курсы).

Проработала за швейной машинкой, не разгибая спины, моя мама всю свою жизнь.

(Помню, в 1954 г., мама со всеми детьми - Оле не было еще четырех лет - уехала в отпуск, без заранее намеченного адреса, на Украину. Так она и туда взяла свою швейную машинку, и зарабатывала нам на фрукты).

Мама была очень большая искусница в шитье и вязанье. (Мне сегодня далеко до ее умения).

Жившая вместе с нами бабушка Антонина Владимировна Вахарловская подрабатывала частными уроками французского и немецкого. (Дочь профессора историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета ВЛАДИМИРА МАКСИМОВИЧА ВЕДРОВА, получившая прекрасное образование, она хорошо знала языки). Но основной заботой бабушки Антонины Владимировны было воспитание внуков. Бабушка занималась со мной и Светланой - чтением, письмом, языками, рисованием. (Ольга в ту пору была еще малюткой).

2 августа 1952 г., в возрасте 80 лет, бабушка Антонина Владимировна скончалась.

Мне тогда было восемь лет. но я очень хорошо помню свою бабушку Антонину Владимировну Вахарловскую, и считаю, что я очень многим ей обязана в жизни.

Школьные учителя не шли ни в какое сравнение с бабушкой Антониной Владимировной как с педагогом. И мои успехи в школе были весьма скромными. (В отличие от меня, моя сестра Светлана училась очень хорошо и как-то легко. Младшая, Ольга училась тоже лучше меня).

В школьные годы я увлекалась физкультурой, и даже заслужила 1-й разряд по лыжам. Но главное мое увлечение тогда - кружок кинодела в школе.

Кинокружок в нашей школе вела МАРИЯ ПЕТРОВНА ПУЗАНОВА Она жила в Автове, в том же доме, что и моя родительская семья. Наши семьи общались.

(Моя бабушка Антонина Владимировна давала уроки французского Володе, сыну Марии Петровны, который был старше меня на пять лет. Технически одаренный мальчик, Володя ремонт-тировал и настраивал мамину швейную машинку. А мама на этой швейной машинке шила одежду не только для своих детей, но и для семьи Марии Петровны).

Кинокабинет был для меня и многих других детей самым привлекательным местом в школе. Мария Петровна отдавала этому делу всю душу. Занятия в кинокружке восполняли зияющие пробелы в нашем школьном образовании. В школьном кинокружке Марии Петровны Пузановой занимались и мои сестры Светлана и Ольга.

Мария Петровна Пузанова позднее стала работать на кафедре научной и учебной кинематографии в Ленинградском университете. Еще школьницей, мне довелось проходить практику на этой кафедре (в результате чего я получила разряд фотолаборанта и права киномеханика).

Мария Петровна Пузанова умерла 18 августа 1973 г., в возрасте 68 лет.

В детстве я очень любила бывать у моей тети Александры Константиновны в дер. Рутелицы. Летом туда выезжала мама со всеми детьми. Часто туда приезжали моя тетя Мария Константиновна и моя тетя Зинаида Константиновна. Наверное, там, в Рутелицах, я впервые полюбила природу, что осталось на всю жизнь.

Мой отец Глеб Анатольевич выделял меня, как старшую из дочерей. Он много занимался со мной математикой и историей. В дальнейшем, и в школе, и в институте, лучших преподавателей по математике у меня не было.

Мама была душой нашей семьи. высоко нравственный и разносторонне одаренный человек, она исподволь, очень ненавязчиво прививала нам, детям, то, чем в избытке была наделена сама: любовь к природе, культурные навыки, художественный вкус, уважение к людям, душевную отзывчивость, терпимость и такт, внутрисемейную солидарность, чувство собственного достоинства.

Когда появились внуки, эту свою заботу она переключила на них.

В 1962 г., окончив школу, я поступила в Ленинградский кораблестроительный институт. В отличие от школы, училась там хорошо и с удовольствием. Так было первые три курса.

В 1964 г. в стройотряде в Кокчетавской обл. я познакомилась со студентом того же института АНАТОЛИЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ДУХАНИНЫМ. Он был родом из Комсомольска-на-Амуре, жил в общежитии.

В 1965 г. мы с Анатолием Дмитриевичем стали мужем и женой. Мне тогда было 20 лет, моему мужу - 26 (он родился 29.06.1938). (Помню, мой отец Глеб Анатольевич не одобрил этот мой жизненный шаг).

19 декабря 1965 г. у нас с мужем родилась дочь ЛЮБОВЬ ДУХАНИНА.

В родительской 2-х комнатной квартире в Автово стали жить всемером: отец, мама, две моих младших сестры, я с мужем и дочерью.

В 1966 г., при содействии своего отца, я получила комнату в коммунальной квартире на ул. Бассейной (в Московском районе). Там мы поселились втроем: я, муж и дочь. (Комната была хорошая, но в квартире, где мы жили, были вечно пьяные соседи).

Мама тогда подыскивала себе постоянную работу (у нее не хватало официального трудового стажа для пенсии). Но когда родилась внучка Люба, она оставила эти свои поиски.

Думаю, только благодаря маме, нам с супругом удалось благополучно закончить институт (в 1968 г.).

Особенностью обучения в институте в то время было совмещение учебы с работой. Весь первый курс я проработала судостроительным разметчиком на заводе им. Жданова.

На пятом курсе муж и я перевелись на вечернее отделение института. Я стала работать лаборантом в ЦНИИ им. Крылова, муж - на заводе «Алмаз». После окончания института и я стала работать в ЦКБ «Алмаз» (инженером-конструктором). В 1973 г. мы вместе с мужем Анатолием Дмитриевичем перешли на работу в ЦКБ «Волна».

Моя семейная жизнь с отцом моей дочери не ладилась. В 1973 г. брак с Анатолием Дмитриевичем Духаниным был расторгнут, по моей инициативе.

(Мой отец Глеб Анатольевич не одобрил это мое решение. Но я считаю, что поступила тогда правильно).

В замужестве я сменила фамилию Вахарловская на «Духанину». На эту фамилию у меня выписан и диплом об окончании института. После развода с Анатолием Духаниным, я вернула себе прежнюю фамилию - ВАХАРЛОВСКАЯ.

Мой бывший супруг Анатолий Дмитриевич Духанин уехал в Северодвинск. Проработав там несколько лет, он вернулся к себе на родину, в Комсомольск-на-Амуре. У него была нерегулярная переписка с моей дочерью Любой и с моим отцом Глебом

Анатольевичем. До достижения Любой 18-летнего возраста (1983 г.) ее отец Анатолий Дмитриевич аккуратно выплачивал алименты.

В мае 1995 г., в возрасте 56 лет, Анатолий Дмитриевич Духанин скончался от лучевой болезни (которую он получил, работая на заводе, где строились атомные подводные лодки).

В Комсомольске-на-Амуре живет мать Анатолия Дмитриевича (бабушка моей дочери Любы) ЛЮБОВЬ ЕЛИСЕЕВНА ДУХАНИНА. Там же живут сестры Анатолия Дмитриевича - ЛИДИЯ ДМИТРИЕВНА и ВЕРА ДМИТРИЕВНА, и его брат ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ДУХАНИН.

У них есть дети, приходящиеся моей дочери двоюродными братьями или сестрами. Но о них у меня нет сведений.

После развода с Анатолием Дмитриевичем Духаниным мы восемь лет жили с дочерью Любой вдвоем - там же, в комнате в коммунальной квартире, на ул. Бассейной. Я работала в ЦКБ «Волна» (позднее - «Малахит»). Мама очень помогала мне воспитывать дочь. Когда я уезжала в командировки (а они бывали и продолжительными), моя дочь Люба оставалась полностью на попечении моей мамы Ольги Константиновны.

Обычно летом моя мама с моей дочерью Любой уезжали в дер. Рутелицы, к моей тете Александре Константиновне. А когда у меня отпуск приходился на лето (обычно раз в два года), мы ездили с Любой вдвоем: в Братск (к моей тете Татьяне Константиновне), в Новосибирск (к родственникам первой жены моего отца Глеба Анатольевича), в Севастополь.

В ЦКБ «Малахит» я занималась проектированием подводных лодок (сначала в общепроектном отделе, а потом в корпусном отделе, где мне нравилось больше). Моим лучшим наставником там был очень талантливый и опытный инженер БОРИС СОЛОМОНОВИЧ ШКЛЯРЕВСКИЙ, муж ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ШКЛЯРЕВСКОЙ (в девичестве - ГОВОРОВОЙ), которую я помню с детства (мы жили в одном доме, в Автово).

(Впоследствии мы очень подружились с Борисом Соломоновичем и всей его семьей. Дружба продолжалась и тогда, когда я уехала на Кавказ. Борис Соломонович с женой Татьяной и дочерьми НИНОЙ и ЕЛЕНОЙ неоднократно гостили у нас там).

Борис Соломонович Шкляревский скоропостижно скончался в 1996 г., не дожив до 60 лет.

Проработав инженером в судостроении около пятнадцати лет, став грамотным специалистом, я, неожиданно для своих родителей, рассталась с этой работой. Вот как это случилось.

После кончины Марии Петровны Пузановой (1973 г.) я продолжала дружить с ее семьей. Сын Марии Петровны ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ АБРАШКЕВИЧ (род. 18.08.1939; я о нем вскользь упоминала выше) женился на моей школьной подруге ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ЯКОВЛЕВОЙ (род. 21.06.1943). Владимир Абрашкевич в то время работал инженером, в институте по разработке медицинских приборов, а Ирина Яковлева, после окончания Ленинградского института культуры, заведовала детским садом.

В 1980 г. Владимир и Ирина, путешествуя на мопедах по Кавказу, побывали на кордоне Пслух Кавказского биосферного заповедника. (Это высоко в горах, на южном склоне Главного Кавказского хребта). Там они познакомились с семьей Салтыковых.

ВИКТОР ГЕОРГИЕВИЧ САЛТЫКОВ (1947 г. рожд.), по образованию физик, позднее закончивший высшие экологические курсы, работал на этом кордоне лесником. С ним были его жена НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА БУХАРОВА (1946 г. рожд.; в прошлом - культпросветработник и киноактриса) и их дочь ЮЛИЯ (1974 г. рожд.). До переезда на Кавказ они жили в Одессе.

А еще там работал лесником АНАТОЛИЙ КУЗЬМИЧ БАЗНИКИН, в прошлом - учитель литературы, из Ленинграда. (О нем подробнее - ниже). Вообще, это бы необыкновенный кордон, с необыч-ными лесниками.

Владимир Абрашкевич и Ирина Яковлева, подружившись с тогдашними обитателями кордона Пслух, посоветовали мне съездить туда. И я отправилась на Кавказ в зимний отпуск (1981 г.).

По возвращении из отпуска в Ленинград, я сразу уволилась из ЦКБ «Малахит» и уехала на кордон к «Кузьмичу» (как все там звали Анатолия Кузьмича Базникина).

В 1981 г. мы с Анатолием Кузьмичом Базникиным образовали семью. Мне тогда было 36, Анатолию Кузьмичу - 52 года (он родился 18.07.1928).

(Этот мой жизненный шаг тоже вызвал неодобрение моего отца Глеба Анатольевича. Что касается мамы, то она никогда не стесняла моей свободы).

Расскажу подробнее об Анатолии Кузьмиче Базнике.

Анатолий Кузьмич - родом с Кавказа (его родительская семья жила в Тбилиси). После окончания педагогического ин-ститута в Ленинграде (примерно в 1950 г.) он больше 25 лет учительствовал: в Кронштадте, в Тбилиси, в г. Сосновый Бор, Ломоносовского района, Ленинградской обл., в Ленинграде, где стал директором вечерней школы, наконец, в Берлине, где преподавал русский язык в немецкой школе. В Сосновом Бору он получил квартиру, которую потом поменял на Ленинград. Состоял в браке. После развода со своей первой женой кажется, ее звали - ТАМАРА) Анатолий Кузьмич один воспитывал дочь ИРИНУ (род. примерно в 1958 г.).

В 1965 г. Анатолий Кузьмич вступил во второй брак - с ДЖУЛЬЕТТОЙ СЕРГЕЕВНОЙ ГЕРАСКИНОЙ (1947 г. рожд.). Брак был неустойчивым. Примерно в 1971 г. у Джульетты Сергеевны родилась дочь Наталья. Анатолий Кузьмич не был отцом Натальи, однако он воспитывал ее, со дня рождения, как родную дочь.

Анатолий Кузьмич обменял свою квартиру в Ленинграде на квартиру в Сочи, куда переехал со своей женой Джульеттой Сергеевной и младшей дочерью Натальей. (Старшая - Ирина - примерно в 1975 г. вышла замуж за военного и уехала на Даль-ний Восток).

Анатолий Кузьмич хотел работать в Кавказском биосферном заповеднике и, не без труда, добился того, чтобы его приняли на работу лесником (в 1978 г.). Он работал на кордоне Лаура (южный склон Главного Кавказского хребта), где в 1979 г. перенес инфаркт. Однако продолжал работать лесником.

На кордон Пслух Анатолий Кузьмич Базникин переехал в 1980 г.

Анатолий Кузьмич Базникин разошелся со своей бывшей женой Джульеттой Сергеевной Гераскиной еще до нашей с ним встречи. Однако только в 1983 г. ему удалось оформить развод.

Тогда мы с Анатолием Кузьмичом смогли зарегистрировать брак. Это произошло в 1984 г. У меня это был второй брак, у Анатолия Кузьмича - третий.

Через полгода после моего переезда на кордон Пслух, зимой 1982-1983 г. туда переселились и Владимир Абрашкевич с Ириной Яковлевой. Владимир Абрашкевич устроился работать на кордоне лесником, как и Виктор Салтыков, и мой супруг Анатолий Кузьмич.

Когда я уехала на Кавказ, моей дочери Любе было шестнадцать лет. Люба заканчивала школу в Ленинграде, живя у деда с бабушкой, т.е. у моих родителей Ольги Константиновны и Глеба Анатольевича.

Мой отец с мамой в то время жили уже не в Автово, а переехали (еще в 1969 г.) в 3-х комнатную квартиру на ул. Громова (на Охте). С ними жила тогда также моя сестра Светлана. (Ольга к тому времени уже вышла замуж и жила отдельно от родителей, как и я). (О моих сестрах речь - впереди).

Мой отец Глеб Анатольевич постоянно помогал моей дочери (своей внучке) Любе в ее школьных занятиях (как когда-то он помогал мне).

После окончания школы (1983 г.) моя дочь Люба некоторое время работала в отделе оформления в институте у деда Глеба Анатольевича, что было (как я слышала от его сотрудников) ему приятно.

У моего супруга Анатолия Кузьмича Базникина на кордоне Пслух была однокомнатная ведомственная квартира. Мы с ним жили в этой квартире сначала вдвоем. Потом Анатолий Кузьмич перевез к себе из Тбилиси своего престарелого отца КУЗЬМУ ГРИГОРЬЕВИЧА БАЗНИКИНА (род. в начале 1900-х гг.).

Кузьма Григорьевич был тяжело болен и требовал постоянного ухода. Кузьма Григорьевич Базникин (отец Анатолия Кузьмича) скончался в 1983 г.

Мой муж Анатолий Кузьмич ходил в обходы по горам, был грозой браконьеров. Я - вела хозяйство. Держали домашнюю скотину: корову, свиней, птицу. Еще - собаки, кошки. (Одно время на кордоне жил даже медвежонок, оставшийся от застреленной браконьерами медведицы; потом его отдали в цирк).

Зимой добраться на кордон Пслух можно было только верхом на лошади или пешком - 20 км в гору, от Красной Поляны.

Пришлось и мне овладеть «искусством верховой езды». Правда, были и неудачи. В 1984 г. лошадь подо мной споткнулась, я упала, лошадь - на меня, и раздавила мне тазовую кость. Пришлось лежать два месяца. По счастью, окончилось благополучно. Однако и по сей день нога побаливает.

Жизнь на кордоне была трудной, но она была мне интересна.

Как явствует из уже сказанного, на кордоне Пслух почти все лесники (и их жены) были с высшим образованием, выходцами из города. Круто сменив свой образ жизни, они целиком посвятили себя делу защиты природы.

Мой супруг Анатолий Кузьмич Базникин, по выражению одного из наших гостей, был «горнистом экологического движения». Это было небезопасно. Однажды я обнаружила на чердаке дома подброшенную винтовку с глушителем рядом с давно пропавшим у Кузьмича охотничьим ножом, а в нашей квартире - подброшенный комплект патронов. То была провокация против А.К. Базникина...

О легендарном кордоне Пслух, с его командой лесников-интеллигентов, экологистов, в свое время писалось в «Литературной газете», в журнале «Знание-сила». В 1984 г. на нашем кордоне побывал знаменитый зоолог и писатель Дж. Даррэл, снимавший там фильм.

Вернусь к семейной хронике.

Каждую осень, начиная с 1981 г. на кордон Пслух приезжали моя мама Ольга Константиновна с моей сестрой Светланой. (Лето мама обычно проводила в дер. Рутелицы, вместе с внуками, сначала с моей дочерью Любой, а потом - с детьми моей сестры Ольги Сережей и Дашей). Приезжала на кордон Пслух и моя дочь Люба. Побывала там и моя сестра Ольга со своей семьей.

(Мама всегда с большим пониманием относилась к нашим общественным и личным проблемам. Она была, я бы сказала, хорошей тещей...).

Приезжали на кордон Пслух также родственники Абрашкевичей: отец Владимира Абрашкевича - ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ АБРАШКЕВИЧ (род. 7.06.1902, ум. 4.12.1994; в прошлом - главный конструктор СПКБ при заводе им. Жданова, проработавший в судостроительной промышленности почти полвека, к тому времени - пенсионер) и сын Владимира Абрашкевича (внук покойной Марии Петровны Пузановой) - студент Ленинградского университета-та АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АБРАШКЕВИЧ (род. 1.02.1963).

Приезжал на Пслух и товарищ Андрея Абрашкевича по университету АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ МАРТЫНЕНКО (род. 15.04.1963), еще до этого познакомившийся с моей дочерью Любой.

В 1985 г. моя дочь Любовь Вахарловская (при получении паспорта она, по пожеланию деда Глеба Анатольевича, сменила фамилию «Духанина» - на «Вахарловская») вышла замуж за Александра Мартыненко. Моей дочери Любе было тогда 20 лет, ее супругу Александру Борисовичу - 22.

Родители моего зятя Александра Мартыненко - БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ МАРТЫНЕНКО (род. 19.06.1938) и ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА МАРТЫНЕНКО (род. 8.09.1938) - живут в Петергофе. Оба - по специальности - математики, кандидаты наук, доценты, работают на математико-механическом факультете Санкт-Петербургского университета. У них есть еще один сын - ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ МАРТЫНЕНКО (род. 28.07.1974). Сейчас он - аспирант матмеха СПбГУ.

Молодожены (моя дочь Люба и ее муж Александр) поселились вдвоем в той комнате в коммунальной квартире на Бассейной ул., где прежде жили мы с дочерью. Люба стала работать в вычислительном центре Ленинградского университета (лаборантом).

Мой зять Александр Борисович Мартыненко окончил физический факультет ЛГУ в 1987 г. После этого он стал работать инженером. Сейчас он работает в малом предприятии, где разрабатывается новейшая вычислительная техника. Руководит одним из подразделений этого предприятия.

5 января 1991 г. у Любви и Александра Мартыненко родилась дочь (моя внучка) МАРИЯ.

В том же году, с малышкой на руках, Люба сумела получить университетский диплом (она работала и одновременно училась на вечернем отделении матмеха ЛГУ). Думаю, ей очень помог в этом ее муж Александр.

12 октября 1992 г. семья Александра и Любви Мартыненко выросла - родился сын (мой внук) ВАСИЛИЙ.

После окончания университета моя дочь Люба не работала, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Недавно она устроилась на работу в школе, преподавать математику.

В 1997 г. Любовь и Александр Мартыненко обменяли комнату на Бассейной ул. и квартиру бабушки ВАЛЕНТИНЫ ФЕДОРОВНЫ ПОЛКОВНИКОВОЙ (которая уехала жить к дочери - Ирине Александровне Мартыненко - в Петергоф) - на 3-х комнатную квартиру на ул. Корнеева (в Кировском районе). Сейчас они живут там вчетвером: моя дочь Люба, ее муж Александр и их дети (мои внуки) Мария и Василий.

Их новая квартира потребовала значительного ремонта.

Мой зять Александр занимается этим сам, при участии Любы.

Летом моя дочь Люба со своей семьей обычно проводит на даче родителей своего мужа Александра Мартыненко (расположенной в районе ст. «69 км» за Зеленогорском).

Моя дочь Любовь Анатольевна Мартыненко выросла хорошим человеком.

У моей дочери Любы - прекрасный муж, хорошая семья. Мне очень приятно с ними общаться, и они ко мне очень внимательны.

Но, конечно, мне в качестве бабушки - далеко до той роли, которую играла моя мама по отношению к своим внукам.

Продолжу рассказ о себе.

В 1985 г. мой муж Анатолий Кузьмич Базникин получил должность помощника лесничего в Северном лесничестве Кавказского заповедника, и мы переехали на кордон Гужерипль, расположенный по другую сторону Главного Кавказского хребта на

территории Республики Адыгея (в 100 км. от Майкопа). Мы поселились там в отдельном ведомственном доме.

Вслед за Анатолием Кузьмичом на кордон Гузерипль переехала и семья Салтыковых. (Позднее, уже в 90-х гг. они переехали из Гузерипля в дер. Жарки, Ивановской обл., где Виктор Салтыков поначалу служил дьяконом, а теперь стал священником).

Семья Абрашкевичей тогда оставалась на Пслухе.

Жизнь на кордоне Гузерипль была не легкой, но иначе, чем на Пслухе. Команды лесников-экологистов здесь не было. Анатолию Кузьмичу пришлось начинать с «отлова» собственных подчиненных, лесников-браконьеров. Те, в свою очередь, пытались ему всячески отомстить.

Постепенно, зачастую при противодействии начальства, Анатолию Кузьмичу Базникину удалось набрать молодых лесников, которые разделяли его экологические убеждения.

Еще когда мы жили на Пслухе, возникла проблема с моей пропиской. До регистрации нашего брака с Анатолием Кузьмичом Базникиным (в 1984 г.) я формально не могла там прописаться. Приезжала милиция, штрафовали. Чтобы прописаться, надо было (в ту пору) сначала съездить в Ленинград, за штампом о выписке. Только в 1987 г. состоялась моя выписка из Ленинграда и прописка в Гузерипле.

Скотину, как на Пслухе, мы с мужем уже не держали. Но был огород. Анатолий Кузьмич иногда брал меня с собой в дальние обходы, в горы. (Между прочим, пригодились мои знания и умения, полученные еще в детстве, в кинокружке Марии Петровны Пузановой: я много фотографировала, вела фотолетопись кордона; эти фотографии хранятся сейчас у меня дома).

Мой супруг Анатолий Кузьмич помог мне найти работу. Около года я заведовала местным музеем природы на кордоне Гузерипль. Потом стала работать в заповеднике фенонаблюдателем (регистрация сезонных изменений в природе). Надо было еженедельно, в любую погоду, подниматься от лесных подножий гор в альпику, чтобы снимать показания метеоприборов и вести фенонаблюдения.

Я вообще с детства люблю природу. Эта работа мне очень нравилась.

Изредка мне удавалось бывать в Ленинграде. В свою очередь, родственники и друзья приезжали к нам на кордон каждое лето, а бывало - и зимой.

Как правило, в Гузерипль летом приезжала моя дочь Люба (сначала с друзьями, потом с мужем Александром и детьми, моими внуками), а осенью - моя мама с сестрой Светланой. Приезжали дети моей младшей сестры Ольги - Сережа и Даша, другие родственники.

Наш дом на кордоне почти всегда был полон гостей (из Ленинграда, Москвы, Краснодара, Киева, Харькова, Новосибирска, других городов).

Моему супругу Анатолию Кузьмичу Базникину приходилось (еще на Пслухе, а здесь - особенно) много конфликтовать с главными в заповеднике браконьерами - директором заповедника и другим начальством. В 1988 г. они уволили его, в связи с достижением пенсионного возраста, и воспрепятствовали даже тому, чтобы он продолжал заниматься охраной природы на общественных началах. Анатолий Кузьмич глубоко переживал эту «отставку».

В 1990 г. мой супруг Анатолий Кузьмич тяжело заболел. В Майкопской больнице не смогли поставить правильный диагноз. После выписки из больницы, уже в Гузерипле, ему стало совсем плохо. На вертолете его доставили в Краснодар.

Там 12 июня 1990 г., в возрасте 61 года, Анатолий Кузьмич Базникин скончался. (Оказалось - позднее последствие инфаркта, перенесенного им на кордоне Лаура в 1979 г.).

Анатолий Кузьмич Базникин похоронен на кладбище в пос. Гузерипль Республики Адыгея (на берегу реки Белой).

Анатолий Кузьмич Базникин был самоотверженным и неукротимым защитником природы.

Вокруг Анатолия Кузьмича группировалась молодежь, любители и самодеятельные защитники природы. На кордон к «Кузьмичу» приезжали студенческие экологические отряды. Анатолий Кузьмич Базникин был одним из учредителей Социально-экологического Союза России (само учредительное собрание Социально-экологического союза в августе 1987 г. происходило на кордоне Гузерипль Кавказского биосферного заповедника).

В газетах «Труд», «Комсомолец Кубани», «Адыгейская правда» печатались статьи о Кузьмиче и его собственные публикации по проблемам охраны природы. На Краснодарской студии документальных фильмов снят фильм «Дальше - зона покоя...» (кинорежиссер В. Тимошенко), который посвящен А.К. Базнику.

Соратники Анатолия Кузьмича Базникина сегодня продолжают борьбу за спасение природы Адыгеи.

Как я уже говорила, у Анатолия Кузьмича Базникина есть дочь от первого брака - ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА. Она по профессии - юрист. Живет в Хабаровске. (Ее фамилия в первом замужестве была ЕЛЧИНА). У нее - двое сыновей (внуки Анатолия Кузьмича): СЕРГЕЙ и АЛЕКСАНДР. (Старший - Сергей - гостил у нас на Пслухе и в Гузерипле). После развода дочь Анатолия Кузьмича Базникина Ирина Анатольевна вышла замуж вторично.

Дочь Джульетты Сергеевны Гераскиной (бывшей супруги Анатолия Кузьмича) Наталью, проживавшую в Сочи, я после кончины Анатолия Кузьмича не видела.

После смерти Анатолия Кузьмича (1990 г.) я осталась жить на кордоне Гузерипль одна. Продолжала работать в заповеднике.

Друзья и сподвижники Кузьмича всячески помогали мне.

Я стараюсь в этих записках не слишком выходить за рамки семейной хроники. Поэтому ограничусь здесь только упоминанием некоторых из друзей, которым я многим обязана в жизни (особенно после кончины Анатолия Кузьмича Базникина). В частности, назову: ИГОРЯ и НАДЕЖДУ СЕРГЕЕВЫХ, ВЛАДИМИРА и ЛЮДМИЛУ КАРАТАЕВЫХ, ВАЛЕРИЯ и ОЛЬГУ ТИМОЩЕНКО, АНДРЕЯ РУДОМАХУ, ТАТЬЯНУ КРОЛИКОВУ, братьев АЛЕКСЕЯ и ДМИТРИЯ ВОЛКОВЫХ, СВЯТОСЛАВА ОСЕЦКОГО, АНДРЕЯ СКИРТУ...

Всем им, и еще многим другим - моя глубокая благодарность!

Прошел год. В июне 1991 г. я получила известие о кончине моей мамы Ольги Константиновны. Она умерла 23 июня 1991 г., на даче в дер. Рутелицы, Ленинградской области, на руках у моей сестры Ольги. Я тогда была на Кавказе. Успела только к похоронам.

Мама умерла в возрасте 76 лет. Вскрытие показало, что в прошлом у мамы было два инфаркта, которые она перенесла на ногах. В заботах о муже, детях, внуках, мама всегда забывала о себе...

Моя мать Ольга Константиновна Вахарловская обладала особым талантом - талантом человечности. она была самоотверженным человеком, подчинившим все свои способности и отдавшей все силы главному делу своей жизни - строительству и поддержанию семейного очага.

Я и мои сестры, а также, думаю, внуки - навсегда сохранят о ней светлую, благодарную память.

Моя мать Ольга Константиновна Вахарловская похоронена на Серафимовском кладбище, рядом с бабушкой (матерью моего отца) Антониной Владимировной Вахарловской.

...Перечитав эти записки, я нахожу, что о своей маме я рассказала меньше, чем хотелось бы, чем знаю и помню. Ее биография как будто небогата событиями, ее преимущественная трудовая деятельность как бы рутинна - «домохозяйка».

Можно было бы попытаться обогатить мой рассказ о маме житейскими случаями, подробностями... Написать не хронику, а именно ВОСПОМИНАНИЯ - «о маме», «о моем детстве и юности» и т.п. Но это было бы тогда уже не просто приложение к воспоминаниям моего отца Глеба Анатольевича, а нечто совсем другое (требующее литературных способностей, которых я в себе решительно не усматриваю).

Так что, да простит мне моя Мама - рассказала о ней как сумела...

Теперь расскажу подробнее **о моих младших сестрах Светлане и Ольге Вахарловских и о моем старшем брате Викторе Вахарловском.**

Моя сестра Светлана Глебовна Вахарловская родилась 12 февраля 1948 г., в Ленинграде.

Я уже говорила, что Светлана очень хорошо училась в школе. Занималась в кинокружке Марии Петровны Пузановой, имела 2-й разряд по лыжам. С детства Светлана проявила большие способности к рисованию. Она окончила Мухинское художественно-промышленное училище (факультет промышленного искусства) в 1974 г. После этого Светлана восемнадцать лет работала на Ленинградском оптико-механическом объединении, художником-оформителем. Рисовала и для души... Кроме того ей нравилось вести всевозможные изо-кружки с детьми.

В 1992 г. Светлана попала под сокращение штатов на оптико-механическом объединении.

Моя сестра Светлана всегда жила с нашими родителями (в Автово, потом на Охте). Как я считаю, она всегда была первой помощницей и опорой для нашей мамы Ольги Константиновны.

В 1996 г. Светлана Глебовна Вахарловская получила инвалидность по болезни.

Сейчас моя сестра Светлана целиком и полностью посвятила себя уходу за нашим отцом Глебом Анатольевичем, которому недавно исполнилось 89 лет. Светлана является также секретарем отца. Последнее время он не может сам читать и писать (катаракта глаз). Светлана читает ему вслух. Отец диктует ей свои труды по истории российского флота. Под руководством отца она выполняет иллюстрации к этим трудам.

Под диктовку Глеба Анатольевича, каллиграфическим почерком Светланы, записаны и воспоминания нашего отца - «Семейный альбом Вахарловских» (к которым я пишу настоящее приложение).

Моя младшая сестра Светлана Глебовна Вахарловская - очень отзывчивый и добрый человек. А ее рисунки - украшение моего дома и домов моих друзей.

Моя сестра Ольга Глебовна Вахарловская родилась 11 октября 1950 г, в Ленинграде.

В школе Ольга училась хорошо, и тоже занималась в кинокружке Марии Петровны Пузановой. Ольга, как и я, училась в Ленинградском кораблестроительном институте. В пору учебы Ольга очень увлекалась парусным спортом.

В 1971 г. Ольга перешла на вечернее отделение института и поступила на Пролетарский завод. Закончила институт в 1974 г. На Пролетарском заводе Ольга Глебовна Вахарловская работает инженером-конструктором уже 23 года.

Ольга жила с родителями в Автово, потом на Охте. А в 1978 г. она вышла замуж и переехала к мужу. Ее супруг - ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ БУТОРЛИН (род.

6.04.1937), инженер-конструктор, работает в том же конструкторском бюро, что и моя сестра Ольга. Владимиру Константиновичу присвоено звание «Заслуженный пролетарец». (Это звание на заводе имеют всего несколько человек).

27 октября 1979 г. у моей сестры Ольги и ее мужа Владимира родился сын СЕРГЕЙ.

26 июля 1984 г. у них родилась дочь ДАРЬЯ.

С согласия отца (Владимира Константиновича Буторлина),

Сергей и Дарья носят фамилию своей матери - ВАХАРЛОВСКИЕ.

Сейчас мой племянник Сережа Вахарловский учится на первом курсе Санкт-Петербургского оптико-механического института, а моя племянница Даша Вахарловская учится в 8-м классе средней школы.

Семья Буторлиных-Вахарловских живет впятером в 2-х комнатной квартире, на Будапештской ул. (в Купчино): Ольга Глебовна и ее супруг Владимир Константинович, с детьми, а также бабушка (мать Владимира Константиновича) ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА КНЯЗЕВА (род. 26.06.1916).

У моей сестры Ольги - прекрасная семья. Я очень дружу с моей младшей сестрой Ольгой Глебовной Вахарловской, со всей ее семьей.

Со своим братом Виктором Глебовичем Вахарловским я впервые познакомилась уже в зрелом возрасте. В детстве мама говорила мне, что у моего отца Глеба Анатольевича есть еще ребенок, старше меня. Но я его никогда не видела.

Мой брат ВИКТОР ГЛЕБОВИЧ ВАХАРЛОВСКИЙ родился 15 июня 1940 г. Его родители: мой отец ГЛЕБ АНАТОЛЬЕВИЧ ВАХАРЛОВСКИЙ и ЕЛЕНА МОИСЕЕВНА КОЛЧИНСКАЯ (род. 11.07.1909, ум.3.09. 1994). Елена Моисеевна была по специальности библиотекарем. Она воспитывала сына одна.

Мой брат Виктор Глебович подробно рассказывает о своей матери и о своих старших родственниках, по материнской линии, в своих воспоминаниях [Вахарловский В. Три поколения Колчинских (документы, воспоминания, размышления...) / Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний о годах репрессий (1918 год - 90-е годы). Вып. 7, СПб, 1994].

Дед моего брата Виктора, по материнской линии, МОИСЕЙ БЕНЦИОНОВИЧ КОЛЧИНСКИЙ (род. в 1878 г., ум. в 1937 г. или позже) и дядя моего брата Виктора, по материнской линии, ВИКТОР МОИСЕЕВИЧ КОЛЧИНСКИЙ (род. в 1905 г., ум. в 1939 г. или позже) были репрессированы. Нелегкой была и судьба самой Елены Моисеевны (матери моего брата Виктора).

Как написал мой брат Виктор в своих воспоминаниях, «война разбросала в разные стороны» его мать Елену Моисеевну и его (нашего) отца Глеба Анатольевича.

(Хоть формальной регистрации брака и не было, наш отец, Глеб Анатольевич аккуратно платил алименты на воспитание своего сына Виктора).

Виктор Глебович Вахарловский окончил Ленинградский педиатрический медицинский институт в 1966 г. По специальности он - детский врач, кандидат медицинских наук, автор многих научных трудов по детской невропатологии и медицинской генетике. Он работает в Институте акушерства и гинекологии им. Отта. Его нередко приглашают в другие города и за границу для врачебных консультаций.

У моего брата Виктора Глебовича есть дочь МАРИЯ (род. 10.05.1979), от брака с ИННОЙ ЕВГЕНЬЕВНОЙ КОРЕНЯКО (род. в 1943 г.). Моя племянница Мария Вахарловская сейчас - студентка Санкт-Петербургского педиатрического института.

Виктор Глебович и Инна Евгеньевна (мать его дочери) ныне живут раздельно. Мария Вахарловская проживает с матерью. Од-нако мой брат Виктор Глебович очень заботится о своей дочери Маше. (Я бы даже сказала - он балует ее).

Ныне мой брат Виктор Глебович Вахарловский образовал новую семью - с ИЗОЛЬДОЙ ДАНИЛОВНОЙ КАЦ (род. 26.08.1941). Она заведует медицинской библиотекой в психиатрической больнице им. Скворцова-Степанова. Виктор Глебович и

Изольда Даниловна живут вдвоем в 2-х комнатной квартире на Гражданском пр. (квартира моего брата Виктора). Впрочем, есть своя квартира и у Изольды Даниловны.

Как я уже говорила, мы с моим старшим братом Виктором до зрелого возраста друг друга не знали. Наше знакомство состоялось в феврале 1987 г. (когда я приезжала в Ленинград с Кавказа). В этом году в моей родительской семье произошло важное событие: мой брат Виктор Вахарловский, по инициативе нашего отца Глеба Анатольевича Вахарловского и с одобрения его матери Елены Моисеевны Колчинской (с которой до тех пор я также не была знакома), фактически влился в семью Вахарловских.

Мы с моим старшим братом Виктором очень подружились, особенно после того, как он со своей дочерью Марией приезжал в Гузерипль, в отпуск (в том же 1987 г.).

В 1995 г. я тяжело болела. **МОЙ БРАТ ВИКТОР ТОГДА ПО СУЩЕСТВУ СПАС МНЕ ЖИЗНЬ.**

Мои младшие сестры Светлана Глебовна Вахарловская и Ольга Глебовна Вахарловская и мой старший брат Виктор Глебович Вахарловский - прекрасные люди. они все мне очень дороги. со всеми я очень дружна.

В заключение - о своей жизни в последние годы.

Еще в 1984 г., когда мы с моим покойным мужем Анатолием Кузьмичом Базникиным и супруги Абрашкевичи (Владимир и Ири-на) жили на кордоне Пслух, к нам в гости приезжал АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ (род. 22.07.1934). Он - двоюродный брат Владимира Владимировича Абрашкевича и племянник Марии Петровны Пузановой, о которых я писала выше. Наше первое знакомство состоялось еще во времена моей молодости (мы оба были на свадьбе Ирины Яковлевой и Владимира Абрашкевича в 1962 г.)

Андрей Николаевич по своей основной специальности - социолог. А в ту пору он работал слесарем, на заводе «Ленполиграфмаш». (О его «эксперименте социолога-рабочего» много писали средства массовой информации - «Литературная газета», «Огонек» и др. - в конце 80-х гг.; сам он рассказывает об этом в своей книге «Драматическая социология», вышедшей в 1997 г.).

После встречи на кордоне Пслух (в 1984 г.) Андрей Николаевич Алексеев и мой супруг Анатолий Кузьмич Базникин очень подружились. (В своей книге «Драматическая социология» А.Н. Алексеев называет А.К. Базникина своим «побратимом»).

Через год после кончины Анатолия Кузьмича Базникина, приехав в Ленинград летом 1991 г., я навестила Андрея Николаевича. Взяв очередной отпуск, он вместе со мной на два месяца уехал в Гузерипль.

Вскоре после этого мы с Андреем Николаевичем Алексеевым образовали семью. Мне тогда было 47 лет, Андрею Николаевичу - 57.

Расскажу о моем муже Андрее Николаевиче Алексееве словами его собственной автобиографии из книги «Драматическая социо-логия (Эксперимент социолога-рабочего)» (М., Институт социо-логии РАН, 1997):

«Родился в 1934 году, в г. Ленинграде. Окончил в 1956 году Ленинградский университет (филологический факультет), работал журналистом (гг. Куйбышев, Ленинград). В 1961 г. сменил социальное положение, стал рабочим (вальцовщик, электролизник). В 1964 году вернулся к журналистской профессии (г. Ленинград). Год спустя ушел в аспирантуру. Начиная с 1968 года работал в научных учреждениях Академии наук (гг. Новосибирск, Ленинград), социологом. Кандидат философских наук (1970). Специализировался в области социологии СМИ [*средств массовой информа-ции* - З.В.], социологии культуры, социологии личности, социологического изучения образа

жизни, методологии и методики социологических исследований. В 1980-1988 гг. предпринял экспериментальное исследование производственной жизни «изнутри», для чего поступил в качестве рабочего (наладчик, слесарь) на одно из ленинградских промышленных предприятий. После чего вернулся к штатной работе в научных учреждениях. Ныне - ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН».

Мне довелось знать мать Андрея Николаевича, старшую сестру Марии Петровны Пузановой, ВАРВАРУ ПЕТРОВНУ ПУЗАНОВУ (род. 17.12.1899, ум. 16.05.1963). Варвара Петровна была инженере-ром-технологом, кандидатом технических наук. Отец Андрея Николаевича - НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ (род. 17.05.1904, ум. 17.12.1974) также был инженером-технологом (долгое время он работал главным технологом завода «Звезда»). С ним мне встречаться не приходилось.

Андрей Николаевич был единственным ребенком у своих родителей.

Андрей Николаевич Алексеев был женат на ЕЛЕНЕ ИВАНОВНЕ АЛЕКСЕЕВОЙ (в девичестве - ЛАРИОНОВОЙ; род. 31.08.1933). Андрей Николаевич и Елена Ивановна поженились на последних курсах университета, где оба учились на филологическом факультете (в середине 1950-х гг.). 21 сентября 1960 г. у них родилась дочь ОЛЬГА. (О ней речь - впереди).

После окончания университета Елена Ивановна Алексеева работала журналистом, потом социологом (в тех же научных институтах, что и Андрей Николаевич). Сейчас она является научным сотрудником Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Недавно исполнилось 30 лет ее работы в системе учреждений Академии наук.

Брак Андрея Николаевича и Елены Ивановны распался в конце 1960-х гг.

В 1970 г. Андрей Николаевич Алексеев женился вторично, на НЕЛЛИ АЛЕКСЕЕВНЕ КРЮКОВОЙ (род. 13.02.1932). Это был второй брак и у Нелли Алексеевны. (От первого брака у нее есть сын - АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ КРЮКОВ; род. в сер. 1950-х гг.). Нелли Алексеевна окончила медицинский институт в Ленинграде, много лет заведовала биохимической лабораторией в Ленинградском институте уха, горла и носа, доктор медицинских наук, сейчас - на пенсии.

Общих детей у Андрея Николаевича и Нелли Алексеевны не было. Их семья распалась в конце 1980-х - начале 1990-х гг.).

В начале 1990-х гг. Андрей Николаевич и Нелли Алексеевна жили по существу раздельно, хоть и в одной 3-х комнатной квартире, на Наличной ул. (Васильевский остров). Там жила также мать Нелли Алексеевны Крюковой - ЛУКЕРЬЯ МАТВЕЕВНА МОВЧАН (род. 12.12.1907; недавно ей исполнилось 90 лет).

Когда мы с Андреем Николаевичем Алексеевым образовали семью (в начале 1990-х гг.), у нас с ним несколько лет не было общего жилья.

Обычно я приезжала к Андрею Николаевичу в Санкт-Петербург на всю зиму. Мы жили то у друзей, то в комнате моей дочери Любы (на Бассейной ул.), когда семья Мартыненко уезжала на дачу, то в квартире на Охте (у моего отца Глеба Анатольевича и моей сестры Светланы), то у Андрея Николаевича - в квартире на Наличной ул. Кроме того, каждый год мы проводили вместе с Андреем Николаевичем полтора-два месяца в Гузерипле, куда он мог приехать только на время отпуска. (Обычно он делил свой отпуск на две части и приезжал дважды в год).

В 1995 г., после оформления развода с Нелли Алексеевной Крюковой, Андрею Николаевичу удалось найти вариант жилищного размена, в итоге которого его бывшая супруга и ее мать получили 2-х комнатную квартиру в только что отстроенном доме (в районе оз. Долгого), а он - комнату в коммунальной квартире на 8-й линии Васильевского острова.

С июня 1995 г. мы с Андреем Николаевичем поселились там вдвоем. (Комната - хорошая, хоть и темновата. В квартире - всего одна соседская семья. Правда, в коммунальной квартире проблемы всегда найдутся).

В июне 1996 г. Андрей Николаевич Алексеев и я зарегистрировали брак. Это у меня - третий брак, у него - тоже.

Работу в заповеднике мне пришлось оставить еще в 1994 г. С тех пор на постоянную работу я не поступала. Занимаюсь домашним хозяйством. Чем могу, стараюсь помогать дочери Любе и отцу Глебу Анатольевичу с сестрой Светланой. Иногда подрабатываю. Помогаю мужу Андрею Николаевичу на его работе (в частности, в общественном архиве - «Россия на изломе», организатором которого он является).

Сейчас я состою на трудовом договоре в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН, по гранту, полученному Андреем Николаевичем Алексеевым от Российского гуманитарного научного фонда.

Еще в 1991 г. мы с Андреем Николаевичем привели в порядок личный и деловой архив Анатолия Кузьмича Базникина и перевезли его в Санкт-Петербург.

Мы с моим мужем Андреем Николаевичем продолжаем каждый год ездить на кордон Гузерибль, обычно - летом. (Дважды в год, как прежде, - не удается).

Дом, где я прежде жила с Анатолием Кузьмичом Базникиным, пришлось в 1995 г. освободить. Руководство заповедника предложило мне на кордоне Гузерибль другую, меньшую квартиру, тоже ведомственную. Так что в 1995 г. у нас с супругом было по существу два переезда (в Санкт-Петербурге и на кордоне).

Пока я формально зарегистрирована по месту жительства в положенной мне, как вдове лесника (отработавшего в заповеднике свыше 10 лет), ведомственной квартире на кордоне Гузе-рибль, мы с Андреем Николаевичем можем туда ездить.

Начиная с 1992 г. на кордон Гузерибль стали приезжать из разных городов также друзья Андрея Николаевича: МЭРИ МАКОЛИ, ВИЛЕН ОЧАКОВСКИЙ, РЭМ БАРАНЦЕВ, РОМАН ЛЕНЧОВСКИЙ... Теперь это друзья нашей семьи.

А Андрей Николаевич Алексеев подружился с моими друзьями, живущими на Кавказе (они же - друзья покойного Анатолия Кузьмича Базникина), о которых я говорила выше.

Дочь моего мужа Андрея Николаевича ОЛЬГА АНДРЕЕВНА НОВИКОВСКАЯ (в девичестве - АЛЕКСЕЕВА) после окончания школы работала и училась на вечернем отделении биологического факультета Ленинградского университета. Она окончила университет в 1985 г.

Ольга Андреевна была замужем за АЛЕКСАНДРОМ ЮРЬЕВИЧЕМ НОВИКОВСКИМ (род. в 1956 г.). Ныне их брак расторгнут.

30 мая 1983 г. у Ольги и Александра Новиковских родился сын ИВАН.

11 августа 1986 г. у них родился сын Егор.

Это - внуки моего мужа Андрея Николаевича Алексеева.

Ольга Андреевна Новиковская воспитывает их одна. Ей всячески помогает ее мама Елена Ивановна Алексеева.

Дочь моего мужа Ольга Андреевна и ее дети Иван и Егор живут сейчас втроем в 2-х комнатной квартире на пр. Ветеранов (в Дачном).

Пока дети подрастали, Ольга Андреевна не работала. Сейчас она овладела новой специальностью и работает в детском саду логопедом.

Я подружилась с дочерью моего мужа. В 1992 г. Ольга Новиковская со своими детьми Иваном и Егором и ее мама (Елена Ивановна Алексеева) - гостили у нас на кордоне Гузерибль.

(Кстати, в 1993 г. гостила там и бывшая супруга моего мужа - Нелли Алексеевна Крюкова).

А мой муж Андрей Николаевич подружился с моими родственниками: отцом Глебом Анатольевичем, сестрами Светланой и Ольгой, братом Виктором, моей дочерью Любой, и их семьями.

В июне этого года, по предложению Андрея Николаевича, моя дочь Любовь Мартыненко формально зарегистрировалась по месту жительства (раньше это называлось

«пропиской») - в комнате моего мужа (своего «отчима») Андрея Николаевича Алексеева, на 8-й линии, в качестве «члена его семьи».

(Разумеется, фактически Люба продолжает жить в своей квартире на ул. Корнеева, а в комнате в коммунальной квартире на 8-й линии живем мы с Андреем Николаевичем).

Традиция тесного семейного общения продолжается и в наших младших поколениях.

Так, дети моей сестры Ольги (мои племянники) Сережа и Даша общаются с моей дочерью Любой и ее детьми Машей и Василием (своими племянниками). Дружат семьи младших Мартыненко (семья моей дочери Любы) и младших Абрашкевичей (семья Андрея Абрашкевича, внука Марии Петровны Пузановой и племянника моего мужа Андрея Николаевича).

(Интересно отметить, что Катя, жена Андрея, была школьной подругой моей дочери Любы. А муж моей дочери Любы Александр, как я уже говорила, был университетским товарищем Андрея).

У АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА АБРАШКЕВИЧА и его жены ЕКАТЕРИНЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ АБРАШКЕВИЧ (в девичестве - МАЗЕПОВОЙ; род. 12.07. 1966) - две дочери (внучки Владимира Абрашкевича и Ирины Яковлевой): ЕВГЕНИЯ (род. 16.08.1989) и ИРИНА (род. 12.07.1991). Андрей и Екатерина Абрашкевичи имеют 2-х комнатную квартиру в Автово.

(Это - родительская квартира, где прежде жила бабушка Андрея Абрашкевича Мария Петровна Пузанова, где вырос отец Андрея Владимир Владимирович, и где мне столько раз приходилось бывать, в детстве и позже, пока Владимир Абрашкевич и Ирина Яковлева сами не переехали на кордон Пслух).

Правда, большую часть времени семья младших Абрашкевичей (Андрей и Екатерина, вместе со своими детьми) сейчас проводят не в Санкт-Петербурге, а на Кавказе (Сочи, Краснодар). Дело в том, что там сейчас постоянно живут и работают родители Андрея Абрашкевича - Владимир Владимирович и Ирина Михайловна.

У Абрашкевичей там свое «семейное» дело - фирма (ТОО) «Экокордон», занимающаяся освоением и внедрением современных технических средств связи.

Изредка Абрашкевичи-старшие появляются в Санкт-Петербурге. Как раз в эти дни, когда я пишу эти строки, Владимир Абрашкевич и Ирина Яковлева приехали на несколько дней.

8 января 1998 г. мы встретились с Владимиром и Ириной все в той же квартире в Автово. Там, кроме нас с Андреем Николаевичем, в этот день были также брат Ирины Яковлевой МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЯКОВЛЕВ (род. в 1945 г.), наша с Ириной Яковлевой школьная подруга НИНА АЛЕКСАНДРОВНА КРУПКО (род. 1940 г.) и ее и Владимира Абрашкевича дочь АННА (род. в 1980 г.), а также наши общие с семьей Абрашкевичей друзья.

Как видно, в результате моего брака с Андреем Николаевичем Алексеевым, **круг моих родственных связей еще расширился. но это, как правило, люди, с которыми я была знакома и дружна давно.**

Поскольку я затрудняюсь в использовании существующих в русском языке обозначений родственных связей (например: кем в родственном отношении мне приходится ныне моя школьная подруга, жена двоюродного брата моего мужа Ирина Яковлева?), ограничусь общим обозначением - **родственники.**

Перечитав эти заметки, я обратила внимание, что ничего не сообщила о принадлежности тех или иных моих родственников к партии. Между тем, это важная биографическая характеристика.

Я никогда этим особенно не интересовалась. Но следует все же сообщить то, что знаю наверняка.

Мой отец Глеб Анатольевич Вахарловский в партии не состоял.

Из детей моего деда Константина Николаевича Гудкова (репрессированного в 1938 г.) в партии состоял мой дядя Николай Константинович Гудков. Он был исключен из партии в 1941 г. (я об этом рассказывала). Остается неясным, состоял ли в партии мой дядя Сергей Константинович Гудков (см. выше).

Ни мой брат, ни мои сестры в партии не состояли.

Точных сведений о том, состоял ли кто из других родственников «моего поколения» в партии, я не имею. Думаю, что не состояли.

Сама я, как и большинство моих сверстников, была в молодости комсомолкой. Правда, никакой комсомольской активности не проявляла.

Был членом партии (с 1961 г. до самой смерти в 1990 г.) мой супруг Анатолий Кузьмич Базникин. Можно сказать, что он, в отличие от «коммунистов-карьеристов», был «коммунистом-романтиком», активно использовавшим принадлежность к партии для борьбы с местными безобразиями.

В молодости был активным комсомольцем, а в 1961 г. вступил в партию мой нынешний супруг Андрей Николаевич Алексеев. К нему тоже применима формула - «коммунист-романтик». В сентябре 1983 г. на его квартире был произведен обыск, инициированный КГБ. После чего Андрей Николаевич был исключен из КПСС, по политическим обвинениям (1984 г.).

Коллеги и друзья Андрея Николаевича (в том числе - Анатолий Кузьмич) всячески поддерживали его в активной самообороне от обвинений в «антисоветизме». В 1988 г. Андрей Николаевич был восстановлен в партии (даже без перерыва в стаже). В июле 1990 г. Андрей Николаевич сам из партии вышел.

Больше среди моих родственников и людей, о которых я более или менее подробно рассказывала в этой хронике, членов партии не было.

Еще несколько дополнений, которые показались мне необходимыми.

Полученное мною (в 1950-х гг.) школьное образование было безусловно скверным. И все же были в школе N 393 такие учителя, которым я по сей день благодарна. Кроме Марии Петровны Пузановой, это: Евгения Николаевна Зверева (учительница младших классов, которая не устраивала директора школы и вынуждена была уйти, несмотря на протесты родителей); Василий Викторович Шумилов (учитель географии); Нина Петровна Балясникова (учитель литературы); Герман Иванович Козлов (учитель физкультуры).

Начальником сектора в конструкторском бюро («Волна», «Малахит»), где я работала, был Лев Семенович Вад (ныне покойный). В 1973 г. (когда мне удалось расстаться с отцом моей дочери) он назначил меня в группу наблюдения за переоборудованием корабля на судоремонтный завод в Севастополе, что дало мне возможность поправить подорванное семейной жизнью здоровье.

Когда Льву Семеновичу пришлось уйти на пенсию, я оказалась в другом секторе конструкторского бюро (конец 1970-х гг.). Там моими коллегами и друзьями стали Екатерина Валериановна Ляхницкая и Наталия Леонидовна Сидоренко. Наталья Леонидовна потом гостила у меня на Кавказе. (Екатерине Валериановне мне показать Кавказ, к сожалению, так и не удалось). С обеими я дружу вот уже 25 лет.

В этой семейной хронике я намеренно не стала пересказывать биографию моего отца ГЛЕБА АНАТОЛЬЕВИЧА ВАХАРЛОВСКОГО, инженера-кораблестроителя, чье имя можно найти в «Морском биографическом словаре» рядом с другими выдающимися строителями российского флота.

Его трудовой и жизненный путь обстоятельно описан им самим (в надиктованных моей сестре Светлане Вахарловской воспоминаниях).

Все же не удержусь, и приведу здесь статью о моем отце из упомянутого биографического словаря (отец ее не цитирует в своих воспоминаниях, а мне сделать это - и удобно, и прият-но):

«ВАХАРЛОВСКИЙ Глеб Анатольевич. Родился в 1908 г. Известный специалист в области проектирования судостроительных заводов, лауреат Гос. премии СССР (1950). По окончании Ленинградского кораблестроительного института (1931) работал в организациях, занимавшихся проектированием судостроительных заводов. В 1945 г. входил в состав репарационной миссии, обследовал германские судостроительные заводы. Проектировал сухой док Керченского судостроительного завода «Залив», объекты ЦНИИ им. акад. А.Н.Крылова, КБ по судам на подводных крыльях и др. Участвовал в проектировании судостроительных заводов в Северодвинске, Херсоне, Таллинне, Севастополе и других портовых городах. Работая в институте «Союзпроектверфь», участвовал в разработке крупноблочного метода постройки судов. Автор трудов «Портовые сооружения» (1955), «Современные доковые сооружения для крупных и средних судов» (1968). Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».» [Цит. по: Доценко В.Д. Морской биографический словарь. СПб, «LOGOS», 1995, с. 89].

Пусть эта энциклопедическая справка также будет приложением к «Семейному альбому Вахарловских»!

В воспоминаниях моего отца Глеба Анатольевича Вахарловского подробно рассказывается о моих родственниках по папиной линии. Поэтому здесь я ограничусь лишь упоминанием тех из них, **с кем мне самой приходилось более или менее тесно общаться** (без указания на степень родства, явствующую из записок Глеба Анатольевича).

Это, во-первых, ныне покойные:

ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВНА МЕДНИКОВА; МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ВЕДРОВ;
МАРИЯ МИХАЙЛОВНА ГРУШЕВАЯ; ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ ГРУШЕВОЙ;
КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГРУШЕВАЯ.

Обо всех них я храню самые добрые воспоминания.

Самые теплые чувства я испытываю также к ныне здравствующим родственникам по папиной линии, которых лично знаю:

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ГРУШЕВАЯ, АННА ВЛАДИМИРОВНА ГРУШЕВАЯ
и ГАВРИИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ГРУШЕВОЙ (дети покойных Владимира Гавриловича
и Марии Михайловны Грушевых); ИРИНА КИРИЛЛОВНА ГРУШЕВАЯ; МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ ЖЕРБИН, НИКИТА ФЕДОРОВИЧ ЖЕРБИН и ТАТЬЯНА ИВАНОВНА
ПОЛИЛОВА (дети Ирины Кирилловны Грушевой).

Все они живут в Санкт-Петербурге.

Кроме того, я, как и мой отец Глеб Анатольевич, отношу к числу своих
родственников ЛЮДМИЛУ ПАВЛОВНУ МАЙЛОВУ-ШВЕЦ, сестру покойной
ЗИНАИДЫ ПАВЛОВНЫ МАЙЛОВОЙ (первой жены моего отца). Мы общались с
Людмилой Павловной. Она скончалась в 1995 г.

Я поддерживаю родственные отношения: с ПАВЛОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ
ШВЕЦОМ (сын Людмилы Павловны Майловой-Швец) и его женой ЛЮДМИЛОЙ
ВИКТОРОВНОЙ КОВАЛЕВСКОЙ и их детьми (внуки Людмилы Павловны)
АЛЕКСАНДРОМ, ДМИТРИЕМ и АРТЕМОМ; с СЕРГЕЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ
ШВЕЦОМ (сын Людмилы Павловны Майловой-Швец) и его женой ЛИДИЕЙ
СУРЕНОВНОЙ АПРЕСЯН и их детьми (внуки Людмилы Павловны) АЛЕКСАНДРОМ и
ЕЛЕНОЙ.

Все они мне близки, хоть мы и живем в разных городах (семья Павла Александровича Швеца - в Новосибирске, семья Сергея Александровича Швеца - в Москве).

О моей покойной бабушке (матери моего отца Глеба Анатольевича) АНТОНИНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ВАХАРЛОВСКОЙ (1872-1952) я писала выше, рассказывая о своем детстве.

Роль обоих моих родителей - Глеба Анатольевича Вахарловского и Ольги Константиновны Вахарловской - в моей жизни была чрезвычайной.

В глазах отца я представляла скорее «непослушной дочерью». А в глазах мамы - «просто дочерью», с правом на собственные жизненные решения. Трудно сказать, что было для меня ценнее...

Во всяком случае, **я испытываю чувство глубокой благодарности, в частности, к моему отцу Глебу Анатольевичу Вахарловскому. И я горжусь своим отцом!**

Эта семейная хроника (рассказ «О моей матери, о моих родственниках и о себе самой»; приложение к воспоминаниям моего отца «Семейный альбом Вахарловских») написана мною для **всех моих родственников**, старших и младших, которым это может быть интересно - сегодня или потом (когда подрастут).

Несмотря на свое стремление к полноте и точности изложения истории семьи, я, конечно, могла что-то важное упустить из виду. Возможны и фактические ошибки, и субъективные искажения.

Буду благодарна за любые замечания, поправки, дополнения. Если их окажется много, я постараюсь их учесть в **новом варианте** этих семейных записок.

Май 1997 - январь 1998 г.
Санкт-Петербург

P.S. Я признательна моему мужу АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ АЛЕКСЕЕВУ за поддержку в написании мною настоящей хроники и за внимательное, бережное редактирование этого текста. З. Вахарловская.

Благодарю мою жену Зинаиду Глебовну Вахарловскую - за доверие и предоставленную возможность участия в ее работе над этими записками.

Пожелаю всем, кто прочтет ее семейную хронику, в частности, детям и внукам, последовать ее примеру - не слишком рано, но и не слишком поздно. Андрей Алексеев
Январь 1998.

«Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о своем происхождении...»

А.С. Пушкин. Начало автобиографии (1834 г.). [Цит. по: А. Пушкин. Избранное. М., «Советская Россия», 1980, с. 356].

Ремарка: Те, кто уже ушел

Настоящая семейная хроника, напомним, была составлена в 1998 году. За истекшие с тех пор 15 лет, многое изменилось в жизни ее ныне здравствующих героев. Мы с автором решили никаких примечаний и дополнений не делать.

*Кроме одного. Ныне уже нет в живых фигурирующих в этой хронике: **Глеба Анатольевича Вахарловского, Нонны Константиновны Бранкиной, Юрия***

Константиновича Козьярского, Виктора Глебовича Вахарловского, Владимира Константиновича Буторлина, Павла Александровича Швеца, Ирины Кирилловны Грушевой, Ольги Владимировны Грушевой, Изольды Даниловны Кац, Андрея Владимировича Абрашкевича, Елены Ивановны Алексеевой, Лукерьи Матвеевны Мовчан.

*Продолжение этой семейной хроники пусть пишут уже младшие.
(11.05.2013).*

20.2. ТО, ЧЕГО НИКТО ЗА ТЕБЯ НЕ СДЕЛАЕТ...

= Из письма Р. Ленчовского (июль 2013) ⁷⁶

...Впечатляет, прежде всего, именно стилистическая строгость жанра (невольню вспоминаю летописный стиль "памятных лет" ещё Киевской Руси...). Полагаю, что такое выстраивание био-генеалогических фактов, "верифицированное" в ретроспекциях других "свидетелей" того же времени и того же родственно-семейного и дружеского круга, - неременная основа любых мемуарно-исторических рефлексий эпохи. И вообще всех тех духовных связей и "следствий", о которых не единожды писал Андрей.

С радостью нахожу и себя в этом поле духовно-жизненных «притяжений» - как в своей собственной душе, так и на страничках «летописи» от Зины.

Спасибо вам (вместе и по отдельности каждому), что мой (наш) жизненный мир вы обогатили своими мирами – в их уникальной целостности и их же уникальной особенностями!..

(22.07.2013)

= А. Алексеев – А. Бородину (2010) ⁷⁷

<...> Интересные вещи Ты рассказываешь из своей генеалогии. Насчет "родовых корней", "семейной хроники" и т. д. скажу так: в принципе, человек *обязан* рассказать и записать то, что знает о своих предках для передачи потомкам. Поскольку тем потом взять эту информацию будет неоткуда. И не только давнюю историю, но и ближнюю - что знаешь, помнишь про своих родителей, в особенности сберечь. Ибо незафиксированная память уйдет с тобой. Я это называю "эстафетой памяти".

Ну, уж а собственно про тебя, если сам не собрался написать мемуары, нехай дети и внуки потом вспоминают. Благодаря моей "Драматической социологии", писавшейся, впрочем - для современников, и у правнуков, пожалуй, недостатка в информации на мой счет не будет. Но сие как раз не является обязательным. <...> 7.06.2010.

= Из переписки (2009) ⁷⁸

А. Алексеев – <...>

<...> Твое намерение обратиться к своим «зарубкам памяти» (*записным книжкам, дневникам факта. – Ред.*) за четверть века – меня очень радует. С возрастом область творческого внимания должна понемногу перемещаться извне вовнутрь. От постижения себя через общество – к постижению общества через себя. Про <...> в принципе и другой

⁷⁶ По прочтении «Семейной хроники» З. Вахарловской.

⁷⁷ См. ПС-2 (Глава 7).

⁷⁸ См. ПС-2 (Глава 7).

написать может. А вот интерпретация собственного жизненного опыта – незаменима. Итак, делай (преимущественно) то, чего НИКТО за тебя не сделает. Где-то эта максима затерялась в книге, сейчас уж и не вспомню...

Образцом «хозяйского» отношения к личному архиву и превращения собственной жизни в «безотходное» производство для меня, из близких друзей, является Рэм Баранцев.⁷⁹ Рэм начал с «реперных» историко-биографических работ («История семиодинамики», «Крупницы памяти»), а дальше, с присущей ему замечательной систематичностью, обратился к личной переписке («Люди в письмах»), отзывам на работы коллег («Знаки внимания»), конспектам читанного («Вешки интереса»)...

⁸⁰ Все идет «в дело»! И не для самоувековечения вовсе, а ради сбережения и передачи «следующим» - персонифицированных документов времени, ценность которых не убывает, а приращивается с каждым годом. Это – акт ответственности перед будущим.

Знаешь, мне иногда кажется, что если вдруг среди социо- и землетрясений, ничего не останется, кроме этих вот «твоих» документов, то вдумчивый социальный интерпретатор по ним, как палеонтолог по одной косточке ископаемого животного, сможет реконструировать и социальное устройство, и исторический ход, и даже психологию человеческую. Так ведь надо же оставить ему эту «косточку»!

Этой «камеральной» работой (если воспользоваться термином геологов) стоит заняться – не слишком рано, но и не слишком поздно. <...> 25.10.2009.

<...> – А. Алексееву

<...> Спасибо за поддержку сюжета по "зарубкам"... Безусловно, внимание переключается внутрь. С другой стороны, не было бы <...> («внешних» тем. – А. А.), то и внутри было бы много меньше и в собственно профессиональном отношении, и в личностном. Поживем- увидим... <...> (25.10.2009).

+++

⁷⁹ См. Из неопубликованных глав. Том 1 (Глава 15).

⁸⁰ См. подробнее: Из неопубликованных глав. Том 2 (Глава 15).

Глава 22

ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС. ДНЕВНИК И ПИСЬМО КАК СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Содержание главы 22

22.1. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АКТ ОБЩЕНИЯ, ОТОБРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ И ИЗЪЯВЛЕНИЕ СЕБЯ (ЗАМЕТКИ ОБ «ЭСТАФЕТЕ ПАМЯТИ»)
(авт. – А. Алексеев)

22.2. ДНЕВНИК И ПИСЬМО КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(авт. – А. Алексеев)

Ремарки

- «Площадки» и «поляны» А. Алексеева (раздел 20.0)

**

[Все необходимые пояснения см. выше – в Предисловии к части 3 настоящего тома. – А. А.]

22.0. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АКТ ОБЩЕНИЯ, ОТОБРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ И ИЗЪЯВЛЕНИЕ СЕБЯ (ЗАМЕТКИ ОБ «ЭСТАФЕТЕ ПАМЯТИ»)

Автору хотелось бы представить читателю как единый цикл тезисы ряда докладов, произнесенных на различных научных конференциях в период с 1998 по 2013 год.

1. Семейная ценность и семейная память (к постановке вопроса)⁸¹

1. «Семейная ценность» – термин, пока не обретший научного статуса в науках о человеке. В это понятие мы вкладываем ту составляющую материально-духовной среды или экологии человека, которая позволяет личности идентифицировать себя в качестве представителя определенного рода (родов) и звена в цепи семейных поколений. Принципиальное значение здесь имеет именно осмысление, осознание соответствующих материальных или информационных объектов в качестве семейной ценности, т.е. наличие ценностного отношения личности к ним.

2. Существенным для понимания специфики феномена *семейной ценности* является вычленение в ценностном сознании субъекта особой сферы или слоя – назовем

⁸¹ Тезисы доклада на межвузовской конференции «Экология социально-антропологических процессов» (Санкт-Петербург, март 1998). Впервые опубли.: Дом человека (экология социально-антропологических процессов). СПб.: Институт биологии и психологии человека, СПбГУ, 1998.

это *семейной памяти*. Этот слой нередко оказывается весьма тонким (говоря попросту – «короткая семейная память»). Скажем, человек является обладателем вещи, доставшейся ему от предков, но не знает «истории» этой вещи. Или: человеку неизвестно, кто же из его старших родственников изображен на фотографии, хранящейся в семейном альбоме.

3. Личностное осознание субъективной значимости объектов – носителей фамильной ценности сплошь и рядом приходит к человеку достаточно поздно, когда старших уже нет в живых, и «спросить не у кого». Устные биографические рассказы родителей стираются в памяти детей, в свое время не придавших этому значения. Порой полученная младшими от старших информация трансформируется в «семейное предание» (не поддающееся проверке).

4. В последнее время усилился интерес к биографическим методам в социологических, культурологических, этнографических исследованиях. Мемуарный, «житийный», документальный жанры становятся все более популярными в литературе и публицистике. При этом делается упор на историко-культурной ценности соответствующих текстов. Хочется, однако, подчеркнуть экзистенциальную значимость фамильной ценности и семейной памяти для конкретных лиц, которые, при неразвитости интереса к своему происхождению, своим корням, часто оказываются в положении «Ивана, не помнящего родства».

5. Автору этих строк довелось консультировать составление ряда «семейных хроник». Их инициаторами были уже немолодые люди, осознавшие свою ответственность за сохранение памяти о своих предках для своих потомков. Это оказалось достаточно трудной задачей. Следует заметить, что работа эта оказалась бы куда более эффективной, если бы была предпринята составителями семейных хроник в более молодом возрасте.

6. Во всякой семейной хронике обычно представлены два пласта информации. Первый – «генеалогическое дерево» и хотя бы минимум информации о предках, которых пишущий хронике в живых уже не застал. Здесь он опирается на сохранившиеся документальные свидетельства и рассказы старших. Другой пласт – личные впечатления и воспоминания, относящиеся в первую очередь к собственным родителям. Здесь возникает особая проблема моральной ответственности за сохранение информации, которой располагает только данный индивид и которая исчезнет невозвратно, если не будет транслирована младшему поколению.

7. Заслуживает постановки вопрос о воспитании в младших поколениях не просто «уважения к старшим» и «заботы о стариках», а внимания к ним, в частности, как к носителям семейной памяти. В идеале не старшие, а младшие должны быть инициаторами того, чтобы эта память не оказалась утраченной. Способы культивирования фамильной ценности могут быть самыми разнообразными (включая современные технические средства). Но общение поколений должно включать ценностно мотивированный запрос младших на семейную память.

8. Представляется необходимой пропаганда сохранения личных архивов в семьях. Здесь не идет речь об архивах «выдающихся людей» (которые имеют шанс получить государственное хранение и т.п.). Не только фотографии, но и всевозможные документы, письма, иногда – дневники, любые письменные свидетельства, оставшиеся от покойных, заслуживают сбережения детьми, внуками. К сожалению, материальные ценности ныне наследуются куда охотнее, чем ценности, имеющие духовное значение. Отношение к последним часто оказывается варварским.

9. В заключение отметим, что проблематика, обозначенная в настоящих тезисах, пока не стала предметом специального научного рассмотрения, в частности, в социологии и культурологии. Здесь необходимы и теоретические анализы, и эмпирические исследования.

Как нам представляется, понятия *фамильной ценности* и *семейной памяти* поддаются операционализации в практике массовых опросов и систематических

наблюдений. В целом вырисовывается комплексная – культурно-историческая, гуманитарно-экологическая и междисциплинарная – научная проблема.

Февраль 1998

2. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации⁸²

1. В структуре процесса человеческой коммуникации традиционно выделяются: субъект – источник коммуникации; содержание коммуникации; ее форма; ее средства (знаковые, технические, институциональные и др.); адрес (субъект, которому коммуникация адресована); эффекты. Коммуникация осуществляется в определенном контексте (ситуации, среде – социальной, исторической, культурной и проч.). Если коммуникация является целевой (т.е. субъект преследует цель, в которой «отдает себе отчет»), можно говорить об эффективности коммуникации (в смысле соответствия результата цели). Различают личную (адресованную вполне определенному, персональному адресату) и массовую (адресованную анонимной аудитории) коммуникации, аксиальную («осевую») и ретиальную («сетевую»), монологическую и диалогическую коммуникации. Существуют и иные классификации процесса.

2. Здесь не станем углубляться в вопросы теории коммуникации и общения, где вышеуказанные понятия фигурируют в разных соотношениях и используются в построении разных социальных моделей. Сосредоточимся на индивидуальной коммуникации (т.е. такой, где субъектом-источником выступает *индивид, личность, лицо*) и в частности на фундаментальном различии ее возможных адресов.

Таковыми адресами могут быть: сам субъект – источник коммуникации (коммуникация самому себе); другое лицо (индивид, личность); аудитория (другие лица, группа, общность). Будем называть первый случай *коммуникацией самому себе*, второй – *коммуникацией другому лицу* и третий – *коммуникацией для других*.

3. От этих общих определений перейдем к рассмотрению конкретики вербальной коммуникации личности, в частности коммуникации, воплощенной в письменном тексте. Здесь для каждого потенциального адреса может быть усмотрен «классический» тип текста, характеризующийся своими содержательными и формальными особенностями, используемыми средствами, а также иными параметрами. Назовем эти типы: дневник (коммуникация самому себе); письмо (коммуникация другому лицу); статья (коммуникация для других).

4. Сначала некоторые «очевидные» черты и определения. *Дневник* по преимуществу монологичен; это аксиальная коммуникация; дневник сугубо личностен, импровизационен; он может быть насыщен фактами («записная книжка»), переживаниями, размышлениями («ауторефлексия»); может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или хода мысли («поток сознания»). Можно далеко продолжать перечисление вариаций. Принципиальным для нас является то, что дневник в любом случае обращен главным образом к самому себе, в этом его смысл и «организующее начало».

5. *Письмо* тоже лично и, как и дневник, есть аксиальная коммуникация; оно может содержать фактическую и эмоциональную информацию; письмо может быть сугубо «информационным», «исповедальным» или «поучающим»; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо «реактивно», т.е. откликается на предыдущие сообщения адресата («переписка»); оно может быть

⁸² Тезисы доклада на XII Любичевских чтениях (Ульяновск, апрель 1999). Впервые опубликовано: XII Любичевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000. Вошли в кн.: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4 т. Т.1. СПб., 2003. С.299-303.

«целевым » и «бесцельным» (совершенно спонтанным); письмо *par excellence* – это разговор, оно не монологично, а диалогично (т.е. рассчитано на реакцию собеседника). Вот в этой диалогичности и состоит его (письма) принципиальная особенность, проистекающая из специфики адреса: *другое лицо*.

6. **Статья** – наиболее условное из использованных нами выше обозначений «эталонных» типов текста. Ибо «коммуникация для других» может иметь множество ипостасей, среди которых, например, почти все жанры делового, журналистского, научного сообщения. Такая коммуникация адресуется *аудитории* – иногда специфизированной, иногда массовой. В ней (статье) особенно ярко выражена целевая функция и по необходимости минимизирован личностный момент. Здесь не меньшее разнообразие вариаций, чем в предыдущих родах письменных сообщений. Достаточно сказать, что художественная (литературная) коммуникация (в различных отношениях антиномичная – будь то деловой, будь то научной) есть тоже «коммуникация для других». Но для целей последующих типологических сопоставлений нам удобна именно «статья».

7. Является ли наша систематизация «адресов» человеческой коммуникации полной, их перечень (на данном уровне обобщения) – конечным? Нет. Ибо возможна еще коммуникация не «к себе», не «к другому» и не «к другим», а к некой «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму»; именно индивидуальная, по субъекту-источнику, коммуникация, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо).

Да и в рассмотренных ранее формах коммуникации могут присутствовать элементы такого трансцендентного общения: обращение к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Само по себе адресование «к человечеству» может иметь общие черты с молитвой, обращенной к Небу.

8. Нами выделены и обсуждаются три «формы» индивидуальной (субъект-источник), вербальной (знаковые средства), письменной (материальный носитель) коммуникации, принципиально различающиеся по своему адресу (себе; другому; другим), обозначенные (по избранным для нашей модели «эталонным» типам текстов) как *дневник*, *письмо* и *статья*. Более или менее понятна специфика этих категорий текстов. (Вышеприведенные характеристики далеко не являются исчерпывающими.) Но самым интересным и перспективным – для последующего анализа – является прояснение взаимосвязей, взаимопереходов и взаимодополнительности этих форм.

9. Можно предположить, что здесь имеем дело с системной триадой (в смысле Р.Баранцева)⁸³, поскольку каждый из вышеназванных концептов, по-видимому, соотносим (разумеется, не жестко и не однозначно!) с тем или иным элементом универсального семантического архетипа: *интуицио* (дневник), *эмоцио* (письмо), *рацио* (статья). В таком случае, исследование соотносительности всех трех форм становится не узко предметной, а философской, эпистемологической задачей.

10. И логически, и исторически письмо является, по-видимому, «праформой» индивидуальной письменной коммуникации. Оно зарождается как закрепленное в «письменах» личное послание, впрочем, очень рано совмещающееся (переплетающееся) с посланием «также и» к другим, а в пределе – «ко всем, кто его прочитает», не сегодня, так в будущем. Вместе с тем, это также есть *само*-выражение, а стало быть – хотя бы в потенциале – присутствуют и элементы самокоммуникации. Вообще человек – существо общественное, и его обращение к себе невозможно без осознания себя как «одного из» себе подобных. Отсюда, кстати, приоритет диалога над монологом – не только «логически», но и «исторически» оправданный.

11. При ближайшем рассмотрении не только в «письме» могут быть обнаружены элементы как «дневника», так и «статьи» (напомним про условность нашей

⁸³ См.: Баранцев Р.Г. Системная триада – структурная ячейка синтеза // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1988. М., 1989; а также другие работы этого автора.

терминологии!). Но и в любой из названных форм индивидуальной письменной коммуникации можно усмотреть – актуально представленные или потенциально мыслимые – черты остальных. Иначе говоря, понятия «перетекают» друг в друга.

По-видимому, правомерно выделение типов-«кентавров»: письмо-дневник; письмо-статья; статья-дневник. Здесь не станем приводить известные примеры, которыми богата история культуры.

12. Особенно интересно совмещение «имманентных» черт всех трех форм индивидуальной коммуникации в конкретном тексте, иногда приобретающее достоинство синтеза. При этом обычно форма специфична, а содержание универсально. Например, исповедальное открытое письмо, или дневник, который субъект не требует уничтожить после своей смерти, или статья, вроде «Дневника писателя» Ф.Достоевского. Вообще говоря, такие синтетические жанры особенно распространены и сознательно используются в художественной литературе, публицистике, философии. Однако и в обыденной дневниковой и эпистолярной практике можно встретить как синкретизм, так и синтез всех трех форм.

13. Наконец, существует опыт овладения механизмом такой взаимосвязи форм индивидуальной письменной коммуникации, когда, например, человек, пишущий *письмо* конкретному лицу, делает это также и «для себя» или/и отдает себе отчет в том, что его личностное послание может обрести также и других читателей. Или: человек пишет дневник или письмо, сознавая, что потом он «перепишет» это как статью. (Интересно, что невозможно обратное движение: лишнее подтверждение того, что «обращение к другим» вырастает на базе обращения к другому или к себе, а не наоборот.)

14. Нам известно немного примеров *сознательного* взаимодополнения и совмещения форм дневниковой, эпистолярной и «статейной» (научной и проч.) коммуникации. К таким примерам безусловно относится феномен А.А.Любищева (1890–1972), общекультурное значение которого еще далеко не полностью осмыслено, однако, благодаря усилиям его младших современников, имеет шанс стать одним из «услышанных» посланий человечеству в XXI век.

15. Автор настоящих тезисов полагает, что в теории индивидуальной письменной коммуникации – в намеченном здесь аспекте – пока еще непочатый край работы. Но стоит ли «дождаться», пока такая теория будет построена, а затем станет достоянием социологических или психологических учебников? В дневниковом и эпистолярном наследии как «великих», так и «рядовых» людей (кстати, ставшем в последнее десятилетие предметом все возрастающего общественного внимания) нам видится как богатейшее поле для исследования, так и сокровищница коммуникативного опыта, черпать из которой – и «без учебника!» – может каждый.

Апрель 1999

3. Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования⁸⁴

Целью настоящих заметок является общая постановка вопроса о таком специфическом моменте повседневной жизни современного человека, который можно метафорически определить как *эстафета памяти*.

1. Порождение автобиографических повествований (нарративов), создание и накопление «историй жизни» и «семейных хроник», по нашему убеждению, есть задача не

⁸⁴ Тезисы доклада на международном семинаре «Жизненные повествования: методы и социокультурные реальности» (Киев, 30.11 – 01.12.2007). Впервые опубликовано: XIII Любищевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2001. См. также: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2001. № 4. Вошли в кн.: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т.2. СПб., 2003. С. 471-477.

только гуманитарно-научная, но и общекультурная. В конечном счете, это задача продления *памяти* человечества – ее сохранения не «на скрижалях истории», а в мельчайших «капиллярах» и «клеточках», в самой толще социальной жизни. Названная задача далеко не вполне общественно осознана, во всяком случае эта работа пока не вошла в повседневный быт и культурный обиход семей и граждан. Люди привыкли жить «сегодняшним днем», иногда они «планируют будущее», однако редко «оглядываются назад» и сплошь и рядом не осознают свой собственный жизненный *путь* как некую культурную, духовную, социальную ценность.

2. Общая постановка вопроса: «человек – это прежде всего его собственная жизнь» – в терминах еще «донаучных» содержится в одном из наших текстов 1983 г.⁸⁵ Попытку концептуализации и обоснования категорий *фамильная ценность* и *семейная память* см. в нашей работе 1998 г.⁸⁶

За последнее десятилетие научная работа по сбору и анализу «историй жизни» и «биографий семей» получила плодотворное развитие в ряде исследовательских центров Москвы, Киева, Санкт-Петербурга (здесь эти центры и их труды не перечисляем.)

3. Автобиографическое повествование (АП) выступает одной из естественных форм презентации жизненного пути и «объективации» памяти, прежде всего – индивидуальной памяти, без которой не может быть и «памяти коллективной». К названному типу текстов примыкает жанр самодетельных *семейных хроник* (СХ), где с большей или меньшей степенью подробности представлены жизненные пути всех членов многопоколенной семьи в их переплетении. В дальнейшем будем говорить в основном об автобиографическом повествовании, хотя все сказанное может быть отнесено и к семейной хронике (биографии семьи).

4. Рассмотрим сначала вопрос о *ресурсах*, или источниках, АП. Здесь можно выделить три основные группы ресурсов «истории жизни»:

а) *личный* (соответственно – семейный) *архив*, в широком смысле, – включая всю совокупность документальных материалов, «жизненных свидетельств», как личностных, интимных, так и официально-публичных, относящихся к данному индивиду (семье);

б) *живая память* ныне здравствующего человека («память о своей жизни, о своей семье»);

с) *память других* – о данном человеке или людях (ныне здравствующих или покойных); она может быть как «живой», так и документированной.

5. К разряду личностных документов относятся любые тексты, отражающие факты поведения и сознания данного, конкретного человека, причем отражающие их – иногда «специально», иногда (чаще) «попутно», т.е. без сознательной установки на фиксацию таковых фактов. К ценнейшим документам такого рода относятся: *дневники* (ныне – едва ли не культурный реликт!); *письма* (как собственные письма данного индивида, так и, пожалуй, в не меньшей мере, адресованные ему); *фотографии* и другие изобразительные материалы, а в последнее время также – любительские *аудио-* и *видеозаписи*.

Весьма информативным источником или ресурсом АП (СХ) являются также «официальные» документы, особенно такие, где сам субъект жизни выступает автором (копии листков по учету кадров, «служебные» автобиографии, обращения в официальные органы и т.п.), но также и адресованные данному человеку или посвященные ему (от метрического свидетельства до профсоюзного билета или пенсионной книжки).

6. К сожалению, «рядовой человек», не сознающий историю собственной жизни и жизни тех, с кем он повседневно общается, как культурную ценность, плохо сберегает эти «жизненные свидетельства». А отношение его потомков, наследников к этим «следам»

⁸⁵ Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). В 2-х кн. Кн.1. М., 1997. С.292-294.

⁸⁶ Алексеев А.Н. Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса) // Дом человека Указ. изд. См. также раздел (1) настоящей работы.

прожитой жизни порой является просто варварским. В итоге документированная память (личный архив) нередко оказывается еще менее долговечной, чем «живая».

7. Ресурсы АП конечны. «Живая память» субъекта, разумеется, хранит впечатления, «воспоминания» (часто избыточные абберациями, связанными с последующими «напластованиями» жизненного опыта). Однако чем дальше во времени – тем меньше точность и достоверность биографической информации (если она не может быть подкреплена документами).

8. Здесь возникает проблема как личной ответственности человека за сохранение «себя» (в случае СХ – всех членов семьи) во времени, так и – особенно – *ответственности младших поколений* за сбережение памяти о старших. Дети еще кое-что помнят о своих родителях, а уж о родителях родителей (если не застали их в живых), а тем более о прадедах – не больше того, что написано на кладбищенском кресте (если хоть он цел).

Процесс «истирания» памяти в конечном счете неизбежен, но, как правило (в частности в нашем обществе, пережившем трагедию ее уничтожения), довольно слабо развита общекультурная установка на «торможение» этого энтропийного процесса.

Можно понять тех наших старших современников, которые в суе буден не оставили детям писаной истории своей жизни (или намеренно «оберегли» своих детей от «опасной» информации из семейного прошлого, как это часто случалось у наших отцов и дедов). Однако сегодня становится уже непростительным, если человек не рассказал, не записал, не зафиксировал (для своих детей, внуков) хотя бы минимума биографической информации о своих родителях: ведь после их смерти он зачастую оказывается единственным живым носителем этой информации. И когда он сам уйдет, взять ее будет почти неоткуда.

Как видно, проблема автобиографического нарратива и семейной хроники является также и моральной проблемой.

9. Конечно, работа ученых, записывающих «истории жизни», журналистов, проводящих «конкурсы биографий», вообще – всякие институциональные усилия запечатлеть уходящее время (эпоху) «в точке пересечения биографии и истории общества»⁸⁷ имеют общекультурное значение. Однако остается проблема сохранения «памяти о жизни» *каждого человека*. А это уже может быть решено не накоплением АП и СХ в исследовательских архивах и т.п., а только – развитием и распространением культуры создания таких «историй» и «хроник» в каждой семье.

Автобиографическое повествование (писанное самим субъектом жизни или записанное с его слов), равно как и семейная хроника, в принципе должны стать элементами нашего жизненного обихода, что, по-видимому, потребует специальной просветительной работы. Необходимо воспитание в людях – и культуры жизнеописания как такового, и культуры сбережения личных архивов (прежде всего в семьях), и «культуры памяти» вообще, как неотъемлемого элемента цивилизованного общества и личности.

Понятно, что такая социокультурная программа реализуется не скоро, но надо хотя бы ее сформулировать.

10. Обозначим некоторые *нормы* автобиографического повествования. Здесь выдвинем три «постулата», равно относящихся как к письменному, так и к устному АП:

а) Постулат *фиксации семейных корней*. Всякая «история жизни», для какой бы цели она ни создавалась, должна включать генеалогическую информацию – столь подробную, насколько это под силу автору данной истории. При том, что о предках рассказать больше некому, субъект повествования должен сделать это – в силу культурно-нравственного императива, отмеченного выше (для семейных хроник указанный аспект выдвигается на передний план).

⁸⁷ Миллс З. Ч. Социологическое воображение. М., 1998. С.6.

б) Постулат *внятности биографического текста*. «История жизни» может быть: краткой или развернутой; «объективной» или эмоционально окрашенной (насыщенной); выстроенной хронологически или тематически, или еще как-либо иначе. Но субъект должен позаботиться о тех, кто его услышит или прочитает. В АП должны быть по возможности четко обозначены узловые точки «жизненной траектории» (что, где, когда...), хотя бы приблизительно датированы жизненные события. Важно, чтобы у воспринимающего этот текст не возникло неясностей (разве что сам повествующий намеренно опускает нечто важное, чего-то не хочет сообщать). (Семейные хроники требуют внимания к четкому определению степеней родства; желательно построение генеалогического дерева, что требует минимального обучения.)

с) Постулат *ценности «истории жизни»*. Конечно, хорошо, если инициатором фиксации «воспоминаний о жизни» выступает близкий носителю биографической информации человек, младшие члены семьи или профессионал-исследователь. Однако пусть даже человека (обычно это человек пожилой) никто к этому особенно не побуждал – он должен «убедить себя» или принять а priori, что его жизненная история (семейная хроника) нужна, что она может быть востребована не сегодня, так завтра, близкими или далекими, знакомыми или не знакомыми ему людьми.

Допустим, «заказчика» на АП (СХ) сегодня нет. Можно в таком случае посоветовать всякому, особенно человеку в преклонном возрасте, поискать и своевременно назначить своего «душеприказчика» – такого, которому он может «оставить» писаную историю своей жизни (а тот – сохранить) или рассказать (а тот – запишет и т.д.). Также желателен выбор конкретного «душеприказчика» и для личного архива, даже совсем небольшого. (И это вовсе не обязательно должен быть наследник имущества, материальных ценностей.)

АП и СХ являются интеллектуальной собственностью, заслуживающей «наследования». Пусть для этого нет юридических, но вполне возможны культурные, нравственные регламенты.

11. Нашу постановку вопроса о сбережении памяти можно было бы иллюстрировать множеством примеров, имея в виду прежде всего деятелей науки и культуры. Архивы некоторых из них (включая дневниковое, эпистолярное наследие), в силу разных исторических и личных обстоятельств, порой бывали безвозвратно утеряны. Но немало и счастливых примеров, когда личный архив (а не только опубликованные мемуары!) сохранился и сберегается в полном объеме и порядке.

Последнее чаще имеет место, когда сам человек хоть как-то позаботился (имел возможность позаботиться) об этом, а его родственники, друзья, ученики, реже – государство, в свою очередь, приложили к тому старания. Здесь стоит заметить, что иногда усилия частных лиц по сохранению конкретных личных архивов оказываются поистине героическими.

Подчеркнем, однако, еще раз, что сбережения заслуживает память о любом человеке, а не только об «исторических личностях»! И простейшим и универсальным способом сохранения памяти оказывается написанное самим человеком *жизнеописание* (или зафиксированный техническими средствами биографический рассказ, или хотя бы конспективная запись, вручную, с его слов). Хорошо, если кроме «живой памяти» при этом использовались также и иные источники.

12. Для того, чтобы сами по себе АП и СХ стали *нормой* нашего культурного обихода, нужна работа по научению и пропаганде «биографической деятельности». Ныне в популярной литературе наблюдается бум «учебников жизни»: как строить отношения в семье, на работе и т.д., как «достичь успеха» в жизни и т.п. Но отсутствует практика наставлений, как сделать память о себе (и других людях) культурным достоянием (не обязательно – всеобщим, пусть ограниченным рамками семьи в нескольких поколениях; чтобы осталось от человека не только посаженное дерево или надпись на могильной плите).

13. Обратимся к вопросу об *эффектах* автобиографического повествования (семейной хроники).

Одна группа эффектов уже была обозначена выше, назовем их *культурными*: сбережение памяти о конкретном человеке (людях, роде), прежде всего – в семье, как той клеточке общественного организма, где эта память в принципе имеет наибольший шанс сохраниться (а биографический или хроникальный документ – стать семейной реликвией, наряду с обычно сберегаемыми, но редко датируемыми фотографиями).

Другая группа эффектов – *воспитательные* «истории жизни» и «биографии семей» – не дидактический материал, но «доподлинное», воплощенное в них знание о жизненных путях старших (включая тех, кого младшие «не застали»). Такое знание несет в себе мощный воспитательный заряд. И это «педагогическое» воздействие может оказаться куда более эффективным, чем навязчивые попытки со стороны старших научить молодых – «как жить» (от которых те зачастую – и порой справедливо! – отмахиваются).

И третья группа – это такие эффекты АП (СХ), которые не всегда замечаются, но почти всегда присутствуют: эффекты *ауторефлексивные*. Всякий человек рано или поздно (и не однажды на протяжении жизненного пути!) задумывается о собственной жизни. Один – с горечью или тревогой, другой – с «сознанием исполненного долга», третий – для того, чтобы «себя понять» или решить, «как жить дальше», четвертый – сравнивая свой жизненный путь с судьбами других членов рода.

14. О последней (третьей) группе эффектов – чуть подробнее. Жизненная ауторефлексия может быть не спонтанной, не ситуационной, не подспудной, а – систематической, универсальной и осознанной. И «история собственной жизни» есть повод или основание или стимул – для «размышления о жизни».

При этом у автобиографического нарратива часто возникает особый, *психотерапевтический* эффект. Ибо в итоге «воспоминаний о жизни» человек, как правило, имеет возможность убедиться, что все же «не зря жил» (или «не зря живет»); а если не все в жизни «удалось» («удаётся»), то, оказывается, он сделал (делает), «что мог» («что может»)… Сожаление же об утраченных возможностях, будучи «выговорено», меньше берedit душу.

(Конечно, возможна и обратная ситуация: «...и с отвращением читая жизнь мою...» Поэтому, при отсутствии живого собеседника, может быть, лучше ограничиться «сухим» изложением фактов.)

Так или иначе, особенно в пожилом возрасте, особенно при побуждении со стороны – не к импульсивному (и обычно истирающемуся из памяти слушателей) воспоминанию – автобиографическое повествование (семейная хроника), тем более при уверенности в том, что оно будет востребовано, может стать смысложизненным занятием, поддерживающим жизненные силы и даже «целительным», лучше иных лекарств.

15. Как видно, наша постановка вопроса выводит субъекта биографического нарратива или семейной хроники из положения объекта или – «всего лишь!» – источника информации, для культурно-исторических, социологических и т.д. штудий. Последняя цель, конечно, существенна. Но не следует забывать о *самоценности* АП (СХ), как одного из способов самовыражения, самопознания и самоутверждения личности.

16. Итак, не для того лишь нужны «истории жизни» и «биографии семей», чтобы их потом анализировать и обобщать («реконструировать эпоху», познавать ее «в человеческом измерении» и т.п.). Жизнеописание (иногда вырастающее в «размышление о жизни») есть шанс для всякого человека продлить «себя» (или «себя и других» – для случая СХ) – если не в веках, то в десятилетиях – в памяти индивидуальной, семейной, коллективной. Это простейшая, самая доступная (доступная практически каждому, хотя иным людям нужна помощь, причем не обязательно профессиональная) форма кристаллизации жизненного опыта и жизненного самоотчета (имея в виду АП).

17. Естествоиспытатель и краевед С.Н. Поршняков (1889–1982), именем которого назван краеведческий музей в г. Боровичи (Новгородская обл.), формулировал в своем

«духовном завещании», написанном в 1942 году, такую заповедь: «Умение *итожить* опыт своей жизни – по периодам и этапам (говоря языком исследователей – умение “камеральничать”)...»⁸⁸.

Если жизнь человека сравнить с исследованием (каковым она в ряде отношений и является), то автобиографическое повествование может рассматриваться как способ подведения «промежуточных» или «предварительных» жизненных итогов. А это необходимо и самому человеку, и тем, кто «придет на смену». И ценность таких повествований не уменьшается, а прирастает с ходом времени.

18. В заключение повторим однажды сказанное: «человек – это прежде всего его собственная жизнь...» А *история жизни* (автобиографическое повествование, семейная хроника) есть не просто ее (жизни) конспективное отображение, но и особый способ отложенной во времени коммуникации поколений и духовного преодоления природных границ индивидуального человеческого бытия.

Автор этих строк убежден, что письменная «эстафета памяти» («память до востребования») нуждается в осмыслении: и как культурная задача общества, и как нравственный императив личности.

Ноябрь 2000 – февраль 2001

4. Что такое и зачем нужны «протоколы жизни»⁸⁹

*Verba volant, scripta manent*⁹⁰

«Рассказы о жизни» ныне стали широко распространенным методом в социальных и исторических исследованиях. Биографические нарративы порождаются либо в устной беседе (фокусированное или неструктурированное интервью), либо пишутся самим субъектом жизни по заказу исследователя. Все более частым становится научное использование также и инициативно написанных мемуаров.

Все это документы биографии и истории – ценнейшие. Однако они являют собой всегда опосредованную позднейшим жизненным опытом субъекта жизни (не говоря уж об естественных ошибках памяти, равно как и о нечаянных и намеренных акцентировках и умолчаниях) вторичную реконструкцию, ретроспективу жизненного пути. Далее: это документы времени, но какого? Ясно, что больше нынешнего, чем минувшего. Это – современные свидетельства о прошлом.

Разумеется, исследователь пытается идентифицировать и сепарировать соответствующие психологические и культурные напластования, как бы расшифровывает (декодирует) «человеческий документ» - с учетом его «многослойности» и в соответствии со своими собственными задачами. Иногда социологам и культурологам это удается.

Иначе обстоит дело с «первозданными» личностными документами, каковыми являются, в частности, *дневники и письма*. Разумеется, и в них аккумулирован жизненный опыт автора, но только предшествующий, и существенно влияние «господствующих мыслей» эпохи, но только тогдашней. Поэтому при работе с документами такого рода исследователю приходится учитывать (делать поправку на...) только их «непосредственную» (а не «приумноженную» или многоступенчатую) субъективность и культурно-историческую обусловленность.

⁸⁸ *Поршняков С.Н.* Завещание (то, чего желаю в жизни вам, – из достигнутого и не достигнутого мною за 55 лет моей жизни). 1942. Рукопись. – Архив Ю.А. Щеголева (СПб.).

⁸⁹ Сокращенный текст доклада на первых Чтениях памяти В.В. Иофе (Санкт-Петербург, апрель 2003). Впервые полностью опубликовано: *Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках: Чтения памяти Вениамина Иофе. 18–19 апреля 2003.* СПб., 2004. См. также: *Время/бремя артефактов (социальная аналитика непоправимости).* СПб., 2004. Вошел в кн.: *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т.3. СПб., 2005. С.51-58.

⁹⁰ Слова улетают, написанное остается (*лат.*).

Цель настоящей работы – рассмотреть одну из специфических форм дневника как имеющую историко-культурное значение и ценность, с одной стороны, и как некую нестандартную социологическую практику – с другой. Но сначала несколько общих теоретических соображений.

I

<...>⁹¹ Дневник есть имманентная и, можно сказать, универсальная форма аутокоммуникации, способ оперативного отображения личностью (для себя самой!) внешних и внутренних событий своей жизни. Эти события неизбежно вплетены как в жизнь непосредственного окружения пишущего, так и в «жизнь историческую». Во многом в силу этого дневник может приобрести и иногда приобретает (независимо от намерений автора) смысл «послания» (другому лицу) или «свидетельства» (для других) – как биографии, так и истории. Но об этом чуть позже.

Каковы «собственные» черты дневника как коммуникации самому себе? В отличие, скажем, от «письма» (которое, как правило, предполагает реакцию адресата, и постольку диалогично), дневник по преимуществу монологичен (по форме). В отличие от «статьи» (в которой личные моменты, как правило, элиминированы), дневник чаще всего сугубо личностен.

Формы дневника <...> чрезвычайно многообразны. Здесь нет каких-либо жанровых канонов или ограничений. Личный дневник может быть насыщен фактами, переживаниями, размышлениями, может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или ход мысли («поток сознания»). Несмотря на видимую монологичность, дневник есть форма общения или *диалога с самим собой*⁹².

<...> Попытаемся все же как-то «упорядочить» чрезвычайное разнообразие форм и воплощений дневниковой практики. Представляется возможным выделить три типа дневника:

а) **«дневник души»** (дневник в традиционном и, пожалуй, узком смысле слова, сугубое «общение с самим собой», причем на первый план выходят личные переживания и самоанализ; такой дневник обычно аутоисповедален);

б) **«дневник духа»** (в котором личное «я» отходит на второй план, а дневник оказывается своего рода копилкой символов, образов, мыслей и «лабораторией» творчества; часто это «сырье» для будущих произведений);

с) **«дневник факта»** (где главный упор делается на «внешних» событиях жизни, а личные переживания и размышления отсутствуют либо сведены к минимуму).

Как и в представленной выше типологии индивидуальной письменной коммуникации (дневни, письмо, статья), здесь имеем дело с «идеальными типами». В реальной дневниковой практике описания событий обычно перемежаются впечатлениями и размышлениями; имеет место если не синтез, то синкретизм типов. И все же всякий дневник «тяготеет» к тому или иному типу.

Здесь сосредоточимся на случае *дневника факта*, а точнее – на особой его разновидности.

...Конечно, человек может вести такие записи исключительно для себя – так сказать, «для памяти»: что когда произошло, с кем встретился, что предпринял, иногда – расписание дел, встреч и т.д. на будущее (так называемый ежедневник). Но в принципе возможна и иная – дополнительная, а иногда и выходящая на передний план – цель: фиксация событий частной жизни «на стыках» с жизнью общественной, в тех точках, где

⁹¹ Здесь опущено обоснование модели трех типов индивидуальной коммуникации: *самому себе, другому лицу, другим людям* (аудитории), в основном повторяющее сказанное в тексте 2: Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации (см. выше).

⁹² См.: *Пигров К.С.* Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998.

та и другая «пересекаются». То есть целевая установка на фактографию в *контексте данного исторического времени*.

Тогда оказывается, что человек ведет эти записи как бы для себя, но по существу – и *не только для себя* (вариант совмещения коммуникации самому себе и другому или для других). Здесь хочется вспомнить известное замечание А.С. Пушкина, засвидетельствованное А.Н. Вульф: «Непрерывно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться»⁹³. В этой спонтанной формуле выражена суть предмета нашего обсуждения.

Для такого рода дневника уместно использовать термин «протокол». Данную разновидность «дневника факта» будем называть *протоколом жизни*.

Попробуем выявить некоторые особенности текстов такого рода путем рассуждения «от противного»: укажем сначала на то, чем «протокол жизни» заведомо не является, несмотря на некоторые внешние сходства и параллели.

1. Это – не хроника общественной жизни. Личности (если, конечно, она не ставит перед собой такой профессиональной, «мониторинговой» задачи) вовсе незачем конкурировать, скажем, со СМИ (выступающими сегодня многосоставной и полифонической «летописью современности»), «протокол жизни» отображает только те социальные (возможно, мелкие и частные) события, эпизоды, в которых субъект жизни лично участвовал, был если не действующим лицом, то хотя бы очевидцем. В таком случае этот «протокол» приобретает характер жизненного свидетельства, тем, прежде всего, и ценного, что оно есть свидетельство непосредственного участника или наблюдателя.

2. Вместе с тем «протокол жизни» – это не сугубо личностный документ. Здесь неуместны интимные подробности индивидуальной жизни. В этой разновидности дневника факта отражаются лишь такие «происшествия», которые, по мнению автора, представляют интерес и *для других*, – «чтобы могли на нас ссылаться» (если кому-либо когда-либо зачем-либо это понадобится).

В таком случае это документ также и – изначально! – *общественный*. (Вообще говоря, «хорошо увиденное частное может всегда считаться общим», как отмечал Гёте).

3. И, наконец, «протокол жизни» (как явствует из самого термина) – это вовсе не «мемуары», не «ретроспекция», не отложенное во времени описание или реинтерпретация, а именно протокол, который ведется в ходе *события* или составляется по его «горячим следам». Это *первичный*, а не вторичный документ личности и времени, «не замутненный» последующими напластованиями индивидуальной субъективности и влияний социокультурной среды.

И еще несколько замечаний (уже не «от противного»).

4. «Протокол жизни» – это своего рода тематизированная регулярная или эпизодическая *жизненная хроника*. Ее можно вести в утилитарных целях – фиксируются некие «реперные» события, ситуации, чтобы потом учесть в последующих собственных действиях. Это может быть и способ информирования других людей об обстоятельствах своей жизни, представляющих для них интерес. Иногда присутствует и понимание культурно-исторической значимости жизненного свидетельства.

5. В зависимости от характера события (событий) или сложившихся обстоятельств, сам протоколист выступает главным героем (или одним из главных) – если тот в описываемой ситуации активно действует, или же его персона отходит в «протоколе» на второй план – если он является только наблюдателем, свидетелем.

6. Наконец, «протокол жизни» есть оперативное и более или менее преднамеренное отображение случившегося не вообще, а «в точке пересечения биографии и истории» (выражение Ч.Р. Миллса)⁹⁴.

Подведем предварительные итоги.

⁹³ См.: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1974. Т.1. С.416.

⁹⁴ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. Указ. соч. С.16.

«Протокол жизни» – будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию – это *первичный личностно-общественный документ*. Он есть *актуальное свидетельство очевидца или действующего лица* (актора), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную, и – в пределе – в «мировую драму»). В нем находит преимущественное отражение то, что случилось с человеком *«в точке пересечения биографии и истории»*. «Протокол жизни» сочетает элементы коммуникации самому себе, другому и для других, т.е. оказывается *многоадресным посланием*.

II

Первая попытка постановки вопроса о *протоколах жизни* как особой форме коммуникативного (а в рассматриваемом ниже случае – еще и исследовательского) опыта предпринята автором этих строк на рубеже 1970-х – 1980-х годов, когда им был задуман натурный эксперимент (одновременно профессиональный и жизненный). Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод в качестве рабочего (1980). На протяжении ряда лет велось исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего».

В отличие от традиционного в эмпирической социологии метода включенного наблюдения был разработан и опробован метод *наблюдающего участия*, предполагающий «исследование социальной среды через целенаправленную социальную активность субъекта, делающего свое собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования»⁹⁵.

Естественно, понадобился поиск или выбор адекватных способов фиксации как «фоновых» наблюдений, так и собственных действий в конкретной социальной ситуации и их (этих действий) последствий на экспериментальном поле. Поскольку жизнь и исследование здесь практически совмещены («исследование жизнью» или «сама жизнь как исследование»), автор определил свой полевой дневник как *протоколы жизни*.

Автоцитата из дневника того времени⁹⁶:

«Три цвета “протокола жизни”»

2.01.80. Жанр этих записей – не исповедь, не проповедь, не эссе, даже не дневник, но – протокол. Протоколы жизни...

Записи дифференцированы. Написанное красным карандашом будет иметь более или менее прямое отношение к специфической ситуации «включенного наблюдения», в которую поместил себя протоколист, сменив работу в институте на работу на заводе. Написанное синим карандашом будет касаться всего остального, заслуживающего сохранения в качестве фактов и соображений, имеющих не сугубо личный интерес. Это – тоже своего рода протокол включенного наблюдения, но с «расширенным полем», каковым является вся область соприкосновений субъекта с действительностью. Наконец, написанное зеленым (или простым) карандашом будет относиться к обстоятельствам жизни и переживаниям, являющимся сугубо личными...

Что касается синих и красных страниц, то они имеют смысл жизненных свидетельств. Критерием для их отбора является пока затруднительная для обоснования уверенность автора во все возрастающей культурно-исторической ценности свидетельств индивидуального жизненного опыта.

Вполне вероятно, что сам по себе протокол жизни окажется самоорганизующейся системой, создающей свои правила и подчиняющей себя ею же самой выработанным правилам. За исключением гениев, многое из того, что человек оставляет после себя, чуть лучше или чуть хуже, чуть раньше или чуть позже, оказывается сделано и другими людьми. Только протокол собственной жизни уникален, как сама жизнь. <...>⁹⁷

⁹⁵ Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). Указ соч. С.16.

⁹⁶ Цитирование позволит сэкономить на «ученых» рассуждениях и, кстати, пояснить соотношение «протокола жизни» и иных видов дневника, как автор себе это соотношение представляет.

⁹⁷ Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т.1. Указ. изд. С.89.

Здесь надо сказать, что социологу-экспериментатору вскоре стало тесно в рамках даже такого свободного, лишь чуть структурированного протокола. Еще не успевший устояться жанр «полевого» дневника довольно быстро сменился «письмами-дневниками-отчетами» друзьям (коллегам), насыщенными не только социальными фактами, но и субъективным отношением к ним, включая личные переживания и размышления⁹⁸.

...Но вот в середине 1980-х довольно очевидное «инакодействие» актора в сочетании с не столь очевидным инакомыслием (в его «письмах...») дало повод для вмешательства государственной организации, призванной пресекать и то, и другое. На предъявленные ему политические обвинения социолог-испытатель, пережив кратковременный шок растерянности, ответил «необходимой самообороной». Тогда-то жанр «протоколов жизни», как бы поневоле, и кристаллизовался.

При продолжении эксперимента (теперь уже не только в производственной сфере) понадобилось отслеживать множество встреч, бесед с должностными лицами (сотрудниками правоохранительных органов, партийными функционерами, работниками общественных организаций), фиксировать всевозможные санкции социальных институтов по отношению к испытуемому и его реакции на эти санкции (и наоборот – собственные инициативные «акции» и институциональные реакции на них). Причем важно было обеспечить, чтобы эти записи, если и попадут (в результате очередного досмотра или обыска) в руки к «оппонентам», – не вызвали новых нареканий.

Выход один – строгий *протоколизм*: кто что сказал, сделал, когда, при каких обстоятельствах, кто присутствовал, и т.п. Никаких оценок, минимум комментариев, «голые» факты (впрочем, «красноречивые»). Авторское отношение к «событиям» – только в подтексте (или контексте). <...>⁹⁹

К сожалению, дневниковая активность современного человека (хоть в экстремальных, хоть в рутинных ситуациях) куда слабее активности мемуарной. Соответственно, и использование *первичных* личностно-общественных документов, актуальных свидетельств действующего лица или очевидца события (будь то историческое событие, будь то «частный» жизненный эпизод), в современной гуманитарно-научной практике заметно уступает использованию документов *вторичных*: воспоминаний, «рассказов о жизни», биографических интервью и т.п.

Как уже отмечалось, в любых мемуарах неизбежны и естественные аберрации памяти, и авторская реинтерпретация, и мощная «иррадиация» социального сознания, социокультурных стереотипов уже *нынешней*, а не минувшей эпохи. В отличие от дневника, «воспоминания» несут на себе «двойную нагрузку» субъективности и так или иначе мифологичны.

Было бы, конечно, наивно ожидать, что кто-либо станет *на протяжении всей жизни* вот так «сканировать», скажем, свое взаимодействие с социальными институтами (хоть в утилитарных целях, хоть в исследовательских, хоть следуя некоему культурно-нравственному императиву). Однако бывают и максималистские примеры ответственности человека перед собой и перед временем. И те «протоколы жизни», которые уцелеют, впоследствии станут ценным культурно-историческим свидетельством (безотносительно к «важности» эпизода или «масштабу» личности автора).

Можно предположить, что бурно развивающаяся ныне «всемирная сеть» (в которой, кстати, часто происходит совмещение диалога с самим собой, другим и другими) будет способствовать выработке *массовой* культурной привычки «описывать современные

⁹⁸ См.: Там же (главы 2 и 3).

⁹⁹ Здесь опущены приводившиеся в полном тексте доклада примеры «протоколов жизни» («записей для памяти»), принадлежащих как автору этих строк, так и другим лицам. См., в частности: *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т.2. Указ изд. С.105-111, 120-123, 137-142, 143-156, 200-207, 254-261, 262-277, 278-286 и др.

происшествия, чтобы могли на нас ссылаться». Но наверняка это наступит не так уж скоро.

Апрель 2003

5. Многообразие писем и полифункциональность письма¹⁰⁰

Название этого доклада навеяно воспоминанием о давней работе В. Голофаства – «Многообразии биографических повествований»¹⁰¹. В сущности, всякий подступ к предмету исследования начинается с выделения его из всего многообразия реалий мира и с констатации разнообразия его (этого предмета) собственных форм.

Наш предмет здесь – *письмо* (будем говорить также – *послание*), под которым будем понимать определенную форму человеческой коммуникации, к специфике которой (формы) относятся:

а) пространственно-временная *разделенность* участников коммуникации (в отличие от наличия или актуальной возможности непосредственного контакта между субъектами общения);

б) более или менее четко обозначенная *адресованность* сообщения определенному лицу или кругу лиц, а если к анонимной аудитории – то с прямым обращением (апелляцией...) к целевой аудитории;

с) вытекающая из (а) необходимость фиксации сообщения на некотором материальном носителе, который может перемещаться в пространстве и сохраняться во времени.

Уже эта первая попытка охарактеризовать наш предмет обнаруживает высокую степень разнообразия в его рамках. К примеру, интервал между отправкой и получением сообщения может измеряться как годами, так и секундами... Послание – от индивида к индивиду, от индивида к группе людей, от группы к индивиду, или от группы к группе? А материальный носитель – вещественный, волновой, магнитный?

Чтобы не утонуть в этом море многообразия, введем некоторые ограничения. Будем говорить о письме в максимальном приближении к обыденному толкованию этого слова: «*Написанный текст, посылаемый для сообщения кому-н. чего-н.*»¹⁰². Письмо почтовое или электронное, телеграмма или факс – это лишь «технические подробности». И хоть всякое техническое средство коммуникации существенно обуславливает и сам стиль общения, и даже его содержание, здесь от этой специфики отвлечемся. Сосредоточимся на письме как форме приватной либо общественной связи между людьми.

Рассмотрим простейший случай, когда и отправитель письма, и его получатель являются индивидами. Письмо «от одного к другому» в предложенной нами ранее модели предстает одной из трех форм коммуникации, имеющей своим источником конкретное лицо, при различии адресатов. Этими формами являются: *коммуникация самому себе, коммуникация другому лицу и коммуникация для других*¹⁰³.

Такое письмо может быть посвящено сугубо личным, даже интимным сюжетам, или иметь деловой характер, или трактовать общезначимые вопросы, но в любом случае оно *моноадресно* (в теории информации такая коммуникация называется *аксиальной*). Письмо конкретному лицу не рассчитано на «постороннее» восприятие, за исключением случаев *официального* письма, которое, строго говоря, имеет лишь формально индивидуализированный (подпись), а по существу – *институциональный* источник. То

¹⁰⁰ Текст доклада на Чтениях памяти В.В. Голофаства (Санкт-Петербург. Март 2007).

¹⁰¹ Голофаств В.Б. Многообразие биографических повествований // На перепутьях истории и культуры. Труды СПбФ ИС РАН. СПб., 1995.

¹⁰² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С.509.

¹⁰³ См. раздел (2) настоящей работы.

есть из простейшего случая послания «от одного к другому» официальное письмо выпадает.

В свете сказанного элементарным видом письма является письмо по существу *приватное* (частное), хотя бы оно трактовало и не личные вопросы. Приватность – антитеза *публичности*, когда отправителем является тоже индивид, однако письмо принципиально *многоадресно* (в теории информации – ретиальная коммуникация).

Возможно ли приватное многоадресное письмо? Строго говоря, оно в таком случае перестает быть частным. Но тут возникают варианты. Круг лиц, которому адресовано послание, может быть весьма узок, и тогда послание сохраняет некоторые признаки приватности. А обратная комбинация – публичное моноадресное письмо? Такое вовсе не невозможно (так называемые *открытые* письма), но тогда письмо оказывается моноадресным лишь по форме (индивидуализированное обращение...), а по существу адресовано «граду и миру».

Лишний раз оговорим, что в этих различиях мы отвлекаемся от содержания сообщения. Это все различия только по характеру связи между субъектами общения. Среди таковых мы в дальнейшем будем различать *субъекта-отправителя* (он же – источник сообщения) и *субъекта-получателя* (он же – адресат) письма.

Уже в предыдущей попытке рассмотреть и соотнести оппозиции «приватности–публичности» и «моно-» и «многоадресности» мы начали выходить за рамки «коммуникации другому» и обсуждать также «коммуникацию для других». В принципе письмо в обыденном смысле больше ассоциируется с первым, однако в теоретической классификации оба случая равноправны.

Коммуникация для других имеет многоадресность своим атрибутом, или имманентным признаком. Ее публичный (хотя бы в некоторых случаях и ограниченно...) характер также очевиден.

Вариациями здесь являются «равноправие» и «неравноправие» адресатов: в первом случае письмо адресовано в равной мере множеству людей; во втором оно имеет «главного адресата», а остальные как бы получают его (письма) копии. Далее, адресаты могут быть поименованными или анонимными. Универсальной формой последнего случая является *массовая коммуникация*, где имеет место адресованность анонимным аудиториям.

Вообще, адресатом публичного письма, по определению, является *аудитория* (уместно также говорить о *целевой аудитории*). Тут мы, по нашему опыту исследования массовой коммуникации, а также зрелищных искусств, равно как и специализированной коммуникации (разновидностью которой является коммуникация *научная*), будем различать аудитории *потенциальную* и *реальную*. Первая объемлет всех, для кого данное сообщение предназначено; вторая включает только тех, кого оно реально достигло.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что сказанное об аудитории и т.д. относится к коммуникации вообще, но оно, понятно, справедливо и заслуживает учета при рассмотрении феномена письма (послания) как ее частного случая.

Далее, попробуем выйти за пределы ситуации, когда отправитель письма, или источник сообщения, индивидуализирован. Вариантом жанра «письма» (уже не в узком, обыденном, а в широком, теоретическом смысле) являются *институциональные* документы, имеющие характер послания. Тут и «обращение к народу», и дипломатическая нота, и даже рекламный ролик... Стремясь избежать чрезмерной универсализации понятия письма, ограничим это случаями, когда имеет место *прямое обращение* к потенциальному получателю сообщения (будь то «товарищи», «господа» или «уважаемый господин Президент»).

Понятно, что официальное письмо, институциональный документ, может иметь и очень ограниченный круг адресатов, т.е. быть закрытым (в отличие от «открытых писем» и вообще публичных текстов). Документы «для служебного пользования», скажем, содержащие коммерческую или государственную тайну, – это тоже «письма».

Господствующие социальные институты, различные ведомства и т.д. часто устанавливают ограничения на публичность (в рамках закона или даже вопреки ему), чем делают свою деятельность *непрозрачной*.

С другой стороны, приватное письмо принципиально не должно быть «прозрачным», а всякая перлюстрация (за исключением специально оговоренных законом случаев) является посягательством на тайну личной жизни, равно как и не разрешенное автором и адресатом «чтение чужих писем» подлежит моральному осуждению.

Последние замечания, впрочем, относятся скорее уже не к многообразию писем как таковых, а к социальным условиям «бытования» письма, что есть отдельная тема.

Наконец, последняя из указанных выше форм коммуникации, имеющей персональный источник: коммуникация самому себе. В наших прежних работах классическим случаем такого «общения» представлен *дневник*¹⁰⁴. Но что такое, в сущности, дневник, как не своего рода письмо самому себе? Дневник выступает таковым если не субъективно (человек может полагать свои дневниковые записи и безадресными...), то объективно.

Укажем еще на различие писем по основанию: *монологичность – диалогичность*. Вообще говоря, письмо *par excellence* это разговор, оно не монологично, а диалогично. Потенциально всякое письмо предполагает ответ; отправитель «ждет» этого ответа, рассчитывает на обратную связь («переписка»). Но это предположение ответной (или «встречной») коммуникации может быть подкреплено либо нет содержанием конкретного письма, может быть эксплицировано в тексте либо только подразумеваться. В последнем случае письмо оказывается своего рода монологом. Особенно это наглядно в институционализированной, публичной коммуникации, где достаточно отчетлива разница между письмом-обращением (диалогичность) и письмом-*заявлением* (монологичность).

(Заметим в скобках, что в российской институциональной практике, идущей еще от советских времен, «заявлением» называется в сущности «челобитная»: «*Прошу* принять меня на работу...», «*Прошу* решить мой вопрос...», – пишет гражданин работодателю или чиновнику, даже не подозревая, что просьба вовсе не есть «заявление»...).

Итак, «монологичное» письмо – это письмо, не претендующее, не рассчитанное на ответ, или же не дающее для ответа повода либо основания. В отличие от «диалогичного» письма, предполагающего обмен сообщениями и периодическую смену ролей отправителя и получателя.

Как видно, многообразие писем, их классов и разновидностей является исключительно высоким. В рамках настоящего доклада мы вовсе не претендуем на полную систематизацию, а лишь пытаемся обозначить возможные способы письменного общения, основания для классификации и т.п.

Напомним, что нами введены следующие различия: моноадресность – многоадресность, приватность – публичность, личностность – институциональность, поименованность – анонимность (адресата), монологичность – диалогичность. Некоторые из этих понятий пересекаются, и порой на пересечениях обнаруживаются специфические типы.

Обратимся теперь к вопросу о *полифункциональности* письма.

Каковы вообще функции письма (послания), в самом общем виде? Хотелось бы возвести их к фундаментальной модели всякой человеческой коммуникации, в которой, как нам представляется, могут быть выделены три взаимодополняющих момента: *сообщение, отображение и выражение* (или изъятие: ср. у Довлатова: литература – изъятие внутреннего мира).

Во всякой коммуникации имеет место передача информации, а поскольку речь идет о взаимодействии субъектов (актеров, коммуникантов), уместно говорить о сообщении одним другому некоторой информации («контента», содержания).

¹⁰⁴ См. раздел (3) настоящей работы.

Далее, во всякой человеческой коммуникации передаваемая информация так или иначе отображает реальность, точнее – некоторые фрагменты ее. Кем-то сообщается кому-то информация о чем-то из реалий мира.

И наконец, в каждом человеческом сообщении представлен субъективный момент; в коммуникации иногда явным, иногда неявным образом выражена позиция, изъявлено отношение субъекта общения к отображаемой реальности.

(Не следует забывать, что коммуникация – двусторонний процесс, в котором участвуют как минимум два субъекта. Субъективно не только обращение к другому или другим, но в равной мере и восприятие сообщения его адресатом. Это восприятие может быть как адекватным, так и не адекватным ожиданиям адресующейся стороны.)

Спускаясь на менее абстрактный уровень рассмотрения, говоря о феномене именно письма, заметим, что в любом письме присутствуют все три момента, которые могут интерпретироваться также как *функции*. Притом, что та или иная функция может оказаться приоритетной. Письмо-сообщение (по преимуществу) отличается от письма, выступающего формой выражения или самовыражения (по преимуществу). Соответственно, то и другое отличаются от письма-отображения (по преимуществу).

В принципе возможно и «равноправие» указанных выше трех функций в конкретном письме.

Заметим, что общение, отображение и изъявление как функции письма могут быть сопоставлены с выдвигавшейся нами ранее, как мы считаем, *системной* (в смысле Р.Баранцева) триадой «свободной жизнедеятельности»: *общение, познание и творчество*¹⁰⁵.

Здесь для нас принципиален сам факт полифункциональности всякого письма. Отправляя письмо, мы сообщаем другому нечто о себе и мире; другой же из нашего письма узнает нечто о мире и о нас самих (даже если специально «о себе» мы ничего не сообщали).

С этой точки зрения может быть переосмыслена и наша попытка обозрения многообразия писем. Представление о письме как *акте общения*, как *документе времени* и как *автопортрете пишущего* (что соответствует нашей триаде функций) позволяет приблизиться к пониманию возможного богатства размежеваний и соединений признаков письма, выделенных выше по основаниям моно- и многоадресности, приватности и публичности, личностности и институциональности...

Так, приватное письмо, адресованное современнику с целью сообщить нечто, скажем, о себе самом, может годы спустя приобрести смысл публичного свидетельства об исторической эпохе. А собрание частных писем исторической личности может сказать о ней больше, чем тома адресованных широкой аудитории сочинений. С другой стороны, стилистика институциональных писем и обращений чрезвычайно информативна, в частности, для социальной и психологической характеристики их авторов. И т.д., и т.п.

Может быть, самые яркие примеры переплетения указанных выше функций и форм письма предъявляет современная «мировая сеть» (Интернет). Думается, что изложенные общие положения и предложенная концептуальная схема вполне приложимы и к анализу таких новейших форм человеческой коммуникации (глобального общения), как «форумы», «блоги», «живой журнал», не говоря уж об обычной электронной переписке с явными и скрытыми копиями, пересылками и т.д. Однако обсуждение этих специальных вопросов уже выходит за рамки нашей общетеоретической темы.

В заключение, подчеркнем целесообразность и перспективность специализированного исследования *письма* для постижения не только природы этого социального феномена и множественности его ипостасей, но и его места и роли в системе человеческой коммуникации и жизни общества, от глубокой древности до наших дней.

¹⁰⁵ См.: *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т.1. Указ. изд. С.507-510.

6. Эстафета памяти - 2. Мотивы, формы и роль автобиографических повествований¹⁰⁶

1. В нашей работе «Эстафета памяти. Ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования»¹⁰⁷ «истории жизни» (life stories, recits de vie) рассматривались не в качестве специального исследовательского метода, а как социальный феномен и форма межпоколенной коммуникации и еще – как нравственный императив человека, обязанного передать детям хотя бы минимум информации даже не столько о себе, сколько о своих родителях (семейная хроника).

К ресурсам автобиографического повествования (АП) мы относили *архив*, «живую память» и «память других». Нормы АП резюмировались в трех «постулатах»: постулат фиксации семейных корней, постулат внятности биографического текста и постулат ценности «истории жизни». Что касается эффектов АП, то выделялись эффекты культурные, воспитательные и авторефлексивные.

2. В нашей нынешней постановке вопроса о мотивации автобиографических повествований будем различать мотивы **коммуникативные, самоутверждения и творческие**. В первом случае человек хочет «всего лишь» сообщить потомкам некоторую информацию о себе и то, что ему известно о предках. Это эстафета памяти, так сказать, «в чистом виде». Далее, мотивы самоутверждения – это когда человек так или иначе заявляет посредством АП о своей социальной значимости (порой это используется как дополнительное средство достижения жизненного успеха). Третий случай – творческая самореализация *rag excellence*. Какой-то из мотивов всегда приоритетен, но обычно дополняется элементами двух других.

3. *Формы* АП не изоморфны мотивам, хотя до известной степени обусловлены ими. «История жизни» может быть событийной, хроникальной по преимуществу (назовем это *автобиографическим очерком*), может быть эмоционально насыщенной (своего рода *биографическая лирика*), наконец, это может быть такой мемуар, в котором жизнь «главного героя» (субъекта биографии) предстает на фоне картин жизни других людей и – шире – общественной жизни. Этаким *биографический эпос*...

4. Однако к этому не сводится дифференциация форм АП. Уместно различать автобиографическое повествование как таковое, где формообразующим элементом выступают *воспоминания*, индивидуальная память, воплощенная в текст. В качестве формообразующих элементов могут выступать также *документы* (словесные или изобразительные, например, фотографии из семейного альбома) и даже *предметы* (например, фамильные ценности) или «памятные места», дающие повод для автобиографического комментария («Мне все здесь на память приводит былое...»)

5. Что касается роли автобиографических повествований, то они, как и всякая человеческая коммуникация, предстают: (а) **актом общения** (межпоколенного, но и не только...), (б) **способом отображения** жизненной траектории и биографического контекста и (в) своего рода автопрезентацией – самовыражением, или **изъявлением себя**. То есть роль эта как минимум тройная. Здесь заслуживает специальной разработки проблема специфики «историй жизни» в каждой из названных ипостасей.

6. Все изложенные общие соображения и предложенные классификации в докладе подкрепляются примерами или иллюстрациями.

В заключение отметим, что «эстафета памяти», каковой может стать всякое автобиографическое повествование, есть социокультурный феномен фундаментального значения. Как замечал Д.С.Лихачев, «одна из величайших основ, на которых держится культура, – память».

¹⁰⁶ Тезисы доклада на пятых Чтениях памяти В.В. Иофе (Санкт-Петербург, апрель 2007).

¹⁰⁷ См. раздел (2) настоящей работы.

Март 2007

7. Память индивидуальная и коллективная, семейная и историческая (актуальная проблема соотношения) ¹⁰⁸

1

Современные исследования массового сознания все чаще сталкиваются с чрезвычайной дезинформированностью представителей младших поколений относительно действительной истории нашей страны, а не той, что предъявляется в учебниках. Осведомленности личностно-биографической, понятно, здесь быть не может. Это было... “давно”, и, скажем, политические репрессии сталинизма предстают немногим “ближе”, чем казнь и ссылки декабристов. Что касается старших поколений, то здесь сплошь и рядом имеем дело с вытеснением из сознания неприятных воспоминаний, а остатки “книжного” знания вполне мифологичны. Средним же поколениям – вроде бы не до исторической памяти. Жизнь – сегодняшним днем, для кого – выживание, для кого – завоевание нового жизненного пространства.

Из всех источников знания о прошлом решающим для большинства оказывается не жизненный опыт, и даже не учебник истории, а – массовая коммуникация, причем, как правило, не в лучших ее образцах. Мы не столько помним, сколько знаем то, что следует «помнить», что отмерено рынком или идеологией (последняя все более претендует на приоритет).

Обратимся к таким, пока не имеющим строго терминологического статуса, понятиям, как *семейная* и *историческая* память. Носителем исторической памяти может быть общество в целом, социальный институт (наука, искусство, школа, СМИ...), социальная группа, в определенном смысле и индивид – в меру своей осведомленности о прошлом мира, страны, края, “малой родины”. Носителем семейной памяти могут быть только семья и индивид. И эта память локальна, относится к ближним, в лучшем случае – к дальним родственникам, к более или менее широкому семейному кругу, а также к предкам.

Семейная память в значительной мере непосредственна, в отличие от исторической памяти, которая многократно опосредована – как всей совокупностью исторических источников и наслаивающихся друг на друга интерпретаций, так и, в особенности, актуальными общественными представлениями (“господствующими мыслями эпохи”, пользуясь выражением К. Маркса). Историческая память человека может включать в себя и семейную, как существенное олицетворение первой. Семейная память всегда пересекается, как-то переплетается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории общества.

Несколько общих постановок вопроса о коллективной (групповой) и исторической памяти:

¹⁰⁸ Текст доклада на Международной конференции «Между памятью и амнезией: Следы и образы Гулага» (СПб., ноябрь 2007).

См. также: Алексеев А. Н. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 5. (Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2008&id=590).

Этот же текст см. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_family.html.

Его же см.: на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/pamjat-emejnaja-i-istoricheskaja/>; на форуме СВРТ: запись И. Яковлевой от 12.09.2008 (<http://forum.svrt.ru/index.php?showtopic=2330&st=0&gopid=35035&#entry35035>).

Опубликовано также в: Право на имя. Биографика 20 века. Шестые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб. 16-18 апреля 2008. СПб.: НИЦ "Мемориал", Европейский университет в СПб, 2009, с. 72-89.

«Мы еще не привыкли говорить (даже метафорически) о групповой памяти. Кажется, что такое свойство, как память, может существовать и сохраняться только в той мере, в какой оно привязано к индивидуальному телу или сознанию. Однако допустим, что воспоминания могут выстраиваться двумя разными способами: они или выстраиваются вокруг определенного человека, рассматривающего их со своей собственной точки зрения, или распределяются по большому или малому сообществу, становясь его частичными отображениями. Другими словами, индивиду доступны два типа памяти. Но в зависимости от того, соотносится ли он с той или другой из них, он занимает две совершенно разные и даже противоположные позиции. С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу. Эти две памяти часто проникают друг в друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней. И тем не менее она идет по собственному пути, и весь этот внешний вклад постепенно усваивается и встраивается в нее. Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности» (Морис Хальбвакс. Память коллективная и историческая // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3).¹⁰⁹

«...Общепринятой является точка зрения, согласно которой память больше связана с настоящим, чем с прошлым. Проблема тут не столько в «точности» воспоминаний, соответствии «реальным» фактам, сколько в интерпретации прошлых событий, использовании тех или иных интерпретаций для легитимации / делегитимации настоящего.

В изучении социальной памяти важно рассматривать не только собственно воспоминания (что и как вспоминается), но и забвение (что именно, полностью или частично, какими социальными группами забывается). Эта проблема не тождественна проблеме «адекватности / неадекватности» памяти «историческим фактам». Изучение конструирования прошлого – специальная исследовательская задача. Необходимо учитывать связь памяти о прошлом с потребностями настоящего времени: как воспоминание, так и забывание не являются конечными» (М. Г. Мацкевич. К исследованию коллективной памяти (социологический подход). Рукопись. 25.10.2008).

Эти общие соображения могут служить теоретической рамкой для нашего обсуждения взаимоотношения индивидуальной, семейной и исторической памяти.

Добавим, что семейная память как бы соединяет в себе черты *индивидуальной* и *коллективной*. Она является групповой по субъекту, однако персонализирована по предмету.

2

Каким видится механизм взаимопроникновения, в частности, исторической и семейной памяти, и от чего это взаимопроникновение зависит?

Чем больше масштаб исторического события или процесса, тем больше шансов, что это окажется отражено и в семейной памяти, и не только как “фон”, но и как непосредственный биографический фактор. Могут быть события всеобщие, затрагивающие практически каждую семью, и не только в качестве условия социализации

¹⁰⁹ См. на сайте «Журнальный зал»: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. См. также: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

или жизненного пути того или иного ее члена, но и как фактор жизни и смерти, можно сказать - судьбы. К таким историческим событиям (периодам) безусловно относится Отечественная война 1941-1945 гг., без которой не может обойтись ни одна семейная хроника, и ни один мемуар человека старшего поколения.

Есть события ключевые для того или иного поколения, иногда - не всего, а для определенной его части. Например, для большинства современников смерти Сталина (1953) и XX съезда (1956) эти два события входят не только в историческую, но и в семейную память. А вот, скажем, вторжение советских войск в Чехословакию (1968) входит в память не всех, а по преимуществу тех, кого сегодня принято называть шестидесятниками (для многих из них именно это событие явилось началом настоящего «идейного прозрения»).

Из сказанного выше ясно, что как историческая, так и семейная память требуют рассмотрения в связи с индивидуальной *биографической* памятью (в общем совпадающей с персональным жизненным опытом). Но она нас сейчас интересует меньше, как наиболее краткосрочная (ограниченная относительно узкими хронологическими и возрастными рамками) и заведомо непосредственная (в отличие от памяти семейной и исторической).

3

Попробуем применить высказанные, тоже общие соображения к памяти о массовых репрессиях 1930-40-х гг. Какое отображение это наше трагическое прошлое находит в семейной и исторической памяти разных поколений? На этот вопрос могла бы ответить социология. Но увы...

За всю историю новейшей российской социологии я не могу указать ни одного массового обследования (опроса), в котором среди прочих «объективных» характеристик, относящихся к условиям социализации личности, выяснялось: есть ли среди близких родственников респондента репрессированные, с учетом возраста опрашиваемого - в поколениях отцов, дедов, а для младших - в поколениях прадедов или даже прапрадедов. Разумеется, с дифференциацией по степени (близости) родства.

Замечу, что в принципе такое обследование могло бы проводиться и заочно, по документальным источникам, будь то биографические справки или мемуары.

Известный нам (хоть все еще и не до конца, лишь в приблизительном исчислении массовости) исторический масштаб процесса таков, что можно достаточно уверенно предположить, что с 1917 по 1953 г. *практически не было такого семейного клана (рода), который не был бы так или иначе затронут государственным террором* (как, думается, немного было и таких, которые не потеряли кого-либо из своих членов на фронтах Великой отечественной).

Но есть различия в мере причастности и в мере актуальности. Скажем, для тех, кто родился в 1930-40-е гг.: а) потерявшие родителей (родителя), т. е. дети «врагов народа»; б) потерявшие близких родственников из поколения родителей (дядя, тетка); в) потерявшие близких родственников из поколения дедов; г) потерявшие относительно дальних родственников (двоюродное родство); и т. д.

Сам характер репрессии, естественно, подлежит различению - от расстрела до ГУЛАГа, и от официального поражения в избирательных правах до не афишируемых ущемлений и ограничений (например, «проживавшие на оккупированной территории», «пятый пункт» в паспорте и т. д.). Можно было бы вырисовывать целые генеалогические деревья с обрубленными или покалеченными ветвями.

Следующий вопрос: в какой мере, в частности, государственный террор 1930-40-х гг. находит отображение в семейной памяти? Для многих ровесников автора этих строк (1934 г. рожд.) репрессия в отношении кого-либо из родителей стала существеннейшим жизненным событием и обстоятельством жизненного пути. Потеря отца или матери, брата, сестры не могла пройти «мимо», она не только ощущалась, но и как-то осмыслялась - если не в отроческом, то в юношеском возрасте.

Но даже и здесь существенные различия - в информированности. Родители обычно предпочитали как можно меньше сообщать детям о судьбе родственников, не говоря уж о происходивших порой обрывах семейных связей. Молодой человек, когда приходила ему пора впервые заполнять какую-нибудь анкету, мог “с чистой совестью” отвечать отрицательно на соответствующие вопросы. Информация о репрессиях, так или иначе затронувших семью, могла достигнуть человека уже много лет спустя, если сам он не был их непосредственным свидетелем.

Таким образом, семейная память (передающаяся от поколения к поколению) часто оказывалась ущербной, выхолощенной, искажающей реальную картину. Историческая же память, формируемая институционально, оказывалась полностью оторванной от семейной.

Если до середины 50-х указанный *разрыв* семейной и исторической памяти был обусловлен во многом коллективным страхом, то позже восстановление этой связи, несмотря на возврат репрессированных родственников, на волны индивидуальных и массовых реабилитаций, не прекращавшиеся до начала 90-х гг., оказывалось затруднено уже просто неосведомленностью. Старшие, считавшие, что их детям “лишнего” знать не надо, дальше молчали иногда уже просто “по инерции”. А с их уходом и вообще ниточка семейной памяти обрывалась, эстафета памяти оставалась не переданной.

Историческая же память продолжала формироваться и видоизменяться, под влиянием текущих общественных событий, политической конъюнктуры и т. п. А урезанная семейная память как-то под нее, историческую, подстраивалась.

Не следует, однако, преувеличивать и полагать всеобщим истирание семейной памяти. Не имея возможности соперничать с личными жизненными впечатлениями и опытом, она в принципе остается важным фактором мировосприятия и идентификации. И в конкуренции с насаждаемой исторической памятью, семейная, если она все же есть, имеет шансы одержать верх.

И вот тогда возникает феномен существенной неоднородности исторической памяти (включающей в себя также и семейную, если не как часть, то как камертон). В зависимости от истории своей семьи, по крайней мере, в ближайших поколениях, человек формирует свое сознание и самосознание. И даже по прошествии многих лет отзвуки семейных травм (если говорить, в частности, о жертвах государственного террора) становятся фактором современной информированности и рефлексии об истории общества.

С учетом сказанного, хотелось бы поставить вопрос о включении проблематики соотношения семейной и исторической памяти в практику современных эмпирических социологических исследований. При изучении структуры и факторов формирования социального сознания и поведения (не исключая, кстати, политических пристрастий и электорального поведения) может оказаться значимым как блок собственно биографических переменных, так и блок характеристик истории семьи.

Во всяком случае, этот последний должен обладать определенной дифференцирующей, а может быть - и объяснительной силой при анализе современного состояния сознания в различных возрастных когортах. И там, где семейная память сохранена (сбережена...), она может оказаться ценностным ядром личностной интерпретации памяти исторической.

Можно выдвинуть, в частности, следующую гипотезу: *мера адекватности личностных представлений об истории страны, в частности, о трагических ее страницах, существенно зависит от меры непосредственной причастности, от того, насколько репрессии коснулись членов семьи (рода), хотя бы и не в ближнем поколении.* Проверка этой гипотезы вполне доступна для средств эмпирической социологии.

4

Автор этих строк имел случай ознакомиться с недавно вышедшим сборником работ победителей Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников, под названием: «Как наших дедов забирали...» (М.: РОССПЭН,

Международный Мемориал. 2007, 607 с.). Как указано в послесловии, за восемь лет существования конкурса в архиве Международного Мемориала собрано более 21 тысячи исторических работ; лучшие работы прошедших конкурсов опубликованы в девяти сборниках. Это масштабная и благороднейшая историко-культурная и воспитательно-просветительская работа.

Здесь не место для приветственной рецензии, которой этот труд несомненно заслуживает. Но мне хочется солидаризироваться с точкой зрения составителя и редактора этого сборника И. Щербаковой: «Память эффективнее всего передается через историю семьи и человеческую историю» (Указ соч., с. 598).

Генеалогическая, историко-биографическая, семейно-хроникальная деятельность оказывается эффективным инструментом «само-просвещения» и «само-воспитания» народа. Это особенно важно в свете современных исторических и общественных вызовов, в частности, угрозы возврата в тоталитарное прошлое, нарастающей тенденции подчинения исторических взглядов сиюминутным политическим и квази-политическим интересам, едва ли не насаждения социальной амнезии, в частности, в младших поколениях (вспомним нынешнюю кампанию переписывания школьных учебников истории).

Наш исторический и современный опыт показывает, что историческую память можно исказить, переписать, подменить. Труднее это сделать с семейной памятью (Ноябрь 2007)

8. Личная переписка как документ биографии и истории ¹¹⁰

Личные письма широко используются как источник для биографических, меньше – исторических изысканий, однако природа, особенности и значение этого источника недостаточно отрефлексированы. Всякое частное письмо являет собой некое единство сообщения, отображения и самовыражения (изъявления себя). Таким образом, это есть источник информации как о самих коммуникантах, так и о реальности, являющейся предметом коммуникации.

Использование личной переписки в биографических исследованиях имеет ряд ценных, не восполнимых другими информационными ресурсами качеств, среди которых: а) непосредственность; б) информативность; в) достоверность (разумеется, все – относительно).

Личная переписка, как правило, диалогична. Тем самым она позволяет судить о некоторых событиях жизни, о ментальности, о круге общения пишущего - *в контексте* как его адаптации к восприятию адресата (об одном и том же можно сообщить разным лицам по-разному), так и самого этого восприятия и встречной реакции эпистолярного партнера.

Существует понятие «эпистолярная литература». Под этим понимаются: 1) изданные письма частного характера; 2) совокупность произведений, использующих форму письменного обращения к другому лицу. Без соответствующего «тома писем» не обходится ни одно академическое собрание сочинений. Истоки эпистолярной литературной формы восходят к античности.

Переписка исторических личностей ныне занимает значительное место в документальной литературе («литературе факта»). К сожалению, переписка «рядовых» людей (обычно плохо сохраняемая...) пока мало используется как ресурс биографических, культурологических и исторических исследований. Недоценивается и значимость

¹¹⁰ Тезисы одноименного доклада А. Н. Алексеева на Шестых международных чтениях памяти В. В. Иофе (СПб, апрель 2008). Цит. по: ПС-2 (Глава 7).

рассмотрения эпистолярного диалога как такового (в отличие от совокупности писем исторического лица к менее известному адресату).

Переписку двух и более лиц, представленную как некая целостность, с ее естественной драматургией, можно назвать *эпистолярной хроникой*. Это пока не термин, однако удачное название книги И. Кузьмичева «А. А. Ухтомский и В. А. Платонова. Эпистолярная хроника» (СПб., 2000), возможно, будет способствовать его укоренению в биографике.

Современный Интернет является неисчерпаемым кладезем и архивом эпистолярных хроник (диалогов).

Апрель 2008

9. Биография в социологии как "исследование случая" ¹¹¹

Исследование случаев (case-study) - один из самых распространенных методов (подходов) в рамках качественной парадигмы социологических исследований. Оно предполагает углубленное изучение некоторого участка (фрагмента) социальной реальности с его контекстом, для вскрытия некоторых общих закономерностей, воплощаемых в данном, избранном для анализа *случае*. Как замечал Гете, «хорошо увиденное частное может всегда считаться общим». Напомним также афоризм Я. Кавабаты: «Один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка».

Случай есть событие, совокупность и / или последовательность событий, ставших предметом исследовательского внимания. Случай есть, с одной стороны, нечто уникальное, а с другой – нечто характерное, типическое, по крайней мере, черты общего, универсального в частном, конкретном составляют особый интерес исследователя. Принципиально важным является также исследование события в контексте, т. е. в совокупности его социальных связей и опосредований. Без контекста нет события, равно как и контекст есть не что иное, как своего рода иерархия событий, обуславливающих совершение всякого данного события.

При такой широкой трактовке понятий *событие* и *контекст*, являющихся ключевыми в методологии исследования случаев, обнаруживается глубинная, сущностная связь между известной практикой исследования случаев и биографическим методом в социологии. Человек – это, в сущности, тоже «случай», причем случай, как никакой другой, уникальный – Событие этой именно Личности. Биография есть последовательность событий, связанных единством субъекта, места и времени, «линией жизни», событий - совершающихся в определенном историческом, культурном, социальном контексте.

Такой эпистемологический подход расширяет горизонт, позволяет лучше понять общее и особенное в практике социологических (и не только!) исследований разного типа, жанра, направленности. Биографическое изыскание есть *исследование случая*. А исследование случаев не сводится к анализу только состояний, но и относится к процессам, в том числе – «длиною в жизнь».

Апрель 2009

10. Тезисы о биографии и со-бытии человека ¹¹²

1

1.1. Биография – один из генетически исходных и универсальных способов отображения мира. «Одиссея» - это, кстати сказать, биография Одиссея.

¹¹¹ Тезисы к Седьмым Чтениям памяти В. В. Иофе (СПб. 20-22.04.2009).

¹¹² Сокращенный текст доклада на Седьмых биографических чтениях памяти В. В. Иофе (апрель 2009).

1.2. Кто пишет биографии? Ученые, художники (литераторы), «простые» люди. Предмет науки, искусства, самой жизни.

1.3. Ученые (историки, социологи, психологи...) постигают устройство мира и человеческую природу через жизнь человека.

1.4. Художники посредством биографии открывают людям их самих, «человеческий мир».

1.5. «Просто» люди – рассказывают свою жизнь для общения с другими и для понимания самих себя.

1.6. Грани между наукой, искусством и «просто» рассказом о жизни вовсе не отчетливы. Например, документальный фильм «Подстрочник» - это художественное исследование, но также и жизненная ретроспектива, и богатейшее поле для научного анализа (в частности, исторического, но и не только).

2

2.1. В социологии есть понятие «исследование случаев». Случай – это некоторая развивающаяся конкретная ситуация, ставшая предметом углубленного исследования.

2.2. Исследователя интересуют всевозможные подробности и нюансы динамической ситуации, но не ради них самих, а для постижения ее (ситуации) целостности.

2.3. Целостная конкретная ситуация нужна исследователю для выявления общего и типичного в ней, для постижения, на ее основе и примере, неких общих социальных закономерностей.

2.4. Ситуация есть воплощение закономерностей, но не прямое, а путем взаимоналожения, «сюрдетерминации» разных закономерностей. Даже исключительная ситуация обнаруживает некоторые общие правила.

2.5. Например, «в истории исключение из правил есть правило правил» (Альтюссер).

2.6. Ситуация есть частное относительно общего, т. е. закономерности. «Хорошо увиденное частное может всегда считаться общим» (Гете).

2.7. Исследование конкретных ситуаций имеет свои (не безусловные...) преимущества перед массовым, репрезентативным исследованием. «Один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка» (Кавабата).

3

3.1. Жизнь человека есть некое уникальное событие в рамках универсума. Но это также и СО-бытие, поскольку нет человека, который бы не взаимодействовал с другими в процессе жизни.

3.2. Исследование жизни человека (= биографическое исследование) – это не просто обозрение повседневности, событий и процесса - истории его жизни. Это рассмотрение того, и другого, и третьего – в контекстах: биологическом, личностном, семейном, общественном, культурном, историческом...

3.3. Для социолога или историка общественный и исторический контекст равнозначны с биографией как таковой. Постигание мира происходит «в точке пересечения биографии и истории» (Миллс).

3.4. Для исследователя биографий эти последние не самоцель, а средство познания социального мира, исторических процессов и т. д.

3.5. В частности, этим ученый отличается от художника, для которого человек как таковой является приоритетным предметом познания.

3.6. Для человека же «рассказывающего жизнь» (свою ли, другого ли человека...) существен именно ДАННЫЙ человек, в его уникальности.

4

4.1. Все эти положения, в их совокупности, могут рассматриваться как некий ключ к пониманию того, чем занимаемся, в частности, мы – социологи, применяющие биографический метод, историки, работающие с конкретным биографическим материалом, а также – психологи, литературоведы, архивисты и т. д., своего рода археологи человеческих жизней, пытающиеся таким образом приобрести новое знание о человеке и мире.

4.2. Ни один из способов постижения мира – научный, художественный, «житейский» не является предпочтительным перед остальными. Мало того, без двух других каждый является ограниченным и недостаточным.

4.3. Однако пусть каждый, имеющий дело с биографией или даже сотворяющий ее, делает «свое дело», при этом постоянно «оглядываясь» на других.

4.4. Иногда происходит намеренное или нечаянное вторжение на «чужую» территорию. Так, человек, «просто» рассказывающий свою жизнь, может стать источником мощнейшего художественного воздействия (вспомним опять же «Подстрочник»). В нем может проявиться и высокая аналитическая способность, ставящая его в ряд с исследователями социума или истории.

4.5. Ученый может «преобразиться» (хотя бы отчасти) в художника. Реже (но вовсе не исключено) – наоборот. И если у того или другого не будет интереса к данной конкретной личности, в ее неповторимости, своего рода трепета перед ней, то ущербными могут оказаться и наука, и искусство.

4.6. Мир целостен. Человеческая жизнь – тоже целостна. Ее отображение – научное, художественное или «житейское» - всегда более или менее фрагментарно. Однако и оно должно стремиться к целостности, как к «далекому желаний краю» (Ухтомский).

22.04.2009

11. «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект...»¹¹³

Это высказывание ушедшего от нас в прошлом году И.С. Кона взято из личной переписки по частному поводу, однако имеет широкий, обобщающий смысл.

1

Накопленный Б. Докторовым¹¹⁴ и некоторыми другими исследователями опыт сбора и обобщения биографических интервью, взятых у коллег-социологов разных поколений, дал повод для дискуссии о мере объективности (достоверности) отображения жизненного пути и профессиональной карьеры, а также интеллектуальной биографии - в таких субъективных документах личности и времени, биографии и истории, как биографические нарративы. В частности, высказывались едва ли не полярные точки зрения на этот счет в дискуссии «Биография и биокритика» развернувшейся на форуме «Биографика, социология и история», в рамках российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива».¹¹⁵

Особенно ярким критиком «субъективизма» биографического метода выступил старейший российско-американский социолог В. Шляпентох.¹¹⁶ Одним из поводов для

¹¹³ Доклад на Десятых биографических чтениях памяти В. Иофе (21-23 апреля 2012 г.).

¹¹⁴ См.: Докторов Б. З. Современная российская социология. Историко-биографические поиски [электронный ресурс]. В 3-х тт. М.: ЦСПиМ, 2012. 1 CD ROM (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=237>); Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание. М.: ЦСПиМ, 2012 (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>).

¹¹⁵ См.: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. См. там: Invisible College: IBI Forum [1](#), [2.1](#), [2.2](#), [2.3](#), [2.4](#), [2.5](#).

¹¹⁶ См.: Шляпентох В. Э. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html).

критики послужило сомнительное, с точки зрения В. Ш., воспоминание о жизненном эпизоде полувековой давности, вошедшее в состав биографического интервью одного из коллег.

Здесь не стану углубляться в перипетии этой дискуссии, имевшей много методологических и этических поворотов и ответвлений.¹¹⁷ А выскажу несколько общих соображений, существенных, как мне кажется, для понимания соотношения «субъективного» и «объективного» в биографике.

2

Биография человека не сводится к последовательности личных и/или общественно значимых событий, она есть также многолетнее движение мысли, чувства, воли – внутреннего мира человека (недаром говорят: интеллектуальная, творческая и т.д. биография).

Расширим этот взгляд, отнеся его к социальной реальности в целом.

А. Социальная реальность (хоть в статике, хоть в динамике взятая, хоть вообще, хоть в отдельных ее сферах) включает в себя как «бытие», так и «сознание» (соответственно – общественное, коллективное и даже индивидуальное), а также все многообразие связей между ними. Т. е. сознание не менее реально, чем бытие.

Б. Как объективная, так и субъективная стороны социальной реальности (исторического процесса) могут фиксироваться и «твердыми», и «мягкими» фактами, строго и нестрого организованными наблюдениями, официальными и личными документами, качественными и количественными методами. Не существует предпочтительных способов узнать, как все было «на самом деле».

В. «Не доверять» надо в равной мере как «субъективным» свидетельствам частных лиц (ретроспективные еще менее надежны, чем созданные «по горячим следам»), так и «объективным» (скрепленным всевозможными печатями) документам. Ибо авторы последних – тоже люди, к тому же особо зависимые от институциональных установлений и «господствующих мыслей эпохи». Так, например, наивно полагать, что сухое фактографическое описание исключает тенденциозность, равно как и неправда, что в экспрессивных мемуарных заметках отсутствует объективное содержание.

Г. Всякое исследование социальной реальности, каким бы арсеналом методов оно ни пользовалось, есть процесс относительно односторонний и принципиально не заверченный. Если исследователь сосредоточен преимущественно на фактах социального поведения, это вовсе не означает, что – хотя бы впоследствии и не им самим – это не будет дополнено фактами сознания (о которых, впрочем, приходится судить либо по вербальному поведению, либо по реконструкциям мотивов и т. п. из установленных «объективных» фактов). И наоборот.

¹¹⁷ См.: Шалин Д. Н. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексея и Дмитрия Шалина (http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html); Беляев Э. Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина (http://cdclv.unlv.edu/ega/articles/beliaev_interview_11.html); Шалин Д. Н. О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html); Шляпентох В. Э. Наши разногласия (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Докторов Б. З. Нет истины, где нет любви (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Алексеев А. Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf); Фирсов Б. М. История социологии «в лицах»: Биография и/или биокритика (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf); Готлиб А. Мой ответ В. Шляпентоху, или можно ли написать историю социологии «с человеческим лицом» (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gotlib_shlap_11.html); Шляпентох В. Э. От одной крайности к другой: раньше у марксистов среда определяла сознание, теперь у российских постмодернистов все наоборот – сознание определяет мир (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shliap_gotlib_11.html).

См. также материалы указанной дискуссии в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, №№ 3, 4, 5, 6; 2012, № 1.

Д. «Истинная» история (хоть общества, хоть индивида) неизбежно есть продукт множества последующих интерпретаций, о качестве которых мы судим по мощности информационной базы, соблюдению профессиональных норм, логичности и внутренней непротиворечивости рассуждений. Что касается истории личности, т. е. биографии, то, как тонко заметил (в частном письме) И. С. Кона: «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект».¹¹⁸

Е. Спор на тему: среда определяет сознание или сознание творит мир (вариация основного вопроса философии), – мало перспективен, именно как спор, но не как диалог, предполагающий взаимообогащение его участников новыми знаниями и аргументами. Не ИЛИ, а И (то и другое...) приближает к пониманию реального устройства, в частности, «социальной вселенной».

Ж. Что касается биографических исследований, то двумя ключевыми и равноправными вопросами здесь, на наш взгляд, оказываются: «что обстоятельства делают (могут сделать) с человеком» и «что человек делает (может сделать) с обстоятельствами». Это есть некий двуединый процесс, который может исследоваться комплексно, а может – и по частям, в перспективе позднейшего синтеза.

3

Влияние внешних и внутренних обстоятельств, культурного, идеологического, а иногда и просто личностного контекста на создание всякого данного биографического текста (дискурса) обычно очень велико.

Отсюда возникает сомнение в достоверности всякой биографии, особенно если основным ее источником оказывается собственный рассказ биографанта – биографический нарратив. У критиков биографического метода складывается убеждение, что автобиографическое повествование «насквозь субъективно». При этом предполагается, что только безусловно установленные и многосторонне подтвержденные факты должны составлять корпус биографии.

Разумеется, автор настоящего доклада вовсе не против поиска объективной истины и / или адекватной исторической реконструкции. Однако это дело профессионального исследователя, использующего ради этого и не только биографический метод (в частности, в социологии прижился термин «методологическая триангуляция»).

Что касается средств контроля «на истинность» отдельно взятого биографического текста, то существенным здесь могут оказаться стилевые характеристики и внутренняя непротиворечивость самоописания и ауторефлексии рассказчика.

Заметим, что при всей субъективности таких автобиографических произведений, как «Жизнь – сапожок непарный» (Тамара Петкевич), «Подстрочник» (Лиляанна Лунгина), «Корни и сучья» (Анатолий Солипатров), «Диск» (Анри Кетегат), «Дальний архив» (Эрлена Лурье) вряд ли даже самому придирчивому читателю придет в голову усомниться в их биографической и исторической достоверности.

4

И последнее замечание. Создатель биографического нарратива есть главное действующее лицо и – пока здравствует – «хозяин» собственной биографии (имея в виду именно реконструкцию своего жизненного пути, а не сам жизненный путь, что есть отдельная тема).

Автор настоящего доклада отстаивает ту точку зрения, что всякое автобиографическое повествование имеет право на намеренную субъективность (не

¹¹⁸ Письмо И. С. Кона датировано 16.12.2009.

Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х томах. СПб.: Норма, 2010. (Электронная версия - <http://narod.ru/disk/1666422001/AA%20%26%20RL%20PROF-SOC%20Vol%201-4%20Optim.rar.html>). См.: Том 2, с. 495.

говоря уж о субъективности ненамеренной), на предъявление человеком событий собственной жизни, а также их освещение и истолкование такими, какими он их видит и / или хотел бы видеть и трактовать. Биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей. Всякий «рассказ о жизни» есть автопортрет героя (он же - рассказчик), каким он был и, вместе с тем, каким является ныне, есть взгляд в прошлое «из сегодня», сквозь призму всего жизненного и исторического опыта субъекта. Любая информация в биографическом нарративе есть жизненное свидетельство, а не свидетельское показание.

Подводя итог, постулируем следующие положения применительно к биографическим исследованиям:

- а) субъективность есть имманентное свойство личности;
 - б) субъективность не есть альтернатива достоверности автобиографического повествования;
 - в) автор биографического нарратива имеет право на намеренную субъективность.
- Апрель 2012.

Примечание ¹¹⁹

Должен заметить, что один из тезисов моего доклада, а именно: *«автор биографического нарратива имеет право на намеренную субъективность»*, с пояснением: *«биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей»*, - показался максималистским и / или провокативным моему коллеге и другу Роману Ленчовскому: мол, не оправдываю ли я тем самым дезинформацию со стороны автобиографа?

(Я спросил у Романа: могу ли на него персонально сослаться, оставив на его дальнейшее усмотрение более развернутую контраргументацию против моего тезиса, и получил разрешение).

На высказанное же замечание коллеги, отвечу фрагментом из своей переписки с И.С. Коном, на которого уже приходилось ссылаться в этом докладе.

Я писал Игорю Семеновичу в 2007 г., по поводу его автобиографической книги «80 лет одиночества»:

«Вам высказывать комплименты вроде даже и неловко. Один («внеисторический») все же произнесу. Мне за последнее время довелось прочитать много биографических текстов, в том числе и наших коллег. И это очень непростое сочетание самокритики с самоутверждением удастся далеко не всем. У Вас же это удивительно сбалансировано, даже в живой беседе (не говоря уж о писанных текстах).

Человек должен знать себе цену. И «ложной скромности» Вы начисто лишены. С другой стороны, Вы к себе и беспощадны, точнее – насмешливы. Такому соединению сильных акцентов можно позавидовать. Впрочем, *на такую интонацию надо еще иметь право. Вот у Вас – оно есть. Это уж – от Бога, от Гения, от Судьбы»*.

И. С. ответил тогда замечательно: *«Просто я не люблю врать (это утомительно, неинтересно и бесполезно - все равно кто-нибудь уличит)»*. (Май 2007). (См. Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог... Том 2, с. 269).

Так вот, я считаю, автор рассказа о своей жизни имеет право на умолчание и даже дезинформацию (разумеется, в отношении себя, но не других людей!). Но и адресаты этого рассказа (не те, так другие) вправе его «уличить» и - рано или поздно – это

¹¹⁹ Из материалов дискуссии «Биография и биокритика» на Форуме МБИ «Биография, социология и история» (2011-2012). См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.5.html .

происходит. А солгавшему однажды, не будет доверия и в остальном. Так, стоит ли пользоваться этим «опасным» (для репутации автобиографа) правом?!

Отвечая на сомнение коллеги., замечу также: грань между фактографией и истолкованием биографических событий весьма условна и, на мой взгляд, именно требование «объективности» в случае автобиографии было бы скорее максималистским. ...Вот и новый повод для дискуссии!

12. Романы самостояния – семейные хроники Эрлены Лурье ¹²⁰

...Случилось так, что и мне не пришлось откладывать в долгий ящик Ваши «Дальний архив» и «Такую разную жизнь...». То и другое (кстати сказать, в порядке обратном хронологическому) я читал в апреле, коротая время в Боткинской больнице, по поводу двухсторонней пневмонии. И уж всяко не пожалел о таком стечении обстоятельств.

Мы с Вами и впрямь, наверно, относимся к одному психосоциальному типу, во всяком случае - за 80 без малого лет пришли к более-менее сходным жизненным итогам и смыслам. Пути, разумеется, были разными. Тем интереснее отмеченные Вами резонансы. Итак:

= Эрлена Лурье. **Дальний архив. 1922-1959. Семейная история в документах, дневниках, письмах.** Спб.: Нестор-история, 2007. - 548 с.

= Эрлена Лурье. **Такая разная жизнь... Хроника семейных событий. 1959-2009.** Спб.: Алетейя, 2011. - 496 с.

Книги Ваши мне оказались интересны и близки не только благодаря классическому воплощению в них разрабатывавшейся мною последние 10-15 лет методологии и этики «социологии жизненного пути» («эстафета памяти» - ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования и проч.), но и, особенно, общей стратегией жизни героя-автора, которую он (т. е. Вы) сумел сформировать из собственных личностных предпосылок и предлагаемых, в сущности, трагических обстоятельств первой четверти жизни.

Вроде блаженному Августину принадлежит высказывание: «Все, что случается с человеком, похоже на него самого». Вот и Вы такая. И именно Вас должны были вдохновлять Пришвин, Р. Роллан, Р. Кент и Бетховен. И не случайно разнообразие последовательных жизненных и творческих увлечений на протяжении жизни (будь то стихотворчество, байдарочные походы или оригинальная художественная игрушка).

Я не стану спорить с Я. Гординым, усмотревшим в Вас талант летописца, но думаю все же, что самым ценным в Ваших книгах оказалась летопись собственной жизни и души (разумеется, на фоне советской и постсоветской истории), оказавшаяся возможной: а) благодаря счастливо сбереженным дневникам и письмам, никак не предназначавшимся Вами в свое время для «исторических» целей; б) благодаря собственной богатой

¹²⁰ Из письма А. Алексеева к Э. Лурье. Цит. по: Материалы дискуссии «Биография и биокритика» на Форуме МБИ «Биография, социология и история» (2011-2012). См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.5.html .

Из записей А. А. на Форуме:

«...Не знаю, как у кого, а у меня растет круг любимых книг, являющих собой образцы документальной, автобиографической прозы, рассказы о жизни, поднимающиеся до высот как художественной литературы, так и историко-биографического исследования. Некоторых из этих авторов я уже представлял на страницах нашего Форума. Среди них как мои давние, близкие друзья, так и «далекие звезды»: Тамара Петкевич, Лилианна Лунгина, Анатолий Солипатров, Анри Кетегат, Эрлена Лурье. (А до скольких прекрасных автобиографических произведений еще не дошли руки!).

С Эрленой Васильевной Лурье мне посчастливилось лично познакомиться совсем недавно. Угадывая друг в друге «родственную душу», я подарил ей наш с Романом Ленчовским 4-томник «Профессия – социолог...», а она мне - свой 2-томник («Дальний архив» и «Такая разная жизнь...»). Через несколько дней я получил от Э.В. письмо, которым весьма дорожу:...

Отклик Э. Лурье на ПС-1,2,3,4 см.: http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.5.html .

гуманитарной одаренности, ныне ставящей Вашу автобиографическую прозу в высоко-профессиональный писательский ряд.

В Ваших двух прозаических книгах, столь же беспретенциозных и, казалось бы, бесхитростных, как и Ваши стихи, можно усмотреть благородные начала и «романа воспитания», и «романа дружества» (в экстремальном сообществе туберкулезных больных, где каждый - на грани жизни и смерти), и «романа любви» (спасибо Феликсу), и «романа само-осуществления». Я бы употребил обобщающее: «роман само-стояния» (САМОСТОЯНИЕ - выражение А. Пушкина; своего рода аналог бетховенскому «человек, помоги себе сам!»).

Между прочим, существенное различие моих и Ваших «летописей» в том, что я, как правило, не выхожу за рамки публично-институциональной сферы отношений человека и мира; Вы же – «плаваете» как хотите в межличностной и исповедальной сфере, где так легко «пустить петуха», чего Вам удастся избежать, пройдя по «лезвию бритвы» меры и такта.

Можно бы усмотреть в вашей семейной хронике – «учебник жизни», но в том- то и дело, что не учебник вовсе, а - цитируя, вслед за Вами, любимого Вами М. Пришвина: «Я никого учить не хочу, я поведал Вам свою боль и радость, а Вы делаете с ними что хотите».

Итак, в обсуждении Вашего творчества я как бы отодвигаю на второй план то, как это (оригинально и мастерски) сделано, а выпячиваю «смысложизненную составляющую»: ПОЧЕМУ И ЗАЧЕМ. И в этом вижу главную ценность Вашей автобиографической и документальной прозы. <...>

13. Биография, мемуары и семейная хроника ¹²¹

... У меня давеча развязалась оживленная переписка с моим другом и коллегой Н, недавно издавшим интереснейшую автобиографическую книгу (читаешь – не оторваться!), которой, однако, он недоволен: вот и это не отразил в ней, и то, а здесь вроде смещены события и / или акценты.

Я написал ему:

«...По моей привычке пытаться из всякого недостатка или ошибки извлечь "выгоду" - посоветую Тебе, как поступить в связи с лакунами в твоём жизнеописании и т. п.

Тебя отчасти подвела литературная природа книги, ее стилистика, исключая строгий хроникальный отчет. Между тем, для историко-биографической точности и полноты нужен другой жанр - **семейной хронике**, в которой могут быть и эпизоды (расщепленные то ли памятью, то ли воображением), а главное все-таки - что где когда и с кем произошло и / или он совершил.

В таком случае, что Тебе мешает написать, в дополнение к своей книге, такой фактографический текст, вроде тех двух уже давних, целевых семейных хроник - моей и Зининой, которые, вот, Тебе посылаю (сам разберешься в оглавлении). Я думаю, они не попадались Тебе на глаза.

Как Ты понимаешь, никакой литературной амбиции та и другая не содержат (хоть и тоже своего рода литературный жанр). Но они содержат то, что я еще помню и знаю, а уж дети или внуки только от меня и могут узнать. Вот в этом и состоит нравственный императив эстафеты памяти: долг перед предками и особенно - родителями. И вообще: "Делай то, чего никто кроме тебя и за тебя не сделает".

Вся эта мотивация довольно развита в тексте "[Коротка моя память...](#)" (1997), размещенном на сайте МБИ, и, в известной мере, он может служить образцом (типологическим примером для подобных текстов). Думаю, сын будет благодарен Тебе за такой «не литературный» опыт. Уж о внуках и правнуках - не говорю. Кстати, и кетегатовских "[В полях предков](#)" не было бы, кабы не несколько уцелевших рукописных тетрадок его матери.

¹²¹ Из материалов дискуссии «Биография и биокритика» на Форуме МБИ «Биография, социология и история» (2011-2012). См. на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.5.html.

В тексте такого рода, между прочим, Ты можешь использовать и какие-то сюжеты из своей книги но - пунктирно, конспективно.

Можешь включить туда и самокритику собственного автобиографического произведения, но не эмоциональную, а деловую...»

...Мой корреспондент высоко оценил наши с моей супругой Зиной [семейные хроники](#), в частности, мою - «Коротка моя память... (о моих родителях – для моей дочери)», даже вспомнил «Сагу о Форсайтах». Я ответил:

«...Жизнь так разнообразна и изобретательна, что, я думаю, о любом семейном клане можно написать свою "Сагу о Форсайтах", только не хватит нобелевских премий. Я тоже со скепсисом отношусь к "голосу крови"; с иными родственниками (хоть и мало их осталось) встречаюсь раз в 10 лет, а с некоторыми и вообще предпочитаю не общаться. ДРУГ - для меня понятие куда более высокое. И мотивация для этого - та же, что у Тебя: друга сам выбираешь, а родственников - что Бог послал. (Хоть и родственник может быть другом).

Исключение я делаю для родителей, моральные долги которым обычно возвращаешь собственным детям, а еще (по крайней мере в нашем возрасте) - памятью и ее эстафетой. Собственно, "Коротка моя память..." - это виртуальный памятник родителям, во всяком случае не менее важный, чем посещение могилы. (А могил-то я как раз и не навещаю). Я свою семейную хронику довел до кончин обоих родителей, а дальше - нехай мои потомки пишут. (Впрочем, я им существенно облегчил задачу своей "драматической социологией" и т. п.).

Вообще, *семейная хроника* и *мемуары* - это разные жанры. Последние - скорее о себе, а первая - про тех, кто был до тебя, и особенно про тех, кого Ты застал...».

Я подумал, что эти соображения могут быть интересны и не только моему корреспонденту. И потому выношу их на наш Форум.

22.05.2012

14. Шкала публичности / приватности индивидуальной коммуникации ¹²²

I ¹²³

12 лет назад автором настоящего доклада выдвинута идея подразделения индивидуальной (т. е. имеющей персональный источник) коммуникации на три категории (класса, типа) - в зависимости от фундаментального различия ее (коммуникации) возможных адресов. Таковыми адресами могут быть: сам субъект-источник коммуникации; другое лицо (индивид, личность); аудитория (другие лица, группа, общность). Первый вариант получил название: *коммуникация самому себе* (можно говорить также: автокоммуникация), второй — *коммуникация другому лицу*, и третий — *коммуникация для других*.

Применительно к случаю индивидуальной коммуникации, воплощенной в письменном тексте (он же – *скрипт*) для каждого из трех классов коммуникаций были выдвинуты условные обозначения: *дневник* (коммуникация самому себе); *письмо* (коммуникация другому лицу); *статья* (коммуникация для других).

Можно указать на основные черты / особенности каждого из типов

Дневник по преимуществу монологичен; это аксиальная коммуникация; дневник сугубо личностен, импровизационен; он может быть насыщен фактами («записная книжка»), переживаниями, размышлениями («ауторефлексия»); может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или хода мысли («поток сознания»). Принципиальным для нас является то,

¹²² Тезисы для конференции «Российское общество в поисках публичного языка: вчера, сегодня, завтра» (ЕУСПб, январь 2013).

¹²³ См. Алексеев А. Н. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации // XII Любищевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000.

См. также выше в данной главе. (А. А. Июль 2013).

что дневник в любом случае обращен главным образом к самому себе, в этом его смысл и «организующее начало».

Письмо — тоже лично и, как и дневник, есть аксиальная коммуникация; оно может содержать фактологическую и эмоциональную информацию; письмо может быть сугубо «информационным», «исповедальным» или «поучающим»; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо «реактивно», т. е. откликается на предыдущие сообщения адресата («переписка»); оно может быть «целевым» и совершенно спонтанным, а также «ритуальным» (поздравительные открытки).

Письмо *par excellence* — это *разговор*, оно не монологично, а диалогично (т. е. рассчитано на реакцию собеседника). Вот в этой диалогичности и состоит его (письма) принципиальная особенность, проистекающая из специфики адресата: *другое лицо*.

Статья — наиболее условное из предложенных нами обозначений типов письменного текста. В разряд «коммуникации для других» относимы почти все жанры делового, журналистского, научного сообщения. Такая коммуникация адресуется *аудитории*, иногда специализированной, иногда массовой. В «статье» особенно ярко выражена целевая функция и минимизирован личностный момент. Здесь не меньшее видовое разнообразие, чем в иных названных типах письменных сообщений. Достаточно сказать, что художественная (литературная) коммуникация (радикально отличная от упомянутых выше) есть тоже «коммуникация для других»...

Является ли наша классификация полной, перечень типов, выделенных по адресату (на данном уровне обобщения) — конечным? Нет. Ибо возможна еще коммуникация, обращенная не «к себе», не «к другому» и не «к другим», а к некоей «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму»; именно индивидуальная, по субъекту-источнику, коммуникация, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо).

II ¹²⁴

Изложенное выше стоит соотнести с известным различием сфер *публичности* и *приватности*.

Публичность предполагает открытость (доступность для всеобщего обозрения, восприятия, участия) социальных связей и отношений, включая все вариации коммуникации «для других». Здесь могут быть выделены «градации» публичности. Так, *массовая* коммуникация потенциально доступна всем и каждому, кто пожелает с нею ознакомиться, хоть фактически она - в различных своих подразделениях - как правило, обращена к определенной, целевой аудитории. К сфере публичности относится и *специальная* коммуникация (например, научные тексты, правовые акты и проч.), которая также в принципе доступна всем; другое дело, что не у всех она может вызвать интерес или быть понятой. Таким образом, можно говорить о потенциальной и фактической, реальной публичности (так же как различают потенциальную и реальную аудитории).

Особую разновидность специальной коммуникации составляют тексты, адресованные аудитории, состав которой заранее определяется, а масштабы ограничиваются - какими-либо правилами или установлениями («только для...» или «для служебного пользования», государственная тайна, коммерческая тайна и проч.). Область такого ограничения, или регламентации, особенно деловой (но и не только...) коммуникации, во всяком обществе достаточно велика. Ясно, что это уже не публичная сфера. Но и не приватная, разумеется. Такую коммуникацию «для избранных» можно назвать *корпоративной* (имея в виду расширительное толкование этого слова).

¹²⁴ См. Алексеев А.Н.. Дневник и письмо как формы социальной коммуникации // Философские науки, 2008, № 8.

См. также ниже: Приложение 2. (А. А. Июль 2013).

(Кстати сказать, соотношение, пропорции публичной и корпоративной коммуникации является важным показателем, характеристикой свободы распространения информации, и вообще – открытости общества).

Обратимся к *приватной* сфере, или сфере личной автономии. Здесь тоже множество степеней и градаций. Сразу оговорим, что приватной может быть коммуникация и самому себе, и другому, и для других. В первом и втором случаях – понятно. В третьем – имеет место ограниченное число персональных адресатов, некое «расширение» приватности (в противовес «сужению» публичности, о котором говорилось выше). Не вполне переводимое на русский понятие *privacy*, относимое обычно к «частной жизни», в общем охватывает всякий конфиденциальный обмен информацией между людьми, как частными лицами.

Частное лицо выступает то адресантом, то адресатом приватной информации, но не следует забывать и об индивидуальности, личности, коммуникация которой может быть принципиально закрытой от всяких «посторонних глаз», это сфера *интимности* (в расширительном смысле). Разумеется, тут не приходится говорить о типе текстов, условно обозначенном нами как статья. В «интимной» сфере бытуют коммуникация другому и – особенно – коммуникация самому себе.

Подведем некоторый предварительный итог. Нами проведено различение сфер: публичности, корпоративности, приватности и интимности, применительно к индивидуальной письменной коммуникации. Корпоративность есть урезанная публичность. Интимность – сугубая, акцентуированная приватность. С другой стороны, выше было предложено различать коммуникацию самому себе, другому и для других. Как сопрягаются эти два ряда категорий?

Дневник, по определению, *интимен*; письмо, по преимуществу, *приватно*; статья, как правило, *публична* (хоть может иметь и достаточно узкую, *корпоративную* сферу распространения). В сущности, эти определения вытекают из различия адресов – от «самого себя» до «граду и миру».

III

По существу, нами здесь предложен эскиз «шкалы публичности / приватности» индивидуальной коммуникации: публичность - корпоративность – приватность – интимность. Таков общая «рамка», своего рода социологический фрейм, - для изысканий в области семантики, стилистики и прагматики, в частности, публичного общения и / или (что не то же самое) «общения на публику».

В частности, последнее получает ныне чрезвычайно интенсивное развитие, с использованием всей мощи технологических средств массовой коммуникации (особенно телевидения), интернета, социальных сетей. В телевизионных ток-шоу и интернет-форумах зачастую происходит грубое смешение жанров и преодоление границ между всеобщей публичностью и сугубой интимностью. При этом смещаются и искажаются традиционные понятия не только этикета или «приличий», но и нравственности.

В значительной своей части, это объективный процесс, естественная эволюция массового общения. Но и «подстегивание» этой тенденции, в интересах пиара ли, эпатажа или даже углубления познания, имеет место и оказывается пагубным. Бестактность публичного прикосновения к личной сфере способствует и формированию готовности как именитых, так и «простых людей» к духовно-душевному стриптизу (не говоря уж о стриптизе физическом).

Здесь – богатая почва для междисциплинарных исследований, с одной стороны, и для своего рода «воспитания чувств», а конкретно – такта, вкуса, коммуникативной культуры, с другой. Например, что «можно», а чего «нельзя» - в коммуникации «для других», какие элементы межличностной коммуникации (например, эпистолярного общения) правомерно обнародовать, или, наоборот, какие штампы публичной коммуникации «невозможны» в приватной и т. д.

Автору настоящего доклада приходилось систематически использовать, в частности, личную переписку как форму предъявление «граду и миру» некоторого фактуального и

концептуального контента¹²⁵ (и в этом автор не оригинален). При этом личный характер переписки сочетался с публичным характером содержания, и это открывало возможность «симбиоза» коммуникации для другого и коммуникации для других. Широко распространена и практика обнаружения сугубо частных дневников, обретающих, со временем, широкое общественное звучание (не планировавшееся автором).

Все эти примеры свидетельствуют о многообразии форм «публичного языка», а с другой стороны, о необходимости особого умения «соединять противоположности», в частности, в публичном дискурсе. Здесь может быть выработан лишь минимум-минимум универсальных правил и норм, а в остальном правомерность того или иного содержательного и стилистического решения определяется ситуацией и контекстом.

Тот «синдром публичной немоты», который в условиях прошедшей и продолжающейся общественной трансформации выражается в неспособности к публичному диалогическому дискурсу (обращение к другим по преимуществу монологично!) может преодолеваться, в частности, за счет освоения практик коммуникативной открытости; презумпции уважения других не меньше, чем себя (и наоборот!), заимствования для публичного общения отдельных элементов коммуникации *другому* и даже *самому себе*.

При этом – вовсе не стирая градаций шкалы публичности / приватности коммуникации, адресуемой индивидом кому бы то ни было, включая самые широкие и разнородные анонимные аудитории.

15.10.2012

15. «Коротка моя память...» (Индивидуальный опыт составления семейной хроники).¹²⁶

Автор впервые обратился к теме семейной эстафеты памяти 15 лет назад, движимый как профессиональными (исследовательскими), так и личностными мотивами. При этом теоретико-методологические разыскания не предшествовали практическим опытам, а скорее следовали за ними или же те и другие осуществлялись параллельно.

В частности, теория и методология нашли определенное отражение в серии докладов, так или иначе представленных в нашей работе, републикованной ныне в сборнике: *Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012.* СПб.: Норма, 2013.¹²⁷ «Практикум» же, осуществленный автором в виде собственной семейной хроники в 1997 году, так и остался за кадром его печатных трудов (правда, доступен [в интернете](#)).

Настоящий доклад является попыткой постановки ключевых проблем межпоколенной трансляции родовой (семейной) памяти *на примере* конкретной семейной хроники, с особым акцентом на проблематике моральной ответственности «детей» перед «отцами» за сохранение за последними «права на имя» и «права на биографию» в памяти последующих поколений.

Фантастический проект «воскрешения предков», предложенный русским философом Н. Федоровым во второй половине XIX века, может трактоваться и метафорически – как некое «общее дело», осуществляемое каждым очередным поколением и человечеством в целом – в каждой из своих мельчайших ячеек, Успех этого

¹²⁵ См. Алексеев А.Н. *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия.* Тт. 1-4. СПб.: Норма 2003-2005; Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. *Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только).* Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010; Алексеев А.Н., Докторов Б.З. *В поисках Адресата (Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников).* СПб – Foster city: 2012 (http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf)

¹²⁶ Тезисы доклада автора на 11-х Международных биографических чтениях памяти В.В. Иофе (СПб, апрель 2013). См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/abkorotka-moya-pamyat...bb> .

¹²⁷ См. этот текст ниже: глава 20.

«общего дела» зависит от активности – как ушедших, так и наследующих им: важно, чтобы было ЧТО помнить и КОМУ помнить. «Воскрешение предков» - непрерывный, универсальный процесс.

Автор доклада уже в первом своем опыте семейной хроники (15-летней давности), пытался осмыслить, что же он делает, реконструируя биографии своих родителей и более отдаленных предков. Теперь же оказывается уместной попытка рефлексии по поводу тогдашнего опыта. Что и составляет основное содержание доклада.

Справка

Наиболее близка к вышеприведенной композиции текстов публикация: Алексеев А.Н. *Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъяснение себя (заметки об «эстафете памяти»)* / *Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012. СПб.: Норма, 2013.*

См. также:

- Алексеев А.Н. *Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъяснение себя (заметки об «эстафете памяти»)* / *Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. Пятое чтение памяти Вениамина Иофе. 16-18 апреля 2007. СПб.: 2008.*

Алексеев А. *Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки)* / *Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007, № 4, с. 46-56.*¹²⁸

Этот же текст – на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_letters.html .
(Июль 2013)

Ремарка: «площадки» и «поляны» А. Алексеева

Здесь уместно перечислить те «площадки» и «поляны» (информационные ресурсы), на которых, особенно в последние годы, появлялись работы автора, в частности, посвященные социобиографическим изысканиям и проблематике «эстафеты памяти». Это:

А. Российско-американский сайт [«Международная биографическая инициатива»](#) (МБИ).

Кроме автономных публикаций, на этом сайте, начиная с 2011 года стали публиковаться также протоколы Форума МБИ «Биографика, социология и история. В рамках названного Форума прошли две дискуссии: 1) [О «незримом колледже» и биографических интервью](#); 2) *Биографика и биоκριтика* : [часть 1](#); [часть 2](#) ; [часть 3](#) ; [часть 4](#) ; [часть 5](#) ; [часть 5 с дополнением](#).¹²⁹

Б. Петербургский журнал [«Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований»](#). В частности, такие его постоянные рубрики, как: «Методология и методы» и «Современная история российской социологии».

В. Со второй половины 2012 года - Информационно-аналитический портал [«Когита!ру. Общественные новости Северо-Запада»](#). Рубрика «А.Н. Алексеев».

Г. В 2013 году к названным «площадкам» присоединился интернет-журнал Евгения Берковича [«Семь искусств»](#), в котором ныне организована постоянная рубрика [«Драматическая социология»](#)

¹²⁸ Электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2007&id=476 .

¹²⁹ Среди участников названного Форума были: А. Алексеев, Э. Беляев, А. Готлиб, В. Дмитриевский, Б. Докторов, Л. Козлова, Р. Ленчовский, Н. Мазлумянова, О. Маховская, Б. Фирсов, Д. Шалин, В. Шляпентох, В. Ядов и другие социологи и представители родственных наук.

20.2. ДНЕВНИК И ПИСЬМО КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Авт. - А. Алексеев. Впервые опубликовано, под этим же названием, в: *Философские науки*, 2008, № 8, с. 31-47.¹³⁰

Дневник – для...

Письмо – к...

Статья – о...

Общение – с...

Коммуникация – и для..., и к..., и о..., и с...

(Р. Ленчовский)

1. Коммуникация самому себе, другому и другим

Термин *коммуникация* многозначен. Он может употребляться и как синоним *общения* (обмена информацией)¹³¹, и в значении *сообщения* (передачи информации). Здесь будет использоваться второе значение, этимологически исходное.¹³² В структуре коммуникации как сообщения традиционно выделяются: *субъект-источник* (адресант, коммуникатор); *содержание* коммуникации; ее *форма*; ее *средства* (знаковые, технические, институциональные и др.); *адресат* (субъект, которому коммуникация предназначена; в случае, если это индивид – реципиент); *эффекты*. Коммуникация осуществляется в определенном *контексте* (ситуации, среде — социальной, исторической, культурной и проч.).

Различают вербальную (словесную) и не вербальную коммуникации, аксиальную («осевую») и ретиальную («сетевую»), личную (адресованную вполне определенному человеку) и массовую (адресованную анонимной аудитории), «коммуникацию-разговор» и «коммуникацию-распространение» (термины А. Моля), индивидуальную (где адресантом выступает индивид, личность, *лицо*) и институциональную (исходящую из социального института), диалогическую и монологическую. Коммуникация может быть также спонтанной и целевой.¹³³ Возможны и иные категориальные подразделения коммуникативного процесса.

Здесь не станем обсуждать все многообразие форм коммуникации, равно как и ее универсальные семиотические и иные механизмы. Сосредоточимся на *индивидуальной* коммуникации, и, в частности, укажем на фундаментальное различие ее возможных адресатов. Таковыми могут быть: сам субъект-источник коммуникации; другое лицо (индивид, личность); аудитория (другие лица, группа, общность). Будем называть первый случай *коммуникацией самому себе* (можно говорить также: автокоммуникация), второй — *коммуникацией другому лицу* и третий — *коммуникацией для других*.

¹³⁰ Электронная версия - <http://www.twirpx.com/file/756503/> или <http://ruweb.net/?page=suspended&host=www.academyrh.info>

Работу «Дневник и письмо как формы социальной коммуникации» можно найти также в Сети на сайте «ИМЯ. Капризы памяти»: <http://sundry.wmsite.ru/publikacii-druzej/analekseev-sociolog/dnevnik-i-pismo/>.

¹³¹ «Коммуникация... смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия» (Новейший философский словарь. Минск: Изд. В. М. Скаун, 1998, с. 322). Здесь и далее в этом разделе подстрочные примечания воспроизводятся из первопубликации (А. А. Июль 2013)

¹³² *Communicatio* – сообщение, передача (лат.). Ср. у Э. Гидденса: «Коммуникация... Передача информации от одного индивида или группы к другим. Коммуникация является необходимой основой для всех видов социального взаимодействия...» (http://www.i-u.ru/biblio/archive/giddens_sociologija/15.aspx).

¹³³ Если коммуникация является целевой (т. е. субъект преследует цель, в которой «отдает себе отчет»), можно говорить не только об эффектах или последствиях, но и об эффективности коммуникации (в смысле соответствия результата цели).

От этих общих определений перейдем к рассмотрению индивидуальной коммуникации, воплощенной - дальнейшее сужение предмета! - в *письменном* тексте (он же – *скрипт*). Здесь для каждого из указанных случаев коммуникации может быть усмотрен «идеальный тип» текста, характеризующийся своими содержательными и формальными особенностями, используемыми средствами, а также иными параметрами. Назовем эти типы, различающиеся адресатом коммуникации, условно: *дневник* (коммуникация самому себе); *письмо* (коммуникация другому лицу); *статья* (коммуникация для других).¹³⁴

Сначала некоторые «очевидные» черты и определения.

Дневник по преимуществу монологичен; это аксиальная коммуникация; дневник сугубо личностен, импровизационен; он может быть насыщен фактами («записная книжка»), переживаниями, размышлениями («ауторефлексия»); может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или хода мысли («поток сознания»). Можно продолжать перечисление вариаций. Принципиальным для нас является то, что дневник в любом случае обращен главным образом к самому себе, в этом его смысл и «организующее начало».

Письмо — тоже лично и, как и дневник, есть аксиальная коммуникация; оно может содержать фактологическую и эмоциональную информацию; письмо может быть сугубо «информационным», «исповедальным» или «поучающим»; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо «реактивно», т. е. откликается на предыдущие сообщения адресата («переписка»); оно может быть «целевым» и совершенно спонтанным, а также «ритуальным» (поздравительные открытки).

Письмо *par excellence* — это *разговор*, оно не монологично, а диалогично (т. е. рассчитано на реакцию собеседника). Вот в этой диалогичности и состоит его (письма) принципиальная особенность, проистекающая из специфики адресата: *другое лицо*.

Статья — наиболее условное из предложенных нами обозначений типов письменного текста. В разряд «коммуникации для других» относимы почти все жанры делового, журналистского, научного сообщения. Такая коммуникация адресуется *аудитории*, иногда специализированной, иногда массовой. В «статье» особенно ярко выражена целевая функция и минимизирован личностный момент. Здесь не меньшее видовое разнообразие, чем в иных названных типах письменных сообщений. Достаточно сказать, что художественная (литературная) коммуникация (радикально отличная от упомянутых выше) есть тоже «коммуникация для других»... Но для целей последующих типологических сопоставлений нам удобен термин «статья».

Является ли наша классификация полной, перечень типов, выделенных по адресату (на данном уровне обобщения) — конечным? Нет. Ибо возможна еще коммуникация, обращенная не «к себе», не «к другому» и не «к другим», а к некоей «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму»; именно индивидуальная, по субъекту-источнику, коммуникация, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо).

Да и в рассмотренных ранее классах индивидуальной коммуникации могут присутствовать элементы такого трансцендентного общения: обращение к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Само по себе адресование «к человечеству» может иметь общие черты с молитвой, обращенной к Небу.

Итак, нами выделены три категории, или класса индивидуальной письменной коммуникации, принципиально различающихся адресованием: к *себе*; к *другому*; к *другим*. Для них указаны, соответственно, три типа скриптов: *дневник*, *письмо* и *статья*. Более или менее понятна специфика каждого из этих типов. Но вообще-то самым интересным и

¹³⁴ См. Алексеев А. Н. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации // XII Люблинские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000.

перспективным — для последующего анализа — является прояснение взаимосвязей и взаимодополнительности этих форм.

Можно предположить, что здесь имеем дело с *системной триадой*, в смысле Р. Баранцева¹³⁵, поскольку каждый из вышеназванных концептов, по-видимому, соотносим (разумеется, не жестко и не однозначно!) с тем или иным элементом универсального семантического архетипа: интуицию (дневник), эмоцию (письмо), рацию (статья). В таком случае, исследование соотношения выделенных нами трех типов скриптов становится не частнонаучной, а философской, эпистемологической задачей.

И логически, и исторически *письмо* является, по-видимому, «праформой» индивидуальной письменной коммуникации. Оно зарождается как закрепленное в «письменах» личное послание, впрочем, очень рано совмещающееся (переплетающееся) с посланием «также и» к другим. Могут быть усмотрены в письме и элементы автокоммуникации.

При ближайшем рассмотрении, в любой из названных ипостасей индивидуальной письменной коммуникации можно усмотреть — актуально представленные или потенциально мыслимые — черты остальных. Иначе говоря, понятия «перетекают» друг в друга. По-видимому, правомерно выделение типов-«кентавров»: письмо-дневник; письмо-статья; статья-дневник. Принципиально возможен синтез: дневник-письмо-статья.

2. Публичность, корпоративность, приватность, интим

Изложенное выше стоит соотносить с известным различием сфер *публичности* и *приватности*.

Публичность предполагает открытость (доступность для всеобщего обозрения, восприятия, участия) социальных связей и отношений, включая «коммуникацию для других». Здесь могут быть выделены «градации» публичности. Так, *массовая* коммуникация потенциально доступна всем и каждому, кто пожелает с нею ознакомиться, хоть фактически она - в различных своих подразделениях - как правило, обращена к определенной, целевой аудитории. К сфере публичности относится и *специальная* коммуникация (например, научные тексты, правовые акты и проч.), которая также в принципе доступна всем; другое дело, что не у всех она может вызвать интерес или быть понятой. Таким образом, можно говорить о потенциальной и фактической, реальной публичности (так же как различают потенциальную и реальную аудиторию).

Особую разновидность специальной коммуникации составляют тексты, адресованные аудитории, состав которой заранее определяется, а масштабы ограничиваются - какими-либо правилами или установлениями («только для...» или «для служебного пользования», государственная тайна, коммерческая тайна и проч.). Область такого ограничения, или регламентации, особенно деловой (но и не только...) коммуникации, во всяком обществе достаточно велика. Ясно, что это уже не публичная сфера. Но и не приватная, разумеется. Такую коммуникацию «для избранных» можно назвать *корпоративной* (имея в виду расширительное толкование этого слова).

(Кстати сказать, соотношение, пропорции публичной и корпоративной коммуникации является важным показателем, характеристикой свободы распространения информации, и вообще – открытости общества).

Обратимся к *приватной* сфере, или сфере личной автономии. Здесь тоже множество степеней и градаций. Сразу оговорим, что приватной может быть коммуникация и самому себе, и другому, и для других. В первом и втором случаях – понятно. В третьем – имеет место ограниченное число персональных адресатов, некое «расширение» приватности (в противовес «сужению» публичности, о котором говорилось выше). Не вполне переводимое на русский понятие *privacy*, относимое обычно к «частной жизни», в общем охватывает всякий конфиденциальный обмен информацией между людьми, как частными лицами.

¹³⁵ См. Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М.-Ижевск.: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005, и др. работы этого автора.

Частное лицо выступает то адресантом, то адресатом приватной информации, но не следует забывать и об индивидуальности, личности, коммуникация которой может быть принципиально закрытой от всяких «посторонних глаз», это сфера *интимности* (в расширительном смысле). Разумеется, тут не приходится говорить о типе текстов, условно обозначенном нами как статья. В «интимной» сфере бытуют коммуникация другому и – особенно – коммуникация самому себе.

Подведем некоторый предварительный итог. Нами проведено различение сфер: публичности, корпоративности, приватности и интимности, применительно к индивидуальной письменной коммуникации. Корпоративность есть урезанная публичность. Интимность – сугубая, акцентуированная приватность. С другой стороны, выше было предложено различать коммуникацию самому себе, другому и для других. Как сопрягаются эти два ряда категорий?

Дневник, по определению, *интимен*; письмо, по преимуществу, *приватно*; статья, как правило, *публична* (хоть может иметь и достаточно узкую, *корпоративную* сферу распространения). В сущности, эти определения вытекают из различия адресов – от «самого себя» до «граду и миру».¹³⁶

3. Многообразие писем

Рассмотрим подробнее письмо, не как тип письменной коммуникаций другому, а как реальный социальный феномен в максимальном приближении к обыденному толкованию этого слова: “*Письмо* - написанный текст, посылаемый для сообщения кому-н. чего-н.”.¹³⁷ При этом будем, по мере необходимости, обращаться к ранее представленной коммуникационной модели, а также к различению сфер в континууме от публичности до интимности.

К специфике письма (будем говорить также – *послание*), как формы текстового сообщения относятся:

а) пространственно-временная *разделенность* участников коммуникации (в отличие от наличия или актуальной возможности непосредственного контакта между субъектами общения);

б) более или менее четко обозначенная *адресованность* сообщения определенному лицу или кругу лиц, а если к анонимной аудитории — то с прямым обращением (апелляцией...) к определенной группе (группам);

в) вытекающая из п. «а» необходимость фиксации сообщения на некотором *материальном носителе*, который может перемещаться в пространстве и сохраняться во времени.

Уже эта первая попытка охарактеризовать наш предмет обнаруживает высокую степень разнообразия в его рамках. К примеру, интервал между отправкой и получением сообщения может измеряться как годами, так и секундами... Варианты послания: от индивида к индивиду, от индивида к группе людей, от группы к индивиду; от группы к группе. Возможные материальные носители: вещественный, волновой, магнитный.

Чтобы не утонуть в этом море многообразий, введем некоторые ограничения. Письмо почтовое или электронное, телеграмма или факс — это всего лишь “технические подробности”. И хоть всякое техническое средство коммуникации существенно обуславливает и сам стиль общения, и даже его содержание, здесь от этой специфики отвлечемся.

Рассмотрим простейший случай, когда и отправитель письма, и его получатель являются индивидами. Письмо “от одного к другому” в предложенной нами ранее модели предстает одним из видов коммуникации, имеющей своим источником конкретное лицо. Такое письмо *моноадресно* (в терминах теории информации - аксиальная коммуникация).

¹³⁶ Заметим, что, согласно такой классификации, даже такие личностные скрипты, как воспоминания или семейная хроника, являются «статьями».

¹³⁷ Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994, с. 509.

Независимо от содержания, письмо конкретному лицу, как правило, не рассчитано на “постороннее” восприятие. Это, понятно, не относится к случаю адресованного индивиду *официального* письма, которое, строго говоря, имеет лишь формально индивидуализированный (подпись, факсимиле), а по существу — *институциональный* источник.

В свете сказанного, элементарным видом письма является письмо в сущности *приватное* (частное), хотя бы оно трактовало и не личные вопросы. Приватность — антитеза *публичности* (см. выше). В этом последнем случае субъектом-источником выступает тоже индивид, однако письмо принципиально *многоадресно* (ретиальная коммуникация).

Возможно ли «приватное многоадресное» письмо? Строго говоря, оно в таком случае перестает быть частным. Но тут возникают варианты. Круг лиц, которому адресовано послание, может быть весьма узок, и тогда послание сохраняет некоторые признаки приватности. А обратная комбинация — «публичное моноадресное» письмо? Такое тоже вовсе не невозможно (так называемые *открытые* письма определенному лицу), но тогда письмо оказывается лишь по форме моноадресным (индивидуализированное обращение...), а по существу адресовано “граду и миру”.

Еще раз оговорим, что в этих различиях мы отвлекаемся от содержания сообщения. Это все различия только по характеру связи между субъектами общения.

Уже в предыдущей попытке рассмотреть оппозиции “приватности-публичности” и “моно-” и “многоадресности” мы начали выходить за рамки “коммуникации другому” и обсуждать также “коммуникацию для других”. В принципе письмо в обыденном смысле больше ассоциируется с первым, однако в теоретической классификации оба случая равноправны.

Коммуникация для других имеет многоадресность своим атрибутом, или имманентным признаком. Ее публичный (хотя бы в некоторых случаях и ограниченно...) характер также очевиден. При этом возможно “равноправие” и “неравноправие” адресатов: В первом случае письмо обращено в равной мере ко множеству людей; во втором — оно имеет приоритетного адресата, а остальные получают его (письма) как бы копии. Далее, адресаты могут быть поименованными или анонимными. Универсальной формой последнего случая является массовая коммуникация, которая обращена к анонимным аудиториям (см. выше).

Вообще, адресатом публичного письма, по определению, является *аудитория*. Тут уместно различать аудитории *потенциальную* и *реальную*. Первая — объемлет всех, для кого данное сообщение предназначено; вторая — включает только тех, кого оно реально достигло. (Мы вполне отдаем себе отчет в том, что сказанное об аудитории и т. д. относится к коммуникации вообще, но оно, понятно, справедливо и заслуживает учета при рассмотрении феномена письма, как ее частного случая.

Далее, попробуем выйти за пределы ситуации, когда отправитель письма, или источник сообщения, индивидуализирован. Вариантом жанра “письма” (уже не в узком, обыденном, а в широком, теоретическом смысле) являются *институциональные* документы, имеющие характер послания. Тут и “обращение к народу”, и дипломатическая нота, и даже рекламный слоган... Стремясь избежать чрезмерной универсализации понятия письма, ограничим это случаями, когда имеет место прямое обращение к некоторому кругу читателей (будь то “товарищи”, “господа” или “уважаемый господин Президент”).

Понятно, что институциональный документ может иметь и очень ограниченную аудиторию, т. е. быть *закрытым* (в отличие от “открытых писем” и вообще публичных текстов). Документы “для служебного пользования”, скажем, — это тоже “письма”. Господствующие социальные институты, различные ведомства и т. д. часто устанавливают ограничения на публичность (в рамках Закона или даже вопреки ему), чем делают свою деятельность не прозрачной.

С другой стороны, *приватное* письмо принципиально не должно быть “прозрачным”, а всякая перлюстрация (за исключением специально оговоренных законом случаев) является

посягательством на тайну личной жизни, равно как и не разрешенное автором и адресатом “чтение чужих писем” подлежит моральному осуждению.

Последние замечания, впрочем, относятся скорее уже не к многообразию писем, как таковых, а к социальным условиям “бытования” письма, что есть отдельная тема.

Наконец, может ли письмо быть коммуникацией самому себе? Да, это не что иное как *дневник*. Дневник выступает таковым письмом если не субъективно (человек может считать свои дневниковые записи и безадресными...), то объективно. Но специально о дневнике – ниже.

Укажем еще на различие писем по основанию: *монологичность — диалогичность*. Как уже отмечалось, письмо – это по преимуществу *разговор*. Потенциально всякое письмо предполагает ответ; отправитель рассчитывает на обратную связь (“переписка”). Но это ожидание ответной (или “встречной”) коммуникации может быть подкреплено либо нет формой послания, может быть эксплицировано в тексте либо только подразумеваться. В последнем случае письмо оказывается своего рода монологом. Особенно это наглядно в случае коммуникации публичной, где достаточно отчетлива разница между письмом-*обращением* (диалогичность) и письмом-*заявлением* (монологичность).¹³⁸

Итак, монологичное письмо — это письмо, не претендующее на ответ, или же — не дающее прямого повода для ответной коммуникации. В отличие от диалогичного письма, предполагающего обмен сообщениями и периодическую смену ролей адресанта и адресата.

Еще одно теоретическое различие: *письмо-диалог; письмо-прошение; письмо-предписание*. Это – разные модальности вербального взаимодействия. Первая – разговор «на равных» или, согласно модели К. Пигрова, «горизонтальная» коммуникация, в отличие от «вертикальной».¹³⁹ Второе и третье – иерархически выстроенная коммуникация: прошение обращено «снизу вверх», а предписание – «сверху вниз».

Как видно, многообразие писем, их классов и разновидностей, вообще, является исключительно высоким. Мы здесь вовсе не претендуем на полную систематизацию, а лишь пытаемся обозначить возможные способы письменного общения, основания для классификации и т. п.

4. Сообщение, отображение, изъявление

Заслуживает специального обсуждения вопрос о *полифункциональности* письма. Каковы вообще функции письма (послания), в самом общем виде? Хотелось бы возвести их к фундаментальной модели всякой человеческой коммуникации, в которой, как нам представляется, могут быть выделены три взаимодополнительных момента: *сообщение, отображение и выражение* (или *изъявление*; ср. у Довлатова: литература — изъявление внутреннего мира).

Во всякой коммуникации имеет место передача информации, а поскольку речь идет о взаимодействии субъектов (актеров, коммуникантов), уместно говорить о сообщении одним другому некоторой информации (“контента”, содержания).

Далее, во всякой человеческой коммуникации передаваемая информация так или иначе отображает реальность, точнее - некоторые фрагменты ее. Кем-то сообщается кому-то информация о *чем-то* из реалий мира.

И, наконец, в каждом человеческом сообщении представлен субъективный момент; в коммуникации иногда явным, иногда неявным образом выражена позиция, изъявлено отношение субъекта общения к отображаемой реальности.

¹³⁸ Заметим, что в российской институциональной практике, идущей от советских времен, “заявлением” называется в сущности “челобитная”: “*Прошу* принять меня на работу...”, “*прошу* решить мой вопрос...” — пишет гражданин работодателю или чиновнику, даже не подозревая, что просьба вовсе не есть “заявление”...

¹³⁹ См. Пигров К. С. Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни / *Vita Cogitans: Альманах молодых философов*. Выпуск 4. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004, с. 76-83.

Спускаясь на менее абстрактный уровень рассмотрения, говоря о феномене именно письма, заметим, что в любом письме присутствуют все три момента, которые могут интерпретироваться также как *функции*. Притом, что та или иная функция может оказаться приоритетной. Письмо-сообщение (по преимуществу) отличается от письма, выступающего предпочтительно формой выражения или самовыражения.¹⁴⁰ Соответственно, то и другое отличаются от письма-отображения (по преимуществу). В принципе возможно и “равноправие” указанных выше трех функций в конкретном письме.

Заметим, что общение, отображение и изъявление, как функции письма, могут быть сопоставлены с системной триадой «свободной жизнедеятельности»: *общение, познание и творчество*.¹⁴¹

Здесь для нас принципиален сам факт полифункциональности всякого письма. Отправляя письмо, мы сообщаем другому нечто о себе и мире; другой же из нашего письма узнает нечто о мире и о нас самих (даже если специально “о себе” мы ничего не сообщали).

С этой точки зрения может быть переосмыслена и наша попытка обозрения многообразия писем. Представление о письме, как *акте общения*, как *документе времени* и как *автопортрете пишущего* (что соответствует нашей триаде функций) позволяет приблизиться к пониманию всего богатства размежеваний и пересечений признаков письма, выделенных выше по основаниям моно- и многоадресности, приватности и публичности, личностности и институциональности...

Так, приватное письмо, адресованное современнику с целью сообщить нечто, скажем, о себе самом, может годы спустя приобрести смысл публичного свидетельства об исторической эпохе. А собрание частных писем исторической личности может сказать о ней больше, чем тома адресованных широкой аудитории сочинений. С другой стороны, стилистика институциональных писем и обращений чрезвычайно информативна, в частности, для социокультурной и психологической характеристики их авторов. И т. д., и т. п.

Может быть, самые яркие примеры совмещения указанных выше функций и форм письма предъявляет современная “мировая сеть” (Интернет). Думается, что изложенные общие положения и предложенная концептуальная схема значимы и для анализа таких новейших форм социальной коммуникации (глобального общения), как “форумы”, “блоги”, “живой журнал”, не говоря уж об обычной электронной переписке с явными и скрытыми копиями, пересылками и т. д. Однако обсуждение этих специальных вопросов уже выходит за рамки нашей темы.¹⁴²

5. Дневник и «протоколы жизни»

Теперь обратимся к специфике *дневника* как типа *скрипта* и реального социального феномена. Дневник есть имманентная и, можно сказать, универсальная форма письменной автокоммуникации, способ оперативного отображения личностью (для себя самой!) внешних и внутренних событий своей жизни. Эти события неизбежно вплетены как в жизнь непосредственного окружения пишущего, так и в “жизнь историческую”.¹⁴³

¹⁴⁰ «Есть письма-сообщения (деловые и дежурные), и есть письма-воплощения. Потребность же в воплощении – самая обычная, и самое обычное средство ее удовлетворения – слово (быть может, потому-то, в силу обычности, оно и самое человеческое средство: человек на санскрите – говорящий слова). Стремление к воплощению становится предосудительным, когда забывает о своей обычности и рядится в исключительность» (Кетегат А. О письме-воплощении... Цит. по: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 303. Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_276-441.pdf).

¹⁴¹ Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 507-510. (Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/book/T1_442-547.pdf).

¹⁴² См., например, сборник: Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / Под ред. Волохонского В. Л., Зайцевой Ю. Е., Соколова М. М. СПб.: СПбГУ, 2007. (Электронная версия - <http://volokhonsky.ru/internet/>). (Пед.).

¹⁴³ Именно в силу этого дневник может приобрести и иногда приобретает, независимо от намерений автора, смысл послания другому лицу, или свидетельства (как биографии, так и истории) для других.

Каковы “собственные” черты дневника как типа письменных текстов? В отличие, скажем, от «письма» (которое обычно предполагает реакцию адресата, и постольку диалогично), дневник, как уже говорилось, по преимуществу монологичен (по форме). В отличие от “статьи” (в которой личные моменты, как правило, элиминированы), дневник сугубо личностен. Формы дневника чрезвычайно многообразны. Здесь нет каких-либо жанровых канонов или ограничений. Несмотря на видимую монологичность, дневник есть форма общения или диалога *с самим собой*.

Здесь отвлекаемся от случаев, когда дневниковая форма используется как литературный (художественный или публицистический) жанр и изначально имеет место ярко выраженная “коммуникация для других” (например, “Дневник писателя” Ф. М. Достоевского).

Попытаемся все же как-то упорядочить чрезвычайное разнообразие форм и воплощений дневниковой практики. Представляется возможным выделить три типа дневника:

а) “*дневник души*” (дневник в традиционном и, пожалуй, узком смысле слова, сугубое “общение с самим собой”, причем на первый план выходят личные переживания и самоанализ; такой дневник обычно аутоисповедален);

б) “*дневник духа*” (в котором личное “я” отходит на второй план, а дневник оказывается своего рода копилкой символов, образов, мыслей и лабораторией творчества; часто — это сырье для будущих произведений; пример — «Записные книжки» А. П. Чехова);

в) “*дневник факта*” (где главный упор делается на внешних событиях жизни, а личные переживания и размышления отсутствуют либо сведены к минимуму).

Как и в представленной выше типологии индивидуальной письменной коммуникации, здесь имеем дело с идеальными типами. В реальной дневниковой практике описания событий обычно перемежаются впечатлениями и размышлениями; имеет место если не синтез, то синкретизм типов. И все же всякий дневник тяготеет к тому или иному типу.¹⁴⁴

Ниже остановимся лишь на случае *дневника факта*, а точнее — на особой его разновидности.

...Конечно, человек может вести такие записи исключительно для себя — так сказать, для памяти: что когда произошло, с кем встретился, что предпринял, иногда — расписание дел, встреч и т. д. на будущее (так называемый ежедневник). Но в принципе возможна и иная — дополнительная, а иногда и выходящая на передний план — цель: фиксация событий частной жизни “на стыках” с жизнью общественной, в тех точках, где та и другая пересекаются. То есть целевая установка на фактографию *в контексте* данного исторического времени.

Тогда оказывается, что человек ведет эти записи как бы для себя, но по существу — и *не только для себя*. Здесь хочется вспомнить известное замечание А. С. Пушкина, засвидетельствованное А. Н. Вульф: “Неприменно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться”.¹⁴⁵ Для такого рода дневника уместно использовать термин “протокол”. Данную разновидность “дневника факта” будем называть *протоколом жизни*.

Попробуем выявить некоторые особенности текстов такого рода путем рассуждения от противного: укажем сначала на то, чем протокол жизни заведомо *не* является, несмотря на некоторые внешние сходства и параллели.

1. Это — не хроника общественной жизни. Личности (если, конечно, она не ставит перед собой такой профессиональной, мониторинговой задачи) вовсе незачем конкурировать, скажем, со СМИ (выступающими сегодня многосоставной и полифонической летописью современности). Протокол жизни отображает только те

¹⁴⁴ См. Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 3, с. 53. (Электронная версия - http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/t3_1-207.pdf).

¹⁴⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, в 2-х томах. М.: Художественная литература, 1974. Том 1, с. 416.

социальные (возможно, мелкие и частные) события, эпизоды, в которых субъект жизни лично участвовал, был если не действующим лицом, то хотя бы очевидцем. В таком случае этот протокол приобретает характер *жизненного свидетельства*, тем, прежде всего, и ценного, что оно есть свидетельство непосредственного участника или наблюдателя.

2. Вместе с тем, протокол жизни — это не сугубо личностный документ. Здесь неуместны интимные подробности индивидуальной жизни. В этой разновидности дневника факта отражаются лишь такие “происшествия”, которые, по мнению автора, представляют интерес и *для других*, — “чтобы могли на нас ссылаться” (если кому-либо когда-либо зачем-либо это понадобится). В таком случае, это документ также и — изначально! — *общественный*.

3. И, наконец, протокол жизни (как явствует из самого термина) — это вовсе не мемуары, не ретроспекция, не отложенное во времени описание или реинтерпретация, а именно протокол, который ведется *в ходе события* или составляется по его “горячим следам”. Это — *первичный*, а не вторичный документ личности и времени, не замутненный последующими напластованиями индивидуальной субъективности и влияний социокультурной среды.

И еще несколько замечаний (уже не от противного).

4. Протокол жизни — это своего рода тематизированная регулярная или эпизодическая *жизненная хроника*. Ее можно вести в утилитарных целях — фиксируются некие реперные события, ситуации, чтобы потом учесть в последующих собственных действиях. Это может быть и способ информирования других людей об обстоятельствах своей жизни, представляющих для них интерес. Иногда присутствует и понимание культурно-исторической значимости жизненного свидетельства.

5. В зависимости от характера события (событий) или сложившихся обстоятельств, сам протоколист выступает главным героем (или одним из главных) — если тот в описываемой ситуации активно *действует*; или же его персона отходит в протоколе на второй план — если он является только наблюдателем, *свидетелем*.

6. Наконец, протокол жизни есть оперативное и более или менее преднамеренное отображение случившегося не вообще, а “в точке пересечения биографии и истории” (выражение Ч. Р. Миллса).¹⁴⁶

Итак: протокол жизни — будь то за определенный период времени, будь то относящийся к отдельному событию — это *первичный личностно-общественный документ*. Он есть *актуальное свидетельство очевидца или действующего лица* (актера), выступающего наблюдающим участником драмы собственной жизни (всегда вплетенной в общественную, и — в пределе — “мировую драму”). Таким образом “протокол жизни” сочетает элементы коммуникации самому себе, другому и для других.

Другие черты и виды дневника здесь рассматривать не будем.¹⁴⁷

Примеры намеренного или «стихийного» совмещения *дневника, письма и статьи*, по существу - их синтеза, находим в творческом наследии выдающихся деятелей науки и культуры (например, А. Герцен, А. Швейцер, А. Ухтомский, М. Пришвин, А. Любищев, Г. Гачев...).

6. Скриптизация бытия

«В начале было Слово». Но не письмо. Письменность – уже продукт культуры. Письменная коммуникация – одна из форм межчеловеческого общения. В понятии

¹⁴⁶ Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16.

¹⁴⁷ См.: Пигров К. С. Дневник: общение с самим собой в пространстве тотальной коммуникации / Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации. СПб., 1998; Пигров К. С. Дневник: диалог с самим собой / Диалог в образовании. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 22. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002; Пигров К. С. Вещь и время. Время / бремя артефактов. / Социальная аналитика повседневности. СПб., 2004.

скриптизация акцентируется закрепление в письменном слове некоторых фрагментов, аспектов, черт бытия (индивидуального, *par excellence*).

По мысли К. Пигрова, «рефлексия как обязанность философствования за две с половиной тысячи лет выработала универсальные и совершенные технологии вербализации и скриптизации, т. е. оглашения своего бытия и удвоения его в фиксированном слове».¹⁴⁸ Как дневник, так и письмо суть имманентные формы скриптизации индивидуальной и социальной, приватной и публичной жизни.

Май 2008

+++

¹⁴⁸ Пигров К. С. Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни..., с. 76.

ЧАСТЬ 3

Вместо предисловия к части 3

Особенностью настоящей части тома 2/2 является то, что она – ВСЯ – составлена из работ, написанных уже после выхода в свет 4-томника «Драматическая социология...» (2003-2005) и, стало быть, в состав рукописи книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (1999-2001) не входивших.

Однако тематически эти работы вполне уместны именно здесь, поскольку посвящены обсуждению метода *наблюдающего участия*, составившего методическое ядро *драматической социологии и эксперимента социолога-рабочего*.

А.А. Август 2013

Глава 23

О НАБЛЮДАЮЩЕМ УЧАСТИИ И ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Содержание главы 23

23.1. ТЕМАТИЗИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

23.2. «НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ» И ЕГО СИНОНИМЫ (авт. – А. Алексеев)

Ремарки

- *Еще два тома «...из неопубликованных глав» (раздел 23.1)*

**

21.1. ТЕМАТИЗИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

= Из портала Когита.ру (2013.04.07) ¹⁴⁹

А. Алексеев. О наблюдающем участии и драматической социологии

Откликаясь на просьбу коллеги, я собрал букет из сетевых ссылок на свои и не только свои сочинения, посвященные этой теме. А собрав, счел, что они могут представить интерес и не только одному персональному адресату.

¹⁴⁹ См. <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a.-alekseev.-o-nablyudayuschem-uchastii-i-dramaticheskoi-sociologii> . Здесь - дополненная и уточненная авторская редакция.

Навигатор по некоторым электронным публикациям и электронным версиям печатных публикаций, так или иначе посвященным методу НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ или опыту ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ.

Публикации находятся на следующих сайтах и порталах: "Когита!ру. Общественные новости Северо-Запада (<http://www.cogita.ru>); сайт Центра социального прогнозирования и маркетинга (<http://www.socioprognoz.ru/>); сайт «Международная биографическая инициатива» (<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios>); сайт журнала «Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований» (<http://www.teleskop-journal.spb.ru/>), интернет-журнал «Семь искусств» (<http://www.7iskusstv.com/>); и еще ряд ресурсов.

Портал «Когита.ру»

= Алексеев А. Познание действием. От автора - сегодня, 30 лет спустя - <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/poznanie-deistviem.-ot-avtora-segodnya-25-let-spustya>

= Алексеев А., Кетегат А. Про «Серегу-штрейкбрехера» и не только о нем - <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a.-alekseev-a.-ketegat.-pro-abseregu-shtreikbreherabb-i-ne-tolko-o-nem>

= Алексеев А., Кетегат А. Про «Серегу-штрейкбрехера» и не только о нем (окончание) - <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a.-alekseev-a.-ketegat.-pro-abseregu-shtreikbreherabb-i-ne-tolko-o-nem-okonchanie>

= Алексеев А. Опираясь на диспозиционную концепцию личности (экспериментальная социология) - <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/opirayas-na-dispozicionnuyu-koncepciyu-lichnosti>

= Бачинин В. Книга «Профессия – социолог» как постмодернистский интертекст - <http://www.cogita.ru/analitka/novye-knigi/kniga-abprofessiya-2013-sociologbb-kak-postmodernistskii-intertekst>

(См. эту же работу: на сайте «Международная биографическая инициатива» - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bachinin_alekseev_10.html ; Свободная мысль, 2011, № 1 - <http://www.mgimo.ru/files2/p57/182757/6558a6df2216c33b6d6add055fbcef9f.pdf> ; Социологические исследования, 2011, № 4 - http://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-4/Knizhnoe_obozrenie.pdf)

Сайт Центра социального прогнозирования и маркетинга

= Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. — СПб.: Норма, 2003-2005 - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

= Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. 2012 - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

Сайт «Международная биографическая инициатива; журнал «Телескоп»

= Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 1. СПб.: Норма, 2010 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_1.pdf

= Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 2. СПб.: Норма, 2010 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_2.pdf

(См. в этом томе особенно главу 5: Наблюдающее участие (методологический контекст)).

= Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 3. СПб.: Норма, 2010 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_3.pdf

= Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Т. 4. СПб.: Норма, 2010 - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/profsoc_4.pdf

= Алексеев А. Извлечения из “дела социолога-рабочего” (1984-1987) - http://cdclv.unlv.edu/archives/Supplements/alekseev_affair.html

= Алексеев А. Познание через действие (Так что же такое “драматическая социология”?) (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_knowledge.html

(См. этот же текст в: Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006, № 5 - http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2006&id=405)

= Травин Д. Зона свободы (Дело, 25 сентября 2006) - http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/travin_alekseev.html

= Докторов Б. Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям (Научные и нравственные основы «драматической социологии») - http://cdclv.unlv.edu/archives/Tributes/doktorov_alekseev.html ;

(См. этот же текст в: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009, № 4 - http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2009&id=626)

= Докторов Б. Скала Алексеева (Социологический журнал, 2009, № 3) - http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/doktorov_on_alkseev_10.html (см. также: http://www.isras.ru/files/File/Sociologymagazin/Socmag_03_2009/09_Doktorov.pdf)

= Алексеев А. Многообразие экспликаций и синонимический ряд “наблюдающего участия” в: Алексеев А., Докторов Б. В поисках Адресата, 2012, с. 245-261) - http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf

(См. этот же текст в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 6)

Интернет-журнал «Семь искусств. Наука. Культура. Словесность»

[Андрей Алексеев](#)

[Познание действием. Так что же такое “драматическая социология”?](#) - <http://7iskusstv.com/2013/Nomer4/Alekseev1.php>

[Андрей Алексеев](#)

[Еще о драматической социологии. Два научных доклада и одна иллюстрация: Как Серега был «штрейкбрехером»](#) - <http://7iskusstv.com/2013/Nomer5/Alekseev1.php>

[Андрей Алексеев](#)

[Корни и ветви. В помощь пишущим о предках и о себе самом/самой: «эстафета памяти» и два примера семейной хроники](#) - <http://7iskusstv.com/2013/Nomer6/Alekseev1.php>

[Андрей Алексеев](#)

[Корни и ветви. В помощь пишущим о предках и о себе самом/самой: «эстафета памяти» и два примера семейной хроники](#) (Окончание) - <http://7iskusstv.com/2013/Nomer7/Alekseev1.php>

[Андрей Алексеев](#)

[Эксперимент социолога-рабочего Из «Писем Любимым женщинам»](#) - <http://7iskusstv.com/2013/Nomer8/Alekseev1.php>

Журнал «Телескоп»; Украинский социологический журнал; Полит.ру

= Алексеев А. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога). В: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых

исследований. 2011, № 5 - http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2011&id=747

= Алексеев А. Дискуссия через океан. Защита наблюдающего участника. В: Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 2)

= Алексеев А. Из книги А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог»: материалы для презентации. В: Украинский социологический журнал, 2010, № 3-4, с. 26-48 - http://www.sau.kiev.ua/docs/magazine/2010_3_4.pdf

= Докторов Б. Профессия: социолог / Полит.ру. 22 июля 2009 г. - <http://polit.ru/article/2009/07/22/alekseev/>

Автоаннотации указанных источников:

[Алексеев А.. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. — СПб.: Норма, 2003-2005.](#)

В этой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания.

На рубеже 70-80-х гг. прошлого века автором с коллегами было предпринято андерграундное экспертно-прогностическое исследование, ставшее впоследствии известным по названию анкеты - «Ожидаете ли Вы перемен?». Другое неординарное исследовательское предприятие автора, относящееся к 1980-м гг., известно под названием эксперимент социолога-рабочего. Материалы этих двух и ряда других социологических опытов наиболее полным образом представлены в настоящей книге.

В отличие от известных каноничных научных монографий, эта работа представляет собой сюжетно выстроенное «социолого-драматургическое» произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом является упомянутый натурный эксперимент – «наблюдающее участие» социолога в социальных процессах, подлежащих исследованию, будь то производственная, научная, общественная жизнь

Первый том («В поисках жанра») посвящен начальному этапу эксперимента социолога-рабочего. На этом этапе был разработан и опробован социологический метод наблюдающего участия, предполагающий активное вмешательство исследователя в изучаемые социальные процессы, синтез практической деятельности, рефлексии и игры.

Во втором томе («Контрапункты») рассматривается продолжение эксперимента при «вновь возникших» обстоятельствах - состоявшейся в середине 80-х гг. эскалации идеологических и политических обвинений в адрес социолога-испытателя. Социологически осмысливается личный опыт самообороны от этих обвинений, при товарищеской поддержке коллег (ученых, рабочих, журналистов).

Основное содержание третьего тома («Полигон») составляет заключительный этап эксперимента социолога-рабочего. Как и предыдущие, данная часть книги является собой композицию авторских текстов разных лет (тексты – личные, деловые, научные). Причем, как и в предыдущих томах, эти аутентичные документы – иногда развернуто, иногда вкратце – комментируются автором «из сегодня».

Широко представлены в книге – во всех ее частях – также тексты других лиц (как правило, коллег и друзей автора). Это в особенности относится к заключительному, четвертому тому («Версии»), где сопоставляются разные трактовки, истолкования эксперимента социолога-рабочего (от апологетических до резко-критических), а также представлены материалы исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» (рубеж 1970-80-х гг.).

Автор является одним из пионеров внедрения качественных («гибких», «мягких») методов исследования в практику современной отечественной социологии. Особое внимание в книге уделено проблематике многообразия и соотношения разных способов

социального познания.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе.

[Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 1. СПб.: 2012.](#)

Этот проект возник на базе материалов, готовившихся для книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», но не вошедших туда, в силу недостатка места и / или других обстоятельств. Подробно это объяснено в «Эскизе предисловия».

Том 1 включает в себя тематически и хронологически упорядоченные произведения автора – журналиста, а затем социолога - 50-х – 90-х годов. Смысл этого тома – автопортрет личности и эпохи, образованный текстами, порожденными в разные их (как личности, так и эпохи) периоды развития.

Ремарка: Еще два тома «...из неопубликованных глав»

К сказанному можно добавить автоаннотации к томам 2/1 и 2/2 «...из неопубликованных глав».

[Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 2/1. СПб.: 2013.](#)

Данный том являет собой собрание текстов, принадлежащих или же посвященных лицам, которых автор называет «заслуженными собеседниками» (в смысле А.А. Ухтомского: те собеседники, которых он, автор, заслужил). В большинстве своем это коллеги и друзья автора, но есть и такие, с которыми он лично не был знаком.

Эти тексты так или иначе резонируют (рифмуются) с собственными сюжетами и идеями «Драматической социологии...».

[Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Из неопубликованных глав. Том 2/2. СПб.: 2013.](#)

Основное содержание данного тома составляют теория, методология и практические опыты историко-биографических изысканий, включая опыты семейной хроники, принадлежащие лично автору и / или его родственникам.

Кроме того, предпринята дальнейшая разработка проблематики «драматической социологии», как варианта гуманистических и акционистских исследований, а также наблюдающего участия как исследовательского метода

(Август 2013)

23.2. «НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ» И ЕГО СИНОНИМЫ

= Из журнала «Телескоп» (2012)

Андрей Алексеев,
независимый исследователь

Многообразие экспликаций и синонимический ряд “наблюдающего участия”

(Опыт текстологического анализа, с тяготением к историко-научному) ¹⁵⁰

¹⁵⁰ Время написания работы – июль 2006 года. Впервые опубликовано в составе электронного издания: Алексеев А. Докторов Б. В поисках Адресата. Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников (февраль – октябрь 2006 г.), размещенного на сайте «Международная биографическая

Статья посвящена «приключениям» термина *наблюдающее участие*, впервые предложенного автором в 1980-х гг. в рамках так называемого «эксперимента социолога-рабочего». Оказывается, у этого термина много прецедентов, а также синонимов, причем каждый вариант указывает на какую-то из сторон описываемого способа социального изыскания.

Ключевые слова: качественные методы, включенное наблюдение, наблюдающее участие, моделирующие ситуации, драматическая социология, познание действием.

Посвящается В.А. Ядову

...Итак, в противоположность "не
нашему" методу включенного наблюдения,
наладчик координатно-револьверного
пресса цеха № 3 "Полифонмаша" (так! – А.
А.) предлагает в качестве методической
новинки наблюдающее включение
(окружающих) в собственную и
коллективную деятельность
Это – сознательное, контролируемое
субъектом, включение новых факторов в
наблюдаемую реальность, с готовностью
испытать непосредственно на себе их
обратное влияние. Такое введение в
действие новых факторов, поскольку
осуществляется человеком, который знает,
чего хочет (в данном случае – запустить
станок), не является беспорядочным,
случайным. Средства подчинены цели, а не
наоборот. Причем импульс исходит не
сверху, а изнутри и снизу...
...Поистине мое наблюдающее участие –
куда более эффективный и продуктивный
метод, чем участвующее (включенное)
наблюдение...

*(Из "Писем Любимым женщинам".
Февраль 1980)*

...Наблюдая изучать – интересно, но
еще интереснее изучать изменяя,
вмешиваясь...

*(Из студенческой работы. Курс Р.
Ленчовского. 2004)*

...Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи!

(А. Ахматова)

Несколько вступительных слов

Начав этот текст, как скромную эпистолярную заметку ¹⁵¹, я уразумел ее сюжет как еще одну *моделирующую ситуацию*, на сей раз позволяющую рассмотреть процесс “кристаллизации” и “внедрения” некоей методологической идеи в рамках научного сообщества, а также демонстрирующую одну из форм взаимодействия учителя и ученика, причем последний выступает в определенном смысле *инноватором*, а первый (тоже в известном отношении...) *консерватором*, так что оба друг другу и развитию общего предмета необходимы.

Таким образом, это - и текстологический, и терминологический, и (до известной степени) социально-психологический сюжет.

...При обсуждении разных классификаций метода **наблюдения** (включенное — невключенное; полевое — лабораторное; структурированное — бесструктурное; контролируемое — неконтролируемое...) Анна Готлиб, автор книги “Качественное социологическое исследование...”, делает *подстрочное примечание*:

“...В.А. Ядов выделяет еще один вид наблюдения — так называемое **СТИМУЛИРУЮЩЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ**.¹⁵² В рамках такого метода исследователь сознательно *вносит возмущение в наблюдаемую ситуацию*, чтобы потом наблюдать следствия такой “провокации”. Стимулирующее наблюдение “вписывается” в принципиально другую методологию социологического исследования — АКТИВНО-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ (action research) и потому мною подробно не описывается...” (Готлиб А.. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004, с. 231)

Я заглянул в разные версии учебника Ядова. Оказывается, и впрямь, В.А. мое **наблюдающее участие** поначалу (в конце 1980-х — начале 1990-х) чуть было... не переименовал.

Из книги В.А. Ядова “Социологическое исследование: методология, программа, методы” (М.: Наука, 1987):

“Следует ли наблюдателю вмешиваться в изучаемый процесс?”

Ответ на этот вопрос зависит от цели исследования. Если основная цель — диагностика ситуации (как в случае изучения собрания в качестве одного из каналов выражения общественного мнения), вмешательство социолога в ход событий исказит реальную картину, а в итоге будут получены ненадежные данные. Если же цель исследования практически прикладная и состоит главным образом в принятии управленческих и организационных решений, активное вмешательство не только возможно, но и полезно. Именно этим целям служит **СТИМУЛИРУЮЩЕЕ ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ**.

Здесь наблюдатель — участник изучаемых событий — **КАК БЫ ПРОВОЦИРУЕТ НЕСТАНДАРТНЫЕ СИТУАЦИИ И ИССЛЕДУЕТ РЕАКЦИИ ОБЪЕКТА НАБЛЮДЕНИЯ НА СВОИ ДЕЙСТВИЯ ИЛИ СТИМУЛИРУЕМЫЕ ИМ ДЕЙСТВИЯ ДРУГИХ** [19]. Например, он может, исследуя отношение рабочих к нововведениям, предлагать разные способы решения производственных задач: инициативные, “запрашивающие” действия других лиц, методы “сигнализации” руководству, обращение за помощью к соседним предприятиям или коллективам и т. п. Таким образом, во-первых, регистрируется отношение наблюдаемого коллектива к нововведениям вообще и к разным способам их реализации в особенности.

В наблюдении, проводимом с научными или диагностическими целями, вмешательство исследователя в изучаемый процесс недопустимо...” (с. 113-114).

В списке литературы: [19] *Алексеев А. Н.* Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности: Из опыта “экспериментальной социологии”. Томск,

¹⁵¹ Нижеследующий текст написан в 2006 г. Входил в состав композиции: *А. Алексеев, Б. Докторов*. В поисках адресата. Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников, - ныне размещенной на американско-российском сайте «Международная биографическая инициатива» (http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf).

¹⁵² Здесь и далее все выделения **ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ** в цитатах принадлежат мне. — А. А.

1982. (Ядов приводит название работы, но опускает название сборника, в котором она была напечатана: *Проблемы социального познания и управления*. Томск: Изд-во ТГУ, 1982, с. 161-173).

Из книги В.А. Ядова “Социологическое исследование: методология, программа, методы” (Самара: Изд-во “Самарский университет”, 1995). (“...дополненное и исправленное издание предыдущей публикации” — 1987 г.): <...>

(Здесь опускаю. Этот фрагмент один к одному совпадает с предыдущим изданием...)

<...> Итак, данный текст перешел без изменений из издания 1987 г. в издание 1995 г., дословно. Но в разделе “Прямое наблюдение” (откуда он взят...) появилось и дальнейшее развитие и иллюстрации “активной стратегии” исследований. В частности, в 1987 г. Ядов ограничивается тремя примерами *включенного наблюдения*: **У. Уайт; В. Ольшанский; Ф. Энгельс**. В 1995 г. в ряд с ними становятся два примера “активного воздействия на наблюдаемые процессы”: **А. Турен; А. Алексеев**. Что ж, неплохая компания!..

Не поленюсь переписать эту страничку:

“...При соучаствующем наблюдении единственный способ снять помехи от вмешательства исследователя — полное вхождение в изучаемую среду, завоевание ее доверия и симпатии. **КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ ДЛЯ СБОРА ОСНОВНОЙ ИНФОРМАЦИИ — РАБОТА УИЛЬЯМА УАЙТА (1936-1939 ГГ.)**, который и ввел этот метод наблюдения в научную практику [351].

Будучи сотрудником Гарвардского университета, Уайт поселился в трущобах одного из американских городов, чтобы изучить образ жизни итальянских эмигрантов, населяющих этот район (он дал ему название Корневиль). Уайта интересовали обычаи эмигрантов, оказавшихся в условиях чужой культуры, их ориентации, взаимоотношения. Район Корневиль был известен как опасное для чужака итальянское гетто, полное подозрительных банд.

Уайт вошел в местную общину, сказавшись студентом-историком, который намерен описать возникновение Корневилья. Исследователь изучил тот особый жаргон итальянского языка, которым пользовались в общине. Три года он провел бок о бок с этими людьми, подружился с руководителями двух соперничающих групп рэкетиров, научился местным обычаям, играм в карты и катанию шаров. 18 месяцев он прожил в одной эмигрантской семье, так что был окончательно принят как свой человек. Вначале он вел регистрацию впечатлений тайком, но по мере завоевания доверия не стеснялся делать записи в самой, казалось бы, не подходящей для этого обстановке; все привыкли его видеть с блокнотом в руках.

В НАШЕЙ СТРАНЕ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ, КТО ИСПОЛЬЗОВАЛ МЕТОД ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ, БЫЛ В.Б. ОЛЬШАНСКИЙ, в то время сотрудник Института философии АН СССР. Изучая ценностные ориентации и идеалы рабочих, он поступил на завод им. Владимира Ильича и проработал там несколько месяцев. За это время он достаточно сблизился с рабочими, чтобы составить программу последующего формализованного обследования путем интервью [185, см. также 223], опросов и групповых дискуссий.

В современной социологии используется также **МЕТОД АКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАБЛЮДАЕМЫЕ ПРОЦЕССЫ (“АКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ”)**, КОТОРОЕ ВВЕЛ В ПРАКТИКУ **ФРАНЦУЗСКИЙ СОЦИОЛОГ А. ТУРЕН [350]** в период так называемых студенческих революций 70-х гг., а позже стали использовать социологи латиноамериканских стран и другие. Активное исследование (Action research) предполагает изучение объекта, активное вмешательство путем организованных действий, провоцируемых исследователем, дальнейшее изучение и далее повторные воздействия. Такой тип исследований принимается также в системах реконструкции организаций управления.

Интереснейший **ОПЫТ АКТИВНОГО “ПРОВОЦИРУЮЩЕГО” НАБЛЮДЕНИЯ, А СКОРЕЕ ДАЖЕ “НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ” ПРЕДПРИНЯЛ В НАЧАЛЕ 80-Х ГГ.**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ СОЦИОЛОГ А. Н. АЛЕКСЕЕВ (этот эксперимент рассматривается ниже, в гл. 5, параграф 6, посвященной качественным методам исследования).¹⁵³

В этой связи ПОЛЕЗНО ВСПОМНИТЬ, КАК ХАРАКТЕРИЗОВАЛ СВОЮ ПОЗИЦИЮ НАБЛЮДАТЕЛЯ ЖИЗНИ РАБОЧИХ ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС (ЕГО КНИГА “ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ” ИМЕЕТ ПОДЗАГОЛОВОК: “ПО СОБСТВЕННЫМ НАБЛЮДЕНИЯМ И ДОСТОВЕРНЫМ ИСТОЧНИКАМ”). В обращении к английскому пролетариату он написал: “Рабочие! ... Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьезным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы..., но все это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно абстрактное знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал” [298, С. 235].

Однако ПРИНЦИП АКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРЯМО ПРОТИВОПОЛОЖЕН ТРАДИЦИИ НАБЛЮДЕНИЯ БЕЗ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В СИТУАЦИЮ.

Преимущества включенных наблюдений очевидны: они дают наиболее яркие, непосредственные впечатления о среде, помогают лучше понять поступки людей и действия социальных общностей. Но с этим же связаны и основные недостатки такого способа. Исследователь может потерять способность активно оценивать ситуацию, как бы внутренне переходя на позиции тех, кого он изучает, слишком “вживается” в свою роль соучастника событий. На эти недостатки обращали внимание и Уайт, и польский социолог К. Доктур, и другие авторы (*включая меня*. — А. А.). Как правило, итогом включенного наблюдения является социологическое эссе, а не строго научный трактат...” (с. 126-127).

В списке литературы:

[351] *White W. E. Street corner society/ Chicago, 1943.*

[185] *Ольшанский В.Б. Личность и социальные ценности .. Социология в СССР. М., 1966. Т. 1.*

[223] *Ряжских И.А. Опыт использования включенного наблюдения для изучения жизни производственного коллектива .. Социол. исслед. 1985, 1 3.*

[350] *Touraine A. Toward a sociology of action // Positivism and sociology / Ed. A. L. Giddens N. Y., 1974.*

Из той же книги В.А. Ядова (1995; раздел “Стратегия качественного анализа данных”):

“...(3) *Уточнение проблемы.* В исследованиях классического типа мы уточняем проблему путем развертывания гипотез, эмпирически проверяемых на большой статистике. В случае использования качественных методов проблема уточняется путем переосмысливания наблюдаемых фактов с разных точек зрения. Непонятное явление надо попробовать объяснить “так и этак”, в разных теоретических подходах и, в первую очередь, с точки зрения здравого смысла. Проверять это предположение можно, что называется, по ходу исследования. Социолог не гонится за статистикой данных, но главным образом преследует цель найти подкрепление своим догадкам в различных вариантах, стремится разнообразить ситуации наблюдения, постановку вопросов в беседах, способы анализа имеющегося материала (например, из прессы), организует “провоцирующий” натурный эксперимент.

Пример из исследования А.Н. Алексева о производственном поведении и “производственной морали” в начале 80-х гг. [2]. А.Н. АЛЕКСЕЕВ ВЕЛ ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ, КОТОРОЕ НАЗВАЛ “ПРОВОЦИРУЮЩИМ” (*я не называл... это Ядов сам придумал, и многие повторяют... — А. А.*). Он работал на заводе расточником (*кем только я не поработал на заводе, если верить перелагателям: и токарем, и расточником!.. все же правильно: слесарь; наладчик; штамповщик. — А. А.*) и сам активно включался во взаимоотношения на производстве между разными группами работников. Там он столкнулся с непонятным (*эм!* — А. А.) фактом. Все нарушают хорошо известные инструкции: и рабочие, и мастера, и инженеры, и администраторы. Но мастер “накапливает” материал на рабочих, скажем, прогульщиков. И предъявляет этот материал лишь тогда, когда по каким-то, не обязательно деловым соображениям захочет освободиться от нарушителя дисциплины, “разгильдяя” Петрова. Высказанные

¹⁵³ Наиболее полное, аутентичное описание «эксперимента социолога-рабочего» см.: *Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма 2003-2005.* (Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>). — А. А.

в официальной обстановке аргументы не вызывают возражений. Мастер добивается увольнения. *(Интересно, что конкретный пример полностью выдуман Ядовым; вернее — сублимирован из его собственного заводского опыта 50-х гг. — А. А.)*

Алексеев начинает искать теоретические объяснения этого феномена в социопсихологических и социологических подходах. Он приходит к выводу, что следует различать “демонстрируемые” социальные установки и ценности, официально поддерживаемые в данной системе отношений, а с другой стороны — ценности и установки, реально “управляющие” поведением. Идя дальше, он ставит вопросы, выдвигает гипотезы, которые проверяет наблюдением, в беседах, провоцирующими действиями. Вопрос, например, такой: насколько среди рабочих приняты ценности инициативы и добросовестности?

В массовых обследованиях 70-х гг. инициативность и творчество часто лидировали в ряду ценностных ориентаций, а в действительности, по наблюдениям Алексеева, они не выполняли регулирующую функцию. Как социолог проверил свою догадку? Если инициативный рабочий (сам Алексеев) приходил к начальнику цеха и предлагал рационализировать операцию, ему отвечали: “Тебе что, больше всех надо?” А если тот же инициатор маскировал свое предложение под вынужденное действие (*“вынужденная инициатива”!* — А. А.), оно принималось. Надо было сказать: “Если мы этого не сделаем, нам попадет”. Таким путем Алексеев проверил гипотезу о регулятивных и демонстрируемых нормах производственных взаимоотношений.

Между прочим, его проверка статуса ценности “добросовестной работы” показала тогда, что эта ценность сохраняет положение “реально регулирующей поведение”, но... при условии достаточной свободы самоорганизации работника и справедливости оплаты его труда.

(При всей вольности пересказа, изложение ряда результатов “эксперимента социолога-рабочего” начала 80х гг. вполне адекватное. — А. А.)

На стадии уточнения проблемы важно специфизировать ее максимально конкретно и в смысле теоретической ориентации (в случае Алексеева — теория социальных установок и поведения), и в смысле конкретной ситуации наблюдения, участия в событиях, определения метода дальнейших действий...” (с. 247-248).

(Интересно, что в библиографии, кроме не вполне точно атрибутированной работы 1982 г. представлена еще: *Алексеев А.Н. Познание через действие. Фрагменты экспериментальной социологии.* М., РАН. 1993. Такого издания просто не было, хоть и была рукопись, которую читал Ядов и для которой даже писал предисловие в 1990 г. По счастью, этот “сырой продукт” заменила собой уже “Драматическая социология...”, вышедшая в 1997 г.¹⁵⁴ Но Ядов в этих моих версиях тогда запутался...

И других запутал. Например А.В. Тихонов, кстати, один из соучастников “Драматической социологии...” 2003 г., подарил мне “с любовью” свою диссертационную монографию “Социология управления (теоретические основы)” (СПб.: Изд-во СПб. университета, 2000), где в библиографии фигурирует... все то же “мифическое” — “Познание через действие. Фрагменты экспериментальной социологии”, 1993.

Ну, Ядов-то мне как бы комплимент сделал, и аванс — в 1995 году. А вот Тихонов в 2000-м продемонстрировал, что свою библиографию он разве что с ядовским учебником сверял, а не с теми книгами — включая мою 1997 г. — что стоят у него дома на полке...)

Ну, и наконец, последнее (пятое! — если считать от первого, тартуского издания на ротапринте конца 1960-х гг.) издание ядовского учебника: *В. А. Ядов. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности.* М.: Добросвет, 1998. Оно — “существенно дополненное” и самое полное (596 с.).

Здесь несколько перестроился круг примеров в разделе “Прямое наблюдение”. Остались **Уайт, Ольшанский и Турен.** Исчезли **Энгельс** и **Алексеев.** Появился абзац о применении включенного наблюдения в известном исследовательском проекте **Т. Шанина:**

Шанина:

¹⁵⁴ *Алексеев А.Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего).* Кн. 1-2. М. ИС РАН, 1997.

“...В 90-е гг. сотрудники исследовательского проекта Т. Шанина предприняли включенное наблюдение крестьянских хозяйств. Они подолгу (до года) жили среди крестьян, записывали их рассказы о своих судьбах [50], анализировали семейные бюджеты и т. д. Один из исследователей (В. ВИНОГРАДСКИЙ), доктор наук, привез в кубанскую станицу жену (также научного сотрудника) и детей, убедившись, что иным путем не сможет преодолеть недоверие жителей станицы. Будучи теперь открытым для всех, участвуя в хозяйственных делах и помогая соседям чем мог (например, впервые в своей жизни Валерий Виноградский обмывал покойника — одинокого старика), он, наконец, был принят сельчанами в их круг. Его стали приглашать в гости и без опаски позволяли записывать на пленку жизненные повествования...” (с. 203).

В списке литературы:

[50] Голоса крестьян: Сельская Россия XX века . под ред. Т. Шанина. М. : Аспект пресс, 1996

Но и Алексеев Ядовым не забыт. Он фигурирует в этом издании учебника по крайней мере четырежды.

Понятие *стимулирующее включенное наблюдение* (оно же — *наблюдающее участие*) вводится им в самое начало раздела о “Прямом наблюдении”.

В издании 1998 г. В.А. Ядов воспроизводит версию данного сюжета из изданий 1987-1995 гг., однако с некоторыми новациями:

“Следует ли наблюдателю вмешиваться в изучаемый процесс?”

Ответ на этот вопрос зависит от цели исследования. Если основная цель — диагностика ситуации (как в случае изучения собрания в качестве одного из каналов выражения общественного мнения), вмешательство социолога в ход событий исказит реальную картину, а в итоге будут получены ненадежные данные. Если же цель исследования ПОЗНАВАТЕЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ (*характерно: этого не было в предыдущем издании 1995 г., где вмешательство исследователя в изучаемый процесс связывалось только прикладными задачами.* — А. А.) или практически прикладная и состоит главным образом в принятии управленческих и организационных решений, активное вмешательство не только возможно, но и полезно. Именно этим целям служит СТИМУЛИРУЮЩЕЕ ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ.

Здесь наблюдатель — участник изучаемых событий — провоцирует (*раньше было: “КАК БЫ провоцирует...”* — А. А.) нестандартные ситуации и исследует реакции объекта наблюдения на свои действия или стимулируемые им действия других [2, 3]. Например, он может, исследуя отношение рабочих к нововведениям, предлагать разные способы решения производственных задач: инициативные, “запрашивающие” действия других лиц, методы “сигнализации” руководству, обращение за помощью к соседним предприятиям или коллективам и т. п. Таким образом, во-первых, регистрируется отношение наблюдаемого коллектива к нововведениям вообще и к разным способам их реализации в особенности.

(*Далее — новый текст, отсутствовавший в предыдущих изданиях учебника.* — А. А.)

НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ, ПО АЛЕКСЕЕВУ, ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО СОЗДАЕТ МОДЕЛИРУЮЩИЕ ДЕЙСТВИЯ СИТУАЦИИ И ПРОВОЦИРУЕТ НАБЛЮДАЕМЫХ НЕ СТОЛЬКО ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ К ДАННЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ, СКОЛЬКО ПРИСПОСАБЛИВАТЬ СРЕДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРЕОБРАЗОВЫВАТЬ ЕЕ В СВОИХ ИНТЕРЕСАХ [2, 3].

Принципиально иная стратегия наблюдения используется в исследовании обыденной, повседневной жизни людей, их “рутинных практик”. Объекты социального наблюдения — люди, реагирующие на поведение наблюдателя. Чтобы свести к минимуму ошибки от “возмущения” объекта со стороны наблюдателя, используют два способа. Первый — добиться, чтобы наблюдаемые либо не ведали, что за ними наблюдают, либо забыли об этом. Второй — создать у людей ложное представление о цели наблюдения” (с. 199-201).

В списке литературы:

[2] Алексеев А.Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: Институт социологии РАН, СПб филиал, 1997.

[3] Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). В 2-х кн. СПб.: Институт социологии РАН, СПб филиал, 1997.

Далее. Более подробный рассказ о конкретном опыте “социолога-рабочего” (только что вышла книга “Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)”, 1997) переносится Ядовым в раздел “Социальный эксперимент”, помещающийся в главе... “”Жесткий” анализ данных” (!).

Обсудив методологию экспериментов, мысленных и натуральных, контролируемых и неконтролируемых, логику экспериментов типа “до — после” с одним контрольным объектом, то же — без контрольного объекта, “только после” без контрольного объекта и “якобы до — после” с контрольной группой, Ядов находит моему “наблюдающему участию” новое определение: НАТУРНЫЙ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТ (ах, вот откуда наукообразно-”обидное” выражение: “квазиэкспериментальное исследование”, — у моего рецензента В. Григорьева в “Социологическом журнале», 2003, № 2).

Цитирую (в основе — текст учебника 1995 г., но существенно отредактированный, так что стоит перечитать...)

“...Натурный квазиэксперимент — особый случай (эксперимента. — А.А.). Здесь исследователь руководствуется логикой эксперимента “до — после”, но, во-первых, не жестко контролирует фоновые воздействия и, во-вторых, создает экспериментальную ситуацию своими действиями в качестве участника “жизненной ситуации”. Будучи исследователем, он вместе с тем выполняет функцию “экспериментальной переменной”. Подобное экспериментирование имеет место в “провоцирующих” полевых исследованиях.

Рассмотрим пример. Петербургский социолог А.Н. Алексеев (в то время — ленинградец) предпринял ПРОВОЦИРУЮЩИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (еще одно определение! — А. А.) на заводе Полиграфмаш. Будучи научным сотрудником, он поступил на завод слесарем-расточником (а мы удивляемся, что М. Маколи путает... Уж Ядов-то, сам когда-то токарь, мог бы и помнить, что “слесарей-расточников” не бывает! - А. А.), причем о его академическом статусе первоначально никто, кроме руководства, осведомлен не был (позже он этого уже не скрывал). Исследователь имел цель изучить реальные нормы, регулирующие производственные отношения в рабочем коллективе. Будучи рядовым рабочим, активно общаясь в этой среде он столкнулся с непонятным фактом. (Ну, дальше — повтор из учебника 1995 г. Но на компьютере продублировать недолго... А. А.). Все нарушают хорошо известные инструкции: и рабочие, и мастера, и инженеры, и администраторы. Но мастер “накапливает” материал на рабочих, скажем, прогульщиков. И предъявляет этот материал лишь тогда, когда по каким-то, не обязательно деловым соображениям захочет освободиться от нарушителя дисциплины, “разгильдяя” Петрова. Высказанные в официальной обстановке аргументы не вызывают возражений. Мастер добивается увольнения.

Алексеев начинает искать теоретические объяснения этого феномена в социопсихологических и социологических подходах. Он приходит к выводу, что следует различать “демонстрируемые” социальные установки и ценности, официально поддерживаемые в данной системе отношений, а с другой стороны — ценности и установки, реально “управляющие” поведением. Идя дальше, он ставит вопросы, выдвигает гипотезы, которые проверяет наблюдением, в беседах, провоцирующими действиями. Вопрос, например, такой: насколько среди рабочих приняты ценности инициативы и добросовестности? (Конец повтора из учебника 1995 г. — А. А.).

Алексеев проверяет научную гипотезу собственными “экспериментальными поступками”: новый РАСТОЧНОЙ СТАНОК (да пресс же, пресс координатный с револьверной головкой!! Можно сказать и короче: “координатно-револьверный пресс”... Интересно, что новый начальник цеха Данилушкин., из комсомольских работников, при первом знакомстве с социологом-рабочим тоже умудрился спросить: “Как поживает Ваш координатно-расточной пресс?” — А. А.) не работает, так как не соблюдены нормативы эксплуатации и приходится изобретать “рационализаторские приемы”. Когда он обращался со своими рационализаторскими предложениями к руководству, то слышал ответ: “Тебе что, больше всех надо?” А если он маскировал свое предложение под вынужденное действие оно принималось. Надо было сказать: “Если мы этого не сделаем, нам попадет”. Таким путем Алексеев проверил гипотезу о регулятивных и демонстрируемых нормах производственных взаимоотношений.

В массовых обследованиях 1970-х гг. инициативность и творчество часто лидировали в ряду ценностных ориентаций, а в действительности, по наблюдениям Алексеева, они не выполняли регулирующую функцию.

Между прочим, его проверка статуса ценности “добросовестной работы” показала тогда, что эта ценность сохраняет положение “реально регулирующей поведение”, но... при условии достаточной свободы самоорганизации работника и справедливости оплаты его труда.¹⁵⁵

Натурный квазиэксперимент А. Н. Алексеева нельзя отнести к строгому контролируемому эксперименту. Это демонстрация экспериментальной логики социологического анализа. Данные для изучения ситуации извлекаются не количественными (статистическими) процедурами, но путем использования качественных методов...” (с. 366-367).

Ну, как-то в главе о “жестких” методах стало “гуманисту” Алексееву неуютно... Но, спасибо, вспомнила о нем и ядовский соавтор **В.В. Семенова**, которой в этом же учебнике 1998 принадлежит особая глава: “качественные методы в социологии”. Прочитую:

“...**Позиция исследователя.** Следует иметь в виду две основные особенности позиции исследователя при качественном подходе.

Первая состоит в том, что, в отличие от роли аналитического, беспристрастного регистратора фактов, социолог занимает здесь двойственную позицию — “СОЧУВСТВУЮЩЕГО” УЧАСТНИКА и “СТОРОННЕГО” НАБЛЮДАТЕЛЯ.

Роль “сочувствующего”, погруженного в события, необходима для понимания высказываний и действий “объектов” в их собственном толковании. Позиция “соучастия” может различаться по степени погружения: от простого сочувствия, сопереживания (в процессе повествования или фокусированного интервью, анализа биографического текста, жизненной истории) — до более активного соучастия (в случае включенного наблюдения, при этнографическом исследовании) и ВПЛОТЬ ДО АКТИВНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, ВНЕСЕНИЯ В СИТУАЦИЮ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ, ПРОВОЦИРУЮЩИХ ИЗМЕНЕНИЯ¹⁵⁶ (в случаях включенного наблюдения, эксперимента или социальной терапии). Такова, например, СТРАТЕГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ПОМОЩИ ВВЕДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ СО СТОРОНЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ, как ее использовал А. Н. Алексеев в названном выше “провоцирующем” эксперименте (см. с. 366, а также [2],[3]).

Позиция стороннего наблюдателя необходима для сохранения определенной дистанции...” (с. 414)

Итак, “стимулирующее включенное наблюдение”, “наблюдающее участие”, “провоцирующее наблюдение”, “провоцирующий эксперимент”, “натурный квазиэксперимент”, будет еще — “стимулирующее участие”... Таков вроде еще и не полный набор используемых Ядовым (и его коллегой...) для данного метода терминов.

Уместен оказался “социолог-испытатель” аж в 3-х разделах последнего издания учебника: о “прямом наблюдении”, о “социальном эксперименте” и о “качественных методах”. Что, пожалуй, справедливо, и даже позволяет автору не без удовлетворения отметить, что ни в одну из рубрикаций он однозначно не укладывается.

Сам Ядов в предисловии к несостоявшемуся изданию 1993 г., а затем в рецензии на “Драматическую социологию...” 1997 г. писал:

“...Сам А.Н. назвал свой метод “НАБЛЮДАЮЩИМ УЧАСТИЕМ”, книгу первоначально в рукописи озаглавил “ПОЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ”, А В ОПУБЛИКОВАННОМ ТЕКСТЕ — “ДРАМАТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ”. Все три наименования отражают суть его метода достаточно точно...” (Цит. по: Алексеев А. Н.

¹⁵⁵ А. Алексеев избрал стратегию “провоцирующего” изучения социальной реальности, подвергая себя многообразным опасностям, вплоть до преследования со стороны советских властей и КГБ (см. его работу, названную “Драматическая социология” [3] (с. 367). (Это, понятно, примечание В.А.дова. – А. А.)

¹⁵⁶ Активная позиция является объектом дискуссий сторонников и противников такого вмешательства. одни считают, что функция социолога не выполнена до конца, если после его ухода ничего не изменилось в жизненной практике людей. Другие уверены, что предварительно надо подумать, не может ли такое вмешательство привести к ухудшению реальной ситуации или травмировать респондента... (с. 414). (Это – примечание В.В. Семеновой. – А. А.)

Но вернемся к книге Анны Готлиб “Качественное социологическое исследование...” (2004). Собственно, приведенное выше, подстрочное примечание на стр. 231 этой книги и дало старт моему “путешествию” по разным изданиям учебника Ядова. Ибо “споткнулся” я на этом термине — **СТИМУЛИРУЮЩЕЕ ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ** (раньше как-то его не замечал, хоть к “провоцирующему...” и успел привыкнуть).

А что?! Можно и так называть... Разве “провокативное” воздействие не “стимулирует” людей к реактивным действиям, а ситуацию — к самораскрытию?

На том бы, наверное, и закончилась инвентаризация известных мне синонимов *наблюдающего участия*, если бы... не одно примечание, которое делает Ядов в пятом издании своего учебника (1998), при объяснении того, чем же “наблюдающее участие” отличается от “включенного наблюдения”.

Сначала цитата (из раздела “Прямое наблюдение”):

“...В зависимости от положения наблюдателя различают *соучаствующее* (или включенное) и *простое* наблюдения. В первом исследователь имитирует вхождение в социальную среду, адаптируется в ней и анализирует события как бы “изнутри”. В простом наблюдении он регистрирует события “со стороны”. В обоих случаях наблюдение может производиться открытым способом и инкогнито, когда наблюдающий маскирует свои действия... Одна из модификаций включенного наблюдения — так называемое (*им же В.А. Ядовым и называемое... — А. А.*) **СТИМУЛИРУЮЩЕЕ** ИЛИ “**НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ**”, В ПРОЦЕССЕ КОТОРОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОЗДАЕТ НЕКОТОРУЮ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНУЮ ОБСТАНОВКУ, ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫЯВИТЬ СОСТОЯНИЯ ОБЪЕКТА, В ОБЫЧНОЙ СИТУАЦИИ “НЕПРОСМАТРИВАЕМЫЕ”. *)

В варианте “*наблюдающего участия*”, разработанном А.Н. Алексеевым, наблюдение напоминает натурный эксперимент, в котором ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВВОДИТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ИЗНУТРИ САМОЙ СИТУАЦИИ И НЕ РЕДКО ИМПРОВИЗИРУЕТ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ [2, кн. 1, С. 16]...” (с. 195-196).

Но тут самое интересное — *подстрочное примечание* Ядова:

“...*) Этот вид наблюдения (*т. е. «стимулирующее» или «наблюдающее участие»*. — А. А.) особо подчеркивает БОЛГАРСКИЙ СОЦИОЛОГ С. МИХАЙЛОВ, справедливо считая, что важная конструктивная роль должна принадлежать СТИМУЛИРУЮЩЕМУ НАБЛЮДЕНИЮ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕМУ АКТИВНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПОЗИЦИЮ СОЦИОЛОГА [173. С. 245-247]. В то же время социальные психологи применяют метод наблюдения экспериментальных ситуаций, в которых наблюдатель провоцирует определенные действия, например, фиксирует, как ведут себя пассажиры в ситуации, где предполагается уступить место инвалиду, пожилому человеку и т. п....” (с. 196).

В списке литературы:

[173] Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование. Пер. с болг. М.: Прогресс, 1975

Ах, вот откуда — СТИМУЛИРУЮЩЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ! Выходит, не Ядов, а Стоян Михайлов придумал, причем давно...

Имя **Ст. Михайлова**, наверное, самого известного, после покойного классика — Живко Ошавкова, болгарского социолога, мне хорошо знакомо. Надо сказать, что еще в 60-х гг. я “открыл” (для себя...) плеяду болгарских философов и социологов: Величко Добриянова, Любена Николова, Стояна Михайлова, некоторых других, которые, будучи вполне правочерными марксистами, не были дремучими, как некоторые советские академики, и импонировали мне своим системным мышлением и не конъюнктурными писаниями

Например, **В. Добриянов** (ныне покойный) — автор книги “Теории и истории”, или Ст. Михайлов (ровесник Ядова; никогда не интересовался, но уверен, что они и

знакомы...) — автор книг “Общество как система” и “Эмпирическое социологическое исследование”. Последний, между прочим, в конце 1970-х стал секретарем ЦК БКП (по идеологии...). Ну, не сочтем это за компрометирующее обстоятельство.

Мое прикосновение к болгарской, в частности, теоретической социологии было стимулировано знанием болгарского языка, приобретенным на филфаке Университета. Так что я читал С. Михайлова и др. по-болгарски раньше, чем они были переведены (впрочем, и переводили болгар на русский активно...).

В 2000 г. этот давний эпизод моей профессиональной биографии был “воскрешен” случайной встречей с современной болгарской социологиней Светлой Колевой, которой я, кажется, подарил свою “Драматическую социологию...” (1997), а она мне прислала большой болгарский “Энциклопедический словарь по социологии” (1997) под ред. Ст. Михайлова.

И в том 4 “Драматической социологии...” (2005) помещены в “Эпистемологических дебатах” мои переводы трех статей из этого словаря, принадлежащих как раз Ст. Михайлову: “Наблюдение”; “Эксперимент, социологический”; “Анкета, косвенная”... Эти темы для автора не случайны, поскольку С. М. — автор первого болгарского учебника по “методологии и процедурам” социологического исследования (изданного в Болгарии в 1973 г., а переведенного на русский в 1975-м; напомню, что ядовский учебник вышел в издательстве “Наука” в 1972 г.).

Итак, по поводу “стимулирующего” наблюдения (участия...) Ядов ссылается на книгу Ст. Михайлова (1975 г. изд.). Открою-ка эту книгу, на указанной В.А. странице. А там... Вот неожиданность!

Из книги Ст. Михайлова “Эмпирическое социологическое исследование” (М.: Прогресс, 1975):

“...**Симуляционный метод** (!! — А. А.). Это разновидность наблюдения. И тут непосредственно наблюдается поведение исследуемого лица, но в особой обстановке, созданной автором исследования экспериментально. В связи с этим симуляционный метод можно рассматривать и как вид эксперимента. Отличие его от эксперимента в собственном смысле слова заключается в том, что при симуляционном методе социолог создает ситуацию, которая известна или в которой люди уже участвовали, и при эксперименте вводится новая социальная форма, которая раньше не существовала.

СИМУЛЯЦИОННЫЙ МЕТОД нужен тогда, когда программа исследования включает такие качества исследуемых лиц, которые не проявляются в обычных условиях, или же когда нужно проверить наличие и силу каких-то качеств. Например, в обычных условиях качество “смелость” проявляется редко, но имеются случаи, когда некоторые люди проявляют себя очень смелыми. Если это качество фигурирует в программе исследования, можно создать искусственно ситуацию, в которой исследуемое лицо проявит свою смелость, если обладает таковой, и покажет, в какой степени оно является смелым.

Вообще, этот метод используют главным образом для раскрытия психофизиологических качеств, а также ОСОБЕННОСТЕЙ ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ ЛЮДЕЙ — морали, политических взглядов, эстетического вкуса и т. д.

В системе обучения симуляционный метод применяется часто. Учебная боевая тревога в казарме, ограничение скорости движения на данном участке без объективной необходимости в этом с целью проверки дисциплинированности водителей и т. д. являются аналогичными средствами.

При использовании симуляционного метода следует очень хорошо подготовить и решить три вопроса.

Первый. Как подготовить ТАКУЮ ИСКУССТВЕННУЮ СИТУАЦИЮ, КОТОРАЯ НИЧЕМ НЕ БУДЕТ ОТЛИЧАТЬСЯ ОТ ЕСТЕСТВЕННОЙ и непременно вызовет реакцию исследуемого лица по вопросам, интересующим анкетера. Если искусственная ситуация создана, но не вызывает реакцию исследуемого лица, то вся работа пропала. Очевидно, между ситуацией и интересами исследуемого лица должна быть какая-то тесная, существенная связь, чтобы оно не осталось безразличным к тому, что вокруг него происходит.

Второй. Необходимо обеспечить полную тайну этого эксперимента. В частности, это требует найти достаточно естественный повод для того, чтобы втянуть исследуемое лицо в данную ситуацию.

Третий. Надо определить порядок наблюдения и записи результатов. При наблюдении нельзя ничего опускать из поведения исследуемого лица в искусственно созданной обстановке. присутствие анкетера (*стоит заметить, что термин анкетер в болгарской научной традиции означает “человека, занимающегося непосредственным сбором информации.* — А. А.) должно быть “узаконено”; оно также должно быть естественным и ни в коем случае не влиять на поведение исследуемого лица. Если нужно, для этой цели наблюдение может быть организовано скрытно.

Вряд ли нужно подчеркивать, что симуляционный метод и по предмету, и по своему охвату является ограниченным. Его нельзя использовать при широком круге явлений, для изучения большого числа лиц, так что решение проблемы представительности информации при этом методе наталкивается на ряд затруднений. Вот почему симуляционный метод обычно используется как ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ, ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ метод” (с. 245-247).

Так, все же — СТИМУЛИРУЮЩЕЕ НАБЛЮДЕНИЕ или СИМУЛЯЦИОННЫЙ МЕТОД?! Ну, тут можно выдвинуть несколько *версий* или, как принято говорить в “научном дискурсе”, *гипотез*.

Первая — “конфузная” (уповаю на ядовское чувство юмора, если он прочитает эти строки...): В.А. в 1987 г. (когда впервые ввел свой термин...) перепутал “симуляцию” со “стимуляцией”! Смешно, но с кем не бывает... И на Солнце случаются пятна! А дальше так и пошло, во всех изданиях... Только все же неправдоподобно!

Другая версия: Ядову хотелось как-то “протащить” в учебник, открывающийся (пока еще...) вступительной статьей “Актуальные методологические проблемы марксистско-ленинской социологии” (книга подписана к печати в ноябре 1987 г., а рукопись-то представлялась в изд-во “Наука” задолго раньше...) своего опального (тогда...) сотрудника.¹⁵⁷

Слова “экспериментальная социология” и “наблюдающее участие” у В.А. “на слуху”. Сколько на эту тему нами проговорено, да и отчетов понаписано... А есть ли понятийно-терминологические прецеденты? Тут Ядову вспомнилась классификация Ст. Михайлова (и впрямь, ссылка уместна: что такое “эксперимент социолога-рабочего”, как не создание “такой искусственной ситуации, которая ничем не будет отличаться от естественной...” (см. выше).

Ну, сослаться на болгарского социолога В.А. здесь не стал, тем более, что и своего-то спокойнее упомянуть только в библиографии (он же из партии все еще исключен...), а просто переименовал термин! “Симуляция” — как-то “неблагозвучно”... А вот “стимуляция” — в самый раз! *Стимулирующее включенное наблюдение...* Вполне подходит, хоть и в совсем другом отношении!

Далее, переписывая этот сюжет из третьего издания учебника в четвертое и из четвертого в пятое, В. А. все больше приближался к авторской терминологии: *стимулирующее наблюдение* (по Ядову) = *наблюдающее участие* (по Алексееву). (Кстати, “драматическая социология” все более укореняется в разных разделах ядовского учебника. Правда, без этого термина... И правильно! В учебнике предпочтительны терминологическая осторожность и здоровый консерватизм).

В пятом издании В.А. вспоминает о “первоисточнике” (поводе для?..) своего термина — *стимулирующее наблюдение, или участие* (по Ядову-Алексееву) = *симулирующий метод* (по Ст. Михайлову). Отождествление здесь как бы латентное (просто указанием на страницы источника...). Самое замечательное, что и то, и другое, и третье (*наблюдающее участие*) — в общем правомерны, лишь по-разному акцентируя, выделяя разные аспекты единой, достаточно богатой “тотальности” метода.

¹⁵⁷ См. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 2 СПб.: Норма, 2003

Эта вторая версия — тоже довольно комична. Но, по крайней мере, не “обидна” для акторов (авторов).

Завершая свои текстологические, терминологические и “историко-научные” изыскания, хочу заметить все же, что и у Ядова случаются “накладки” (хоть, по преимуществу, и изящные...) и “переборы”... Вот, например, в своем предисловии к “Драматической социологии...” (1997), а затем — в рецензии на нее же, опубликованной в “Социологических исследованиях” (1999, № 1), В. А. пишет, что А. “...стал основателем нового направления в отечественной социологии — *социологии действующего участия*”.

Во-первых, “ДЕЙСТВУЮЩЕЕ УЧАСТИЕ” — это что-то новенькое... Может оговорка? Во-вторых, насчет “ОСНОВАТЕЛЯ” — явный перебор. Хоть и спасибо за комплимент, конечно...

Р. С. Перелистывая ядовскую “Стратегию социологического исследования” (пятое издание учебника, 1998), нашел “себя” еще и в приложениях: “Аннотированный список литературы 1984-1997 гг. по методологии, методам и технике социологического исследования”. Там есть раздел: “*Методы и техника, применяемые в стратегии качественного анализа*”.

Из этого раздела (с. 514):

Алексеев А.Н. Драматическая социология. Эксперимент социолога-рабочего. Кн. 1, 2. — М.: Институт социологии РАН, СПб. филиал, 1997.

Представлены результаты исследования автора за десятилетие (1978-1988). Название “драматическая социология” объясняется тем, что метод избранный автором предполагает ПРОВОЦИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО АВТОРСКОМУ СЦЕНАРИЮ, а также и тем, что сам исследователь подвергался за свою работу преследованиям со стороны советских властей. Центральное место в книге занимает история необычного эксперимента: работы А.Н. Алексеева на промышленном предприятии в качестве СЛЕСАРЯ-РАЗМЕТЧИКА (*о Боже! еще и “разметчик”!* — А. А.) с исследовательскими целями. Автор называет свой методологический подход “НАБЛЮДАЮЩИМ УЧАСТИЕМ”, “ПОЗНАНИЕМ ЧЕРЕЗ ДЕЙСТВИЕ”, “ИССЛЕДОВАНИЕМ СЛУЧАЯ”. Методический опыт осмысливается в контексте дискуссий о соотношении позитивистского (“жесткого”, количественного) и понимающего (“мягкого”, качественного) направлений в социологии.

Алексеев А.Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: Институт социологии РАН, 1997.

Рассматриваются ключевые понятия оригинального методологического подхода, предложенного автором в исследовании “Человек в системе производственных отношений”. Это — НАБЛЮДАЮЩЕЕ УЧАСТИЕ, МОДЕЛИРУЮЩИЕ СИТУАЦИИ, СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНОЕ И ТВОРЧЕСКИ-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ и др. Приведены фрагменты документов наблюдений, писем, дневников, написанных автором в период проведения исследования.

Как я понимаю, эти аннотации писала **О.М. Маслова**. Спасибо, Оля!

Вместо заключения

Пожалуй, заслуживает быть приведенным здесь фрагмент на методологические темы из *первой* публикации автора об “эксперименте социолога-рабочего” (1982). Кстати, той самой, на которую ссылается В. Ядов в третьем и четвертом изданиях своего учебника (1987; 1995). Итак:

“...В ходе проводимого эксперимента нами предпринята попытка обоснования и индивидуального испытания научно-практического ПРИНЦИПА “АДАПТАЦИОННОГО ФОРМОТВОРЧЕСТВА” ИЛИ **СОЦИАЛЬНО-НОРМАТИВНЫХ ПРЕЦЕДЕНТОВ**. Этот принцип учитывает высокую социально-экономическую и социально-психологическую инерционность функционирования общественного, в частности, производственного организма и рассчитан на “подготовку почвы” для необходимых и, в известном смысле, неизбежных социальных преобразований. Названный принцип состоит в НАПРАВЛЕННОМ, НО НЕ ФОРСИРОВАННОМ РАСШАТЫВАНИИ “РУТИННОГО” БЛОКА

СОЦИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ НОРМ-СТЕРЕОТИПОВ В КОНКРЕТНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ И В СОЗДАНИИ НАКАПЛИВАЮЩИХСЯ ПРЕДПОСЫЛОК ЕГО ОБНОВЛЕНИЯ И ЗАМЕЩЕНИЯ. Это может осуществляться за счет ненавязчивого задания таких образцов индивидуального и коллективного поведения, которые отвечают массовым ценностным ориентациям, пусть пока вопреки господствующим нормам-стереотипам.

В научно-методическом плане предпринято обоснование и производится опробование МЕТОДИКИ НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТИЯ, предполагающей, в отличие от сложившегося методического стереотипа, активную позицию так называемого “включенного наблюдателя” в процессе научно-практического освоения, овладения социальной средой. В реализации этого метода ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО В ЕЕ “ЕСТЕСТВЕННОМ ВИДЕ”, НО И ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ РЕАКЦИЙ СРЕДЫ И ПОСЛЕДСТВИЙ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫХ, ИЗБИРАТЕЛЬНО АКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ.

В концептуально-мировоззренческом плане предпринятый опыт дает материал для обоснования выдвигаемого нами ПРИНЦИПА **ЕДИНСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, РЕФЛЕКСИИ И ИГРЫ**, КАК ЭФФЕКТИВНОГО СПОСОБА РЕАЛИЗАЦИИ АКТИВНОЙ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ. Полагаем также, что для исследования возможностей и путей такой реализации в конкретных социальных условиях уместно ЛИЧНОСТНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЕ.

(Алексеев А.Н.. Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта “экспериментальной социологии”) / Проблемы социального познания и управления. Томск: Изд-во Томского университета, 1982, с. 169-170)

Все эти соображения были неоднократно повторены и позже, однако впервые их удалось опубликовать в **1982 г.**, в сборнике, вышедшем под редакцией тогдашнего руководителя социологической лабораторией Томского университета **Л.С. Гурьевой**. Спасибо, Люда!

А. Алексеев

Июль 2006 – июль 2012 г.

(Алексеев А.Н. Многообразие экспликаций и синонимический ряд “наблюдающего участия”(Опыт текстологического анализа, с тяготением к историко-научному) // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012, № 6).

+++

Глава 24

ДИСКУССИЯ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

(О нарративной идентичности, о жизненном выборе, о натурном эксперименте)

Содержание главы 24

Несколько вступительных слов

24.1. Д. ШАЛИН. В ПОИСКАХ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: К ДИАЛОГУ АНДРЕЯ АЛЕКСЕЕВА И ДМИТРИЯ ШАЛИНА

24.2. А. АЛЕКСЕЕВ. НА СТЫКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ (ЧИТАЯ ДМИТРИЯ ШАЛИНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА)

24.3. А. АЛЕКСЕЕВ. 30 ЛЕТ «В СТРОЮ» (МОЕ ЧЛЕНСТВО В КПСС)

24.4. Б. ДОКТОРОВ: ДИСКУССИЯ ЧЕРЕЗ океан

24.5. Д. ШАЛИН. ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ НАТУРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА: ОТВЕТ АНДРЕЮ АЛЕКСЕЕВУ

24.6. А. АЛЕКСЕЕВ. ЗАЩИТА НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТНИКА

Вместо эпилога

**

[Данная глава дословно совпадает с текстом композиции, подготовленной для интернет-журнала Евгения Берковича «Семь искусств». ¹⁵⁸ – А. А. Август 2013]

Несколько вступительных слов

Себя представлять здесь не стану, поскольку читатель имел возможность хотя бы бегло ознакомиться с предыдущими материалами рубрики «Драматическая социология» интернет-журнала «Семь искусств».

Моего коллегу и оппонента представлю извлечением из одной из нижеследующих статей:

«...Дмитрий Шалин – «русский американец», советский кандидат наук и американский профессор, социолог и культуролог, один из ведущих в мире специалистов в таких областях научной мысли как прагматизм и интеракционизм, автор десятка книг, создатель оригинального исследовательского направления, названного им *био критическая герменевтика*.

«Биокритическая герменевтика находит свой предмет на пересечении биографии, культуры и теории. Она изучает эмоционально-соматическую составляющую

¹⁵⁸ См. <http://7iskusstv.com/index.php>.

дискурсивных практик, воплощение знаков в индивидуальном бытии, (рас)согласование слова, дела и аффекта в жизни исторических субъектов, и роли (авто)биографического нарратива в накоплении и передаче опыта культуры» ([Шалин Д. Тезисы к концепции биокритической герменевтики](#)).

<...> Д. Шалин, вот уже большую часть жизни (35 лет из 60 с лишним) живущий в США и более охотно изъясняющийся по-английски, чем по-русски, тем не менее идентифицирует себя в качестве ученика И.С. Кона и В.А. Ядова, и с российской культурной средой и научным сообществом его связывает нечто большее, чем деловые контакты и академический интерес. Им реализован ряд проектов, относящихся к интеллектуальной жизни России и ее трансформациям в последние десятилетия. Отнюдь не периферийным профессиональным сюжетом стало для Д. Шалина создание, в рамках возглавляемого им Центра демократической культуры Университета Невады (Лас Вегас), американо-российского интернет-проекта [«Международная биографическая инициатива»](#) (МБИ), содиректором которого (вместе с другим «русским американцем» Борисом Докторовым) он является. <...>

Наш с Дм. Шалиным диспут по достаточно широкому и разнообразному кругу вопросов (от способов критического прочтения автобиографических текстов до путей жизненного самоопределения советской / российской интеллигенции, от включенного наблюдения до наблюдающего участия, от методологических до этических императивов социального познания) развернулся параллельно в Сети ([на сайте вышеупомянутого интернет-проекта](#)) и на страницах [петербургского социологического журнала «Телескоп»](#).

Стоит отметить, что настоящая дискуссия протекала (по крайней мере, в заключительной своей части) в контексте Форума МБИ «Биографика, социология и история» (2011-2012). Некоторые из нижеприводимых статей имели в качестве предшественников реплики на указанном Форуме.

Пожалуй, дальнейшие предварительные замечания избыточны. Предупредим лишь, что, встретив в наших текстах некоторые не знакомые лица (как правило, это социологи), читатель может рассчитывать, что они, пусть не сразу, высветятся вполне отчетливо.

А. Алексеев. 15.08.2013

24.1. ДМИТРИЙ ШАЛИН. В ПОИСКАХ НАРРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: К ДИАЛОГУ АНДРЕЯ АЛЕКСЕЕВА И ДМИТРИЯ ШАЛИНА

(Опубликовано в: [Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 3 \(87\)](#), с. 3-23. Здесь приводится в [расширенном варианте](#), представленном на сайте Центра демократической культуры Университета Невады)

Эта статья связана с проблемой реконструкции нарративной идентичности в авто/биографическом исследовании, с особенностями дискурса эмигранта и человека оставшегося в России, и с этическими аспектами натурального эксперимента как формы социологического познания.

Ключевые слова: биокритика, биокритическая герменевтика, нарративная идентичность, дискурс социолога / эмигранта, дискурс социолога / россиянина.

Вступать или не вступать, подписывать или не подписывать, выходить на площадь или не выходить – к этим моральным дилеммам хорошо знакомым советской интеллигенции времен застоя в середине 70-х добавилась еще одна – уезжать или не уезжать. Далекое не все имели возможность эмигрировать в то время, а те, кто имел, должен был считаться с возрастом, знанием чужого языка, опасностью осесть в отказе. Решение об отъезде могло негативно сказаться на родственниках и коллегах по работе. Да и сама готовность оставить родину вызывала не однозначную реакцию в среде

интеллигенции.

Вопрос об эмиграции, добровольной и недобровольной, широко обсуждался в западноевропейской классике. Марк Туллий Цицерон неоднократно возвращался к этому сюжету. Затрудняясь выбрать сторону Цезаря или Помпея в гражданской войне, Цицерон уйдет в добровольную ссылку, где в письмах своему другу Аттику сформулирует серию этических дилемм, приобретших статус канонических в римской, византийской и позднеэллинистической античности:

Правильно ли оставаться в стране, когда в ней господствует тирания. Все ли средства хороши в борьбе с тираном, если при этом само существование государства оказывается под вопросом. Что если освободитель сам обернется тираном. Следует ли бороться с тиранией в своей стране с помощью аргументов или военными средствами. Выполнил ли человек свой гражданский долг, удалившись от дел на чужбине, или он должен пойти на любой риск ради освобождения родины из-под власти тирана... Обязан ли человек подвергать себя опасности ради своей страны или, заботясь о себе и своих близких, может уклониться от борьбы с властьюими.[1]

Для Цицерона эмиграция оказалась вопросом жизни и смерти. После убийства Цезаря он никак не мог решить, присоединиться ли ему к сенатской партии и продолжить борьбу за республику или уйти в эмиграцию и навсегда оставить политику. В конце концов, он выбрал второй путь и направился в Македонию, но драгоценное время было упущено. Смерть настигла Цицерона 7 декабря 47-го года д.н.э. в пограничном городе, где его убили сыщики Марка Антония. По свидетельству Кассиуса Дио, жена Антония Фульвия затребовала голову Цицерона и истово втыкала заколку из волос в язык оратора как символа ненавистной партии власти свободы слова.[2]

Веком позже Плутарх вновь поднимет вопрос об эмиграции, но для литератора времен упадка Эллады и расцвета Римской империи это уже был вопрос скорее риторический. Фукидид, Ксенофон, Филисус – список distinguished мужей, закончивших свои дни в изгнании, более чем внушительен, и нет никаких оснований сомневаться в праведности их жизненного пути: “Все эти и многие другие изгнанники не предавались отчаянью, а полагаясь на свои способности, приняли ссылку как знак судьбы, распорядившейся, чтобы о них помнили и после смерти; те же, кто одержал над ними победу и из-за кого они оказались в изгнании, сейчас преданы забвению”.[3]

Личный выбор в условиях несвободы – центральная тема моего интервью[4] с сотрудниками Института конкретных социальных исследований (*правильное название в ту пору – Институт социологии АН СССР, сотрудниками Ленинградского филиала которого были собеседники Д. Шалина. – А. А.*), записанного на пленку 29 июля 1990 года в Ленинграде, куда я вернулся из США после 15-ти летнего отсутствия с попутными ветрами перестройки. За пять дней до беседы состоялось партсобрание коллектива, где большинство членов заявило о своем выходе из партии и роспуске первичной ячейки. Разговор начался с этого знаменательного события и затронул эволюцию сознания социологов, переход от морального противостояния к политическому, мотивы выхода из КПСС и желания ряда партийцев повременить с решением. Далее беседа перекинулась на события 75-го года, решение трех сотрудников ИКСИ (*расшифровка аббревиатуры: Институт конкретных социальных исследований. В 1975 году он уже назывался: Институт социологических исследований АН СССР. – А. А.*) эмигрировать из Советского Союза и негативным последствиям этого решения для их коллег. Алексеев предложил озвучить несколько документов из своего архива, включая копию докладной записки в горком КПСС о реакции института на события той поры. После обсуждения документов беседа перешла на мотивы, побудившие Шалина и его коллег искать убежища за рубежом.

Свои комментарии к этому интервью я хочу связать с проблемой

реконструкции нарративной идентичности в авто/биографическом исследовании, с особенностями дискурса эмигранта и человека оставшегося в России, а также с этическими аспектами натурального эксперимента как формы социологического познания.

(Полный текст упомянутого интервью от 29.07.1990 см. выше: Из неопубликованных глав. Том 2/2, раздел 19.4. – А. А.)

Реконструируя прошлое, историк опирается на возможно более широкий круг источников – официальные документы, письма и дневники современников, мемуарные свидетельства участников событий, записанные по истечении времени. У каждого источника есть своя сверхзадача и, следовательно, тенденция представлять события в определенном свете. Именно в этом ключе следует понимать замечание Тынянова: где кончается документ, там начинается работа интерпретатора. Пример тому справка в горком КПСС о профсоюзном собрании сектора социальных проблем личности и социалистического образа жизни от 26 июня 1975 года.

“Главная задача этого документа была – защитить Ядова” (В.А. Ядов – в ту пору зав. сектором Института социологических исследований, а с апреля 1975 г. – сотрудник Института социально-экономических проблем АН СССР. – А. А.) , - подчеркивает Андрей Алексеев, составитель докладной записки. - Что касается отъехавших, то они по тем понятиям для нас были уже покойники. Спасать надо живых”.

(Здесь и далее Д. Ш. использует материалы, представленные им в записи интервью с петербургскими социологами в июле 1990 г.: «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической». См. выше: раздел 19.4. – А. А. Август 2013)

С этой задачей связаны некоторые неточности указанной записки. Так Буторин не мог “выбыть из комсомола по возрасту незадолго до обсуждаемого события”, как говорится в докладной, поскольку он родился в 1948-ом году, и в 1975-ом у него было три года до выхода из комсомола по возрасту. Беляева уволили из института в связи с его женитьбой на иностранке, а не в связи с подачей заявления на эмиграцию, что произошло почти год после бракосочетания. Неверно и то, что Шалин был “немедленно отчислен из института” после подачи заявления на выезд (я уволился добровольно за полтора месяца до подачи заявления). Сомнительные сведения встречаются в других сегментах интервью. Отъезд Беляева не мог повлиять на поведение Буторина и восприятие его коллегами, поскольку Буторин выехал из СССР в ноябре 1974, за полтора года до Беляева. В интервью упоминается прогул Павла Буторина и письмо из вытрезвителя по поводу его скандального поведения, что, согласно воспоминаниям Леонида Кесельмана, послужило формальным поводом к его увольнению. Павел человек не пьющий, с вытрезвителями дел он не имел, хотя за ним была установлена слежка КГБ. Вопрос о том, уволился ли Буторин по собственному желанию, попал ли он под сокращение штатов или был выдворен за какой-то проступок остался открытым в интервью.

А вот как обстояли дела по версии Буторина-Беляева. Павел работал на полной ставке в ИКСИ. В феврале 1974-го он женился на еврейской девушке, после чего его вызвал к себе Ядов и потребовал, чтобы Павел уволился. Причиной тому, как дал понять Ядов, было давление на администрацию института со стороны КГБ, требовавшего увольнения сотрудника заподозренного в желании эмигрировать. Павел отказался увольняться, после чего была сделана попытка исключить его из профсоюзной организации. Местный профсоюз не нашел причин для исключения, после чего администрация ИКСИ потребовала провести аттестацию данного

сотрудника. Павлу было предложено сдать экзамен, который, согласно дирекции, он провалил. В апреле-мае 1974-го Павел был уволен из ИКСИ по причине несоответствия должности. Приглашение из Израиля его семья получила в июне 1974. Исключали Павла из комсомола в Василеостровском райкоме, куда он пришел получать характеристику. В ноябре 1974-го Павел вместе с семьей покинул страну.

Я не уверен, что все в этой версии соответствует действительности и что она исчерпывает нюансы дела, но ее следует принять во внимание. Описываемая история подтверждает, как трудно восстанавливать ход событий и как легко могут искажаться факты по ходу изложения. Причем, искажения в данном случае были по большей части непреднамеренными, во всяком случае, в том, что касалось составителя записки, которому многие факты этой истории были неизвестны. Их можно понять, учитывая задачу докладной записки – вывести из-под удара зав. сектором Ядова и отрапортовать о реакции на идеологическую несостоятельность отдельных сотрудников института. Однако, искажения такого рода нужно корректировать, особенно когда речь идет о личной ответственности участников события.

По ходу интервью Андрей замечает, что для него “нравственное неприятие тех, кто уезжал в ту пору, связано с положением, в которое они ставили тех, кто остается. В некотором смысле поступок Буторина, который уволился раньше, был для меня нравственно вполне оправдан, в отличие от твоего отъезда”. Суждение Андрея задело меня за живое, и я поспешил возразить: “Это неправда. Я сначала уволился, сказал Ядову за несколько месяцев, что происходит, что я увольняюсь именно для того, чтобы как-то смягчить последствия”. В ответ на вопрос, что побудило меня к эмиграции, я пустился в рассуждения по поводу возможных мотивов: “Были люди, для которых это была политическая акция. Кто-то был в безвыходном положении. Были люди, для кого это была экономическая акция. Большинство, наверное, сочетали разные вещи – от неясности с карьерой до желания вывезти отсюда детей как можно скорее, до ощущения, что они задыхаются. Для меня субъективно – и я понимаю, что интеллигенты, они горазды находить аргументацию или рационализацию, – но у меня было такое чувство, что я лучше буду мыть стекла в Колумбийском университете, чем работать профессором в Ленинградском, настолько стало тошнить в какой-то момент... Маятник русской истории постоянно движется от, не знаю, Ивана Грозного к [?], от Николая Первого к Александру Второму, от Ленина к Сталину, от Сталина к [Хрущеву, и нет тому конца]. И думал: “Сейчас или никогда, надежды никакой нет, надо собираться, я не должен упустить этот момент””.

Пассаж этот пример ретроспективной реконструкции идентичности, продиктованной желанием объяснить себя себе и другим. Узловая парабола – лучше мыть полы в Колумбийском университете, чем профессорствовать в Ленинградском – указывает на стремление к свободе как смыслообразующем начале в моем решении покинуть страну. Так я мотивировал свое решение в 1975 году, но можно ли положиться на такое объяснение? Действительно, оно позволяет понять ход моих мыслей в то время, но его можно посчитать и рационализацией, желанием выставить себя в лучшем свете. Помимо политических здесь могли быть и другие мотивы – экономические, творческие, семейные. Развести объективные причины и субъективные мотивы такого рода решений сложно. Поступки, предшествующие решению эмигрировать, могут прояснить существо дела, как и послеотъездное поведение человека, но выяснение относительного веса факторов-мотивировок в случае отдельного человека дело бесперспективное. Важнее здесь проанализировать структуру мотивировок в дискурсе эмигрантов, покинувших Советский Союз в годы застоя и сравнить ее с авторефлексией оставшихся в России ученых.

На сайте [“Международная биографическая инициатива”](#) есть несколько интервью с социологами-эмигрантами, предлагающими более или менее развернутую

мотивацию своего решения расстаться с родиной. Особенно интересны в этом отношении беседы с Владимиром Шляпентохом, Эдуардом Беляевым, и Борисом Докторовым, а также интервью с недавно скончавшимся Борисом Работом.[5] Желание уехать социологи объясняют по-разному. В них есть как сугубо личные, так и более общие мотивы, как правило, связанные с политикой.

“Главная причина – за два года до нас туда уехал Саша, наш единственный сын. Скажу так: мы не уезжали из страны, мы ехали к Сане. Мне хотелось жить близко от него, и я не допускал, что типично для Америки, поиска работы в других штатах”.

Это свидетельство Бориса Докторова, уехавшего из России в постсоветское время (Борис эмигрировал в 1994). Отсутствие политической составляющей в его автобиографическом экскурсе можно объяснить датой отъезда.

Неприятие советской системы было решающим фактором для Владимира Шляпентоха:

“Четыре причины определяли мое желание покинуть страну: 1) невозможность самореализации, 2) невозможность увидеть мир, 3) отсутствие перспектив для моих детей и 4) вечный страх (перед) КГБ. Непосредственным толчком для принятия позорно откладываемого решения был вступительный экзамен моей дочери в МГУ, циничность которого была уже невыносима”.

Претензии к режиму копились годами, прозрение пришло не сразу.

“Конечно, я шестидесятник, хотя никаких иллюзий насчет советской системы у меня не было и после 20 съезда, который я встретил с восторгом, я твердо исходил из того, что тот социализм, который существует в СССР, есть “истинный” и другим по сути он быть не может, хотя и надеялся в 60-е годы на его смягчение”.

В интервью Володи вырисовывается эволюция сознания лояльного советского гражданина, который под влиянием хрущевской “оттепели” и 20-го съезда КПСС превращается в инакомыслящего интеллигента, чьи столкновения с антисемитизмом, партийным произволом, и репрессиями после чехословацких событий приводят его к решению эмигрировать.

Ключевым моментом в прозрении Эдика Беляева становится смерть Сталина.

“Для меня это был большой момент в моем интеллектуальном развитии. Я увидел, что начинаются перемены в Советском Союзе. Меня очень удивило, и я пытался понять, как это возможно, что Берия оказался врагом народа и его уничтожили. Я уже не верил в это время прессе, пытался понять, почему и зачем. Так что сомнения начались для меня задолго до 20-го съезда, со смерти Сталина. Отвечая прямо на твой вопрос (сомнения насчет коммунизма), я думаю, что это началось на последних курсах университета, и это связано с 20-м съездом, Венгерским восстанием, и тому подобными вещами”.[6]

Женитьба в 1973-ем году на француженке открыла Беляеву путь к эмиграции, но как подчеркивает Эдик, его брак не был фиктивным. Решение эмигрировать пришло позже, и брак, стоивший ему работы, ни в коей степени не гарантировал успеха в этом вопросе. Беляев уехал из России в феврале 1976-го после изнурительной борьбы за право воссоединиться с женой в Париже.

Прозрение по поводу советской системы наступило у Бориса Работы задолго до “оттепели”, но мысли об эмиграции появились значительно позже, с началом интенсивных контактов с западными учеными.

“Это было для меня тяжело психологически. Я раньше других понял, что такое Советская власть. Большинство моих товарищей, знакомых, которые стали либералами, пришли к этому выводу после XX-го съезда. У меня сложилось отношение к Советской власти значительно раньше, и это сделало жизнь невыносимой. Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке. Я понимал, что говорить ни с кем нельзя: слишком много стукачей. В компаниях, в товарищеских отношениях это было невыносимо”.

В конце 40-х Борис был избит сотрудниками КГБ за отказ сотрудничать с органами, что, однако, не помешало его карьере. Он защищает диссертацию, редактирует журнал “Наука и Религия”, становится помощником А.М. Румянцева (*академик Румянцев (1905-1993), в 1964-65 гг. – главный редактор газеты «Правда», в 1968-72 гг. директор Института конкретных социальных исследований АН СССР. – А. А.*), и возглавляет сектор экспериментальных ситуаций в ИКСИ. Работ упоминает растущий антисемитизм как один из факторов разочарования в системе:

“Я понимал, что черносотенцы в этой стране неистребимы. Я устал от еврейского вопроса, просто устал. Роба у меня не похожа на еврея, но по паспорту я еврей”.

Отставка Румянцева и чистка в институте усиливали желание податься в чужие края. После закрытия его сектора и уничтожения только что опубликованной книги, это решение становится вполне осознанным.

“После критики Ягодкина на партийном собрании, где обсуждали “Лекции” Левады, мою книгу и еще, по-моему, книгу Капелюша, было принято решение избавиться от моей книги, изъять ее из библиотеки. За что? За то, что я называл ведущих социологов Америки (Парсонса, Мертон и других) коллегами. “Как говорит мой коллега”, – писал я, и это больше всего возмутило Ягодкина. Постановили сдать книгу в утильсырье, но потом решили сжечь ее во дворе дома на костре. Меня об этом предупредили ребята. Было много свидетелей. Я туда не пошел, но попросил взять для меня несколько экземпляров. Это был последний мощный удар”.

Были и более личные, семейные обстоятельства, побуждавшие к отъезду, в частности знакомство с американкой, приехавшей в Союз по научному обмену. В марте 1976 года, после полутора лет в отказе, Борис получает разрешение на выезд.

Как мы видим, в дискурсе эмигранта эпохи Брежнева преобладают политические мотивы и реминисценции. Среди наиболее важных исторических событий, в ходе которых у интеллектуала открывались глаза на ущербность системы, упоминаются 20-й съезд, хрущевская “оттепель”, расширение контактов с Западом, вторжение в Чехословакию, свертывании либеральных реформ, разгром Института конкретных социальных исследований. Менее универсальны такие причины недовольства системой как давление КГБ, антисемитизм, невозможность поездок за границу, но и они указывают на системные факторы, предрасполагающие к эмиграции. Есть и частные обстоятельства (трудности с работой, разлад в семье, роман с иностранцем), которые могут сыграть роль последней капли или ускорить эмиграцию. Конечно, сомнения насчет советской системы еще не означали намерения покинуть страну. Решение это вряд ли могло возникнуть до тех пор, пока Брежнев не приоткрыл дверь легальной эмиграции в надежде улучшить дипломатические и экономические отношения с Америкой. В этом смысле можно рассматривать поправку Джексона-Ваника, принятую Конгрессом США в 1974 году и связавшую торговлю между двумя странами со свободой эмиграции, как *causa proxima* эмиграционного движения. Следует также помнить, что мы здесь имеем дело с ретроспективными реконструкциями, которые Альфред Шюц связывал с “because-motives” и противопоставлял проспективным объяснениям и “in-order-to-motives”. Это соображение нужно иметь в виду, когда мы сопоставляем автобиографический нарратив эмигранта с отчетом иммигранта о своих победах и поражениях на чужбине, которые в свою очередь могут оправдывать или ставить под вопрос решение об эмиграции.

В материалах МБИ (*сайт «Международная биографическая инициатива»*. – А. А.) есть много критики в адрес страны, где иммигрант нашел прибежище, в частности много нелестных сравнений между академическим миром США и России. Эдик Беляев:

“Потом меня очень разочаровали мои деловые контакты с другими американскими социологами. И на конференциях, и в личных контактах... они меня тоже осыпали презрением: “Американская социология – это да! а ваша...” И что было характерно для них всех, они презирали практический подход советской социологии, который я поддерживал, что было, в общем-то, удивительно... А Славянская кафедра от меня отказалась, хотя там была возможность закрепиться на полной ставке”.

Есть и разочарования в американском образе жизни:

“[М]еня настолько возмущает violence в этой стране, и коррупция в этой стране, что мне хочется уехать отсюда... коррупция в медицине, бизнесе, политике... Ну, слушай, Буш практически развалил страну, как развалил страну Горбачев. Это почти одно и то же. Хотя слава богу, что Горбачев развалил Советский Союз”. На вопрос, что привлекает в американской культуре, Беляев ответил так: “То, что меня оставляют в покое, никто мне не мешает делать то, что я хочу, читать то, что я хочу, жить, как я хочу. В этом, конечно, есть свои недостатки. По моему характеру, Дима, я ведь очень замкнутый человек, полагающийся на себя. По моему характеру это очень хорошо. И еще мне интересно то, что это страна самонастраивающаяся гигантская динамическая система. Я делаю упор на слове *самонастраивающаяся*. Это действительно делает страну великой. Мне это очень интересно в интеллектуальном плане”.

А вот ответ на вопрос, стоило ли уезжать из Советского Союза:

“О да. Я так ненавижу эту страну [смеется]... омерзительная страна. Боже мой, омерзительная страна, и я передаю мое чувство мерзости студентам... Но, видишь ли, Дима, я подхожу к этому честно в том смысле, что я даю им факты. Я не даю волю своим эмоциям в преподавании. Я не занимаюсь пропагандой. Я не даю им теории, я даю им факты “за” и “против”, я даю им российские аргументы, с которыми я часто согласен, и аргументы, с которыми я не согласен. Я заставляю их думать”.

Владимир Шляпентох не слишком высокого мнения о советской социологии, в особенности в ее теоретической части:

“Я утверждаю, что все лучшие советские социологи, там, где они не придумывали концепции, ныне абсолютно забытые, были в теории (с методами дело сложнее, и я поясню) вплоть до 1991 чистые ученики Запада”.

Но и западной социологии от него достается:

“Впрочем, я бы тогда испытывал меньше угрызений совести, если бы знал, что американская социология в 1980-1990-ые годы пережегляет нашу советскую социологию по давлению господствующей идеологии во много раз... Политкорректность идеологизировала социологическое образование не меньше, если не больше чем советская пропаганда после Сталина. С релятивизацией социальной науки исчезла потребность в серьезной методологии. Достаточно сказать, что на моей кафедре методы опроса не являются обязательной дисциплиной для аспирантов. Доклады многих аспирантов (они должны во время аспирантуры подготовить не менее двух публичных докладов) равно, как и их диссертации, носят жалкий характер. Аспиранты заменяют научный уровень идеологическим рвением. Большинство тем типа по истории партии в СССР. Критиковать аспирантские работы нельзя, ибо критика будет истолковываться как протест против их замечательных тем. Снижение общей требовательности приводит к тому, что все получают высшие оценки, а семинары аспирантов превращаются в болтовню мало подготовленных молодых людей при том, что профессор по сути ничего не делает, всех хвалит и сам по сути не рассуждает о предмете. Таковы мои впечатления, базирующиеся на опыте моей кафедры среднего университета”.

В дискурсе иммигранта-ученого обычно упоминаются профессиональные достижения в новом академическом мире, и интервью Шляпентоха тому пример:

“Конечно, примерно пять лет ушло на то, чтобы убедить научное сообщество в том, что я могу претендовать на равенство с кем угодно. Моя борьба за признание в Америке началось буквально в первые месяцы моего появления на этом континенте в июле 1979. Постоянный контракт с правительством обеспечил мне довольно-таки приятную жизнь и не потому, что я мог получать “летние деньги” (дополнительную двухмесячную зарплату), а потому, что я мог иметь двух помощников (один из них для

редактирования моих текстов), мог покупать в неограниченном количестве книги и фильмы, выписывать любое количество журналов и газет, совершать путешествия куда угодно и приглашать моих друзей из России. И, наверное, самое важное, что является предметом зависти и моих коллег, и моих двух детей (оба профессора): я могу “выкупать” лекционные курсы и иметь минимальную академическую нагрузку – один курс в год”.

Борису Докторову понадобилось время, чтобы найти себя в иммиграции и вернуться в лоно социологии.

“Когда я приехал, мне было 53 года: не юноша, но для американской пенсии – слишком молод; я и сейчас до нее еще не дорос. Мы узнали все прелести начала эмигрантской жизни: полное непонимание окружающего мира, безденежье, фуд-стемпы (квазиденьги для покупки продуктов), отсутствие работы и ее поиски. В какой-то момент я работал там, где белого физически и психически здорового американца практически не увидишь... Специальная служба начала помогать мне в поиске работы; я согласился на любую, лишь бы сразу (обычно надо ждать полгода) предоставили медицинскую страховку Люсе и мне. Вскоре я приступил к работе секьюрити в трех минутах ходьбы от дома; сначала по ночам, потом – приобретя опыт – по субботам и воскресеньям”.

Борис рассказывает о чувстве изоляции, сложностях с работой в академическом мире, роли интернета в контактах с американскими учеными, и, наконец, о возобновлении связей с коллегами из России и возвращении в социологию.

“Самая большая трудность в работе – это отшельничество, отсутствие возможности для постоянного нормального общения с коллегами... После возвращения в социологию я постоянно много публиковался, но особенно продуктивным оказался 2005 год. В июне при поддержке Фонда “Общественное мнение” вышла 10-листовая книга “Первопроходцы мира мнений”, а в декабре была закончена работа над 500-страничной рукописью “Отцов-основателей”. Здесь неоценимую помощь оказал Франц Эдмундович Шереги, еще в самом начале моих историко-наукоедческих поисков подружески сказавший мне: “Пиши книгу, я ее издам”... Прошло более десяти лет после моего отъезда, но я считаю себя российским социологом, живущим в Америке. Конечно, моя судьба – нелегка, непроста; но ведь каждый скажет: жизнь прожить – не поле перейти. Мои профессиональные пристрастия и добрые отношения с людьми, с которыми я работал десятилетиями, общий оптимизм помогли мне выстоять и, надеюсь, уже в последние годы сказать что-то новое в науке”.

Интересно было бы опросить российских интеллектуалов брежневской поры на тему эмиграции и сравнить их позицию с мотивировкой социологов эмигрантов. Любопытно, что как бы ни сложилась судьба эмигранта в Америке, никто из социологов, представленных в информационной базе МБИ [7] не сожалеет о своем решении покинуть страну. Но и их коллеги, навсегда связавшие свою судьбу с Россией, не считают свое решение ошибочным. Выбор был сознательным для тех и для других.

На мой вопрос был ли момент, когда появились мысли об эмиграции, Юрий Левада отвечает: “У меня не было, ни разу” [8]. С ним соглашается Лена Петренко. У Галины Старовойтовой не было практической возможности эмигрировать (ее отец работал в оборонной промышленности), но было четкое сознание выбора:

“Либо вот такой путь, то есть полностью аутсайдер, наблюдатель и созерцатель, что не в моей натуре, признаться. Либо эмиграция. Было два пути. На самом деле, тогда я ясно осознавала [выбор] – вступление в партию или эмиграция – для людей моего типа, потому что просто созерцателем в 30 лет я не могла быть” [9]. “И в “гетто” жить можно”, замечает Алексеев. “А кому становилось уж совсем невмоготу – эмигрировали, кто за рубеж, а кто в кочегарку” [10].

Игорь Кон рассматривал возможность остаться на Западе, но, в конечном счете, решил вернуться на родину, мотивируя свое решение следующим образом:

“Первый раз у меня была возможность остаться в 65-м году, [когда] я был три дня или два дня в Голландии. Можно было остаться, попросить убежища. Но такие мысли оставались абстрактными. Я думал, что подведу товарищей, есть начатая работа. Была надежда, что все-таки что-то образуется. Потом этих надежд уже не возникало... Один только раз я серьезно об этом думал – даже предупредил маму... Мама знала, и мой друг знал. Потом он страшно обрадовался, когда я вернулся. Но всегда сдерживало [сознание того], что я при деле, что делаю что-то важное. А что я буду делать [на Западе]? Ну, будет у меня другая кормежка, будут лучшие условия, но сомнения, зачем мне это нужно и что я от этого приобрету, были всегда. К материальным благам я был равнодушен, меня больше интересовала моя работа. Невыносимо стало в начале 80-х” [11].

В бионарративе социологов оставшихся в России особая роль отводится членству в коммунистической партии. Согласно Андрею Здравомыслову, “продвигаться в нашей области без партбилета было практически невозможно”. [12]

“В наше время быть обществоведом практически – на 99% – означало быть членом партии. Речь не шла о большой карьере, а просто о возможности заниматься гуманитарной профессией”, сообщает Алла Назимова [13].

Хотелось бы уточнить эту цифру. Перечитывая интервью в архиве МБИ, я обнаружил немалое количество известных социологов, которых эта чаша миновала – Галина Старовойтова, Леонид Гордон, Галина Саганенко, Александр Гофман, Олег Божков, Сергей Чесноков, Леонид Ионин, Алексей Левинсон, Георгий Щедровицкий... Не все беспартийные социологи сознательно выбрали эту стезю:

“В партию меня не принимали и до конца этой самой партии так и не приняли, хотя я несколько раз подавал заявление. Очевидно, у тех, кто его рассматривал, было безошибочное классовое чутье, - объясняет Леонид Ионин. - Мне говорили, что, не будучи членом партии, мне не защитит докторской, не получить профессорского звания, не поехать за границу и т. д. Я решил, что надо вступать и подал заявление. Несколько месяцев или даже лет секретарь партбюро Института социологии с косячками от постоянного вранья глазами (как секретарь в журнале, у Булгакова) говорил мне, что “нет анкеты”, тогда как я видел, что в институте принимают в партию кого попало. Я и бросил ходить к нему. И обе диссертации защитил, и за границу поехал и т. д”. [14]

Решение не вступать в КПСС могло быть сознательным шагом, вызванным желанием сохранить чувство собственного достоинства и относительную независимость. Вспоминает Галина Саганенко:

“Вот мы беспартийные с Божковым, к примеру, нас уже прихватить на эти крючки, на которые прихватывали этих партийных [сложнее]. У них же был колоссальный крючок – членство в партии. Там уже начинают мордовать, это монстр такой создан – членство в партии... Без этого, с одной стороны, никуда не пропускают, а с другой стороны, это такой крючок сумасшедший. Но вот когда нечего терять, то проще... могу привести пример, правда, не очень скромно приводить собственный пример. Я опубликовала две книги, и ни в одной книге – ни в первом абзаце, ни во введении – не сослалась ни на один съезд, не сослалась ни на одного Ленина. Это была ритуальная игра, которую на всякий случай все делали. Оказывается, не очень-то это требовалось”. [15]

У тех, кто вступил в партию, нет единого мнения об этом решении. Юрий Левада:

“Я не стеснялся того, что я занимал там партийную должность, потому что это немножко связывало руки таким людям, как Осипов, и немножко помогало что-то делать. И я тогда мог бы чуть-чуть похвастаться, хотя и ничего особенного, что ни в какие трудные времена у нас не только не уволили ни одного подписанта и ни одного еврея, а наоборот, изо всех сил брали на работу” [16].

Однозначную позицию по вопросу о членстве в коммунистической партии занимает Виктор Шейнис:

“Я вступил в партию в 63-м году. Тогда у меня не было особых иллюзий относительно этой партии... Я считал, и думаю, что, в общем, это подтвердилось, что, только будучи в партии, я могу реализовать себя в той сфере, в которой я хотел себя реализовать. В отличие от некоторых других моих коллег, у меня не было возможности заниматься гуманитарией, не вступив в партию, после того как меня исключили из комсомола и отправили на Кировский завод... Я так считал, и я считаю, что был прав. Потому что в рамках партийных структур заданы были те импульсы, которые привели к перестройке... Поэтому я не жалею, что я тогда вступил в партию” [17].

Были, конечно, и те, кто вступал в партию по принципиальным соображениям и кто с болью расставался с иллюзиями по поводу ее созидательной роли:

“Партия была “моей” очень давно, где-то в пятидесятые годы. Теперь же я ненавижу пышущих здоровьем, лощеных и надменных молодых людей, занявших кресла в райкомах. Ненавижу обитателей кабинетов на Старой площади, которые на вопросы и просьбы увольняемых отвечали заученной фразой: “Здесь не биржа труда”. Тем более ненавижу работников КГБ, строивших собственную карьеру буквально на чужих костях” [18].

Это из воспоминаний Вадима Ольшанского, а вот Владимир Ядов никогда не изменял своим партийным принципам, или точнее социал-демократическим убеждениям:

“Я совершенно искренне относился к идее справедливого социалистического общества, и сегодня убежден в том, что социал-демократическая программа намного предпочтительнее жесткому либерализму... После 28 съезда, когда многие члены партии публично рвали свои партбилеты, я, будучи директором Института социологии: (а) распорядился отдать комнату партбюро Института какому-то подразделению (след от таблички “партбюро” еще долго оставался незакрашенным), (б) распорядился убрать в подвал бюст Ленина с площадки второго этажа и (с) собрал членов партии, которые были готовы придти на собрание... Свой партбилет после смерти отца я положил в обложку его билета с надписью ВКП(б) и храню до сих пор” [19].

Типичнее иная траектория – постсталинские реформы приводят человека в партию, со временем энтузиазм сменяется разочарованием, часто сопровождающимся чувством стыда, с последующим выходом на скрытые формы сопротивления. Яков Гишинский:

“Я вступил в КПСС в марте 1962 г. в г. Тихвине. Для того было два повода: идеологический: “оттепель” Хрущева, Сталин и его злодеяния разоблачены, и партии нужны честные, молодые, энергичные люди! И таких молодых идиотов тогда было немало... и прагматический: я собирался перейти из адвокатуры в прокуратуру, замом прокурора Тихвинского района, для этого членство было нелишнее... Свой идиотизм я осознал с наступлением “застоя”, но выходить из партии было уже смерти подобно. А я, увы, не герой. Вышел я из КПСС в июне 1990 г., еще до ГКЧП, а после него был замом А.Ю. Сунгурова – председателя комиссии по расследованию преступной деятельности КПСС и брал Смольный”. [20]

У Геннадия Батыгина реакция на политическое прозрение не столь острая. Геннадий признает практическую пользу членства в партии, ее роли в продвижении по службе, но видит он и теневую сторону партийной работы:

“С первых же месяцев пребывания в комсомоле, с четырнадцати лет, я был активистом. Нравилось руководить, точнее, создавать руководящие тексты, письменные и устные. В девятом и десятом классах был секретарем комитета комсомола школы. Жалею ли я об этом? Скорее нет... Хотя когда я вступил в партию, мне, конечно, приходилось делать вещи, связанные со снижением самооценки. Например, быть членом бюро Севастопольского райкома комсомола, председателем Совета молодых ученых района, председателем Совета молодых ученых нашего института. Став номенклатурным работником, я почувствовал свою относительную независимость. Но это была независимость внутри данного политического института. Я отчетливо понимал, что путь диссидента, или сопротивления, бессмысленной драки с режимом – тоже неприемлемая вещь” [21].

В последние годы жизни Геннадий чурался политики, советовал молодым коллегам сторониться партийной ангажированности и полностью посвятить себя науке.

По работам Бориса Фирсова, Андрея Алексеева, и их коллег можно проследить эволюцию правоверного коммуниста во внутренне свободного, а со временем и политически независимого, человека. Пример Фирсова заслуживает особого внимания, поскольку дает понять, как важно было присутствие партийцев такого рода, сколько добрых дел, будь-то создание дискуссионных клубов молодежи, постановка нонконформистских спектаклей, или либерализация телевизионной политики партии, не могло бы свершиться без людей, наделенных властью, порядочностью и доброй волей. Но когда на смену хрущевской “оттепели” приходит брежневский застой, работа либерального функционера теряет смысл, и Фирсов уходит в академическую сферу, резко меняя партийную карьеру на исследовательскую работу. В это же время углубляются его сомнения по поводу советского режима и возникают вопросы о личной ответственности за государственную политику:

“В отличие от А. Яковлева, я долго не трогал конструкцию моего “коммунистического домика”, [хотя] признаюсь, мое положение в партии (я стал первым секретарем Дзержинского районного комитета КПСС Ленинграда в возрасте 30 лет) обязывало меня размышлять о сути моей деятельности в качестве функционера партии достаточно высокого уровня. Каким целям я служу – безраздельному властвованию над людьми или пробуждению гуманистического и демократического начала в людях, коммунистических и беспартийных, с которыми меня связывала моя ответственная, подчеркну это, политическая деятельность? Над этим вопросом коммунист (не сталинист) Фирсов долгое время не задумывался” [22].

Понадобились годы, для того чтобы Фирсов нашел ответ на этот вопрос, свел счеты со своей совестью и компартией и смог “написать версию своего отречения от нее в утро первого дня августовского путча 1991 года”. [23].

Еще более драматичным был путь к духовному и политическому раскрепощению Андрея Алексеева:

“Я вступал в партию не слишком рано, но и не слишком поздно – в 27 лет. Работал тогда в газете “Смена”. XX съезд состоялся пять лет назад. До вторжения в Чехословакию оставалось еще семь лет. Сверстникам, с которыми учился в школе или в вузе, говорил: чем больше в партии будет порядочных людей, тем скорее преодолеем “наследие культа личности”... По идее, на рубеже 60-х – 70-х можно было бы, по совокупности “еретических” мыслей (пусть еще смутных...), из партии и выйти. Но тут уже срабатывал инстинкт самосохранения. “Ломать себе жизнь” вовсе не хотелось... Да и зачем, когда состоя в партии, можно самореализоваться полнее, “принести больше пользы” и т. п.? Вот уже и не наивность, а механизм “двоемыслия”... Здесь замечу, что “разочарование” в марксизме, или его развенчание, как “всесильного, потому что верного” мироучения, было последним в цепи моих мировоззренческих разочарований от 50-х к 80-м годам: сначала – Сталин, потом – советский социализм, потом – социализм вообще и, пожалуй, одновременно, Ленин, и, наконец, – Маркс. Моей, пожалуй, индивидуальной особенностью, по сравнению с многими ровесниками, было относительно замедленное движение по ступенькам и относительно позднее восхождение на вершину этой “лестницы прозрения” [24].

Вначале 80-х Андрей ушел из института (*Институт социально-экономических проблем АН СССР. – А. А.*) и устроился работать на завод, где его за правдоискательство выгоняют из партии. С началом перестройки он добивается восстановления с сохранением партийного стажа, но вскоре решает окончательно порвать с КПСС. На мой вопрос, заданный летом 1990 года, когда он окончательно освободился от коммунистических иллюзий, Андрей ответил:

“Если рассуждать не об ощущениях а, о поступках, то считайте, что позавчера. [До этого] не хватало не просто способностей, а именно силы духа, мужества додумать до конца и перейти от нравственного противостояния к политическому” [25].

Советский ученый, подававший прошение о выезде, шел на разрыв с системой с полным сознанием необратимости этого шага и тем самым предпринимал политическую акцию. Взамен на привычный статус податель прошения получал стигму, spoiled identity [26] и эта протухшая идентичность становилась неотъемлемой частью общественной персоны аппликанта. С годами стигма эмигранта трансформировалась, превращаясь в знак отличия, становясь предметом гордости или даже зависти других, если, конечно, эмигрант не возвращался на родину как блудный сын. Порвавший с порочной системой человек мог не вызывать особого уважения, но он не заслуживал и осуждения порядочных людей. Неудивительно поэтому, что в дискурсе эмигранта мы не находим явно выраженного желания доказывать правильность своего решения, стремления защитить свои человеческие ценности. Другое дело, когда человек остался в системе, был ее неотъемлемой частью, и не только выжил, но и преуспел в советские годы. Неэмигранты острее испытывают потребность увязать свое коммунистическое прошлое с постсоветским бытием, реконструировать нарративную идентичность с минимальными когнитивным диссонансом и потерей самоуважения. Стратегическую роль в этом случае играет подбор эпизодов, свидетельствующих о готовности противостоять несуразностям советской системы. Здесь же встает вопрос о “репрезентативности выборки событий, вошедших в био-нарратив”, возможности “систематических ошибок, связанных с недоучтенными (undersampled) и сверх-представленными (oversampled) событиями/свидетельствами”, “жизненном векторе и мере идентичности человека” [27].

Эпизодическая структура авто/биографического повествования основанного на анекдотической (? – А. А.) выборке исключительно важна для понимания принципов конструирования нарративной идентичности. Здесь прослеживаются различные стратегии, нередко соседствующие в одном и том же нарративе. Одна из таких стратегий упирает на последовательность и трансисторическую целостность личности, другая акцентирует кумулятивное развитие и плавную эволюцию субъекта, третья подчеркивает ситуативную неопределенность и противоречивость экзистенции исторического лица.

Пересмотрите автобиографические заметки Геннадия Осипова, и вы найдете в них множество свидетельств того, что это был врожденный нонконформист и убежденный противник коммунистической системы, пострадавший от репрессий за свою независимость и строптивое поведение. Социолог, некогда уверявший читателей, что “Марксистско-ленинское учение является единственной подлинно гуманистической научной теорией общества”, что “партийность марксистско-ленинской социологии есть одновременно и залог ее научности”, что “огромное значение для развития марксистско-ленинской социологии имели решения съездов КПСС по важнейшим социальным и социально-экономическим проблемам социалистического и коммунистического строительства в СССР” [28] в постсоветское время гневно осуждает “предательство национальных интересов руководством КПСС” и “тоталитарный государственный режим и всевластие партократической коммунистической элиты” [29]. Осипов приводит несколько примеров гонений на него – разнос по поводу публикации книги о математических методах в социологии, попытки перевести Советскую социологическую ассоциацию на хозрасчет, недовольство его связями с иностранными социологами.

“Искали любой повод, создавали комиссии, “копали”, где могли... Не нашли что-то такое в самом институте – придрались к тому, что ассоциация осуществляет финансовые хоздоговорные работы. Федосеев сразу за это ухватился, дело – в суд, до того на Президиуме Академии наук стали рассматривать. Хотели исключить меня из

партии, запретить заниматься научной деятельностью, сняли, как говорится, со всех должностей” [30].

На заседании Всероссийского социологического конгресса ее организатор и основной докладчик выделил “дело Левады” и “дело Осипова” как два ключевых эпизода в истории отечественной социологии, чье знамя Осипов нес с высоко поднятой головой на протяжении всей своей жизни [31]

Дело не в том, что Осипова не преследовали (по словам Кона, Руткевич действительно “вытирал об него ноги” [32]), а в том, что биовыборку, на которой Осипов основывает свою автобиографию, нельзя признать репрезентативной, если учесть, как он верой и правдой служил советской власти и как менялась его позиция с каждым извивом генеральной линии партии, будь то КПСС или Единая Россия.

Андрей Здравомыслов человек другой закваски. Для него процесс познания был самоценностью, а не ширмой номенклатурных притязаний. Он помог с трудоустройством Докторову и Божкову в трудное для них время и нашел переводческую работу опальному Асееву, когда мало кто осмеливался иметь с ним дело. Тем не менее, эпизоды, отобранные Андреем для автобиографической рефлексии, явно тенденциозны. Как социолог партийного строительства он был человек номенклатурный, входящий в партийные сферы, выполнявший поручения КГБ, задававший тон на проработочных совещаниях партийно-комсомольского актива, но эта сторона карьеры видного социолога смазана в его бionarративе. На вопрос ведущего интервью о его связях с КГБ, Здравомыслов приводит два эпизода. В одном случае он объясняет гебешнику неправомерность отождествления понятий “антисоветский” и “антикоммунистический”, в другом рассказывает о демарше по отношению к секретным службам:

“Еще один эпизод, чтобы покончить с этой темой, состоял в следующем.

Однажды, уже после этого случая, на кафедру пришел человек из органов, которого я знал в лицо, и сказал, что меня просит зайти один из самых высоких начальников этого учреждения. Подумав, я сказал: “Если NN хочет со мной поговорить, то вот мой кабинет, я с удовольствием с ним побеседую на моем рабочем месте, когда ему будет удобно”. Человек несколько опешил: “Как? Так и сказать?”. “Так и скажите”, – ответил я. Больше ко мне не обращались, и NN на кафедру так и не пришел” [33].

Прошла ли эта акция в годы застоя или в горбачевские времена не сообщается. Есть в мемуарах Андрея и другие эпизоды, указывающие на его несистемные установки (например, публикация данных о бюджете времени партийных работников, вызвавшая недовольство партаппарата), но стремление Андрея увязать свои постсоветские взгляды с советской практикой указывает на ретроспективную ошибку (retrospective bias). Ошибка эта прослеживается в большинстве бionarративов, в том числе, принадлежащих либеральным обществоведам.

Так Батыгин рассказывает о том, как он защищал товарища по курсу, отчисленного из университета, отбивался от обвинения о создании “тайной редколлегии, состоящей из евреев”, защищал в парткоме позиции Ядова, но особенно распространяется о том, как он прекрасно уживался с Руткевичем или голосовал за партийные резолюции, осуждающие политических отщепенцев.

Интервью Гилинского не оставляет сомнений, что в советское время он был человеком со связями:

“Несколько лет был членом Президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов, неоднократно привлекался Минюстом РСФСР в качестве ревизора, имел “допуск” к ведению дел, подследственных КГБ, и вел соответствующие дела: об измене родине, об антисоветской пропаганде и агитации” [34].

Но вместо деталей его сотрудничества с КГБ и примеров несправедливых приговоров, к которым он имел отношение, Яков приводит два эпизода, где он спасает

от смертного приговора одного осужденного и освобождает от заключения другого.

Из интервью Могилевского мы узнаем, что “в те годы (как, впрочем, и сейчас) в абсолютном большинстве случаев суд шел на поводу у следствия и государственного обвинения, судьба подозреваемого часто решалась на административном уровне, а не на уровне работы следователя” [35]. Далее автор рассказывает, как он ненавидел систему и сопротивлялся произволу (“строптивость характера отталкивала начальство”), хотя конкретики в этом обзоре мало. О своей книге Могилевский говорит следующее:

“Как и большинство книг того времени, моя монография была рассчитана на читателя, умеющего читать между строк. Не обошлась она и без ритуальных заклинаний, с которыми мне сильно помог редактор, – без этого вряд ли она бы увидела свет... то, что говорилось и писалось, в большинстве случаев не совпадало с тем, что сам наблюдал и чувствовал, возникало ощущение фальши, обмана, всеобщей лжи”.

Читатель должен додумывать, на какие компромиссы автор должен бы идти, чтобы продвигаться по службе.

Кесельман живо описывает службу в армии, своего сержанта, “который буквально засыпал меня нарядами вне очереди, количество которых явно превышало общую совокупность аналогичных наказаний, полученных всеми остальными новобранцами нашего взвода”, и остается загадкой, как после всех этих походов и взысканий он умудрился получить назначение на пост освобожденного секретаря комсомола своей части [36].

Хочу подчеркнуть, что не подвергаю сомнению тот или иной эпизод в вышеупомянутых автобиографиях. Более того, я убежден, что любознательность, завидная энергетика, новаторские установки известных социологов в советские годы имела прямое отношение к их профессиональной судьбе. “Девиантное, анархистское, нищезанское, отрицающее всегда бродило во мне”, свидетельствует Гишинский. [37]

“Наверное, во мне был ресурс коммуникабельности, неизбывной потребности что-то делать для других и уверенности в себе. Дружба была превыше всего, и я с энтузиазмом руководил похищением классного журнала и погружением его в вечность глубин реки Карповки в присутствии всего класса... за коллективные и индивидуальные художества мне в старших классах дважды снижали оценки по поведению и один раз исключали из школы”.

Эта виньетка из жизни Бориса Фирсова [38] указывает те качества, без которых он не смог бы подняться по вертикали власти, равно как и те, что помогли ему вовремя сменить карьеру партийного бонзы на мантию ученого [39]. Тем не менее, нужно видеть, как биоарратив разворачивается согласно законам жанра и требованиям времени, как подобно святому Августину социолог-функционер приходит к прозрению, сбрасывает оковы отжившей идеологии и встает на путь нравственного очищения.

В одной из последних работ Батыгина содержится следующее наблюдение:

“В автобиографиях российских социологов модальный сюжет – принципиальный конфликт с господствующей идеологией (даже у тех, кто специализировался по научному коммунизму)” [40].

В конфликте этом социолог постсоветского времени видит себя критиком системы, тщательно подбирая анекдоты из прошлой жизни, свидетельствующие либо об изначальной независимости суждения, либо о постепенном изживании остатков коммунистической идеологии. Относительно мало внимания здесь уделяется сосуществованию противоречивых установок, двоемыслию и двоедействию, характерных для жизнотворчества советского интеллигента.

Наталья Мазлумянова обращает внимание на существование

“...в культуре приемлемых ролевых сценариев, “легенд” (почти как у разведчиков), скрытых за текстом личностных систем ценностей, установок, не артикулированных мотивов, интенций... если человек рассказывает, как он защитил двоих, но не говорит, что “утопил” десятерых, – это принципиальные искажения. С Фирсовым тоже. Я вам уже говорила, что из текста его интервью можно узнать многое о ряде событий “в верхах”, куда большинству вход запрещен, и это замечательно, я читала с интересом. Но самого человека не видно – его движущих мотивов, ценностей, целей. То, что все, кто чего-то добился в этих сферах в советское время, – аппаратчики или кто уж они там, меня всегда смущало. Хочется увидеть человека изнутри, а уж такого – особенно. Прежде всего, это фрондерство в разрешенных пределах, которое не мешало сохранять послушание системе в главном и даже помогало продвигаться по карьерной лестнице (и при этом позволяло сохранять самоуважение – с кукишем в кармане). В этом отношении, конечно, ядовская позиция мне милее, когда он говорит “я искренне верил”. Правда провисает вопрос: “В брежневские годы тоже верил?”. Я его об этом спрашивала, но ответ не остался в памяти, что-то невнятное. Хотя понятно, конечно, – человек уже в системе, куда он денется с подводной-то лодки?” [41].

Комментарий Мазлумяновой появился на сайте МБИ в 2006 году в ответ на мои заметки об интервью с советскими социологами [42]. С тех пор Борис Фирсов опубликовал книгу, где описал свою партийную карьеру и проследил путь к интеллектуальной свободе и политической независимости. Но биоарратив Фирсова и Алексеева скорее исключение из правила; большинство социологов россиян, да и социологов эмигрантов, не заостряет внимание на сотрудничестве с советской властью.

На сайте МБИ опубликована полемика по поводу роли интервьюера в раскрытии образа социолога, о его праве выспрашивать респондента о неприятных аспектах его прошлого. Борис Докторов считает, что респондент имеет право выстраивать свой образ без помех:

“Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны” [43]. Более того, Борис указывает на невозможность публикации всего, что всплывает по ходу интервью: “Наконец, реально я живу в том сообществе, которое я изучаю, описываю, хотя я живу и в Америке... если бы я складывал интервью в сейф лет на 50, то, может быть, строил бы беседы иначе, но я стараюсь публиковать тексты сразу... и я прекрасно понимаю, что человек, говорящий со мной, сегодня и завтра становящийся героем публикации, на третий день встретится со своими коллегами... он же после интервью не переезжает в другой город, не уезжает в другую страну... А как говорить о тех, кого уже нет в живых? Мы знаем: о мертвых либо молчат, либо говорят хорошо, ну за исключением тиранов, злодеев, чикатил разных”.

У Андрея Алексеева свои сомнения по поводу всеядности материалов размещенных на сайте МБИ.

“В общем, если тебе так уж нужна “репрезентативная” выборка (так сказать, “каждой твари по паре”...), то не лучше ли воспользоваться для этих целей уже имеющимися материалами, а себя как бы “поберечь”... от этих мазохистских упражнений? Уж не говорю о том, что “объективистское” соседство в твоей выборке, скажем, Ядова и Парыгина выглядело бы по меньшей мере странно. Хоть и тот и другой “успешны”... К критерию “успешности” (“много сделал”...), более или менее объективному, я бы добавил еще вполне субъективный критерий “приличности” (с точки зрения автора проекта, разумеется). А то рядом с потенциальной “очередью” в твою галерею не выстроилась бы очередь на выход из этой галереи”.

В тексте предварительных заметок обращенных к Докторову и Шалину (на МБИ размещен сокращенный текст его доклада) Андрей пишет:

“Вообще, к этим интервью, к их собранию (а не только к отдельным авторам), можно, наверное, предъявить претензии. <...> Что, отчасти, делает Д. Шалин в своем комментарии. Мои неприятные и заинтересованные наблюдения “изнутри” в общем парадоксально совпадают с его, пожалуй, отрешенным и академическим взглядом “человека со стороны” (хоть и тоже пристрастными, когда дело заходит до его собственных воспоминаний). Практически каждый автор у него предстает (и

действительно является!) некоторым творцом “легенды” собственной жизни и профессиональной карьеры, в которой что-то выпячено, а что-то затушевывается, а что-то и вычеркнуто из памяти, иногда сознательно, иногда бессознательно это происходит... И Д. Ш. Как бы ловит наших коллег на таких “смещениях акцентов”[44].

За несколько лет до начала проекта Международной биографической инициативы Олег Божков указывал на важность вопроса о том, как далеко интервьюер может идти в поисках нужной информации:

“Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличения) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно бессознательно). Задача социолога – установление взаимосвязи между различными социальными фактами... Именно поэтому для социологического анализа наиболее актуальна постановка вопроса не о различиях между реальной жизнью и рассказами о жизни, а о соотношении событий индивидуальной жизни с событиями историческими или с жизнью общества... Вопрос о совпадении или несовпадении реальной жизни и рассказа о жизни не снимается. Внимание сосредоточивается здесь на социологических аспектах проблемы”. [45]

На схожую проблематику выходит Лариса Козлова:

“Возникает вопрос: как же быть с правдивой информацией, которая негативно характеризует самого рассказчика или других его героев? Что предпочесть исследователю: милосердие или научную честность? Здесь интервьюер близок к проигрышу в любом случае: или он “обеляет” кого-то (что-то) и искажает изучаемую картину, или он не грешит перед научной достоверностью, но становится мишенью для коллег, обвиняющих его в скандальности или непорядочности. Какое решение здесь станет “соломоновым”, – зависит от каждого конкретного случая”. [46].

В биокритической практике мы нередко сталкиваемся с нежеланием персоналий или наследников быть объектом изучения, с отказом в доступе к архивам, с требованием исключить неудобные факты из рассмотрения. В распоряжении биокритика могут оказаться нелицеприятные материалы, касающиеся третьих лиц. В этой связи встает вопрос о границах такта и научной этике, но консенсуса по поводу норм и правил решения этого вопроса нет. Для биокритика здесь важна установка Вольтера: “К живым мы должны относиться с уважением, мертвым же мы обязаны только истиной”. При этом мы должны ввести понятие истины в контекст редакционной политики времени, изучить “этические горизонты эпохи и трансисторические особенности дискурса и практики познания истинно(стно)го” (см. Тезисы к концепции биокритической герменевтики).

Эта проблематика имеет прямое отношение к методологическим проблемам исследования истории российской социологии в лицах, сложностям сочетания авто/биографической и историко-аналитической перспектив, этике мемуаристики, биографики, биокритики, и натурального эксперимента. В последнем разделе своих заметок я хочу обозначить некоторые направления исследований этого узла проблем.

Читая замечательную книгу Андрея Алексеева, “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” (далее обозначенную сокращением “ДС”) [47] я обратил внимание на большое количество купюр, каждая из которых тщательно отмаркирована. Специально не подсчитывал, но, думаю, одна-две купюры на каждую из 2500 страниц тетралогии. В книге и других публикациях, как и в нашей переписке, Андрей объясняет правила изъятия информации – просьба корреспондента, невозможность проверить конкретное свидетельство, необходимость оградить репутацию человека, неправомерность распространения нелицеприятной информации о третьих лицах, или просто желание не раздувать объем книги. Необходимость изъятий, временных или постоянных, сомнений не вызывает, но правомерность их не

всегда очевидна. Порой у меня возникали вопросы по поводу той или иной купюры (почему, например, одному человеку предоставлялась возможность изъять критический пассаж или откомментировать его, а другому нет [48]). То, что использование купюр требует протокола, вряд ли нужно доказывать; отсутствие его ведет к издержкам и вызывает возражения. Вот свежий пример.

Мое интервью с Юрием Левадой 1990-го года существует в двух редакциях – одна в “Социологическом журнале” (а также в формате html на сайте МБИ), другая в сборнике памяти Левады, изданном в 2010 году его вдовой. В сборнике много интересных материалов, включая воспоминания Геннадия Осипова. Я порадовался присутствию столь разных имен в книге, но перелистывая свое гарвардское интервью с Юрием Александровичем, обнаружил в нем пропуски. Ключевой пассаж, где Левада говорит о своей роли партсекретаря ИКСИ и о том, как это “связывало руки таким людям, как Осипов” там воспроизведен неполностью, без упоминания Осипова.[49] Любопытно, что пропуски или сокращения в других материалах сборника оговаривались. Можно понять составителя, желавшего включить как можно больше материалов и, по-видимому, не хотевшего раздражать кого-то из участников, кто мог бы потребовать исключения материала с неприятными ассоциациями или воспротивиться публикации собственных воспоминаний. Тем не менее, этикет изъятия в данном случае не был соблюден, и уместен вопрос, кто, как и почему принял это решение.

Интервью, послужившее поводом для этих заметок, также напечатано с купюрами. В частности, участники беседы согласились опустить упоминание ныне здравствующего социолога, выступившего с суровым осуждением Шалина на партийно-комсомольском собрании в 1975-м году. А что, если бы этот социолог воспротивился такому решению, пожелал откомментировать события тех лет, указал на фактические неточности, предвзятость интерпретаций, предложил альтернативное объяснение?

Решение подать заявление на эмиграционную визу было моим и моей семьи, но, как мы видели, оно поставило под удар моих коллег. Учитывая последствия моего шага, я за несколько месяцев предупредил Ядова о своих намерениях, заранее уволился из института, и отрепетировал со своими друзьями их выступления на собрании ИКСИ (“валите все на родственников Шалина, направивших лыжи в Израиль”). Результат был чем-то вроде естественного эксперимента, высветившего степень правочности участников собрания. Я бы дал многое, чтобы избежать сей ritual degradation ceremony (Гарфинкель), но чтобы выехать из СССР, мне нужно было пройти через гражданскую казнь, предписанную официальным протоколом. Тем не менее, я сознавал, что я ставлю коллег в сложное положение и несу долю ответственности за последствия экзекуции, в которой они были обязаны принять участие. Насколько я могу судить, больше всех пострадал Володя Ядов, хотя у него были свои счеты с горкомом и сотрудниками вроде Антипиной. Он, кстати, избегал резких оценок и проявил такт во время своего выступления. Другие участники понесли урон скорее моральный и психологический, чем профессиональный и материальный, а кто-то, возможно, укрепил свою репутацию идеологически стойкого, принципиального работника идеологического фронта.

Я употребил выражение “естественный эксперимент” по отношению к собранию, но это верно только отчасти (применительно к данному случаю выражение это лучше брать в кавычки). Провинившийся сотрудник и участники собрания импровизировали по ходу дела, но придерживались (хотя не все и не во всем) установленного сценария. Запротоколировав ситуацию, можно было бы многое высветить в структуре советского общества, механизмах двоемыслия и природе идеологического контроля. Мы все принимали и принимаем участие в вольных или

невольных “натурных экспериментах”, и по ходу дела, воспроизводим и/или трансформируем общество, в котором живем. Вопрос: имеем ли мы право вовлекать сограждан в наши эксперименты, можем ли мы это делать без их согласия, правильно ли раскрывать имена участников событий, и в какой степени мы отвечаем за последствия эксперимента?

“Драматическая социология...” и ее продолжение “Профессия – социолог...” (далее обозначенное сокращением “ПС”) [50] ставит этот вопрос ребром.

“В изложенном исследовательском подходе синтезируются практическая деятельность, рефлексия и игровой момент (“игра” с социальным объектом). Вышеописанный способ исследования мы называем ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИЕЙ” (ПС 2.156).

Но объект в данном случае суть субъект, живое существо, которому может быть ничего не известно об эксперименте. Когда объект исследования узнает о намерениях экспериментатора, он может всячески противиться его проведению, требовать сохранить свою анонимность, или предложить собственную трактовку событий отличную от трактовки исследователя. Этические нормы здесь совершенно необходимы, как это отлично понимает Андрей. У субъектов натурального эксперимента

“...оказавшихся в положении как бы “объектов исследования”, возникает своего рода психологический дискомфорт, резкое отторжение наблюдателя, не скрывающего своей позиции. Их “самооборона” нередко принимает вид обвинений в провокации. Тут есть проблема – не только в применении, но и в трактовке метода. Даже приходилось слышать: провоцирующее (в смягченном варианте – провокативное) участие – наряду с наблюдающим” (ПС 1.27).

Андрей предлагает несколько формулировок правил, ограничивающих сферу и форму применения естественного эксперимента. Вот одна из них:

“В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысложизненной задачей (соответственно, комбинацией этих задач и мотивов)” [51].

Рекомендация эта вряд ли работает – трудно представить установку экспериментатора, которая бы не включала в себя аналитическую, деловую или смысложизненную задачу и тем самым ограничивала свободу действий исследователя.

А вот иная формулировка этических ограничений обязательных для социолога-экспериментатора:

“Эксперимент над “другими людьми” социологу запрещен по моральным соображениям; так что непосредственными объектами экспериментального воздействия здесь выступали не люди как таковые, а “носители социальных ролей”, представители социальных институтов, в частности, институтов власти... Действительным объектом исследования в случае наблюдающего участия и т. п. являются вовсе не конкретные люди, а социальные отношения и институты, или, можно также сказать, люди исключительно в их общественных, публичных действиях и функциях. Осознание этого обстоятельства имеет принципиальное значение и налагает этические ограничения на исследователя. Наблюдающему участнику не позволено вторгаться в приватные сферы, если только сами “герои драмы” не включают эти сферы в свое публичное поведение” (ДС 2.447, ПС 1.27).

Эта нормативная установка также вызывает возражения. Разведение людей и институтов – можно экспериментировать с ролями, но не с их носителями – проблематично для социолога-гуманиста, для которого не существует институтов помимо их человеческого субстрата, и сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта и в каких-то случаях ставит под угрозу его привычное существование. Л.П. Смирнов, главный технолог завода, где работал Андрей, выразил сомнения по поводу разумности публикации статьи Андрея с критическими замечаниями в адрес заводской администрации, но если бы он этого не сделал, то

рисковал бы своей работой, поскольку Андрея уже исключили из партии и преследовали по линии КГБ (ДС 3.140). В другом месте Андрей описывает свои отношения с Людмилой Кутыриной, инженером-технологом, чьи действия указывали на ее некомпетентность, но можно понять и Кутырину, поскольку ее требования и просьбы к Андрею были продиктованы абсурдной системой, от нее мало зависящей. Временами действия ее сотрудника доводили ее до слез, но, как замечает Андрей, “нам с А. С. (рабочим-бригадиром. – А. А.) жаль ее не было” (ДС 3.156). А мне ее жалко. Все-таки человек, а не морская свинка или собака Павлова, доведенная экспериментатором до нервного срыва. И каково будет Кутыриной или ее детям читать о разгильдяйстве и некомпетентности данного субъекта? [52]. Уверен, что Кутырина не хотела принимать участие в этом эксперименте, и предпочла бы остаться безымянной в отчете социолога-наладчика. Наверное, у этой женщины были и другие человеческие качества, которые автор не усмотрел или не счел нужным упомянуть. Не гуманнее было бы вывести эту женщину в книге под псевдонимом?

Формула “перемен не надо “ждать”, их надо – самим осуществлять” созвучна активистской перспективе драматической социологии и личным установкам социолога-рабочего, социолога-наладчика, социолога-экспериментатора... социолога-акушера? Да, так, ведь Андрей активно содействует появлению на свет новых социальных форм. Но что если эти роды окажутся преждевременными, если гипер-стимуляция новых институциональных форм плохо скажется на их носителях? Вряд ли можно считать исследование Андрея “акционистским” в духе Турена или “публичным” в смысле Буравого, поскольку оба эти автора имеют дело с хорошо информированными субъектами, добровольно согласившимися принять участие в эксперименте и имеющими право выйти из него в любое время.

“Конечно, каждый из наших коллег и друзей ознакомился с фрагментом, имеющим к нему непосредственное отношение” (ПС. 543). И Голод, и Божков, и Елисеева, и Дука – все коллеги или только коллеги-друзья, упомянутые в книге? Это важно уточнить: действительно ли всем коллегам была предоставлена возможность: 1) познакомиться с соответствующим фрагментом, 2) откорректировать существенные детали, 3) предложить свои воспоминания, 4) ответить на неллицеприятную критику, 5) остаться анонимными участниками событий. Можно представить, как реагировали сотрудники института, если такое право им не было предоставлено, как вели себя коллеги по Социологической ассоциации, когда они уразумели, что все их слова и действия могут быть запротokolированы и преданы гласности. С одной стороны, здесь соблюдается норма, согласно которой “в жизни можно играть только с подобными и равными себе” (ДС 3.72). С другой стороны, как быть, если ты не хочешь вступать в эти игры и становиться объектом наблюдения – чураться экспериментатора, требовать анонимности, обращаться в профком, апеллировать к профессиональному кодексу социолога?

Прочитав “Драматическую социологию”, я вышел на сайт своего университета, где опубликованы правила экспериментирования с людьми и объясняются права субъектов исследования [53], и убедился, что исследование Андрея Алексева не могло быть одобрено ни одним исследовательским учреждением в Америке. Во-первых, автор не получил согласия (informed consent) участников эксперимента. Во-вторых, он не обеспечил анонимность субъектов исследования. В-третьих, его процедуры подвергли участников стрессу. В-четвертых, у субъектов не было возможности выйти из эксперимента по своему усмотрению. Добавлю от себя, что автор не предоставил возможности всем респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события.

Какое отношение эти размышления имеют к проблеме реконструкции нарративной идентичности? Не уверен, что все они уместны, но попробую объяснить.

Протоколы жизни пишутся заинтересованными лицами. Как бы тщательно они не составлялись, что-то неизбежно остается за кадром. Существенно и то, что далеко не вся запроотоколированная информация передается огласке (вспомните огромное количество купюр в восьми томах ДС и ПС) [54]. Незафреймованная реальность могла бы найти отражение в протоколах-воспоминаниях других участников событий, особенно тех, кого автор критикует, но их голос едва различим в повествовании. Мы должны также помнить, что биокритическое изыскание завязано не только на биографию исследуемого, но и исследователя.

“Тут мы имеем дело с двойной герменевтикой – субъект и объект познания встречаются в виртуальном пространстве и ведут друг с другом скрытый, а иногда и открытый, диалог. При этом встает вопрос о сверхзадаче биокритика и автобиоцитике, о том, должен ли биокритик открыть собственные архивы, и если да, то когда” [55].

Наконец, следует подчеркнуть, что бионарративный факт зависит от фрейма, что генеральную совокупность релевантных анекдотов невозможно определить безотносительно к установкам авто/биографа, что выборочная совокупность эпизодов представленных в бионарративе подвержена ретроспективной ошибке, что здесь не только возможны, но и желательны альтернативные перспективы, на перекрестке которых развертывается социально-историческая реальность и осуществляется ее осмысление в повседневной жизни и ученом дискурсе. Отсюда следует необходимость умножения перспектив и расширения круга лиц, чей голос представлен в бионарративе.

Я хочу закончить свой непомерно разросшийся комментарий приглашением к диалогу – не только диалогу Алексева и Шалина, но и всех упомянутых и не упомянутых людей, с которыми нам довелось делить судьбу.

Будь на то моя воля, я бы дал слово и Смирнову с Кутыриной, и Голоду с Елисейевой, и Осипову с Руткевичем, и Парыгину с Сиговым. Пусть выскажутся, если хотят. Может быть, и у них мы сможем чему-то поучиться. Или, по крайней мере, лучше их понять.

Такой диалог созвучен задачам биокритики, цель которой – изучение “воплощения-развоплощения-перевоплощения как взаимоконституирующих аспектах объективной реальности” и “дискурсивной, аффективной, и деятельностной составляющих эмоционально-интеллигентной демократии”. [56]

Ссылки, примечания

1. Cicero, “Letter to Atticus. March 12, b.c. 49” pp. 187-188 in *Cicero. Letters to Atticus*, vol. II. Cambridge: Harvard University Press.
2. Cassius Dio, *Dios's Rome*. Vol. 3. Echo Library: Teddington, Middlesex, 2007, p. 54 (47.8.3).
3. Plutarch, “On Exile,” p. 557 in Plutarch
4. “По мере созревания нравственная конфронтация становится политической. Беседа Д. Шалин с петербургскими социологами” // Телескоп. №4, 2010, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>. Здесь и далее приводится печатный источник, но, где это возможно, текст цитируется по электронной версии, которая может не совпадать с печатным источником.
5. Шляпентох В.: “Социолог здесь и там”. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования. 2006. С. 598-658, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/shlapentokh.html>; Докторов: Б. З. “Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...”, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/doktorov_2006.html; Беляев Э.: “Во время Чехословацких событий мы были в Кяярику и там между заседаниями ходили

по дороге и обсуждали эти события”,
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/beliaev_08.html.; Раббот, Б. С. “Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке”,
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/rabbot_08.html.

6. Беляев Э. “Во время Чехословацких событий мы были в Кяряику и там между заседаниями ходили по дороге и обсуждали эти события”,
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/beliaev_08.html.

7. Интервью с Б. Рабботом сфокусировано на советском периоде его жизни, в нем мало говорится о его американском опыте, но сейчас готовится книга воспоминаний о Рабботе, из которой мы сможем узнать о его работе консультантом правительства США, исследованиях современной России, газетных публикациях, и впечатлениях об Америке. Мне еще не приходилось рассказывать о своей жизни в Америке, во всяком случае, по-русски. В Архивах И. Гофмана можно найти мои разговоры с американскими коллегами, где я касаюсь некоторых аспектов моей жизни в этой стране (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/ega/index.html>). См. также Шалин Д. “[Encounters with Robert Merton](#),” Социология науки и техники. Специальный выпуск к столетию Роберта К. Мертон. Ст. Петербург, Нестор-История, 2010, сс. 179-181. Программа биокритической герменевтики, разработкой которой я занимался в последние годы, предусматривает автобиографическое исследование (Dmitri N. Shalin, *Pragmatism & Democracy: Studies in History, Social Theory and Progressive Politics*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2011, Chapter 6. См. также: Шалин Д, Тезисы к концепции биокритической герменевтики, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_bh_theses.html). Но предпринять развернутую автобиографику в рамках данной публикации не представляется возможным.

8. Левада Ю. “Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе”. Социологический журнал. 2008. № 1,
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html.

9. Старовойтова Г. “Вы слишком хорошего мнения о нашей оппозиции, они будут расстреливать на месте на этот раз” // Телескоп. 2007. № 6
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/starovoitova.html>.

10. Алексеев А. “Рыба ищет где глубже, а человек – где не так мелко...”,
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev_06.html.

11. Кон И. “...Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз”,
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/kon_96.html

12. Здравомыслов А.Г. “Без осмысления того, что сделали мы, социологии нет”,
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zdravomyslov_1999.html. С. Чесноков свидетельствует о трудностях с устройством на работу непартийного социолога. “Грушина просил о работе во ВЦИОМе. Он говорит: “Это интересно, хорошо”. Прошло какое-то время. Он все оттягивает, просит перезвонить. В конце концов говорит: “Нет, Сережа, ничего не получится”. Я говорю: “Почему?”. “Понимаете, профсоюзы — это идеологическая организация. В ВЦСПС требуют партийности, а вы не член партии”. ВЦИОМ ведь при ВЦСПС организовали сначала... Но на дворе-то был уже 1988 год”. Чесноков С. “Мне интересен человек как человек...”, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/chesnokov.html>.

13. Шейнис В., Назимова А. “На что Попов живо откликнулся: “Это Нина Андреева не меняет принципы, а я развиваюсь. Я живой человек, я меняю принципы”,
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/sheinis_nazimova.html.

14. Ионин Л.Г. “Надо соглашаться с собственным выбором” // Телескоп. 2007. №3, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/ionin_07.html.

15. Саганенко Г., Голофаст В. “Беседа о русской интеллигенции” // Телескоп.

- 2008, № 2, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_sag_gol.pdf.
16. Левада Ю. “Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе“.
17. Шейнис В., Назимова А. Ibid.
18. Ольшанский В. “Были мы ранними... “ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/olshansky.html>.
19. Ядов В. “Как я не выходил из КПСС” // Телескоп. 2010, №4, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_aa_90.pdf.
20. Гишинский Я. «...Я начинал как чистый «уголовник»...» // Телескоп. 2005. № 2, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/gilinsky.html>.
21. Батыгин Г. “Никакого другого пути я даже помыслить не мог...”, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/batygin_2002.html.
22. Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. СПб. Издательство Европейского университета, 2008, с. 295.
23. Там же, с. 294.
24. Алексеев А. Ibid.
25. “По мере созревания нравственная конфронтация становится политической. Беседа Д. Шалина с петербургскими социологами”.
26. Erving G. *Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall 1963.
27. Шалин Д. Тезисы к концепции биокритической герменевтики http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_bh_theses.html).
28. Осипов Г. Теория и практика социологических исследований. Москва: Наука, 1970, сс. 159, 142, 40.
29. Осипов Г. В., Кузнецов В. Н. Социальная роль социологии в 21-ом веке, http://www.ispr.ru/Confer/Images/Osipov_Kuznezov.pdf. См. также “Becoming a Public Intellectual: Advocacy, National Sociology, and Paradigm Pluralism,” pp. 331-371 in Dmitri N. Shalin, *Pragmatism & Democracy: Studies in History, Social Theory and Progressive Politics*. New Brunswick: Transaction Publishers, 2011.
30. Осипов Г. “Мы жили наукой”. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. - СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/osipov.html>.
31. “Отечественная социология: история и современность”. Доклад Г. В. Осипова на пленарном заседании Всероссийского социологического конгресса, 21 октября, 2008, http://www.isras.ru/publications_bank/1225522483.pdf.
32. И. Кон. Интервью с Д. Шалиным, 2008 г., Лас Вегас.
33. Здравомыслов А. “Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснения в мире людских отношений” // Телескоп. 2006, 5, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866897380723file.pdf.
34. Гишинский Я. Ibid.
35. Могилевский Р. “Я бы назвал себя социологом – консультантом” // Телескоп. 2006, №2, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/mogilevsky.html>.
36. Кесельман Л. “...Случайно у меня оказался блокнот «в клеточку»” //Телескоп. 2005, №5, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/keselman.html>.
37. Гишинский Я. Ibid.
38. Фирсов Б. “О себе и своем разномыслие...” // Телескоп. 2005, №1,

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/firsov_2005.html.

39. Я знаю это по собственному опыту. Интерес к общественной работе в школе у меня не было; в пионеры и в комсомол меня принимали в последнюю очередь. Но когда пришла пора решать, куда идти учиться после школы, я озабочился о своих оценках по конкретным предметам и по поведению, и получил приличную характеристику в университет. На третьем курсе комсорг Л. Слепак предложил мне стать его заместителем по идеологии, на что я согласился, и хотя меня удалили с этого поста на следующем курсе после бурных обсуждений чехословацких событий, это назначение могло помочь с направлением в аспирантуру.

40. Батыгин Г. Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива / Моральный выбор. Ведомости. Вып. 20 / Под. ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карноухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/batygin_autobio.html.

41. Мазлумянова М., Докторов Б.: “История всегда авторская” http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_doktorov.html.

42. Shalin D. “Comments on the History of Russian Sociology Project”, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/shalin_comments1.html.

43. Мазлумянова М., Докторов Б.: Ibid.

44. Алексеев А. “К вопросу об истории российской социологии «в лицах». Февраль-апрель 2006 г. См. также Алексеев А. Биография. Наука. История (К созданию коллективного автопортрета российских социологов) / Доклады на Четвертых международных чтениях памяти В.В. Иофе Право на имя. Биографика XX века: Методология составления и изучения биографий (Санкт-Петербург, апрель 2006), http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioscience.html.

45. Божков О. Биографии и генеалогии: Ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. № 1, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/bozhkov_biographies.html.

46. Козлова Л. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал, 2007, № 2, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/kozlova_bio.html.

47. Алексеев А.Н.. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005.

48. Андрей приводит характерную историю со своим давним оппонентом, который попортил ему жизнь в 80-х, а в 2000 году принес свои извинения: “Я эти извинения принял, а потом заметил, что поставлен нашим разговором в затруднение: в мою книгу уже включен протокол того самого заседания, где... и т. д. Следует ли мне теперь сделать купюру в публикации документа или... Владимир Лисовский сказал, что купюр делать не надо, и разрешил мне обнародовать его извинения” (ДС 2,368).

49. Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. Составитель Т. В. Левада. Москва: Издатель Карпов Е. В. 2010, с. 317.

50. Алексеев А. Ленчовский Р. Профессия – социолог. Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010.

51. Алексеев А. Познание через действие (Так что же такое «Драматическая социология»?) // Телескоп. 2006, No. 5, p. 12, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866939113785file.pdf.

52. Замечу по ходу дела, что формула “разгильдяйство = незаинтересованность + некомпетентность + безответственность” (ДС 1.125) требует уточнения. В книге приводятся множество примеров, где рабочие и служащие предприятия проявляют инициативу и смекалку, обнаруживают завидную выдержку и дисциплину, и действуют в высшей степени ответственно и заинтересованно. Я не солидаризируюсь с заводской администрацией в ее отрицании критических замечаний А. Алексеева, но

хочу подчеркнуть сосуществование нескольких режимов работы на предприятии, каждый из которых был разумной адаптацией к условиям социалистического производства.

53. Речь идет о работе так называемого Institutional Review Board (IRB) или Совета по институциональному надзору, офисы которого есть на каждом кампусе в Америке. См. IRB меморандум Университета Невады, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/unlv_irb_memo.html.

54. Я обратил внимание, как мало в “Драматической социологии” говорится о семье Андрея, о ее отношении к эксперименту – два-три развернутых эпизода, и все. Где-то по ходу дела выясняется, что у автора сменилась жена, что не все члены семейства приветствовали его начинания, но эта сторона практически осталась вне поля зрения рассказчика. Надо полагать, что были тому веские причины, но их стоило бы оговорить.

55. Шалин Д. Тезисы к концепции биокритической герменевтики.

56. Там же.

24.2. А. АЛЕКСЕЕВ. НА СТЫКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ (ЧИТАЯ ДМИТРИЯ ШАЛИНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА)

(Опубликовано в: [Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 5](#). См. также [этот же текст](#) на сайте «Международная биографическая инициатива»)

Эта статья посвящена критическому разбору круга идей, представленных в статье Дм. Шалина «В поисках нарративной идентичности...». Некоторые из этих идей поддерживаются, некоторые - вызывают сомнение или даже опровержение. Обсуждаются методологические и этические проблемы биографических исследований и познания через действие.

Ключевые слова: *жизненные стратегии, жизненный выбор, (авто)биографический нарратив, реконструкция мотивов, право на умолчание, «драматическая социология», познание действием, этика наблюдающего участия, социолог-испытатель*

1

В № 3 «Телескопа» за 2011 г. появилась большая проблемная статья Дмитрия Шалина «В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина» (1)¹⁵⁹. Д. Шалин – «русский американец», советский кандидат наук и американский профессор, социолог и культуролог, один из ведущих в мире специалистов в таких областях научной мысли как прагматизм и интеракционизм, автор десятка книг, создатель оригинального исследовательского направления, названного им *биографическая герменевтика*.

«Биокритическая герменевтика находит свой предмет на пересечении биографии, культуры и теории. Она изучает эмоционально-соматическую составляющую дискурсивных практик, воплощение знаков в индивидуальном бытии, (рас)согласование слова, дела и аффекта в жизни исторических субъектов, и роли (авто)биографического нарратива в накоплении и передаче опыта культуры» ([Шалин Д. Тезисы к концепции биографической герменевтики](#)).

«В изучении жизненных траекторий биокритика нацеливает на непрерывную триангуляцию трех знаковых систем: соматически-аффективной, деятельностно-перформативной, и символически-дискурсивной. Об этом я писал в статье “Воплощение знака” ([Shalin D. Signing in the flesh: Notes on pragmatist hermeneutics // Sociological Theory. 2007. Vol. 25](#). Р. 193–224). Ее главный тезис развивается в моих работах о Леваде, Гофмане и Гадамере» (Из личного письма; цит. по: Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения рефлексии. Том 2. СПб.: Норма, 2010, с. 418).

Дмитрий Шалин, вот уже большую часть жизни (35 лет из 60 с лишним) живущий в США и более охотно изъясняющийся по-английски, чем по-русски, тем не менее идентифицирует себя в качестве ученика И. С. Кона и В. А. Ядова, и с российской культурной средой и научным сообществом его связывает нечто большее, чем деловые контакты и академический интерес. Им реализован ряд проектов, относящихся к интеллектуальной жизни России и ее трансформациям в последние десятилетия. Отнюдь не периферийным профессиональным сюжетом стало для Д. Шалина создание, в рамках возглавляемого им Центра демократической культуры Университета Невады (Лас Вегас), американо-русского интернет-проекта «[Международная биографическая инициатива](#)»

¹⁵⁹ Электронные версии: полная, на сайте «Международная биографическая инициатива» - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html; сокращенная, воспроизводящая публикацию в «Телескопе» - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_id_11.pdf.

(МБИ), содиректором которого (вместе с другим «русским американцем» Борисом Докторовым) он является.

Более масштабного фонда биографических материалов, относящихся к истории современной (вторая половина XX века – начало XXI века) российской социологии в комплексе с аналитикой и изысканиями в области методологии биографического метода в мире нет.

2

Опубликованная в недавнем «Телескопе» упомянутая работа Дмитрия Шалина посвящена анализу жизненных стратегий и, пожалуй, тактик социального поведения российских интеллигентов в условиях позднесоветского общества (1960-1980-е гг.), на материале биографических интервью, взятых самим автором или другими исследователями у коллег-социологов, принадлежащих к различным (в основном – старшим) поколениям постсоветского социологического сообщества. Примечательно, что при всем своем академизме автор не уклоняется и от личностной ауторефлексии.

Причем, главным предметом интереса исследователя оказываются внешние обстоятельства и побудительные мотивы «личного выбора в условиях несвободы» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 13) прежде всего - *морального выбора*, определяющего ту или иную жизненную траекторию и общественное поведение. Можно сказать и так: этика выживания, этика ухода и этика протеста.

Социолог – одна из наиболее «идеологизированных» научных профессий в нашей стране. И, по крайней мере, те советские социологи, кто относился к своей профессии серьезно, неизбежно оказывались между Сциллой конфликта с системой и Харибдой приспособленчества, что могло оказаться равно губительным для профессиональной самореализации. Делать карьеру без хотя бы маленьких сделок с собственной совестью и / или сохранять достоинство по мере статусного роста удавалось далеко не каждому.

Впрочем, не следует думать, что эти нравственные терзания были свойственны всем. Двоемыслие *человека советского* не обошло стороной и представителей той науки, которая могла бы его (двоемыслие) иметь предметом собственного изучения.

Так или иначе, конфликт между личностью и системой, будь то эксплицитный (не исключая brutальных, репрессивных форм), будь то загнанный внутрь личности («сшибка»), был достаточно распространенным явлением в то время. Среди профессиональных социологов практически не было явных диссидентов или оппозиционеров, но были недостаточно «идеологически выдержанные». Явных апологетов системы тоже было не так уж много, однако мало кто не отдал дань «верноподданничеству». Впрочем, с учетом относительной малочисленности этой профессиональной группы, все эти пропорции были, пожалуй, близки к средним по корпусу гуманитарных наук.

Одна из «стандартных» форм отказа личности подчиняться требованиям системы (будь то в сфере профессиональной, идеологической, житейской) является установка и, в конечном счете, реализация установки на *эмиграцию*, разрыв с данной социальной средой. Эмиграция может быть *внутренней* и *внешней*. Как первая, так и вторая не были массовыми в данной (напомню, малочисленной) профессиональной группе. Но все же были немногие социологи, пополнившие ряды кочегаров или сторожей (что, как правило, сопровождалось уходом из профессии, по крайней мере – из институциональной науки). Были и эмигранты в собственном смысле слова, навсегда (как казалось тогда) покинувшие российские пределы; и их, кстати сказать, тоже наперечет.

Дмитрий Шалин, принадлежащий к числу последних, поставил перед собой интересную - социологическую, по сути своей - задачу: обозреть биографические дискурсы социологов старших поколений, представленных на сайте МБИ, в плане отображения в них (дискурсах) идейной эволюции авторов и их самоопределения в своих взаимоотношениях с общественной (советской) системой. При этом вся его «выборка»

подразделена на две не равные (естественно!) подгруппы: «социологи-эмигранты» и «социологи-россияне» (т. е. «не эмигранты»).

3

«Социологи-эмигранты» представлены у Д. Шалина следующими именами: Владимир Шляпентох, Эдуард Беляев, Дмитрий Шалин, Борис Раббот, Борис Докторов . (Последний эмигрировал уже из постсоветской России, так что является собой «особый случай»). «Социологи-россияне» в поле авторского внимания – это: Игорь Кон, Андрей Здравомыслов, Владимир Ядов, Геннадий Осипов, Леонид Ионин, Геннадий Батыгин, Борис Фирсов, Андрей Алексеев, Яков Гишинский, Роман Могилевский, Виктор Шейнис (экономист), Леонид Кесельман (эмигрировал уже в 2000-х гг.). Отдельные работы Д. Шалина в русле биографического подхода посвящены Юрию Леваде, Валерию Голофасту, Галине Саганенко.¹⁶⁰

В отношении первой группы речь идет главным образом о заявленных (в интервью) и / или реконструированных мотивах эмиграции. Для второй группы преимущественным предметом обсуждения выступает мотивация членства / не членства в КПСС, что, понятно, является немаловажным аспектом жизненной позиции. Специально рассматривается проблема своего рода избирательности в предъявлении фактов собственной биографии в нарративе. Для представителей обеих групп предпринимаются попытки реконструкции нарративной идентичности¹⁶¹

Я не ставлю перед собой задачи ни аннотировать, ни рецензировать работу Д. Шалина. Но попробую поделиться читательским впечатлением от выполненного автором аналитического обзора.

Прежде всего, мне как-то показалось, что Дмитрий критичен в большей мере к текстам «социологов-россиян». В их биографиях чаще усматривается «рассогласование между словом, делом и аффектом», они чаще дают автору поводы предполагать, что «скошена» выборка биографических фактов в дискурсе. Некоторые, рассказывая о себе, и в самом деле представляют себя более прозорливыми, независимыми и / или преследуемыми, чем было на самом деле (наиболее яркий тому пример – Г.В. Осипов). Но, не оспаривая авторского стремления к объективности, у меня, признаться, возникают сомнения в достаточной обоснованности некоторых «биографических» замечаний автора в отношении ряда конкретных персоналий (не стану их здесь вновь называть).

Иное дело – в данном обозрении - «социологи-эмигранты», выгодно отличающиеся «цельностью» своей натуры, рано осознавшие порочность системы и решившиеся на *поступок*, каковым является решение об отъезде и его осуществление, вопреки всем препонам. Этот выбор во всех случаях предстает прагматически правильным и морально оправданным (чего нельзя уверенно сказать о жизненных стратегиях, направленных на выживание и / или жизненный успех на родине).

В статье «В поисках нарративной идентичности...» автор развивает темы, поднятые еще прошлогодней публикацией в журнале «Телескоп» происходившей в июле 1990 г. собственной беседы Д. Шалина с бывшими сослуживцами - ленинградскими социологами (А. Алексеев, О. Божков, Г. Саганенко, Л. Кесельман). [«По мере созревания нравственная конфронтация становится политической». Беседа Д. Шалина с](#)

¹⁶⁰ См.: Шалин Д. Человек общественный: Гарвардское интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал, 2008, № 1 (электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/levada_shalin_intro.pdf); Шалин Д. Галина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 2 (электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1208530926195084file.pdf)

¹⁶¹ *Нарративная идентичность* – термин не общеизвестный, поэтому поясним, что речь идет о самобосновании и придании смысла в процессе рассказа человека о себе. (См. например: Рождественская Е. В поисках смысла: построение нарративной идентичности в автобиографическом рассказе. Электронная версия - http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Seminar_Batygin/Rozhdestvenskaya.pdf).

[петербургскими социологами. Июль 1990 г.](#) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, № 4). Беседа была посвящена ретроспективе общественно-политического самоопределения вплоть до переломного момента в жизни социологического сообщества, когда произошел (как раз в июле 1990-го), «групповой исход» из рядов КПСС сотрудников Ленинградского филиала Института социологии АН СССР, сопровождавшийся, по существу, самоликвидацией первичной партийной организации.

Среди других тем, в данной беседе подробно обсуждалась давняя проблемная ситуация, возникшая в середине 1970-х гг. в связи с тем, что трое сотрудников научного коллектива (П. Буторин, Э. Беляев, Д. Шалин), возглавлявшегося В. А. Ядовым, тогда объявили о своем намерении покинуть страну (и в период 1974-1976 гг. всем троим удалось уехать). Летом 1975 г. в только что образовавшемся Институте социально-экономических проблем (куда были переведены все сотрудники Ленинградских секторов Института социологических исследований) ситуация особенно обострилась. Сгустились тучи над лидером ленинградских социологов В. Ядовым, которому грозили суровые партийные и административные санкции (и Ядов-таки был тогда понижен в должности, правда, «по собственному желанию»).

В меру своих возможностей, и уезжавшие, и «остающиеся» (каждый по-своему) старались смягчить негативные последствия указанной коллизии.

Непосредственный и заинтересованный участник тех событий, Дмитрий продолжает и в ныне обсуждаемой статье свою рефлексии на эту тему. Он указывает именно на «стремление к свободе» в качестве «смыслообразующего начала» в его собственном решении эмигрировать: «Узловая парабола – лучше мыть полы в Колумбийском университете, чем профессорствовать в Ленинградском...» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 14).

«Так я мотивировал свое решение в 1975 году, - пишет Д. Шалин, - но можно ли положиться на такое объяснение? Действительно, оно позволяет понять ход моих мыслей в то время, но его можно считать и рационализацией (*мотивов*. – А. А.), желанием выставить себя в лучшем свете. Помимо политических здесь могли быть и другие мотивы – экономические, творческие, семейные. Развести объективные причины и субъективные мотивы такого рода решений сложно» (Там же.).

Я безусловно солидаризуюсь с такой позицией биокритика (в данном случае – это также и ауторефлексия). Стоит заметить, что автор в общем больше ставит вопросы, чем дает ответы. Читатель в моем лице на этот счет без претензий. По крайней мере, проблема «как я выгляжу» обозначена четко. И указанная логика может быть с успехом применена к любому из обсуждаемых Д. Шалиным крутых поворотов жизненных путей его коллег.¹⁶²

Мне хочется здесь обратить внимание на не прекращающуюся эволюцию осмысления каждым участником минувших событий, а в данном случае - аналитиком, подробно рассматривающим свой «жизненный случай», тех или иных аспектов и фактов собственной биографии и истории профессионального сообщества. Так, в своих прежних ретроспекциях¹⁶³ Д. Ш. интерпретировал партийно-комсомольское собрание 1975 г., где

¹⁶² Примером особенно четкой концептуализации может служить высказывание В. Шляпентоха: «Четыре причины определяли мое желание покинуть страну: 1) невозможность самореализации, 2) невозможность увидеть мир, 3) отсутствие перспектив для моих детей и 4) вечный страх КГБ. Непосредственным толчком для принятия позорно откладываемого решения был вступительный экзамен моей дочери в МГУ, циничность которого была уже невыносима». (Цит. по: Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 14-15).

¹⁶³ См.: Интервью Д. Шалина, данное Л. Алексеевой на радио «Свобода» (1990). Аудиозапись (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>; [Dmitri Shalin, 1990 \(Rus Audio\)](#)); Dmitri Shalin's Comments on the History of Russian Sociology Project. March 15-18, 2006 (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/shalin.html>); Андрей Алексеев, Олег Божков, Галина Саганенко, Леонид Кесельман: «По мере созревания нравственная конфронтация становится политической». (Полная версия: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>).

его исключали из комсомола (ввиду предстоящего отъезда), исключительно как «гражданскую казнь», среди участников которой были, как он подчеркивал, особо отличившиеся в «суровом осуждении» (обличении) «отщепенца» - в своих корыстных (карьерных и т. п.) интересах. В данной статье Дмитрий предлагает уже другую версию:

«...Я... отрепетировал со своими друзьями их выступления на собрании в ИКСИ (правильно: ИСИ. – А. А.) («валите все на родственников Шалина, направивших лыжи в Израиль»)... Провинившийся сотрудник и участники собрания импровизировали по ходу дела, но придерживались (хотя не все и не во всем) установленного сценария» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22).

При этом Д. Шалин не отказывается от трактовки данного события как «гражданской казни», но таковой она предстает теперь скорее как инсценировка, имитация, соблюдение обряда (вспомним [яшинские «Рычаги»](#)).¹⁶⁴ Думаю, это существенное «биографическое» уточнение, позволяющее избежать ложных толкований и субъективных искажений известных (или – полузабытых) фактов, от чего не застрахован и стремящийся к объективной реконструкции прошлого исследователь.

4

Вообще же следует еще и еще раз подчеркнуть, что (авто)биографический нарратив сам по себе, никак не может служить единственным и / или преимущественным источником информации о человеке, не говоря уж о представляемой им сфере деятельности. Что бы ни рассказывал вспоминающий о времени в себе и о себе во времени, он будет пристрастен. Мало того, он **имеет право** на сгущение красок (в свою пользу) или умолчания (опять же – в своих интересах), не говоря уж о естественных абберациях памяти. Он имеет право даже на намеренное искажение реального хода дел в своем повествовании (хотя это будет характеризовать уже не сам этот ход, а моральный облик рассказчика).

И если мы хотим узнать «правду и ничего, кроме правды», то надо перекрещивать разные методы, «триангулировать» (как теперь принято говорить), надо сопоставлять рассказы разных людей об одном и том же событии, и воспоминания об одном и том же лице (включая суждения друг о друге), и всевозможные документальные свидетельства.

В этой связи, мне хочется защитить Д. Шалина от упреков в адрес «поклонников биографического метода», с которым выступил [в своем блоге](#), а также на страницах последнего номера «Телескопа» другой наш коллега – В.Э. Шляпентох. О чем чуть ниже.

5

Причины, мотивы, способы, обстоятельства искажения социальной реальности, выступающей объектом биографических исследований, столь многообразны, что устранить, погасить, исключить, застраховаться от них нельзя, а можно только лучше или хуже их контролировать и минимизировать. А уж в том, что касается такой субъективной «материи», как индивидуальная человеческая память, да еще и память о самом себе, то тут нечего и ожидать какой-то «нейтральности», беспристрастности, хотя в принципе не исключена (у отдельных людей) способность к трезвой самооценке, обостренная совесть, готовность «судить себя самому».

¹⁶⁴ Ср. с описанием этого же события другим его участником - Татьяной Протасенко:

«Самое памятное комсомольское собрание нашей структуры, когда мы должны были исключить Шалина из своих рядов, поскольку он собирался эмигрировать, а членов ВЛКСМ на местожительство за границу не выпускали. И, несмотря на то, что ему оставалось до автоматического выхода из комсомола по возрасту чуть больше месяца – нам пришлось проводить это собрание. Диму поджимали сроки. Нужно было изобрести формулировку – смотреть друг другу в глаза мы не хотели, поскольку все всё понимали. Сочувствовали, но испытывали определенное раздражение – он уезжает, а нам отдуваться... В итоге изобрели нечто вроде – исключить за потерю связи с организацией...» (Протасенко Т. З.: «Становление меня как социолога шло зигзагами» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 2, с. 9; электронная версия - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/protasenko_11.html).

Большинство средств контроля и критериев достоверности биографического нарратива лежат вне данного источника - автора и героя биографии (например, личные и официальные документы, архив, сведения и мнения, полученные от других людей). Но есть и «внутренние» критерии - это наличие / отсутствие «позы», соотношение информации «о себе» и «о других», баланс терпимости к чужому мнению и готовности отстаивать свое, непротиворечивость повествования. Есть автобиографические тексты, которым безусловно веришь целиком, есть - вызывающие сомнение в отдельных местах, есть - когда ясно: «все врет, и не краснеет».

Однако в одном отношении (авто)биографический нарратив оказывается почти всегда достоверным (адекватным). Ведь он есть – неосознаваемый (или лишь частично осознаваемый) автопортрет личности, **«изъявление себя»**, каким сложился к моменту этого рассказа, в том числе – в итоге всей описываемой жизни и карьеры. Другое дело, как из этого «образа», создаваемого содержанием, формой и стилем изложения, «считывать» биографическую информацию, точнее – информацию о том, где и насколько представленная рассказчиком картина отличается, не совпадает с реальностью.

Это – достигается опытом, наукой и искусством исследователя.

...Как-то не верится мне, чтобы эти в общем-то элементарные истины были неизвестны тем, кто профессионально занимаются биографическими исследованиями. Но именно в забвении этих истин В. Шляпентох в своем недавнем отклике на статью Д. Шалина ([Шляпентох В. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?](#) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 4.) упрекает сторонников («поклонников» - гм!) биографического метода, которые будто бы являются носителями «розовых представлений о готовности их респондентов говорить “правду, только правду и всю правду”». В том, что это не так, убеждают, среди прочего, материалы дискуссий и переписки 2006-2007 гг. специалистов, занятых исследованиями в области истории российской социологии с использованием биографических интервью – Б. Докторовой, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой, Д. Шалина, да и автора этих строк – опубликованные на сайте «Международная биографическая инициатива».¹⁶⁵

Уж не говорю о том, что пафос обсуждаемой статьи Д. Шалина - как раз в критическом отношении к автопрезентации рассказчика в биографическом дискурсе.

В. Шляпентох исходит из ошибочного, как я считаю, предположения, что обращение исследователя к биографическому методу (в частности, для изучения истории науки) равнозначно утверждению им безусловных преимуществ этого метода перед всеми другими. Между тем, это всего лишь личный выбор, субъективное предпочтение, занятие определенной «культурной ниши» в наукознании (или, может быть, в изучении социума вообще). «Личностное науковедение» или история науки «в лицах» невозможны без обращения к личности ученого, со всем ее субъективизмом, включая рационализацию мотивов, desirable values и т. д.. Но этой сферой и не может быть замещена вся история и социология науки.

Владимир Эммануилович, как мне кажется, "размашисто" приписывает всем приверженцам биографического метода его абсолютизацию и «апологетику», что заведомо не так. Т. е., в известном смысле, он оппонирует не Д. Шалину, а своему "образу оппонента".

Не стану углубляться в детали полемических заметок В. Шляпентоха. Как правило, он во всем прав, кроме выбора адресатов своей критики. Вместе с тем, не стоит ее игнорировать. Как остроумно заметила одна из наших коллег, «все сказанное — очевидно. Хотя иногда кажется, что не грех записать и очевидное».

¹⁶⁵ См.: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html;
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_shalin_06.html;
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/alekseev.html>;
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/Mazlumyanova-Doktorov.html>).

Итак, похоже, что в вопросе об ограниченности биографического (как и всякого другого!) метода мы с Д. Шалиным, да и с В. Шляпентохом вполне согласны друг с другом, хоть и привыкли выражать это каждый в своих терминах.¹⁶⁶

6

Но как же все-таки истолковать и резюмировать предпринятое Д. Шалиным сравнение жизненной мотивации и жизненных стратегий российских социологов-эмигрантов, с одной стороны, и, с другой стороны, «не эмигрантов», навсегда связавших себя с отечеством, какими бы благоприятными / неблагоприятными ни были для них материальные условия их жизни в нем, возможности творческой самореализации, идейно-нравственная атмосфера, отношение к этой науке властных институций и т. д.?

Мне кажется, не следует пытаться приписать «безусловную правоту» тому или иному жизненному выбору. Этот выбор всегда является многофакторным и ситуационным. И достоинство человека определяется не его принадлежностью к той или иной социальной категории, а его персональным, **уникальным** сочетанием человеческих качеств и жизненных достижений.

То обстоятельство, что человек однажды принял то или иное ответственное жизненное решение (скажем, покинул отечество, вступил в «передовой отряд строителей коммунизма» или же уклонился от этой «чести», «вышел на площадь», подписал письмо в защиту инакомыслящего или целиком посвятил себя «науке и только науке») само по себе не должно быть предметом - ни гордости, ни смущения, ни восхищения, ни сожаления. И только в контексте всего жизненного пути и «суммарных» жизненных итогов следует рассматривать и оценивать эти важные, но вовсе не самодостаточные и не всеопределяющие жизненные шаги и обстоятельства. Скажу так: судите о человеке по совокупности тех «следов», которые он оставляет в жизни других людей, а не по отдельным, вырванным из жизненного и исторического контекста словам и поступкам.

Пожалуй, можно сказать, что биокритическая герменевтика, в смысле Д. Шалина, призвана не только приращивать социальное знание, но и способствовать утверждению вышеуказанной этической максимы.

Что же касается субъективной мотивации и объективного смысла членства / не членства социологов (вообще – представителей гуманитарной интеллигенции) в КПСС, то этот вопрос специально рассматривается в моей статье [«30 лет «в строю» \(Мое членство в КПСС\)»](#), опубликованной в журнале «Телескоп» в том же номере, что и статья Д. Шалина «В поисках нарративной идентичности...». Приводимые Дмитрием примеры могут иллюстрировать и мою, предложенную в той статье типологию партийцев: (а) тип *конформиста*, (б) тип *карьериста* и (в) тип *идеалиста* (романтика). (Следует помнить, что это типы идеальные и редко когда представлены «в чистом виде»). Сама эта типология, думаю, не противоречит шалинским реконструкциям нарративной идентичности.

7

Два частных замечания.

Перечисляя беспартийных социологов, автор относит к ним Г. П. Щедровицкого (См.: Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 17). Это неверно. Георгий

¹⁶⁶ Вот, например, как эти мысли превосходно формулирует Д. Шалин:

«... Следует подчеркнуть, что бионарративный факт зависит от фрейма, что генеральную совокупность релевантных анекдотов невозможно определить безотносительно к установкам авто/биографа, что выборочная совокупность эпизодов представленных в бионарративе подвержена ретроспективной ошибке, что здесь не только возможны, но и желательны альтернативные перспективы, на перекрестке которых разворачивается социально-историческая реальность и осуществляется ее осмысление в повседневной жизни и ученом дискурсе. Отсюда следует необходимость умножения перспектив и расширения круга лиц, чей голос представлен в бионарративе» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 23).

Щедровицкий был членом КПСС с 1956 по 1968 г. и исключен за "подписанство". Вполне достойная "партийная карьера"!

Автор пишет, что П. Буторин (бывшему сотруднику лаборатории Ядова, эмигрировавшему в ноябре 1974 г.), тогда оставалось еще три года до выбытия из комсомола по возрасту. (См.: Там же, с. 14). Между тем, П. Буторин – 1948 г. рождения. Получается, что он должен был выбыть из этой молодежной организации в 30 лет. Между тем, действительный возрастной предел пребывания в ВЛКСМ – 28 лет.¹⁶⁷

...Вышеприведенные страницы были уже написаны когда я получил возможность ознакомиться с откликом на обсуждаемую статью Д. Шалина, принадлежащим еще одному «социологу-эмигранту», в далеком прошлом – также сотруднику ядовского научного коллектива, Эдуарду Беляеву (См. [Беляев Э. В. Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина](#)). Из нашей переписки с Д. Ш. (август 2011):

Д. Шалин – А. Алексееву: ...Эдик Беляев продолжил свои комментарии к дискуссии о проблемах биографического интервью, и я вывесил их на нашем сайте <...>. Эдик еще более критичен, чем Шляпентох, в вопросе о возможностях автобиографического повествования. Тут есть, с чем согласиться, и с чем поспорить.

А. Алексеев – Д. Шалину: Спасибо за ссылку на заметки Э. Беляева. Прочитал их с интересом. Мне не близко столь нигилистическое отношение к (авто)биографическим нарративам, хотя и я предпочитаю судить о людях больше по их делам, чем по словам (тем более относящимся к себе самим). Что-то из нашей с Вами и Борисом (Докторовым) переписки на эту тему вошло и в "Профессию - социолог...". Солидарен я с автором и в том, что биографический метод служит познанию общества больше, чем персон.

Между прочим, заметил особую чувствительность уехавших к тому, как их "проводжали" коллеги. Э. Б., как и Вы, вспоминает соответствующий эпизод 35-летней давности.

Ваша "телескоповская" статья, однако, не оставлена (общественным) вниманием: Шляпентох, Беляев, Фирсов. Ожидается и мой коммент.

Дмитрий в ответ заметил, что, действительно, гражданская казнь врзалась в память уезжавших и вспоминается особенно болезненно.

А. Алексеев – Д. Шалину: ...Да, Беляев, Буторин и Шалин в середине 1970-х не были (публично) обласканы коллегами. Но их гражданские казни я бы не ставил в один ряд с гражданскими казнями Левады, Ядова, Голофаста и др. Первые могли этого ожидать, последние - не напрашивались.

И еще есть проблема «этики прокаженного». Как не "заразить" других своей болезнью. Примеры. <...>¹⁶⁸

¹⁶⁷ Кстати, самому Д. Шалину в 1975 г. исполнялось как раз 28 лет. Так что он мог бы в ту пору выбыть из комсомола и автоматически, без мало приятной – как для него, так и для его коллег - процедуры исключения.

¹⁶⁸ Приведенные в письме примеры:

«...В «Профессии - социолог...» (том 2, с. 421-433) есть раздел, посвященный акции международной защиты профессора Белорусского университета Олега Манаева в 2010 г. (Акция, кстати сказать, оказалась успешной).

Недавно О. М. прислал мне свою последнюю книгу "Становление гражданского общества в независимой Беларуси. Книга третья" (СПб.: Невский простор, 2011). В ней приводятся письма студентов с выражением готовности публичной поддержки опального профессора и его ответы.

Так вот, О. М. писал:

"Спасибо, юные коллеги! <...> Подобная акция – не шутка, зачинщикам, да и участникам придется долго платить по счетам (возможно, годы), так что не спешите. Мое «дело» еще далеко от завершения, посмотрим, как процесс будет развиваться дальше...».

Другой пример. Из "Драматической социологии..." (том 2, с. 380):

«А. Алексеев - Р. Ленчовскому (1987):

...Ты, вероятно, помнишь о скептической позиции, занятой мною по отношению к намерениям защитных действий в мою пользу — сразу после официального предостережения КГБ, исключения из партии и т. д. Запрета не накладывал, но и не «разрешал», когда меня спрашивали. Мало способствовала гражданственным проявлениям и общественная ситуация 1983–1984 годов.

Лишь в прошлом [1986-м. — А. А.] году я сообщил всем, кто ранее спрашивал моего согласия на те или иные формы защитных действий или гражданской поддержки, что «общественных или личных противопоказаний для таких шагов больше не вижу».

Грань между жертвой, борцом и палачом пролегает не вне, а внутри личности. Не каждый это осознает.

8

Теперь обращусь ко второй части статьи Д. Шалина. Напомню, что ее полное название: «В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина».

Тут возникает вопрос: о каком диалоге речь? Возможно, об [упоминавшейся выше беседе 1990 г.](#), опубликованной в «Телескопе» (2010, № 4), где, среди прочего, мы с Д. Ш. обсуждали тему взаимной моральной ответственности – уезжавших и остающихся? Или имеется в виду – наша с Дмитрием прошлогодняя переписка, успевшая даже найти отражение в книге «Профессия – социолог...» (2010 г.)? Речь там шла, в частности, о следующем (цитирую по упомянутой книге):

«Д. Шалин – Б. Докторову и А. Алексееву: «...Читаю ["Драматическую социологию и социологическую ауторефлексию"](#). В книге для меня много нового, интересного и очень интересного... Обратил внимание на большое количество купюр и лакун - их иногда по десятку на страницу, в среднем по одной-две купюре на каждую из 2500 страниц. Какие-то из пропусков мотивированы и объяснены, какие-то нет...»». (Алексеев А.Н, Ленчовский Р.И. Профессия – социолог... Том 2, с. 418).

Это наблюдение тогда дало моему коллеге повод для рассуждений о проблеме «систематических ошибок самовыборки» в автобиографическом нарративе:

«Проблема эта не только историческая и биографическая, но и философская. Мы фиксируем события избирательно, делаем выборку согласно представлениям о собственной персоне, видением своей жизненной траектории, в соответствии с законами времени и условностями жанра. То, что не вошло в повествование... может быть, не менее важно и интересно, чем то, что зафиксировано в автонарративе. Систематические ошибки самовыборки, свойственные человеку, его кругу и эпохе – предмет биокритики и прагматистской герменевтики...» (Там же).

Я тогда ответил:

«А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову: ...Насчет значка <...>, который частенько встречается на страницах этой книги документов (хоть личных, хоть официальных).

Самоцензура есть законное право автора или составителя и может иметь, как минимум, следующие три мотива: А) Забота представить себя в «выгодном» свете. Тут надо не переборщить, а то ведь читатель не поверит. Б) Забота не доставить дискомфорта другому (ежели, конечно, этот другой, с точки зрения автора, такого дискомфорта не заслужил). В) Забота просто побережет читателя от длиннот, повторов, «скуки». То есть то, чем книга отличается от архива.

В маркировании купюр я был очень щепетилен (даже изъятие вводного слова фиксировалось). При этом мотив В, как я считаю, заведомо преобладал над остальными, а мотив А стремился к нулю, хоть никто и не может гарантировать такого абсолюта» (Там же, с. 418-419).

По-видимому, Дмитрия не удовлетворил мой ответ, поскольку он год спустя настойчиво возвращается к теме «изобилия» купюр («одна-две... на каждую из 2500 страниц») развертывая при этом свои ключевые биокритические соображения (субъективная выборка фактов и т. п.). (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 21, 23. «Вспомните огромное количество купюр в восьми томах ДС и ПС»...).

Ну, хорошо, посчитаем, благо современная компьютерная технология позволяет сделать это за несколько секунд. Как оказалось, на 2,5 тыс. страниц 4-томника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», приходится 243 случая употребления сочетания знаков «<...>». То есть по одной купюре на десяток страниц, а вовсе не по одной-две - на каждую страницу. Ошибся Дмитрий – ни много, ни мало - **на порядок!**

(Между прочим, в 4-томнике «Профессия – социолог...», являющемся в известном смысле продолжением «Драматической социологии...», таких купюр в приводимых личных и / или официальных документах и того меньше: по одной на пару десятков страниц!).

Но дело даже не в этом. Почему-то биокритик полагает, что именно за этими многоточиями в текстах авторских дневников и писем (а иногда и других документов) и таится самое интересное для читателя и / или ценное для истории. «Незафреймованная реальность», как это называет Шалин.¹⁶⁹

«Использование купюр требует протокола... - считает Д. Шалин, - отсутствие его ведет к издержкам и вызывает возражения» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 21). Что ж, в свою очередь и я вправе возразить, что слишком строгое следование формальным правилам способно заблокировать всякое живое дело, включая составление документальной композиции.

Замечу, попутно, что не стоит подверстывать «драматическую социологию» под автобиографическое повествование, хотя бы ее автору – наблюдающему участнику - и приходилось описывать, как правило, происходившее с ним самим или им самим предпринятое. Это все-таки разные жанры.

9

Далее мой собеседник (партнер по диалогу) сосредотачивается на **этической** (этико-методологической) проблематике акционистской социологии и исследования случаев, частным случаем которых (такой социологии и такого исследования) является «драматическая социология» автора этих строк. Речь идет о так называемых натуральных экспериментах, термин, который можно трактовать в узком и в широком смыслах, которые Д. Ш. варьирует в разных контекстах.

С одной стороны, Дмитрий оперирует широким смыслом. Так, он и свои собственные шаги после принятия решения об эмиграции в середине 1970-х интерпретирует как своего рода **тест** для своих коллег, которым пришлось, при исключении его из комсомола и т. п., продемонстрировать свою лояльность идеологическим инстанциям: «что-то вроде естественного эксперимента, высветившего степень правоверности участников собрания» (Там же, с. 22). (Этот эпизод, как отмечалось выше, можно трактовать и по-иному). И впрямь, нельзя не согласиться с замечанием Д. Шалина: «Мы все принимали и принимаем участие в вольных или невольных “натуральных экспериментах”, и по ходу дела, воспроизводим и/или трансформируем общество, в котором живем» (Там же.).

Но, с другой стороны, Д. Шалин сужает понятие натурального эксперимента до сугубо сайентистской трактовки, и, в частности, так – применительно к случаю «эксперимента социолога-рабочего», описанному в книге «Драматическая социология и социологическая ауторerefлексия». При этом Д. Ш. обращается к сайту своего университета (Университет Невады), «где опубликованы правила экспериментирования с людьми и объясняются права субъекта исследования» и убеждается, что «... исследование Андрея Алексея не могло быть одобрено ни одним исследовательским учреждением в Америке» (Там же, с. 23).

¹⁶⁹ Иногда биокритик проявляет и совсем уж неуместное любопытство. Прочитав статью Д. Шалина пассаж, не представленный в «Телескопе», однако фигурирующий в версии его статьи, вывешенной на сайте «Международная биографическая инициатива»:

«Я обратил внимание, как мало в “Драматической социологии” говорится о семье Андрея, о ее отношении к эксперименту – два-три развернутых эпизода, и все. Где-то по ходу дела выясняется, что у автора сменилась жена (?! – А. А.), что не все члены семейства приветствовали его начинания, но эта сторона практически осталась вне поля зрения рассказчика. Надо полагать, что были тому веские причины, но их стоило бы оговорить (?! – А. А.)». (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html).

Интересно, по каким же основаниям отказано было бы «социологу-рабочему» в «лицензии» на эксперимент: «Во-первых, автор не получил согласия (informed consent) участников эксперимента. Во-вторых, он не обеспечил анонимность субъектов исследования. В-третьих, его процедуры подвергли участников стрессу. В-четвертых, у субъектов не было возможности выйти из эксперимента по своему усмотрению» (Там же).

Об этих правилах скажу ниже, а начать здесь хотел бы непосредственно с собственной, оригинальной аргументации моего коллеги, из которой вдруг вырисовывается, насколько можно понять, профессиональная и моральная неприемлемость для Дмитрия Шалина самого по себе метода *наблюдающего участия* и «драматической социологии» как таковой.

Причем некоторые аргументы вызывают недоумение своим отрывом как от социальных, так и от некоторых профессиональных реалий. Вот несколько примеров. Цитирую:

«...Сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта... Л. П. Смирнов, главный технолог завода, где работал Андрей, выразил сомнения по поводу разумности публикации статьи Андрея с критическими замечаниями в адрес заводской администрации (*отказался подписывать акт экспертизы об отсутствии сведений, составляющих государственную тайну*. – А. А.), но если бы он этого не сделал, то рисковал бы своей работой (?! – А. А.), поскольку Андрея уже исключили из партии и преследовали по линии КГБ» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22-23).¹⁷⁰

«...Вряд ли можно считать исследование Андрея “акционистским” в духе Турена или “публичным” в смысле Буравого, поскольку оба эти автора имеют дело с хорошо информированными субъектами, добровольно согласившимися принять участие в эксперименте и имеющими право выйти из него в любое время (?! – А. А.)» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 23).¹⁷¹

Иногда забота моего оппонента о «нарушенных» правах и душевном состоянии людей, оказавшихся в поле действия и / или наблюдения наблюдающего участника, становится просто трогательной:

«...Отношения с Людмилой Кутыриной, инженером-технологом, чьи действия указывали на ее некомпетентность, но можно понять и Кутырину, поскольку ее требования (?! – А. А.)... были продиктованы абсурдной системой, от нее мало зависящей. Временами действия ее сотрудника доводили ее до слез, но, как замечает Андрей, “нам с А. С. (*бригадиром*. – А. А.) жаль ее не было” ... А мне ее жалко. Все-таки человек, а не морская свинка или собака Павлова... И каково будет Кутыриной или ее детям читать о разгильдяйстве и некомпетентности данного субъекта? ...Наверное, у этой женщины были и другие человеческие качества, которые автор не усмотрел или не счел нужным упомянуть (?! – А. А.)» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 23).

В некоторых случаях Д. Шалин использует аргументацию, по меньшей мере противоречивую.

«...Формула “разгильдяйство = незаинтересованность + некомпетентность + безответственность”... требует уточнения. В книге приводятся множество примеров, где рабочие и служащие предприятия... действуют в высшей степени ответственно и заинтересованно. Я не солидаризируюсь с заводской администрацией в ее отрицании критических замечаний А. Алексеева, но хочу подчеркнуть сосуществование нескольких режимов работы на предприятии, каждый из которых (?! – А. А.) был разумной адаптацией условиям социалистического производства» (Там же).

¹⁷⁰ Из описания этого эпизода в «Драматической социологии...» (Том 3, с. 140) явствует, что главный технолог завода оказался **единственным** членом комиссии, который упомянутого акта экспертизы не подписал.

¹⁷¹ Что касается действительного различия туреновской «социологии действия» и авторской «драматической социологии», как оно мне видится, то об этом подробно см.: Алексеев А. Н. Драматическая социология... Том 1, с. 37-38. Не очень ясно, что в данном случае имеется в виду при ссылке на «публичную социологию» М. Буравого (хоть сам Буравой лично и применял исследовательскую стратегию, близкую к нашей).

«...Разведение людей и институтов – можно экспериментировать с ролями, но не с их носителями – проблематично для социолога-гуманиста, для которого не существует институтов помимо их человеческого субстрата, и сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта (?! – А. А.) и в каких-то случаях ставит под угрозу его привычное существование» (Там же, с. 22).

Замечу в этой последней связи, что именно неразличение системы безличных социальных норм, функций, отношений, с одной стороны, и реальных индивидов «из плоти и крови», с их личностными особенностями, с другой, представляется мне неприемлемым для социолога-гуманиста.

10

В чем тут дело? Почему такое неадекватное прочтение авторского подхода и метода?

Мне кажется, это можно объяснить:

а) своего рода органическим отторжением академическим ученым акционистского подхода вообще и - конкретно - логики *познания действием*, составляющей методологическую суть «драматической социологии»;

б) смешением личных и общественных (приватных и публичных) действий и отношений, в качестве предмета социологического изучения (на самом деле только вторжение в личную сферу этически запрещено!) ¹⁷²;

в) забвением того обстоятельства, что «драматическая социология» предполагает экспериментальное воздействие на социальный объект не «извне», а «изнутри», при постановке исследователем также и себя самого в положение не столько экспериментатора, сколько испытателя и / или испытуемого.

В этом последнем случае (обозначаемом нами термином *наблюдающее участие*) действуют совсем иные критерии и нормы, чем те, которые могут и должны применяться в экспериментах типа Хоторнского или Стэнфордского.

Поэтому мне не хочется в деталях оспаривать этические сомнения и возражения моего уважаемого коллеги. В гуманитарной науке, как и в искусстве, как и во многих других сферах деятельности, есть вещи, которые не требуют доказательств, а принимаются или отвергаются на уровне едва ли не подсознания и нравственного чувства. И если нравственное чувство моего оппонента требует получения у главного или цехового технолога «согласия», на то, чтобы их служебная деятельность и производственное поведение стали предметом профессионального внимания социолога-рабочего, то что же тут возразишь?! Разе что можно – в шутку – пожелать коллеге самому получать разрешения на биокритику от героев своих штудий или же их (героев) наследников.

Всякая политкорректность (а этические рассуждения Д. Шалина сродни ей), будучи доведена до крайности, приходит в противоречие со здравым смыслом. И риторический вопрос: «Имеем (ли) мы право вовлекать сограждан в наши эксперименты, можем мы это делать без их согласия, правильно ли раскрывать имена участников событий, и в какой степени мы отвечаем за последствия эксперимента?» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22), - исключает универсальный ответ. Ответ может быть лишь **ситуативным**, с учетом всей совокупности внешних и внутренних факторов и обстоятельств.

¹⁷² «...Наблюдающему участнику не позволено вторгаться в приватные сферы, если только сами “герои драмы” не включают эти сферы в свое публичное поведение” (Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог...». Том 1, с. 27). Комментарий оппонента: «Эта нормативная установка также вызывает возражения...» (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22).

Можно было бы счесть это высказывание коллеги случайной оговоркой, если бы не отмечавшееся выше усмотрение им дефицита информации о человеческих качествах технолога Кутыриной и о семейной жизни социолога-рабочего.

Кстати, насчет раскрытия имен. В письмах-дневника-отчетах социолога-рабочего своим коллегам («Письма Любимым женщинам»), а также в той самой статье 1983-1984 гг., публикации которой воспрепятствовал упомянутый выше главный технолог, **все до единого** действующие лица были под псевдонимами, и даже само промышленное предприятие не называлось. Но как быть, когда сами же «герои» себя «рассекретили», подписывая документы и совершая **публичные** поступки, получившие широкую огласку? Здесь «деликатность» исследователя была бы по меньшей мере бесполезной.

11

Мой оппонент, точнее - оппонент «драматической социологии» (будь то моя книга 2003-2005 гг., будь то наша с Р. Ленчовским - 2010 г.), пишет как бы в упрек: «...Автор не предоставил возможности всем респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события» (Там же, с. 23). В том смысле, что автор не обращался ко всем своим «героям» за рецензиями, Д. Ш. прав. Но писаная история «эксперимента социолога-рабочего» буквально перенасыщена «альтернативными точками зрения» (не исключая обвинений в «клевете на советскую действительность», кстати сказать). (См.: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2003-2005. Главы 7-10, 13, 22). Как уж Дмитрий не заметил этого «многоголосия», составляющего едва ли не главную черту «драматической социологии» как литературного жанра, Бог весть.

«Будь на то моя воля, я бы дал слово и Смирнову с Кутыриной, и Голоду с Елисеевой, и Осипову с Руткевичем, и Парыгину с Сиговым. Пусть выскажутся, если хотят. Может быть, и у них мы сможем чему-то поучиться. Или, по крайней мере, лучше их понять», - пишет Д. Шалин (Шалин Д. В поисках нарративной идентичности..., с. 22).

Интересно, как мой коллега это себе представляет? Все же авторская монография – не дискуссионная трибуна или клуб. Впрочем, почти все упомянутые лица и без того получили слово на страницах той или другой из двух книг. А если кто-то из этих лиц захочет еще и специально высказаться, то у него для этого возможностей во всяком случае не меньше, чем у автора этих строк.¹⁷³

Существует такая критическая (не биокритическая!) практика: взять некое положение или некую черту обсуждаемого произведения и, сочтя их будто бы отсутствующими там, их же и провозгласить как насущно необходимые. Боюсь, что так произошло и здесь. Произошло, скорее всего, неосознанно - от увлеченности моего партнера по диалогу собственным концептуальным построением, которое «ищет» самоподтверждения, в том числе и посредством опровержения другого.

И еще, может быть, от некоторой фрагментарности освоения материала («Драматическая социология...», равно как и «Профессия – социолог...») рассчитаны на целевое, избирательное чтение - рядового читателя, но не оппонента»). Мог сказаться и цейтнот с подготовкой статьи, нечаянным свидетелем которого я стал сам, будучи на связи с ведущим данной рубрики «Телескопа».

Написал и думаю: вдруг мой коллега, собеседник и «этический ментор» с этим последним моим соображением согласится, и тогда останутся для коллективного обсуждения только действительно принципиальные и не проясненные методологические и этические вопросы.

12

¹⁷³ Между прочим, с реакцией на материалы последнего исследования («Казус СИ РАН») был такой смешной эпизод. Одна из читательниц первого тома 4-томника «Профессия - социолог...» заметила, что ей жаль, что автор столь негативно оценивает одного из хорошо известных и симпатичных ей сотрудников. Причем простодушно не заметила, что в книге нет ни одного авторского высказывания об этом сотруднике, а только суждения других людей, а негативное впечатление создают прежде всего... его собственные публичные тексты, включенные в документальную композицию!

В заключение, остановлюсь еще на одном моменте, по которому у нас с Д. Шалиным, похоже, имеются разногласия. В статье «В поисках нарративной идентичности...», среди прочего, затрагивается (скорее намеком) тема «сотрудничества» социологов с политической полицией (КГБ). Вообще, интервьюируемые обычно избегают этого сюжета или же рассказывают, как они давали отпор попыткам их завербовать (что было не редкостью в среде работников «идеологического фронта»).

Точка зрения Д. Ш. будет показана ниже.

...Мне известен лишь один случай сверхоткровенного и самокритичного рассказа о практике такого сотрудничества (кстати сказать, идейного!) в молодости: [Владимир Долгий-Рапопорт в биографическом интервью, данном Любви Борусяк](#) (цикл «Взрослые люди» на Полит.ру).

Игорь Семенович Кон в одном из своих писем замечал:

«...Для истории как раз важно, что так поступали не только продажные карьеристы. Но и люди, которые потом доказали свою порядочность. А что ими двигало - страх, стадность, непонимание последствий - пусть разбирается биограф. Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект» (Письмо к А. Алексееву от 6.12.2009. Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог... Том 2, с. 495).

Но как быть сегодняшнему биографу и историку, как правило, не располагающему надежно установленными фактами, а только предположениями на сей счет? Или, скажем, интервьюеру, которому его собеседник сообщает **о другом** человеке, что тот сотрудничал с КГБ (хоть и нет тому доказательств).

Приведу извлечения из нашей переписки с Б. Докторовым и Д. Шалиным 2009 г. на сей счет:

«А. Алексеев – Б. Докторову: Мне кажется... что не стоит в дальнейшем (по крайней мере применительно к конкретным персоналиям) акцентировать тему «сотрудничества» с политической полицией. В частности, В. Д. (В. Долгий-Рапопорт. – А. А.) искупал этот грех всю жизнь, и, может быть, не было б такой яркой и бескомпромиссной жизни кабы не это обстоятельство. Тут и апостола Павла вспомнишь, и Гюнтера Грасса (нобелевского лауреата «признавшегося», что некогда служил в СС)...

А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову: ...Насчет «спорного» пассажи в мемуаре <...>. Я не к тому, чтобы такого рода предположения (речь идет о предположении мемуариста о сотрудничестве коллеги с органами ГБ. – Ред.) были вообще запрещены (хотя я лично их себе запрещаю). Но, по крайней мере, был бы уместен какой-то мораторий на такие умозаключения и оценки, до истечения некоего неопределенного "срока давности"... 2.07.2010.

Д. Шалин - А. Алексееву и Б. Докторову: Есть и другой взгляд на вещи. Из исторической песни слова не выкинешь, разные припевы имеют в ней право на существование, и если образ усопшего не вписывается в определенные рамки, так это естественно, поскольку история не линейна, противоречива и загадочна. 3.07.2010.

А. Алексеев – Д. Шалину и Б. Докторову: И все же я безусловно и категорично отдаю здесь предпочтение соображениям этическим перед «историческими» Тем более, что при отсутствии прямых доказательств, последние становятся не более чем скандальными... 4.07.2010.

Б. Докторов – А. Алексееву и Д. Шалину: Я тоже за приоритет этического, тем более, что в этом высказывании о коллеге нет собственно исторического. 4.07.2010.

Д. Шалин – А. Алексееву и Б. Докторову: ...Сама дихотомия этически-морального и познавательно-исторического вызывает сомнения. Обе позиции имеют этическую составляющую, обе существенно влияют на познавательную стратегию, обе имеют право на существование и могут быть взяты на вооружение порядочными людьми. <...>

Вводя факты и догадки в оборот сегодня, мы даем возможность ответить <...> если не самому объекту мемуарного повествования, то тем, кто его знал и в состоянии пролить свет на существо дела. Откладывая дискуссию на будущее, мы можем лишиться важных свидетельств. Конечно, тут встают свои проблемы - непроверенность фактов, предвзятость мемуариста <...>, разжигание страстей и междоусобиц. Но биографии позволяют судить не только об их предмете, а и о самих биографах. <...>

Общественная реакция на нескрупулезные догадки и заявления может сдерживать кого-то из борзописцев. <...> 5.07.2010»

(Цит. по: Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И. Профессия – социолог... Том. 2, с. 494-496. Напомню, что все личные письма в книге цитируются с согласия корреспондентов).

Как видно, в данном вопросе Дмитрий Шалин не столь этически чувствителен, как в проблематике «натурных экспериментов», предоставляя, в интересах исторической и / или биографической правды, защищать честь оскорбленных серьезным подозрением - **им же самим**, или же упоывая на «общественную реакцию»...

Итак, некоторые из соображений, высказанных в статье «В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексеева с Дмитрием Шалиным», автором этих строк поддерживаются, а некоторые - вызывают сомнение или даже опровержение.

Август-сентябрь 2011

24.3. А. АЛЕКСЕЕВ. 30 ЛЕТ «В СТРОЮ» (МОЕ ЧЛЕНСТВО В КПСС)

(Опубликовано в: [Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, № 4.](#)

Поскольку настоящая работа уже была представлена в: Из неопубликованных глав. Том 1 (см. раздел 14.12, а также 8.1), постольку здесь не приводим ее целиком, а только заключительную часть, существенную для восприятия всего остального материала данной главы. – А. А. Август 2013)

III

Вот теперь пора высказаться о том, как мне это видится *сегодня*, можно сказать, на склоне лет. И высказаться не только о себе, и вовсе не в исповедальном жанре, как в вышеприведенном отрывке.

Борису Докторову принадлежит опыт построения «лестницы поколений» новейшей российской (постхрущевской) социологии. С его концептуальной схемой и историко-наукоеведческой моделью я полностью согласен. Среди примерно 20 имен «отцов-основателей», первопроходцев, представителей первого поколения советских социологов, указанных им в одной из публикаций ¹⁷⁴, только двое не состояли в КПСС.

Как интерпретировать этот факт?

Для начала, внесем коррективы в наши прежние (вышеприведенные) типологии, которые уместно охарактеризовать как слишком однозначно и экспрессивно очерченные. Вот, например, типология 2006 г: *цинизм; наивность; двоемыслие.* ¹⁷⁵ Как правило, любое из этих определений может быть отнесено к тому или иному конкретному лицу лишь с массой оговорок, а к кому-то вообще ни одно не приемлемо. А вот типология из

¹⁷⁴ «В наше время все происходившее тогда естественно рассматривать как *второе рождение* советской / российской социологии, а молодых ученых, стоявших у истоков этого научного направления, считать *первым поколением* советских социологов. Не претендуя на то, чтобы привести полный перечень всех этих людей (хотя их было немного, возможно, не более полусотни человек), назову имена тех, кто сегодня большинством нашего сообщества признается лидерами. Это, к примеру, Г. М. Андреева, И. В. Бестужев-Лада, Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, Ю. Н. Давыдов, Л. Н. Коган, И. С. Кон, С. А. Кугель, Ю. А. Замошкин, А. Н. Здравомыслов, Т. И. Заславская, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, Г. В. Осипов, М. Н. Руткевич, Р. В. Рывкина, А. Г. Харчев, О. И. Шкаратан, В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов. Тем из пионеров отечественной социологии, кто дожил до наших дней, сейчас 80 лет или немного больше» (Докторов Б. З. Лестница поколений в постхрущевской российской социологии // Антропологический форум, 2009, № 11).

¹⁷⁵ Оговорим, что *двоемыслие*, в отличие от *цинизма*, предполагает неосознанное раздвоение сознания. Циник знает, что лжет, он думает одно, а говорит другое; двоемыслящий убежден (или способен себя убедить), что говорит то, что думает (да и впрямь он искренен, говоря и действуя по обстановке).

интервью 1997 г.: *подвижники; циники; «слепые»*. Ну и еще – *выживающие*. И тоже – сомнительно, и уж всяко, например, к первопроходцам нашей науки непосредственно не применимо.

Тут – в чем проблема? Во-первых, не социологам объяснять, что идеальные типы никогда не бывают представлены «в чистом виде». Во-вторых, все используемые слова слишком нагружены оценочными и эмоциональными коннотациями, причем, по большей части негативными.

Значит, если даже не отказываться от самого классификационного основания или принципа, надо поискать не столь жесткие определения или внести смысловые уточнения в термины.

Впрочем, и сама по себе аналитико-рефлексивная типология, которую я ныне намерен предложить, отличается от ранее использовавшихся автором этих строк.

Но прежде, чем подразделять, попробую указать на то безусловно общее, что характеризует, в частности, первое поколение советских социологов, тех, кто торил путь, кто в 60-е гг. минувшего века дал нашей нынешней социологии имя и смысл, кто возглавлял первые, ныне – легендарные, социологические коллективы, а некоторые из которых и по сей день остаются лидерами нашей науки. (Увы, многих уж нет).

Здесь испытаем нашу модель на оселке как раз *поколения первопроходцев-шестидесятников*, поскольку именно в этом поколении черты общественного лица, таланта и интеллекта наиболее отчетливо проявлены. Напомним, подавляющее большинство этих ключевых фигур новейшей отечественной (советской) социологии были членами КПСС. Была ли партийность их «достоинством» или «недостатком»?

Ну, тут возможны, пошлые объяснения: мол, «время было такое» или «а как же иначе?». Но вряд ли такого рода аргументы удовлетворят думающего читателя, тем более – вникающего в историю советской общественной науки.

Да и нужны ли нашим учителям оправдания, хоть перед собой, хоть перед учениками, не говоря уж о потомках? Вон, Ядов полемически озаглавил свою заметку-комментарий все к тому же интервью в «Телескопе» № 4: «*Как я не выходил из КПСС*».

Сразу исключим версию сугубого «карьеризма», в смысле преимущественного поиска атрибутов власти, благосостояния, престижа. Исключим и версию сугубого «любопытства», в смысле абстрактного интереса к предмету исследования (как устроено общество и почему так, а не иначе). Не станем категорически отрицать у всех первопроходцев возможность такого рода мотиваций. Однако признаем, что главным было нечто другое. А именно – то, что можно назвать жизненной энергетикой, своего рода витальностью, «пассионарностью», если угодно.

Но пассионарным может быть и прохиндей. Здесь же это оплодотворялось тем, что сейчас бы назвали *гражданственностью*, тогда же – избегали этого слова, а предпочитали – «социально активную личность», или *активную жизненную позицию*.

Вполне в духе знаменитого Марксова тезиса о Фейербахе, эти философы (ну, не одни лишь философы...) стремились не только и даже не столько *объяснить* мир, сколько *изменить* его. Аура шестидесятничества подпитывала романтически-утопическое, сознание, веру и надежду на «социализм с человеческим лицом», преодоление его (социализма) всяческих живучих «извращений» и «превращений» (не замечать их не могли!). Ну, и не только вера, разумеется, но и прагматическая уверенность, что надо познавать общество, «как оно есть», чтобы усовершенствовать его, открывая путь к его (советского общества) процветанию и гармонии.

Люди, исполненные «ума и таланта» (по Пушкину), благородных стремлений и внутренней энергии – таким мне видятся наши научные учителя - не все, но во всяком случае большинство.

Как это сопрягается с членством в так называемом «передовом отряде» общества сначала «победившего», а затем и «развитого» социализма? Да вполне естественно, хотя бы в силу того, что КПСС, по численности составлявшая примерно одну десятую

взрослого населения страны, с равной интенсивностью «втягивала» и впитывала в себя – нет, не представителей разных социальных групп (здесь действовали квоты, «нужные пропорции», регулирование состава), а все разнообразие носителей высоких и низких человеческих качеств, схожих в одном – относительная *социальная активность*, каковы бы ни были ее (этой активности) источники, мотивы и цели.

Люди, исполненные «ума и таланта» (по Пушкину), благородных стремлений и внутренней энергии – такими мне видятся наши научные учителя - не все, но во всяком случае большинство.¹⁷⁶ КПСС, этому «союзу единомышленников», *разномыслие* (по Фирсову)¹⁷⁷ и разное действие на самом деле были свойственны не меньше, а иногда и проявлялись в нем ярче, чем в обществе в целом (так сказать, в среднем).¹⁷⁸

Понятно, что членство / не членство в КПСС не являлось ключевой, тем более - исчерпывающей характеристикой, неким атрибутом (сущностным качеством), а всего лишь одним из модусов, опосредующих связь между ментальным ядром личности и различными жизне-проявлениями и формами поведения. Вместе с тем, это было одним из индикаторов (не однозначным!) общественного статуса, жизненного успеха, престижа, но и не только, а также – в значительной мере – возможности *влиять на ход вещей*.

Здесь возникали конфликты несоответствия между обязанностью следовать «партийной линии» и - если не правом, то иллюзией участия в ее (этой линии) выработке. Беспартийные были от этих «роковых» противоречий счастливо избавлены, но и в возможностях самореализации и общественного влияния отчасти ограничены. Ну, тут каждый делал свой выбор - иногда осознанный, иногда интуитивный.

Кто-то вступал в партию в эгоистических интересах, а кто-то - из романтических побуждений (чтобы способствовать «улучшению» или «исправлению» общества¹⁷⁹). Другие сторонились этой «привлекательной», но и «сомнительной» перспективы. Третьи «плыли по течению».

Ну, а теперь, попробую предложить укрупненное типологическое подразделение для мотивации и самоопределения членства в КПСС в эпоху «развитого социализма», опирающееся на все сказанное выше. Принадлежность к партии, которая представляла собой иерархическую структуру – от реально господствующей высшей номенклатуры до послушных и безгласных низовых партийных ячеек – могла иметь как минимум три мотивационных основания. Эти основания, имея принципиально разную природу, иногда сочетались в одном человеке - редко когда органично и в равных пропорциях. Так или иначе, ими можно описать и объяснить как «монолитность», так и «разнородность» партийной массы.

Я бы обозначил эти психо-социальные типы партийцев того времени - от излета хрущевской «оттепели» до заката брежневского «застоя», т. е. в период, когда сам состоял в рядах КПСС (30 лет «в строю», однако!) – как: (а) тип *конформиста*, (б) тип *карьериста* и (в) тип *идеалиста* (романтика). Здесь важна не только идентификация соответствующих черт, но и представление о каждом типе *в контексте* двух других, т. е. это, по-видимому,

¹⁷⁶ Разумеется, из сказанного вовсе не следует, что между социальной активностью и членством в КПСС существовала сильная прямая связь. Доля социально активных среди членов партии в общем была весьма умеренной, равно как и наоборот.

¹⁷⁷ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. История, теория, практика. СПб.: Изд-во ЕУСПб «Европейский дом», 2008.

¹⁷⁸ В пользу подобной, «социально-активистской» трактовки партийной принадлежности свидетельствует, например, такое нетривиальное социологическое наблюдение. Помнится, в пору сокрушительного поражения, которое КПСС *в целом, как политический субъект*, получила на первых свободных выборах 1989-1990 гг., как выяснилось (мною проводился специальный анализ итогов выборов в Ленсовет 21-го созыва, опубликованный на страницах «Ленинградского рабочего»), *представительство членов партии среди избранных депутатов оказалось выше, чем среди участвовавших в выборах претендентов на депутатские места*.

¹⁷⁹ Лишь немногие из этих последних вырастали – сами и/или в силу обстоятельств - в подвижников, сознательных оппозиционеров, борцов с тоталитаризмом.

системная триада, в смысле Р. Баранцева.¹⁸⁰ Важно, далее, уже не раз подчеркивавшаяся здесь необходимость понимания того, что это типы – идеальные и редко когда представлены «в чистом виде».

Обратим внимание, что ни *цинизм*, ни *двоемыслие* в этой типологии не фигурируют. Хотя понятно, что цинизм так или иначе тяготеет в карьерному типу. А двоемыслие – достаточно универсальная характеристическая черта «человека советского» вообще, а члена КПСС, в частности.

Далее, ни одно из этих типологических определений не имеет преимущественно позитивной или негативной эмоционально-ценностной окраски. Итоговый общественный вклад мог быть как позитивным, так и негативным – и у «конформиста», и у «карьериста» (сюда, кстати, правомерно отнести и людей, искавших полнейшей самореализации в главном «деле жизни», для чего членство в партии оказывалось вовсе не безразличным), и у «идеалиста-романтика». И основания будь то для самоуважения, будь то для самоуничтожения у представителей разных типов бывших партийцев едва ли не равновесомы. Заслуживают безусловного морального осуждения или сожаления лишь крайние формы того или иного (например: «шагающий по трупам» карьерист, способный на предательство конформист или фанатический приверженец пусть даже благой идеи).

Не возьму на себя смелость высказываться слишком уверенно насчет количественных соотношений названных типов в партийных рядах. Предположу лишь, что, по крайней мере в низовых и «средних» уровнях партийной иерархии, конформистский мотив членства в КПСС преобладал над карьеристским, а карьеристский – над идеалистическим. Кроме того, надо иметь в виду, что со временем у субъекта могла и меняться ведущая мотивация принадлежности к партии.

Такой мне видится сегодня биографическая (и, если угодно, историческая) ретроспектива многолетнего «пробывания в рядах» правящей партии значительной части моих сверстников и современников, в том числе – коллег-социологов. *Будем благожелательны, судя других, и строги - в суде над собой.*

А теперь – предоставлю читателям разных поколений – как тем, кто «успел» состоять в КПСС, так и тем, кто не успел походить даже в комсомольцах - рассудить себя и других, самокритично и беспристрастно: к какому типу он бы себя (или кого другого...) отнес, если (бы) жил в 60-80-х гг. минувшего века (от которых мы так ли уж далеко ушли?).

Предложенный здесь эскиз социальной модели может быть развернут в более широкую и богатую концептуальную схему, что уже выходит за рамки наших возможностей в настоящем тексте.

Апрель-май 2011

24.4. БОРИС ДОКТОРОВ. ДИСКУССИЯ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

(Опубликовано в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 2)

Зримые результаты «незримого колледжа». Со временем мне хотелось бы написать обстоятельную статью под таком заголовком, а сейчас – только **обращу внимание читателей журнала на** публикуемые ниже небольшие заметки Дмитрия Шалина и Андрея Алексеева. Вообще говоря, авторы этих материалов не нуждаются в

¹⁸⁰ См. Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005.

представлении, ибо каждым из них написано много, и они – постоянные авторы «Телескопа». Появление данной преамбулы объясняется лишь моим *стремлением* несколько конкретизировать утверждение, с которого начинается этот текст.

«Зримые результаты» - это моя интерпретация содержания статьи Михаила Илле и Константина Дивисенко, написанной в связи 15-летием «Телескопа» («Телескоп», 2012, № 1). Проведенный ими статистический анализ опубликованного в журнале за последние пять лет, в частности, фиксирует тот факт, что среди тематических рубрик лидирующие места занимают: «современная история российской социологии» и «методология и методы», а в географическом отношении – заметны авторы, проживающие в Петербурге и в США. Можно утверждать, что значительный вклад в развитие обоих предметных департаментов журнала внесен представителями «незримого колледжа», к тому же они в полной мере образуют корпус американских авторов и в определенной степени «наполняют» петербургскую страту публикующихся в журнале.

Что касается собственно «незримого колледжа», то имеется в виду неформальная группа социологов, объединенных интересом к истории современной советской / российской социологии и к биографическому методу, а также стремлением к открытому, неформализованному обмену мнениями по возникающим при этом исследовательским проблемам. «Ядро» данной общности составляют А. Алексеев, Б. Докторов и Д. Шалин. Среди участников «колледжа», активно *обсуждающих* методологические, методические и этические аспекты историко-социологических поисков, назову: Э. Беляева, А. Готлиб, Л. Козлову, Н. Мазлумянову, Б. Фирсова, В. Шляпентоха и В. Ядова.

Заметки Шалина и Алексеева имеют самостоятельное значение, так как углубляют наше видение различных подходов к исследованию недавнего прошлого отечественной социологии, точнее – это спор о *технологии и этике активистской, или акционистской социологии, понимаемых авторами существенно по-разному*. Их дискуссия представляет особый *интерес*, поскольку, *обсуждая довольно общие вопросы, они обращаются к личному жизненному опыту*. Вместе с тем *их позиции обрастают новыми смыслами при их погружении* в контекст мнений других участников «незримого колледжа» («Телескоп»: 2011, № 3, 4, 5, 6; 2012, № 1).

24.5. ДМИТРИЙ ШАЛИН. ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ НАТУРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА: ОТВЕТ АНДРЕЮ АЛЕКСЕЕВУ

С Андреем Алексеевым у нас идет давний разговор по проблемам биографических методов исследования и истории российской социологии. В прошлом году я напечатал работу «В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина», где коснулся этики натурального эксперимента в работах моего коллеги [1]. Алексеев откликнулся на мои заметки развернутой статьей [2], и мне бы хотелось вкратце ответить на его критику.

Прежде всего, хочу поблагодарить Андрея за высокую оценку моих скромных достижений. Мои работы достаточно широко известны в узких кругах интеракционистской социологии, меньше в среде русистов и философов-прагматистов, и совсем мало в социологическом мейнстриме США. Но доброе слово, как известно, и кошке приятно.

Действительно, большую часть своей жизни я живу в Америке (родился в 1947, уехал из России в 1975 г.), писать по-русски приходилось мало, но сейчас я активно переосваиваю родной язык. Вполне возможно, что я потерял чувство реальности, и мои соображения по поводу этических проблем натурального эксперимента поставленного Андреем Алексеевым не актуальны в российском контексте.

В эксперименте, изложенном в его книге “Драматическая социология и социологическая ауторефлексия” [3], Алексеев соотносился с нормами времени, ставил в известность своих коллег о его ходе, и, надо полагать, возражений у специалистов из Института социально-экономических проблем не возникало. Эксперимент включенного наблюдателя на ленинградском заводе требовал неразглашения его статуса как социолога (не мог же Алексеев сказать товарищам по цеху, что ведет протоколы заводских событий, что он собирается предать их гласности, и затем просить участников дать согласие на проведение эксперимента). Я понимаю, как трудно было бы через много лет разыскать участников событий описанных в “Драматической социологии” и просить их прокомментировать соответствующие места книги. Насколько я знаю, в России и по сей день нет организации, охраняющей права субъектов социологических исследований, тем более их не было в 80-х (в Америке при каждом университете есть совет по охране прав субъектов исследований). Так что, претензий лично к Алексееву у меня нет. Есть вопросы по существу проблемы.

Несколько замечаний о критике в мой адрес.

Назвать “гражданской казнью” собрание в ленинградских секторах Института социологических исследований АН СССР (ИСИ)¹⁸¹, где меня исключали из комсомола, и, правда, перехлест, хотя я его таким ощущал в тот момент. Термин скорее применим к тем, кто оставался в России после подобного собрания, и как я писал Алексееву ранее, “тем более нравственным был избранный ими путь”. Что касается существа дела, то процедура собрания была отчасти фарсом, отрететированным с близкими людьми, отчасти подлинной “церемонией деградации” (как ее определял Гарольд Гарфинкель). Большинство участников этой церемонии, включая партсекретаря института, мне были малоизвестны или совсем незнакомы, и осуждали они меня вполне искренне. О “корыстных” мотивах судить не берусь.

Я действительно ошибся с годом рождения Павла Буторина, сотрудника ИСИ, эмигрировавшего из Советского Союза. В 1974 году ему было около 27 лет, и у него оставался еще один год пребывания в комсомоле, а не три, как я писал в своих заметках о нарративной идентичности. Я обратил внимание на эту ошибку еще до публикации, но когда спохватился, статья уже пошла в печать и исправлять ее было поздно.

На момент собрания у меня был месяц до автоматического выбывания из комсомола в 28 лет, но это мало что меняло. Я не мог, как полагает Алексеев, “выбыть из комсомола и автоматически, без мало приятной – как для него, так и для его коллег – процедуры исключения”. ОВИР требовал характеристику с последнего места постоянной работы и, отложив подачу заявления на несколько месяцев, я все равно бы не избежал публичного остракизма в ИСИ. Эдуард Беляев, мой коллега по ИСИ также уехавший из Советского Союза [4], выбыл из комсомола на момент подачи заявления на выезд и уволился задолго до выезда, тем не менее, он обязан был присутствовать на собрании института, где его клеймили позором по той же схеме.

В статье о нарративной идентичности я обратил внимание на то, что Алексеев говорит о своей семье и ее реакции на события тех лет, но при этом приводит одни существенные детали и опускает другие. У меня была сноски на эту тему, но она исчезла из текста публикации. Не знаю, как это произошло, о решении ее убрать меня не известили. Тем не менее, Андрей видел эту сноску и оценил ее как бестактную, о чем писал в своем ответе, хотя в печатном варианте моей статьи сноски нет. В общем виде, вопрос, который я поднял, мне представляется законным – какие сферы жизни и события исключаются из автобиографического повествования и почему? Тем не менее, я готов согласиться, что поднять эту тему было бы тактичнее без указания на конкретные лица.

Как заметил Алексеев, моя приблизительная оценка общего числа купюр в Драматической социологии на порядок отличалась от реальности. Не уверен, что это

¹⁸¹ После моего увольнения они вошли в состав Института социально-экономических проблем АН СССР

снимает проблему обоснованности изъятий из документов. В каждой ситуации, о которой идет речь в книге, автор подмечал одни детали и пропускал другие. Из замеченного что-то протоколировалось и что-то оставалось за кадром. Из записей для памяти извлекалось значимое и опускалось менее существенное, не относящееся к делу, деликатное. Здесь не исключена возможность систематической ошибки. Если со временем протоколы жизни Андрея Алексеева станут достоянием гласности, то редакторский процесс можно будет отреверсировать, вычислив его общий вектор. Сложнее дело обстоит с незафреймованной реальностью. Чтобы лучше понять, что же произошло на самом деле, имеет смысл опросить разных участников событий. Вот почему биокритик и дает возможность всем включиться в реконструкцию реальности.

Когда Алексеев готовил рукопись книги, он предоставил некоторым участникам описываемых событий возможность ответить на авторскую критику и дать альтернативную версию. У меня осталось впечатление, что это были люди ему симпатичные. Тем же, кому он не симпатизировал и кого резко критиковал, он такой возможности не предоставил. Думаю, что во многих случаях у него были на то веские основания, но не во всех. Критерии решения данного вопроса – кого из участников событий следует познакомить с рукописью и пригласить ответить на критику – в “Драматической социологии” не обсуждались.

Действительно, социологи-эмигранты могут быть недостаточно критичными в оценке своего выбора и тенденциозны в оценке поведения коллег, оставшихся в России. Я согласен и с Алексеевым и в том, что решение стать эмигрантом, диссидентом или остаться академическим ученым в СССР не может быть основанием моральных оценок. Пространства для честного расхождения во мнениях здесь более чем достаточно. Замечу, что в своей полемике с коллегами по эмиграции и соратниками по проекту “Международная биографическая инициатива” [5] я не чужаюсь обсуждения проблематичных аспектов их и моих взглядов. Тут важен такт, чувство меры. Не мне судить, насколько мне удалось остаться в рамках приличия, но полагаю, что у меня здесь возможны проколы. В таких случаях особенно полезна критика коллег, примером которой является статья Алексеева.

Интересно замечание Алексеева об ответственности биокритика за публикацию материалов, указывающих на нестыковку биоинтервью и других свидетельств и документов. Текст своих интервью я согласовываю с респондентами, которые могут перекроить его по своему усмотрению. Но тут встает вопрос, как быть с результатами обратного редактирования, если биокритический анализ выявляет рассогласование поведения, слова и эмоций респондента. Живому респонденту я даю возможность ответить на биокритику критикой интерпретатора и автобио критикой. В случае смерти последнего я ищу людей, хорошо знавших человека и способных предложить альтернативные толкования событий. Диалогические установки биокритической герменевтики предполагают процесс реконструкции, у которого в принципе нет конца. Процесс этот может продолжаться и в последующих поколениях, у которых под рукой могут оказаться дополнительные материалы и новые системы отсчета – теоретические, методологические, этические.

Ситуация натурального эксперимента и наблюдающего участия иная. Наблюдатель и его объекты находятся в неравных условиях, поскольку у последних не только нет возможности предложить свою версию событий и ответить на критику социолога, но и отсутствует сознание факта, что они вовлечены в эксперимент. У мемуариста есть право распоряжаться своими воспоминаниями по своему усмотрению. Журналисту нужно быть более осторожным, в каких-то случаях сохраняя конфиденциальность источников. К социологу требования жестче, особенно когда он экспериментирует с людьми без их ведома. Действия социолога-наладчика во время эксперимента, решение предать гласности его результаты без согласия участников и с полной расшифровкой их имен могут не только нанести ущерб их репутации, но и поставить под угрозу их

профессиональное существование. Тут у меня больше вопросов, чем ответов (последнее свойство можно рассматривать как характеристику биокритики), и я согласен, что общими правилами здесь не ограничишься. Но вынести этот вопрос на обсуждение стоит, что я и пытался сделать в своих заметках о нарративной идентичности.

Еще раз хочу поблагодарить Андрея Алексеева за дружескую критику. Надеюсь на продолжение диалога.

1. Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 3. С. 13-23.
2. Алексеев А. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 5. С. 21-29 < http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf >.
3. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4-х т. СПб.: Норма. Тома 1, 2. 2003; Норма. Тома 3, 4. 2005 < <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html> >.
4. Беляев Э.В.: “Естественно-научные и социальные интересы – определяющая черта мой личности”// Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010. № 3. С. 2-12 < http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/beliaev_08.html >.
5. “Международная биографическая инициатива”. Форум: биографика, социология и история. Протокол № 2-2. Биография и биокритика. С. 62-63 < http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf >.

24.6. АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВ. ЗАЩИТА НАБЛЮДАЮЩЕГО УЧАСТНИКА

Борис Докторов прислал мне реплику Дмитрия Шалина на мою статью, опубликованную осенью прошлого года в «Телескопе» [1], сообщив, что ее публикация предполагается в № 2 за 2012 г.

Читаю – вроде что-то знакомое; пока не сообразил, что это – из нашей сентябрьской (2011 г.) переписки в рамках дискуссии «Биография и биокритика» на форуме «Биографика, социология и история», представленной на сайте «Международная биографическая инициатива» (МБИ) [2]. Автор (Д. Шалин) подверг свой текст минимальной стилистической правке, по содержанию же – никаких отличий.

Разыскал я, на том же сайте, и свой тогдашний ответ на письмо коллеги, который в равной мере может служить ответом и на ныне предложенный Д. Шалиным «Телескопу» текст. Ниже воспроизведу этот ответ.

«Уважаемый Дмитрий!

Мои занятия оформлением очередного протокола нашего форума «Биографика, социология и история» отсрочили ответ на Ваше лично-публичное письмо от 25.09.2009. Вот, от групповой дискуссии перейдем к персональной.

Поскольку мое письмо, как и Ваше, имеет характер «открытого», т. е. Вы не единственный его читатель, напомним: Ваша статья «В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина», опубликованная исходно на сайте Проекта МБИ, а затем в «Телескопе» [3], дала повод для моего развернутого комментария – статьи «На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога)», сначала также опубликованной на сайте МБИ, и которая вот-вот появится на страницах «Телескопа» (БД: в настоящее время указанная статья уже опубликована [1]). Как отмечено в аннотации, эта статья посвящена критическому разбору круга идей, представленных в Вашей работе «В поисках нарративной идентичности...».

«Некоторые из этих идей поддерживаются, некоторые - вызывают сомнение или даже опровержение» [1, С. 21].

Ваше письмо от 25.09.2011 является откликом на эту последнюю статью, вошедшую и в нашу групповую дискуссию, ну а мое нынешнее – продолжением этого разговора.

Вообще-то в контексте нашего форума и дискуссии о «незримом колледже», биографических интервью, биографии и биокритике, соответственно, благодаря этому форуму, разногласий между нами осталось не так уж много, хоть есть среди них и принципиальные. Я остановлюсь только на этих разногласиях, опуская все моменты изначального или достигнутого консенсуса.

Речь пойдет в основном о книге А. Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» [4], давшей Вам повод для пристрастного оппонирования.

1) Судя по тому, что Вы пишете, для Вас мой так называемый «эксперимент социолога-рабочего» 80-х гг. прошлого века есть «эксперимент включенного наблюдения». Последнее к экспериментам, строго говоря, не относится (разве что в очень широком смысле). Но дело даже не в этом. В том-то и дело, что это вовсе не было «включенным наблюдением» (при котором статус социолога не разглашается и т. п.). Ни от кого в цехе или на заводе не скрывалось прежнее место работы новичка (ну, и не афишировалось, впрочем), а сама логика «познания действием» (то, что скромнее называется наблюдающим участием) охотно обсуждалась с теми товарищами по труду, кто проявлял к этому интерес.

(И мои «протоколы заводских коллизий», впрочем, выполненные в оригинальном жанре «технологических замечаний», служебных записок цеховому или заводскому начальству, заметок в заводской газете и даже писем-дневников-отчетов друзьям, не были потаенными – еще и до того, как последние стали предметом идеологических инвектив).

Этому различению «мимикрирующей» и «акционистской» (а также, отчасти, и моделирующей) исследовательских стратегий посвящено много страниц «Драматической социологии...», начиная с первых же глав. Жаль, что данное обстоятельство осталось Вами не замеченным. Однако не заметили этой разницы, Вы, возможно, потому, что она и впрямь не укладывается в сложившиеся традиции и нормативы академической (или университетской) науки, к которой Вы безусловно принадлежите, чего обо мне сказать нельзя.

2) С учетом сказанного выше, не существовало для «социолога-испытателя» и проблемы получения от своих товарищей по работе (не говоря уж о непосредственных или высокопоставленных начальниках) согласия на проведение «с ними» (sic!) натурального эксперимента. Кстати сказать, есть какое-то логическое противоречие между Вашим предположением о «неразглашении статуса» и требованием «согласования с участниками». Тут уж – что-нибудь одно. Ну, какое может быть предварительное «получение разрешения» на то, что составляет самый «образ жизни», предмет повседневной деловой и / или этической практики субъекта, пусть даже в этой практике и есть когнитивная составляющая?

Что касается поиска участников событий, описанных в «Драматической социологии...», постфактум (не очень понятно – разыскивать их до или после опубликования?), так на то и гласность. Кто-то – уже тогда сам «нашелся» и откликнулся, кому-то это безразлично, а кто-то, может, и был задет, да предпочел промолчать.

Это все при том, что – настаиваю! - натуральный эксперимент внедрения новой технологии, новых принципов «вынужденной» и «не вынужденной» инициативы, адаптационного нормотворчества в рабочей среде и т. д. был экспериментом не «с» людьми и уж тем более не «над» людьми, а имел своим объектом и «материалом» социальные институты, отношения, функции, социальные роли (пусть персонально воплощенные)¹⁸². И не затрагивал, понятно, частных, частных сфер жизнедеятельности личности (что вообще дело не социологов, а психологов и /или психотерапевтов).

3) Я уверен, Дима, Вы ошибаетесь и в трактовке 4-томника «Драматическая социология...» как варианта автобиографического повествования. В автобиографии (каким бы ни был ее жанр) еще можно ожидать отображения таких частных сфер, как семейная жизнь или «смена жен» (извините, я Вас цитирую!) [3]¹⁸³, хотя и то наша история

¹⁸² Если уж и фигурировала личность в качестве предмета экспериментирования, так это личность самого исследователя. 25 лет назад в «Литературной газете» было употреблено выражение «эксперимент на самом себе».

¹⁸³ См. электронную версию статьи Д. Шалина «В поисках нарративной идентичности...», сноска

социологии «в лицах» без этого, как правило, обходится [5]. Но обсуждаемая Вами монография – отчет о проведенном многолетнем case study (хоть и не только) - к этой категории дискурсов заведомо не относится (хотя бы сам автор и был там одним из действующих лиц, и даже, может быть, заглавным).

Ваше замечание: «Андрей говорит о своей семье и ее реакции на события тех лет, но при этом приводит одни существенные детали и опускает другие», - как бы дает повод предположить, что оппонент знает, какие именно существенные детали опустил автор... Со своей стороны, замечу, что и в своей автобиографичности, и в своей исповедальности (которых, может быть, и не лишено данное многоаспектное произведение) автор сам задает границу, до которой считает уместным «открывать» себя читателю.

4) Аналогичную логику уместно применить и к Вашим настойчивым «подозрениям», что именно изъятия из публикуемых документов (включая личные письма и дневниковые записи), маркированные: <...>, пусть даже их оказалось много меньше, чем Вы поначалу предположили, таят в себе нечто особенно интересное в биографии и/или ценное для истории. Конечно, во всяких купюрах возможен систематический «перекос», но:

а) Вы, не далее как на материалах нашей нынешней биографической / биокритической дискуссии, могли убедиться в их (купюр) неизбежности – когда по этическим, когда по стилистическим, когда по соображениям сокращения объема;

б) как хорошо объяснил Б. Фирсов в своей статье¹⁸⁴, «респондент (ну, и автор тоже. – А. А.) прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит» [6, С. 15].

5) Я намеренно не повторяю здесь всех тех аргументов в защиту своей точки зрения, которые уже имел случай высказать – не в последней своей статье «На стыке методологических и этических проблем...», так в «Драматической социологии». А еще – хочу адресовать Вас к главе 5 нашей с Р. Ленчовским книги «Профессия – социолог...» [7]. Эта глава называется: «Наблюдающее участие (Методологический контекст)».

6) И последнее. Не исключено, что наши различия в подходах к одинаковым и/или сходным вещам имеют межкультуральный характер, коренятся в различиях ментальности. Вы, как сами о себе пишете, уже больше половины жизни живете в США, я – всю жизнь в России. У нас – общие корни, но разные среды обитания, жизненный опыт, научные этосы. Очевидное (точнее было бы сказать: «естественное». – А. А.) для меня может казаться странным Вам, и наоборот. Не отсюда ли и некоторые расхождения в тех методологических и этических позициях, которые (позиции) для нас принципиальны?

Здесь не стоит спорить, а просто иметь в виду, что возможен и совсем другой взгляд на вещи, другое видение.

Вряд ли Вы жалеете о своей «жизни и судьбе» бывшего эмигранта. Равно как и я свою судьбу автохтона («где родился, там и пригодился») не променял бы на другую. Но эти социальные различия, помноженные еще на индивидуальные особенности, наверное, обуславливают собой и ход нашего мышления, и плоды нашего творчества, и даже, возможно, ценностно-мотивационные доминанты.

Искренне Ваш - Андрей Алексеев.

30.09.2011»

Думаю, этим письмом я полгода назад уже ответил на сомнения, возражения, предположения своего уважаемого коллеги. И не стал бы возвращаться к этой теме, если бы Д. Шалин не вынес ее снова на страницы журнала «Телескоп».

Февраль 2012

1. Алексеев А.Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 5. С. 21-29 <

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf >.

2. “Международная биографическая инициатива”. Форум: биографика, социология и история. Протокол № 2-2. Биография и биокритика. Включения 49 и 74.. <
http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf >.

3. Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых

¹⁸⁴ Указанная статья является еще одним откликом на работу Д. Шалина [3].

исследований. 2011, № 3. С. 13-23 < http://cdclv.unlv.edu//pragmatism/shalin_comments-AA-11.html >.

4. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4-х томах. СПб.: Норма, 2003-2005 < <http://narod.ru/disk/1852971001/AA%20DRAM%20SOC%20Vol%201-4%20Optim.rar.html> >.

5. *Докторов Б.З.* Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание. М.: ЦСПиМ, 2012 < <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195> >

6. *Фирсов Б.М.* История социологии «в лицах»: Биография и / или биокритика // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 6. Электронная версия - < http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf >.

7. *Алексеев А.Н., Ленчовский Р.И.* Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х томах. СПб.: Норма, 2010. Электронная версия - < <http://narod.ru/disk/1666422001/AA%20%26%20URL%20PROF-SOC%20Vol%201-4%20Optim.rar.html> >

Вместо эпилога

Здесь были предъявлены лишь некоторые сюжеты (темы) нашего диалога, который, разумеется, не сводится к полемике, а может рассматриваться как путь совместного (взаимного?) уяснения моментов согласия и расхождения позиций и, в конечном счете, приближения к постоянно отодвигающемуся от путника горизонту истины.

В частности, разговор о биографике и биокритике получил продолжение в коллективных дискуссиях на уже упоминавшемся Форуме МБИ «Биографика, социология и история» (2011-2012): 1) [О «незримом колледже» и биографических интервью](#); 2) **Биографика и биокритика : [часть 1](#) ; [часть 2](#) ; [часть 3](#) ; [часть 4](#) ; [часть 5](#) ; [часть 5 с дополнением](#) .**

Среди участников названного Форума были: А. Алексеев, Э. Беляев, А. Готлиб, В. Дмитриевский, Б. Докторов, Л. Козлова, Р. Ленчовский, Н. Мазлумянова, О. Маховская, Б. Фирсов, Д. Шалин, В. Шляпентох, В. Ядов и другие социологи и представители родственных наук.

А. Алексеев. Август 2013.

+++

Приложения к тому 2/2

Содержание

Приложение 1. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ДЕРЕВА: САБАКИНЫ, АНОСОВЫ, ПУЗАНОВЫ

Приложение 2. «ВСЕ МЫ РОДСТВЕННИКИ...» (НАРОДНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ)

Приложение 3. ЭВРИСТИЧНЫЙ СОН

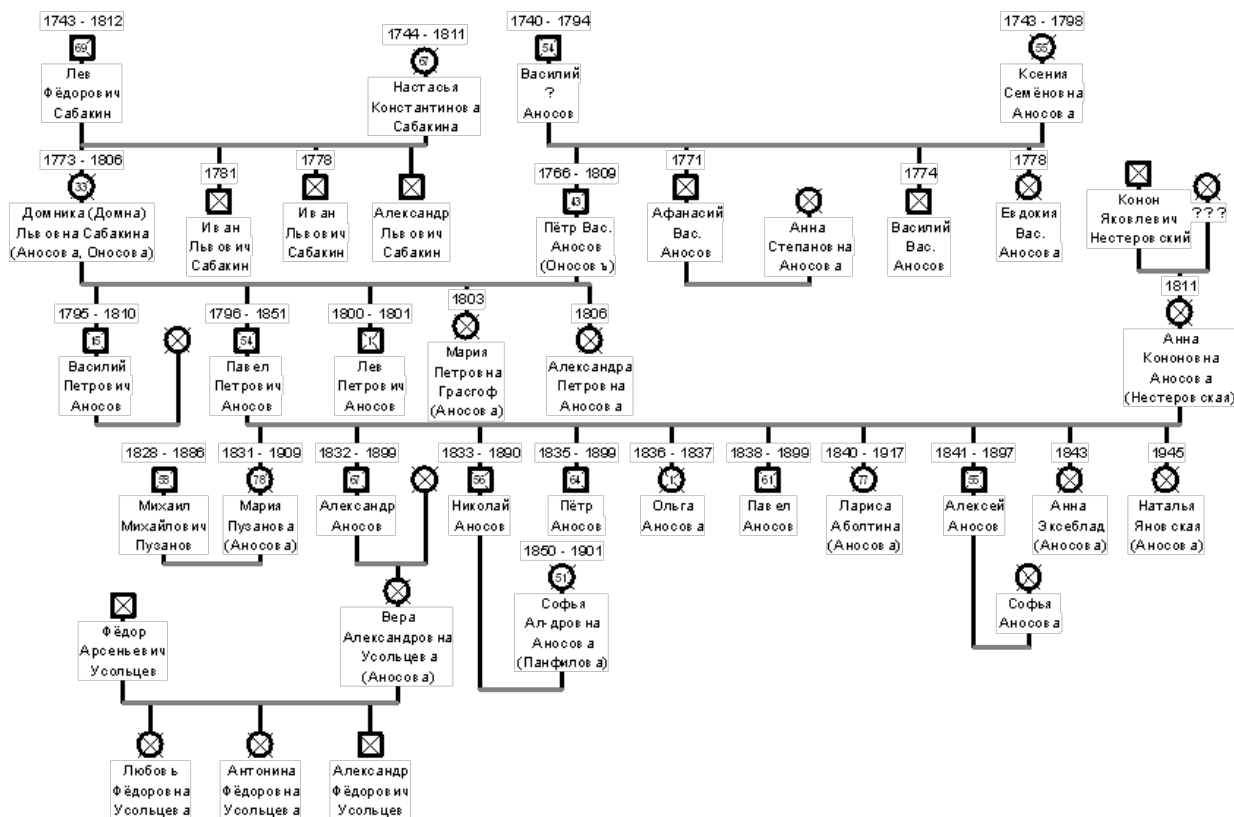
**

Приложение 1 ¹⁸⁵

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ДЕРЕВА: САБАКИНЫ, АНОСОВЫ, ПУЗАНОВЫ

(1)

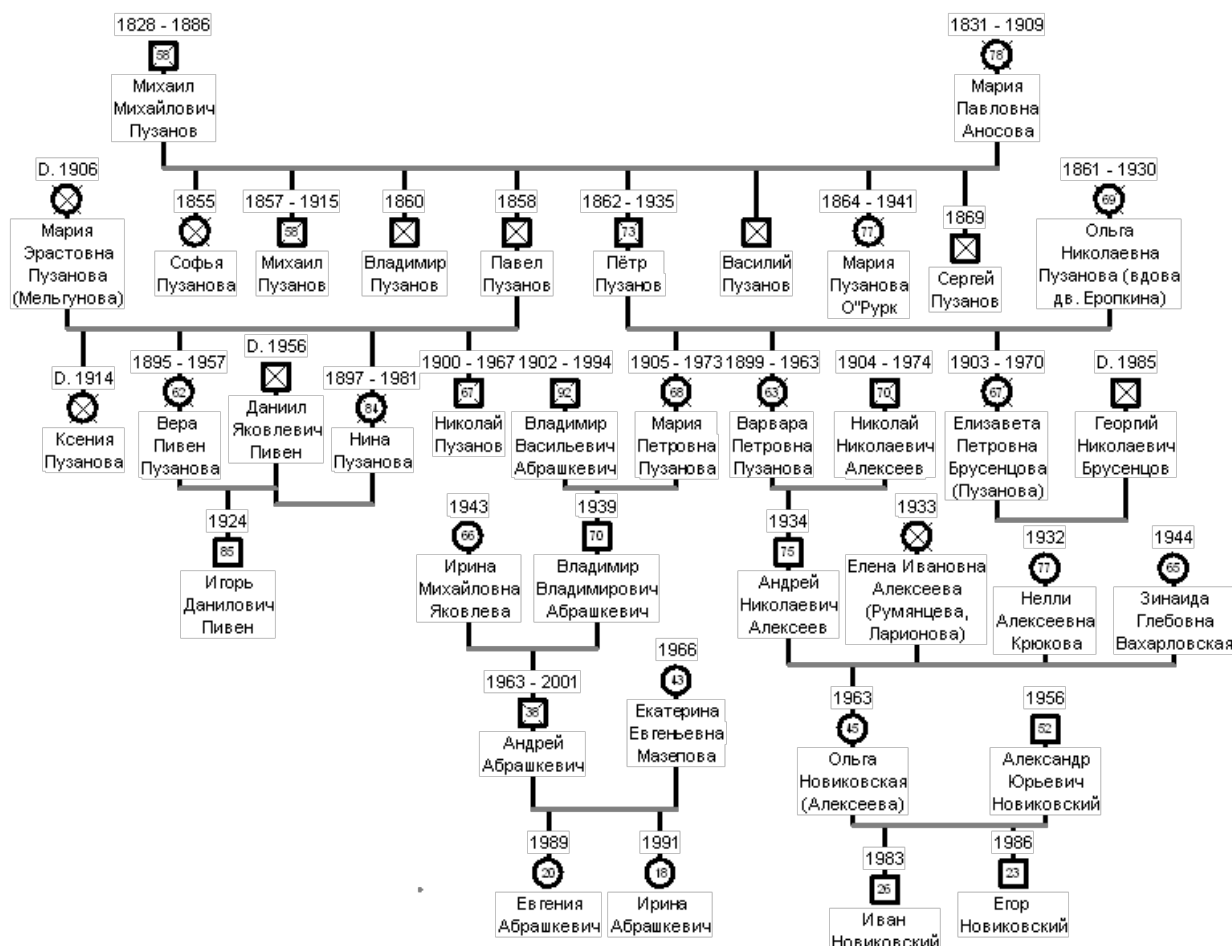
Древо корней Павла Петровича Аносова, его братьев, сестёр и детей (по информации на 30.08.2009)

¹⁸⁵ См. Яковлева И.М. Семья Николая Павловича Аносова. (Материалы к биографии) // Сайт «ИМЯ. Капризы памяти» (<http://sundry.wmsite.ru/predki-muzha/klan-anosovyh/semja-anosova-n-p/>).

(2)

**Генеалогическое древо от первой дочери
Павла Петровича Аносова - Марии
(по информации на 09.09.2009)
ветки её сыновей Петра и Павла**

Приложение 2 ¹⁸⁶

**«ВСЕ МЫ РОДСТВЕННИКИ...»
(НАРОДНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ)**

Следует заметить, что в последние лет 10 (*писано в 2009 г. – А. А.*) все большую популярность и едва ли не характер культурного движения приобретает у нас генеалогическая и автобиографическая самодеятельность. Особенно активизировалась она в связи с развитием Интернета.

Здесь стоит указать на некоторые интернет-проекты.

«Всероссийское генеалогическое древо» (ВГД)

<...> Мы работаем с мая 1999 г. Сайт обновляется каждый день (без исключений). За это время происходило множество знаменательных и замечательных событий, но главное - не это... Здесь есть советы для начинающих генеалогов, масса полезных

¹⁸⁶ См. ПС-2 (Глава 7).

сведений, форум, где можно общаться с единомышленниками и помещать объявления о поиске, но и не это главное...

ВГД - это постоянно растущая коллекция сведений, сейчас в значительной степени в форме базы данных, люди могут добавлять сведения сами. Постепенно будут добавляться ссылки на генеалогические древа, адреса домашних страниц и электронную почту, перекрестные ссылки между семьями супругов и, в конце концов, все сплетется в единую сеть. Основными авторами должны стать посетители. По своей сути - это народный проект.

Все знают, что не так уж и давно в семьях - и дворянских и крестьянских - было по десять детей. Как вы думаете, сколько людей проживало в Московском государстве в пятнадцатом веке? Все мы родственники... Тем не менее, на нашем сайте никогда не будет сведений обо ВСЕХ людях. Хотя бы потому, что некоторые и не хотят, чтобы о них писали. Если предположить, что идеальное "Всероссийское генеалогическое древо" это мозаика, состоящая из многих фрагментов, тесно и однозначно друг к другу примыкающих, то наш сайт - это коллекция недостающих фрагментов. Тут обязательно есть ваши родственники и вы можете использовать сведения о них, составляя собственное генеалогическое древо, и связываться с ними, если присутствует их контактная информация. И те сведения, которые разместите вы, кому-то тоже очень нужны, может, он их уже полжизни разыскивает. В конечном счете в ВГД войдут фрагменты сведений о большинстве семей, но пока база только формируется.

С помощью ВГД можно найти потерянных родственников, друзей и знакомых, создавать клубы однофамильцев. Инюрколлегия найдет в ней потерянных наследников, эмигранты - друзей детства, а журналисты - родственников знаменитостей. Возможностей масса.

<...> ВГД является интернет-проектом, который много лет занимает лидирующее положение в поисковых системах, каталогах и рейтингах по тематике генеалогия. В первую очередь это обусловлено тем, что данные на сайте постоянно обновляются. Ведется работа по структуризации информации и улучшению сервисов, помогающих людям находить своих родственников, однофамильцев и единомышленников. Во многом этому способствует и то, что сформировавшееся вокруг сайта комьюнити людей, искренне увлеченных генеалогией, активно помогает новичкам в их изысканиях и первых шагах, направленных на изучение истории своего рода.

Об отношении ВГД к бизнесу можно прочесть в [интервью](#), данном руководителем проекта Сергеем Котельниковым журналу "Деньги". Цифры несколько устарели, но общий тренд сохранился.

Помимо интернет-деятельности мы занимаемся научной деятельностью, пишем статьи и т. д. Специфика генеалогических исследований такова, что часть людей, обращающихся к нам за помощью, не хочет, чтобы результаты были выставлены на всеобщее обозрение. Разумеется, мы уважаем их мнение и тщательно соблюдаем их права. За годы существования проекта было выполнено более 300 исследований. <...>

ВГД старается развивать народную генеалогию, в настоящее время запущен проект по сбору материалов для книги с биографиями пользователей сайта.

verba volant - scripta manent

«Сказанное исчезает - написанное остается» – девиз, написанный на гербе интернет-проекта ВГД.¹⁸⁷

¹⁸⁷ Цит. по: сайт ВГД: <http://www.vgd.ru/>. Точечный адрес - <http://www.vgd.ru/about.htm>.
Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника: <http://baza.vgd.ru/>. По состоянию на июль, 2009 г. в этой базе около 70 тыс. тем, около 220 тыс. сообщений, около 47 тыс. пользователей. Форум ВГД: <http://forum.vgd.ru/>.

Из объявлений на Форуме:

«...Началось издание книги "*Россия XX век. История 100 семей*", созданной участниками нашего форума. В книге прослеживаются очень разные судьбы обычных семей, живших в самых разных уголках Российской империи, Советского Союза, России с 1900 по 2000 год. Ценность книги в зачастую почти невероятно-детективных перипетиях жизненных историй. Практически каждая глава дополнена фотографиями. <...>

Вышла из печати книга «*Операция "Кулаки". Книги судеб: 80 лет спустя...*», написанная при информационной поддержке нашего сайта. В книге рассказывается о двенадцати семьях, судьбы которых 80 лет назад круто изменила политика "ликвидации кулачества как класса". Издание богато иллюстрировано документами и фотоснимками из семейных архивов».

Другой интернет- проект, а точнее – некоммерческая организация, активно использующая сетевые ресурсы:

Союз Возрождения Родословных Традиций

<...> СВРТ является некоммерческим партнерством, организацией людей, объединенных желанием узнать историю своей семьи, найти свои корни. Однако объединяет их не только этот интерес, но также стремление приобщить других к уважительному отношению к жизни своего народа и к его истории через изучение родословия. Именно этими идеями руководствовались люди, учредившие СВРТ.

Родина, у каждого человека это понятие включает что-то личное, связанное с его жизнью и жизнью его семьи. Зачастую, изучая историю нашей огромной страны, мы прекрасно помним даты и события, происходившие в ней на протяжении многих веков, совершенно не задумываясь о том, что все эти события были непосредственно связаны с судьбой наших предков. Историю страны, общества составляют истории и судьбы множества отдельных людей.

Начиная заниматься генеалогическими исследованиями, каждый человек преследует свои собственные цели, кто-то возвышенные, кто-то более земные, но независимо от этого, изучение истории своей семьи, своего рода делает человека богаче, позволяет ощутить единство с прошлыми поколениями, приобщиться к их духовным богатствам.

Основными целями СВРТ являются:

- возрождение исторической памяти народа на примере истории рода;
- возрождение и развитие традиций историко-родословных исследований;
- развитие профессиональной и любительской генеалогии;
- пропаганда генеалогии как исторической составляющей культурного наследия народов России.

Одной из важнейших задач СВРТ является координация генеалогических поисков и исследований, а так же установление и поддержание связей между людьми, занимающимися генеалогией, при этом неважно специалисты они или любители. Другой немаловажной задачей является накопление генеалогической информации и создание информационного банка по генеалогии и смежным дисциплинам.

Деятельность СВРТ направлена на содействие развитию генеалогии как научной дисциплины и как отрасли практического знания. Для этого Союз собирает, обрабатывает и издает материалы по истории, родословию, геральдике и связанным с ними дисциплинам; проводит публичные заседания и лекции, организует тематические выставки, семинары, мастер-классы и другие мероприятия.

Важным аспектом деятельности СВРТ является взаимодействие с архивами, музеями, библиотеками и другими учреждениями и организациями по вопросам, связанным с генеалогическими исследованиями. СВРТ обеспечивает своим членам возможность занятий в архивах, библиотеках и музеях страны».¹⁸⁸

К настоящему времени сложилась широкая сеть коллективных и персональных генеалогических сайтов. Для общего представления о характере и тематической направленности этих интернет-ресурсов, предложим читательскому вниманию случайную (механическую) выборку только 22 из 220 наименований, входящих в «Кольцо генеалогических сайтов», представленное на сайте «Всероссийское генеалогическое древо»:

Выборка из «Кольца генеалогических сайтов»

<...>

См. также: Древо признания (Интервью с владельцем сайта ВГД С. Котельниковым) / Коммерсантъ-Деньги, 2003, № 47 (452). Электронная версия - <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID-432284>.

¹⁸⁸ Цит по: сайт СВРТ: <http://www.svrt.ru/index.html>. Точечный адрес - <http://www.svrt.ru/npsvrt.htm>. Информация о Всероссийских генеалогических выставках, регулярно проводимых СВРТ в разных регионах, начиная с 2005 г.: <http://www.svrt.ru/events.htm>. On-line проекты СВРТ, связанные с поиском, хранением и обменом генеалогической информацией: <http://www.svrt.ru/events.htm>. Форум СВРТ (Региональная и национальная генеалогия, краеведение, история): <http://forum.svrt.ru/>.

- Петербургский генеалогический портал ¹⁸⁹
 - Путешествие во времени и пространстве, или большая украинская семья ¹⁹⁰
 - Род Доценко ¹⁹¹
 - Гюльмисаряны ¹⁹²
 - Род Богатовых ¹⁹³
 - Сайт Кривошаповых ¹⁹⁴
 - История семьи Гинзбург ¹⁹⁵
 - Семейный альбом. Генеалогия Ежиковых ¹⁹⁶
 - История семьи Капишниковых ¹⁹⁷
 - Европейское общество генеалогии и геральдики в Эстонии ¹⁹⁸
 - Древо семейства Кандинских ¹⁹⁹
 - Города и остроги земли Сибирской ²⁰⁰
 - Генеалогия и семейная история Высоцких ²⁰¹
 - Клуб знаменитых Шевченко ²⁰²
 - Николай Голицын ²⁰³
 - Программа построения генеалогических деревьев "НЕСТОР" ²⁰⁴
 - Программа «Семейная летопись» ²⁰⁵
 - Varabin ²⁰⁶
 - Отечественная генеалогия (И. Ю. Юсков) ²⁰⁷
 - Мое генеалогическое древо (А. А. Горшков) ²⁰⁸
 - Предыстория ²⁰⁹
 - Шишко – наша родословная ²¹⁰
- <...>

В этом тематическом пространстве виртуальных ресурсов находится и персональный сайт петербурженки (ныне проживающей в Абхазии, г. Сухум) **Ирины Михайловны Яковлевой**, под названием «ИМЯ. Капризы памяти» ²¹¹. Этот сайт, на который мы не раз ссылались, - тот самый, где представлена богатая генеалогическая и биографическая информация о собственном родословии И. Я. и о семейных корнях ее близких родственников, в том числе – одного из соавторов настоящей книги (А. А.). ²¹²

Мироощущение и настрой многих изыскателей генеалогической информации, хранителей семейной памяти и передатчиков «эстафеты памяти» (в изложенном выше

¹⁸⁹ См. <http://www.petergen.com/about.shtml>.

¹⁹⁰ См. <http://www.genealogy.iatp.org.ua/>.

¹⁹¹ См. <http://www.gen-dotsenko.narod.ru/>.

¹⁹² См. <http://giulmisarian.narod.ru/index.html>.

¹⁹³ См. <http://www.bogatov.info/>.

¹⁹⁴ См. <http://www.krivo2008.ucoz.ru/>.

¹⁹⁵ См. <http://www.ginzburgi.ru/hist.htm>.

¹⁹⁶ См. <http://ezhikov.ucoz.ru/>.

¹⁹⁷ См. <http://kapishnikov.narod.ru/>.

¹⁹⁸ См. <http://www.genealogia.ee/society.htm>.

¹⁹⁹ См. <http://www.kandinsky.ru/>.

²⁰⁰ См. <http://www.ostrog.ucoz.ru/>.

²⁰¹ См. <http://wysocki.nsknet.ru/>.

²⁰² См. <http://sheva.name/>.

²⁰³ См. <http://golitzin.narod.ru/>.

²⁰⁴ См. <http://drevo0000.narod.ru/>.

²⁰⁵ См. <http://www.the-family-chronicle.com/>.

²⁰⁶ См. <http://barabin.h16.ru/index.shtml>.

²⁰⁷ См. <http://www.yskov2007.narod.ru/>.

²⁰⁸ См. <http://www.gorshkov.fromru.com/rod.htm>.

²⁰⁹ См. <http://www.predistoria.org/index.php>.

²¹⁰ См. <http://shishko.ru/>.

²¹¹ См. <http://sundry.wmsite.ru/>.

²¹² Значительная часть генеалого-биографических очерков и заметок И. Яковлевой размещена также на сайте ВГД: <http://baza.vgd.ru/18/> (около 50 статей).

О моих родственниках – супругах Владимире Владимировиче Абрашкевиче и Ирине Михайловне Яковлевой см. также: Титов Е. Край вечно зеленых мандаринов // Новая газета, 2.12.2009, № 134. (Электронная версия - <http://www.novayagazeta.ru/data/2009/134/18.html>).

смысле) - хорошо выражены в стихотворении И. Яковлевой, которым открываются ее «Капризы памяти»:

Открыли сайт? Я рада Вам!
Быть может, хоть моим словам
Удастся пережить меня...
Спасти от тлена, от огня
Судьбу моих родных и близких...
Нам не поставятobeliski...
Нас тысячи, таких, как я...
А здесь... А здесь судьба моя.
Она растёт от корня предков...
Я - веточка на ДРЕВЕ. Ветка,
Которой уж не зацвести...
Прости, читатель мой! Прости!
Я познакомлю Вас с друзьями
И, может быть, Вы вместе с нами
Генеалогией займётесь
И в море Чёрном окунётесь...
И будем вместе мы летать
И, может быть, стихи писать...
А если не стихи, так прозу
Про горы, лес или мимозу...
Названия ж моих статей
Так позволяет отвлекаться...
Я расскажу Вам без затей
Про маму, папу и про братца...
Про деда - гордость всей семьи...
"Капризы памяти" мои
Дают возможность говорить
О чём угодно... так и быть,
Читайте, раз открыли сайт,
Вперёд, друзья мои! All right!

(Цит. по: Алексеев А.Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Том 2. СПб.: Норма, 2010. Глава 7).

Приложение 3

ЭВРИСТИЧНЫЙ СОН

Как известно, Менделеев впервые увидел свою периодическую таблицу элементов во сне. Это стало предметом специальных исследований в области психологии научного творчества. Лично я сразу забываю сны. Но сегодня два реальных, относительно недавних события причудливо совместились во сне и возник своего рода эвристичный результат, который я запомнил и даже смог реконструировать логику его обретения.

Реальные события такие.

Один мой коллега и друг, вздумал посоветоваться со мной о выборе темы своей научной работы на ближайшие годы, которую он, хотя бы в силу своего возраста и положения, волен сам себе определять и формулировать. А другой мой друг, он же – наставник, последнее время стал советоваться со мной, правда, не по собственно научным, а, скажем так, по научно-гражданственным вопросам, связанным с положением дел в нашем профессиональном сообществе.

И вот во сне мне причудилось что второй задал мне вопрос, который интересовал первого. И я – во сне же – стал решать задачу на оптимизацию.

Я счел, что Наставнику эта тема не должна быть совершенно внове, чтобы можно было использовать прежние заделы. Далее, я забраковал возможность как сугубо теоретического, так и эмпирического исследовательского проекта, понимая, что и тот, и другой могут оказаться слишком долгосрочными. Я решил рекомендовать ему методологическую тему, которая, как мне кажется, всегда мозаична и бесконечна. И еще – во сне мне показалось, что и я сам в эту тему должен быть как-то включен, чтобы Наставнику было кого наставлять. А стало быть – и мне она должна быть близка .

В итоге, я предложил своему другу и наставнику – во сне! – такую тему: **«Методология изучения взаимоотношений личности и общества»**. И вполне удовлетворенный этим результатом, поспешил проснуться.

Я заверяю, что этот скромный / нескромный результат получен именно во сне. Сон – бесфабульный (или я фабулу забыл). Так сказать, «приключение духа».

Между тем, не так уж я оказался и оригинален - в общем-то во сне «перепел» самого себя наяву. В предисловии к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (2003; т. 1 с. 11), как оказалось, можно прочесть:

«В итоге сложился комплексный предмет исследования, который можно определить как «взаимодействие личности и общества; человек в системе реальных общественных отношений».

Понятна вся неисчерпаемость такой предметной области. Однако, в меру своих сил, автор постарался осветить эту область средствами «экспериментальной социологии» (наш термин 80-х гг., впоследствии смененный на «драматическую социологию»).

А теперь - вопрос друзьям и коллегам. Отгадайте, кто именно мне приснился?

Андрей Алексеев. 5.02.2012.

Конец тома 2/2